This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD·VNIVERSITY·LIBRARY

STANFORD·VNIVERSITY·LIBRARY

ГЕНРИХЪ СЕНКЕВИЧЪ.

БЕЗЪ ДОГМАТА

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ

М. Л. де-Вальдека.

С.-Петербургъ.
1902.

Дозволено цензурою. Спб. 7 марта 1902 г.

Тип. Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

ЧАСТЬ I-я.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я встрѣтилъ моего товарища и друга Іосифа Снятыньскаго, который въ послѣднее время занялъ крупное мѣсто среди нашихъ писателей. Въ бесѣдахъ со мной о литературѣ Снятыньскій, между прочимъ, говорилъ, что придаетъ большое значеніе дневникамъ. По его мнѣнію, человѣкъ, оставляя послѣ себя дневники, дурно или хорошо написанные, это безразлично, лишь бы только искренно, даетъ будущимъ психологамъ и романистамъ не только картину современной ему жизни, но единственныя правдивыя данныя, которымъ можно вѣрить. Снятыньскій съ увѣренностью высказалъ мнѣніе, что въ будущемъ повѣсти и романы примутъ исключительно форму дневниковъ, утверждалъ даже, что тотъ, кто пишетъ дневникъ, несомнѣнно работаетъ въ интересахъ общества и заслуживаетъ его признательности.

Такъ какъ мнѣ уже исполнилось тридцать пять лѣтъ, а я не припомню, чтобы когда-нибудь мнѣ случалось сдѣлать что-нибудь на пользу обществу, хотя бы по той причинѣ, что жизнь моя послѣ окончанія университета съ непродолжительными перерывами прошла заграницей, и хотя въ моемъ признаніи помимо юмора и скептицизма, которымъ проникнуто все мое существо, заключается не мало горечи, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ писать дневникъ. Если это въ самомъ дѣлѣ можетъ считаться полезнымъ трудомъ, то я готовъ хотя такимъ образомъ поработать на пользу общества.

Впрочемъ, мнѣ хочется быть совершенно искреннимъ. Я принимаюсь за свой дневникъ не только въ силу уже высказанныхъ соображеній, но также и потому, что мысль эта кажется мнѣ довольно интересной, занимательной. Снятыньскій утверждаетъ, что коль скоро человѣкъ привыкнетъ и научится описывать свои впечатлѣнія и мысли, то впослѣдствіи это станетъ для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ занятій въ жизни. Если со мной случится какъ разъ наоборотъ то, Боже, сжалься надъ моимъ дневникомъ. Я обманывалъ бы самого себя, если бы не предвидѣлъ съ полной увѣренностью, что въ такомъ случаѣ дневникъ мой оборвался бы, какъ слишкомъ туго натянутая струна. Я многое готовъ перенести ради общества, но скучать для общества — нѣтъ, не могу! На это я не согласенъ, хотя бы потому, что не сумѣю.

Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ не смущаться первыми затрудненіями; попытаюсь привыкнуть къ моей работѣ и даже войти во вкусъ.

Снятыньскій при каждой бесѣдѣ постоянно повторялъ мнѣ: «пожалуйста, только не придерживайся никакого стиля, не пиши по-литераторски». Нечего сказать — легкая задача! Я прекрасно понимаю, что — чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ менѣе пишетъ онъ въ шаблонномъ смыслѣ слова по-литераторски, но вѣдь я только диллетантъ и не могу игнорировать общепринятыя формы. Мнѣ извѣстно по собственному опыту, что человѣку, который много думаетъ и глубоко чувствуетъ, довольно часто кажется, что стоитъ ему только записать то, о чемъ думается, и что чувствуется, и получится что-то необыкновенное... На самомъ же дѣлѣ лишь только человѣкъ примется за работу, какъ тотчасъ начинаетъ усиленно придерживаться какого-нибудь стиля, и хотя бы ему приходилось писать только для самого себя, онъ тѣмъ не менѣе начинаетъ позировать, фразерствовать, перо его не изобразитъ на бумагѣ волнующихъ его мыслей, и можно сказать, что въ такихъ случаяхъ не голова руководитъ перомъ, а перо головою и притомъ руководитъ фальшиво, глупо, пошло. Вотъ этого я боюсь и особенно потому, что хотя у меня нѣтъ, такъ сказать, снаровки, выработаннаго слога, художественности и вмѣстѣ съ тѣмъ писательской простоты, однако у меня нѣтъ недостатка во вкусѣ, и тѣмъ не менѣе мой собственный стиль можетъ мнѣ до такой степени опротивѣть, что работа станетъ для меня положительно невозможной. Впрочемъ, это выяснится впослѣдствіи. Въ данный моментъ, передъ тѣмъ какъ начать дневникъ, я рѣшилъ сообщить о себѣ краткія біографическія свѣдѣнія.

Зовутъ меня Леонъ Плошовскій, и, какъ я уже говорилъ, мнѣ отъ роду тридцать пять лѣтъ.

Я происхожу изъ богатой семьи, которая до послѣдняго времени сохранила состояніе значительно болѣе крупное, чѣмъ то, что принято называть среднимъ. Что касается меня, то я увѣренъ, что своего состоянія не увеличу, но и не потеряю. Положеніе мое такого рода, что мнѣ нѣтъ надобности ни стремиться къ возвышенію служебной карьеры, ни стараться проникнуть куда бы то ни было. По отношенію къ дорогимъ и разорительнымъ радостямъ жизни я скептикъ, который знаетъ, что чего стоитъ, или, иначе говоря, который знаетъ, что все чертовски мало стоитъ.

Мать моя умерла спустя недѣлю послѣ моего рожденія. Отецъ мой чрезвычайно ее любилъ и послѣ ея смерти началъ страдать припадками меланхоліи. Излѣчившись отъ нея въ Вѣнѣ, онъ не пожелалъ вернуться въ свое родовое имѣніе, такъ какъ воспоминанія о постигшемъ его страшномъ несчастьи были для него невыносимы; въ виду этого отецъ отдалъ Плошовъ своей сестрѣ, моей тетѣ, а самъ въ 1848 году переселился въ Римъ, откуда ни разу не выѣзжалъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, не желая ни на одинъ день оставить могилу матери. Я забылъ упомянуть, что прахъ моей матери былъ перевезенъ въ Римъ и похороненъ на Campo Santo.

У насъ на Бабуино есть собственный домъ, называемый Casa Osoria. Онъ отчасти напоминаетъ музей, такъ какъ у моего отца есть очень интересныя богатыя коллекціи, особенно изъ эпохи первыхъ вѣковъ хри-

стіанства. Въ настоящее время онѣ стали руководящей идеей его жизни. Въ молодости это былъ человѣкъ выдающійся какъ по внѣшности, такъ и по уму, а такъ какъ, благодаря богатству и происхожденію, предъ нимъ открыты были всѣ дороги, то не удивительно, что на него возлагали большія надежды. Мнѣ это извѣстно отъ его товарищей по берлинскому университету. Въ то время онъ усиленно занимался философіей, и многіе предполагали, что на этомъ поприщѣ имя его станетъ, по крайней мѣрѣ, столь же извѣстнымъ, какъ имена Цешковскаго, Либельта и т. п. Впослѣдствіи, однако, свѣтская жизнь и необыкновенный успѣхъ у женщинъ отвлекли его отъ систематичной научной работы. Въ великосвѣтскихъ салонахъ его называли «Léon L'Invincible». Впрочемъ, несмотря на блестящіе успѣхи въ обществѣ, отецъ мой не пересталъ заниматься философіей, и всѣ ожидали, что вотъ-вотъ онъ выступитъ съ какимъ-нибудь выдающимся сочиненіемъ, которое прославитъ его на всю Европу.

Надежды эти, однако, не осуществились. Отъ прежней импонирующей внѣшности у него осталась только голова, одна изъ красивѣйшихъ и благороднѣйшихъ головъ, какія только мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни. Художники высказывали то же самое мнѣніе, и еще недавно одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ, что лучшій типъ патриція трудно даже себѣ представить. Въ научномъ отношеніи отецъ мой былъ и останется очень способнымъ и очень образованнымъ аристократомъ-диллетантомъ. Мнѣ кажется, что диллетантизмъ до извѣстной степени присущъ всѣмъ Плошовскимъ, и объ этомъ я поговорю подробнѣе, когда придется писать о себѣ самомъ.

Въ бюро моего отца хранится философскій трактатъ: «О Тройственности». Я просматривалъ эту рукопись, но содержаніе ея мнѣ показалось скучнымъ. Мнѣ помнится только, что тамъ есть какія-то сопоставленія реальной троицы: углерода, водорода и азота — съ трансцендентальной троицей, скристаллизованной христіанствомъ въ понятіи Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа, кромѣ того, тамъ приводится масса аналогичныхъ троицъ, начиная отъ добра, красоты и правды, и кончая логическимъ силлогизмомъ, составленнымъ изъ большей посылки, меньшей и заключенія—словомъ, это странная смѣсь гегелевскихъ идей съ идеями Гёне-Вронскаго, очень утонченныя усилія мысли, но совершенно безплодныя. Я убѣжденъ, что отецъ никогда не пожелаетъ напечатать свой трактатъ, хотя бы по той причинѣ, что спекулятивную философію онъ счелъ обанкротившеюся гораздо раньше, чѣмъ это признали во всемъ свѣтѣ.

Причиной такого переворота въ его міросозерцаніи послужила смерть матери. Отецъ мой, несмотря на данныя ему прозвища: «L'Invincible», «сокрушитель сердецъ», былъ человѣкомъ необыкновенно нѣжнымъ, чувствительнымъ, мать мою положительно обожалъ и послѣ постигшаго его удара, навѣрное, искалъ въ своей философіи отвѣтовъ на многіе волновавшіе его вопросы, но, не получивъ ни отвѣта, ни утѣшенія, позналъ всю тщету ея и безплодность предъ лицомъ житейскаго бѣдствія. Это, должно быть, было страшной трагедіей въ его жизни, когда сразу ему пришлось лишиться двухъ основъ жизни, и судьба одновременно поразила его сердце и умъ. Въ то время, какъ я уже говорилъ, имъ овладѣла меланхолія, но потомъ, излѣчившись отъ нея, онъ сталъ искать утѣшенія

въ религіи. Мнѣ разсказывали, что было время, когда отецъ мой молился по цѣлымъ днямъ и ночамъ, становился на колѣни предъ всѣми церквами и порою доходилъ до такого религіознаго экстаза, что въ Римѣ одни считали его помѣшаннымъ, другіе же святымъ.

Очевидно, однако, что въ религіи онъ нашелъ болѣе утѣшенія, чѣмъ въ своихъ философскихъ троицахъ, такъ какъ постепенно успокоился и началъ жить реальной жизнью. Сердце его со всею силою чувства обратилось ко мнѣ, а эстетическія и умственныя влеченія къ первымъ временамъ христіанства. Его живой, пытливый умъ искалъ пищи. Спустя годъ послѣ пребыванія въ Римѣ онъ сталъ заниматься археологіей и вскорѣ пріобрѣлъ солидныя познанія по части древнихъ эпохъ. Патеръ Кальва, мой первый гувернеръ, оказалъ на отца сильное вліяніе въ смыслѣ изученія вѣчнаго города. Лѣтъ десять слишкомъ тому назадъ отецъ познакомился съ великимъ Росси, съ которымъ въ концѣ концовъ подружился и по цѣлымъ днямъ проводилъ время въ катакомбахъ. Благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, онъ вскорѣ такъ основательно изучилъ исторію Рима, что своими познаніями неоднократно удивлялъ самого Росси. Не разъ отецъ принимался также писать, но какъ-то никогда ему не случалось кончить то, что началъ. Быть можетъ, причиной этого является безпрестанная забота о пополненіи коллекцій, которая отнимаетъ у него все время, но вѣрнѣе всего потому послѣ него ничего не останется, кромѣ коллекцій, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не ограничился одной эпохой или какой-нибудь одной спеціальностью. Постепенно его сталъ привлекать и средневѣковый Римъ герцоговъ съ такою же силой, какъ и первые вѣка христіанства. Было время, когда онъ чрезвычайно былъ занятъ Колоннами и Орсини, потомъ заинтересовался эпохой возрожденія и совершенно увлекся ею. Отъ катакомбъ, склеповъ, первыхъ остатковъ христіанской архитектуры, онъ перешелъ къ позднѣйшимъ временамъ, отъ произведеній византійской живописи къ Фіезоли и Джіотто, отъ нихъ къ Кватро и квинквецентистамъ и т. д., увлекся произведеніями скульптуры и живописи, коллекціи его, благодаря этому, несомнѣнно обогатились, но зато крупное сочиненіе на нашемъ родномъ языкѣ о трехъ Римахъ, о которомъ онъ сначала мечталъ, осталось въ области неосуществившихся плановъ.

Что касается коллекцій, то у отца есть своя особая идея.

Онъ хочетъ завѣщать ихъ Риму, но съ тѣмъ лишь условіемъ, что-бы онѣ были помѣщены въ особой залѣ, и чтобы эта зала называлась: «Музей Озоріевъ-Плошовскихъ». Конечно, желаніе его будетъ исполнено— но меня лишь удивляетъ, что отецъ убѣжденъ, будто такимъ образомъ онъ окажетъ своему народу гораздо большую услугу, чѣмъ если бы эти коллекціи были перевезены на родину.

Еще недавно онъ говорилъ мнѣ:

— Знаешь ли, тамъ никто бы ихъ не видѣлъ, никто не пользовался бы ими, а сюда съѣзжаются люди со всего свѣта, и каждый изъ нихъ заслугу одного изъ членовъ общества поставитъ въ заслугу всему нашему обществу.

Мнѣ, разумѣется, неловко разбирать, нѣтъ ли въ этомъ немного родового тщеславія, и не играла ли въ данномъ вопросѣ рѣшающую роль

мысль, что фамилія Плошовскихъ будетъ начертана въ вѣчномъ городѣ на мраморной доскѣ. Я даже думаю, что такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Въ концѣ концовъ для меня почти безразлично, гдѣ будутъ помѣщены эти коллекціи.

Вотъ тетя моя, къ которой я уѣзжалъ на-дняхъ въ Варшаву, та положительно возмущается при одной мысли оставить коллекціи въ Римѣ, а такъ какъ это особа, которую ничто въ мірѣ не заставитъ воздержаться отъ высказыванія того, что она думаетъ, то въ каждомъ письмѣ къ отцу она безъ всякихъ церемоній выражаетъ свое возмущеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была въ Римѣ и по поводу коллекцій чуть ли не ежедневно ссорилась съ отцомъ, и, быть можетъ, дѣло кончилось бы крупной ссорой, если бы ея необыкновенная привязанность ко мнѣ не удержала ее отъ этого шага.

Тетя моя на нѣсколько лѣтъ старше отца. Отецъ послѣ постигшаго его несчастья передъ отъѣздомъ за границу, при раздѣлѣ имущества, взялъ капиталъ, ей же оставилъ родовое имѣніе Плошовъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ тетя управляетъ имъ и управляетъ отлично. Это особа далеко не обыкновеннаго характера, и потому я считаю нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ. Будучи лѣтъ двадцати, тетя была невѣстой одного молодого человѣка, который умеръ за-границей какъ разъ въ то время, когда она уже собиралась къ нему ѣхать. Съ той поры она отказывалась отъ всѣхъ дѣлаемыхъ ей предложеній и осталась старой дѣвой. Послѣ смерти моей матери тетя сопутствовала отцу въ его поѣздкахъ въ Вѣну и въ Римъ, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ, выказывая къ своему брату самую нѣжную привязанность, которая впослѣдствіи перешла на меня. Съ виду это въ полномъ смыслѣ слова аристократка, немножко деспотичная, гордая, обладающая той самоувѣренностью, какою отличаются люди богатые, занимающіе высокое положеніе въ обществѣ—но въ сущности воплощенная доброта и честность. Подъ ея отчасти сухой, холодной внѣшностью золотое благородное сердце, любящее не только своихъ близкихъ—не только моего отца и меня, но всѣхъ вообще людей. Тетя до того добродѣтельна, что я, право, не знаю, можно ли ставить ей это въ заслугу, такъ какъ иной она и не сумѣла бы быть. Ея благотворительность вошла въ поговорку. Она строга съ нищими, какъ констэбль, но заботится о нихъ, какъ св. Викентій.

Она очень религіозна; даже тѣнь сомнѣнія никогда не закралась въ ея душу. Всѣ ея поступки обусловливаются непоколебимыми принципами, и оттого у нея не бываетъ колебаній въ выборѣ пути. Благодаря этому, она всегда спокойна и чрезвычайно счастлива. Въ Варшавѣ тетю называютъ за ея рѣзкость «le bourreau bienfaisant».

Нѣкоторые, и особенно нѣкоторыя, ея не любятъ, но вообще она пользуется большой популярностью и уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества.

Имѣніе Плошовъ находится вблизи Варшавы, гдѣ у тети есть свой собственный домъ. Вслѣдствіе этого, зиму она проводитъ въ городѣ и, между прочимъ, каждую зиму пытается залучить меня къ себѣ, чтобы женить. Вотъ и теперь я получилъ отъ нея спѣшное, конфиденціальное письмо съ настоятельной просьбой, какъ можно скорѣе пріѣхать. Надо будетъ это сдѣлать, такъ какъ я давно не былъ на родинѣ, да къ тому

еще тетя пишетъ, что очень старѣется и что хотѣла бы видѣть меня передъ смертью.

Надо признаться, что я не всегда охотно ѣзжу на родину. Мнѣ извѣстно, что завѣтная мечта тети — это женить меня, а между тѣмъ каждый мой пріѣздъ причиняетъ ей въ этомъ отношеніи горькое разочарованіе. Мнѣ становится страшно при мысли о такомъ рѣшительномъ шагѣ, послѣ котораго приходится начать какъ бы вторую жизнь, тогда какъ я уже и первой порядочно измученъ. Наконецъ, я чувствую нѣкоторую неловкость по отношенію къ тетѣ. Какъ нѣкогда знакомые на моего отца, такъ теперь она на меня смотритъ, какъ на человѣка исключительныхъ способностей, отъ котораго слѣдуетъ ожидать чего-то великаго. Оставить ее въ этомъ заблужденіи — мнѣ кажется, было бы злоупотребленіемъ ея вѣры, объяснить же ей, что отъ меня нечего ожидать не только ничего великаго, но даже ровно ничего, это значило бы предрекать будущее лишь правдоподобное и съ тѣмъ нанести старушкѣ рѣшительный ударъ.

Быть можетъ, къ моему несчастію, многіе болѣе или менѣе близкіе мнѣ люди раздѣляютъ мнѣніе моей тети. Упоминаніе объ этомъ позволяетъ мнѣ перейти къ обрисовкѣ моей личности, что окажется дѣломъ нелегкимъ и, конечно, настолько, насколько я въ дѣйствительности являюсь существомъ сложнымъ.

Я родился съ очень впечатлительными нервами, усовершенствованными культурой цѣлыхъ поколѣній. Первые годы моего дѣтства прошли подъ наблюденіемъ тети, а послѣ ея отъѣзда подъ наблюденіемъ, какъ это, впрочемъ, обыкновенно бываетъ въ нашихъ семьяхъ—бонны.

Такъ какъ мы жили въ Римѣ, въ обществѣ для насъ чужомъ, а отецъ хотѣлъ, чтобы я хорошо зналъ свой родной языкъ, то одной изъ моихъ боннъ была полька. Она до сихъ поръ живетъ въ нашемъ домѣ на Бабуино и занимается хозяйствомъ. Отецъ занимался со мной очень много, особенно, когда мнѣ пошелъ пятый годъ. Съ того время я постоянно ходилъ въ его комнату, разговаривалъ съ нимъ, и эти разговоры чрезвычайно развивали меня и, быть можетъ, даже преждевременно. Позже, когда археологическія изслѣдованія и пополненіе коллекціи стали поглощать у отца все время, онъ пригласилъ ко мнѣ учителя — священника Кальви. Это былъ уже человѣкъ старый съ глубокой вѣрой и необыкновенно чистой, ясной душой. Онъ болѣе всего любилъ искусство. Я думаю, что даже религію онъ понималъ прежде всего благодаря ея красотѣ. Въ музеяхъ предъ замѣчательными произведеніями искусства, или слушая музыку въ сикстинской часовнѣ, онъ положительно забывалъ весь міръ.

Въ этой глубокой его любви къ искусству не было, однако, ничего языческаго, такъ какъ она исходила не изъ сибаритства, не изъ страстей, но изъ чувства. Священникъ Кальви любилъ искусство той чистой, свѣтлой любовью, какой могли любить его лишь Да-Фіезоле, Чимабуэ или Джіотто — но что еще важнѣе, любилъ его скромно, такъ какъ самъ не обладалъ ни малѣйшимъ талантомъ. Зато, чѣмъ меньше самъ онъ могъ что-нибудь сдѣлать, тѣмъ болѣе чувствовалъ. Трудно сказать, какое изъ искусствъ было для него самымъ излюбленнымъ, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ преимущественно любилъ во всѣхъ ихъ гармонію, которая соотвѣтствовала внутренней гармоніи его души.

Самъ не знаю почему, но когда я вспоминаю отца Кальви, то каждый разъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ моемъ воображеніи представляется этотъ старецъ на извѣстной картинѣ Рафаэля, что стоитъ возлѣ св. Цециліи, какъ бы всецѣло поглощенный музыкой сферъ.

Отецъ мой и патеръ Кальви скоро подружились, и дружба ихъ продолжалась до самой смерти послѣдняго. Это онъ укрѣпилъ въ отцѣ любовь къ археологическимъ изслѣдованіямъ и, вообще, къ вѣчному городу. Кромѣ того, ихъ соединяла привязанность ко мнѣ. Оба они считали меня ребенкомъ съ исключительными способностями, котораго ожидаетъ, Богъ знаетъ, какая блестящая будущность. Мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что для нихъ я являлся въ нѣкоторомъ родѣ гармоніей, нѣкоторымъ дополненіемъ того міра, въ которомъ они жили, и что до извѣстной степени они любили меня такимъ же чувствомъ, какимъ любили Римъ и его историческіе памятники.

Такая атмосфера, такое общество не могли не оказать на меня вліянія. Меня воспитывали довольно оригинально. Я посѣщалъ съ патеромъ Кальви, а часто и съ отцомъ, картинныя галлереи, музеи, находящіяся за Римомъ руины и катакомбы. Патеръ Кальви былъ одинаково воспріимчивъ какъ къ искусству, такъ и къ красотѣ природы и рано научилъ меня проникаться поэтической меланхоліей Римской Кампаніи, гармонически обрисовывающимися на небѣ линіями полуразрушенныхъ водопроводовъ, чистотою контуровъ пиніи; прежде чѣмъ мною хорошо были усвоены четыре правила ариѳметики, мнѣ случалось въ картинныхъ галлереяхъ поправлять англичанъ, которые часто смѣшивали имена Каррачи и Карраваджіо. Мнѣ рано и легко удалось научиться латинскому языку, такъ какъ итальянскій, которымъ я, какъ житель Рима, владѣлъ свободно, значительно облегчилъ мнѣ изученіе этого древняго языка. Въ одиннадцать лѣтъ я уже высказывалъ свои мнѣнія относительно знаменитыхъ итальянскихъ и другихъ заграничныхъ мастеровъ, и хотя мнѣнія мои натурально отличались наивностью, тѣмъ не менѣе это не мѣшало священнику Кальви и моему отцу обмѣниваться изумленными взглядами. Я, напримѣръ, не любилъ Рибейры, такъ какъ у него преобладаютъ черныя и бѣлыя краски, вслѣдствіе чего картины его казались мнѣ немного страшными; нравился же мнѣ Карлъ Дольче—словомъ: короче въ глазахъ отца, патера Кальви и нашихъ знакомыхъ я казался чудеснымъ, необыкновеннымъ ребенкомъ. Мнѣ не разъ случалось слышать, какъ меня хвалили, и это возбуждало во мнѣ тщеславіе.

Нервы мои въ такомъ обществѣ и въ такой атмосферѣ рано, такъ сказать, выработалась и остались впечатлительными навсегда.

Странно, однако, но вышеупомянутое вліяніе не было ни такъ глубоко, ни такъ рѣшительно, какъ этого можно было ожидать.

То обстоятельство, что я не сдѣлался ни художникомъ, ни артистомъ, объясняется тѣмъ, что навѣрно у меня не было таланта, хотя мои учителя музыки и рисованія были противоположнаго мнѣнія; но я не разъ задумываюсь надъ тѣмъ, отчего ни отецъ, ни патеръ Кальви не сумѣли привить мнѣ даже свою любовь къ искусству въ той степени, въ какой питали ее сами. Проникаюсь ли я искусствомъ? — да. Нуждаюсь ли я в немъ?—опять-таки да! Но они его любили, я же проникаюсь имъ только

какъ диллетантъ, нуждаюсь въ немъ, какъ въ дополненіи всякаго рода пріятныхъ, упоительныхъ впечатлѣній. Искусство является однимъ изъ моихъ влеченій, вкусовъ, но не составляетъ предмета моей страсти. Я, быть можетъ, не могъ бы обойтись безъ него въ жизни — но не принесъ бы ему въ жертву всей своей жизни.

Такъ какъ въ то время состояніе итальянскихъ школъ вообще оставляло желать многаго, то отецъ отдалъ меня въ колледжъ въ Метцъ, который я окончилъ съ малымъ трудомъ, но зато со всѣми отличіями и наградами, какія только тамъ можно было получить. За годъ до окончанія я убѣжалъ къ Донъ-Карлосу и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ бродилъ съ отрядомъ Тристана по Пиринеямъ. Меня отыскали черезъ посредство французскаго консула въ Бургосѣ и препроводили въ Метцъ на покаяніе; правду сказать, покаяніе это было не особенно тяжелымъ, такъ какъ и отецъ мой, и духовные наставники въ глубинѣ души гордились моимъ поступкомъ. Впрочемъ, за блестящіе успѣхи на экзаменахъ начальство очень скоро простило мнѣ мое прегрѣшеніе.

Въ глазахъ моихъ товарищей, симпатіи которыхъ въ такой школѣ, какая тогда существовала въ Метцѣ, были на сторонѣ Донъ-Карлоса, я, благодаря своему поступку, сталъ героемъ, а такъ какъ притомъ былъ еще первымъ ученикомъ, то неудивительно, что я верховодилъ во всей школѣ, и никому изъ моихъ коллегъ не приходило даже въ голову оспаривать занятое мною положеніе. Я росъ въ невольномъ убѣжденіи, что и впослѣдствіи на болѣе широкомъ поприщѣ будетъ то же самое. Убѣжденіе это раздѣляли мои учителя и товарищи; на дѣлѣ же оказалось, что многіе изъ моихъ школьныхъ товарищей, которымъ въ то время даже въ голову не приходило, чтобы когда-нибудь они могли со мной соперничать, теперь занимаютъ во Франціи видное положеніе на литературномъ, научномъ и политическомъ поприщѣ, тогда какъ я до сихъ поръ не избралъ ни одной дороги, да, по правдѣ сказать, былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы мнѣ приказали ее выбрать. Мое общественное положеніе великолѣпно, я унаслѣдовалъ послѣ матери имѣніе, когда-нибудь унаслѣдую крупное состояніе послѣ отца, буду хозяйничать въ Плошовѣ, буду распоряжаться болѣе или менѣе умно или не умно всѣмъ своимъ состояніемъ, но уже самый объемъ такихъ занятій исключаетъ надежду, чтобы когда-нибудь мнѣ удалось отличиться въ жизни и сыграть какую-либо значительную роль.

Я увѣренъ, что никогда не сдѣлаюсь ни извѣстнымъ сельскимъ хозяиномъ, ни администраторомъ такъ какъ, хотя у меня нѣтъ намѣренія уклоняться отъ этихъ занятій, но нѣтъ также охоты посвящать имъ жизнь по той простой причинѣ, что стремленія мои болѣе обширны.

Иногда я задаю себѣ вопросъ,—не самообольщаемся ли мы, Плошовскіе, нашими способностями? Но если бы это было такъ, то мы бы только сами заблуждались—посторонніе же люди, равнодушные, не впадали бы въ такое заблужденіе. Впрочемъ, отецъ мой былъ и есть человѣкъ необыкновенно способный. Что касается лично меня, то мнѣ не хочется объ этомъ распространяться, чтобы это не показалось глупымъ тщеславіемъ, однако, я искренно убѣжденъ, что могъ бы быть чѣмъ-то безконечно большимъ, чѣмъ то, что я есть теперь.

Такъ, напримѣръ, въ университетѣ въ Варшавѣ (отецъ и тетя пожелали, чтобы университетъ я кончилъ на родинѣ) я сблизился со Снятыньскимъ. Оба мы чувствовали призваніе къ литературѣ и пробовали подвизаться на этомъ поприщѣ. Не говоря уже о томъ, что всѣ меня считали студентомъ болѣе способнымъ, чѣмъ Снятыньскаго, но, ей-Богу, то, что я тогда писалъ, было лучше и подавало болѣе надежды, чѣмъ то, что писалъ Снятыньскій. А нынче что? Снятыньскій занялъ сравнительно видное мѣсто, тогда какъ я остался все тѣмъ же многообѣщающимъ господиномъ Плошовскимъ, о которомъ здѣсь и тамъ люди говорятъ, многозначительно покачивая головами: «О, если бы онъ только принялся за что-нибудь» .

Люди не принимаютъ во вниманіе того, что надо умѣть желать. Мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что если бы у меня не было никакого состоянія, то волей-неволей я принужденъ былъ бы взяться за какое-нибудь дѣло. Навѣрно такъ бы и случилось. Я долженъ былъ бы какимъ-нибудь образомъ зарабатывать средства къ существованію, но внутренно убѣжденъ, что и въ такомъ случаѣ мнѣ не пришлось бы примѣнить даже двадцатой части своихъ способностей. Впрочемъ, такіе, напримѣръ, какъ Дарвинъ, Бокль, были люди богатые; сэръ Джонъ Леббокъ—банкиръ, большинство извѣстныхъ французскихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ въ матеріальномъ отношеніи болѣе чѣмъ обезпечены. Оказывается, что состояніе не только не мѣшаетъ, но, наоборотъ, помогаетъ людямъ занять болѣе или менѣе видное положеніе на любомъ поприщѣ. Я даже предполагаю, что мнѣ лично состояніе оказало большую услугу, охранивъ мой характеръ отъ искаженія, которому онъ несомнѣнно подвергся бы при нищетѣ. Этимъ я не хочу сказать, что характеръ мой слабъ, да къ тому же при другихъ условіяхъ борьба могла бы даже закалить его, — но какъ ни какъ, а все же кто меньше наталкивается на своемъ пути на камни, тому гораздо рѣже случается споткнуться или упасть.

Бездѣятельность моя не можетъ быть также объяснена лѣнью. У меня въ одинаковой степени есть какъ способность усваивать знанія, такъ и любознательность. Я читаю много и запоминаю много Быть можетъ, у меня не хватило бы желѣзной выносливости для продолжительной, медленной, обширной работы, но это отсутствіе выносливости должно именно замѣняться легкостью. Никто и ничто меня не обязываетъ писать словари, какъ это дѣлалъ Литре. Кто не можетъ сіять, какъ солнце, можетъ, по крайней мѣрѣ, блеснуть, какъ метеоръ. Но мое безплодное прошлое и, по всей вѣроятности, такое же будущее. Мнѣ становится горько, и скука начинаетъ угнетать меня... а потому на сегодня я прерываю свои мемуары.

Римъ, 10 января.

Вчера на вечерѣ у графа Малятэста я услышалъ выраженіе «l'improductivité slave» и, признаюсь, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, какъ больной нервами, который, узнавъ отъ доктора, что проявленія его болѣзни извѣстны, и что теперь многіе тѣмъ же страдаютъ, утѣшается такого рода извѣстіемъ. Правда, правда! сколько у меня есть товарищей, страдающихъ этой болѣзнью. Не знаю, насколько она распространена

всемъ славянскомъ мірѣ, такъ какъ мнѣ онъ неизвѣстенъ, но здѣсь, у насъ, больныхъ ею не мало. Я думалъ всю ночь объ этомъ выраженіи «l'improductivité slave». Должно быть, не глупъ былъ тотъ, который такъ удачно это формулировалъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ насъ есть что-то такое, есть какая-то неспособность проявить все, что въ насъ заключается. Можно сказать, что Богъ далъ намъ лукъ и стрѣлы, но отказалъ въ способности стрѣлять изъ этого лука. Мнѣ бы хотѣлось переговорить объ этомъ съ отцомъ, тѣмъ болѣе, что отецъ любитъ такого рода бесѣды, но боюсь коснуться больного мѣста. Думаю, однако, что я и такъ наполню и переполню свой дневникъ этимъ вопросомъ. Впрочемъ, быть можетъ, это-то и будетъ хорошо, быть можетъ, въ этомъ будетъ заключаться главное его достоинство? Да наконецъ, что же можетъ быть натуральнѣе, если я буду писать о томъ, что меня болѣе всего затрагиваетъ, интересуетъ? Въ каждомъ человѣкѣ заключается какая-нибудь своя трагедія. Моя трагедія заключается въ этой «improductivité» Плошовскихъ. Теперь нѣтъ обыкновенія выказывать ее передъ людьми. Сравнительно еще въ недавнее время, когда романтизмъ процвѣталъ въ сердцахъ и поэзіи, люди носили свои трагедіи, какъ живописно драпированные плащи, нынче же ихъ носятъ, какъ егеровскія фуфайки — подъ сорочкой. Но дневникъ дѣло иного рода; въ дневникѣ можно и даже слѣдуетъ быть искреннимъ.

Римъ, 11 января.

Я остаюсь здѣсь еще дня на два, а потому пользуюсь временемъ, чтобы, прежде чѣмъ перейти къ записыванію пережитаго изо дня въ день, бросить ретроспективный взглядъ на прошлое и разъ навсегда съ нимъ покончать. Выше я уже говорилъ, что вовсе не думаю писать обширную автобіографію; кто я и каковъ—достаточно покажетъ моя будущая жизнь. Подробное изслѣдованіе прошлаго было бы противно моей натурѣ. Это нѣчто вродѣ скучнаго сложенія: выписываются цифры, одна подъ другой, затѣмъ подъ ними проводится черта, и, наконецъ, происходитъ сложеніе. Я, всю жизнь терпѣть не могъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, но именно первое изъ нихъ было для меня самымъ несноснымъ.

Тѣмъ не менѣе мнѣ хочется имѣть хотя бы самое общее понятіе о суммѣ, чтобы стать самому себѣ болѣе или менѣе яснымъ,—а потому въ такихъ же общихъ чертахъ я продолжаю описаніе.

Послѣ окончанія варшавскаго университета я кончилъ агрономическую академію во Франціи — легко, но безъ особеннаго влеченія, какъ человѣкъ, который знаетъ, что въ будущемъ ему, навѣрное, предстоитъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, но который чувствуетъ, что ему придется до нѣкоторой степени снизойти къ нему, и что таковое занятіе никогда не будетъ соотвѣтствовать ни его способностямъ, ни амбиціи. Однако, пребываніе въ агрономической академіи возымѣло для меня два хорошихъ послѣдствія. Во-первыхъ, сельское хозяйство перестало быть для меня сказкой о желѣзномъ волкѣ, и теперь любой экономъ уже не обманетъ меня; во-вторыхъ, благодаря полевымъ работамъ на свѣжемъ воздухѣ, я пріобрѣлъ значительный запасъ здоровья и силъ, которыя поддерживали меня при ненормальныхъ условіяхъ жизни, которую мнѣ впослѣдствіи приходилось вести въ Парижѣ.

. дѣло въ томъ, что мои послѣдующіе года протекли между Римомъ и Парижемъ, если не принимать во вниманіе краткихъ визитовъ въ Варшаву, куда время отъ времени меня вызывала тетя, отчасти вслѣдствіе тоски по мнѣ, отчасти вслѣдствіе желанія женить меня на какой-нибудь барышнѣ по ея собственному выбору. Парижъ и его жизнь меня необыкновенно привлекали. Хотя тогда я былъ хорошаго о себѣ мнѣнія и имѣлъ большее довѣріе къ своему уму, чѣмъ нынче, а также обладалъ той самоувѣренностью, каковую даетъ человѣку независимое общественное положеніе,—однако, надо признаться, нѣкоторое время мнѣ приходилось играть довольно наивную роль на этой великой міровой сценѣ. Прежде всего я смертельно влюбился въ mademoiselle Рихембергъ изъ Comedie Française и непремѣнно хотѣлъ на ней жениться. Сколько произошло изъ-за моей первой любви трагикомическихъ сценъ, объ этомъ я не стану распространяться, такъ какъ мнѣ отчасти стыдно за то время, а отчасти хочется надъ нимъ смѣяться. Потомъ со мной неоднократно повторялись подобнаго рода исторіи.

Француженка, такъ же, впрочемъ, какъ и полька, хотя бы она принадлежала къ самой высшей общественной сферѣ и хотя бы при томъ была добродѣтельна, напоминаетъ мнѣ фехтмейстера на шпагахъ. Какъ фехтмейстеръ долженъ имѣть свой «часъ упражненій», чтобы не утратить ловкости въ дѣлѣ своей спеціальности, такъ и дамы фехтуются въ предѣлахъ флирта попросту для практики. Меня, какъ человѣка молодого, по наружности не безобразнѣе чорта и принадлежащаго къ лучшему обществу, не разъ приглашали на такіе «часы»,—а такъ какъ я въ то время былъ наивенъ и принималъ такого рода упражненія въ серьезъ, то мнѣ не разъ случалось получать также въ серьезъ кой-какія раны. Правда, раны тѣ нельзя было назвать смертельными, тѣмъ не менѣе онѣ были довольно чувствительными уколами. Впрочемъ, я убѣжденъ, что каждый долженъ принести свою дань наивности въ такомъ свѣтѣ и при такой жизни. Мое время продолжалось сравнительно коротко. Затѣмъ наступилъ періодъ, который можно опредѣлить словомъ: «la revanche». Я отплачивалъ за свои раны, а если даже и въ то время меня ловили на удочку, то уже потому, что я самъ добровольно желалъ этого.

Имѣя всюду легкій доступъ, я познакомился съ самыми разнообразными слоями общества, начиная отъ легитимистовъ, среди которыхъ, впрочемъ, мнѣ приходилось скучать, и кончая той свѣжей, очень титулованной аристократіей, созданной Бонапартами и Орлеанами и составляющей, такъ называемый, большой свѣтъ... если, быть можетъ, не парижскій, то, напримѣръ, ниццскій. Дюма-сынъ, Сарду и другіе берутъ для своихъ произведеній графовъ, маркизовъ и князей именно изъ этого сорта людей, у которыхъ нѣтъ никакихъ историческихъ традицій, но зато есть титулы, масса денегъ, и которые заняты, главнымъ образомъ, прожиганіемъ жизни. Къ такой сферѣ принадлежатъ и крупные финансисты. Что касается меня, то я вращался въ ней ради тѣхъ «дамъ». Онѣ большей частью существа съ болѣе или менѣе утонченными нервами, ищущія впечатлѣній, жадныя къ наслажденіямъ жизни, но положительно безъ всякихъ болѣе или менѣе возвышенныхъ идеаловъ. Часто онѣ бываютъ такъ же безнравственны, какъ тѣ романы, которые онѣ читаютъ, потому что нравственность ихъ не опирается

ни на религію, ни на обязывающія къ чему-нибудь традиціи. Тѣмъ не менѣе свѣтъ этотъ отличается большимъ блескомъ, «часы упражненій» въ немъ такъ продолжительны, что равняются днямъ и ночамъ, и бываютъ иногда очень опасны, такъ какъ тамъ нѣтъ обыкновенія притуплять оружіе. Тамъ именно мнѣ случалось получать довольно чувствительные уроки, пока, наконецъ, я самъ достаточно не наупражнялся. Съ моей стороны было бы доказательствомъ пустого тщеславія или, что еще хуже, дурного вкуса— распространяться о своихъ успѣхахъ, а потому скажу только, что традиціи отцовской молодости я старался поддержать, насколько могъ и умѣлъ.

Самыя низшія сферы этого свѣта соприкасаются съ самыми высшими сферами большого полусвѣта. Тотъ полусвѣтъ болѣе опасенъ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ—такъ какъ онъ ничуть не отличается тривіальностью. Его цинизмъ обладаетъ извѣстными признаками артистичности.

Если мнѣ не пришлось тамъ оставить слишкомъ много перьевъ, то лишь потому, что, прежде чѣмъ я туда вошелъ, у меня уже были достаточно острые когти и недурно отточенный клювъ.

Но вообще, разбирая парижскую жизнь, можно сказать, что тотъ, кто выходитъ изъ этой мельницы, обыкновенно чувствуетъ нѣкоторую усталость, а что же долженъ чувствовать тотъ, который, какъ я, выходилъ изъ нея затѣмъ только, чтобы вскорѣ вернуться назадъ? Лишь впослѣдствіи человѣкъ начинаетъ сознавать, что его побѣды подобны побѣдамъ знаменитаго Пирра. Мой отъ природы сильный организмъ довольно бодро выдерживалъ такую жизнь, но нервы мои оказались немного разстроенными.

Нельзя, однако, не признать, что Парижъ обладаетъ однимъ преимуществомъ передъ всѣми иными очагами человѣческой культуры. Я не знаю ни одного города въ мірѣ, гдѣ бы первичные элементы знаній, искусства и всякаго рода общечеловѣческія идеи такъ, можно сказать, носились бы въ воздухѣ и такъ легко проникали бы въ людскія головы, какъ тамъ. Человѣкъ тамъ не только невольно усваиваетъ все самое новое въ области умственнаго творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ умъ его перестаетъ быть одностороннимъ и становится снисходительнымъ и цивилизованнымъ. Да, именно цивилизованнымъ, такъ какъ въ Италіи, Германіи и Польшѣ мнѣ случалось встрѣчать людей даже очень умныхъ, которые, однако, не желали допустить, чтобы, помимо ихъ идеаловъ, могло существовать что-нибудь иное, и отличались въ этомъ отношеніи такой исключительностью и варварствомъ, что для тѣхъ, которые не желали поступиться своими убѣжденіями, сношенія съ ними оказывались положительно невозможными.

Во Франціи или, точнѣе говоря, въ Парижѣ подобныхъ явленій не существуетъ. Какъ быстро текущій потокъ округляетъ камни, постояннымъ треніемъ сглаживая ихъ неровности и шероховатости, такъ теченіе жизни въ Парижѣ округляетъ и гуманизируетъ умы. Очевидно, благодаря подобнымъ вліяніямъ, и мой умъ сталъ умомъ цивилизованнаго человѣка. Я сумѣю ко многому отнестись снисходительно, не испускаю навлиныхъ криковъ, когда услышу что-нибудь несогласное съ моими воззрѣніями или, вообще, что-нибудь новое. Быть можетъ, такое объективное отношеніе ко всякаго рода принципамъ влечетъ за собою равнодушіе ко всему и лишаетъ энергіи, необходимой для какой бы то ни было полезной дѣятельности, но я уже не сумѣлъ бы быть инымъ.

Умственное теченіе несло меня—и я плылъ. Хотя жизнь въ большомъ свѣтѣ, салоны, будуары, клубы поглощали значительную часть моего времени, однако, въ моемъ распоряженіи все-таки оставался нѣкоторый досугъ Я завелъ много знакомствъ въ мірѣ ученомъ и артистическомъ и жилъ жизнью этого міра или, вѣрнѣе, живу ею до сихъ поръ. Благодаря природной любознательности, я очень много читалъ, а такъ какъ у меня есть способность легко усваивать все прочитываемое, то могу сказать, что я сумѣлъ значительно обогатить себя познаніями и болѣе или менѣе успѣшно слѣдую за умственнымъ теченіемъ своего вѣка.

Кромѣ того, я существо въ высокой степени освѣдомленное относительно самого себя. Иногда мнѣ случается посылать къ чорту свое второе я, изслѣдующее и критикующее первое,—не позволяющее всецѣло отдаться никакому впечатлѣнію, никакому чувству, никакой дѣятельности, никакому наслажденію, никакой страсти. Быть можетъ, самосознаніе есть показатель высшаго умственнаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно является чѣмъ-то необыкновенно ослабляющимъ наши чувства. Носить въ себѣ вѣчно бодрствующую критику самого себя—значитъ, отдѣлить отъ цѣлаго необходимую для этого часть духа—слѣдовательно, чувствовать жизнь и ея впечатлѣнія не всей своей психической индивидуальностью, но только частью ея.

Это такъ же мучительно, какъ мучительно птицѣ летать на одномъ крылѣ. Кромѣ того, слишкомъ развитое самосознаніе лишаетъ способности къ дѣйствію. Если бы не это, Гамлетъ тотчасъ же, въ первомъ актѣ насквозь пронзилъ бы своего дядю и съ полнымъ спокойствіемъ воспользовался бы доставшимся послѣ него наслѣдствомъ.

Что касается лично меня, то хотя самосознаніе иногда оберегаетъ и удерживаетъ меня отъ необдуманныхъ поступковъ, но зато гораздо чаще томитъ меня и не позволяетъ отдаться всецѣло и исключительно одному какому-нибудь дѣлу. Во мнѣ заключены два человѣка, и, въ то время, какъ одинъ изъ нихъ постоянно критикуетъ, другой живетъ полужизнью и теряетъ энергію. Меня мучитъ также сознаніе, что отъ этого ярма я не избавлюсь; даже наоборотъ: насколько умъ мой будетъ развиваться, настолько самосознаніе будетъ усиливаться, и, слѣдовательно, даже умирая, я не перестану критиковать умирающаго Плошовскаго, развѣ только горячка сожжетъ мой мозгъ.

Должно быть, я унаслѣдовалъ отъ отца синтетическій умъ, такъ какъ всегда стараюсь обобщать всѣ явленія; изъ наукъ же ни одна не привлекала меня такъ сильно, какъ философія. Но во времена моего отца философія занималась такими вопросами, какъ міръ «вещей въ себѣ» безусловное всебытіе и т. д., и, благодаря тонкостямъ діалектики, почти всегда получала на нихъ готовые отвѣты.

Въ настоящее же время она стала болѣе разсудительной и признаетъ, что существованіе ея въ прежнемъ общемъ значеніи прекратилось,—и что она существуетъ только, какъ философія отдѣльныхъ отраслей знанія. Въ самомъ дѣлѣ, когда я объ этомъ думаю, мнѣ хочется сказать, что и умъ человѣческій переживаетъ свою трагедію, и что началась она для него одновременно съ признаніемъ своего безсилія. Такъ какъ я описываю личныя воспоминанія, то буду говорить о такого рода вопросахъ съ точки

зрѣнія своей личности. Я не считаю себя профессіональнымъ философомъ, потому что по профессіи, какъ мнѣ уже приходилось говорить, я ничто,— но, какъ всѣ мыслящіе люди, я слѣдилъ за новѣйшимъ философскимъ движеніемъ, былъ и нахожусь подъ его вліяніемъ и имѣю полное право говорить о томъ, что повліяло на созданіе моихъ философскихъ и этическихъ воззрѣній.

Прежде всего считаю нужнымъ заявить, что мои религіозныя вѣрованія, которыя я вынесъ изъ Метца неприкосновенными, впослѣдствіи исчезли вслѣдствіе чтенія книгъ естественно-историческаго содержанія. Но это не значитъ, чтобы я былъ атеистомъ. О, нѣтъ! Атеизмъ игралъ роль прежде, въ тѣ времена, когда человѣкъ, если не признавалъ существованія духа, говорилъ самъ себѣ: матерія—и успокаивалъ себя этимъ словомъ. Нынче только приходскіе философы держатся еще такого отсталаго положенія. Теперь философія не трактуетъ объ этомъ, нынче на подобный вопросъ она отвѣчаетъ: «не знаю»—и это «не знаю» внѣдряетъ въ душу. Въ настоящее время психологія занимается очень точнымъ анализомъ всякаго рода психическихъ явленій, но на вопросъ о безсмертіи души также отвѣчаетъ: «не знаю»—и, дѣйствительно, она не только не знаетъ—но и не можетъ знать.

А теперь мнѣ легко будетъ опредѣлить состояніе моего ума. Оно выразится въ двухъ словахъ: «Не знаю, не знаю!» Въ этихъ словахъ, въ этомъ признаніи безсилія человѣческаго ума и заключается трагедія, такъ какъ помимо того, что наша духовная природа всегда настоятельно будетъ требовать отвѣта на подобные вопросы, нельзя не признать, что вѣдь эти вопросы имѣютъ огромное реальное значеніе и болѣе всего интересуютъ человѣка. Если по той сторонѣ есть что-то, и это что-то вѣчное, то несчастья и утраты здѣсь, на этой сторонѣ, умаляются до нуля. Въ данномъ случаѣ можно было бы примѣнить слова Гамлета: «Пусть черти ходятъ въ траурѣ, а я возьму соболью мантію». «Я готовъ примириться со смертью,—говоритъ Ренанъ—но мнѣ надо знать, на что она мнѣ пригодится». А философія отвѣчаетъ: «Не знаю».

Человѣкъ, между тѣмъ, томится въ этомъ великомъ неизвѣстномъ, чувствуя, что если бы онъ могъ прочно стать на какую-нибудь сторону, то ему было бы лучше и спокойнѣе. Но что тутъ подѣлать? Неужели обвинять философію за то, что она, вмѣсто того, чтобы создавать системы, которыя быстро рушились, какъ карточные домики, признала собственное безсиліе и занялась изслѣдованіемъ и упорядочиваніемъ явленій, заключающихся въ доступныхъ для ума границахъ? Нѣтъ! Я только нахожу, что я и каждый иной имѣли бы право придти къ ней и сказать: «Удивляюсь твоей разсудительности, восхищаюсь точностью анализа, но, тѣмъ не менѣе, не могу не признать, что, несмотря на все это, ты сдѣлала меня несчастнымъ. Ты не имѣешь, какъ сама сознаешься, достаточно силы отвѣтить на вопросы первѣйшей для меня важности—а между тѣмъ у тебя было довольно силы, чтобы подорвать мое довѣріе къ наукѣ, которая отвѣчала мнѣ на нихъ не только рѣшительно, но сладостно и успокоительно. Не говори также, что такъ какъ ты теперь ничего не предрекаешь, то позволяешь мнѣ вѣрить во все. Неправда! Твоимъ методомъ, твоей душой, твоей сущностью является сомнѣніе и критика. Этотъ свой

научный методъ, этотъ скептицизмъ, это критическое отношеніе ты до того привила моей душѣ, что все это стало моей натурой. Ты выжгла во мнѣ, точно адскимъ камнемъ, всѣ тѣ нервы духа, которыми вѣрится просто, непосредственно, такъ что нынче, если бы я пожелалъ вѣрить, мнѣ уже нечѣмъ вѣрить. Ты позволяешь мнѣ ходить въ церковь и слушать мессу, если у меня есть желаніе, но ты отравила меня скептицизмомъ до такой степени, что теперь я отношусь скептически даже къ тебѣ, даже къ собственному скептицизму и не знаю, не знаю, не знаю!—и мучаюсь и безумствую въ этой тьмѣ!...

Римъ, 12 января.

Вчера я писалъ въ очень возбужденномъ состояніи. Мнѣ, однако, кажется, что я коснулся праха и моей собственной, и общей человѣческой души. Бываютъ періоды, когда я становлюсь равнодушнымъ къ подобнымъ вопросамъ, но иногда они меня немилосердно терзаютъ. Быть можетъ, было бы лучше вовсе о нихъ не думать, но это невозможно, такъ какъ значеніе ихъ слишкомъ велико. Да оно вполнѣ естественно, человѣкъ въ концѣ концовъ жаждетъ знать, что его ожидаетъ, и какъ ему жить. Впрочемъ, я не разъ пытался сказать себѣ: «Довольно! изъ этого заколдованнаго круга нѣтъ выхода, а потому берегись его и не входи туда». Въ моемъ распоряженіи есть всѣ средства къ тому, чтобы превратиться въ сытаго и веселаго звѣря—но вѣдь не всегда же я могу ограничиться этой ролью. Говорятъ, что въ натурѣ славянъ таится нѣкоторое влеченіе къ мистицизму, къ чему-то таинственному, сверхъестественному. Я замѣчалъ, что, напримѣръ, всѣ наши великіе писатели кончаютъ мистицизмомъ, а потому,—что же удивительнаго въ томъ, что обыкновеннымъ людямъ приходится иногда мучиться тѣмъ же. Что касается меня, то я долженъ былъ писать о своихъ внутреннихъ тревогахъ, для того чтобы представить яркую, отчетливую картину состоянія своей души. Притомъ человѣку подчасъ необходимо оправдаться передъ самимъ собой. Вотъ, напримѣръ, я съ этимъ великимъ: «Не знаю» въ своей душѣ соблюдаю, однако, предписанія религіи и не считаю себя человѣкомъ неискреннимъ.

Было бы наоборотъ, если бы вмѣсто: «не знаю»—я могъ сказать: «знаю, что ничего нѣтъ». Но этотъ нашъ скептицизмъ не является открытымъ отрицаніемъ, нѣтъ, это скорѣе тяжелое мучительное подозрѣніе, что можетъ ничего не быть, это густая мгла, которая окружаетъ наши головы, тяжкимъ бременемъ ложится намъ на грудь и закрываетъ отъ насъ свѣтъ. Я простираю руки къ тому солнцу, которое, быть можетъ, сіяетъ за этой мглою. И думаю, что не одинъ лишь я нахожусь въ такомъ положеніи—и что молитву многихъ, очень многихъ, что ходятъ въ церковь, можно выразить слѣдующими словами: «Боже, разсѣй окружающую насъ мглу!»

Мнѣ невозможно писать объ этомъ совершенно спокойно, равнодушно. Я исполняю предписанія религіи еще и оттого, что душа моя жаждетъ вѣры, а такъ какъ въ томъ сладостномъ ученіи, въ которомъ меня воспитывали, является однимъ изъ главныхъ его основъ милосердіе, то я жду этого милосердія. Жду, чтобы состояніе моей души стало таково, чтобы мнѣ можно было увѣровать такъ глубоко и безъ тѣни сомнѣнія, какъ вѣ-

рилъ я прежде въ давно минувшіе дѣтскіе года. Мои побужденія благородны, мной не руководитъ разсчетъ, такъ какъ, вѣдь, мнѣ было-бы выгоднѣе быть только сытымъ и веселымъ звѣремъ.

Если же дѣло идетъ о томъ, чтобы оправдать мою внѣшнюю религіозность менѣе благородными, но болѣе практическими поводами,—то и таковыхъ у меня масса. Тутъ играютъ роль привычки, сохранившіяся съ дѣтства; исполненіе извѣстныхъ предписаній стало чуть-ли не моей слабостью; подобно тому, какъ Генрихъ IV сказалъ, что Парижъ стóитъ мессы, такъ я говорю самому себѣ: спокойствіе близкихъ мнѣ людей стóитъ мессы. Люди моей сферы вообще исполняютъ предписанія религіи, но моя совѣсть чувствовала бы себя обязанной протестовать лишь въ томъ случаѣ, если бы мнѣ было возможно сказать самому себѣ что-нибудь болѣе рѣшительное, чѣмъ: «не знаю». Наконецъ, я хожу въ церковь потому, что я скептикъ въ квадратѣ, и это значитъ, что я скептически отношусь даже къ собственному скептицизму.

И оттого мнѣ тяжело. Душа моя влачитъ одно изъ своихъ крыльевъ по землѣ. Но мнѣ было бы еще хуже, если бы я всѣ эти вопросы всегда такъ близко принималъ къ сердцу, какъ принималъ ихъ въ тѣ минуты, когда писалъ вотъ послѣднія двѣ страницы. Къ моему счастью, не всегда это бываетъ. Я уже говорилъ, что у меня бываютъ періоды равнодушія. По временамъ меня увлекаетъ жизнь въ свои объятія и, хотя я въ сущности имѣю слишкомъ ясное представленіе о доставляемыхъ ею наслажденіяхъ, тѣмъ не менѣе отдаюсь имъ совершенно, — и тогда моральное: «to be, or not to be?» для меня уже не имѣетъ значенія.

Вотъ, между прочимъ, странное и очень мало изслѣдованное явленіе, до какой степени въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе общественная среда. Напримѣръ, въ Парижѣ я чувствую себя болѣе спокойнымъ не потому лишь, что меня оглушаетъ эта мельница, что у меня сердце и голова заняты моими «часами упражненій», но оттого, что тамъ люди, быть можетъ, не отдавая себѣ отчета, живутъ такъ, какъ будто у каждаго изъ нихъ есть полнѣйшая увѣренность, что въ эту жизнь стóитъ вложить всѣ силы, такъ какъ за предѣлами ея существуетъ только одинъ химическій процессъ. И пульсъ мой начинаетъ биться вмѣстѣ съ этимъ пульсомъ, настроеніе—гармонировать съ общимъ настроеніемъ. И я развлекаюсь или скучаю, бью или самъ бываю битъ, но, во всякомъ случаѣ, обладаю относительнымъ спокойствіемъ.

Римъ. Бабуино, 13 января.

До отъѣзда въ моемъ распоряженіи осталось едва четыре дня, мнѣ же хочется еще до отъѣзда обстоятельно выяснить то, что было сказано о самомъ себѣ. Я человѣкъ отчасти уже утомившійся жизнью, очень впечатлительный и нервный. У меня въ сильной степени выработанъ самоанализъ, опирающійся на относительно широкое образованіе, такъ что я вообще могу считать себя существомъ умственно развитымъ.

Скептицизмъ, тотъ скептицизмъ, увеличенный въ квадратѣ, исключаетъ всякія непоколебимыя убѣжденія. Я смотрю, наблюдаю, критикую,— и порою мнѣ кажется, будто постигаю законы явленій, но, впрочемъ, я всегда готовъ и въ этомъ усомниться. О моемъ отношеніи къ религіи мнѣ уже приходилось говорить. Что касается общественныхъ убѣжденій, то я

настолько консерваторъ, насколько до извѣстной степени приходится быть таковымъ человѣку, находящемуся въ моемъ положеніи, и насколько консерватизмъ соотвѣтствуетъ моимъ вкусамъ и наклонностямъ. Мнѣ незачѣмъ говорить, какъ далеко это отъ взгляда на консерватизмъ, какъ на догматъ, котораго не разрѣшается критиковать. Я человѣкъ слишкомъ цивилизованный для того, чтобы быть безотносительнымъ сторонникомъ аристократіи или демократіи. Въ наше время въ это играютъ только въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ или въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, куда идеи проникаютъ такъ же, какъ моды, то есть запаздывая лѣтъ на десять слишкомъ. Съ того времени, какъ уничтожены привилегіи, вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, исчерпанъ, тамъ же, гдѣ его поддерживаетъ общественная отсталость, онъ сталъ вопросомъ не принциповъ, но пустого тщеславія. Что касается меня, то я люблю только людей развитыхъ, съ утомленными нервами, и ищу ихъ тамъ, гдѣ мнѣ ихъ легче найти.

Я люблю ихъ такъ, какъ люблю произведенія искусства, красивую природу и красивыхъ женщинъ. Въ эстетическомъ отношеніи обладаю нервами не только утонченными, но, быть можетъ, даже слишкомъ рафинированными. Это явилось послѣдствіемъ ихъ природной впечатлительности и полученнаго мной воспитанія. Эстетическая впечатлительность доставляетъ мнѣ столько же наслажденій, сколько и непріятностей, но зато она оказывала и оказываетъ мнѣ одну очень важную услугу, а именно: охраняетъ меня отъ цинизма, то есть отъ окончательной испорченности, и до нѣкоторой степени замѣняетъ для меня нравственные принципы. Я не совершилъ бы многихъ поступковъ, быть можетъ, не столько потому, что они дурны, сколько оттого, что они некрасивы, безобразны. Изъ впечатлительности и, такъ сказать, эстетичности моихъ нервовъ вытекаетъ также утомленность чувствъ. Вообще мнѣ кажется, что я человѣкъ, быть можетъ, немного испорченный, но порядочный. Про меня можно еще сказать, что я какъ бы вишу въ воздухѣ, такъ какъ не опираюсь ни на какіе догматы какъ въ отношеніи религіозномъ, такъ и въ общественномъ. У меня также нѣтъ цѣли, которой мнѣ стоило бы посвятить свою жизнь.

Въ заключеніе этого синтеза скажу еще нѣсколько словъ о своихъ способностяхъ. Отецъ, тетя, товарищи, а подчасъ и совершенно посторонніе люди считаютъ ихъ положительно необыкновенными. Я согласенъ признать, что умъ мой обладаетъ нѣкоторымъ блескомъ. Но не разсѣетъ ли возлагаемыхъ на меня надеждъ «l'improductivité slave»? Принимая во вниманіе то, что мною до сихъ поръ сдѣлано, или, вѣрнѣе, принимая во вниманіе то, что мною до сихъ поръ ничего не сдѣлано не только для другихъ, но даже для самого себя, я въ правѣ предполагать, что возлагаемыя на меня надежды, по всей вѣроятности, не оправдаются.

Таковое сознаніе стоитъ мнѣ болѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Когда я думаю о себѣ, иронія моя становится горькой. Есть что-то безплодное въ той глинѣ, изъ которой Богъ создалъ Плошовскихъ, коль скоро изъ нея все такъ легко выростаетъ, но ничто не даетъ плода. Если бы въ самомъ дѣлѣ при этомъ безплодіи, при этомъ отсутствіи активности, я обладалъ даже геніальными способностями, то былъ бы какимъ-то особаго рода геніемъ, геніемъ безъ портфеля, какъ бываютъ министры безъ портфеля.

Это опредѣленіе: геній безъ портфеля—кажется мнѣ подходящимъ къ существу дѣла. Надо будетъ взять на него патентъ изобрѣтенія. Ахъ! и опять курьезъ. Вѣдь, не я одинъ буду обладать этимъ именемъ. Имя мнѣ—легіонъ. «L'improductivité slave» существуетъ своимъ чередомъ, а геній безъ портфеля своимъ чередомъ, это нашъ, чисто привислянскій, продуктъ. Еще разъ повторяю, что имя мое—легіонъ. Я не знаю ни одного уголка на землѣ, гдѣ бы пропадало столько блестящихъ способностей, какъ у насъ, и гдѣ бы даже тѣ, которые что-нибудь даютъ, давали такъ мало, — такъ неслыханно мало, сравнительно съ тѣмъ, что далъ имъ Богъ.

Римъ. Бабунно, 14 января.

Пришло второе письмо отъ тети, въ которомъ она настаиваетъ на томъ, чтобъ поторопиться пріѣздомъ. Ѣду, дорогая тетя, ѣду—и видитъ Богъ, что дѣлаю это только изъ привязанности къ тебѣ, такъ какъ иначе я предпочелъ бы остаться здѣсь. Отецъ мой чувствуетъ себя нехорошо; время отъ времени у него происходитъ онѣмѣніе всей лѣвой части тѣла. Уступая моей просьбѣ, онъ пригласилъ къ себѣ доктора, но я увѣренъ, что лѣкарства, какія ему прописаны, уже заперты имъ въ шкафъ, какъ это, впрочемъ, происходитъ у него вотъ уже лѣтъ десять слишкомъ. Однажды отецъ открылъ этотъ шкафъ и, указывая мнѣ на сотни бутылокъ и бутылочекъ, банокъ, баночекъ и коробочекъ, сказалъ: «Помилуй, если бы все это съѣлъ и выпилъ даже самый здоровый человѣкъ, такъ и тотъ бы не выдержалъ, а что же въ такомъ случаѣ было съ больнымъ». До сихъ поръ такой взглядъ не причинилъ отцу большого вреда, но меня безпокоитъ будущее.

Другимъ поводомъ, въ силу котораго мнѣ не хочется ѣхать, является планъ тети. Натурально, дѣло идетъ о томъ, чтобы меня женить. Мнѣ еще неизвѣстно, имѣетъ ли тетя что-нибудь въ виду, но далъ бы Богъ, чтобы у нея не было, хотя своего плана она вовсе не скрываетъ. «Что изъ-за такой партіи, какъ ты (пишетъ она мнѣ), тотчасъ же начнется война между бѣлыми и алыми розами, это легко предвидѣть». Но, вѣдь, я усталъ и не желаю быть причиной какой бы то ни было войны, а въ особенности не желаю, подобно Генриху VII, кончить войну розъ бракомъ. Съ другой стороны, — и этого, разумѣется, мнѣ нельзя сказать тетѣ, но передъ самимъ собою могу сознаться, что не люблю полекъ. Мнѣ тридцать пять лѣтъ; у меня какъ у каждаго человѣка, который не мало пожилъ, бывали въ жизни разныя сердечныя приключенія, и мнѣ случалось сталкиваться съ польками, но изъ этихъ приключеній я вынесъ убѣжденіе, что онѣ самыя мучительныя женщины въ мірѣ. Право, не знаю, добродѣтельнѣе ли онѣ вообще француженокъ или итальянокъ, мнѣ извѣстно лишь то, что польки значительно болѣе патетичны, чѣмъ тѣ. Когда я объ этомъ подумаю, мнѣ становится даже холодно. Я понимаю эллегію надъ разбитымъ кувшиномъ, когда впервые видишь черепки его у своихъ ногъ; но декламировать эту эллегію съ одинаковымъ пафосомъ надъ многократно разбитымъ кувшиномъ — это въ самомъ дѣлѣ какъ будто смахиваетъ на оперетку. Нечего сказать, хороша роль «чувствительнаго слушателя», котораго правила приличія заставляютъ принимать это въ серьезъ. Странныя, фантастическія женщины съ пылкими головами, но съ рыбьимъ

темпераментомъ! Въ ихъ чувствахъ не только нѣтъ ничего веселаго, но и простоты. Онѣ увлекаются формами чувства и менѣе обращаютъ вниманія на его внутреннюю содержательность. Вслѣдствіе этого польку никогда нельзя, какъ слѣдуетъ, опредѣлить. Съ француженкой, съ итальянкой, если логически составить, такъ сказать, посылки, можно быть болѣе или менѣе увѣреннымъ въ своемъ «ergo». Съ полькой это невозможно. Кто-то сказалъ, что если мужчина ошибается, то говоритъ, что дважды два пять—и ошибка можетъ быть исправлена—женщина же, ошибаясь, утверждаетъ, что дважды два лампа, и тогда хоть бейся головой объ стѣну. По логикѣ же полекъ можетъ оказаться, что дважды два не четыре, но лампа, любовь, ненависть, котъ, слезы, обязанности, воробей, презрѣніе, словомъ, съ ними ничего нельзя ни предвидѣть, ни принять въ разсчетъ, ни отъ чего бы то ни было себя оградить. Впрочемъ, быть можетъ, благодаря всѣмъ этимъ волчьимъ ямамъ, добродѣтель полекъ лучше ограждена, чѣмъ добродѣтель другихъ женщинъ, хотя бы оттого, что осаждающій смертельно утомляется. Что я, однако, замѣтилъ и чего не могу имъ простить, такъ именно того, что эти волчьи ямы, палисады, капканы, отчаянная защита, — все это не столько разсчитано для отраженія противника, сколько для того, чтобы испытать волненія борьбы.

Я не разъ говорилъ объ этомъ, натурально, въ насколько возможно мягкой формѣ, съ одной очень бойкой женщиной, наполовину только полькой, такъ какъ отецъ ея итальянецъ.

Выслушавъ меня, она отвѣтила:

— У васъ въ этомъ вопросѣ взглядъ лисицы на голубятню. Вамъ не нравится и портитъ настроеніе духа то, что голуби гнѣздятся слишкомъ высоко и что летаютъ несравненно лучше, чѣмъ куры. Все, что вы говорите, скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу полекъ.

— Это какимъ образомъ?

— Потому что, чѣмъ полька несноснѣе, какъ чужая жена, тѣмъ можетъ быть болѣе желанна, какъ собственная.

Меня, что называется, приперли къ стѣнѣ, и въ первую минуту я не нашелся, что отвѣтить.

Притомъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ у меня отчасти взглядъ лисицы на голубятню. Не подлежитъ также сомнѣнію, что если бы, вообще, у меня явилось желаніе жениться и въ частности жениться на полькѣ, то я бы искалъ этой польки не только между высоко живущими голубями, но и между голубями бѣлыми.

Я, однако, нахожусь въ аналогичномъ положеніи съ тѣми рыбами, которыя на вопросъ, подъ какимъ соусомъ желаютъ онѣ быть приготовленными, отвѣчаютъ, что прежде всего вовсе не желаютъ быть приготовленными.

Здѣсь я возвращаюсь къ упрекамъ по отношенію къ вамъ, милыя соотечественницы. Вы, вообще, болѣе любите драму въ любви, чѣмъ самую любовь. Въ каждой изъ васъ сидитъ королева — и тѣмъ вы чрезвычайно отличаетесь отъ другихъ женщинъ; каждая изъ васъ думаетъ, что уже тѣмъ самымъ оказываетъ милость и благодѣяніе, если позволяетъ любить; ни одна не согласится быть только добавленіемъ, только дополненіемъ жизни мужчины, у котораго вѣдь есть и иныя цѣли. Вамъ желательно

чтобы мы для васъ существовал
любите дѣтей, чѣмъ мужа. Рол
наблюдалъ неоднократно — вы,
исключенія, точно алмазы среди
мнѣ восхищаться вами издали.

Отодвинуть разъ навсегд
идеалы, ежедневно горѣть, ка
еще собственной жены, mesdam

Правда, въ моемъ самосс
въ твоемъ настоящемъ существ
у тебя намѣренія, какія стре
жертвой, такъ это именно ты

Но нѣтъ—чортъ возьми!
свою жизнь, отказаться отъ с
влеченій, слабостей, что раз
этимъ поступиться. Со мно
сказочный актъ вѣры въ же
меня на это никогда не хвати
приготовленнымъ ни подъ ка

Сегодня утромъ я пріѣх
остановка въ Вѣнѣ, то доро
поздній часъ, нервы не дают
дневникъ. Въ самомъ дѣлѣ,
привычекъ—и я нахожу въ

Что за радость въ дом
навѣрно, тоже не спитъ, а з
живетъ въ Плошовѣ, то п
скимъ, своимъ управляющимъ, который держитъ себя съ достоинство
и не позволяетъ себѣ сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія. И вотъ, когда ссора принимаетъ такіе размѣры, что можетъ кончиться разрывомъ, тетя умолкаетъ и начинаетъ съ аппетитомъ ѣсть. Сегодня она, вѣроятно, ограничилась выговоромъ дворнѣ, что оказалось для нея недостаточнымъ. Тѣмъ не менѣе настроеніе духа ея было великолѣпное, и невозможно передать, сколько безграничной привязанности заключалось въ ея взглядахъ, которыми она окидывала меня въ продолженіе всего обѣда. Въ кругу ея знакомыхъ меня называютъ ея фетишемъ, за что, впрочемъ, тетя очень сердится.

Очевидно, мои предположенія и опасенія были основательны. Не только существуетъ планъ, но уже и имѣется кой-что въ виду. Послѣ обѣда тетя имѣетъ обыкновеніе прохаживаться по комнатѣ большими шагами и думать вслухъ. Несмотря на все ея желаніе скрыть отъ меня свой планъ, я услышалъ слѣдующій монологъ:

— Молодъ, красивъ, богатъ, геніаленъ, — она будетъ глупа, если тотчасъ въ него не влюбится.

Завтра мы ѣдемъ на пикникъ, который молодежь устраиваетъ дамамъ. Кажется, это будетъ очень блестящая забава.

Варшава, 25 января.

Я часто скучаю на балахъ, какъ homo sapiens, терпѣть не могу ихъ, какъ кандидатъ въ мужья, но иногда люблю ихъ, какъ артистъ, натурально, какъ артистъ безъ портфеля. Какъ, напримѣръ, прекрасна эта широкая ярко освѣщенная, убранная экзотическими цвѣтами лѣстница, по ступенямъ которой подымаются женщины, одѣтыя въ великолѣпныя бальныя платья. Всѣ онѣ кажутся тогда очень высокими, а если смотрѣть на нихъ снизу, то онѣ напоминаютъ ангеловъ во снѣ Якова. Я люблю это движеніе, свѣтъ, цвѣты, эти легкія ткани, которыя какъ бы нѣжною дымкой покрываютъ молодыхъ дѣвушекъ. А обнаженныя шеи, бюсты, плечи... Освободясь отъ высокихъ корсажей, они будто крѣпнутъ, застываютъ на воздухѣ и пріобрѣтаютъ твердость мрамора. Атмосфера насыщена запахомъ духовъ. Мое чувство обонянія также наслаждается, ибо хорошіе духи—моя слабость.

Пикникъ удался на славу. Надо признать, что Сташевскій умѣетъ устраивать такія дѣла. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ тетей, но уже въ прихожей тотчасъ потерялъ ее изъ виду, такъ какъ Сташевскій нарочно сбѣжалъ внизъ, чтобы подъ руку ввести ее по лѣстницѣ. У моей тети есть какая-то длинная горностаевая накидка, которую она употребляетъ, отправляясь на всѣ большія собранія, вслѣдствіе чего ее называютъ «Достойной пелериной». Войдя въ залу, я остановился недалеко отъ дверей, чтобы разсмотрѣть собравшееся общество. Человѣкъ обыкновенно испытываетъ странное впечатлѣніе, когда послѣ многолѣтняго отсутствія очутится среди своихъ. Въ такія минуты онъ ясно чувствуетъ, что это для него болѣе близкія существа, чѣмъ тѣ, которыя ему встрѣчались на чужбинѣ, и, тѣмъ не менѣе, присматривается къ нимъ, изслѣдуетъ, дѣлаетъ наблюденія, точно посторонній. То же самое было и со мной. Мое вниманіе особенно привлекли женщины.

Какъ ни какъ, но нельзя не признать, что наше высшее общество изысканно. Здѣсь я видѣлъ лица красивыя или некрасивыя, но во всякомъ случаѣ такія, какія создаетъ лишь старинная, рафинированная цивилизація. Шеи и плечи женщинъ при всей ихъ подчасъ дѣвственной округлости, положительно, напоминали мнѣ великолѣпныя издѣлія изъ севрскаго фарфора. Въ нихъ есть какое-то спокойное, величавое изящество, какая-то законченность. Какія мнѣ пришлось увидѣть ноги, какія руки, какія правильныя, красивыя головы! Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не подражаютъ Европѣ, здѣсь—сама Европа.

Я стоялъ такъ съ четверть часа, между прочимъ, раздумывая еще надъ тѣмъ, которая изъ этихъ головъ, который изъ этихъ бюстовъ тетя предназначаетъ мнѣ? Тѣмъ временемъ пришли Снятыньскіе. Въ послѣднее время мнѣ случилось встрѣтиться съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Римѣ, съ женой его я знакомъ. Люблю ее, такъ какъ наружность ея чрезвычайно симпатична, а сама она принадлежитъ къ числу тѣхъ исключительныхъ полекъ, которыя не только не поглощаютъ жизни мужей, но отдаютъ имъ еще свою. Черезъ минуту къ намъ подошла какая-то молодая особа, которая, поздоровавшись со Снятыньской, протянула мнѣ свою лапку, обтянутую бѣлой перчаткой, и спросила:

— Не узнаешь меня, Леонъ?

Вопросъ этотъ немножко меня смутилъ, такъ какъ, дѣйствительно, въ первую минуту я не зналъ, кто это передо мной, но тѣмъ не менѣе началъ трясти протянутую ручку, кивать головой, улыбаться и повторять: «какъ же! какъ же, узнаю!»—словомъ, поступилъ, какъ человѣкъ, который не хочетъ оказаться невѣжливымъ. Я даже допускаю, что у меня при этомъ было довольно глупое выраженіе лица, такъ какъ госпожа Снятыньская засмѣялась, а затѣмъ сказала:

— Но вы, въ самомъ дѣлѣ, ее не узнаете: это Анеля П.

Анеля! моя кузина! Неудивительно, что я ея не узналъ! Мнѣ случилось видѣть ее лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ, еще въ коротенькомъ платьицѣ до колѣнъ. Я припоминаю, что это было въ Плошовѣ, въ саду; на ней тогда были розовыя чулочки, и комары страшно кусали ея ножки, вслѣдствіе чего она топала, точно молоденькая лошадка. Какъ же мнѣ было теперь узнать, что этотъ бюстъ, украшенный фіалками, что эти бѣлыя плечи, это красивое лицо съ темными глазами, словомъ, что эта барышня въ полномъ расцвѣтѣ — та самая дѣвочка, на тонкихъ ножкахъ. О, какъ она хороша! Я привѣтствовалъ ее вторично и какъ можно сердечнѣе. Затѣмъ, когда Снятыньскіе ушли, а она сказала мнѣ, что тетя и мать послали ее за мной, я подалъ ей руку, и мы вмѣстѣ направились въ глубину залы.

Внезапно, въ одну минуту, я догадался, въ чемъ заключается планъ тети. Очевидно, она имѣетъ въ виду Анелю! Вотъ вся тайна, весь сюрпризъ! Тетя всегда очень любила эту дѣвушку и вѣчно огорчалась запутанностью дѣлъ госпожи П. Меня только удивляло, почему эти дамы не остановились въ домѣ тети; впрочемъ, я не хотѣлъ надъ этимъ задумываться, такъ какъ предпочиталъ присматриваться къ Анелѣ, которая, натурально, теперь меня интересовала болѣе и иначе, чѣмъ первая встрѣчная барышня. У меня довольно было времени и для разговора, и для экзамена, такъ какъ мы направлялись въ противоположный конецъ залы, которая постепенно наполнялась все еще прибывавшими гостями, вслѣдствіе чего идти приходилось медленно. Согласно модѣ текущаго года, дамы носятъ перчатки средней величины, не доходящія до локтя. Я замѣтилъ, что рука Анели, опиравшаяся на мою руку, отличается темноватымъ тономъ, быть можетъ, вслѣдствіе слишкомъ изобильно покрывающаго ее пушка. Анеля, однако, не брюнетка, хотя при первомъ взглядѣ производитъ впечатлѣніе брюнетки. Волосы ея отливаютъ бронзой. Глаза свѣтлые, но и они кажутся черными, благодаря необыкновенно длиннымъ рѣсницамъ; зато брови ея совершенно черныя и въ полномъ смыслѣ слова прелестныя. Характеристической особенностью этой маленькой головки съ низкимъ лбомъ является излишнее обиліе волосъ, бровей, рѣсницъ и пушка, который на щекахъ становится очень нѣжнымъ и совершенно свѣтлымъ. Все это вмѣстѣ взятое, быть можетъ, современемъ повредитъ ея красотѣ, но теперь она такъ молода, что эти особенности оттѣняютъ только ея жизненность, силу организма и свидѣтельствуютъ, что эта дѣвушка не холодная кукла, но живая и полная страсти женщина.

Признаюсь, что хотя я отличаюсь большой разборчивостью, но красота Анели сильно на меня подѣйствовала. Это мой типъ. Тетя если я слышала о Дарвинѣ, то, навѣрно, не особенно хорошаго о немъ мнѣнія.—

однако, въ данномъ случаѣ, невольно примѣнилась къ его теоріи естественнаго подбора. Да! Это мой типъ! На этотъ разъ приманка оказалась хорошей.

Какой-то электрическій токъ сталъ пробѣгать съ ея руки по моей. Впрочемъ, было очевидно, что и я произвожу на нее благопріятное впечатлѣніе, а это всегда оживляетъ. Экзаменъ, который я произвелъ ей, какъ артистъ, также прошелъ благополучно. Есть лица, которыя кажутся переложеніемъ музыки или поэзіи на человѣческія черты. Къ такимъ именно принадлежитъ лицо Анели. Въ ней нѣтъ и слѣда ординарности. Дѣвушкамъ изъ дворянскихъ родовъ воспитаніе такъ же прививаетъ скромность, какъ дѣтямъ прививается оспа. Въ Анелѣ есть скромность, есть что-то невинное, но сквозь эту невинность проглядываетъ горячій темпераментъ. Какое оригинальное соединеніе! Это нѣчто похожее на то, какъ если бы кто-либо сказалъ: невинный чортъ!

Впрочемъ, я допускаю, что при всей своей невинности Анеля можетъ быть немножко кокеткой, мнѣ тотчасъ удалось замѣтить, что она вполнѣ сознаетъ всю силу своей красоты. Такъ, напримѣръ, зная, что у нея прелестныя рѣсницы, она довольно часто опускаетъ ихъ безъ видимой надобности. Мнѣ также очень нравится, какъ она мило подымаетъ свою головку и какъ смотритъ на своего собесѣдника. Въ началѣ разговора Анеля была чуть-чуть неестественна, такъ какъ чувствовала нѣкоторое стѣсненіе, но вскорѣ мы уже такъ сошлись, какъ будто со времени свиданія въ Плошовѣ никогда не разставались.

Тетя неоцѣнима съ своими планами, но все же состоять съ ней въ какомъ-нибудь заговорѣ я бы не желалъ. Только что мы съ Анелей подошли къ нашимъ дамамъ, еле я успѣлъ поздороваться съ госпожей П. и переговорить съ ней нѣсколько словъ, какъ тетя, видя мое оживленіе, тотчасъ просіяла, а затѣмъ, пожавъ плечами и обратившись къ матери Анели, громко сказала:

— Какъ она прелестна въ этихъ фіалкахъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это была хорошая мысль, чтобы послѣ столь продолжительнаго отсутствія онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на балу...

Госпожа П. очень смутилась, Анеля также, а я понялъ, почему эти дамы не остановились у тети. Это, очевидно, была мысль госпожи П. Она и тетя, вѣроятно, давно уже вели переговоры относительно женитьбы. Анеля, должно быть, не была допущена къ этимъ переговорамъ, но, благодаря дѣвичьей проницательности, могла о нихъ догадаться.

Съ цѣлью затушевать общее смущеніе, я обратился къ ней и сказалъ:

— Заранѣе предупреждаю тебя, что танцую я плохо, а такъ какъ, несомнѣнно, тебя будутъ отымать у меня ежеминутно, то обѣщай мнѣ одинъ вальсъ.

Анеля въ отвѣтъ подала мнѣ карточку и бойко проговорила:

— Запиши на ней, что хочешь.

Надо признаться, что мнѣ не нравится роль манекена, котораго заставляютъ продѣлывать разныя движенія, не нравится, чтобы меня толкали къ чему-нибудь, а потому, желая сразу принять какую-нибудь дѣятельную роль въ политикѣ старшихъ дамъ, я взялъ карточку и написалъ: «Поняла ли ты, что насъ хотятъ женить?»

Анеля, прочитавъ, измѣнилась въ лицѣ, а затѣмъ немного поблѣднѣла. Съ минуту она молчала, какъ будто не была увѣрена, хватитъ ли у нея голосу, или какъ бы колеблясь, что ей отвѣтить; наконецъ, поднявъ свои прелестныя рѣсницы и прямо взглянувъ мнѣ въ глаза, она отвѣтила:

— Да!

Но теперь она спрашивала, правда, не словами, но только взглядами. Я уже говорилъ, что произвелъ на нее благопріятное впечатлѣніе, а коль скоро она догадывалась относительно цѣли переговоровъ, то, навѣрно, мысли ея были заняты мной. Ея глаза ясно говорили:

— Я знаю, что мама и тетя желаютъ, чтобы мы узнали другъ друга, сблизились, а потому...

Вмѣсто отвѣта я обнялъ ея станъ, слегка прижалъ ее къ себѣ, и мы понеслись по залѣ подъ звуки мелодичнаго вальса. Мнѣ вспомнились мои «часы упражненій».

Такой молчаливый отвѣтъ могъ до извѣстной степени привести въ мечтательное настроеніе дѣвушку, которой импонировало то, что было написано мною на карточкѣ. Но у меня мелькала мысль: въ самомъ дѣлѣ, почему бы мнѣ не привести ее хотя не надолго въ мечтательное настроеніе? Вѣдь я ни въ какомъ случаѣ не пойду дальше, чѣмъ желаю, а куда она зайдетъ, это меня пока мало интересуетъ. Анеля великолѣпно танцуетъ, а этотъ вальсъ танцовала именно такъ, какъ должна танцовать женщина, то есть съ нѣкоторымъ самозабвеніемъ. Я замѣтилъ, что фіалки на ея груди двигаются живѣе, чѣмъ это можно было бы объяснить относительно медленнымъ темпомъ вальса. Мнѣ становилось ясно, что въ ней что-то начинается. Любовь есть просто физическая потребность; правда, ее какъ можно старательнѣе сдерживаютъ въ барышняхъ, принадлежащихъ къ высшему обществу, но тѣмъ не менѣе чувство это непреоборимо. И вотъ, когда дѣвушкѣ скажутъ: этого тебѣ можно любить—то случается не разъ, что дѣвушка пользуется даннымъ ей разрѣшеніемъ съ большимъ увлеченіемъ.

Анеля, очевидно, ожидала, что коль скоро я рѣшился написать вышеупомянутую фразу на карточкѣ, то послѣ вальса, навѣрное, будетъ продолженіе разговора на ту же тему. Но я нарочно отошелъ въ сторону, чтобы оставить ее въ ожиданіи.

Мнѣ, кромѣ того, хотѣлось присмотрѣться къ ней въ нѣкоторомъ отдаленіи. Положительно, это мой типъ. Такого рода женщины притягиваютъ меня, какъ магнитъ. Ахъ, если бы ей было тридцать лѣтъ, и если бы она не была барышней, которую мнѣ сватаютъ!

Варшава, 30 января.

Госпожа П. съ дочерью переѣхали къ намъ. Вчера я весь день пробылъ съ Анелей. Въ ея душѣ болѣе страницъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у барышень одинаковаго съ ней возраста. Конечно, многія изъ этихъ страницъ запишетъ только будущее, но, несомнѣнно, есть мѣсто для многаго прекраснаго. Она чувствуетъ и понимаетъ все, притомъ чрезвычайно внимательно слушаетъ, сосредоточиваясь и широко открывая свои умные глаза. Женщина, которая умѣетъ слушать, обладаетъ однимъ сред-

ствомъ болѣе, чтобы понравиться, такъ какъ, благодаря этому, льститъ самолюбію мужчины. Не знаю, сознаетъ ли это Анеля, или ею руководитъ только чисто женскій инстинктъ. Быть можетъ также, что, столько наслушавшись обо мнѣ отъ тети, она относится чуть ли не къ каждому моему слову, какъ къ изреченію оракула. Впрочемъ, въ ней замѣтна нѣкоторая доля кокетства. Такъ, напримѣръ, сегодня на мой вопросъ, чего она болѣе всего желаетъ въ жизни, Анеля отвѣтила: «увидѣть Римъ» — причемъ опустила свои чудныя рѣсницы и въ эту минуту была замѣчательно хороша. Она отлично замѣчаетъ, что нравится мнѣ, и вслѣдствіе этого счастлива. Ея кокетство очень мило, такъ какъ вытекаетъ изъ чистаго искреннаго чувства зарождающейся привязанности и вполнѣ естественнаго желанія расположить къ себѣ избранника своего сердца. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что душа эта летитъ ко мнѣ, какъ ночной мотылекъ къ свѣту. Бѣдное дитя, догадываясь о согласіи старшихъ, пользуется имъ даже слишкомъ пылко. Процессъ этотъ усиливается съ каждымъ часомъ.

Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы задать самому себѣ вопросъ: если ты не хочешь жениться, то почему такъ стараешься увлечь эту дѣвушку? Но мнѣ не хочется отвѣчать на такой вопросъ. Мнѣ теперь такъ хорошо, такъ покойно. Да собственно, что я такого особеннаго дѣлаю? Вѣдь я не стараюсь казаться ни болѣе глупымъ, ни менѣе любезнымъ, ни болѣе антипатичнымъ, чѣмъ въ дѣйствительности—вотъ и все.

Анеля пришла сегодня на утренній кофе въ какой-то просторной матросской блузѣ; глядя на нее въ такомъ свободномъ нарядѣ, можно было только догадываться о ея формахъ, но, благодаря такимъ догадкамъ, можно было также и голову потерять. Глаза ея были заспаны, во всей фигурѣ чувствовалась какая-то теплота сна. Въ томъ, какое она производитъ на меня впечатлѣніе, есть положительно что-то сказочное.

31 января.

Тетя устраиваетъ для Анели вечеръ. Я хожу съ визитами. Былъ у Снятыньскихъ и сидѣлъ тамъ долго, такъ какъ мнѣ у нихъ хорошо. У Снятыньскихъ постоянныя несогласія, но совершенно иного характера, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ супружествахъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда есть одинъ плащъ, то каждый тянетъ его къ себѣ; у Снятыньскихъ происходитъ иначе, у нихъ возникаетъ споръ изъ-за того, что онъ хочетъ отдать ей весь плащъ, а она ему. Я ихъ очень люблю, такъ, какъ лишь у нихъ убѣждаюсь, что счастье существуетъ не только въ книгахъ, но и въ дѣйствительности. Притомъ онъ человѣкъ живой, впечатлительный, какъ скрипка Страдиварія, и обладаетъ полнымъ сознаніемъ своего счастья. Онъ желаетъ его и имѣетъ. Я ему въ этомъ отношеніи завидую. Мнѣ всегда пріятно съ нимъ бесѣдовать. Они меня угостили отличнымъ чернымъ кофе и стали меня разспрашивать, какими, послѣ столь продолжительнаго отсутствія, мнѣ показались близкіе и самый городъ Варшава. Были вопросы и относительно послѣдняго бала; это особенно интересовало госпожу Снятыньскую, такъ какъ она отчасти догадывается о планѣ тети, а такъ такъ происходитъ изъ Волыни, то есть изъ

тѣхъ мѣстъ, откуда Анеля, и хорошо знаетъ ее, то не прочь была бы всунуть свой розовый носикъ въ это дѣло.

Я избѣгалъ касаться личныхъ дѣлъ, но зато мы много говорили, вообще, о нашемъ обществѣ. Когда я высказалъ то, что думаю относительно изысканности и утонченности этого общества, то Снятыньскій, который, несмотря на то, что самъ подчасъ рѣзко критикуетъ его, тѣмъ не менѣе жаденъ до шовинизма ко всякой похвалѣ своему обществу, услышавъ мое мнѣніе, пришелъ въ самое хорошее расположеніе духа и тотчасъ началъ мнѣ поддакивать.

— Я люблю—сказалъ онъ подъ конецъ—выслушивать подобнаго рода сужденія отъ такихъ именно людей, какъ ты, потому что ужъ кто, кто, но ты-то имѣлъ возможность сравнивать разныя общества, и, кромѣ того, ты вѣдь пессимистъ.

— Не знаю, дорогой мой—отвѣтилъ я—не пессимистично ли и это мое сужденіе.

— Не понимаю, почему?

— Да видишь ли, на каждой культурѣ, до такой степени рафинированной, можно написать то, что обыкновенно пишется на ящикахъ со стекломъ или фарфоромъ, а именно: «fragile!» Тебѣ, который духовно происходитъ изъ Аѳинъ, мнѣ и десятому хорошо и пріятно жить съ людьми, обладающими такими утонченными нервами; но если тебѣ захочется что-нибудь строить на такомъ фундаментѣ, то, заранѣе, предупреждаю, что тебѣ на голову свалятся балки. Неужели ты думаешь, что эти изящные диллетанты въ жизни не проиграютъ въ борьбѣ за существованіе съ людьми, у которыхъ крѣпкіе нервы, сильные мускулы и толстая кожа?

Снятыньскій, какъ человѣкъ очень подвижной, вскочилъ со стула и сталъ быстро ходить по комнатѣ, а затѣмъ напалъ на меня съ большой горячностью.

— Это одна сторона и сторона положительная, какъ ты самъ признаешь, но не думай, однако, чтобы въ насъ ничего больше не было. Ты пріѣзжаешь изъ-за моря, а говоришь такъ, какъ будто провелъ здѣсь жизнь.

— Я не знаю, что еще заключается въ васъ, но знаю то, что нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого отсутствія равновѣсія въ культурѣ общественныхъ слоевъ, какъ здѣсь. Съ одной стороны расцвѣтъ или, можетъ быть, даже увяданіе культуры, съ другой абсолютное варварство и невѣжественность.

Мы стали горячо спорить, и наступилъ уже вечеръ, прежде чѣмъ я отъ нихъ ушелъ. Снятыньскій мнѣ сказалъ, что, если я чаще буду его навѣщать, то онъ обѣщаетъ показать мнѣ посредствующіе очаги, которые ни слишкомъ рафинированы, ни больны диллетантизмомъ и далеко не невѣжественны, словомъ,—обѣщаетъ показать мнѣ крѣпкихъ, бодрыхъ людей, которые что-то дѣлаютъ и знаютъ ,чего хотятъ. Мы неоднократно перебивали другъ друга отчасти потому, что послѣ кофе выпили по нѣсколько рюмокъ коньяку. Когда я уже уходилъ, Снятыньскій, стоя на лѣстницѣ, крикнулъ мнѣ вслѣдъ:

— Изъ такихъ, какъ ты, ничего уже не выйдетъ, но изъ твоихъ дѣтей могутъ выйти люди; ты только, или, вѣрнѣе, всѣ вы, должны сначала разориться, такъ какъ въ противномъ случаѣ и внуки ваши не примутся за работу.

Думаю, однако, что въ общемъ я былъ правъ. Записываю этотъ разговоръ собственно потому, что со времени моего пріѣзда я безпрестанно раздумываю объ этомъ отсутствіи равновѣсія. Нельзя не констатировать того факта, что у насъ общественные слои раздѣлены пропастью, въ виду чего общая дѣятельность, положительно, невозможна. Снятыньскій самъ долженъ согласиться, что мы состоимъ изъ людей перецивилизованныхъ и совсѣмъ нецивилизованныхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я нахожу! Съ одной стороны изящныя издѣлія изъ севрскаго фарфора, съ другой — простая глина, а посреди этихъ двухъ сторонъ—ничего. Одна «très fragile», другая—овидіева «rudis indigestaque moles». Очевидно, что севрскія издѣлія раньше или позже разобьются, а изъ глины будущее создастъ то, что ему будетъ угодно.

2 февраля.

Вчера у насъ былъ танцовальный вечеръ. Анеля обращала на себя вниманіе всѣхъ присутствующихъ. Ея бѣлыя плечи выдѣлялись изъ-подъ покрывавшаго ихъ тюля, какъ плечи Венеры, выступающей изъ пѣны морской. По Варшавѣ уже пронеслась вѣсть, что я на ней женюсь. Я замѣчалъ, что Анеля, во время танцевъ, при каждомъ поворотѣ окидывала меня взглядомъ и довольно разсѣянно слушала то, что ей говорили танцоры. Бѣдное дитя, она до такой степени не умѣетъ ничего скрыть, такъ все выказываетъ, что у нея на сердцѣ, что развѣ только слѣпой не замѣтилъ бы этого. А какъ она, по отношенію ко мнѣ, покорна, какъ тиха, какъ счастлива, когда я къ ней приближаюсь. Я начинаю ее очень любить и начинаю слабѣть. Вѣдь Снятыньскимъ такъ хорошо другъ съ другомъ: Не впервые мнѣ приходится спрашивать самого себя, глупѣе ли меня Снятыньскій, или умнѣе? Изъ всѣхъ жизненныхъ задачъ я не разрѣшилъ ни одной и остаюсь ничѣмъ; скептицизмъ меня разъѣдаетъ, я далеко не счастливъ, но чувствую себя усталымъ. Онъ знаетъ не меньше меня, притомъ работаетъ; у него есть славная, красивая жена, но кромѣ того есть у него какая-то житейская философія, которая способствуетъ его счастью. Да, въ самомъ дѣлѣ я глупѣе его. Ключемъ къ философіи Снятыньскаго являются его житейскіе догматы. Еще передъ женитьбой онъ говорилъ мнѣ: «Въ жизни есть одно, къ чему я не отношусь скептически, чего не критикую и не буду критиковать: какъ литераторъ считаю догматомъ общество съ его интересами, какъ человѣкъ частный: любимую женщину». Въ то время у меня мелькнула мысль: должно быть, умъ мой отличается большей смѣлостью, коль скоро рѣшается анализировать даже и такія чувства. Но нынче я вижу, что эта смѣлость не привела меня ни къ чему. Съ другой стороны: онъ такой прелестный, этотъ маленькій догматъ съ длинными рѣсницами! Положительно, я слабѣю. Это необыкновенное влеченіе, которое я чувствую къ ней, нельзя объяснить однимъ лишь закономъ естественнаго подбора. Нѣтъ! въ немъ есть что-то большее и даже мнѣ извѣстно что. Она полюбила меня такимъ свѣжимъ, благороднымъ чувствомъ, какимъ меня никто еще не любилъ. О, какъ оно отличается отъ тѣхъ «часовъ упражненій», во время которыхъ я то наносилъ, то парировалъ удары. Женщина, которая сильно нравится и сама сильно любитъ, если только окажется стойкой, можетъ быть увѣрена въ успѣхѣ. «Заблудившаяся птица», какъ говоритъ Словацкій», вернется къ

своей подругѣ, какъ въ свой желанный, тихій уголокъ, и вернется тѣмъ скорѣе, чѣмъ будетъ ей тяжелѣе и печальнѣе въ ея блужданіи. Ничто такъ не располагаетъ, не трогаетъ, не привлекаетъ сердца мужчины, какъ сознаніе, что онъ любимъ». Давеча я Богъ знаетъ что написалъ о полькахъ, но если кто-нибудь подумаетъ, что изъ-за какой-либо одной сторонницы или изъ страха предъ упрекомъ, въ отсутствіи корректности, я не сдѣлаю того, что буду считать въ данномъ случаѣ лучшимъ, то онъ горько ошибется.

Есть что-то необыкновенное въ томъ, до какой степени эта дѣвушка удовлетворяетъ мое артистическое чувство! Послѣ окончанія бала, наступила самая пріятная минута; когда всѣ гости разъѣхались, мы велѣли подать себѣ чай въ залу и засѣли въ ней вчетверомъ. Желая посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ, я подошелъ къ окну и немного открылъ портьеры. Былъ уже восьмой часъ утра, сквозь стекла окна внезапно проникъ дневной свѣтъ, который при блескѣ лампъ показался до того голубымъ, что меня это даже изумило. Но изумленіе мое еще болѣе усилилось, когда я увидѣлъ въ этомъ голубомъ свѣтѣ Анелю. Мной точно овладѣла иллюзія, мнѣ казалось, будто она въ голубомъ гротѣ на Капри. О, какіе тоны были на ея обнаженныхъ плечахъ! И видно, такова ужъ моя натура, такова впечатлительность, что въ эту минуту я окончательно ослабѣлъ и Анеля своимъ чарующимъ видомъ до того увлекла меня, какъ будто это было ея заслугой. Желая ей покойной ночи, я долго и совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, пожималъ ей руку, а она, не отымая своей ручки, отвѣтила:

— Съ добрымъ утромъ, а не покойной ночи, съ добрымъ утромъ!

Въ самомъ дѣлѣ, или я совершенно слѣпъ, или музыка этого голоса говорила то же, что и глаза дѣвушки:

— Люблю, люблю!

Я, кажется, также ее люблю.

Тетя, глядя на насъ, очевидно, радуется. Я замѣтилъ, что у нея на глазахъ были слезы.

Мы уѣзжаемъ въ Плошовъ.

Плошовъ, 5 февраля.

Вотъ уже второй день, какъ мы въ деревнѣ. Дорога была славная. Погода хорошая, морозъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней и искрился на поляхъ. При закатѣ солнца, эти громадныя, бѣлыя равнины казались совершенно фіолетовыми. На вѣтвяхъ липъ, подъ Плошовомъ, съ оглушительнымъ карканьемъ копошились цѣлыя стаи воронъ. Зима у насъ, особенно морозная, полна красоты. Въ ней есть какая-то сила и величавость, но прежде всего искренность. Подобно тому, какъ искренній другъ говоритъ правду въ глаза, безъ обиняковъ, такъ и она безъ церемоній беретъ за уши, даже не спрашивая позволенія. Но зато ея свѣжесть передается людямъ. Всѣ мы были очень довольны, что ѣдемъ въ деревню. Кромѣ того, старшія дамы радовались, что ихъ завѣтныя желанія, быть можетъ, скоро исполнятся, я радовался, такъ какъ чувствовалъ своимъ плечомъ прикосновеніе плеча сидящей возлѣ меня Анели—она же, быть можетъ, по той же причинѣ чувствовала себя счастливой. Раза два она поцѣловала тетю — вотъ такъ себѣ, отъ избытка радости. Ей было очень къ лицу

какое-то пушистое боа и мѣховая шапочка, изъ-подъ которой еле виднѣлись ея темные глаза, почти еще дѣтскіе, и лицо съ порозовѣвшими отъ мороза щечками. Молодость бьетъ въ ней ключемъ.

Хорошо въ этомъ Плошовѣ и покойно. Мнѣ особенно нравятся тамъ очень старинные камины. Тетя бережетъ лѣса, какъ зеницу ока, но дровъ не жалѣетъ, поэтому у нея съ утра до вечера топятся камины; пламя гудитъ, полѣнья потрескиваютъ и вызываютъ веселыя мысли. Вчера мы все послѣобѣденное время просидѣли недалеко отъ камина. Мнѣ пришлось много разсказывать о Римѣ и его древнихъ историческихъ памятникахъ, и меня слушали съ такимъ благоговѣніемъ, что я самъ себѣ казался смѣшнымъ. Тетя, когда я разсказываю, не сводитъ глазъ съ Анели, наблюдая, съ нѣкоторой даже строгостью, выражаетъ ли ея лицо должный восторгъ. Но восторга этого тамъ даже слишкомъ много. Вчера Анеля сказала мнѣ:

— Кто-нибудь иной могъ бы прожить тамъ всю жизнь и не замѣтить половины тѣхъ красотъ, которыя ты видѣлъ.

Тетя тотчасъ добавила съ догматическимъ спокойствіемъ:

— Я всегда то же самое говорила.

Хорошо, что при этомъ нѣтъ другого такого скептика, какъ я, такъ какъ его присутствіе приводило бы меня въ смущеніе.

Дисгармоніей, до нѣкоторой степени, является между нами мать Анели. Она столько перенесла въ жизни, столько нахлопоталась, что навсегда утратила способность быть веселой. Госпожа П. попросту боится вообще будущаго и безсознательно подозрѣваетъ, что даже въ благополучіи скрывается какое-нибудь несчастье. Она была очень несчастлива съ мужемъ, впослѣдствіи перенесла массу огорченій, вслѣдствіе запутанности дѣлъ по имѣнію, которое, хотя и велико, но находится въ дурномъ состояніи. Вдобавокъ у нея постоянно бываетъ мигрень.

Анеля, кажется, принадлежитъ къ категоріи женщинъ, впрочемъ, болѣе многочисленной у насъ, чѣмъ это можно было предполагать, которыхъ никогда не будутъ особенно тревожить матеріальныя затрудненія.

Я люблю ее за это, потому что какъ никакъ, а это доказываетъ существованіе въ ней влеченій къ чему-то высшему. Впрочемъ, теперь меня въ ней все восхищаетъ. Нѣжность такъ же быстро выростаетъ на почвѣ чувственнаго влеченія, какъ трава послѣ весенняго теплаго дождя. Сегодня утромъ я увидѣлъ въ корридорѣ горничную, которая несла платье и башмачки Анели—и это такъ меня растрогало, особенно башмачки, точно обладаніе ими было вѣнцомъ всѣхъ добродѣтелей Анели.

Вообще, мы, мужчины, подчасъ бываемъ очень слабыми. Я наблюдаю за ходомъ горячки чувствъ. Пульсъ уже очень учащенный.

Плошовъ, 8 или 9 февраля.

Тетя уже начала обычную войну съ господиномъ Хвастовскимъ. Это такая оригинальная привычка, что, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ описать одинъ изъ этихъ споровъ. Тетѣ положительно необходима ссора для возбужденія аппетита, Хвастовскій же, который, къ слову сказать, отлично управляетъ Плошовомъ, въ полномъ смыслѣ слова шляхтичъ изъ селитры и сѣры и не позволяетъ никому по носу ѣздить, а потому ссоры ихъ подчасъ бываютъ очень горячими. Уже войдя въ столовую, они начинаютъ

окидывать другъ друга зловѣщими взглядами. Первый выстрѣлъ за супомъ даетъ обыкновенно тетя, такъ, напримѣръ, начиная разговоръ:

— Уже не помню, съ какого времени я прошу господина Хвастовскаго сказать мнѣ что-нибудь объ озимыхъ, а господинъ Хвастовскій, какъ нарочно, говоритъ обо всемъ, только не объ этомъ.

— Графиня, осенью они всходили хорошо, теперь же поля на полтора аршина покрыты снѣгомъ, а потому, что же я могу знать? Вѣдь я не Богъ.

— Не призывайте, господинъ Хвастовскій, имени Господа Бога напрасно.

— Я къ нему подъ снѣгъ не заглядываю и, слѣдовательно, его не оскорбляю.

— Такъ, можетъ быть, я оскорбляю?

— Конечно.

— Вы, господинъ Хвастовскій, положительно несносны!

— Ой, сносенъ, сносенъ, потому что много переношу.

Такимъ или подобнымъ образомъ ссора разгорается. Рѣдко случается, чтобы во время обѣда они нѣсколько разъ не повздорили. Тетя въ концѣ концовъ умолкаетъ, а затѣмъ начинаетъ ѣсть чуть ли не съ ожесточеніемъ, какъ бы желая сорвать свой гнѣвъ на кушаньяхъ. Надо признать, что у нея хорошій аппетитъ. Но съ перемѣною блюдъ расположеніе ея духа улучшается и постепенно становится великолѣпнымъ. Послѣ обѣда, когда я подаю руку госпожѣ П., а господинъ Хвастовскій тетѣ, они идутъ на черный кофе въ полномъ согласіи. Тетя разспрашиваетъ его про сыновей, а онъ цѣлуетъ ей руки. Въ дѣйствительности они любятъ другъ друга и уважаютъ. Сыновей господина Хвастовскаго мнѣ случалось видѣть, когда они были еще въ университетѣ. Это славные малые, но большіе радикалы.

Сначала Анелю немного пугали эти обѣденныя войны. Я ей объяснилъ, въ чемъ дѣло, и теперь, когда начинается споръ, она тайкомъ поглядываетъ на меня изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ, чуть-чуть улыбается — причемъ выглядитъ такъ мило, что порою мнѣ хочется ее расцѣловать. Въ жизни я ни у одной женщины не видѣлъ такихъ, въ полномъ смыслѣ слова, алебастровыхъ висковъ и такихъ нѣжныхъ жилокъ на вискахъ.

12 февраля.

Настоящія метаморфозы Овидія и въ природѣ, и во мнѣ. Морозъ стихъ, хорошая погода кончилась, и настала египетская тьма. Я не могу лучше опредѣлить того, что происходитъ на дворѣ, какъ если скажу, что погода настала въ полномъ смыслѣ слова гнилая. Однако, это ужасный климатъ. Въ Римѣ, напримѣръ, во время самой худшей погоды, все-же солнце разъ десять покажется на день; здѣсь же вотъ уже два дня такая темень, что слѣдовало бы зажигать въ комнатахъ лампы. Эта черная и тяжелая сырость проникаетъ въ мысли, придаетъ имъ черный оттѣнокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придавливаетъ. На меня это дѣйствуетъ ужасно. Тетя съ Хвастовскимъ ссорилась сегодня больше, чѣмъ когда бы то ни было. Хвастовскій утверждалъ, что тетя, не позволяя прикоснуться къ лѣсамъ, портитъ ихъ, такъ какъ старыя деревья сами гніютъ и препятствуютъ

расти молодымъ; — тетя же отвѣчаетъ, что и безъ ея помощи достаточно у насъ вырубаютъ лѣса — «я старѣюсь, такъ пусть и лѣса старѣются!» Мнѣ это напоминаетъ одного шляхтича, который, владѣя большимъ имѣніемъ съ самой лучшей почвой, никогда не обрабатывалъ болѣе того пространства, «на сколько слышенъ собачій лай».

Впрочемъ, это не важно. Мать Анели невольно причинила мнѣ большую непріятность. Сегодня въ оранжереѣ она стала мнѣ разсказывать съ нѣкоторой материнской, но не эстетичной хвастливостью, какъ къ Анелѣ сватался знакомый мой, Кромицкій. Слушая это, я ощущалъ то же, какъ если бы у меня вынимали занозу вилкой. Какъ Анеля, окруженная тѣмъ голубымъ свѣтомъ, растрогала меня, хотя это не было ея заслугой, такъ эти ухаживанія Кромицкаго охладили меня къ ней, хотя не были ея виной. Эту обезьяну Кромицкаго я знаю нѣсколько лѣтъ и не люблю его. Онъ родомъ изъ Австрійской Силезіи, гдѣ нѣкогда Кромицкіе, кажется, владѣли обширными пожалованными имъ помѣстьями. Въ Римѣ онъ мнѣ разсказывалъ, что его предки еще въ XV вѣкѣ обладали графскимъ титуломъ—и записывался въ отеляхъ «графъ фонъ-Кромицкій». Если бы не маленькіе черные глазки, свѣтящіеся, какъ два зернышка жаренаго кофе, и такого же цвѣта волосы, Кромицкій выглядѣлъ бы человѣкомъ, вырѣзаннымъ изъ сырной корки, такъ какъ лицо его такого цвѣта. Во мнѣ онъ возбуждалъ положительно физическое отвращеніе. Разсказъ объ его намѣреніяхъ испортилъ впечатлѣніе, производимое на меня Анелей. Мнѣ отлично извѣстно, что не можетъ же она быть отвѣтственной за Кромицкаго и его планы, но тѣмъ не менѣе это ее уронило въ моихъ глазахъ.

Я не понимаю, зачѣмъ мать ея разсказывала мнѣ объ этомъ такъ подробно, потому что, если слова ея должны были явиться для меня ударомъ шпоры, то цѣль ея не была достигнута. Госпожа П. обладаетъ большими достоинствами, коль скоро сумѣла выйти изъ столь затруднительныхъ обстоятельствъ и притомъ такъ воспитать свою дочь, но все же она не тактична и скучна со своими макаронизмами и мигренью.

— Признаюсь,—говорила госпожа П.—что я ничего не имѣла противъ такого плана. Иногда меня совершенно обезсиливаютъ эти вѣчные хлопоты; я вѣдь женщина; дѣлъ вести не умѣю, а если немного и напрактиковалась, то цѣною силъ и здоровья, съ исключительной цѣлью обезпечить будущность моего ребенка. Кромицкій человѣкъ очень оборотистый. У него большія дѣла въ Одессѣ, кромѣ того, онъ занимается какими-то поставками и спекуляціями съ нефтью въ Баку — que sais-je! Ему, однако, много мѣшаетъ то обстоятельство, что онъ не здѣшній подданный. Вотъ я и думала, что если бы онъ женился на Анелѣ, то привелъ бы въ порядокъ ея имѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ бы подданство, чтобы вступить во владѣніе этимъ имѣніемъ.

— А Анеля?—спросилъ я въ нетерпѣніи.

— Анеля, какъ я замѣтила, не чувствуетъ къ нему большого влеченія, но она такое доброе дитя! Притомъ, въ случаѣ моей смерти, она осталась бы безъ опеки и, слѣдовательно...

Я болѣе не разспрашивалъ, такъ какъ это меня чрезвычайно раздражало, и, хотя мнѣ вполнѣ ясно, что если бракъ этотъ не осуществился, то исключительно благодаря Анелѣ, однако, мнѣ стало досадно,

что Анеля позволила смотрѣть на себя такой мерзкой образинѣ, а главное, что могла колебаться хотя одну секунду.

Для меня это было бы вопросомъ нервовъ. Въ данномъ случаѣ я забываю только одно, что у него не такіе нервы, какъ у меня, и что Кромицкій, несмотря на свой цвѣтъ лица и на сходство съ головой мертвеца, считается у женщинъ чуть ли не красивымъ мужчиной.

Любопытно знать, какіе это онъ обдѣлываетъ аферы. Я забылъ спросить, не въ Варшавѣ ли онъ, что весьма возможно, такъ какъ онъ каждую зиму пріѣзжаетъ въ Варшаву. Что касается его дѣлъ, скажу только одно: они, конечно, могутъ быть блестящими, но сомнѣваюсь, опираются ли на солидное и непоколебимое основаніе. Я вовсе не спекуляторъ и не сумѣлъ бы вести ни одного биржевого дѣла, но зато у меня есть то хорошее качество, что я знаю объ этомъ. Притомъ я человѣкъ, который много наблюдаетъ и довольно легко дѣлаетъ выводы. И вотъ, я не вѣрю въ нашихъ дворянъ, обладающихъ будто бы геніальнымъ умомъ въ дѣлѣ спекуляціи. Мнѣ кажется, что оборотливость Кромицкаго не вытекаетъ изъ унаслѣдованной или врожденной способности, но является просто неврозомъ, выразившимся въ такомъ направленіи. Мнѣ случалось видѣть подобные примѣры. Иногда, откуда ни возьмись, появляется дворянинъ— спекуляторъ; подчасъ бываетъ даже, что ему сначала благопріятствуетъ слѣпое счастье, и онъ довольно быстро пріобрѣтаетъ состояніе... Но я не видѣлъ ни одного, который бы передъ смертью не обанкротился.

Такія способности или наслѣдуются отъ многихъ поколѣній, или пріобрѣтаются навыкомъ, начиная съ азбуки. Сыновья Хвастовскаго, можетъ быть, и добьются чего-нибудь, такъ какъ отецъ ихъ случайно потерялъ все свое состояніе, и они начали съ азбуки. Но кто съ готовымъ состояніемъ, безъ торговыхъ традицій, безъ профессіональной подготовки и знанія пускается въ коммерцію, тотъ рано или поздно сломаетъ шею. Въ дворянахъ, повторяю, есть денежный неврозъ. Спекуляція не можетъ опираться на иллюзіи, а сколько ихъ въ этихъ дворянскихъ спекуляціяхъ, про то одному лишь Богу извѣстно.

Впрочемъ, желаю счастья господину «фонъ-Кромицкому».

14 февраля.

Рах! рах! рах! То непріятное впечатлѣніе уже исчезло. Какъ она, однако, чувствительна ко всему! Я притворялся, что нахожусь въ хорошемъ расположеніи, и, хотя въ моемъ обхожденіи съ нею еле-еле замѣтна была развѣ только тѣнь разницы, все же она уловила это и почувствовала. Сегодня, просматривая альбомы, когда мы остались одни, что, впрочемъ, часто случается, такъ какъ намъ нарочно стараются не мѣшать, Анеля почему-то смутилась и немного измѣнилась въ лицѣ. Я мигомъ понялъ, что она мнѣ хочетъ что-то сказать, но колеблется и боится. Черезъ минуту мнѣ пришла въ голову безумная мысль, что она собирается мнѣ сдѣлать признаніе. Но тотчасъ я вспомнилъ, что имѣю дѣло съ полькой. Такая польская дѣвочка или, если кому угодно, королевна, скорѣе умретъ, чѣмъ первая признается въ своей любви. Съ ея стороны будетъ еще милостью, если спрошенная она невнятно пролепечетъ: «да». Впрочемъ, Анеля скоро вывела меня изъ заблужденія, такъ какъ внезапно закрыла альбомъ и, стараясь овладѣть собой, спросила:

— Что съ тобой, Леонъ? У тебя что-то есть на душѣ, правда?

Я сталъ ее увѣрять, что со мной ровно ничего, и смѣяться, и успокаивать, но она, качая головкой, продолжала:

— Вотъ уже два дня, какъ я замѣчаю, что у тебя есть что-то на душѣ. Конечно, на такого человѣка, какъ ты, можетъ непріятно подѣйствовать даже что-нибудь самое незначительное, и я стала провѣрять себя, не подала ли я какого-нибудь повода или не сказала ли чего-нибудь, но...

Въ эту минуту голосъ ея дрогнулъ, однако, она взглянула на меня прямо въ глаза:

— Я ничего не сдѣлала тебѣ дурного?—правда?

Была минута, когда у меня чуть не сорвалось съ языка: «Если мнѣ чего-нибудь недостаетъ, то развѣ только тебя, моя дорогая Анеля», но какой-то страхъ, какъ говоритъ Гомеръ, схватилъ меня за волосы. Не страхъ передъ нею, но лишь передъ той щеколдой, которая могла опуститься. Я, однако, взялъ ее за руку, поцѣловалъ ее и сказалъ какъ можно веселѣе:

— Ты благородное, милое существо, не заботься обо мнѣ, такъ какъ со мною ничего, ровно ничего. Кромѣ того, ты гостья въ Плошовѣ, и мнѣ слѣдуетъ заботиться, чтобы тебѣ здѣсь было хорошо!

При этомъ я опять поцѣловалъ ея руку и даже не одну, а обѣ. Все это можно было отнести на счетъ родственной любезности. Натура человѣка такъ низменна, что это сознаніе, эта калитка, за которую можно было въ данномъ случаѣ спрятаться, придавала мнѣ бодрость. Я называю это сознаніе низменнымъ потому, что мнѣ не угрожаетъ никакая иная отвѣтственность, какъ только передъ самимъ собою, но вѣдь самого себя не обмануть. Впрочемъ, я чувствую, что не буду отвѣтственъ и передъ самимъ собою, такъ какъ чувства всегда влекли меня къ тому, къ чему стремилось сердце, а въ отношеніи къ Анелѣ я нахожусь совершенно подъ его властью. Даже въ эту минуту я еще ощущаю своими устами сладостное прикосновеніе ея руки,—и это возбуждаетъ во мнѣ безграничную жажду. Раньше или позже я самъ захлопну эту калитку, черезъ которую мнѣ еще сегодня возможно убѣжать. Но въ самомъ ли дѣлѣ для меня это еще возможно? Да, но если бы мнѣ что-нибудь помогло извнѣ.

Между тѣмъ по всему видно, что она меня любитъ. Все меня влечетъ къ ней.

Сегодня я задалъ себѣ такого рода вопросъ: «Если это неизбѣжно, то чего же медлить?»

Я нашелъ такой отвѣтъ: не желаю лишиться ни одного изъ тѣхъ волненій, изъ тѣхъ впечатлѣній изъ того очарованія, чѣмъ полны недосказанныя слова, вопрошающіе взгляды и ожиданіе. Мнѣ хочется соткать мой романъ до конца. Я упрекалъ женщинъ въ томъ, что онѣ предпочитаютъ формы чувства самому чувству, но, кажется, и меня интересуетъ то, чтобы всѣ онѣ были выполнены. Должно быть, когда человѣкъ становится старше, то для него это важно. Не разъ также мнѣ случалось замѣчать, что при извѣстной нервной рафинированности у насъ, мужчинъ, характеръ становится женственнымъ. Кромѣ того, я отчасти эпикуреецъ въ чувствахъ.

Послѣ вышеприведеннаго разговора мы оба пришли въ великолѣпное

настроеніе. Вечеромъ я помогалъ Анелѣ вырѣзывать абажуры, такъ какъ при такой работѣ мнѣ было возможно прикасаться къ ея рукамъ и платью. Я нарочно то и дѣло мѣшалъ ей, а она разыгралась, какъ ребенокъ, и притворяясь ребенкомъ, по временамъ обращалась къ тетѣ, говоря тѣмъ однообразнымъ скорымъ голосомъ, какимъ обыкновенно жалуются маленькія дѣвочки:

— Тетя, Леонъ надоѣдаетъ!

18 февраля.

Нелегкая понесла меня въ Варшаву на мужское собраніе къ совѣтнику С. Совѣтникъ С. усиленно старается собирать у себя представителей всѣхъ лагерей, чтобы съ помощью чая и тартинокъ облегчить имъ сближеніе, хотя, собственно говоря, онъ самъ, навѣрно, не знаетъ, на чемъ будетъ основываться это сближеніе. Я, какъ человѣкъ, почти постоянно живущій за предѣлами родины, пріѣхалъ на это собраніе съ цѣлью узнать, что происходитъ въ головахъ здѣшнихъ обывателей, и прислушаться, какъ они разсуждаютъ. Было тамъ многолюдно и вслѣдствіе этого скучно, и вмѣстѣ съ тѣмъ происходило то же, что обыкновенно происходитъ на слишкомъ многолюдныхъ собраніяхъ. Люди одинаковыхъ воззрѣній собирались въ кружки въ отдѣльныхъ комнатахъ, тамъ другъ передъ другомъ высказывались, обмѣнивались любезностями, отдавали должное и т. п.

Я познакомился со многими лицами изъ высшей бюрократіи и представителями прессы. За границей существуетъ большая разница между писателемъ и журналистомъ. На перваго смотрятъ какъ на художника и мыслителя, на второго же чуть не какъ на обыкновеннаго рабочаго. Здѣсь не существуетъ такой разницы, и людей обѣихъ этихъ категорій называютъ общимъ именемъ — литераторовъ. Впрочемъ, большинство изъ нихъ дѣйствительно занимается журналистикой и литературой. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ выше заграничныхъ журналистовъ. Я не люблю ежедневной прессы и считаю ее однимъ изъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество. Скорость, съ какой пресса освѣдомляетъ людей относительно разныхъ событій, уравновѣшивается поверхностью свѣдѣній и не вознаграждаетъ за ту неслыханную путаницу общественнаго мнѣнія, которую она производитъ. Благодаря газетамъ, исчезъ тотъ здравый смыслъ, съ помощью котораго люди отличали правду отъ лжи изсякло чувство правдивости, сознаніе права и безправія, зло стало наглымъ, зло начало говорить языкомъ справедливости, — словомъ, общая человѣческая душа стала безнравственной и слѣпой.

Среди присутствующихъ на этомъ собраніи былъ Ставовскій, котораго считаютъ самымъ толковымъ въ лагерѣ крайнихъ прогрессистовъ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, очевидно, способный, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдающій двумя болѣзнями — печенью и собственнымъ *я*. Носитъ онъ свое *я*, точно стаканъ, наполненный водою—и какъ бы постоянно говоритъ: «Осторожнѣе, не то я разольюсь!» Боязнь эта передается всѣмъ окружающимъ до такой степени, что въ его присутствіи никто не осмѣливается высказывать противоположное ему мнѣніе. Престижъ его основанъ еще на томъ, что онъ вѣритъ въ то, что говоритъ. Его совершенно неправильно считаютъ скептикомъ. Напротивъ, это темпераментъ, какимъ

навѣрно, обладали прежніе фанатики. Ставовскій, если бы родился лѣтъ двѣсти тому назадъ и засѣдалъ бы въ какомъ нибудь судилищѣ, такъ же присуждалъ бы людей за кощунства къ какому-нибудь страшному наказанію, какъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно поступали въ прежнія времена. Нынче фанатизмъ этотъ выразился въ иной формѣ—нынче онъ полонъ ненависти къ тому, что нѣкогда любилъ бы, но въ сущности остался вѣренъ своему прототипу.

Между прочимъ, я замѣтилъ, что наши консерваторы окружали Ставовскаго мало того, что съ любопытствомъ, но даже съ нѣкоторымъ кокетствомъ. У насъ, а, можетъ быть, и вездѣ, партія эта не отличается храбростью. Каждый изъ нихъ приближался къ Ставовскому съ слащавымъ выраженіемъ въ глазахъ и съ какъ бы начертанной на немъ фразой: «Хотя я консерваторъ, однако»... И это «однако» было какъ-бы нѣкоторымъ сердечнымъ сокрушеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выходомъ ко всякаго рода компромиссамъ. Это было такъ ясно, что когда я, скептикъ по отношенію ко всѣмъ лагерямъ, началъ спорить со Ставовскимъ, не въ качествѣ представителя какой-нибудь партіи, но просто, какъ человѣкъ, придерживающійся въ данномъ случаѣ иного мнѣнія, то моя дерзость возбудила даже нѣкоторое удивленіе. Былъ поднятъ вопросъ о такъ называемыхъ эксплоатируемыхъ классахъ общества. Ставовскій сталъ распространяться объ ихъ безвыходномъ положеніи, объ ихъ слабости и отсутствіи способности къ защитѣ—и вотъ въ ту минуту, когда около него все болѣе и болѣе увеличивался кружокъ слушателей, я прервалъ его:

— Скажите, пожалуйста, вы признаете теорію Дарвина о борьбѣ за существованіе.

Ставовскій, который по своему образованію естественникъ, охотно пошелъ на диспутъ въ этой области.

— Натурально, — проговорилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ замѣтить, что вы непослѣдовательны. Вотъ, напримѣръ, если бы я, какъ христіанинъ сталъ заботиться о слабыхъ, беззащитныхъ, притѣсняемыхъ, то это было бы вполнѣ естественно: мнѣ такъ заповѣдалъ Христосъ; но вы, съ точки зрѣнія борьбы за существованіе, должны были бы сказать себѣ: существуютъ слабые, существуютъ глупые и, слѣдовательно, они должны быть добычей болѣе сильныхъ—ибо это основной законъ природы—а потому чортъ ихъ возьми. Отчего же вы этого не говорите, объясните мнѣ такое противорѣчіе?

Смутился ли Ставовскій оппозиціей, къ которой не привыкъ, или, быть можетъ, никогда не сопоставлялъ такихъ положеній, но такъ или иначе, въ первую минуту онъ не зналъ, что отвѣтить, и даже не пустилъ въ ходъ слова альтруизмъ, который, впрочемъ, является довольно сухимъ терминомъ.

Присутствующіе при этомъ консерваторы одинъ за другимъ стали эмигрировать на мою сторону, и я легко сдѣлался бы героемъ вечера, если бы не то обстоятельство, что было уже поздно, что мнѣ стало скучно и хотѣлось къ ночи вернуться въ Плошовъ. Постепенно и всѣ начали собираться домой.

Я уже надѣлъ шубу и въ нѣкоторомъ нетерпѣніи искалъ свое пэксэ, которое куда-то запропастилось, какъ вдругъ Ставовскій, найдя, очевидно, отвѣтъ, приблизился ко мнѣ и сказалъ:

— Вы меня спросили, почему я...

Но такъ какъ мои поиски пэнснэ все еще не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе чего я былъ золъ, то тотчасъ прервалъ его.

— Скажу вамъ откровенно, что вопросъ этотъ меня не особенно интересуетъ. Вы видите, уже поздно, всѣ выходятъ; притомъ я болѣе или менѣе догадываюсь о томъ, что вы мнѣ можете сказать, а потому позвольте вамъ пожелать покойной ночи.

Мнѣ кажется, что я создалъ себѣ въ немъ смертельнаго врага, особенно своимъ послѣднимъ отвѣтомъ.

Былъ уже часъ пополуночи, когда я пріѣхалъ въ Плошовъ, но здѣсь былъ пораженъ самой пріятной неожиданностью.

Анеля ждала меня въ столовой съ чаемъ. Она была совершенно одѣта, только волосы ея были причесаны, какъ-ко сну. Судя по той радости, какая овладѣла мной при видѣ Анели, я заключаю, какъ глубоко проникла моя привязанность къ ней. Какое это милое существо, и какъ она была прелестна съ своими роскошными волосами, заплетенными низко на шеѣ. И подумать только, что одно лишь слово съ моей стороны, и черезъ мѣсяцъ или два я буду въ правѣ распустить эти волосы по плечамъ. Чувствую, что я не могу думать объ этомъ спокойно. Даже не вѣрится, чтобы счастье было такъ близко, такъ достижимо.

Я пожурилъ ее за то, что не спитъ, но она отвѣтила мнѣ:

— Мнѣ вовсе не хотѣлось спать, а потому я упросила маму и тетю, чтобы мнѣ позволили ждать тебя. Мама находила это неприличнымъ, но я объяснила, что вѣдь мы родственники—и знаешь, кто принялъ мою сторону?—тетя!

— Славная тетя! Ты выпьешь со мной чаю?

— Хорошо.

И Анеля тотчасъ стала хозяйничать. Я видѣлъ ея ловкія, изящныя руки, которыя мнѣ очень хотѣлось цѣловать. Время отъ времени она подымала на меня глаза, но, встрѣчаясь съ моимъ взглядомъ, тотчасъ опускала ихъ. Наконецъ, Анеля стала меня разспрашивать, какъ я провелъ вечеръ, и какое онъ на меня произвелъ впечатлѣніе. Оба мы говорили вполголоса, хотя спальни старшихъ дамъ расположены были далеко, и мы не могли разбудить ихъ своимъ разговоромъ. Между нами установились какая-то сердечность и простота, именно, какъ между родственниками, которые очень любятъ другъ друга.

Я разсказалъ ей все, что видѣлъ и замѣтилъ такъ, какъ только разсказываютъ своему другу. Затѣмъ я говорилъ вообще о впечатлѣніи, какое здѣшнее общество производитъ на человѣка, пріѣзжающаго изъ далекихъ странъ. Анеля внимательно слушала, время отъ времени широко раскрывая глаза, счастливая, что я повѣряю ей свои мысли.

Потомъ она сказала мнѣ:

— Отчего бы тебѣ, Леонъ, не написать этого? Что мнѣ не приходятъ подобныя мысли въ голову, такъ это неудивительно, но, впрочемъ, здѣсь онѣ, кажется, никому не приходятъ.

— Отчего не пишу?—отвѣтилъ я,—да по многимъ, многимъ причинамъ, которыя когда-нибудь впослѣдствіи тебѣ объясню, но, между прочимъ, быть можетъ, и потому, что возлѣ меня нѣтъ никого, кто бы

поначе спрашивалъ меня такъ, какъ ты: «Отчего ты ничего не дѣлаешь, Леонъ?»

На минуту мы оба умолкли. Быть можетъ, никогда еще рѣсницы Анели не опускались такъ низко, какъ теперь. Мнѣ казалось, что я слышу и чуть ли не вижу, какъ бьется ея сердце. Она вполнѣ могла ожидать, что теперь я скажу ей: «Хочешь ли навсегда остаться со мною и такъ меня спрашивать». Но я слишкомъ наслаждался своимъ положеніемъ на этой покатости, слишкомъ наслаждался трепетаніемъ этого сердца, которое точно билось на моей ладони—и потому мнѣ еще не хотѣлось кончить.

— Покойной ночи,—проговорилъ я черезъ минуту.

И вотъ это поистинѣ ангельское существо рѣшительно ничѣмъ не выказало, что въ этотъ моментъ ее постигло какое-то разочарованіе.

Она встала и съ нѣкоторой печалью въ голосѣ, но безъ тѣни нетерпѣнія отвѣтила:

— Покойной ночи.

И, пожавъ другъ другу руки, мы пошли каждый въ свою сторону. Но, уже взявшись за ручку двери, я внезапно остановился.

— Анеля!

Мы снова сошлись у стола.

— Скажи мнѣ, но только откровенно, не находишь ли ты въ глубинѣ души, что я фантазеръ, что я чудакъ?

— Нѣтъ! чудакъ?—нѣтъ! Иногда я нахожу тебя страннымъ человѣкомъ, но тотчасъ говорю сама себѣ, что такіе люди, какъ ты, должны быть странными.

— Еще одинъ вопросъ: когда тебѣ впервые пришло въ голову, что я странный человѣкъ?

Анеля внезапно покраснѣла. Она была прелестна, когда этотъ румянецъ заигралъ на ея лицѣ; спустя минуту она отвѣтила:

— Нѣтъ... это такъ трудно... Я не сумѣю этого сказать.

— Въ такомъ случаѣ, если я самъ отгадаю, ты, по крайней мѣрѣ, скажи мнѣ: «да». Я тебѣ скажу одно только слово.

— Какое?—спросила она съ видимымъ безпокойствомъ.

— Карточка. Да или нѣтъ?

— Да,—отвѣтила Анеля, опуская головку.

— Теперь я тебѣ скажу, почему мнѣ пришло въ голову написать на ней то, что было на ней написано: вотъ потому именно, чтобы между нами что-нибудь было, чтобы у насъ сразу явилась какая-нибудь общая наша тайна, а, во-вторыхъ...

При этомъ я показалъ ей букетъ, который садовникъ принесъ изъ оранжереи.

— А, во-вторыхъ: видишь ли, нѣкоторые цвѣты лучше растутъ при свѣтѣ, и потому мнѣ еще хотѣлось, чтобы между нами было совершенно свѣтло.

— Я иногда не могу тебя понять,—послѣ минутнаго молчанія отвѣтила Анеля,—но я такъ вѣрю въ тебя!.. такъ вѣрю!..

И опять мы оба умолкли. Наконецъ, я подалъ ей руку на прощанье.

Въ дверяхъ мы еще разъ остановились, одновременно повернулись

и взглянули другъ на друга. Ахъ! какъ этотъ потокъ подымается и подымается. Съ минуты на минуту можно ждать, что онъ хлынетъ на берега.

23 февраля.

Человѣкъ подобенъ морю: у него есть свои приливы и отливы. Сегодня у меня день отлива воли, энергіи, желанія что-нибудь дѣлать и охоты къ жизни. Это произошло безъ всякаго повода—вотъ такъ себѣ—чисто-нервное явленіе.

Но именно поэтому я полонъ самыхъ печальныхъ размышленій. Имѣетъ ли право жениться человѣкъ, усталый физически и духовно состарѣвшійся? Невольно мнѣ вспоминаются слова Гамлета, обращенныя къ Офеліи: «Зачѣмъ тебѣ плодить грѣшниковъ—иди въ монастырь!» Я, конечно, въ монастырь не пойду; и вотъ мое потомство, мои будущіе грѣшники будутъ похожи на меня, будутъ людьми нервными, ни къ чему неспособными, словомъ,—геніями безъ портфеля—да, впрочемъ, ну ихъ! Въ эту минуту дѣло идетъ не о нихъ, но объ Анелѣ. Имѣю ли я право на ней жениться? Можно ли мнѣ связать эту молодую, свѣжую жизнь, полную вѣры въ міръ и Бога, съ моими сомнѣніями, съ моей духовной немощью, съ моимъ безнадежнымъ скептицизмомъ, съ моей мучительной наклонностью къ вѣчному анализу, съ моими нервами?

Что изъ этого выйдетъ? Вѣдь при ней для меня не настанетъ вторая духовная молодость, не настанетъ возрожденіе, мозгъ мой не измѣнится, нервы не окрѣпнутъ, а, слѣдовательно, чѣмъ же все это кончится? Кончится тѣмъ, что она преждевременно увянетъ. Но развѣ это не будетъ чудовищно, ужасно? Неужели мнѣ играть роль полипа, который высасываетъ свою жертву для оживленія себя ея кровью?

Мой мозгъ, положительно, омраченъ. Ибо, съ другой стороны, если это такъ, то зачѣмъ я позволилъ себѣ дойти до того пункта, на которомъ въ настоящее время нахожусь? Что, собственно говоря, я дѣлалъ съ момента знакомства съ Анелей? Я игралъ на струнахъ ея души и попросту давалъ самому себѣ концерты. Но вѣдь то, что для меня является сонатой «Quasi una fantasia» для нея можетъ оказаться сонатой «Quasi un dolore». Да, именно такъ! Я разыгрываю на ней съ утра до вечера—но что еще важнѣе! несмотря на то, что въ данную минуту меня мучатъ укоры, я знаю, что такъ же буду играть завтра и послѣзавтра, какъ игралъ вчера и третьяго дня, такъ какъ меня непреодолимо влечетъ къ ней, такъ какъ ничто въ мірѣ не влечетъ меня болѣе, такъ какъ я жажду этой дѣвушки, какъ женщины, такъ какъ люблю ее. Ибо къ чему себя обманывать?—да, я люблю!

Но, въ такомъ случаѣ, что-же дѣлать: отказаться, уѣхать въ Римъ?—значитъ обмануть ее и сдѣлать ее несчастной. Кто знаетъ, какъ глубоко она отдалась этому чувству. Жениться на ней—значитъ пожертвовать ею для себя и сдѣлать ее несчастной инымъ образомъ. Вотъ заколдованный кругъ! Только люди изъ сорта Плошовскихъ могутъ попасть въ такое положеніе. И чертовски малое теперь утѣшеніе въ томъ, что такихъ Плошовскихъ у насъ слишкомъ достаточно, что имя мое—легіонъ. Какъ, однако, немилосердно обречена такая категорія людей на гибель, какъ намъ, помимо нашей житейской неспособности, во всемъ не везетъ въ

жизни! Вѣдь я съ этой Анелей могъ встрѣтиться лѣтъ десять тому назадъ, когда паруса моей ладьи еще не были такъ продырявлены, какъ нынче.

Ахъ, если бы эта милая, добрая тетя Плошовская знала, какое она нехотя и съ самыми лучшими намѣреніями, причинила мнѣ несчастье, то, навѣрно, очень огорчилась бы. Развѣ мало было трагедіи, проистекавшей изъ сознанія своего ничтожества, изъ того мрака, въ которомъ я блуждаю— и вотъ теперь новая: быть или не быть, но куда тамъ!—хуже, чѣмъ та!

26 февраля.

Вчера я опять ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ мнѣ надо было повидаться съ господиномъ Юліемъ Кв., на имѣніе котораго помѣщена часть капитала, слѣдуемаго мнѣ послѣ матери. Господинъ Юлій Кв. нѣкогда сдѣлалъ заемъ въ кредитномъ обществѣ и теперь хочетъ отдать свой долгъ.

Но чортъ возьми тѣ способы, съ помощью которыхъ ведутся дѣла въ этомъ краѣ. Кв. самъ меня вызвалъ, самъ назначилъ срокъ, и—я напрасно прождалъ его цѣлый день. Онъ вызоветъ меня еще разъ пять и еще пять разъ не явится. Кв. человѣкъ состоятельный, самъ хочетъ избавиться отъ этого долга—и имѣетъ возможность отдать его при первомъ требованіи. Но у насъ на все существуютъ сроки.

На основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, я давно пришелъ къ тому выводу, что въ денежныхъ отношеніяхъ мы являемся однимъ изъ самыхъ легкомысленныхъ и не считающихся со сроками обществъ. Какъ человѣкъ, любящій изслѣдовать всякія причины, я не разъ останавливался надъ этимъ явленіемъ — и вотъ что думаю. По моему мнѣнію, оно безусловно вытекаетъ изъ исключительно земледѣльческаго образа жизни нашего народа. Торговлей у насъ занимались евреи, и тѣ не могли научить насъ пунктуальности — ибо земледѣльцу часто приходится быть неаккуратнымъ, такъ какъ земля чрезвычайно неаккуратна; ему приходится быть, такъ сказать, внѣ срока, такъ какъ земля внѣ срока. Таковой ея характеръ передается и тѣмъ, которые обрабатываютъ ее; затѣмъ онъ входитъ въ складъ моральнаго характера всего общества и постепенно становится наслѣдственнымъ недостаткомъ. Правда, уясненіе такого явленія не улучшило моего расположенія духа, такъ какъ мнѣ пришлось на цѣлый день разстаться съ Анелей, и мало того, въ перспективѣ мнѣ предстоитъ то же самое въ теченіе двухъ дней—но тутъ ничего не подѣлаешь.

Въ квартирѣ тети я нашелъ визитныя карточки Кромицкаго, одну для меня, двѣ для старшихъ дамъ. Я опасался, какъ бы ему не пришло въ голову повторить свой визитъ въ Плошовъ, а потому, за неимѣніемъ ничего лучшаго, отправился къ нему на квартиру, съ цѣлью оставить тамъ свою визитную карточку. Къ моему прискорбію, онъ былъ дома, и мнѣ поневолѣ пришлось просидѣть у него съ полчаса.

Кромицкій началъ съ того, что обѣщалъ навѣстить насъ въ Плошовѣ, но я ему отвѣтилъ, что мы поѣхали туда только отдохнуть на самое короткое время, и что со дня на день собираемся ѣхать въ Варшаву. Онъ разспрашивалъ о матери Анели и, съ большой осторожностью, о самой Анелѣ. Повидимому, ему хотѣлось дать мнѣ понять, что спра-

шиваетъ онъ безъ всякой задней мысли, словомъ—только, какъ знакомый. Я до такой степени впечатлителенъ, что меня и это укололо, такъ какъ что за отвратительная бестія! Очевидно, татары Батыя послѣ побѣды подъ Лигницей не мало накуралесили въ нынѣшней австрійской Силезіи, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что эти маленькіе глаза Кромицкаго, столь похожіе на кофейныя зерна, вовсе не силезскаго происхожденія.

Онъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ, потому собственно, что я человѣкъ состоятельный. Правда, Кромицкій во мнѣ не нуждается, я ему ничего не дамъ, и ему не будетъ никакой пользы отъ моего состоянія, но онъ уже проникся тѣмъ уваженіемъ къ богатству, какимъ вообще отличаются финансисты. Сначала мы говорили о тѣхъ матеріальныхъ затрудненіяхъ, какія пришлось перенести или, вѣрнѣе, какія до сихъ поръ приходится переносить матери Анели. По мнѣнію Кромицкаго, еще многое можно было бы спасти, если бы госпожа N. согласилась продать свое имѣніе. Кромицкій объясняетъ ея упрямство романтизмомъ, такъ какъ, если бы возможно было избѣгнуть разоренія, то оно было бы ему понятно, но если дѣла пойдутъ такъ же, какъ они теперь идутъ, то кончится плохо, развѣ если откуда-нибудь явится «помощь».

Это человѣкъ болтливый, а потому тотчасъ сталъ разглагольствовать о нашей слабости и неурядливости. По его мнѣнію, деньги у насъ лежатъ на мостовой, достаточно только наклониться и взять. Онъ можетъ служить самымъ яркимъ примѣромъ. Отецъ его жилъ, какъ вообще всѣ богатые баре; въ концѣ концовъ у него оказалось столько долговъ, что осталось maximum сто тысячъ гульденовъ — а нынче что?

— Въ настоящее время, если мнѣ удастся одно предпріятіе въ Туркестанѣ, то я вслѣдъ за этимъ могу тотчасъ ликвидировать свои дѣла. Евреи и греки заработали милліоны на поставкахъ, такъ почему же намъ не заработать? Я не ставлю себя въ примѣръ, но только спрашиваю. Тамъ для всѣхъ мѣста достаточно—и потому-то я предлагаю свой вопросъ.

По моему мнѣнію, это человѣкъ, обладающій извѣстной ловкостью въ дѣлахъ, но въ общемъ глупый.

Что мы неурядливы, непредпріимчивы—это старая исторія. Я, конечно, допускаю, что какой-нибудь единичный человѣкъ можетъ на поставкахъ заработать милліоны, но все общество должно работать дома, у себя на родинѣ, а не разсчитывать на милліоны съ поставокъ въ Туркестанѣ.

Богъ, очевидно, берегъ Анелю, коль скоро она не связала своей жизни съ этимъ человѣкомъ. Конечно, у него могутъ быть свои достоинства, но во всякомъ случаѣ это моральный типъ совершенно иного характера. Но если она въ дѣйствительности попадетъ на человѣка хуже меня, то долженъ ли я колебаться?

28 февраля.

Старшія дамы начинаютъ нѣсколько безпокоиться, что дѣло не подвигается такъ скоро, какъ бы имъ хотѣлось, и особенно, навѣрно, недовольна тетя, которая по природѣ нетерпѣлива. Однако, все смягчаетъ и придаетъ бодрость старымъ дамамъ спокойствіе и счастье, отражающіяся въ лицѣ Анели. Она вѣритъ мнѣ, какъ только можно вѣрить человѣку, и посматриваетъ на меня глазами, въ которыхъ я читаю безграничное

довѣріе. Мысли мои до того заняты Анелей, что съ утра до вечера я не могу отъ нея оторваться. Жажду ея все болѣе и болѣе. Теперь уже не желаю концертовъ — желаю только ее.

4 марта.

Сегодняшній день такъ для меня закончился, что я принужденъ собрать все свое спокойствіе и хладнокровіе, чтобы при описаніи излагать все по очереди, а не начинать съ окончанія. Однако, у меня нѣтъ силъ выдержать. Итакъ, жребій брошенъ или почти что брошенъ. Мнѣ не удалось бы ничего написать, если бы прежде всего я не написалъ бы этого.

А теперь мнѣ можно начать. Около полудня на ранній обѣдъ пріѣхали Снятыньскіе. Сегодня въ театрѣ ставится его новая пьеса, а потому вечеромъ имъ придется вернуться въ городъ. Хотя намъ очень хорошо въ плошовской пустынѣ, однако пріѣздъ ихъ чрезвычайно насъ обрадовалъ. Анеля къ нимъ искренно привязана, и я также предполагаю, что она чувствовала потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь всѣмъ, что накопилось въ ея душѣ. Госпожа Снятыньская сразу догадалась, въ какомъ положеніи находятся дѣла, и даже, насколько могла, подставляла свои плечики подъ колесницу, чтобы она какъ можно скорѣе сдвинулась съ мѣста. Еле они пріѣхали, и еле начался разговоръ о нашемъ тихомъ деревенскомъ уголкѣ, какъ она тотчасъ сказала тетѣ:

— Ахъ! какъ тутъ мило и спокойно! Теперь я вполнѣ понимаю, что и этой молодой парѣ очень хорошо здѣсь, и что они не тоскуютъ по Варшавѣ.

Какъ я, такъ и Анеля, отлично поняли, что госпожа Снятыньская, называя насъ молодой парой, имѣетъ въ виду не нашъ возрастъ. Впрочемъ, во время обѣда она нарочно повторила разъ десять: то «молодая пара», то «молодые», какъ бы противополагая насъ старшимъ дамамъ.

Но во взглядахъ госпожи Снятыньской столько выражалось по отношенію къ намъ симпатіи и столько чисто женскаго любопытства ко всему, о чемъ мы другъ съ другомъ бесѣдуемъ, и такъ это было ей къ лицу, что я охотно прощалъ ей это добродушное, честное вмѣшательство. Я дошелъ до того, что мнѣ это умышленное сопоставленіе нашихъ именъ скорѣе нравится, чѣмъ раздражаетъ.

Анеля, казалось, также слушала это съ удовольствіемъ. Въ ея радушіи къ Снятыньскимъ, въ ея предупредительности во время обѣда было что-то такое, что она дѣйствительно производила впечатлѣніе молодой хозяйки, въ первый разъ принимающей милыхъ гостей въ собственномъ домѣ. Тетю это чрезвычайно радовало, и она въ продолженіе всего обѣда была необыкновенно любезна со Снятыньскими. При этомъ я замѣтилъ что-то неслыханное, чему безусловно не повѣрилъ бы, если бы не смотрѣлъ на это собственными глазами: у госпожи Снятыньской краснѣютъ уши, когда кто-нибудь расхваливаетъ ея мужа. Краснѣть при каждой похвалѣ мужу, спустя восемь лѣтъ послѣ свадьбы. нѣтъ!. ужъ не написалъ ли я капитальныхъ глупостей, говоря раньше о польскихъ?

Обѣдъ прошелъ для насъ отлично. Одна такая пара можетъ вызвать массу браковъ, такъ какъ каждый, глядя на нихъ, скажетъ самому себѣ: «Э!. если это такъ. то я женюсь!» Мнѣ, по крайней мѣрѣ, впервы

случилось увидѣть супруговъ не въ сѣромъ сумракѣ житейской прозы, но въ такомъ веселомъ свѣтѣ.

Очевидно, Анеля также видѣла нашу будущность сквозь этотъ свѣтъ, я понялъ это по ея сіявшему радостью лицу.

Послѣ обѣда мы остались со Снятыньскимъ въ столовой, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что онъ не прочь выпить послѣ кофе рюмку-другую коньяку; старшія дамы отправились въ смежную залу, Анеля и госпожа Снятыньская побѣжали наверхъ за какими-то альбомами съ видами Волыни, я же сталъ разспрашивать Снятыньскаго о его пьесѣ, изъ-за которой онъ безпокоился. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ нашему прошлому, когда мы оба пробовали взлетать на еще неоперенныхъ крыльяхъ. Снятыньскій разсказывалъ мнѣ, какъ постепенно въ немъ признали талантъ, какъ не разъ онъ сомнѣвался въ себѣ и какъ еще до сихъ поръ часто сомнѣвается, несмотря на то, что въ настоящее время занимаетъ сравнительно видное положеніе.

— Скажи мнѣ,—спросилъ я его,—что ты дѣлаешь со своей славой?

— Какъ-такъ, что дѣлаю со славой?

— Ну, носишь ли ты ее, какъ митру, на головѣ или, какъ золотое руно, на шеѣ, стоитъ ли она на твоемъ бюро, или виситъ въ залѣ? Видишь ли, я спрашиваю, какъ человѣкъ, который не имѣетъ понятія, что это такое, что съ ней дѣлаютъ, когда ею обладаютъ?

— Допустимъ, что она у меня есть, въ такомъ случаѣ, я скажу тебѣ вотъ что: надо быть чертовски убогимъ въ духовномъ отношеніи, чтобы такъ называемую славу носить на головѣ, на шеѣ, ставить ее на бюро или вѣшать въ залѣ. Признаюсь, что сначала это льститъ самолюбію, но развѣ только интеллигентному «parvenu» такая лесть можетъ заполнить жизнь и замѣнить всѣ остальные виды счастья. Иное дѣло убѣжденіе, что твое дѣло полезно для общества, что оно отдается эхомъ въ различныхъ его слояхъ—вотъ въ этомъ человѣкъ можетъ найти удовлетвореніе. Но, чтобы меня могло осчастливить, когда кто-нибудь съ болѣе или менѣе глупымъ выраженіемъ лица скажетъ мнѣ въ обществѣ: «Мы обязаны вамъ столькими пріятными минутами», или когда я съѣмъ что-либо неудобоваримое, а какая-нибудь газета тотчасъ напечатаетъ: «Сообщаемъ нашимъ читателямъ печальное извѣстіе. У нашего извѣстнаго X. X. болитъ животъ»—чтобы меня это могло осчастливить?—фи! за кого ты меня принимаешь?

— Послушай, — сказалъ я,—во мнѣ также нѣтъ ни суетности, ни тщеславія, но человѣкъ желаетъ отъ людей похвалы. Это врожденная страсть. Ей-Богу, я человѣкъ не тщеславный и, однако, скажу тебѣ откровенно: когда люди признаютъ во мнѣ какія-нибудь способности, когда говорятъ о нихъ, когда ихъ жалѣютъ, то хотя въ то время мое ничтожество выдѣляется въ моихъ глазахъ ярче, чѣмъ когда бы то ни было, тѣмъ не менѣе это доставляетъ мнѣ, быть можетъ, горькое удовольствіе—но все же удовольствіе.

— Потому что ты самъ себя жалѣешь, въ чемъ, впрочемъ, ты правъ. Но не уклоняйся отъ вопроса. Я вовсе не доказываю, что кому-нибудь можетъ доставить удовольствіе, когда его назовутъ осломъ.

— Но то уваженіе, которое идетъ вслѣдъ за славой?

Снятыньскій, который по природѣ отличается большой живостью и во время разговора имѣетъ обыкновеніе бѣгать по комнатѣ, присаживаться на всѣ стулья, столы, на этотъ разъ присѣлъ на окно и отвѣтилъ:

— Уваженіе? Ты ошибаешься, мой дорогой. Наше общество имѣетъ свои странности. У насъ господствуетъ чисто-республиканская зависть. Напримѣръ, я пишу комедіи, работаю для театра—хорошо! Я пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность—еще лучше, но вотъ въ чемъ дѣло. Мои комедіи возбудятъ зависть—и ты думаешь, что только въ другомъ драматургѣ?—неправда. Мнѣ изъ-за нихъ будутъ завидовать: инженеръ, банковскій чиновникъ, педагогъ, врачъ, желѣзнодорожный агентъ, словомъ, люди, которые и безъ того никогда не писали комедій. Всѣ они въ сношеніи съ тобой будутъ выказывать, что не придаютъ тебѣ особеннаго значенія, а въ разговорахъ за твоей спиной будутъ относиться къ тебѣ пренебрежительно, будутъ нарочно умалять твой талантъ, чтобы, благодаря этому, самимъ стать болѣе замѣтными. Если кто-нибудь заказалъ себѣ сюртукъ у того же самаго портного, у котораго ты заказываешь, то при первомъ удобномъ случаѣ, при встрѣчѣ съ знакомыми, онъ пожметъ плечами и скажетъ: «Снятыньскій? большая важность! Онъ заказываетъ платье у Пацыкевича такъ же, какъ и я!» Вотъ, какъ у насъ—вотъ, что влечетъ за собой твоя слава!

— Однако, она чего-нибудь да стоитъ, коль скоро люди изъ-за нея ломаютъ себѣ шеи.

Снятыньскій нѣсколько призадумался, а затѣмъ серьезно сказалъ:

— Въ частной жизни слава настолько цѣнна, насколько она можетъ служить подножіемъ для любимой женщины.

— Такимъ опредѣленіемъ ты пріобрѣтешь себѣ новую славу.

Снятыньскій быстро подбѣжалъ ко мнѣ.

— Да! да!—воскликнулъ онъ.—Собери свои лавры, иди съ ними къ любимому существу и скажи ему: «То, изъ-за чего люди ломаютъ себѣ шеи, что считаютъ счастьемъ, цѣнятъ наравнѣ съ богатствомъ, то у меня есть, мною добыто, а теперь ставь же на него свои ножки!» Если ты такъ сдѣлаешь, то будешь любимъ всю жизнь—понимаешь? Тебѣ хотѣлось знать, чего стоитъ слава—ну, вотъ теперь знай!

Дальнѣйшій нашъ разговоръ на эту тему былъ прерванъ приходомъ госпожи Снятыньской и Анели. Онѣ собирались отправиться въ оранжерею.

Однако, что за бѣсенокъ сидитъ въ госпожѣ Снятыньской! Она пришла какъ будто затѣмъ, чтобы спросить мужа, можно ли ей идти, а когда тотъ, согласившись, попросилъ ее соотвѣтственно одѣться потеплѣе, обратилась ко мнѣ съ лукавой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, милой улыбкой:

— А вы позволите Анелѣ итти?

Что Анеля покраснѣла до ушей — вполнѣ натурально, но что я, старый волкъ, также смутился въ первую минуту, этого я не могу себѣ простить. Стараясь овладѣть собой, я подошелъ къ Анелѣ, поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и проговорилъ:

— Здѣсь въ Плошовѣ приказываетъ Анеля, и я первый подчиняюсь ея приказаніямъ.

Мнѣ хотѣлось предложить Снятыньскому отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ оранжерею, но я удержался. Я чувствовалъ потребность говорить объ

Анелѣ, о моей будущей женитьбѣ, да къ тому же было очевидно, что Снятыньскій въ концѣ концовъ коснется и этого вопроса. Я даже облегчилъ ему переходъ къ этой темѣ, тотчасъ спросивъ его послѣ ухода нашихъ дамъ:

— Итакъ, ты всегда непоколебимо вѣришь въ свои житейскіе догматы?

— Больше, чѣмъ когда бы то ни было или, вѣрнѣе, всегда одинаково. Нѣтъ на свѣтѣ слова болѣе затасканнаго, какъ слово «любовь», и оттого мнѣ даже непріятно его повторять, но тебѣ я скажу: любовь въ общемъ значеніи, любовь въ частномъ значеніи—вотъ это мои житейскіе каноны. Моя философія основывается на томъ, чтобы надъ ними не философствовать. Безъ нихъ жизнь ничего не стоитъ.

— Поговоримъ объ этой частной любви или лучше замѣнимъ это слово словомъ женщина.

— Хорошо, замѣнимъ. Итакъ: женщина!

— Дорогой мой, но развѣ ты не видишь, на какомъ непрочномъ фундаментѣ ты строишь личное счастье.

— Онъ настолько же непроченъ, насколько, вообще, непрочна сама жизнь—не болѣе.

Но я не имѣлъ въ виду тѣхъ несчастій, причиной которыхъ является смерть—и потому замѣтилъ Снятыньскому:

— Не обобщай своего личнаго счастья. Ты удачно выбралъ, но вѣдь можно и плохо выбрать.

Снятыньскій не хотѣлъ даже объ этомъ слушать. Онъ утверждалъ, что изъ ста разъ можно хорошо выбрать девяносто разъ. Женщины, по его мнѣнію, лучше, чище и благороднѣе насъ.

— Мы въ сравненіи съ ними негодяи!—кричалъ онъ, размахивая руками.—Да, именно, негодяи! Я говорю тебѣ это потому, что наблюдаю жизнь и умѣю наблюдать, хотя бы въ силу своей профессіи драматурга.

При этомъ Снятыньскій сѣлъ на кресло, какъ на лошадь, и, постепенно подвигаясь ко мнѣ, продолжалъ съ неменьшей горячностью.

— Есть, по словамъ Дюма, обезьяны изъ страны Нодъ, которымъ нѣтъ удержу, но вѣдь на то у тебя есть глаза, чтобы не взять обезьяны изъ страны Нодъ; вообще женщина не обманетъ мужа, не измѣнитъ ему, развѣ только, если онъ самъ испортитъ, развратитъ ее, надругается надъ ея чувствомъ или оттолкнетъ ее своей низменностью, своимъ эгоизмомъ, узостью своихъ взглядовъ, своей жалкой и ничтожной натурой. Притомъ, люби ее! Пусть она чувствуетъ себя не только твоей самкой, но твоимъ ребенкомъ и другомъ, носи ее въ своемъ сердцѣ, согрѣвай ее теплотой твоего чувства, и тогда ты можешь быть спокоенъ, тогда съ каждымъ годомъ она будетъ крѣпче прижиматься къ тебѣ, и, наконецъ, вы сростетесь, какъ сіамскіе близнецы. Не дашь ты ей этого, испортишь ее, оттолкнешь своимъ ничтожествомъ—и она уйдетъ! Уйдетъ, лишь только къ ней протянетъ руку какой-нибудь болѣе благородный человѣкъ, такъ какъ должно уйти, такъ какъ она жаждетъ этой сердечной теплоты, этого сочувствія, какъ воздуха для дыханія.

Говоря это, онъ настолько приблизился ко мнѣ и такъ прижалъ меня спинкой кресла, что я принужденъ былъ ретироваться. Такимъ образомъ,

мы пододвинулись къ самому окну. Тамъ Снятыньскій вскочилъ съ кресла и продолжалъ:

— Какъ вы тупы! При такой общественной засухѣ, при такомъ отсутствіи общаго счастья, какимъ отличается нашъ вѣкъ, при отсутствіи болѣе или менѣе широкихъ задачъ, что бы создать, по крайней мѣрѣ, такое счастье, такую основу! Мерзнуть на форумѣ и еще у себя дома не зажечь огня на очагѣ! Глупость не можетъ идти далѣе! Я тебѣ откровенно говорю: женись!..

При этомъ онъ указалъ мнѣ на Анелю, возвращавшуюся съ его женой изъ оранжереи.

— Вотъ гдѣ твое счастье! Вонъ тамъ оно идетъ въ калошахъ по снѣгу! Повторяю тебѣ: женись! Цѣни ее на вѣсъ золота! Впрочемъ, что я говорю, на вѣсъ золота—на караты—понимаешь! У тебя, вѣдь, попросту нѣтъ постояннаго мѣста жительства, не только въ физическомъ отношеніи, но и въ умственномъ и духовномъ; у тебя нѣтъ основъ, нѣтъ спокойствія, она тебѣ все это дастъ. Только не профилософствуй ея, какъ ты профилософствовалъ свои способности и свои тридцать пять лѣтъ жизни!..

Снятыньскій не могъ мнѣ сказать ничего лучшаго, болѣе благороднаго и болѣе согласнаго съ моими желаніями, а потому я крѣпко пожалъ ему руку и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я ея не профилософствую, потому что люблю ее.

И мы съ нимъ дружески обнялись.

Тѣмъ временемъ пришли молодыя дамы. Снятыньская, замѣтивъ насъ обнимающимися, сказала:

— Уходя, мы слышали какой-то споръ, но теперь я вижу, что онъ кончился миромъ. Можно ли узнать, о чемъ была рѣчь?

— О женщинахъ,—отвѣтилъ я.

— И какой же результатъ?

— Какъ видите: объятія, а дальнѣйшія послѣдствія скажутся въ непродолжительномъ времени.

Въ эту минуту къ крыльцу подъѣхали сани Снятыньскихъ. Послѣ короткаго зимняго дня наступилъ вечеръ, и нашимъ гостямъ необходимо было возвращаться въ городъ. Въ виду того, что погода была хороша, мы съ Анелей рѣшили проводить ихъ до поворота на большой дорогѣ

Такъ и случилось. Простившись съ этой милой парой, мы возвращались домой. Хотя уже темнѣло, на небѣ еще догорала вечерняя заря, и я отлично видѣлъ лицо Анели. Она была взволнована. Я догадался, что у нея со Снятыньской былъ интимный разговоръ обо мнѣ; быть можетъ, Анеля надѣялась, что именно теперь я произнесу ожидаемое ею слово. И мнѣ страстно хотѣлось его произнести, но странно... я, который полагалъ, что въ сердечныхъ дѣлахъ владѣю собою, какъ рѣдко кто владѣетъ, я, считающій себя концертнымъ артистомъ, который въ «часы упражненій», если не съ достаточной ловкостью, то, по крайней мѣрѣ, съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, парировалъ самые мастерскіе удары, : въ эту минуту былъ взволнованъ, какъ студентъ. Какая разница въ чувствахъ! Я боялся, что не сумѣю связать нѣсколькихъ фразъ— и молчалъ.

Въ этомъ молчаніи мы направлялись къ крыльцу. Было довольно

скользко, и я подалъ ей руку. Когда Анеля оперлась на нее, я еще разъ почувствовалъ, до чего желанна для меня эта женщина. Черезъ минуту чувство это такъ овладѣло мной, что меня проняла дрожь, а по всѣмъ моимъ нервамъ точно забѣгали искры.

Мы вошли въ прихожую.

Тамъ никого не было, было даже темно, и только сквозь дверцы топившейся печки проблескивало пламя.

Въ сумракѣ и въ непрерываемомъ молчаніи, я сталъ снимать съ Анели шубку, и, когда внезапно изъ-подъ этой шубки пахнуло на меня тепломъ ея, я обнялъ Анелю и, прижавъ къ себѣ, прикоснулся губами къ ея лицу.

Это случилось чуть ли не безсознательно. Анеля, должно быть, попросту онѣмѣла, потому что не оказала мнѣ ни малѣйшаго сопротивленія. Но спустя минуту она опомнилась и выскользнула изъ моихъ объятій, такъ какъ въ другой прихожей послышались шаги лакея, который несъ лампу, Анеля убѣжала къ себѣ наверхъ; я же, сильно взволнованный, вошелъ въ столовую.

Почти каждому мужчинѣ случалось переживать подобныя минуты, случалось и мнѣ, но я въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, бывалъ спокоенъ и сохранялъ полнѣйшее сознаніе. Теперь же впечатлѣнія и мысли такъ быстро проносились въ моей головѣ, точно ихъ гналъ вѣтеръ. Къ счастью, столовая была пуста; тетя и мать Анели сидѣли въ другой меньшей залѣ.

Вскорѣ я вошелъ туда, но мысли мои гдѣ-то блуждали такъ далеко, что я еле понималъ, что мнѣ говорили эти дамы. Меня охватило безпокойство. Въ моемъ воображеніи мелькала картина, какъ Анеля сидитъ въ эту минуту въ своей комнатѣ и въ волненіи сжимаетъ себѣ виски руками; я старался понять и представить себѣ, что происходитъ теперь въ ея головѣ и сердцѣ.

Спустя немного пришла Анеля. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, такъ какъ не знаю почему, но мнѣ казалось, что она не выйдетъ въ этотъ вечеръ. Лицо ея горѣло, а глаза блестѣли, какъ бы со сна. Очевидно, она старалась охладить свое разгоряченное лицо пудрой, потому что слѣды ея были замѣтны на лѣвомъ вискѣ. Видъ ея меня растрогалъ. Я почувствовалъ, что люблю ее сильно, глубоко.

Хотя Анеля взялась за какую-то работу и сидѣла, низко опустивъ свою головку, мнѣ, однако, удалось замѣтить ускоренное дыханіе ея груди и раза два уловить ея вопрошающій и полный безпокойства взглядъ.

И вотъ, желая разсѣять это безпокойство, я вмѣшался въ разговоръ старшихъ дамъ, которыя говорили о Снятыньскихъ, и сказалъ:

— Снятыньскій упрекалъ меня нынче въ томъ, что я Гамлетъ, такъ какъ слишкомъ много философствую, но я ему докажу, что онъ ошибается—и не далѣе, какъ завтра.

Слово «завтра» я произнесъ съ удареніемъ и замѣтилъ, что Анеля это отлично поняла, потому что окинула меня долгимъ взглядомъ, тетя же, вовсе не догадываясь, въ чемъ дѣло, спросила:

— Такъ вы, значитъ, увидитесь завтра?

— Намъ надо быть на его пьесѣ; если Анеля согласится, то, быть можетъ, завтра мы отправимся?

Милая дѣвушка подняла на меня свои смущенные, но полные довѣрія, глаза и съ невыразимой нѣжностью отвѣтила:

— Я съ радостью на все соглашусь!

Была минута, когда мнѣ хотѣлось кончить сразу, и, быть можетъ, я долженъ былъ кончить, но такъ какъ слово «завтра» было уже сказано, то я сдержалъ себя.

Я ощущаю въ себѣ то же, что ощущаетъ человѣкъ, когда онъ зажимаетъ себѣ пальцами глаза, уши и ноздри передъ тѣмъ, какъ нырнуть въ глубину.

Но при этомъ я думаю, что найду на днѣ той глубины настоящую жемчужину.

6 марта. Римъ, Casa Osoria.

Со вчерашняго дня я въ Римѣ. Отецъ мой не такъ боленъ, какъ я опасался. Лѣвая рука и вся лѣвая сторона тѣла наполовину парализованы, но доктора успокаиваютъ меня, увѣряя, что сердцу не грозитъ параличъ, и что въ такомъ состояніи можно прожить цѣлые года.

7 марта.

Итакъ, Анеля осталась въ неизвѣстности и ожиданіи. Но мнѣ нельзя было иначе поступить. На слѣдующій день, послѣ визита Снятыньскихъ въ Плошовѣ, то есть въ тотъ самый день, когда я рѣшилъ сдѣлать предложеніе Анелѣ, изъ Рима пришло письмо отъ отца, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о своей болѣзни: «Спѣши, дорогой мой мальчикъ—писалъ отецъ—мнѣ хочется еще разъ обнять тебя передъ смертью, такъ какъ чувствую, что моя ладья уже подошла къ тихой пристани». Само собой разумѣется, что, получивъ такое письмо, я съ первымъ же поѣздомъ выѣхалъ за границу и нигдѣ не останавливался вплоть до самаго Рима. Въ моментъ отъѣзда я былъ почти увѣренъ, что уже не застану отца въ живыхъ. Тщетно тетя успокаивала меня, говоря, что, если бы опасность дѣйствительно была такъ велика и внезапна, то отецъ вмѣсто письма велѣлъ бы послать телеграмму. Но я зналъ, что у отца есть свои странности, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежитъ его антипатія къ телеграфамъ. Тетя, впрочемъ, только притворялась спокойной, на самомъ же дѣлѣ была такъ же встревожена, какъ и я.

При такой поспѣшности, тревогѣ и опасеніи весьма возможной смерти отца, нельзя же было, да мнѣ и не хотѣлось, сдѣлать предложеніе. Это было бы чѣмъ-то противнымъ природѣ и циничнымъ съ моей стороны—шептать нѣжныя слова, не зная, не въ эту ли самую минуту отецъ мой испускаетъ свой послѣдній вздохъ. Всѣ это понимали, и болѣе всѣхъ понимала Анеля. Въ моментъ отъѣзда я сказалъ ей: «Я напишу тебѣ изъ Рима»—на что она отвѣтила: «Прежде всего да пошлетъ тебѣ Богъ спокойствіе!» Анеля вѣритъ мнѣ вполнѣ. Основательно или неосновательно, но обо мнѣ составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ легкомысленномъ по отношенію къ женщинамъ, и такое мнѣніе, по всей вѣроятности, дошло до слуха Анели, но, быть можетъ, именно оттого это дорогое существо тѣмъ болѣе выказываетъ мнѣ довѣрія. Я отгадываю и понимаю, что она думаетъ и чувствуетъ. Я почти слышу, какъ ея чистая душа говоритъ мнѣ: «Тебя оклеветали; ты не легкомысленъ, а тѣ, которые обвиняютъ

тебя въ легкомысліи, дѣлаютъ это оттого, что не умѣли тебя любить, ни такъ искренно, ни такъ глубоко, какъ я люблю». И Анеля права. Быть можетъ, конечно, мое настроеніе отличается нѣкоторой неровностью, но что на развитіе такого настроенія повліяли неровность и безплодіе чувствъ, на которыя мнѣ приходилось наталкиваться—это не подлежитъ сомнѣнію. Это могло даже окончательно исказить и изсушить мое сердце, и, если бы на самомъ дѣлѣ такъ случилось, тогда такому существу, какъ Анеля, пришлось бы расплачиваться за вины другихъ. Но я полагаю, что еще возможно спасеніе, и что благословенный врачъ не придетъ слишкомъ поздно. Впрочемъ, кто знаетъ, бываетъ ли вообще слишкомъ поздно, и не обладаетъ ли всегда благородное и чистое сердце женщины даромъ воскрешать мертвыхъ?

Быть можетъ, сердце мужчины обладаетъ большей способностью къ возрожденію. Существуетъ какое-то сказаніе объ іерихонской розѣ, которая, даже совершенно увянувъ, лишь только оросится, хотя каплей дождя, тотчасъ оживаетъ и пускаетъ новые листочки. Я замѣтилъ, что природа мужчины болѣе эластична, чѣмъ природа женщины. Мужчина подчасъ такъ погрязнетъ въ самомъ ужасномъ развратѣ, что половина этого яда навсегда покрыла бы смертельной проказой женщину; между тѣмъ сынъ Адама не только умѣетъ стряхнуть съ себя заразу, не только съ легкостью возстанавливаетъ моральное здоровье и свѣжесть, но даже дѣвственную чистоту сердца. То же самое и въ отношеніи чувства. Мнѣ случалось знать женщинъ съ сердцемъ, до такой степени очерствѣвшимъ, что онѣ окончательно утратили способность не только любить, но даже уважать кого-нибудь или что-нибудь. Мужчинъ же такихъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Да, любовь, положительно, возвращаетъ намъ дѣвственную свѣжесть.

Подобныя сужденія могутъ казаться странными въ устахъ скептика, но вѣдь я не болѣе довѣряю своимъ сомнѣніямъ, нежели всякаго рода утвержденіямъ, аксіомамъ и наблюденіямъ, которыя массѣ служатъ основами жизни. Въ каждую минуту я готовъ согласиться съ тѣмъ, что мои сомнѣнія могутъ быть одинаково далекими отъ истиннаго существа дѣла, какъ тѣ аксіомы. Во-вторыхъ, эти строки я пишу подъ вліяніемъ чувства къ Анелѣ, которая, быть можетъ, сама не сознаетъ, какой вѣрный путь она избрала, выказывая мнѣ столь безграничное довѣріе, какъ это меня трогаетъ и какъ сильно приковываетъ къ ней. Впрочемъ, случается ли мнѣ говорить о любви или о какомъ-нибудь иномъ жизненномъ факторѣ, я всегда говорю и пишу то, что мнѣ кажется нынче. Каково будетъ мое мнѣніе завтра,—не знаю. Ахъ, если бы я зналъ, что какое-нибудь мое воззрѣніе, какое-нибудь убѣжденіе, какой-нибудь принципъ устоитъ передъ завтрашнимъ и послѣзавтрашнимъ дуновеніемъ скептицизма, я схватился бы за него, какъ за якорь спасенія, сдѣлалъ бы его своимъ священнымъ догматомъ—и плылъ бы, подобно Снятыньскому, на полныхъ парусахъ и въ сіяніи свѣта, вмѣсто того, чтобъ блуждать во мракѣ и пустотѣ.

Впрочемъ, у меня нѣтъ желанія возвращаться къ трагедіи своей души. Что касается любви вообще, то мнѣ, какъ человѣку, скептически относящемуся къ жизни и всѣмъ ея прояленіямъ, можно и къ ней при-

мѣнить изреченіе Соломона: vanitas vanitatum, но я былъ бы развѣ ужъ совершенно слѣпымъ, если бы не замѣтилъ, что изъ всѣхъ жизненныхъ факторовъ это самый могучій и дотого могучій, что когда я о немъ думаю, когда окидываю взглядомъ міровую жизнь, то каждый разъ меня поражаетъ его всемогущество. Хотя это все извѣстно, такъ же извѣстно, какъ восходъ солнца, какъ приливы и отливы океана—тѣмъ не менѣе всегда одинаково поразительно. Послѣ Эмпедокла, который утверждалъ, что Эротъ создалъ міры изъ хаоса, метафизика въ этомъ отношеніи ни на шагъ не подвинулась впередъ. Одна лишь смерть является одинаково безотносительной силой, но въ вѣчной борьбѣ этихъ двухъ силъ, любовь всегда беретъ ее за горло, давитъ ее, бьетъ ее днемъ и ночью, бьетъ каждую весну, слѣдуетъ за ней по пятамъ; и въ каждую могилу, которую она выроетъ, бросаетъ сѣмена новой жизни. Люди, занятые будничными дѣлами, забываютъ или не хотятъ помнить, что они исключительно только служатъ любви. Какъ это ни странно, но воинъ, государственный канцлеръ, земледѣлецъ, купецъ, банкиръ въ своихъ усиліяхъ, съ виду не имѣющихъ никакой связи съ любовью, въ сущности исполняютъ только велѣніе природы, въ силу котораго руки мужчины простираются къ женщинѣ. Какимъ безумнымъ парадоксомъ показалось бы Бисмарку, если бы ему кто-нибудь сказалъ, что окончательной и единственной цѣлью его стараній было то, чтобы уста Германа слились съ устами Доротеи. Мнѣ въ данную минуту эта мысль тоже кажется парадоксомъ, и однако!.. однако, Бисмаркъ работаетъ надъ усиленіемъ могущества Германіи, но усиленіе его возможно не иначе, какъ только благодаря Герману и Доротеѣ. Что же больше остается дѣлать Бисмарку, какъ не стремиться съ помощью политики и штыковъ создать такія условія, при которыхъ Германъ и Доротея могли бы спокойно любить другъ друга, счастливо соединиться и ростить новое поколѣніе.

Еще въ университетѣ, мнѣ, однажды случилось прочесть какую-то арабскую легенду, въ которой сила любви сравнивается съ силою адскихъ клещей. Я забылъ фамилію поэта, но мысль сохранилась въ моей памяти. Въ самомъ дѣлѣ, голова идетъ кругомъ, когда подумаешь о ея всемогуществѣ. Въ концѣ концовъ всѣ проявленія жизни оказываются лишь разнородными формами одного и того же фактора. Это элеатское: «ἓν καὶ πᾶν». Одна лишь любовь существуетъ, она одна всѣмъ владѣетъ, вѣчно живетъ, все сосредоточиваетъ, все поддерживаетъ, все создаетъ.

10 марта.

Сегодня мнѣ пришлось изорвать три или четыре письма къ Анелѣ. Послѣ обѣда я пошелъ въ кабинетъ къ отцу, чтобы переговорить съ нимъ о планахъ тети. Я засталъ его за разсматриваніемъ сквозь увеличительное стекло эпилихній, присланныхъ ему изъ Пелопонеса. Онъ отлично выглядѣлъ въ своей комнатѣ, похожей на музей, наполненной этрусскими сосудами, кусками статуй и всякими родами греческихъ и римскихъ древностей. Въ такой обстановкѣ лицо его напоминало лицо «божественнаго» Платона или какого-либо иного греческаго мудреца. Черезъ минуту послѣ моего прихода, отецъ прервалъ работу, выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, а затѣмъ спросилъ:

— Ты колеблешься?

— Не колеблюсь, но раздумываю и хочу знать, почему мнѣ это хочется.

— Въ такомъ случаѣ, я тебѣ вотъ что скажу: я былъ человѣкомъ, который не менѣе тебя любилъ давать себѣ отчетъ, какъ относительно самого себя, такъ и относительно всѣхъ явленій жизни, но когда познакомился съ твоей матерью, то тотчасъ потерялъ эту наклонность. Я зналъ лишь одно: что жажду ея, и ничего болѣе мнѣ не хотѣлось знать.

— Слѣдовательно?

— Слѣдовательно, если ты жаждешь ея такъ же сильно, то женись. Впрочемъ, я не такъ выразился: если жаждешь такъ же сильно, то ты женишься безъ чьего бы то ни было совѣта и помощи и будешь такъ же счастливъ, какъ я, пока не умерла твоя мать.

На минуту мы умолкли. Если бы мнѣ захотѣлось къ своей натурѣ точно примѣнить слова отца, то для меня это было бы неутѣшительно. Я люблю Анелю, это не подлежитъ сомнѣнію, однако, любовь моя къ ней не дошла до того, чтобы для меня невозможна была никакая рефлексія. Это не является дурнымъ признакомъ—нѣтъ, это значитъ только, что поколѣніе, къ которому я принадлежу, подвинулось на одну ступень выше, въ отношеніи самосознанія. Во мнѣ всегда живутъ два человѣка: актеръ и зритель. Часто зритель недоволенъ актеромъ, но въ данномъ случаѣ у нихъ царитъ гармонія.

Отецъ первый прервалъ молчаніе.

— Опиши мнѣ ея наружность.

Такъ какъ описаніе является самымъ слабымъ способомъ обрисовки портретовъ, то я, не говоря ни слова, принесъ отцу большую и, дѣйствительно, великолѣпную фотографію Анели, которую онъ сталъ разсматривать съ необыкновеннымъ любопытствомъ.

Я, въ свою очередь, съ неменьшимъ любопытствомъ смотрѣлъ на отца, такъ какъ въ немъ тотчасъ проснулся художникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прежній утонченный знатокъ женщинъ — прежній «Leon l'inviincible». Прислонивъ фотографію къ своей лѣвой, наполовину уже мертвой рукѣ, онъ правой взялъ увеличительное стекло и, то приближая его, то отдаляя, говорилъ:

— Если бы не нѣкоторыя особенности, это было бы лицо во вкусѣ Анри Шеффера... Она прелестно выглядѣла бы со слезами на глазахъ. Есть люди, которымъ не нравится въ женщинѣ ангельское выраженіе, но, по моему мнѣнію, научить ангела быть женщиной—это верхъ торжества... Очень хороша и очень оригинальна... «Enfin, tout ce qu'il y a de plus beau au monde—c'est la femme».

При этомъ отецъ опять сталъ маневрировать стекломъ и, наконецъ, добавилъ:

— Судя по лицу и особенно по фотографіи, конечно, можно всегда ошибиться, но у меня есть нѣкоторая опытность. И вотъ, по моему мнѣнію, это должна быть натура очень лояльная. Да, мнѣ такъ кажется... Подобные типы любуются чистотой своихъ перьевъ... Ну, дай Богъ тебѣ счастья, мой мальчикъ, мнѣ очень нравится твоя Анеля... Я всегда безпокоился, какъ бы ты не женился на какой-нибудь иностранкѣ, — пусть уже будетъ Анеля!..

Я приблизился къ нему, а онъ обнялъ меня своей правой рукой и сказалъ:

— Чего бы я не далъ за то, что-бы также обнять свою невѣстку.

Я сталъ его увѣрять, что это случится неминуемо. Затѣмъ мы говорили о моемъ планѣ пригласить къ намъ въ Римъ тетю, Анелю и ея мать. Послѣ формальнаго предложенія въ письмѣ, я могъ бы просить ихъ объ этомъ настоятельно, и дамы, безъ сомнѣнія, исполнили бы мою просьбу, принявъ во вниманіе положеніе моего отца. Въ такомъ случаѣ, свадьбу мы сыграли бы въ Римѣ и въ самомъ непродолжительномъ времени.

Отцу чрезвычайно понравился мой планъ, такъ какъ люди старые и больные любятъ видѣть вокругъ себя много жизни и движенія. Я зналъ также, что Анеля будетъ осчастливлена такимъ оборотомъ дѣла, а потому и меня это необыкновенно радовало. Все могло бы быть сдѣлано въ одну недѣлю. Я чувствовалъ, что такая энергія, такая рѣшительность отчасти не будутъ соотвѣтствовать моей натурѣ, но именно это сознаніе, что меня хватитъ на это, доставляло мнѣ удовольствіе. Притомъ, какъ человѣкъ, одаренный воображеніемъ, я уже представлялъ себя въ роли чичероне Анели при осмотрѣ Рима. Тѣмъ только, которые здѣсь живутъ, вполнѣ понятно, какое это наслажденіе показывать кому нибудь историческіе памятники вѣчнаго города, а тѣмъ болѣе показывать ихъ любимой женщинѣ.

Мой разговоръ съ отцомъ былъ прерванъ приходомъ супруговъ Дэвисъ, которые ежедневно навѣщаютъ отца. Онъ по происхожденію англійскій еврей, жена же его итальянская дворянка и вышла замужъ за него изъ-за денегъ. Самъ Дэвисъ человѣкъ тщедушный, хилый, окончательно истощившій ненормальнымъ образомъ жизни свои отъ природы слабыя силы. Въ настоящее время онъ боленъ, ему угрожаетъ разжиженіе мозга. Дэвисъ равнодушно относится рѣшительно ко всему, словомъ, представляетъ одинъ изъ тѣхъ экземпляровъ, какіе встрѣчаются въ гидропатическихъ заведеніяхъ. Она имѣетъ видъ Юноны, обладаетъ формами греческой статуи и густыми сросшимися бровями. Мнѣ madame Дэвисъ не нравится, такъ какъ напоминаетъ пизанскую башню; она вѣчно наклоняется, но никогда не падаетъ. Годъ тому назадъ, я за ней ухаживалъ, она, въ свою очередь, сильно со мной кокетничала, что, однако, обѣ стороны не привело ни къ какому результату. Отецъ мой питаетъ къ ней необыкновенную слабость. Одно время я даже подозрѣвалъ, не любилъ ли онъ ее. Во всякимъ случаѣ, madame Дэвисъ восхищаетъ его, какъ художника и мыслителя, такъ какъ, дѣйствительно, она очень красива и чрезвычайно интеллигентна. У нихъ происходятъ безконечные диспуты, которые отецъ называетъ «Causeries Romaines» и находитъ въ нихъ большое удовольствіе, быть можетъ, потому, что такія бесѣды о жизненныхъ вопросахъ и загадкахъ съ столь красивой женщиной кажутся ему чѣмъ-то чисто итальянскимъ, поэтическимъ, достойнымъ временъ Возрожденія. Я рѣдко принимаю участіе въ этихъ диспутахъ, такъ какъ не вѣрю искренности madame Дэвисъ. Мнѣ кажется, что ея, дѣйствительно необыкновенная, интеллигентность есть только интеллигентность ума, но не души, и что на самомъ дѣлѣ ее ничто не интересуетъ, кромѣ собственной красоты и собственныхъ удобствъ. Мнѣ не разъ въ жизни случалось встрѣчать женщинъ, съ виду казавшихся полными возвышенныхъ стрем-

леній, но которыя въ сущности смотрѣли на религію, философію, искусство и литературу, какъ на принадлежности туалета. Время отъ времени онѣ украшаютъ себя ими, такъ какъ думаютъ, что это имъ къ лицу. Мнѣ кажется, что точно также madame Дэвисъ наряжается иногда то въ серьезные философскіе вопросы, иногда въ древніе Грецію и Римъ, иногда въ Божественную Комедію, иногда въ Ренессансъ, въ старинные соборы, въ галлереи Боргезе или Колонны и тому подобное. Я еще понимаю, когда, дѣйствительно, могучія духовныя организаціи воображаютъ себя центральнымъ міровымъ пунктомъ, но въ женщинахъ, которыхъ въ сущности интересуютъ далеко не важные вопросы, это просто эгоизмъ смѣшной и жалкій.

Я неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, откуда взялась эта дружба, скажу даже болѣе: привязанность madame Дэвисъ къ моему отцу — и думаю, что я нашелъ отвѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Отецъ со своей великолѣпной головой патриція - философа и съ манерами, напоминающими XVIII вѣкъ, является для нея въ нѣкоторомъ родѣ «objet d'art», но еще болѣе — величественнымъ и интеллигентнымъ зеркаломъ, въ которомъ madame Дэвисъ можетъ вдоволь удивляться своему уму и своей красотѣ. Притомъ, она ему очень благодарна за то, что онъ не относится къ ней критически и очень ее любитъ. Быть можетъ, что на этой почвѣ въ ней родилась нѣкоторая привязанность къ нему или, по крайней мѣрѣ, что онъ сталъ одной изъ ея потребностей. Кромѣ того, madame Дэвисъ слыветъ кокеткой, бывая же ежедневно у отца, она благодаря этому всегда имѣетъ возможность отвѣтить обществу: «Неправда, и вотъ вамъ краснорѣчивое доказательство. Вѣдь никто не можетъ заподозрить меня въ желаніи овладѣть сердцемъ этого семидесятилѣтняго старца и, однако, я отношусь къ нему съ большимъ расположеніемъ, чѣмъ къ кому бы то ни было другому». Наконецъ, хотя она, дѣйствительно, происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода, но господинъ Дэвисъ, несмотря на свое колоссальное состояніе, есть только господинъ Дэвисъ, а потому дружба съ моимъ отцомъ упрочиваетъ ихъ положеніе въ высшемъ свѣтѣ.

Было время, когда я себя спрашивалъ, не являюсь ли я, хотя отчасти, поводомъ къ этимъ ежедневнымъ визитамъ — и кто знаетъ! Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что не мои достоинства привлекаютъ эту женщину, тѣмъ менѣе чувство. Но все же она сознаетъ, что я отношусь къ ней скептически, и это, разумѣется, ее задѣваетъ. Быть можетъ, madame Дэвисъ меня ненавидитъ, но тѣмъ не менѣе была бы рада, если бы я передъ ней склонилъ колѣни. Я, пожалуй, не прочь былъ бы, такъ какъ въ концѣ концовъ это великолѣпный экземпляръ человѣческой породы, не прочь былъ бы, хотя бы ради ея сросшихся бровей и достойныхъ Юноны плечъ — но за цѣну, на которую она не захочетъ согласиться.

Тотчасъ послѣ прихода Дэвисовъ, отецъ началъ какой-то философскій диспутъ, который, переходя съ вопроса на вопросъ, кончился анализомъ человѣческихъ чувствъ. Madame Дэвисъ высказала нѣсколько необыкновенно удачныхъ замѣчаній. Изъ такъ называемаго музея мы перешли на внутреннюю террасу, выходящую въ наши сады. Нынче только десятое марта, а здѣсь уже весна во всемъ [illegible] могуществѣ. Въ этомъ году

все идетъ ускореннымъ ходомъ. Днемъ жара; магноліи уже покрыты цвѣтами, точно снѣгомъ, ночи теплыя, какъ въ іюлѣ. Здѣсь совсѣмъ иной міръ, чѣмъ въ нашемъ Плошовѣ. Я дышу здѣсь полной грудью. Madame Дэвисъ на этой террасѣ, при свѣтѣ луны, была прекрасна, какъ сновидѣніе. Я видѣлъ, что она находится подъ впечатлѣніемъ этой не поддающейся описанію римской ночи. Голосъ ея сталъ сладостнѣе и тише, чѣмъ обыкновенно. Впрочемъ, быть можетъ, она, какъ всегда, такъ и теперь, думала только о себѣ и чувствовала только черезъ себя, быть можетъ, и теперь она наряжалась въ луну, въ запахъ магнолій, въ тишину, какъ наряжается въ шаль, шляпу и т. п. Но такъ или иначе, а этотъ нарядъ былъ ей очень къ лицу. Если бы въ моемъ сердцѣ небыло привязанности къ Анелѣ, то на меня произвела бы впечатлѣніе эта картина. Притомъ, она высказывала мысли, которыя не каждому мужчинѣ приходятъ въ голову.

Однако, каждый разъ, когда происходятъ эти «Causeries Romaines», мнѣ всегда кажется, что отецъ, я, madame Дэвисъ, что, вообще, всѣ мы, люди, принадлежащіе къ извѣстной сферѣ общества, на самомъ дѣлѣ не живемъ дѣйствительной и реальной жизнью. Подъ нами что-то происходитъ, что-то случается, кипитъ борьба за существованіе, за кусокъ хлѣба, есть реальная жизнь, полная муравьинаго труда, животныхъ потребностей, страстей, ежедневныхъ усилій—жизнь чрезвычайно осязательная, полная шума, который гудитъ и движется волнами, какъ море—а мы, между тѣмъ, вѣчно усаживаемся на какія-то террасы, бесѣдуемъ объ искусствѣ, литературѣ, любви, женщинѣ, совершенно чуждые той жизни, далекіе отъ нея, вычеркивающіе изъ семи дней недѣли шесть будничныхъ дней. Мы, не сознавая этого, обладаемъ наклонностями, нервами и душами хорошими лишь въ праздникъ. Погруженные въ блаженный диллетантизмъ, точно въ тепловатую ванну, мы живемъ наполовину на яву, наполовину во снѣ. Медленно расходуя унаслѣдованное состояніе и унаслѣдованный запасъ мускульныхъ и нервныхъ силъ, мы постепенно теряемъ почву подъ ногами. Мы подобны тѣмъ пушинкамъ, которыя носятся въ воздухѣ по волѣ вѣтра. Еле припадемъ гдѣ-нибудь, какъ реальная жизнь тотчасъ сноситъ насъ въ сторону—и мы уступаемъ такъ какъ чувствуемъ себя не въ силахъ дать отпоръ.

Когда я думаю объ этомъ, меня поражаетъ тысяча заключающихся въ насъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, мы считаемъ себя цвѣтомъ цивилизаціи и, такъ сказать, высшей ступенью ея и, однако, утратили вѣру въ себя. Только самые глупые изъ насъ вѣрятъ еще въ смыслъ нашего существованія. Въ жизни мы инстинктивно ищемъ ея праздничныхъ стосонъ, наслажденій и счастья, а между тѣмъ не вѣримъ даже и въ счастье. Правда, нашъ пессимизмъ мимолетенъ и легокъ, какъ дымъ нашихъ гаванскихъ сигаръ, тѣмъ не менѣе, онъ закрываетъ отъ насъ болѣе далекій горизонтъ. Въ этомъ легкомъ дымѣ, въ этой мглѣ мы создаемъ отдѣльный міръ, оторванный отъ всеобщей міровой жизни, замкнутый въ себѣ и отчасти сонный.

И если бы дѣло касалось лишь такъ называемой родовой или денежной аристократіи, таковое явленіе не представляло бы особенной важности. Но къ этому оторванному міру принадлежатъ болѣе или менѣе всѣ

люди, обладающіе высшей культурой, принадлежитъ до извѣстной степени наука, литература и искусство. Что за причина, что все это лежитъ внѣ центра жизни, выдѣляется изъ нея, отрывается и создаетъ особые круги, вслѣдствіе чего само въ себѣ увядаетъ и не оказываетъ вліянія на смягченіе звѣриныхъ нравовъ тѣхъ милліоновъ людей, которые клубятся подъ нами.

Я не говорю объ этомъ, какъ реформаторъ, такъ какъ для подобной роли у меня недостаетъ силъ. Впрочемъ, можетъ ли это меня интересовать? Будетъ, какъ должно быть. Порою, однако, у меня бываетъ смутное предчувствіе какой-то великой опасности, угрожающей всей культурѣ. Волна, которая снесетъ насъ съ поверхности земли, увлечетъ съ собою болѣе, чѣмъ та, которая снесла міръ напудренныхъ париковъ и жабо. Правда, и тѣмъ людямъ, когда они гибли, казалось, что вмѣстѣ съ ними гибнетъ вся цивилизація.

А пока такъ пріятно иногда, въ теплую лунную ночь, сидѣть на террасѣ и тихо бесѣдовать объ искусствѣ, литературѣ, любви, женщинахъ и притомъ смотрѣть на озаренный серебристымъ свѣтомъ божественный профиль такой женщины, какъ madame Дэвисъ.

10 марта.

Горы, скалы и башни, по мѣрѣ того какъ мы отдаляемся отъ нихъ, заволакиваются голубою мглою. Я замѣтилъ, что существуетъ извѣстнаго рода психическая мгла, которая заволакиваетъ отъ насъ лица, находящіяся въ отдаленіи. Смерть есть не что иное, какъ отдаленіе, но столь безконечное, что существа, хотя бы самыя любимыя, погруженныя въ него, постепенно утрачиваютъ свой дѣйствительный обликъ, заволакиваются голубою мглою и становятся лишь дорогими тѣнями. Это понялъ греческій геній, населивъ толпою тѣней Елисейскія поля. Впрочемъ, не хочу злоупотреблять этими печальными метафорами, такъ какъ у меня есть намѣреніе писать объ Анелѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что мое чувство къ ней нисколько не ослабѣло, и, однако, теперь въ моемъ воображеніи она болѣе окружена лазоревою мглою и менѣе реальна, чѣмъ была въ Плошовѣ. Я не чувствую ея непосредственно страстью. Въ сравненіи съ чувствомъ, какое я питалъ къ ней въ Плошовѣ, она стала для меня еще болѣе любимой, дорогой душой, но нѣсколько менѣе желанной женщиной. Лучше ли это, или хуже? Въ извѣстномъ отношеніи лучше, такъ какъ желанной женщиной могла бы быть для меня даже madame Дэвисъ; съ другой стороны, однако, кто знаетъ, не заключается ли въ этомъ одна изъ причинъ, по которымъ я до сихъ поръ не написалъ письма къ Анелѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что профиль madame Дэвисъ, который теперь стоитъ предъ моими глазами, является впечатлѣніемъ мимолетнымъ и не имѣющимъ никакого значенія. Когда я сравниваю этихъ двухъ женщинъ, моя привязанность къ Анелѣ усиливается еще нѣкоторымъ умиленіемъ, и все же, несмотря на это, я оставилъ ее въ неизвѣстности и томительномъ ожиданіи. Сегодня отецъ писалъ моей тетѣ, успокаивая ее насчетъ своего здоровья, я же приписалъ нѣсколько словъ, въ которыхъ еле хватило меня на привѣтъ Анелѣ и ея матери. Правда, въ припискѣ мнѣ нельзя было сказать много, но вѣдь я могъ, по крайней мѣрѣ, извѣстить, что вскорѣ напишу отдѣльно и пространно. Такое извѣщеніе было бы баль-

замомъ для Анели и для старшихъ дамъ. Я не сдѣлалъ и этого, такъ какъ чувствовалъ себя не въ силахъ. Нынче опять мой день отлива. Желаніе жизни и довѣріе къ будущности отдалились куда-то такъ далеко, что ихъ и не видно, а видно только сухое и песчаное дно. Я не могу преодолѣть мысль, что мнѣ возможно жениться на Анелѣ лишь въ томъ только случаѣ, если во мнѣ утвердится глубокое, искреннее убѣжденіе, что нашъ союзъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ актомъ обоюднаго счастья. Не могу также иначе объяснить его Анелѣ, но, поступивъ такимъ образомъ, я солгу, обману ее, прежде чѣмъ стану съ нею предъ аналоемъ, такъ какъ этой вѣры нѣтъ во мнѣ самомъ, а есть лишь сомнѣніе къ жизни, вообще, и, антипатія къ ней.

Ей тяжело быть въ этомъ ожиданіи и неувѣренности, но мнѣ хуже— и тѣмъ хуже, чѣмъ глубже и сильнѣе я ее люблю.

11 марта.

Madame Дэвисъ, которой я во время той лунной «Causeries» повторялъ почти то же самое о всемогуществѣ любви, о чемъ уже писалъ въ этомъ дневникѣ, назвала меня Анакреономъ, посовѣтовала украсить себя гирляндами изъ дикаго винограда, а затѣмъ спросила:

— Если таково ваше мнѣніе, то почему вы играете роль пессимиста? Вѣра въ такое божество должна дѣлать человѣка счастливымъ.

Почему?

Я ей не отвѣтилъ, но самъ не знаю, почему. Любовь побѣждаетъ даже смерть, но охраняетъ отъ нея только видъ. Но что мнѣ изъ того, что будетъ сохраненъ видъ, такъ какъ я именно тотъ индивидуумъ, который чувствуетъ любовь, обреченъ на неумолимую и неминуемую гибель. Не является ли утонченной жестокостью законъ природы, въ силу котораго чувство, которое можетъ быть переживаемо исключительно лишь индивидуумомъ, служитъ и годится на что-то исключительно только виду? Чувствовать въ себѣ содроганіе безсмертной силы и быть обреченнымъ на смерть, это вѣдь верхъ несчастія. Въ дѣйствительности существуютъ лишь индивидуумы, видъ же есть понятіе общее и по отношенію къ отдѣльному человѣку является полнѣйшей нирваной. Я понимаю любовь къ своему сыну, внуку, правнуку, то есть, именно, къ отдѣльнымъ людямъ, обреченнымъ на гибель, но любовь къ своему виду можетъ быть только у очень неискренняго человѣка или у очень глупаго доктринера. Теперь для меня понятно, почему послѣ Эмпедокла по истеченіи многихъ вѣковъ явились Шопенгауеръ и Гартманъ.

Мозгъ мой такъ истомленъ, какъ можетъ быть истомленъ хребетъ работника, носящаго превышающія его силы тяжести. Но зато работникъ, трудясь, зарабатываетъ, по крайней мѣрѣ, на кусокъ хлѣба и имѣетъ нѣкоторый покой.

Мнѣ также безпрестанно вспоминаются слова Снятыньскаго: «Только не профилософствуй ея, какъ ты профилософствовалъ свои способности и тридцать пять лѣтъ жизни». Я знаю, что это ни къ чему не ведетъ, что это худо, но не умѣю не думать.

13 марта.

Отецъ мой умеръ сегодня на разсвѣтѣ. Онъ мучился всего нѣсколько часовъ...

. . . . . .

22 марта. Пали. Вилла Лаура.

Смерть есть бездна, и хотя мы знаемъ, что рано или поздно намъ предстоитъ въ ней исчезнуть, однако, каждый разъ, когда кто ни-будь изъ нашихъ близкихъ и любимыхъ погружается въ нее, у насъ, остающихся еще на берегу, душа разрывается отъ отчаянія, тревоги и печали. Всякія умствованія кончаются на этой грани, и хочется лишь призывать о спасеніи, которое, увы, ни откуда не можетъ явиться. Однимъ спасеніемъ, однимъ утѣшеніемъ могла бы быть вѣра, но у кого нѣтъ такого свѣточа, тотъ положительно можетъ обезумѣть при мысли объ этой вѣчной ночи. Десять разъ въ день мнѣ кажется, что это невозможно, что это было бы слишкомъ страшно, если бы со смертью кончалось все—и десять разъ въ день я предчувствую, что такъ оно и есть.

23 марта.

Пріѣхавъ изъ Плешова, я нашелъ отца въ такомъ относительно хорошемъ состояніи, что мнѣ даже въ голову не приходило, что конецъ можетъ быть такъ близокъ. Какіе странные повороты бываютъ въ человѣческой натурѣ. Видитъ Богъ, что, найдя его почти здоровымъ, я искренно обрадовался, и, однако, такъ какъ во всю дорогу меня неотвязно мучила мысль о его смерти, и въ моемъ воображеніи уже рисовалась картина, какъ онъ лежитъ на катафалкѣ среди свѣчей, а я стою на колѣняхъ возлѣ его гроба; какъ это ни странно, но мной на минуту овладѣло чувство нѣкотораго разочарованія, точно мнѣ было жаль этой напрасной печали.

Нынче воспоминаніе объ этомъ вызываетъ во мнѣ горечь и служитъ для меня укоромъ.

Какъ глубоко несчастливъ человѣкъ, котораго сердце и душа утратили простоту! Такъ не менѣе горькимъ воспоминаніемъ и укоромъ для меня является то, что, когда отецъ мой умиралъ, во мнѣ было два человѣка: одинъ—сынъ, который сильно, искренно страдалъ и еле сдерживалъ себя, чтобы не разрыдаться; другой—мыслитель, который занимался наблюденіемъ психологіи явленій приближающейся смерти. Я невыразимо несчастливъ, такъ какъ моя натура несчастна.

Отецъ умиралъ въ полномъ сознаніи. Въ субботу вечеромъ онъ чувствовалъ себя нѣсколько хуже. Я послалъ за докторомъ, чтобы на всякій случай имѣть его подъ рукой. Тотъ прописалъ какое-то лѣкарство, изъ-за котораго отецъ тотчасъ началъ съ нимъ воевать, доказывая, что средство это можетъ ускорить ударъ. Докторъ успокоилъ меня, заявивъ, что хотя, когда дѣло идетъ о больномъ, у котораго уже былъ параличъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, не случится ли это вторично — однако, онъ не думаетъ, чтобы опасность явилась внезапно, и предполагаетъ, что отецъ можетъ прожить еще даже лѣтъ десять слишкомъ. Объ этихъ десяти слишкомъ годахъ докторъ сказалъ и отцу, на что отецъ только махнулъ рукой и отвѣтилъ: «Посмотримъ!» Зная, что отецъ въ теченіе всей жизни имѣлъ обыкновеніе спорить съ докторами и доказывать имъ ничтожество медицины, я не принялъ этого близко къ сердцу. Часовъ около десяти, во время чаю, отецъ внезапно приподнялся и воскликнулъ:

— Леонъ! скорѣе ко мнѣ!..

Черезъ четверть часа онъ уже лежалъ въ кровати, а спустя часъ началась агонія.

24 марта.

Я убѣдился, что человѣкъ до послѣдней минуты сохраняетъ всѣ черты своего характера и даже свою оригинальность. Такъ, отецъ при всей торжественности настроенія, какую придаетъ человѣку приближеніе смерти, выказывалъ еще какъ бы нѣкоторое удовлетвореніе собственнаго самолюбія въ томъ, что ошибся не онъ, а докторъ — и что его невѣріе въ медицину оказалось обоснованнымъ. Я слушалъ то, что онъ мнѣ говорилъ въ послѣдніе часы, но, кромѣ того, читалъ мысли по выраженію его лица. Въ нихъ было проникновеніе важностью минуты, было любопытство, какова эта другая жизнь, но ни тѣни сомнѣнія въ дѣйствительности ея существованія; притомъ нѣкоторое безпокойство, хорошо ли его тамъ примутъ, въ соединеніи съ какой-то безсознательной, скажу даже, наивной увѣренностью, что не примутъ же его какъ перваго встрѣчнаго. Я не буду такъ умирать, потому что у меня нѣтъ такихъ жизненныхъ основъ, которыхъ мнѣ бы хватило даже въ минуту смерти. Онъ разставался съ жизнью съ глубокой вѣрой и покаяніемъ истиннаго христіанина. Въ тотъ моментъ, когда отецъ принималъ Святые Дары, онъ казался мнѣ такимъ возвышеннымъ и даже святымъ, что образъ его навсегда сохранится въ моей памяти.

Какимъ жалкимъ, какимъ ничтожнымъ кажется мнѣ мой скептицизмъ въ сравненіи съ той громадной силой вѣры, которая болѣе даже, чѣмъ любовь, торжествуетъ надъ смертью и, именно, въ ту самую минуту, когда послѣдняя гаситъ жизнь. Послѣ принятія Святыхъ Даровъ и послѣдняго соборованія, отцомъ овладѣло умиленіе. Онъ крѣпко, почти конвульсивно схватилъ меня за руку и не выпускалъ ея, какъ будто не хотѣлъ еще разстаться съ жизнью, но сдѣлалъ это не изъ страха или отчаянія, такъ какъ, напротивъ, ничуть не боялся смерти. Черезъ минуту я замѣтилъ, что глаза его, все время обращенные на меня, постепенно становились неподвижными и мутными, а лобъ точно покрывался росой; лицо его все болѣе и болѣе бѣлѣло; затѣмъ онъ нѣсколько разъ раскрылъ губы, какъ бы желая втянуть въ себя воздухъ—и, наконецъ, вздохнувъ глубоко въ послѣдній разъ—скончался.

Я не былъ при бальзамированіи тѣла, такъ какъ для этого у меня не хватило силъ; но послѣ окончанія бальзамированія я не отошелъ отъ праха отца ни на минуту, потому что не хотѣлъ, чтобы при одѣваніи и перенесеніи въ гробъ съ нимъ обращались, какъ съ вещью. Какъ, однако, страшенъ весь погребальный обрядъ: эти катафалки, свѣчи, монахи въ капюшонахъ, пѣніе. До сихъ поръ звучатъ у меня въ ушахъ: «Anima ejus» и «Requiem aeternam». Отъ всего этого, дѣйствительно, вѣетъ мрачнымъ и страшнымъ духомъ смерти! Прахъ вынесли изъ Santa Maria Maggiore, и тамъ я въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ этотъ дорогой для меня и величественный ликъ. Campo Santo кажется утопающимъ въ зелени островомъ. Весна въ этомъ году наступила очень рано. Деревья цвѣтутъ, а бѣлые мраморные мавзолеи купаются въ яркомъ блескѣ солнечныхъ лучей. Какъ рѣзко, печально сопоставленіе этой пробуждающейся жизни, этой зелени, солнца и щебетанья птичекъ—съ похоронами. Толпы народа слѣдовали за кортежемъ даже на кладбище, потому что отецъ такъ же былъ извѣстенъ своей благотворительностью въ Римѣ, какъ тетя—

извѣстна въ Варшавѣ. Меня, однако, раздражалъ этотъ наплывъ постороннихъ людей, на оживленныхъ лицахъ которыхъ отражалось весеннее настроеніе. Толпа, особенно въ Италіи, изъ всего создаетъ себѣ зрѣлище, и на этотъ разъ она собралась не столько изъ сочувствія, сколько изъ любопытства посмотрѣть на величественныя похороны. Человѣческій эгоизмъ не знаетъ предѣла, и я убѣжденъ, что даже люди нравственные и умственно развитые, когда слѣдуютъ за погребальнымъ кортежемъ, испытываютъ нѣкоторое чувство безсознательнаго удовлетворенія въ томъ, что участь эта постигла кого-то другого, и что не ихъ хоронятъ.

Тетя пріѣхала въ Римъ, такъ какъ я вызвалъ ее телеграммой. Но она съ точки зрѣнія своей непоколебимой вѣры смотритъ на смерть, какъ на перемѣну, по своей сущности самую счастливую изъ всѣхъ, а потому она отнеслась къ постигшему ее удару гораздо спокойнѣе меня. Правда, это ей не помѣшало плакать у гроба брата, но не лишило спокойствія души. Послѣ похоронъ она бесѣдовала со мной очень тепло и сердечно, причемъ не обмолвилась ни однимъ словомъ объ Анелѣ. Тетя говорила только о моемъ будущемъ одиночествѣ и приглашала меня въ Плошовъ, увѣряя, что тамъ мое сиротство не покажется мнѣ столь тягостнымъ, такъ какъ я тамъ найду преданныя любящія сердца и прежде всего ея сердце, которое любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Я видѣлъ въ этомъ только желаніе продолжать сватовство, что предъ свѣжей могилой отца казалось мнѣ несоотвѣтственнымъ случаю и сильно раздражило. Мнѣ теперь не до радостей жизни, не до объясненій въ любви и свадебъ, когда на меня падаетъ еще тѣнь смерти. Я отказалъ тетѣ рѣшительно и даже отчасти рѣзко, заявивъ ей, что уѣду, по всей вѣроятности, на Корфу, потомъ вернусь недѣли на двѣ въ Римъ, для урегулированія наслѣдства, и затѣмъ лишь пріѣду въ Плошовъ.

Тетя не настаивала. Вполнѣ понимая мое душевное состояніе, она отнеслась ко мнѣ съ такой теплотой, какъ никогда, и уѣхала изъ Рима спустя три дня послѣ похоронъ. Я на Корфу не поѣхалъ, такъ какъ меня забрали къ себѣ супруги Дэвисъ въ свою виллу въ Пэли, гдѣ и пребываю вотъ уже нѣсколько дней. Искренна или неискренна madame Дэвисъ—не знаю, да и не хочу разбираться въ этомъ; знаю только одно, что никакая сестра не могла бы выказать мнѣ болѣе сочувствія и заботливости, чѣмъ она. Съ своей отравленной скептицизмомъ натурой я готовъ всегда и всѣхъ подозрѣвать, но если бы даже оказалось, что ошибаюсь, то все же буду всегда чувствовать себя должникомъ по отношенію къ этой женщинѣ, такъ какъ ея доброта ко мнѣ дѣйствительно превосходитъ обычную мѣру.

26 марта.

Окна моей квартиры выходятъ на необыкновенно голубыя волны Средиземнаго моря, окаймленныя на горизонтѣ полосою темно-сапфироваго цвѣта. Вблизи виллы, покрытыя небольшой зыбью волны блестятъ огненной чешуей, а далѣе простирается гладкая, тихая поверхность моря, какъ бы убаюканная въ своей лазури. Кой-гдѣ бѣлѣютъ паруса рыбачьихъ лодокъ; разъ въ день проходитъ здѣсь пароходъ изъ Марселя въ Геную, таща за собой пушистое облако дыма, которое чернѣетъ надъ моремъ, какъ туча, пока не разсѣется въ воздухѣ. Мысль здѣсь разсѣивается, подобно

этому дыму, и человѣкъ живетъ какой-то блаженной растительной жизнью. Вчера я чувствовалъ себя очень усталымъ, но сегодня вдыхаю полною грудью свѣжее дуновеніе морского вѣтерка, слегка покрывающаго мои губы влажными атомами соли. Воображаю, какая теперь сѣрая погода въ Плошовѣ, какая тьма, какіе внезапные переходы отъ холода къ теплу, отъ снѣжной каши, сыплющейся изъ перелетныхъ тучъ, къ краткимъ проблескамъ солнца. Тутъ небо безоблачное, ясное, морской вѣтерокъ, который въ эту минуту охлаждаетъ мнѣ лицо, порою точно цѣлуетъ. Сквозь открытое окно доносится изъ сада упоительный запахъ резеды, геліотроповъ и розъ. Волшебный край, «гдѣ лимоны зрѣютъ», и отчасти волшебный дворецъ, такъ какъ все, что могли создать милліоны Дэвиса и изящный вкусъ его жены, все это заключается въ ихъ виллѣ. Меня окружаютъ замѣчательнѣйшія произведенія искусства: картины, статуи, несравненны экземпляры керамики, золотыя издѣлія Бенвеннуто. Глаза, упоенные природой, здѣсь всюду наслаждаются произведеніями искусства, и взорамъ негдѣ отдохнуть, развѣ на величественной владѣтельницѣ всѣхъ этихъ сокровищъ, для которой религіей является красота.

Несправедливо называютъ ее язычницей, такъ какъ повторяю, что искренно или неискренно, но она раздѣляетъ со мной печаль и старается, насколько возможно, ее смягчить. Мы по цѣлымъ часамъ бесѣдуемъ объ отцѣ, и при этомъ на глазахъ у нея часто показываются слезы. Замѣтивъ, что музыка успокаиваетъ мои измученные нервы, она играетъ мнѣ до поздней ночи. Подчасъ я сижу въ темнотѣ въ своей комнатѣ, разсѣянно гляжу сквозь открытое окно на испещренное серебристой сѣтью море и вслушиваюсь въ эти звуки, смѣшивающіеся съ плескомъ волнъ, вслушиваюсь до забытья, до полусна, въ которомъ исчезаетъ дѣйствительность и ея страданія.

29 марта.

Мнѣ не хочется даже писать ежедневно. Мы вмѣстѣ читаемъ «Божественную Комедію» или, вѣрнѣе, только послѣднюю ея часть. Нѣкогда меня болѣе привлекала пластика Ада, теперь же я съ наслажденіемъ погружаюсь въ ту лучезарную мглу, населенную еще болѣе лучезарными духами, которыми переполнено «Небо» Данта. Порою мнѣ чудится, что среди этихъ лучей я вижу знакомыя дорогія черты, и тогда моя печаль становится почти сладостной. Только теперь я понялъ всѣ красоты «Неба.» Никогда еще человѣческій духъ такъ широко не распростеръ крыльевъ, не проникъ такъ въ безконечность, какъ въ этой великой безсмертной поэмѣ. Третьяго дня, вчера и сегодня мы читали въ лодкѣ. Обыкновенно мы очень далеко уѣзжаемъ въ море и, если царитъ полная тишина, спускаемъ парусъ и читаемъ, колеблемые волнами, или, вѣрнѣе, она читаетъ, а я только слушаю. Вчера послѣ солнечнаго заката небо было озарено краснымъ свѣтомъ; она сидѣла напротивъ меня и читала, точно вдохновенная, время отъ времени подымая свои глаза, въ которыхъ отражался свѣтъ вечерней зари. Въ этомъ мягкомъ блескѣ заката, вдали отъ берега, на лодкѣ, видя передъ собой эту прекрасную женщину и слушая Данта, я испытывалъ странную иллюзію, и мнѣ казалось, что я не живу дѣйствительной жизнью.

30 марта.

Порою грусть, казавшаяся мнѣ усыпленною, пробуждается во мнѣ съ новой силой. Мнѣ хочется тогда бѣжать отсюда.

31 марта. Вилля Лаура.

Нынче я много думалъ объ Анелѣ. Во мнѣ какое-то странное чувство, кажется, будто насъ раздѣлили цѣлые материки и моря. Мнѣ кажется, будто Плошовъ находится гдѣ-то въ гиперборейскихъ странахъ, на краю свѣта. Это иллюзія такого рода, въ которой личныя впечатлѣнія принимаются за реальныя отношенія вещей. Это не Анеля отдалена отъ меня, но лишь я самъ все болѣе отдаляюсь отъ того Плошовскаго, котораго всѣ мысли и сердце прежде были полны ею. Изъ этого не слѣдуетъ, что мое чувство къ ней совершенно угасло. Анализируя его, я, однако, замѣчаю, что оно утратило свой активный характеръ. Нѣсколько недѣль тому назадъ мнѣ чего-то хотѣлось, въ настоящее же время я ничего не хочу. Смерть отца разсѣяла сосредоточенность моего чувства. То же самое случилось бы, если бы, напримѣръ, я работалъ надъ какимъ-нибудь литературнымъ произведеніемъ, и если бы внѣшнія и несчастныя событія оторвали бы меня отъ него. Но этого мало. Всѣ силы моего духа недавно были такъ напряжены, какъ натянутая тетива лука, а теперь, подъ вліяніемъ постигшаго меня удара, подъ вліяніемъ этого роскошнаго климата, этой лазури, этого моря, которое такъ убаюкиваетъ, онѣ перешли въ состояніе покоя. Я живу, какъ уже говорилъ, растительной жизнью: отдыхаю, какъ человѣкъ, совершенно истомленный трудомъ, и мною овладѣваетъ дремота, какъ будто я постоянно погруженъ въ теплую ванну. Никогда еще мнѣ не приходилось чувствовать себя менѣе способнымъ къ какой бы то ни было дѣятельности, и даже сама мысль о ней мнѣ непріятна. Если бы мнѣ надо было придумать для себя лозунгъ, я назначилъ бы: «Не будите меня».

Что будетъ, когда настанетъ пробужденіе — не знаю. Теперь мнѣ грустно, но хорошо: а потому я не хочу пробуждаться и не чувствую себя обязаннымъ. Право, мнѣ даже трудно себѣ представить, какъ далекъ я отъ того Плошовскаго, который чувствовалъ себя связаннымъ по отношенію къ Анелѣ. Связаннымъ? — чѣмъ? въ силу чего? — что произошло между нами? Одно лишь мимолетное, почти неуловимое прикосновеніе можетъ быть оправдано естественнымъ между такими близкими родственниками отношеніемъ... Это смѣшная щепетильность. Не разъ мнѣ случалось вступать и въ болѣе серьезныя отношенія, разрывъ которыхъ, однако, впослѣдствіи не вызывалъ во мнѣ никакихъ укоровъ совѣсти. Если бы я не былъ ея родственникомъ—тогда дѣло иное! Правда, она иначе тогда поняла; я, который никогда себя не обманываетъ, съ своей стороны признаюсь, что также понималъ это иначе, но... А впрочемъ, пусть такъ и будетъ! пусть будетъ эта булавка въ моей совѣсти. Мало ли на свѣтѣ каждый часъ совершается проступковъ, въ сравненіи съ которыми причиненное мною разочарованіе Анелѣ окажется истымъ ребячествомъ? Совѣсть можетъ заниматься подобной виной развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда ей положительно ужъ ровно нечего дѣлать.

Такого рода проступки находятся въ такомъ же отношеніи къ на-

стоящимъ проступкамъ, въ какомъ наши бесѣды на террасѣ къ трудной и тяжелой дѣйствительной жизни.

Впрочемъ, я не предугадываю, что будетъ; хочу лишь теперь прежде всего спокойствія и предпочитаю ни о чемъ не думать. «Не будите меня». Сегодня за обѣдомъ былъ разговоръ о томъ, что въ половинѣ апрѣля, когда начнутся жары, мы оставимъ Пэли и уѣдемъ въ Швейцарію. Меня даже это пугаетъ. Кажется, что бѣднаго Дэвиса придется помѣстить въ какомъ-нибудь лѣчебномъ заведеніи. Въ немъ, положительно, замѣтны признаки помѣшательства. По цѣлымъ днямъ онъ молчитъ и смотритъ въ землю время отъ времени только поглядывая на свои ногти, такъ какъ серьезно опасается, что они у него отваливаются. Это послѣдствія безумно разгульной жизни и морфія.

Кончаю писать, такъ какъ приближается время нашей прогулки по морю.

2 апрѣля.

Вчера была буря. Сильный южный вѣтеръ нагналъ тучи, точно табунъ лошадей. Нѣкоторое время онъ рвалъ ихъ, то собирая, то разгоняя по небу, потомъ сбилъ ихъ почти въ одну массу надъ моремъ, которое мгновенно потемнѣло, какъ лицо человѣка въ гнѣвѣ, и въ отместку стало бросать пѣну вверхъ. Настоящая борьба двухъ бѣшенствъ, которыя ударяя другъ друга, издаютъ громы и молніи. Но все это продолжалось недолго. Тѣмъ не менѣе мы не совершили обычной поѣздки, такъ какъ волны были еще слишкомъ велики. Вмѣсто этого мы смотрѣли на бурю изъ оконъ балкона, а иногда смотрѣли другъ на друга. Между нами что-то происходитъ или что-то начинаетъ происходить. Никто изъ насъ не сказалъ ни слова, выходящаго за предѣлы обыкновенной дружбы, никто не сдѣлалъ признанія, и, однако, когда мы обращаемся другъ къ другу, то чувствуемъ, что наши слова являются маскированіемъ чего-то иного. То же самое происходитъ, когда мы катаемся по морю или вмѣстѣ читаемъ, когда я слушаю ея игру на рояли. Всѣ эти наши дѣйствія кажутся неискренними внѣшними формами, подъ которыми скрывается и таится какая-то иная, истинная сущность, пока нѣмая, прикрытая, но всегда присутствующая и, какъ тѣнь, слѣдующая за нами. Никто изъ насъ не хочетъ пока ее назвать, однако, мы постоянно чувствуемъ ея присутствіе. Кажется, явленіе это повторяется постоянно, лишь только мужчина и женщина начинаютъ дѣйствовать другъ на друга. Когда это началось, не могу точно опредѣлить, но признаюсь, что оно застигло насъ не совсѣмъ неожиданно.

Я согласился воспользоваться гостепріимствомъ Дэвисовъ, такъ какъ она была другомъ моего отца и послѣ его смерти выказала мнѣ столько сочувствія, какъ никто въ Римѣ. Однако, я настолько обладаю самосознаніемъ и способностью раздваиваться, что тотчасъ по прибытіи сюда, несмотря на только что постигшій меня ударъ, у меня явилось предчувствіе, что между мною и этой женщиной произойдетъ какая-то перемѣна въ отношеніяхъ. Я возмущался самимъ собою, тѣмъ, что чуть ли не на слѣдующій день послѣ смерти отца у меня могутъ быть подобные мысли, но такъ оно было въ дѣйствительности. Сегодня только оправдываются мои предположенія. Если притомъ я выразился, что предстоящая пере-

мѣна въ нашихъ отношеніяхъ прикрыта, то лишь потому, что не знаю, когда наступитъ переломъ и въ какой формѣ — однако, догадываюсь объ ихъ сущности и нахожусь подъ очарованіемъ этихъ догадокъ. Я былъ бы очень наивенъ, если бы предполагалъ, что она въ этомъ отношеніи сознаетъ меньше меня. По всей вѣроятности—больше. Весьма даже возможно, что все это происходитъ по ея желанію и съ холоднымъ разсчетомъ Діаны. Охотница ставитъ сѣти на звѣря! Но развѣ мнѣ это мѣшаетъ? что мнѣ терять? Какъ почти каждый мужчина, я являюсь въ нѣкоторомъ родѣ опаснымъ звѣремъ, который позволяетъ на себя охотиться только для того, чтобы въ подходящій моментъ броситься на охотника. Въ такихъ случаяхъ, у всѣхъ насъ есть достаточно энергіи. Это борьба, въ которой по природѣ вещей побѣда должна быть на нашей сторонѣ. Мнѣ отлично извѣстно, что madame Дэвисъ меня не любитъ, но вѣдь и я ея не люблю. Взаимодѣйствіе между нами является въ самомъ лучшемъ случаѣ взаимодѣйствіемъ двухъ языческихъ натуръ, въ высокой степени артистическихъ и чувственныхъ. Въ ней также играетъ роль самолюбіе, но тѣмъ хуже для нея, такъ какъ въ подобной игрѣ можно слишкомъ увлечься и дойти туда, куда обыкновенно ведетъ любовь.

Я слишкомъ не увлекусь. Въ моемъ чувствѣ къ ней вовсе нѣтъ ни привязанности, ни нѣжности, а есть только восхищеніе замѣчательнымъ произведеніемъ искуства и—весьма естественное въ мужчинѣ влеченіе, когда столь восхищающее произведеніе является живой женщиной. Отецъ говорилъ, что для насъ верхъ торжества — преобразить ангела въ женщину, а я полагаю, что неменьшимъ торжествомъ было бы для мужчины почувствовать объятія флорентійской Венеры.

Въ этомъ отношеніи madame Дэвисъ является послѣднимъ словомъ того, что можетъ пожелать человѣкъ съ самымъ утонченнымъ и пылкимъ воображеніемъ. Это въ полномъ смыслѣ слова Фрина. Положительно, можно потерять голову, когда, напримѣръ, видишь ее въ амазонкѣ, до того обтянутой, что всѣ формы ея тѣла выдѣляются, точно у статуи. На лодкѣ, читая Данта, она производитъ впечатлѣніе Сивиллы — и тогда вполнѣ становится понятной святотатственная страсть Нерона. Она такъ прекрасна что кажется чуть ли не зловѣщей въ своей красотѣ. Только сросшіяся черныя брови придаютъ ей видъ современной женщины, но тѣмъ болѣе волнуютъ. Она имѣетъ обыкновеніе, поправляя волосы, закидывать обѣ руки на затылокъ; тогда плечи ея подымаются, весь станъ изгибается, грудь поддается впередъ, и необходимо усиліе воли, чтобы не схватить ея на руки и не унести куда-нибудь далеко отъ людскихъ взоровъ.

Въ каждомъ изъ насъ сидитъ скрытый Сатиръ. Что касается меня, то я, какъ человѣкъ, необыкновенно впечатлительный, лишь только подумаю, что между мной и этой живой статуей Юноны что-то уже происходитъ, что какая-то неумолимая сила притягиваетъ насъ другъ къ другу, тотчасъ теряю голову и спрашиваю себя, что же болѣе совершеннаго можетъ мнѣ встрѣтиться въ жизни?

3 апрѣля.

Сколько женщина можетъ выказать сочувствія и заботы другу, котораго постигла тяжелая утрата, столько она мнѣ выказываетъ. Но странно, доброта эта производитъ на меня впечатлѣніе луннаго свѣта:

въ ней есть блескъ, но нѣтъ тепла; всѣ формы ея совершенны, только не достаетъ души. Во мнѣ опять говоритъ скептикъ, но я никогда въ своемъ упоеніи не теряю способности къ наблюденіямъ. О, если бы эта богиня была добра, была добра ко всѣмъ. Между тѣмъ ея отношеніе къ мужу доказываетъ черствость ея сердца. Правда, у несчастнаго Дэвиса кровь такъ остыла, что ему холодно даже на солнечномъ припекѣ, но ему еще холоднѣе при ней. Я никогда не видѣлъ въ ней ни одной искры сочувствія къ его жалкому положенію. Она его, положительно, не замѣчаетъ и не узнаетъ. Этотъ милліонеръ среди окружающей его роскоши кажется такимъ бѣднымъ, что нельзя на него смотрѣть безъ состраданія. Онъ какъ будто равнодушенъ ко всему, но человѣкъ, у котораго осталось хотя сколько-нибудь сознанія, чувствуетъ, однако, доброту. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что Дэвисъ выказываетъ мнѣ нѣкоторую благодарность за то только, что иногда я говорю съ нимъ о его здоровьѣ.

Быть можетъ, имъ также руководитъ то безсознательное влеченіе, въ силу котораго слабое и беззащитное существо тяготѣетъ къ сильнѣйшему. Дѣйствительно, когда я вижу его блѣдное лицо, чуть ли не величиною съ мой кулакъ, его ноги, похожія на палки, всю его хилую, тщедушную фигуру, то чувствую искреннее сожалѣніе. Впрочемъ, не хочу даже передъ самимъ собой притворяться лучшимъ, чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ. Это сочувствіе ни отъ чего меня не удержитъ. Плотва для того живетъ, какъ говоритъ Шекспиръ, чтобы раньше или позже стать добычей щуки. Меня не разъ поражало, что, когда дѣло идетъ о женщинѣ, мужчины становятся по отношенію другъ къ другу немилосердными, жестокими; это остатки звѣринаго инстинкта, заставляющаго на жизнь и смерть бороться изъ-за самки. Хотя такая борьба между людьми приняла иную форму, но все же горе слабѣйшимъ! Въ ней даже честь не является сдерживающимъ началомъ; ее осуждаетъ, исключительно, только одна религія.

12 апрѣля.

Не писалъ я почти десять дней. Вотъ уже недѣля, какъ въ нашихъ отношеніяхъ наступилъ переломъ. Женщины, подобныя Лаурѣ, даже въ минуты увлеченія не забываютъ о соотвѣтственномъ ихъ вкусамъ фонѣ. Если онѣ совершаютъ даже добрыя дѣла, такъ только оттого, что это имъ къ лицу, что это красиво, а тѣмъ болѣе имъ нужна красота въ паденіи. Съ этимъ соединена склонность ко всему необыкновенному, что вытекаетъ не изъ поэзіи, заключающейся въ ихъ душахъ, но изъ желанія украситься всѣмъ, что только можетъ служить украшеніемъ. Я не настолько увлекся, чтобы измѣнить свое мнѣніе о Лаурѣ, хотя, правду сказать, самъ не знаю, не имѣетъ ли она права быть такою, какъ есть, и думать, что даже солнце и звѣзды существуютъ лишь для того, чтобы украшать ее. Безотносительная красота должна быть по своей природѣ безграничнымъ эгоизмомъ, который все пріурочиваетъ къ себѣ. Лаура— воплощеніе такой красоты, и никто не въ правѣ требовать отъ нея ничего болѣе, кромѣ того, чтобы она всегда и вездѣ была прекрасна, по крайней мѣрѣ, я не требую отъ нея большаго...

Радуюсь своей ловкости въ гребномъ спортѣ, благодаря которой мы

въ нашихъ поѣздкахъ по морю можемъ всегда быть одни. Недѣлю тому назадъ, во время самой сильной жары, Лаура сказала мнѣ, что ей хочется кататься по морю. Она любитъ жаръ солнца, какъ Геката. Вскорѣ легкій вѣтеръ оттолкнулъ насъ довольно далеко отъ берега и внезапно утихъ. Нашъ латинскій парусъ опустился вдоль мачты. Лучи солнца, проникая въ зеркальную поверхность воды, усиливали дневной зной, хотя было уже послѣ полудня. Лаура бросилась на индійскія маты, покрывавшія дно лодки, и, опершись головой на подушки, лежала неподвижно, озаряемая лучами іюньскаго солнца, слегка проникавшими сквозь балдахинъ лодки. Мной овладѣла странная лѣнь, но одновременно при видѣ этой женщины, классическія формы которой рельефно обрисовывались подъ тканью легкой одежды, меня пронимала дрожь восторга Въ ней замѣчалась какая-то сонная нѣга; глаза ея стали томны, уста немного раскрылись. Когда я окидывалъ ее своимъ взглядомъ, она опускала вѣки, точно хотѣла мнѣ сказать: «Теперь я совсѣмъ слаба...»

Мы вернулись въ виллу очень поздно, и это наше возвращеніе надолго останется въ моей памяти. Послѣ заката солнца, во время котораго небо и море слились въ одинъ безграничный и безраздѣльный блескъ, настала ночь, такая чудная, что другой подобной я никогда не видѣлъ на Ривьерѣ. Точно изъ глубины моря поднялась громадная красная луна и разсѣяла мракъ мягкимъ свѣтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ образовала на морѣ блестящую широкую дорогу, по которой мы плыли къ берегу. На морѣ вздымались легкія небольшія волны, подобныя глубокимъ вздохамъ. Изъ малаго порта къ намъ долетали голоса лигурійскихъ рыбаковъ, хоромъ пѣвшихъ пѣсни. Снова подулъ вѣтерокъ, но онъ направлялся теперь съ материка, и вмѣстѣ съ его дуновеніемъ доносился запахъ цвѣтовъ померанца. Хотя мнѣ трудно отдаться всецѣло какому бы то ни было впечатлѣнію, но и я былъ очарованъ этимъ необыкновенно сладостнымъ ароматомъ, разлитымъ надъ материкомъ и надъ моремъ, осаждающимся, какъ роса, на предметахъ и душахъ. Время отъ времени я смотрѣлъ на эту прекрасную, какъ Елена, женщину, которая бѣлѣлась предо мной въ свѣтлыхъ лучахъ мѣсяца, и порою мной овладѣвала иллюзія, мнѣ чудилось будто мы живемъ въ древности, будто плывемъ куда-то въ священныя оливковыя рощи, въ которыхъ совершаются Элевзинскія таинства. Наши восторги казались мнѣ не только порывами чувствъ, но какимъ-то культомъ, какимъ-то мистическимъ союзомъ съ этой ночью, съ этой весной, со всей природой.

15 апрѣля.

Насталъ срокъ нашего отъѣзда, но мы не уѣзжаемъ. Моя Геката не боится солнца, Дэвиса оно лечитъ, а мнѣ такъ же будетъ въ Швейцаріи, какъ и здѣсь. Мнѣ приходитъ въ голову странная мысль, хотя она меня отчасти пугаетъ, но я откровенно ее высказываю: порою мнѣ кажется, что душа христіанина, у котораго, хотя бы совершенно изсякъ, источникъ вѣры, не можетъ жить одной лишь красотой формы. Для меня это положительно печальное открытіе, такъ какъ если оно оправдается, то тогда ускользнетъ изъ-подъ моихъ ногъ та почва, на которой въ настоящее время я стою. Мысль эта, однако, часто меня занимаетъ. Мы люди иной культуры. Наши души полны мистическихъ стремленій въ

мысь, отъ которыхъ никогда не избавятся, и которыми не обладали души древнихъ грековъ. Наши инстиктивно стремятся въ вышину, ихъ — съ жизнерадостнымъ настроеніемъ и простотой тяготѣли къ землѣ. Тѣ изъ насъ, въ которыхъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, бьется духъ Эллады, правда, требуетъ красоты и жадно ея ищетъ, но и они, однако, безсознательно желаютъ, чтобы у Аспазіи были глаза Беатриче Данта. Подобныя желанія существуютъ и во мнѣ. Когда я подумаю, что, этотъ великолѣпный экземпляръ человѣческой породы, Лаура принадлежитъ мнѣ и будетъ принадлежать до тѣхъ поръ, пока я захочу, меня охватываетъ двойная радость: мужчины и почитателя красоты, и, однако, мнѣ чего-то недостаетъ, мнѣ почему-то душно. На алтарѣ моей греческой святыни возвышается мраморная башня, но мой готическій храмъ пустъ. Признаю, что мнѣ досталось что-то, граничащее почти съ совершенствомъ, и тѣмъ не менѣе не могу оградить себя отъ мысли, что это совершенство не лишено тѣни. Прежде я думалъ, что фраза Гете: «Вы будете подобны богамъ и звѣрямъ» охватываетъ всю жизнь и является послѣднимъ словомъ его мудрости, но теперь, когда я исполняю это приказаніе, то чувствую, что въ немъ недостаетъ ангела.

17 апрѣля.

Сегодня Дэвисъ засталъ меня сидящимъ на табуретѣ, у ногъ Лауры, съ головой, склоненной на ея колѣни. Съ его безкровнаго лица и почти угасшихъ глазъ ни на секунду не исчезло выраженіе равнодушія. Въ своихъ мягкихъ, вышитыхъ въ индійскомъ вкусѣ туфляхъ онъ тихо прошелъ, точно духъ, и вошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ хранилась библіотека. Лаура была величественна, когда ея глаза засверкали неудержимымъ гнѣвомъ. Я поднялся и ждалъ, что будетъ. У меня мелькнула мысль, что, быть можетъ, Дэвисъ выйдетъ изъ библіотеки съ револьверомъ въ рукѣ. Я имѣлъ намѣреніе выбросить его въ такомъ случаѣ черезъ окно, вмѣстѣ съ его пледомъ, револьверомъ и индійскими туфлями. Но онъ не вышелъ. Я долго ждалъ и напрасно. Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ: раздумывалъ ли надъ своимъ жалкимъ положеніемъ, плакалъ ли, или остался совершенно равнодушнымъ. Сошлись мы затѣмъ втроемъ только за завтракомъ и сидѣли, какъ будто ничего не произошло. Быть можетъ, тутъ играло роль мое воображеніе, но мнѣ казалось, что Лаура окидывала его грозными взорами, въ его же апатичномъ лицѣ отражалось какое-то выраженіе болѣе страдальческое, чѣмъ обыкновенно. Признаюсь, что такое разрѣшеніе вопроса было для меня болѣе непріятно, чѣмъ всякое иное. Это лицо стояло передъ моими глазами весь день, да и теперь оно возстаетъ предо мною, какъ нѣмой укоръ. Я вовсе не бреттеръ, но готовъ нести отвѣтственность за то, что дѣлаю, наконецъ, я дворянинъ и предпочелъ бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ не такимъ тщедушнымъ, больнымъ и беззащитнымъ. Мною овладѣло непріятное чувство, точно я далъ пощечину паралитику, и рѣдко когда мнѣ приходилось испытывать такое недовольство собою.

Несмотря на происшедшее, мы, какъ обыкновенно, отправились на море, такъ какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы Лаура подумала, будто я не осмѣливаюсь этого сдѣлать изъ боязни къ Дэвису; но тамъ впервые у

насъ произошла размолвка. Я передалъ ей объ испытанныхъ мною ощущеніяхъ, и, когда она стала надъ ними смѣяться, то прямо сказалъ ей:

— Тебѣ не къ лицу этотъ смѣхъ, а потому помни, что тебѣ можно все дѣлать за исключеніемъ того, что тебѣ не къ лицу.

Тогда она нахмурила свои сросшіяся брови и съ горечью отвѣтила:

— Послѣ того, что между нами произошло, ты можешь оскорблять меня безопаснѣе, чѣмъ Дэвиса.

Послѣ такого рода выговора мнѣ ничего не оставалось другого, какъ извиниться передъ ней, послѣ чего между нами воцарилось согласіе, и Лаура начала говорить о себѣ. При этомъ я еще разъ убѣдился въ ея умѣ. Вообще сколько мнѣ ни приходилось знать женщинъ, всѣ онѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, выказывали непреодолимое желаніе разсказывать о своемъ прошломъ. Я не ставлю имъ этого въ вину, такъ какъ это только доказываетъ, что онѣ чувствуютъ потребность оправдаться передъ собою и передъ нами, каковой потребности мы, мужчины, вовсе не чувствуемъ. Мнѣ, однако, не случалось еще встрѣтиться съ женщиной ни настолько умной, чтобы въ этихъ признаніяхъ она сохранила соотвѣтственную художественную мѣру, ни настолько правдивой, чтобы она не позволила себѣ солгать ради лучшаго оправданія. Въ этомъ отношеніи я призываю въ свидѣтели всѣхъ мужчинъ, которые при случаѣ могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить, что подобныя исторіи паденія всегда баснословно сходны, а потому необыкновенно скучны. Лаура начала говорить о себѣ также съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, но этимъ и ограничилось ея сходство съ иными падшими ангелами. Въ томъ, что она мнѣ говорила, быть можетъ, была нѣкоторая рисовка оригинальностью, но не было ни тѣни желанія казаться жертвой. Зная, что говоритъ со скептикомъ, она не хотѣла подвергнуться снисходительной, недовѣрчивой улыбкѣ. Искренность ея граничила съ дерзостью и, пожалуй, граничила бы съ цинизмомъ, если-бы не представляла своего рода жизненной системы, въ которой эстетика всецѣло замѣняла этику. Лаура предпочитала, чтобы жизнь ея обладала формами Аполлона, чѣмъ горбомъ полишинеля — вотъ ея философія! Она вышла замужъ за Дэвиса не исключительно ради его милліоновъ, но для того, чтобы съ помощью ихъ создать себѣ жизнь, насколько это въ силахъ человѣческихъ, прекрасную и, конечно, не въ ординарномъ, но въ высшемъ, художественномъ значеніи этого слова. Впрочемъ, по отношенію къ мужу она не чувствуетъ за собой никакихъ обязанностей, такъ какъ заранѣе его предупредила обо всемъ, и питаетъ къ нему столько же состраданія, сколько и отвращенія; а такъ какъ онъ совершенно ко всему равнодушенъ, то она не находитъ нужнымъ считаться съ нимъ болѣе, чѣмъ если бы онъ уже умеръ. Притомъ она добавила, что не считается ни съ чѣмъ, что не соотвѣтствуетъ красотѣ и изяществу жизни. Общественное мнѣніе мало ее интересуетъ, и я очень ошибаюсь, если думаю о ней иначе. Къ отцу моему относилась дружески не ради его связей, но оттого, что видѣла въ немъ замѣчательное произведеніе природы. Меня любитъ давно, и хотя понимаетъ, что я цѣнилъ бы ее болѣе бы добился обладанія ею съ большей трудностью, но она не желала рговаться съ собственнымъ счастьемъ.

Странное впечатлѣніе произвели на меня такого рода принципы,

провозглашаемые изъ этихъ чудныхъ устъ мягкимъ, серебристымъ голосомъ. Лаура, говоря это, подбирала платье вокругъ своихъ ногъ, какъ бы желая дать мѣсто мнѣ возлѣ себя. Порою она то слѣдила за пролетающими морскими чайками, то снова смотрѣла на мое лицо, съ цѣлью узнать, какое впечатлѣніе произвели на меня ея слова. Я слушалъ ее и чувствовалъ удовлетвореніе въ томъ, что мнѣ удалось разгадать эту женщину. Однако, въ ея словахъ было и что-то совершенно для меня новое. Не смотря на то, что въ моихъ глазахъ она всегда казалась женщиной умной, я думалъ, что ея поступки болѣе инстинктивны и вытекаютъ преимущественно изъ ея натуры, но не предполагалъ, чтобы она была способна придумать цѣлую систему для обоснованія и оправданія порывовъ своей натуры. Это до нѣкоторой степени облагородило ее въ моихъ глазахъ, такъ какъ оказалось, что тамъ, гдѣ я подозрѣвалъ ее въ разныхъ плоскихъ разсчетахъ, она поступила лишь согласно съ своимъ принципомъ быть можетъ, дурнымъ и даже страшнымъ, но все же принципомъ. Мнѣ, напримѣръ, казалось, что у нея есть скрытый планъ послѣ смерти Дэвиса выйти за меня замужъ — теперь же она доказала мнѣ, что я заблуждался. Она сама начала говорить объ этомъ; призналась, что, если бы я сдѣлалъ ей предложеніе, то, по всей вѣроятности, она была бы не въ силахъ мнѣ отказать, такъ какъ любитъ меня болѣе, чѣмъ я думаю (при этомъ лицо ея и шея покрылись румянцемъ), однако, знаетъ, что этого никогда не будетъ, и увѣрена, что раньше или позже я ее оставлю, но что изъ того? Погружая руки въ воду, чувствуется сладостная прохлада, и неужели лишать себя этого наслажденія изъ-за того, что заранѣе извѣстно, что черезъ минуту солнце испаритъ влагу съ ея рукъ.

Такъ говоря, Лаура перегнулась черезъ бортъ лодки, причемъ ея торсъ обрисовался во всемъ своемъ совершенствѣ и погрузила свои руки въ воду, а затѣмъ протянула ихъ ко мнѣ, мокрыя и порозовѣвшія.

Я тотчасъ схватилъ эти чудныя, смоченныя водой руки, а она, какъ бы вторя моимъ ощущеніямъ, проговорила сладостнымъ ласкающимъ голосомъ:

— Приблизься ко мнѣ!..

20 апрѣля.

Вчера я цѣлый день не видѣлъ Лауры, такъ какъ она была нездорова. Лаура простудилась, засидѣвшись до поздней ночи на балконѣ, а затѣмъ простуда проявилась зубной болью. Какая скука! Къ счастью, еще третьяго дня вечеромъ пріѣхалъ къ Дэвису докторъ, который отнынѣ останется постоянно при больномъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему не съ кѣмъ было бы перемолвиться словомъ. Это молодой итальянецъ, напоминающій кусокъ угля, маленькій, черный, съ огромной головой и подвижными глазами. Онъ производитъ впечатлѣніе очень интеллигентнаго человѣка. Очевидно, итальянецъ тотчасъ же, въ первый вечеръ понялъ наши отношенія, нашелъ все это вполнѣ естественнымъ и безъ колебанія призналъ меня настоящимъ хозяиномъ дома. Я не могъ удержаться отъ улыбки, когда докторъ, придя сегодня утромъ, спросилъ меня, можетъ ли онъ видѣть «графиню» и прописать ей лѣкарство. Въ этой странѣ существуютъ оригинальные обычаи.

Всюду, въ другомъ мѣстѣ, когда на замужнюю женщину падаетъ

подозрѣніе, что она принадлежитъ кому-нибудь иному, кромѣ мужа, все общество устраиваетъ на нее цѣлую облаву, часто доходящую до безсмысленной жестокости. Здѣсь наоборотъ: здѣсь царитъ такое уваженіе къ любви, что всѣ тотчасъ становятся на ея сторону и составляютъ заговоръ въ пользу влюбленныхъ. Я сказалъ доктору, что спрошу графиню, приметъ ли она его. Сегодня послѣ завтрака я вошелъ въ будуаръ Лауры. Она приняла меня неохотно, такъ какъ лицо ея нѣсколько опухло, и ей не хотѣлось, чтобы я ее видѣлъ въ такомъ положеніи. И, дѣйствительно, видъ ея напомнилъ мнѣ мои былые уроки рисованія. Я тогда еще замѣтилъ, что, рисуя портреты современныхъ лицъ, можно дѣлать разныя неточности и даже нѣкоторыя измѣненія и, однако, сходство отъ этого нисколько не пострадаетъ, лишь бы сохранилось выраженіе, лишь бы осталась идея лица. Иное дѣло при рисовкѣ античныхъ лицъ: достаточно одной какой-нибудь неточной линіи, самаго незначительнаго уклоненія, чтобы тотчасъ нарушилась гармонія лица. Теперь примѣромъ этого могла служить Лаура. Опухоль ея лица была очень незначительна, и я почти ея не видѣлъ, потому что она упорно повертывалась ко мнѣ здоровымъ профилемъ; но такъ какъ глаза ея покраснѣли, а вѣки стали чуть-чуть толще, чѣмъ обыкновенно, то лицо ея не представляло уже той совершенной гармоніи, какъ всегда. Я, конечно, не далъ этого понять Лаурѣ. Но она отдавалась моимъ ласкамъ съ какимъ-то безпокойствомъ, ну, совершенно такъ, какъ будто ее мучили укоры совѣсти. Очевидно, согласно ея принципамъ, флюсъ — смертный грѣхъ.

Какъ ни какъ, а это особенные принципы! Безъ сомнѣнія, у меня тоже душа древняго грека, но помимо язычника есть же во мнѣ кое-что другое. Лаура съ своей философіей можетъ быть со временемъ очень несчастна. Я еще понимаю, что можно создать себѣ религію изъ красоты вообще, но создавать ее изъ собственной красоты, это готовить себѣ несчастье. Что это за религія, которую подрываетъ даже флюсъ, или которую можетъ разрушать какой-нибудь прыщъ на носу?

25 апрѣля.

Надо, однако, ѣхать въ Швейцарію, такъ какъ жара становится почти невыносимой, притомъ время отъ времени налетаетъ сирокко въ видѣ лихорадочнаго дыханія изъ Африки. Правда, море охлаждаетъ это дыханіе пустыни, но тѣмъ не менѣе оно очень непріятно.

Сирокко Дэвису очень вреденъ. Докторъ слѣдитъ теперь, чтобы онъ не принималъ морфія, вслѣдствіе чего раздраженіе его доходитъ до высшей степени, порою же имъ овладѣваетъ полное опѣмѣніе. Но я замѣтилъ, что даже въ припадкахъ раздраженія, онъ боится и Лауры, и меня Кто знаетъ, не начинается ли въ мозгу этого полусумасшедшаго манія преслѣдованія, и не запало ли въ него подозрѣніе, что мы хотимъ его убить или утопить. Вообще, мое отношеніе къ нему является для меня одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ моей роли. Говорю: одной, такъ какъ прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что во мнѣ есть много еще и иныхъ. Я пересталъ бы быть самимъ собою, если бы не замѣтилъ, что какъ ни какъ, а душа моя не только слабѣетъ, но быстро портится въ объятіяхъ этой женщины. Мнѣ трудно даже высказать, сколько отвращенія, горечи и укоровъ причиняла мнѣ вначалѣ мысль, что я по-

грузился въ этотъ омутъ наслажденій и чувственныхъ восторговъ такъ непосредственно и тотчасъ послѣ смерти отца. Это возмущало какъ мою совѣсть, такъ и утонченность моихъ чувствъ, которой я, безспорно, обладаю. Мнѣ было такъ непріятно, что я не могъ объ этомъ писать. Въ настоящее время мной овладѣло нѣкоторое равнодушіе. Подчасъ, впрочемъ, въ моей душѣ какъ бы пробуждаются укоры, я раздумываю о нихъ, но на самомъ дѣлѣ не чувствую.

Я стараюсь забыть Анелю, такъ какъ воспоминаніе о ней меня утомляетъ, но, вѣрнѣе, не могу поладить съ собой, когда вспоминаю этотъ плошовскій эпизодъ изъ моей жизни. Иной разъ мнѣ кажется, что я ея не стою, другой разъ, что я былъ осломъ и игралъ смѣшную роль предъ дѣвушкой, ничѣмъ особеннымъ не отличающейся отъ другихъ. Это раздражаетъ мое самолюбіе, вслѣдствіе чего чувствую какъ бы досаду къ Анелѣ. Случается, что порою сознаю свою вину по отношенію къ Анелѣ, а черезъ часъ вина эта кажется мнѣ глупой и ребяческой. Вообще, я не согласенъ быть такимъ, какимъ былъ въ Плошовѣ, но также не согласенъ быть такимъ, каковъ я теперь. Во мнѣ до извѣстной степени атрофируется сознаніе различія между добромъ и зломъ, но, что еще важнѣе, къ различію этому я начинаю относиться равнодушно. Это вытекаетъ изъ какой-то слабости духа; съ другой стороны, однако, слабость эта приходитъ ко мнѣ на помощь, такъ какъ, когда меня мучатъ внутреннія противорѣчія, она отвѣчаетъ: «Допустимъ, что ты хуже, чѣмъ былъ—такъ что жъ изъ этого? Для чего тебѣ мучиться изъ-за какихъ бы то ни было поводовъ?»

Затѣмъ я замѣчаю въ себѣ еще одну перемѣну. Постепенно я привыкъ даже къ тому, что сначала раздражало мою честь: теперь уже болѣе или менѣе равнодушно даю, такъ сказать, пощечины паралитику. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я замѣтилъ, что позволяю себѣ многое изъ того, на что никогда бы не осмѣлился, если бы Дэвисъ былъ не такимъ физическимъ и умственнымъ Лазаремъ, но здоровымъ, умѣющимъ защищать свою честь, человѣкомъ. Мы теперь не считаемъ уже нужнымъ утруждать себя поѣздками по морю... Положительно я никогда не предполагалъ, чтобы моя щепетильность и въ этомъ отношеніи могла такъ притупиться. Правда, мнѣ легко сказать самому себѣ: можетъ ли меня интересовать этотъ ничтожный левантіецъ?—но зато, ей-Богу, часто не могу отдѣлаться отъ мысли, что моя черноволосая богиня съ бровями Юноны на самомъ дѣлѣ не Юнона, но Цирцея, и что ея прикосновеніе превращаетъ людей — какъ бы тутъ выразиться по-мифологичнѣе? — ну, хотя бы въ воспитанниковъ Эвмея.

А когда я себя спрашиваю, въ чемъ же заключается причина этого, то отвѣтъ равняется банкротству многихъ моихъ предыдущихъ воззрѣній. Да, любовь наша есть попросту любовь тѣла, но не души. Ко мнѣ часто возвращается мысль, что современный человѣкъ не можетъ этимъ ограничиться. Мы съ Лаурой были подобны только богамъ и звѣрямъ, но никогда не были подобны людямъ. Собственно говоря, наши чувства нельзя даже назвать любовью, такъ какъ мы другъ для друга являемся только желанными, но ничуть не дорогими существами. Если бы Лаура была иной, и если бы я былъ инымъ, мы могли бы быть стократно счастливѣе, но зато въ данный моментъ у меня не было-бы того сознанія, что я под-

хожу къ убѣжищу Эвмея. Я понимаю, что любовь, которая желаетъ быть только духомъ, останется лишь тѣнью, но совершенно лишенная духа, она становится только подлостью. Конечно, иное дѣло, если люди, къ которымъ прикоснулась Цирцея, могутъ найти удовольствіе въ оподленіи.

Мнѣ, человѣку эллинскаго типа, даже странно и грустно писать подобныя вещи. Но мной овладѣваетъ скептицизмъ, по отношенію къ моей Элладѣ; я начинаю сомнѣваться въ томъ, можно ли жить пережитыми формами жизни, и такъ какъ я всегда человѣкъ искренній, то пишу, что думаю.

30 апрѣля.

Вчера ко мнѣ пришло письмо отъ тети. Его переслали мнѣ изъ Рима. Помѣчено оно недѣли двѣ тому назадъ, и я не понимаю, почему такъ долго задержали его въ Casa Osoria. Тетя увѣрена, что я былъ на Корфу, по предполагаетъ, что теперь я уже вернулся, и пишетъ мнѣ слѣдующее:

«Съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ мы ждемъ отъ тебя извѣстій. Я стара, крѣпко вросла въ землю, и меня не всякій вѣтеръ сумѣетъ поколебать, но жалость охватываетъ меня при видѣ Анели. Она, очевидно, ждала отъ тебя письма изъ Вѣны или изъ Рима, но, не получая его, начала безпокоиться. Затѣмъ умеръ твой отецъ. Я нарочно громко говорила при Анелѣ, что теперь ты не можешь думать ни о чемъ, какъ олько о своей потерѣ, но черезъ нѣсколько недѣль ты придешь въ себя и вернешься къ дѣятельной жизни. Мы съ Анелей, какъ будто, не говоримъ откровенно, однако, отлично понимаемъ другъ друга. Я замѣтила тогда, что она вполнѣ успокоилась Но когда прошелъ мѣсяцъ, а ты даже не далъ знать о себѣ, то она опять стала тревожиться, главное о твоемъ здоровьѣ, но навѣрное и оттого, что ты насъ забылъ. Я также безпокоилась и писала нѣсколько разъ въ Корфу, poste restante, какъ мы условились. Не получивъ ни какого отвѣта, пишу въ Римъ, такъ какъ мысль, что ты, быть можетъ, боленъ, отравляетъ намъ жизнь Напиши, хотя нѣсколько словъ, но прежде всего, мой дорогой Леонъ, стряхни съ себя апатію и стань самимъ собою. Я буду съ тобой откровенна. Причиной огорченій Анели является, между прочимъ, и то, что кто-то наговорилъ здѣсь ея матери, будто ты во всемъ свѣтѣ извѣстенъ своимъ волокитствомъ. Представь себѣ мое возмущеніе! Целина въ отчаяніи передала это дочери, и теперь одна постоянно страдаетъ мигренью, а другая бѣдняжка поблѣднѣла, исхудала и такъ измѣнилась, что невозможно смотрѣть на нее безъ состраданія. А какое это милое существо и всегда доброе, какъ ангелъ! Она притворяется веселой, чтобы не огорчать матери, но я прекрасно вижу, что съ ней происходитъ, и сердце у меня разрывается на части. Дорогой мой мальчикъ, я объ этомъ не говорила съ тобой въ Римѣ изъ уваженія къ твоему горю, но такое несчастье есть, вѣдь, воля Божья, которой надо подчиниться и не опускаться въ жизни. Не можешь ли ты написать намъ пару словъ, которыя бы насъ успокоили? Пожалѣй дѣвушку. Не скрываю отъ тебя, что болѣе всего желаю, чтобы вы по истеченіи срока твоего траура могли соединиться, ну хотя бы черезъ годъ или два, такъ какъ, по моему мнѣнію, Анеля—это фениксъ. Но если даже случится иначе, то и въ такомъ случаѣ было бы лучше,

если бы ты какимъ-нибудь образомъ далъ намъ это понять. Ты, вѣдь, знаешь, что я никогда не преувеличиваю, и если тебѣ пишу объ этомъ, то потому, что дѣйствительно меня безпокоитъ состояніе здоровья Анели. Притомъ, надо тебѣ знать, что дѣло идетъ о всей ея будущности. Кромицкій сталъ навѣщать ихъ все чаще, и, очевидно, у него есть какіе-то планы. Я хотѣла безъ церемоній прогнать его, тѣмъ болѣе, что подозрѣваю, что это онъ наговорилъ о твоемъ волокитствѣ, но Целина упросила меня не дѣлать этого. Она, положительно, въ отчаяніи и нисколько не разсчитываетъ на твою привязанность къ Анелѣ. Что-же мнѣ оставалось дѣлать? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, ею руководитъ предчувствіе матери? Отвѣть же, мой Леонъ, какъ можно скорѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прими благословленіе отъ своей старой тети, у которой ты только одинъ на этомъ свѣтѣ. Анеля хотѣла даже писать тебѣ, но Целина ей не позволила, изъ-за чего я съ ней поссорилась. Целина очень добрая женщина, но часто меня злитъ. Сердечный привѣтъ тебѣ отъ всѣхъ. Молодой Хвастовскій устраиваетъ у насъ пивоваренный заводъ. У него было немного своихъ денегъ, остальное я ему одолжила».

Въ первую минуту мнѣ казалось, что это письмо не производитъ на меня впечатлѣнія, но спустя немного я убѣдился, что ошибаюсь. Впечатлѣніе усиливалось съ каждой минутой и, въ концѣ концовъ, стало сказочнымъ. По истеченіи часа я съ удивленіемъ сказалъ самому себѣ: «Что это со мной, вѣдь я, кажется, ни о чемъ иномъ не думаю!» Удивительно, съ какой быстротой меня охватывали самыя разнообразныя ощущенія, проносясь одно за другимъ, какъ будто ихъ гналъ вѣтеръ. Однако, до какой степени я человѣкъ нервный. Прежде всего мной овладѣло чувство умиленія къ Анелѣ. Все, что недавно еще я питалъ къ ней, и что было какъ бы скрыто въ самыхъ глубокихъ тайникахъ моей души, все это внезапно всплыло на ея поверхность. Ѣхать, успокоить, осчастливить—вотъ что было первымъ порывомъ моего сердца, хотя далекимъ отъ ясно сформулированнаго рѣшенія воли, но тѣмъ не менѣе необыкновенно сильнымъ. А когда въ моемъ воображеніи предстали ея покрытые слезами глаза, ея руки въ моихъ рукахъ, чувственное влеченіе къ ней, какъ бы заглохшее за послѣднее время, опять воскресло съ новой силой. Затѣмъ въ моихъ мысляхъ промелькнуло сравненіе ея съ Лаурой, которое оказалось неблагопріятнымъ для Лауры. Въ первую минуту моя настоящая жизнь показалась невыносимой. Я почувствовалъ потребность въ болѣе чистомъ воздухѣ, чѣмъ тотъ, которымъ здѣсь дышу, потребность въ тишинѣ и, особенно, въ законности чувствъ. Одновременно съ этимъ меня охватила радость, что еще ничто не потеряно, что все можно исправить, и что это зависитъ единственно отъ моей воли. Внезапно мнѣ вспомнились Кромицкій и мать Анели, которая, не вѣря болѣе въ меня, очевидно, стала на его сторону. При мысли о нихъ мной овладѣлъ гнѣвъ, который, постепенно усиливаясь, заглушилъ всѣ остальныя чувства. Чѣмъ болѣе умъ мой признавалъ, что госпожа П. имѣетъ полное основаніе не разсчитывать на меня, тѣмъ болѣе я досадовалъ на нее за то, что она позволила себѣ отнестись ко мнѣ такъ недовѣрчиво. Въ концѣ концовъ, я дошелъ до какой-то отчаянной злости къ себѣ и ко всѣмъ. Все, что я думалъ и чувствовалъ, вылилось въ этихъ нѣсколькихъ словахъ:

«Хорошо, пусть такъ и будетъ!»

Письмо было получено вчера; сегодня же, анализируя свое душевное состояніе болѣе спокойно, я съ удивленіемъ констатирую фактъ, что досада такъ глубоко проникла мнѣ въ душу, что вотъ въ эту минуту кажется скорѣе большей, чѣмъ меньшей. Въ настоящее время это господствующее во мнѣ чувство. Я говорю себѣ все, что можетъ сказать себѣ человѣкъ, трезво думающій, и, однако, не могу простить этого Кромицкаго не только матери, но и Анелѣ. Вѣдь, Анеля могла бы однимъ словомъ закрыть ему дорогу въ Плошовъ, и, если она этого не дѣлаетъ, то это съ ея стороны уступка матери, то есть она приноситъ меня въ жертву ея мигрени. Впрочемъ, Кромицкій умаляетъ въ моихъ глазахъ Анелю, безобразитъ ее и низводитъ до банальнаго типа барышень, ожидающихъ замужества. Мнѣ невозможно говорить объ этомъ спокойно.

Быть можетъ, что я разсуждаю и чувствую, какъ человѣкъ слишкомъ раздраженный; быть можетъ, что мое самолюбіе слишкомъ велико; сознаюсь, вижу, умѣю относиться къ себѣ объективно, но эта двойственность самосознанія нисколько не помогаетъ. Во мнѣ усиливается чувство горечи, и я все болѣе раздражаюсь. Даже писать объ этомъ мнѣ тяжело, и потому я кончаю

1 мая.

Ночью я думалъ: «Быть можетъ, завтра я буду болѣе спокоенъ!» Какое тамъ! Во мнѣ нарождается положительно злоба къ матери Анели, къ Анелѣ, къ тетѣ и къ себѣ самому. Самъ не знаю, что дѣлать. Впрочемъ, развѣ мнѣ не хорошо здѣсь, въ Пэли? Правда, Лаура точно мраморная статуя, но, по крайней мѣрѣ, при ней я не мучался, такъ какъ въ ней ничего нѣтъ, кромѣ красоты. Будетъ съ меня этихъ перерафинированныхъ чувствительныхъ душъ! Пусть ихъ утѣшаетъ Кромицкій!

2 мая

Сегодня я самъ отнесъ письмо на почту. Содержаніе моего письма таково: «желаю господину Кромицкому счастья съ Анелей, а Анелѣ съ господиномъ Кромицкимъ. Вы, тетя, желали рѣшительнаго отвѣта, такъ вотъ онъ»

3 мая.

Мнѣ пришла въ голову мысль, не было ли въ письмѣ тети упоминаніе о Кромицкомъ женскимъ дипломатическимъ маневромъ, то есть не имѣлось ли въ виду заставить меня этимъ поторопиться со сватовствомъ? Если это такъ, то мнѣ остается лишь поздравить тетю съ ловкостью и знаніемъ людей.

10 мая

Прошла недѣля. Я не писалъ, такъ какъ бродилъ, точно угорѣлый. Въ душу мнѣ постоянно проникаетъ горечь и сожалѣніе. Я никогда не былъ да и теперь неравнодушенъ къ Анелѣ. Мнѣ вспоминаются слова Гамлета: «Я любилъ ее (Офелію), какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ!» Я измѣнилъ бы эту фразу слѣдующимъ образомъ: «Я любилъ Анелю болѣе, чѣмъ сорокъ тысячъ Лауръ!» И надо же, чтобы несчастье постигло ее черезъ меня. Порою только меня отчасти утѣшаетъ мысль, что союзъ съ такимъ человѣкомъ, какъ я, былъ бы для нея зломъ, но

это неправда. Если бы она была моею, я былъ бы къ ней добръ. Меня лишь отравляетъ подозрѣніе, не достаточно ли ей и Кромицкаго.

Когда я объ этомъ подумаю, во мнѣ снова все начинаетъ кипѣть, и я готовъ былъ бы послать другое такое же письмо.

Но уже свершилось! и это единственное утѣшеніе для такихъ людей, какъ я, потому что они снова могутъ сидѣть сложа руки и прозябать попрежнему. Быть можетъ, это доказательство исключительной слабости, но я нахожу нѣкоторое облегченіе въ этомъ словѣ.

Теперь я уже могу размышлять спокойнѣе. Я задаю себѣ вопросъ, какимъ образомъ могло случиться то, что человѣкъ, который не только хвастается необыкновенно развитымъ самопознаніемъ, но и, на самомъ дѣлѣ, имъ обладаетъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣйствовалъ лишь рефлективно? Къ чему же въ такомъ случаѣ служитъ самопознаніе, если, при первомъ встрѣчномъ возбужденіи нервовъ, оно скрывается въ какіе-то мозговые тайники и остается пассивнымъ зрителемъ чисто рефлективныхъ дѣйствій? Для изслѣдованія себя post factum? Право не знаю, какая отъ этого мнѣ будетъ польза, но такъ какъ мнѣ ничего не остается иного, то пусть будетъ, хотя это. Почему я поступилъ такъ, а не иначе? Вѣроятно, потому, что я въ самомъ дѣлѣ человѣкъ интеллигентный, быть можетъ, даже очень интеллигентный. (пусть меня поразитъ молнія, если въ данномъ случаѣ я имѣю намѣреніе польстить себѣ или хвастаться!), но человѣкъ неумный. У меня нѣтъ, преимущественно, спокойнаго мужского ума. Я не умѣю сдерживать свои нервы, отличаюсь чрезмѣрно повышенной чувствительностью. Меня, какъ говоритъ поэтъ, ранилъ бы даже лепестокъ розы, сложенный вдвое. Есть что то женственное въ моей интеллигентности. Быть можетъ, я не составляю въ этомъ отношеніи исключенія, и многіе мужчины, особенно у насъ, принадлежатъ къ тому же самому типу, что, впрочемъ, для меня не можетъ служить утѣшеніемъ. Такого рода умъ можетъ много понимать, но человѣку плохо руководствоваться имъ въ жизни: онъ съ безпокойствомъ кидается во всѣ стороны, колеблется, слишкомъ процѣживаетъ каждое намѣреніе, наконецъ, совершенно теряется среди перекрещивающихся дорогъ. Вслѣдствіе этого уменьшается способность къ активности и развивается слабость характера, которая является у насъ общимъ, врожденнымъ недостаткомъ. Такъ, напримѣръ, я задаю себѣ новый вопросъ: если бы въ письмѣ тети не было упоминанія о Кромицкомъ, то разрѣшился-ли бы вопросъ иначе? И, ей Богу, не рѣшаюсь отвѣтить: да! Конечно, разрѣшеніе не послѣдовало бы такъ быстро—это несомнѣнно—но кто знаетъ, оказалось ли бы оно болѣе благополучнымъ? Слабые характеры нуждаются въ безконечныхъ облегченіяхъ, и только могучія души находятъ въ сопротивленіи возбуждающій стимулъ. Лаура, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайно проницательная, по всей вѣроятности, поняла это и, быть можетъ, потому была такъ милостива.

Впрочемъ, что изъ этого слѣдуетъ? Развѣ я лѣнтяй? Нисколько! Человѣкъ, который откровенно сознается передъ собой во всемъ, сознался бы и въ этомъ по таковой недостатокъ мнѣ не присущъ!. Чувствую, что я могъ бы поѣхать на полюсъ или сдѣлаться миссіонеромъ и отправиться въ глубь Африки; обладаю унаслѣдованной отвагой и бы-ть-бы

способенъ ко всякаго рода смѣлымъ планамъ и рискованнымъ предпріятіямъ. Темпераментъ у меня пылкій, подвижность, конечно, не такая, какъ у Снятыньскаго, но все же необыкновенная.

Только, когда дѣло идетъ о разрѣшеніи какой-нибудь жизненной задачи, скептицизмъ дѣлаетъ меня безсильнымъ, умъ теряется въ массѣ наблюденій, выводовъ, волѣ не на что опереться, и потому мои поступки находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ случайностей.

12 мая.

Я никогда не любилъ Лауры, хотя былъ и остаюсь подъ ея физическимъ очарованіемъ. Быть можетъ, на первый взглядъ это кажется страннымъ, однако, въ сущности такое явленіе довольно обыкновенно. Можно даже любить и не любить. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть любовь горькую, непріятную, полную обидъ, и именно потому, что она не была подкрѣплена истинной привязанностью. Я, кажется, говорилъ уже, что Снятыньскіе не только любятъ, но чрезвычайно привязаны другъ къ другу, и оттого имъ такъ хорошо... Ахъ! чувствую, что и я бы любилъ Анелю, и что намъ также было бы хорошо... Впрочемъ, лучше объ этомъ не говорить!.. Что касается Лауры, то она могла бы встрѣтить много людей, которые до самозабвенія влюблялись бы въ ея черные волосы, въ ея великолѣпныя формы, подобныя формамъ статуи, въ ея брови, голосъ и взглядъ, однако, я увѣренъ, что ее никто никогда не любилъ. Эта особенная женщина влечетъ къ себѣ почти непреодолимо, но одновременно отталкиваетъ. Я сказалъ, что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ красоты, такъ какъ и ея необыкновенная интеллигентность является только первой невольницей, склоненной у ногъ ея красоты и завязывающей ея котурны. Не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, я видѣлъ Лауру, подающей милостыню ребенку, недавно утонувшаго рыбака, и у меня невольно мелькнула такая мысль: если бы она знала, что ей будетъ болѣе къ лицу выколоть глаза этому ребенку, то она ихъ выколола бы, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. Это чувствуется, и вотъ почему изъ-за такой женщины можно потерять голову, но любить ее невозможно. Она же все понимаетъ, кромѣ этого.

Но все же, какъ она прекрасна! Когда, нѣсколько дней тому назадъ, она спускалась съ террасы въ садъ, покачиваясь на своихъ великолѣпныхъ бедрахъ,—«я думалъ, что паду ницъ», какъ говоритъ Словацкій. Положительно, я нахожусь подъ вліяніемъ двухъ силъ, изъ которыхъ одна привлекаетъ, а другая отталкиваетъ. Хочу ѣхать въ Швейцарію и вмѣстѣ съ тѣмъ хочу вернуться въ Римъ. Чѣмъ кончится, не знаю. Рибо правъ, говоря, что хочу есть только извѣстное состояніе сознанія, но не актъ воли: тѣмъ менѣе актомъ воли можетъ быть двойное хочу. Я получилъ письмо отъ моего нотаріуса, вызывающее меня въ Римъ по дѣлу наслѣдства; тамъ надо выполнить какія-то формальности, что, впрочемъ, обошлось бы безъ меня, если бы мнѣ ужъ очень не хотѣлось ѣхать... Но во всякомъ случаѣ это предлогъ... Съ нѣкотораго времени я чувствую къ Лаурѣ еще болѣе сильное нерасположеніе, чѣмъ прежде. Сама она тутъ не при чемъ, такъ какъ всегда одинакова, и произошло это только потому, что недовольство самимъ собою я перенесъ на нее. Во время своей внутренней борьбы, я искалъ у нея только спокойствія

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы умышленнаго самоуниженія; теперь же чувствую къ ней за это нерасположеніе. О моихъ волненіяхъ она даже не знала. Развѣ могли они ее интересовать, коль скоро не могли служить ей украшеніемъ? Лаура замѣтила лишь, что я сталъ болѣе порывистымъ, чѣмъ обыкновенно, вскользь даже спросила о причинѣ этого, но безъ особенной настойчивости.

Быть можетъ, влеченіе, возбуждаемое ею во мнѣ, побѣдитъ, и я не уѣду, но во всякомъ случаѣ скажу ей завтра или даже сегодня, что мнѣ необходимо уѣхать. Любопытно, какъ она отнесется къ этому извѣстію, тѣмъ болѣе любопытно, что мнѣ трудно это даже представить въ своемъ воображеніи. Я подозрѣвалъ, что, не смотря на чувство, питаемое ею ко мнѣ, которое, впрочемъ, похоже на мое къ ней, Лаура въ сущности также меня не любитъ; натурально, если она вообще даетъ себѣ трудъ любить кого-нибудь или не любить. Въ нашихъ душахъ есть много сходства, но также и много противоположностей.

Я страшно измученъ. Не могу не думать о впечатлѣніи, какое произвело мое письмо въ Плошовѣ. Думаю объ этомъ постоянно, даже въ присутствіи Лауры, постоянно вижу Анелю и тетю. Какъ счастлива Лаура со своимъ вѣчнымъ спокойствіемъ!

Я радуюсь при одной мысли о перемѣнѣ мѣста. Хотя въ Пэли морскія купанья, но оно очень пустынно. Жара необыкновенная. Море лѣниво лежитъ, не двигаясь даже у берега, точно оно отъ зноя не въ силахъ дышать. Порою срывается вѣтеръ, но душный, подымающій туманы бѣлой пыли, толстымъ слоемъ которой онъ покрываетъ листья пальмъ, фиговыхъ деревьевъ, миртовъ и проникаетъ даже сквозь опущенныя жалюзи въ дома. У меня глаза болятъ, потому что отъ стѣнъ такъ ярко отражается блескъ, что днемъ невозможно на нихъ смотрѣть.

Надо ѣхать или въ Швейцарію, или въ Римъ, лишь бы не оставаться здѣсь. Мнѣ кажется, что вездѣ мнѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь. Впрочемъ, мы всѣ готовимся къ отъѣзду. Вотъ уже четыре или пять дней, какъ я не видѣлъ Дэвиса. Думаю, что онъ не сегодня, такъ завтра рехнется. Докторъ говорилъ мнѣ, что бѣдняга постоянно приглашаетъ его бороться съ нимъ. Говорятъ, это очень дурной признакъ.

Римъ. Casa Osoria, 18 мая.

Я, очевидно, нуждался въ одиночествѣ. Мнѣ теперь такъ же, какъ было тотчасъ по прибытіи въ Пэли—и грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо. Мнѣ даже лучше, чѣмъ было въ Пэли, такъ какъ здѣсь я не испытываю того безпокойства, какое овладѣвало мной съ самаго начала въ обществѣ Лауры. Я брожу по одинокимъ комнатамъ дома, наталкиваюсь на тысячи подробностей, напоминающихъ мнѣ отца, и воспоминаніе о немъ освѣщается въ моемъ сердцѣ. Образъ его также сталъ менѣе яснымъ, но теперь на каждомъ шагу предо мной возстаетъ его прежняя реальная жизнь. Въ его рабочемъ кабинетѣ, на столѣ, лежатъ увеличительныя стекла, сквозь которыя онъ разсматривалъ разные интересные экземпляры, бронзовыя кольца, съ помощью которыхъ вынималъ изсохшуюся землю изъ отрытыхъ древнихъ кувшиновъ, краски, кисточки, начатыя рукописи, замѣтки, касающіяся коллекціи, словомъ, тысячи мелочей. Въ иныя минуты

я испытываю впечатлѣніе, будто онъ ушелъ только на время и вскорѣ вернется къ своей ежедневной работѣ, а когда иллюзія прекращается, я чувствую глубокую, истинную грусть и люблю его не только, какъ воспоминаніе, но также люблю его погруженнаго теперь въ вѣчный сонъ на Кампо Санто.

Отсюда вытекаетъ моя печаль, но это чувство настолько чище всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя въ послѣднее время управляли мною, какъ хотѣли, что мнѣ съ нимъ хорошо, такъ какъ чувствую себя лучшимъ или, по крайней мѣрѣ, не такимъ испорченнымъ, какъ мнѣ казалось. Я также замѣчаю, что никакія, даже самыя отчаянныя, умозаключенія не могутъ лишить человѣка утѣшенія, какое ему доставляетъ присутствіе въ немъ какихъ-нибудь болѣе благородныхъ элементовъ. Откуда такое непреодолимое и ничѣмъ неудержимое стремленіе людей къ добру? Подчасъ, погружаясь въ этотъ вопросъ, я ухожу очень далеко. Нашъ умъ, вѣдь, есть отраженіе логической правильности общаго бытія, слѣдовательно, возможно, что и наше понятіе о добрѣ также является отраженіемъ какого-нибудь абсолютнаго добра. И если бы, дѣйствительно, это было такъ, то человѣкъ могъ бы сразу покончить со всѣми своими сомнѣніями и воскликнуть не только: «эурека», но и «аллилуія!» Боюсь, однако, какъ бы мое сооруженіе не рухнуло, подобно столькимъ другимъ, и потому не рѣшаюсь его возводить. Впрочемъ, это скорѣе мои предчувствія, чѣмъ умозаключенія, но все же я несомнѣнно со временемъ вернусь къ нимъ, потому что разрѣшеніе этого вопроса связано для меня съ избавленіемъ отъ терній, терзающихъ мою душу. Теперь, однако, я слишкомъ усталъ, мнѣ слишкомъ грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ покойно и хорошо.

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ существъ на свѣтѣ одинъ лишь человѣкъ умѣетъ поступать часто вопреки своей волѣ. Оказывается, что у меня давно было желаніе уѣхать изъ Пэли, между тѣмъ проходили дни за днями, а я сидѣлъ и сидѣлъ. Еще наканунѣ своего отъѣзда, я былъ почти увѣренъ, что останусь. Неожиданно мнѣ на помощь пришла сама Лаура.

Я увѣдомилъ ее о письмѣ нотаріуса и объ отъѣздѣ только для того, чтобы посмотрѣть, какое это произведетъ на нее впечатлѣніе. Мы были одни. Я ожидалъ какого-нибудь неудовольствія съ ея стороны, какого-нибудь волненія, какого-нибудь «veto», на самомъ же дѣлѣ не произошло ничего подобнаго.

Услышавъ эту новость, она повернулась ко мнѣ, слегка погрузила пальцы въ мои волосы и, приблизивъ мое лицо къ своему, спросила:

— Но ты вернешься? не правда ли?

Ей-Богу, для меня до сихъ поръ остается загадкой, что означало это? Предполагала ли она, что мнѣ безусловно надо ѣхать? или, увѣренная въ могуществѣ своей красоты, она ни на минуту не сомнѣвалась, что я вернусь? или, наконецъ, моментально воспользовалась случаемъ, чтобы отъ меня избавиться? потому что послѣ такого вопроса мнѣ не оставалось ничего иного, какъ уѣхать. Ласкающее движеніе, сопровождавшее ея вопросъ, отчасти противорѣчитъ такому предположенію, которое, впрочемъ, кажется мнѣ самымъ правдоподобнымъ. Въ иныя минуты я почти увѣренъ, что она этимъ хотѣла мнѣ сказать: «Не ты мнѣ, но я тебѣ даю отставку».

Признаюсь даже, что если это было отставкой.. то ловкость Лауры, положительно, необыкновенна и тѣмъ болѣе удивительна, чѣмъ способъ, употребленный ею, былъ сладостнѣе, нѣжнѣе и чѣмъ болѣе оставилъ меня въ неизвѣстности, насмѣшка ли это надо мной или нѣтъ? Но зачѣмъ мнѣ себя обманывать? Своимъ вопросомъ она выиграла игру. Быть можетъ, во всякомъ иномъ случаѣ мое самолюбіе было бы уязвлено, но теперь для меня это рѣшительно все равно

Въ тотъ вечеръ, однако, это не только не повѣяло на насъ холодомъ, но, напротивъ, мы были еще нѣжнѣе другъ къ другу, чѣмъ обыкновенно. Разстались мы очень поздно. Въ моемъ воображеніи до сихъ поръ рисуется картина, какъ она, держа въ рукѣ свѣчу, съ опущенными глазами провожаетъ меня до дверей. Лаура была такъ прекрасна, что я положительно жалѣлъ, что мнѣ приходится ѣхать. На слѣдующій день она прощалась со мной на вокзалѣ. Данный ею букетъ чайныхъ розъ я потерялъ лишь въ Генуѣ. Странная женщина! По мѣрѣ своего отдаленія отъ нея, я одновременно съ чувствомъ физической тоски испытывалъ все большее облегченіе. Ѣхалъ я безъ остановки до самаго Рима и теперь ощущаю то же, что птица, вырвавшаяся изъ клѣтки.

22 мая.

Здѣсь я не нашелъ почти никого изъ своихъ знакомыхъ. Жара разогнала ихъ въ виллы или въ горы. Днемъ въ Римѣ на улицахъ очень слабое движеніе, встрѣчаются только иностранцы, большей частью, англичане, въ пробковыхъ шлемахъ, съ обтянутымъ муслиномъ, съ краснымъ Бедекеромъ въ рукѣ и съ вѣчнымъ: «Very interesting!» на устахъ. Въ полдень, на нашемъ Бабуино бываетъ такъ пусто, что шаги одинокихъ прохожихъ отдаются эхомъ по тротуарамъ. Зато вечеромъ всѣ улицы полны народа. Всегда въ эту пору мной овладѣваетъ нѣкоторое нервное безпокойство, и потому я выхожу на свѣжій воздухъ, брожу до полной усталости, и это доставляетъ мнѣ большое облегченіе. Прогулка моя обыкновенно кончается на Пинчіо, часто я прохожу три или четыре раза по этой величественной террасѣ. Въ такое время тамъ кружится множество влюбленныхъ паръ. Однѣ ходятъ подъ руку, наклонивъ другъ къ другу головы, съ вознесенными къ небесамъ, точно отъ избытка счастья, глазами; другія сидятъ на скамейкахъ подъ густою тѣнью деревьевъ. Мигающій свѣтъ фонаря выдѣляетъ изъ царящаго тамъ мрака то наполовину скрытый подъ перьями каски профиль берсальера, то свѣтлое платье дѣвушки, подчасъ лицо рабочаго или студента. Поминутно до меня долетаютъ шопотъ, заклинанія, пѣсни, поющіяся вполголоса. На меня это производитъ впечатлѣніе весенняго карнавала, и я нахожу своеобразное удовольствіе въ томъ, что могу затеряться въ этой толпѣ и оживиться весельемъ этихъ людей и ихъ бодростью Они мнѣ кажутся такими счастливыми и полными простоты! Эта простота передается мнѣ и успокаиваетъ мои нервы лучше хлорала. Вечера бываютъ теплые, свѣтлые, но полные свѣжести. Луна подымается изъ-за Trinta dei Monti и плыветъ надъ этимъ людскимъ роемъ, на подобіе серебряной ладьи, освѣщая верхушки деревьевъ, крыши, колокольни и башни. У подножія террасы шумитъ и свѣтится городъ, а тамъ, вдали, въ серебристой мглѣ обрисовывается темный силуэтъ храма Святого Петра съ гигантскимъ куполомъ, блестящимъ, какъ другая луна.

Давно уже Римъ не казался мнѣ такимъ красивымъ и величественнымъ. Я нахожу въ немъ какое-то новое очарованіе. Ежедневно возвращаюсь домой поздно и иду спать, почти осчастливленный той мыслью, что завтра опять проснусь въ Римѣ. А какъ я сплю!. Не знаю, быть можетъ, это происходитъ вслѣдствіе утомленія, но сплю я крѣпкимъ непробуднымъ сномъ, такъ что утромъ сразу не могу придти въ себя.

Утра я провожу съ нотаріусомъ. Иногда составляю списки того, что заключается въ коллекціяхъ отца. Въ своемъ завѣщаніи отецъ не успѣлъ отказать ихъ въ пользу города, такъ что я, какъ наслѣдникъ всего имущества, являюсь ихъ собственникомъ. Согласно волѣ отца я, разумѣется, безъ колебанія подарилъ бы ихъ Риму, но опасаюсь, не вызвали ли въ отцѣ настоянія тети нѣкоторыхъ сомнѣній, и не воздержался ли онъ отъ своего плана нарочно для того, чтобы когда-нибудь эти коллекціи могли быть перевезены на родину. Что отецъ думалъ объ этомъ въ послѣднее время— доказываютъ многочисленныя поправки въ его завѣщаніи. Въ немъ также есть много записей для дальнихъ родственниковъ, а одна изъ нихъ растрогала меня болѣе, чѣмъ я это могу выразить. Въ ней заключается слѣдующее: «Голову Мадонны (Sassoferato) я завѣщаю моей будущей невѣсткѣ».

25 мая.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ скульпторъ Лукомскій началъ статую отца во весь ростъ по бюсту, который онъ самъ сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Часто въ полдень я хожу къ нему смотрѣть, какъ подвигается работа. Студія его переноситъ меня точно въ иной міръ. Это нѣчто въ родѣ сарая, съ однимъ громаднымъ окномъ вверху, выходящимъ на сѣверъ, вслѣдствіе чего она освѣщена холоднымъ, не насыщеннымъ солнечнымъ блескомъ, свѣтомъ Когда я въ ней сижу, мнѣ кажется, что я не въ Римѣ. Иллюзію усиливаетъ самъ Лукомскій, обладающій головой уроженца сѣвера, свѣтлой бородой и голубыми затуманенными глазами мистика. Два его помощника поляки; въ саду двѣ собаки называются Крукъ и Курта, словомъ, это какой-то гиперборейскій островъ на южномъ морѣ. Я люблю ходить туда изъ-за оригинальности впечатлѣнія, люблю также смотрѣть на Лукомскаго за работой. Въ немъ тогда замѣтны сила и простота. Особенно онъ интересенъ, когда отдаляется отъ своего произведенія для того, чтобы лучше его разсмотрѣть, затѣмъ внезапно возвращается къ нему, точно для аттаки. Это очень талантливый скульпторъ. Фигура отца растетъ у него въ рукахъ и поражаетъ сходствомъ. Это будетъ не только портретъ, но и произведеніе искусства.

Да, если кто можетъ служить типомъ человѣка, влюбленнаго въ прекрасныя формы, такъ именно Лукомскій. Мнѣ кажется, онъ даже думаетъ помощью греческихъ носовъ, торсовъ, плечъ, головъ, словомъ, не помощью идей, но формъ—и формъ классическихъ. Въ Римѣ живетъ онъ лѣтъ пятнадцать и все еще такъ же часто посѣщаетъ музеи и галлереи, какъ будто вчера только пріѣхалъ. Оказывается, однако, что такая любовь способна совершенно заполнить жизнь человѣка и стать религіей, хотя, быть можетъ, при условіи, чтобы онъ сталъ ея жрецомъ. Лукомскій съ такимъ же благоговѣніемъ смотритъ на красиво сложенныхъ людей, какъ набожные на святые образа. Я спросилъ его, кто, по его мнѣнію,

красивѣйшая женщина въ Римѣ? Онъ безъ колебанія отвѣтилъ: «госпожа Дэвисъ»,—послѣ чего тотчасъ сталъ рисовать большими пальцами обѣихъ рукъ ея фигуру, съ такой легкостью и отчетливостью жестовъ, какими обыкновенно обладаютъ только художники. Лукомскій человѣкъ замкнутый въ себѣ и меланхоликъ, но въ эту минуту имъ овладѣло такое оживленіе, что даже глаза его утратили обычное мистическое выраженіе. «Вотъ, напримѣръ,—повторялъ онъ, очерчивая все новыя линіи — или это... Она прекраснѣйшая женщина не только въ Римѣ, но во всемъ свѣтѣ».

Особенно восхищаетъ его шея Лауры. Онъ говоритъ, что при поднятіи головы шея эта даетъ продолженіе лица не уже самаго лица, что бываетъ чрезвычайно рѣдко; иногда только на Транстеверѣ, у женщинъ изъ народа, можно видѣть подобныя шеи, но никогда онѣ не бываютъ до такой степени совершенными. Дѣйствительно, кто пожелалъ бы въ Лаурѣ найти какую-нибудь физическую неправильность, тотъ напрасно лишь терялъ бы время. Лукомскій даже утверждалъ, что такимъ женщинамъ должно еще при жизни ставить на форумѣ статуи. Я, конечно, ему не противорѣчилъ.

29 мая.

Вся эта итальянская процедура по утвержденію въ правахъ наслѣдства начинаетъ меня томить. Какъ они, при всей своей врожденной живости, все медленно дѣлаютъ и какъ страшно много говорятъ! Меня, буквально, заговорили. Я выписалъ себѣ нѣсколько самыхъ новѣйшихъ французскихъ романовъ и читаю ихъ по цѣлымъ днямъ. Ихъ авторы производятъ на меня впечатлѣніе опытныхъ рисовальщиковъ. Какъ смѣло и ловко обозначена тамъ каждая фигура, сколько силы и жизненности въ ихъ обрисовкѣ. Техника въ работѣ не можетъ идти дальше. Зато объ описываемыхъ тамъ людяхъ мнѣ приходится повторить то же, что я уже говорилъ, а именно, что они любятъ другъ въ другѣ тѣло, но ничего болѣе. Это могутъ быть исключенія, но чтобы во всей Франціи никто не умѣлъ любить иначе, это пусть говорятъ кому-нибудь иному. Я знаю ее слишкомъ хорошо и знаю, что въ этомъ отношеніи она лучше своей литературы. Эта погоня романистовъ за яркой, реальной правдой дѣлаетъ произведенія ихъ фальшивыми. Человѣкъ любитъ индивидуумъ, а для созданія индивидуума необходимы не только лицо, взглядъ, выраженіе, голосъ, фигура — но еще и умъ, характеръ, способъ мышленія, словомъ, множество умственныхъ и моральныхъ элементовъ. Моя связь съ Лаурой можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что чувство, основанное исключительно на внѣшнемъ восторгѣ, не заслуживаетъ даже названія любви. Лаура, впрочемъ, является исключеніемъ.

31 Мая.

Вчера я былъ у Лукомского на завтракѣ; вечеромъ, какъ обыкновенно, бродилъ по Пинчіо. Мое воображеніе заводитъ меня иногда. Богъ знаетъ, куда. Я вообразилъ себѣ, что веду подъ руку Анелю. Мы ходили, бесѣдовали, какъ двое людей, которые чрезвычайно любятъ другъ друга. Мнѣ было такъ хорошо, какъ никогда не было съ Лаурой, но зато, когда воображеніе перестало работать,—какое сознаніе одиночества овладѣло мной! Мнѣ не хотѣлось возвращаться домой. Ночью я не могъ спать. Жизнь моя, однако, необыкновенно безплодна. Эти постоянныя

самоуглубленія ведутъ только къ пустотѣ. А между тѣмъ чувствую, что могло бы быть иначе. Меня даже удивляетъ, что воспоминаніе объ Анелѣ во мнѣ такъ живуче. Отчего, напримѣръ, въ моемъ воображеніи никогда не представляется, что я хожу подъ руку съ Лаурой, а теперь, даже вспомнивъ ея имя, мысленно посылаю ее въ преисподнюю. Часто мнѣ думается, что я держалъ счастье за оба крыла и позволилъ ему улетѣть.

2 іюня.

Давно я не былъ такъ изумленъ, какъ сегодня и, именно, благодаря Лукомскому. Мы вмѣстѣ пошли въ музей на Капитоліи. Уже передъ статуей Венеры онъ удивилъ меня, когда, повертывая во всѣ стороны ея подвижной постаментъ, заявилъ мнѣ, что предпочитаетъ ей неаполитанскую Психею Праксителя потому именно, что она болѣе одухотворена. Въ такомъ пластикѣ это было особенно удивительное мнѣніе. Но еще большая неожиданность поразила меня передъ умирающимъ Гладіаторомъ или Галломъ. Лукомскій въ молчаніи смотрѣлъ на него съ полчаса, а затѣмъ проговорилъ сквозь зубы, какъ это обыкновенно у него бываетъ, когда его что-нибудь взволнуетъ:

— Я уже сто разъ говорилъ, что у него славянское лицо, и, дѣйствительно, это что-то необыкновенное... Мой братъ арендуетъ имѣніе Козлувэкъ, около Серпца. Тамъ былъ Михна, батракъ. Въ прошломъ году онъ утонулъ, когда плавилъ лошадей. Увѣряю васъ, это то же лицо, сходство поразительное. Часто я здѣсь стою въ теченіе цѣлаго часа, потому что это мнѣ нужно....

Я просто не вѣрилъ своимъ ушамъ и удивлялся, какъ это еще не обрушились на насъ своды Капитолія. Серпецъ, Козлувэкъ, Михна здѣсь, въ этомъ мірѣ классическихъ формъ, и слышать это отъ Лукомскаго. Но мнѣ сразу открылся въ скульпторѣ человѣкъ: такъ вотъ ты какой пластикъ—подумалъ я—вотъ какой ты грекъ и римлянинъ! Ты, значитъ, приходишь сюда смотрѣть на гладіатора не только ради его формъ, но и потому, что онъ напоминаетъ тебѣ Михну изъ Козлувэка? Теперь я догадываюсь, что означаетъ твоя неразговорчивость и твоя меланхолія!»

Лукомскій, очевидно, понялъ мою мысль, такъ какъ опустилъ свои мистическіе глаза въ землю и сталъ говорить прерывающимся голосомъ, какъ бы объясняя то, что сказалъ раньше:

— Здѣсь въ Римѣ жить, но не умирать!...Мнѣ везетъ...Я не имѣю права жаловаться... Сижу здѣсь, потому что надо... Но меня мучаетъ тоска по родинѣ. Когда ночью у меня въ саду залаютъ собаки, мнѣ хочется царапать стѣну, такъ какъ мнѣ чудится, будто это наша деревня... Я бы съума сошелъ, если бы я не ѣздилъ туда, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ годъ! И теперь вскорѣ поѣду, потому что вотъ гдѣ у меня все это сидитъ.

Сказавъ это, онъ сталъ стучать пальцемъ въ горло и сложилъ губы, какъ бы для свиста, такъ какъ онѣ у него тряслись. Это былъ взрывъ скрытыхъ чувствъ, тѣмъ болѣе изумительный въ этомъ человѣкѣ, что онъ произошелъ такъ неожиданно. Внезапно и мной овладѣло волненіе при видѣ этого гигантскаго различія, которое такъ ярко сказалось между мной и такими людьми, какъ Лукомскій или Снятыньскій. Даже еще теперь я

думаю объ этомъ съ нѣкоторой боязнью. Вѣдь это цѣлый, недоступный для меня, горизонтъ. Сколько чувства заключается въ этихъ людяхъ! Имъ, можетъ быть, съ этимъ плохо или хорошо, но все же они богачи въ сравненіи со мною. Имъ не угрожаетъ ни пустота, ни одиночество, они обладаютъ громаднымъ запасомъ жизненности. Я, вѣдь, тоже какъ бы чувствую нѣкоторую связь съ своимъ обществомъ, но чувство это не такъ непосредственно, оно не горитъ во мнѣ яркимъ пламенемъ и не сдѣлалось частью моего существа. Мнѣ для жизни не надо никакого Козлувэка, ни Михны, ни Плошова, то есть тамъ, гдѣ для Лукомскаго или Снятыньскаго бьютъ живые ключи, изъ которыхъ черпается смыслъ жизни, тамъ я нахожу лишь сухой песокъ. А вѣдь, если бы они не имѣли этихъ основъ, у нихъ все же остались бы: у одного—скульптура, у другого—литература. Это почти невѣроятно, чтобы человѣкъ, обладающій столькими, какъ я, условіями для счастья, не только не былъ счастливъ, но положительно не зналъ бы даже, для чего онъ живетъ. Несомнѣнно, что виною этого были условія, въ которыхъ мнѣ приходилось воспитываться, всѣ тѣ Римы, Метцы, Парижи и опять Римы; жизнь моя была, подобно жизни дерева, оторваннаго отъ своей почвы и дурно пересаженнаго на чужую; но въ этомъ и моя вина, такъ какъ я ставилъ знаки вопроса и философствовалъ тамъ, гдѣ иные только любятъ. Слѣдствіемъ явилось то, что я ничего не выигралъ, а лишь изсушилъ въ себѣ сердце.

8 іюня.

Я записываю воспоминанія за всю недѣлю. Ко мнѣ пришло нѣсколько писемъ, между которыми одно отъ Снятыньскаго. Честный малый такъ огорченъ оборотомъ дѣла съ Анелей, что даже не бранитъ меня. Онъ только сообщаетъ мнѣ, что жена его очень сердита на меня, что не хочетъ слышать обо мнѣ, и что, по ея мнѣнію, я чудовище, находящее самое большое удовольствіе въ истязаніи людей. Въ данномъ случаѣ, я истинный христіанинъ, такъ какъ по этому поводу не только не чувствую неудовольствія къ Снятыньской, но это еще больше располагаетъ меня къ ней. Какое горячее, благородное сердце! Снятыньскій, очевидно, считаетъ дѣло проиграннымъ или, вѣрнѣе, окончательно разрѣшеннымъ, потому что воздерживается отъ совѣтовъ и только говоритъ: «Дай Богъ, тебѣ найти другую подобную же». Странно, но когда я объ этомъ думаю, мнѣ кажется, что не хочу другой, подобной Анелѣ, ни лучше ея, но лишь хочу только ее! Я говорю, что мнѣ это кажется, такъ какъ мое чувство не имѣетъ постоянной и опредѣленной формы. Во мнѣ теперь точно клубокъ необыкновенно спутанныхъ шелковыхъ нитей, я мучаюсь, потому что не умѣю распутать и привести въ порядокъ этотъ клубокъ. Не смотря на все мое самопознаніе, я, напримѣръ, не знаю, откуда вытекаетъ моя печаль, изъ того ли, что люблю Анелю болѣе, чѣмъ предполагаю, или изъ того, что чувствую, что могъ бы ее очень любить? Снятыньскій до нѣкоторой степени отвѣчаетъ мнѣ на это слѣдующими словами: «Я слышалъ или читалъ, что куски золота иногда покрыты оболочкой кварца, изъ-подъ которой трудно достать металлъ. Предполагаю, что и твое сердце покрыто такою же оболочкой; въ серединѣ ея есть дорогой металлъ, но эта скверная скорлупа не совсѣмъ распалась послѣ твоего послѣдняго

пребыванія въ Плошовѣ. Ты пробылъ тамъ слишкомъ непродолжительное время и, должно быть, не полюбилъ этой дѣвушки достаточно сильно. Ты, быть можетъ, обладаешь энергіей для какого-нибудь дѣйствія, но у тебя вовсе нѣтъ никакой энергіи въ рѣшеніяхъ; быть можетъ, однако, она и нашлась бы у тебя, если бы тебѣ въ достаточной степени влекло чувство. Ты уѣхалъ, началъ, по своему обыкновенію, самоуглубляться, размышлять, и случилось то, что я предвидѣлъ, то есть что ты профилософствовалъ собственное и чужое счастье».

Слова Снятыньскаго меня поражаютъ оттого, что они являются какъ бы повтореніемъ словъ моего покойнаго отца Снятыньскій, однако, понимаетъ меня болѣе обстоятельно, такъ какъ вотъ что онъ затѣмъ добавляетъ: «Старая исторія, что, кто слишкомъ размышляетъ надъ собой, тотъ въ концѣ концовъ недоволенъ самимъ собой, а кто недоволенъ самимъ собой, тотъ неспособенъ ни къ какимъ рѣшеніямъ. Теперь больной вѣкъ, въ которомъ только у ословъ есть еще какая-нибудь воля, потому что если кто-нибудь обладаетъ хотя небольшимъ умомъ, онъ тотчасъ начинаетъ сомнѣваться во всемъ и убѣждаетъ самого себя, что въ самомъ дѣлѣ не стоитъ чего-либо желать. Я читалъ это у одного изъ французскихъ авторовъ и подумалъ, что, ей-Богу, онъ правъ!»

Въ иныя минуты я предпочелъ бы, чтобы Снятыньскій меня просто-на-просто выругалъ, вмѣсто того, чтобы начинять письмо такими, напримѣръ, фразами: «Не смотря на всѣ твои достоинства, можетъ дойти до того, что ты всегда будешь являться причиной непріятностей и огорченій для самыхъ близкихъ и дорогихъ тебѣ людей». Но тѣмъ болѣе мнѣ непріятно, что въ словахъ его заключается правда. Я причинилъ горе Анелѣ, тетѣ, матери Анели и, наконецъ, самому себѣ. Зато мнѣ хочется смѣяться, когда читаю далѣе: «Согласно законамъ жизни, въ человѣкѣ вообще то-нибудь должно вырасти, а потому берегись, чтобы въ тебѣ не выросло какое-нибудь зло, которое тебя перваго отравитъ». Нѣтъ!. Это, по крайней мѣрѣ, мнѣ не угрожаетъ. Вѣдь, тамъ выросла какая-то плѣсень, посѣянная рукою Лауры, но она выросла именно только на той кварцовой скорлупѣ, о которой вспоминаетъ Снятыньскій, она не смогла пустить корни глубже, и ни я ею не отравился, ни Лаура. Такую плѣсень не надо даже вырывать, ее достаточно стереть, какъ пыль. Снятыньскій болѣе правъ, когда становится самимъ собою и когда выступаетъ во имя своего догмата, который всегда хранитъ въ своемъ сердцѣ, и говоритъ.

— Если ты себя считаешь высшимъ типомъ, и если даже ты таковъ, то я тебѣ скажу, что сумма такихъ высшихъ типовъ даетъ обществу минусъ.

Какое тамъ! Я считаю себя высшимъ типомъ развѣ только въ сравненіи съ какимъ-нибудь Кромицкимъ, но все же Снятыньскій правъ. Такіе люди, какъ я, тогда лишь не являются минусами, когда не принадлежатъ къ категоріи геніевъ безъ портфеля, то есть когда являются великими учеными или великими художниками. Часто даже они тогда играютъ роль реформаторовъ. Что касается меня, то я могъ бы быть реформаторомъ, исключительно по отношенію къ самому себѣ. Мысль эта занимала меня въ теченіе цѣлаго дня, такъ какъ, дѣйствительно, это неслыханно, чтобы человѣкъ, такъ ясно сознающій свои недостатки, не предпринималъ ни-

чего для ихъ предотвращенія. Вѣдь даже, если бы я цѣлыхъ полдня колебался, выйти мнѣ на улицу, или нѣтъ, то въ концѣ концовъ я могъ-бы, однако, взять себя за шиворотъ и свести внизъ. Я скептикъ— хорошо. Но развѣ я не могу заставить себя поступать такъ, какъ будто я не таковъ? Кого это можетъ интересовать, насколько мои поступки обусловливаются убѣжденіями? Что, напримѣръ, могъ бы я сдѣлать въ настоящее время? Да вотъ, приказать укладывать вещи и ѣхать въ Плошовъ. Я могъ бы отлично это сдѣлать. Что бы изъ этого вышло, оказалось бы впослѣдствіи, а тѣмъ временемъ было бы какое-нибудь дѣйствіе. Правда, Снятыньскій пишетъ: «Эта обезьяна теперь ежедневно бываетъ въ Плошовѣ и допиливаетъ бѣдныхъ дамъ, которыя и безъ того выглядятъ, точно тѣни». Слѣдовательно, можетъ быть, уже слишкомъ поздно? Снятыньскій не упоминаетъ, какъ давно онъ былъ въ Плошовѣ; я предполагаю, что недѣлю или двѣ недѣли тому назадъ, а въ такомъ случаѣ, со времени его послѣдняго визита, дѣло могло очень подвинуться впередъ. Да, но это мнѣ неизвѣстно. Наконецъ, что можетъ быть хуже того, что есть въ настоящее время? Чувствую, что человѣкъ, обладающій хотя-бы незначительной энергіей въ своихъ рѣшеніяхъ, уѣхалъ бы; чувствую, что буду до нѣкоторой степени себя уважать, если сдѣлаю это и тѣмъ болѣе еще, что даже Снятыньскій не уговариваетъ меня, онъ, который во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ живой, энергичный. При одной мысли объ отъѣздѣ у меня становится свѣтлѣе въ глазахъ, притомъ въ этомъ свѣтѣ вижу одно такое милое лицо, что въ эту минуту оно мнѣ кажется, милѣе всего на свѣтѣ и—per Baccho!—я, по всей вѣроятности, сдѣлаю такъ, какъ предполагаю!

9 іюня.

«La nuit porte conseil!» Я не ѣду тотчасъ въ Плошовъ, такъ какъ подобный отъѣздъ вышелъ бы наугадъ, но зато написалъ тетѣ пространное письмо въ совершенно иномъ родѣ, чѣмъ то, которое послалъ изъ Пэли. Черезъ восемь, самое большее десять дней долженъ быть отвѣтъ, сообразно которому уѣду, или же... не уѣду и, вообще, не буду знать, что дѣлать. Я былъ бы увѣренъ въ благопріятномъ отвѣтѣ, если бы, напримѣръ, написалъ такъ: «Умоляю васъ, дорогая тетя, прогнать вонъ Кромицкаго; извиняюсь передъ Анелей, я ее люблю и прошу ея руки». Просьба моя только въ такомъ случаѣ не имѣла бы результата, если бы уже свадьба состоялась, но, вѣдь, я предполагаю, что дѣло тамъ не пошло такъ скоро. Ничего подобнаго я, однако, не написалъ тетѣ. Письмо мое должно сыграть роль рекогносцировки. Я составилъ его такимъ образомъ, что тетя, желая отвѣтить, должна мнѣ сообщить, что происходитъ не только въ Плошовѣ, но и въ сердцѣ Анели. Надо сказать сущую правду, что если я не былъ болѣе рѣшителенъ, то потому, что опытъ научилъ меня не довѣрять самому себѣ. Ахъ, если бы Анеля, не смотря на чувство горечи, которое она болѣе или менѣе основательно можетъ питать ко мнѣ, отказала Кромицкому, какъ бы я за это былъ ей благодаренъ, какъ бы она возвысилась въ моихъ глазахъ надъ уровнемъ того несноснаго типа барышень, единственною цѣлью которыхъ является замужество! Жаль, что я, узналъ объ этомъ Кромицкомъ. Улетѣвъ, подобно птицѣ, отъ ногъ Лауры, что должно было произойти во всякомъ случаѣ, я, по всей вѣроятности,

палъ бы къ ногамъ Анели. Добрая тетя, однако, доказала, что у нея тяжелая рука, сообщая мнѣ о намѣреніяхъ Кромицкаго и о содѣйствіи, оказываемомъ ему госпожей П. Въ нашъ вѣкъ, слишкомъ утонченныхъ нервовъ, не только женщины подобны мимозамъ, но и мужчины. Одно болѣе рѣзкое прикосновеніе, и душа уже сжимается и очень часто закрывается навсегда. Знаю, что это глупо и дурно, но это такъ! Желая измѣниться, я долженъ былъ бы заказать себѣ у какого-нибудь анатома иные нервы, а тѣ, что у меня есть, сохранять только для особенныхъ случаевъ. Никто, даже Снятыньская, считающая меня въ эту минуту чудовищемъ, не относится ко мнѣ болѣе критически, чѣмъ я самъ. Но неужели этотъ Кромицкій лучше меня? Развѣ его пошлый денежный неврозъ болѣе стоитъ, чѣмъ мой? Безъ всякаго хвастовства могу себѣ сказать, что я обладаю въ десять разъ большей деликатностью чувствъ, болѣе благородными порывами, лучшимъ сердцемъ, большей нѣжностью, не говоря уже о томъ, что его родная мать принуждена была бы признать мое превосходство надъ нимъ въ умственномъ отношеніи. Правда, мнѣ никогда въ жизни не нажить милліарда, ни его десятой части, но Кромицкій тоже не нажилъ и сотой; зато я могъ бы поручиться, что моей женѣ было бы лучше въ жизни, чѣмъ его, что она жила бы жизнью болѣе широкой и благородной.

Я уже не впервые мысленно сравниваю себя съ Кромицкимъ, что меня даже злитъ, до такой степени считаю себя выше его. Мы обитатели двухъ разныхъ планетъ, и, если сопоставить наши души, то между ними будетъ такое отношеніе, что къ моей надо взбираться по лѣстницѣ, причемъ, сознаюсь, можно сломить себѣ шею, къ его же душѣ, такая, напримѣръ, дѣвушка, какъ Анеля, положительно должна была бы снизойти.

Оказалось ли бы, однако, для нея это дѣломъ такимъ труднымъ? Отвратительный вопросъ! Но я видалъ въ этомъ отношеніи такія неслыханныя вещи, особенно у насъ, гдѣ женщины вообще выше мужчинъ, что мнѣ поневолѣ приходится задать такой вопросъ. Я встрѣчалъ дѣвушекъ, ей-Богу, почти крылатыхъ, полныхъ благородныхъ порывовъ, впечатлительныхъ ко всему прекрасному, возвышенному, которыя не только выходили замужъ за болвановъ самаго худшаго сорта, но даже на слѣдующій день послѣ свадьбы переходили, такъ сказать, въ ихъ житейскую вѣру, воспринимали ихъ пошлость, эгоизмъ, суетность, узость взглядовъ и ничтожество. Но что еще хуже, нѣкоторыя изъ нихъ даже хвастались этимъ, какъ будто въ ихъ глазахъ былые идеалы такъ же надо было выбросить за окно, какъ ихъ свадебный миртовый вѣнокъ.

Приэтомъ онѣ были убѣждены, что такимъ путемъ становятся добрыми женами, не отдавая себѣ отчета, что каждая изъ нихъ приноситъ божественные полеты души въ жертву влеченіямъ обезьяны. Правда, часто впослѣдствіи раньше или позже, наступала реакція, но вообще шекспировская Титанія является у насъ довольно обыкновеннымъ типомъ, который каждый изъ насъ, навѣрно, не разъ встрѣчалъ.

Я скептикъ съ головы до ногъ, но мой скептицизмъ вытекаетъ изъ того, что причиняетъ мнѣ боль, такъ какъ, дѣйствительно, мнѣ больно, когда подумаю, что можетъ случиться то же и съ Анелей. Быть можетъ,

и она будетъ пожимать плечами при воспоминаніи о своихъ дѣвичьихъ мечтахъ, убѣжденная, что поставки въ Туркестанъ—вотъ дѣла одинаково серьезныя, какъ и реальныя, которыми единственно стоитъ заниматься въ жизни. При этой мысли меня охватываетъ страшный гнѣвъ и особенно потому, что если это случится, то случится отчасти по моей винѣ.

Съ другой стороны, однако, мои размышленія и колебанія вытекаютъ не только изъ отсутствія энергіи въ рѣшеніяхъ, о чемъ пишетъ Снятыньскій, но еще изъ иного источника. Я такъ высоко смотрю на бракъ и предъявляю къ нему такія большія требованія, что все это лишаетъ меня смѣлости. Знаю, что, хотя очень часто мужъ и жена представляютъ собою двѣ дурно пригнанныя доски, однако кой-какъ живутъ, но для меня этого недостаточно. Такъ какъ я недовѣрчиво отношусь къ счастью, то говорю себѣ: пусть, хотя въ этомъ отношеніи, мнѣ повезетъ. Но можетъ ли это случиться? Странно, но такимъ вѣчно колеблющимся, такимъ нерѣшительнымъ сталъ я не вслѣдствіе тѣхъ дурныхъ супружествъ, которыя мнѣ случалось видѣть, но вслѣдствіе нѣсколькихъ счастливыхъ, такъ какъ именно при воспоминаніи о нихъ я говорю себѣ это возможно, это не теорія, а сама жизнь; надо только сумѣть найти!

11 іюня.

Въ послѣдніе дни я очень подружился съ Лукомскимъ. Онъ со мною уже не такъ молчаливъ и замкнутъ въ себѣ, какъ прежде. Вчера вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ, и мы потомъ вмѣстѣ бродили въ термахъ Каракаллы, послѣ чего я пригласилъ его къ себѣ, и онъ сидѣлъ у меня почти до полуночи. У меня съ нимъ былъ разговоръ, который я записываю, такъ какъ онъ произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Лукомскій отчасти стыдился своего порыва передъ умирающимъ Галломъ, но я нарочно началъ говорить о родинѣ и, когда подъ конецъ наша бесѣда стала какъ то теплѣе, сказалъ ему:

— Простите мой вопросъ, но, въ самомъ дѣлѣ, я не понимаю одной вещи, а именно: почему человѣкъ, который такъ, какъ вы, привязанъ къ своему отечеству, не постарается найти себѣ подругу жизни съ родины. Такого воспоминанія о родинѣ, которое она сумѣетъ вамъ дать, повѣрьте, не дадутъ вамъ ни ваша студія, ни ваши помощники, не говоря уже о Крукѣ и Куртѣ.

Лукомскій усмѣхнулся и, указывая мнѣ на кольцо, проговорилъ:

— Я вотъ и женюсь. Ждемъ только окончанія траура по отцѣ моей невѣсты. Черезъ два мѣсяца я ѣду къ ея роднымъ.

— Въ окрестностяхъ Серпца?

— Нѣтъ, они живутъ около Вилькоміра.

— Что же вы дѣлали въ Вилькомірѣ?

— Я познакомился съ ними случайно въ Римѣ, на Корсо.

— Это былъ счастливый случай!

— Самый счастливый въ моей жизни.

— Быть можетъ, во время карнавала?

— Вовсе нѣтъ. Однажды утромъ, я пошелъ на via Condotti, какъ вдругъ вижу, что какія-то двѣ дамы, свѣтлыя блондинки, повидимому мать и дочь, разспрашиваютъ на ломанномъ итальянскомъ языкѣ прохо-

жихъ о Капитоліи. Онѣ говорили «Capitolio», «Capitole», «Capitol», и никто ихъ не могъ понять по той простой причинѣ, что, какъ вамъ извѣстно, говорится: «Campidolio». Я тотчасъ узналъ, что онѣ польки, такъ какъ на этотъ счетъ опытенъ. Дамы очень обрадовались, когда я обратился къ нимъ по-польски, встрѣча съ соотечественницами меня тоже обрадовала и я не только указалъ имъ дорогу, но даже самъ проводилъ ихъ на мѣсто.

— Вы себѣ представить не можете, какъ меня интересуетъ вашъ разсказъ. Итакъ, вы пошли вмѣстѣ?

— Да, пошли вмѣстѣ. По дорогѣ я присмотрѣлся къ барышнѣ. Она была стройна, какъ тополь, граціозна, красива, съ маленькой изящной головкой; уши ея могли бы служить моделью, лицо, полное выраженія, а рѣсницы положительно золотыя. Что-нибудь подобное можно встрѣтить только у насъ, здѣсь вы этого не увидите, развѣ лишь въ Венеціи, и то рѣдко. Мнѣ также понравилось въ ней то, что она была очень внимательна къ матери, находившейся въ большомъ горѣ по случаю недавней смерти своего мужа. Я подумалъ, что у этой дѣвушки должно быть доброе сердце. Съ недѣлю я сопровождалъ ихъ въ качествѣ чичероне, а по истеченіи этого времени сдѣлалъ предложеніе.

— Какъ? По истеченіи недѣли?

— Да, такъ какъ онѣ возвращались во Флоренцію.

— Во всякомъ случаѣ я нахожу, что вы принадлежите къ людямъ, которые не любятъ долго раздумывать.

— Если бы дѣло происходило у насъ, на родинѣ, то несомнѣнно продолжалось бы дольше, но здѣсь у меня было непреодолимое желаніе цѣловать ея руки за то, что она полька...

— Такъ-то оно такъ, но, вѣдь, бракъ это такой переломъ въ жизни...

— Это правда. Но что лучшаго могъ я выдумать въ двѣ или три недѣли, чѣмъ въ недѣлю? Признаюсь, меня кой-что стѣсняло, и мнѣ неловко было объ этомъ имъ говорить... Въ нашемъ семействѣ есть одинъ физическій недостатокъ, а именно—наслѣдственная глухота. Дѣдъ мой на старости лѣтъ ничего не слышалъ, отецъ оглохъ на сороковомъ году жизни... Конечно, можно съ этимъ жить, но какъ никакъ, а это тяжелый недостатокъ, особенно для окружающихъ, такъ какъ глухіе бываютъ нетерпѣливыми. Такъ вотъ я и раздумывалъ, годится ли связать жизнь такой дѣвушки человѣку, которому, по всей вѣроятности, грозитъ тотъ же недостатокъ — и съ которымъ жизнь можетъ оказаться довольно трудной.

Теперь только я замѣтилъ, что у Лукомскаго въ выраженіи глазъ, въ движеніяхъ головы и въ способѣ слушать, когда съ нимъ говорятъ, есть что-то такое, что обыкновенно бываетъ у глухихъ. До сихъ поръ онъ слышитъ отлично, но, очевидно, уже самъ себя постоянно контролируетъ, не слабѣетъ ли у него слухъ.

Я старался его успокоить, онъ же сказалъ:

— Я тоже самое думалъ. Не стоитъ изъ-за опасности, только вѣроятной, портить жизнь себѣ и другому существу. Вѣдь, и холера бываетъ въ Италіи, но было бы глупо, если бы ни одинъ итальянецъ не женился потому, что можетъ умереть отъ холеры и оставить безъ опеки

жену и дѣтей. Впрочемъ, я исполнилъ то, что обязанъ былъ исполнить. Прежде всего я сказалъ Вандзѣ, что ее люблю, что ради нея отдалъ бы жизнь, но есть вотъ такое-то препятствіе. Знаете ли, что она мнѣ отвѣтила? Она сказала такъ: «Когда мнѣ нельзя будетъ вамъ говорить о своей любви, тогда я буду писать». При этомъ, конечно, дѣло не обошлось безъ слезъ, но часъ спустя мы уже смѣялись надъ этимъ опасеніемъ, и я нарочно притворялся глухимъ, чтобы принудить ее написать «люблю».

Разговоръ этотъ глубоко врѣзался въ мою память. Снятыньскій ошибается, утверждая, что у насъ только ослы обладаютъ еще нѣкоторой силой воли. Этотъ скульпторъ, дѣйствительно, имѣлъ вѣскій поводъ хорошенько подумать о предстоящемъ шагѣ, а между тѣмъ ему достаточно было недѣли для такого важнаго рѣшенія. Быть можетъ, у него нѣтъ развитого до такой степени самопознанія, какъ у меня, но все же онъ человѣкъ умный. Однако, какая славная, энергичная женщина его будущая жена! и какъ мнѣ нравится ея отвѣтъ! Я чувствую вмѣстѣ съ тѣмъ, что Анеля принадлежитъ къ той же самой категоріи женщинъ. Если бы, напримѣръ, я ослѣпъ, то Лаура, быть можетъ, воспользовалась бы этимъ случаемъ, чтобы нарядить меня какимъ-нибудь ѳеакскимъ Демодокомъ, поющимъ пѣсни на торжественномъ пиру. Но Анеля! нѣтъ, та, навѣрно, не оставила бы меня, хотя бы я еще не былъ ея мужемъ. За это я готовъ дать на отсѣченіе свою руку.

Надо, однако, признать, что при такой увѣренности и недѣля колебанія должна быть излишней, а я, между тѣмъ, колеблюсь вотъ уже пять мѣсяцевъ; даже мое послѣднее письмо къ тетѣ не заключаетъ въ себѣ ничего рѣшительнаго.

Впрочемъ, я утѣшаю себя мыслью, что тетя, какъ женщина умная и любящая меня, догадается въ чемъ дѣло, и по-своему придетъ ко мнѣ на помощь. Въ моемъ сердцѣ бьется надежда, что Анеля въ этомъ отношеніи будетъ союзницей тети. Жалѣю, что въ письмѣ я не выразилъ своего желанія болѣе ясно. У меня есть желаніе послать другое письмо, но я преодолѣваю его. Надо дождаться отвѣта на первое. Счастливы такіе люди, какъ Лукомскій, которые начинаютъ съ дѣйствій.

15 іюня.

Назову ли я то чувство, которое питаю къ Анелѣ, любовью или какъ-нибудь иначе, всегда, однако, замѣчаю большое различіе между нимъ и всѣми тѣми чувствами, которыя до сихъ поръ овладѣвали моимъ сердцемъ. Я думаю о немъ съ утра до вечера, оно приняло характеръ какого-то вопроса, касающагося непосредственно моей личности, и я считаю себя отвѣтственнымъ за него передъ самимъ собою. Этого прежде никогда не бывало. Тѣ прежнія связи возникали, продолжались и прекращались, оставляя во мнѣ бо̀льшую или меньшую печаль, иногда пріятное воспоминаніе, подчасъ непріятный осадокъ, но никогда до такой степени не поглощали моего внутренняго существа. Въ праздной свѣтской жизни, какую ведемъ всѣ мы, не задающіеся никакими возвышенными стремленіями, не служащіе никакой идеѣ и одновременно не имѣющіе нужды трудиться ради куска хлѣба, женщина не сходитъ со сцены. Мы постоянно

на нее смотримъ, систематически за ней ухаживаемъ и такъ чертовски съ нею освоиваемся, что, въ концѣ концовъ, считаемъ ее однимъ изъ обычныхъ житейскихъ грѣховъ. Мы, обманывая женщину, такъ мало испытываемъ укоровъ совѣсти, что менѣе укоровъ совѣсти испытываетъ развѣ только женщина, сама насъ обманывающая. Не смотря на то, что я по своей натурѣ такъ впечатлителенъ, совѣсть у меня, въ этомъ отношеніи, притуплена. Бывали случаи, когда я говорилъ себѣ: «Вотъ великолѣпный поводъ сдѣлать себѣ нѣсколько патетическихъ выговоровъ»—но всегда кончалось тѣмъ, что я предпочиталъ махнуть рукой и думать о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ. Въ данномъ случаѣ это не такъ. Подчасъ, когда умъ мой занятъ чѣмъ-нибудь совершенно постороннимъ, внезапно чувствую, что мнѣ чего-то недостаетъ, меня охватываетъ какое-то безпокойство, даже страхъ, ну, совершенно такъ, какъ будто я упустилъ изъ виду что-то чрезвычайно важное, чего-то необходимаго сдѣлалъ, и я въ ту же минуту замѣчаю, что это мысль объ Анелѣ опять врывается въ мое сознаніе, чтобы всецѣло овладѣть мною. Эта мысль бьется во мнѣ днемъ и ночью, какъ духъ въ бюро, въ поэмѣ Мицкевича. Когда я пожимаю плечами и усиливаюсь уменьшить или даже осмѣять это впечатлѣніе, мой скептицизмъ и иронія не помогаютъ мнѣ или, вѣрнѣе, помогаютъ лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаются, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ я опять возвращаюсь въ заколдованный кругъ. Это, собственно говоря, не огорченіе, ни даже укоры, но скорѣе мучительное сосредоточеніе мысли на одномъ предметѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько лихорадочное, безпокойное любопытство, что будетъ дальше, какъ будто отъ этого «дальше» зависитъ моя жизнь.

Если бы я не привыкъ такъ хорошо себя анализировать, то сказалъ бы самому себѣ, что это великое и необыкновенное чувство, но я замѣчаю, что въ этихъ размышленіяхъ и безпокойствахъ меня интересуетъ еще что-то иное, кромѣ обладанія Анелей въ будущемъ. Несомнѣнно она произвела на меня сильное и глубокое впечатлѣніе; Спятыньскій, однако, правъ, утверждая, что если бы я ее полюбилъ такъ же сильно, какъ, напримѣръ, онъ свою жену, то прежде всего пожелалъ бы ею обладать. Я же менѣе желаю ею обладать, чѣмъ боюсь ее потерять. Быть можетъ, не каждый сумѣлъ бы подмѣтить это странное и большое различіе. Я, однако, твердо убѣжденъ, что если бы не Кромицкій, если бы не весьма вѣроятная потеря Анели, во мнѣ не было бы ни этой боязни, ни безпокойства. Это до нѣкоторой степени распутываетъ спутанныя нити клубка, такъ какъ доказываетъ мнѣ, относительно, ясно, что я не столько люблю Анелю, сколько чувствую, что могъ бы ее полюбить, и вотъ этого то именно, этой картины счастья, этой единственной возможности заполнить счастьемъ свою жизнь мнѣ необыкновенно жаль, а еще болѣе мнѣ страшно той пустоты, которая откроется передо мной, если я лишусь Анели. Я замѣтилъ, что величайшіе пессимисты, когда у нихъ судьба или люди хотятъ что-нибудь отнять изъ жизни, такъ энергично размахиваютъ руками и ногами и такъ вопятъ благимъ матомъ, какъ величайшіе оптимисты. Я нахожусь въ такомъ же положеніи. Правда, я не кричу но, мной овладѣваетъ тревога при мысли, что, быть можетъ, дня черезъ два я не буду знать, что съ собой дѣлать на свѣтѣ.

16 іюня.

Я имѣлъ извѣстіе о Лаурѣ; мнѣ сообщилъ о ней мой нотаріусъ, который ведетъ также дѣла Дэвисовъ. Самъ Дэвисъ уже въ домѣ умалишенныхъ. Жена его живетъ теперь въ Интерлакенѣ, у подножія Юнгфрау, и, навѣрно, намѣревается взобраться на ея вершину. Воображаю, какъ она наряжается въ Альпы, въ ихъ снѣга, мглы, восходы солнца, какъ катается по озерамъ и становится надъ пропастями. Я выразилъ нотаріусу свое сочувствіе къ Дэвису и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ его супругѣ, которая въ такомъ молодомъ возрастѣ осталась одна безъ опеки. Старый юристъ успокоилъ меня на этотъ счетъ, заявивъ, что недѣлю тому назадъ поѣхалъ въ Швейцарію графъ Малески, неаполитанецъ, родственникъ госпожи Дэвисъ. Я его знаю. Онъ красивъ, какъ Антиной, но картежникъ и, какъ говорятъ, трусъ. Мнѣ кажется, я несправедливо назвалъ въ свое время Лауру пизанской башней.

Въ моей жизни впервые случается, чтобы съ воспоминаніемъ о женщинѣ, которой я въ сущности не любилъ, соединялась бы во мнѣ такая непріязнь. По отношенію къ Лаурѣ я неблагодаренъ и невеликодушенъ. Мнѣ даже стыдно. Собственно, какіе у меня поводы враждебно относиться къ ней, и чего я не могу ей простить? Да вотъ того, что съ самаго начала нашей связи, правда, не исключительно по ея винѣ, но вслѣдствіе самаго сближенія съ нею, я совершилъ много дурныхъ поступковъ, которыхъ никогда не совершалъ въ жизни. Я не отнесся съ уваженіемъ къ трауру по отцѣ, обманулъ довѣріе слабаго и больного Дэвиса, опустился испортился и, наконецъ, послалъ то роковое письмо... Все это моя вина. Но если слѣпой, споткнувшись о камень, падаетъ на дорогѣ, то всегда проклинаетъ камень, хотя въ сущности онъ упалъ лишь потому, что былъ слѣпъ.

17 іюня.

Сегодня я отнесъ деньги Лукомскому, оставилъ довѣренность нотаріусу; вещи мои упакованы, такъ что, на всякій случай, все у меня готово къ отъѣзду. Римъ становится мнѣ нестерпимымъ.

18 іюня.

Я разсчиталъ, что отвѣтъ тети могъ бы уже придти. Отстраняя отъ себя самыя худшія предположенія, пытаюсь отгадать, что сообщитъ мнѣ тетя. Жалѣю, Богъ знаетъ, который разъ, отчего въ письмѣ къ ней я не выразилъ своего желанія яснѣе. Впрочемъ, въ немъ было сказано, что я, быть можетъ, поѣхалъ бы въ Плошовъ, если бы былъ увѣренъ, что мое присутствіе не будетъ непріятно гостямъ тети, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ сердечный привѣтъ госпожѣ П. и Анелѣ. Я добавилъ еще, что въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Пэли я былъ боленъ и такъ раздражителенъ, что самъ не зналъ, что дѣлаю. Когда я писалъ письмо, оно казалось мнѣ очень умнымъ, теперь же оно подчасъ кажется мнѣ верхомъ глупости Мое самолюбіе не позволило мнѣ ясно и рѣшительно взять назадъ то, что было написано въ письмѣ изъ Пэли. Я разсчитывалъ, что тетя воспользуется первой возможностью, чтобы поправить дѣло, и тогда я явлюсь, какъ какой-нибудь великодушный князь. Человѣческая натура очень ничтожна. Мнѣ ничего не остается иного, какъ держаться обѣими руками за ту надежду, что тетя должна догадаться, чего я желаю.

Теперь, когда мое безпокойство усиливается съ каждой минутой, я чувствую не только то, что могъ бы необыкновенно глубоко любить Анелю, но что вообще могъ бы быть несравненно лучшимъ, чѣмъ въ настоящее время. Собственно, почему я поступаю такъ, какъ будто, кромѣ эгоизма и раздраженныхъ нервовъ, во мнѣ нѣтъ ничего иного? Но если это такъ на самомъ дѣлѣ, то почему мой самоанализъ не откроетъ мнѣ этого? Я обладаю смѣлостью доходить до самыхъ окончательныхъ выводовъ и не скрываю отъ себя правды, и, однако, этотъ выводъ я рѣшительно отбрасываю. Почему? Да потому, что во мнѣ существуетъ непоколебимая увѣренность въ томъ, что я лучше своихъ поступковъ. Причиною ихъ является какая-то жизненная неспособность, обусловливающаяся отчасти расой, отчасти болѣзнью вѣка, сыномъ котораго я являюсь этимъ гипертрофированнымъ самоанализомъ и скептицизмомъ, которые никогда не позволяютъ намъ слѣдовать за первымъ простымъ порывомъ человѣческой натуры, но критикуютъ все до совершеннаго обезсиленія души. Когда я былъ ребенкомъ, то иногда игралъ такимъ образомъ, что клалъ монеты одну на другую, пока образовавшійся изъ нихъ столбикъ, наклонившись отъ собственной тяжести, не падалъ и не превращался въ порядочную кучку. Теперь я дѣлаю то же самое съ своими мыслями и намѣреніями и также до тѣхъ поръ, пока они не рухнутъ. Вслѣдствіе этого мнѣ легче рѣшиться на отрицательный поступокъ, чѣмъ на положительный, легче что-нибудь разрушить, чѣмъ создать. Мнѣ кажется, что многіе интеллигентные люди болѣютъ тою же болѣзнью. Критическое отношеніе ко всему и къ самимъ себѣ поглотило всѣ, заключающіяся въ насъ, положительныя силы, у насъ нѣтъ основъ, нѣтъ исходной точки, нѣтъ вѣры въ жизнь. Вотъ почему я, напримѣръ, не столько желаю обладать Анелей, сколько боюсь ея лишиться.

Но, когда я говорю о болѣзни вѣка, я вовсе не хочу ограничиться въ этомъ отношеніи исключительно собственной личностью. Когда кто-нибудь во время эпидеміи ложится въ постель, то это вещь очень обыкновенная, а нынче критическое отношеніе ко всему является эпидеміей, распространяющейся по всему свѣту. Отсюда простой выводъ, что разныя крыши, подъ которыми люди жили, нерѣдко падаютъ имъ на головы. Религія, которой само названіе означаетъ связь, слабѣетъ. Вѣра, даже у вѣрующихъ, стала безпокойной. Сквозь ту кровлю, что называется отечествомъ, начинаютъ проникать соціальныя теченія. Остался только одинъ идеалъ, предъ которымъ склоняются даже самые дерзкіе скептики—это народъ. Но на цоколѣ этой статуи разные проказники уже начинаютъ писать болѣе или менѣе циничныя остроты—и что еще болѣе странно - первая мгла сомнѣнія начинаетъ сгущаться въ тѣхъ головахъ, которыя по своей природѣ должны ниже другихъ склоняться предъ ней. Возможно, что въ концѣ концовъ явится какой-нибудь геніальный скептикъ, въ родѣ Гейне, который разрушитъ и этотъ кумиръ, какъ это въ свое время сдѣлалъ(Аристофанъ, и разрушитъ его не во имя какихъ либо прежнихъ идеаловъ, но лишь во имя свободы мысли, во имя свободы сомнѣнія. Что произойдетъ тогда—не знаю. Вѣроятно, что тогда на этой громадной пустой страницѣ чортъ будетъ писать сонеты.

Есть ли отъ этого средство? Прежде всего мнѣ до этого? Вѣдь.

желать чего нибудь, не мое дѣло. Я для этого слишкомъ хорошо воспитанный сынъ своего вѣка. Если, однако, все что творитъ человѣчество, о чемъ оно мыслитъ и что переживаетъ отражается такъ или иначе на послѣдующихъ поколѣніяхъ людей, то я позволю сдѣлать одно замѣчаніе съ оговоркой, что въ данномъ случаѣ не имѣю въ виду матеріальнаго положенія, но лишь душевное спокойствіе, котораго съ одинаковымъ удобствомъ можетъ недоставать какъ мнѣ, такъ и всякому другому: такъ вотъ—дѣдъ мой былъ счастливѣе моего отца, мой отецъ былъ счастливѣе меня, а мой сынъ, если только я его буду имѣть, должно быть, будетъ прямо таки достойнымъ сострадания человѣкомъ.

Флоренція, 20 іюня.

Карточный домикъ рухнулъ. Я получилъ письмо отъ тети. Анеля выходитъ замужъ за Кромицкаго, и свадьба ихъ состоится черезъ нѣсколько недѣль. Она сама назначила столь непродолжительный срокъ. Прочитавъ это извѣстіе, я сѣлъ въ вагонъ и хотѣлъ ѣхать въ Плошовъ, одновременно сознавая, что моя поѣздка — глупость, скандалъ, который ни къ чему не приведетъ. Вотъ почему я теперь во Флоренціи. Меня что-то подхватило и увлекло, но я, собравъ остатокъ силъ и благоразумія, остановился здѣсь.

Флоренція, 22 іюня.

Одновременно съ письмомъ тети я получилъ «faire part», адресованное женской рукою. Почеркъ не Анели и не ея матери. Ни одна изъ нихъ этого бы не сдѣлала. По всей вѣроятности это злая шутка госпожи Снятыньской. Впрочемъ, мнѣ все равно. Меня ударили въ голову, и я совершенно ошеломленъ. Это, впрочемъ, болѣе волнуетъ, чѣмъ причиняетъ боль. Не знаю, какъ будетъ потомъ; кажется, человѣкъ, пораженный пулей, сначала также не чувствуетъ присутствія. Я, однако, не застрѣлился, не рехнулся; смотрю на Лунгъ, на Арно, раскладывалъ бы даже насьянсъ, если-бы умѣлъ, словомъ: чувствую себя хорошо... Что въ присутствіи милыхъ друзей собаки съѣли зайца,—такъ это старая исторія... Тетя, должно быть, сочла своимъ христіанскимъ долгомъ повторить Анелѣ то, что я написалъ изъ Пэли.

Флоренція, 23 іюня.

Утромъ, когда я просыпаюсь или вѣрнѣе, когда открываю глаза, мнѣ приходится повторять самому себѣ, что это та самая Анеля выходитъ замужъ за Кромицкаго, которая такая добрая, любящая; которая не ложилась спать, чтобы привѣтствовать меня, когда я возвращался изъ Варшавы въ Плошовъ, которая смотрѣла мнѣ въ глаза, слушала то, что я говорилъ, и каждымъ взглядомъ говорила сама, что она моя. И та самая Анеля будетъ не только госпожей Кромицкой, но спустя недѣлю послѣ свадьбы не будетъ въ состояніи понять, какъ могла она колебаться въ выборѣ между Плошовскимъ и такимъ Юпитеромъ, какъ Кромицкій. Да, странныя дѣла происходятъ на свѣтѣ и такъ страшно неотвратимыя, что окончательно теряешъ всякое желаніе жить. Госпожа П. и госпожа Снятыньская, теперь принимаютъ, навѣвно, «al pari» Кромицкаго и нарочно превозносятъ его на мой счетъ. Лучше бы онѣ оставили въ покоѣ Анелю! Однако, тетя все это позволила! Не говоря уже объ чинѣ, но, вѣдь, она знаетъ и видитъ, что Анеля съ нимъ не можетъ быть

счастлива. Сама же тетя говоритъ мнѣ, что Анеля выходитъ за него замужъ съ отчаянія.

Вотъ это пространное проклятое письмо:

«Спасибо тебѣ за послѣднія извѣстія, тѣмъ болѣе, что то первое письмо изъ Пэли было не только рѣшительно, но и жестоко. Мнѣ трудно было повѣрить, чтобы ты не чувствовалъ къ этой дѣвушкѣ не только никакой привязанности, но ни дружбы, ни даже состраданія. Вѣдь я, мой Леонъ, не требовала и не уговаривала тебя тотчасъ сдѣлать предложеніе Анелѣ, но просила единственно о томъ, чтобы ты написалъ ей хотя нѣсколько теплыхъ словъ, если не прямо къ ней; то въ письмѣ ко мнѣ. И вѣрь мнѣ, этого было бы достаточно, потому что она любила тебя такъ, какъ только можетъ любить подобная дѣвушка. Войди, однако, въ мое положеніе, что мнѣ оставалась дѣлать послѣ полученія твоего письма? Могла ли я, по совѣсти, долѣе поддерживать въ Анеля иллюзію и вмѣстѣ съ тѣмъ оставлять ее въ безпокойствѣ, которое, очевидно, отравляло ея здоровье? За письмами Хвастовскій всегда посылаетъ нарочнаго въ Варшаву и приноситъ ихъ самъ къ утреннему чаю. Анелѣ знала, что есть письмо отъ тебя, такъ какъ бѣдняжка всегда подстерегала Хвастовскаго и брала у него письма, какъ бы для того, чтобы положить ихъ на моей салфеткѣ, въ дѣйствительности же, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли чего-нибудь отъ тебя. И вотъ она увидѣла что письмо есть. Я уже замѣтила, что чай Анеля разливала намъ такъ, что всѣ ложечки въ чашкахъ звенѣли. Меня кольнуло какое-то дурное предчувствіе; я колебалась, не заняться ли чтеніемъ послѣ чаю въ своей комнатѣ, но съ другой стороны безпокоилась, не боленъ ли ты, и не могла удержаться. Видитъ Богъ, чего мнѣ стоило сохранить наружное спокойствіе, особенно потому, что я чувствовала устремленный на меня взглядъ Анели, Кой-какъ удалось мнѣ себя превозмочь, и я даже сказала: по прежнему груститъ, но, слава Богу, здоровъ и шлетъ вамъ привѣтъ. Анеля спросила какъ бы обыкновеннымъ голосомъ: «Долго ли онъ пробудетъ еще въ Италіи?» Я понимала, что заключается въ ея вопросѣ и у меня не хватило смѣлости сказать правду, особенно потому что дѣло происходило при Хвастовскомъ и прислугѣ и оттого сказала. Недолго, я думаю, что вскорѣ онъ пріѣдетъ сюда». Если бы ты видѣлъ, какъ при этомъ вспыхнуло ея лицо, какая овладѣла ею радость, и сколько она употребила усилій, чтобы не расплакаться. Бѣдняжка! Когда я объ этомъ вспоминаю, мнѣ хочется плакать. Представить себѣ не можешь, что я пережила, вернувшись въ свою комнату; но ты написалъ ясно: «желаю ей счастья съ Кромицкимъ» и надо было мнѣ, это повелѣвала совѣсть, открыть ей глаза. Мнѣ не пришлось ее звать, такъ какъ она пришла сама, и вотъ тогда я сказала ей. «Я знаю, что ты мужественная, добрая дѣвушка, которая всегда примириться съ Божьей Волей. Намъ надо поговорить съ тобой откровенно. Мнѣ извѣстно, мое дитя, что между тобой и Леономъ начиналось что-то, похожее на привязанность, и скажу тебѣ, что съ твоей стороны я желала этого отъ всего сердца; но, очевидно, на то не было Божьей воли; если у тебя на этотъ счетъ были какія-нибудь надежды, то совѣтую отъ нихъ отказаться!.. Я стала ее обнимать, такъ какъ она страшно поблѣднѣла, и мнѣ даже казалось, что бѣдняжка лишится чувствъ, но, къ

счастью, до этого не дошло. Анеля только опустилась къ моимъ колѣнямъ и все повторяла: «тетя, что онъ велѣлъ мнѣ сказать? тетя, что онъ велѣлъ мнѣ сказать?» Я боролась, не хотѣла цитировать твоихъ словъ, но потомъ у меня мелькнула мысль, что будетъ лучше открыть ей всю правду, и, наконецъ, сказала, что ты ей желаешь счастья съ Кромицкимъ. Услышавъ это, она встала и черезъ минуту проговорила уже совершенно инымъ голосомъ: «Поблагодарите его, тетя»—и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ ушла. Боюсь, что ты будешь недоволенъ, что я такъ точно передала твои слова, не смягчивъ ихъ никакими любезностями; коль скоро, однако, ты рѣшительно не желаешь Анели, то невозможно было не высказать ей этого болѣе или менѣе ясно. Чѣмъ скорѣе она убѣдится, что ты поступилъ съ ней дурно, тѣмъ скорѣе забудетъ тебя. Наконецъ, если тебѣ это непріятно, то подумай сколько мы всѣ три перенесли не только непріятностей, но страданій, особенно Анеля. Правда, у нея столько самообладанія, что я даже не ожидала. Весь день она удерживалась отъ слезъ и старалась не выказать своего горя передъ матерью, здоровье которой ее очень безпокоитъ. Анеля только ласкалась къ ней больше, чѣмъ обыкновенно, да и ко мнѣ таже, и это меня такъ растрогало, что я чуть не разрыдалась. Снятынскій, который въ этотъ самый день пріѣхалъ къ намъ, ничего не замѣтилъ по выраженію лица Анели; только, когда я ему все разсказала, такъ какъ знаю, что ты съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, то онъ также чрезвычайно огорчился и сталъ тебя такъ бранить, что я даже разсердилась. Богъ знаетъ, чего только не говорилъ Снятынскій; ты, вѣдь, знаешь, каковъ онъ. Ты, который не любишь Анели, не можешь оцѣнить, какое счастье тебя ожидало съ нею, ты дурно поступилъ, Леонъ, оставивъ ее въ томъ предположеніи, что ее любишь. Не только ей, но намъ всѣмъ это казалось, и это было дурно, такъ какъ прежде всего, одному Богу извѣстно, сколько выстрадала Анеля, а во-вторыхъ—это было поводомъ, что она тотчасъ рѣшила принять предложеніе Кромицкаго. Я отлично понимаю, что она это сдѣлала съ отчаянія. У Анели съ матерью, должно быть, былъ разговоръ о немъ, послѣ чего обѣ онѣ пришли къ такому рѣшенію. Кромицкій пріѣхалъ на слѣдующій день послѣ твоего письма. Анеля сразу отнеслась къ нему иначе, чѣмъ обыкновенно, и потому неудивительно, что спустя недѣлю онъ сдѣлалъ предложеніе, которое было принято. Снятыньскій только дня два тому назадъ узналъ объ этомъ и чуть не рвалъ на себѣ волосы съ досады, а что со мной дѣлалось, такъ про то я и не стану писать.

Я была такъ раздосадована на тебя, какъ никогда еще въ жизни, и только твое второе письмо нѣсколько смягчило меня, хотя окончательно убѣдило, что изъ моихъ плановъ ничего не выйдетъ, такъ какъ, признаюсь, что послѣ перваго письма, пока Кромицкій не дѣлалъ еще предложенія, мнѣ приходило въ голову: «Авось, Богъ смилуется надъ нами и преобразитъ его сердце! Авось, Леонъ написалъ такъ только въ гнѣвѣ». Но, когда потомъ ты написалъ нѣсколько теплыхъ словъ для Анели, но не взялъ назадъ ничего изъ того, что было въ первомъ письмѣ, я поняла, что нечего себя обманывать. Свадьба Анели назначена на 25 іюля, и я скажу тебѣ, почему такъ скоро. Госпожа П. очень больна и, предчувствуя свой близкій конецъ, не хочетъ, чтобы потомъ изъ за траура по ней

произошла проволочка. Она желаетъ передъ смертью увидѣть свое дитя подъ опекой мужчины. Кромицкому тоже надо спѣшить, такъ какъ у него дѣла на востокѣ, которыхъ нельзя ему забрасывать, а Анеля, въ свою очередь, жаждетъ какъ можно скорѣе выпить эту горькую чашу. Ахъ, мой Леонъ, отчего это все такъ вышло, и отчего это дитя такъ несчастно?

Я никогда не позволила бы, чтобы она вышла замужъ за Кромицкаго, но возможно ли мнѣ сказать хотя бы одно слово, мнѣ, которая и такъ чувствуетъ себя виноватой по отношенію къ Анелѣ? Мной слишкомъ сильно овладѣло желаніе женить тебя и я не разсчитала, какія отъ этого могутъ быть послѣдствія для Анели. Моя вина, но зато и страдаю я не мало и ежедневно молюсь за это бѣдное дитя.

Послѣ свадьбы они уѣзжаютъ на Волынь. Госпожа П. поселится у меня въ Варшавѣ; она что-то поговаривала объ Одессѣ, но я ни за что ея не пущу. Ты, мой дорогой, знаешь, какъ я счастлива, когда тебя вижу, но теперь не пріѣзжай въ Плошовъ, сдѣлай это для Анели. Если хочешь, то я пріѣду къ тебѣ; Анелю надо теперь беречь, щадить».

Зачѣмъ мнѣ обманывать себя!? Каждый разъ, когда я прочитываю письмо тети, мнѣ хочется биться головой о стѣну, и это уже не отъ гнѣва, не изъ зависти, но съ горя

23 іюня.

Мнѣ невозможно сложить руки и окончательно махнуть рукой. Вѣдь, это былъ бы чудовищный бракъ. Сегодня, въ четвергъ, я послалъ телеграмму Снятыньскому, въ которой заклиналъ его всѣмъ священнымъ, чтобы въ воскресенье онъ былъ въ Краковѣ. Я просилъ его, чтобы онъ никому не упоминалъ о телеграммѣ Я поговорю съ нимъ или, вѣрнѣе, буду умолять его, чтобы онъ переговорилъ отъ моего имени съ Анелей. Я сильно разсчитываю на его вліяніе. Анеля уважаетъ его и очень любитъ. Я не обратился къ тетѣ, такъ какъ мы мужчины, лучше понимаемъ другъ друга. Снятыньскій, какъ психологъ, легче и снисходительнѣе отнесется къ тому проклятому психическому процессу, который происходилъ во мнѣ въ послѣднее время. Ему я могу сказать и о Лаурѣ, если бы мнѣ пришло въ голову обмолвиться о ней передъ тетей, то она въ возмущеніи осѣнила бы себя крестнымъ знаменьемъ На первыхъ порахъ мнѣ хотѣлось написать самой Анелѣ, но мое письмо обратило бы вниманіе другихъ и вызвало бы замѣшательство. Я знаю честность и правдивость Анели, знаю, что она тотчасъ показала бы письмо матери, а та, должно быть, меня ненавидитъ и, конечно, не замедлила бы объяснить его по-своему, въ чемъ ей помогъ бы еще Кромицкій. Надо, чтобы Снятыньскій поговорилъ съ Анелей наединѣ, а въ этомъ отношеніи ему можетъ оказать содѣйствіе его жена. Надѣюсь, что онъ согласится исполнить мою просьбу, хотя прекрасно сознаю, до какой степени она щекотлива. Я не спалъ уже въ теченіе нѣсколькихъ ночей. Когда закрываю глаза, тотчасъ мнѣ вспоминается Анеля, ея лицо, волосы, глаза, манера говорить, улыбка, вижу ее такъ ясно, какъ будто она стоитъ предо мной .. Нѣтъ, я не могу такъ жить!

Краковъ, 26 іюня.

Снятыньскій здѣсь. Онъ согласился. Славный, честный малый — да вознаградитъ его Богъ! Уже четвертый часъ пополуночи, но такъ какъ

у меня безсонница, то принимаюсь за дневникъ, потому что мнѣ нечего съ собой дѣлать. Мы говорили со Снятыньскимъ до трехъ часовъ ночи, ссорились, разсуждали. Теперь онъ переворачивается на другой бокъ въ сосѣдней комнатѣ. Мнѣ не сразу удалось его уговорить. Онъ мнѣ постоянно повторялъ: «Дорогой мой, по какому праву я, человѣкъ посторонній, стану вмѣшиваться въ ваши семейныя отношенія, да еще въ такомъ щекотливомъ вопросѣ? Анеля можетъ меня сразу остановить однимъ вопросомъ: «Что вамъ за дѣло?» Я клялся, что Анеля этого не скажетъ, какъ будто у меня было ея письменное ручательство. Я въ общемъ признавалъ его возраженія вѣскими, но говорилъ, что бываютъ положенія, въ которыхъ подобная щепетильность неумѣстна. На него подѣйствовалъ тотъ мой аргументъ, что здѣсь дѣло идетъ не обо мнѣ, а лишь объ Анелѣ; но вообще, если онъ согласился переговорить съ нею, то оттого, что ему жаль меня. Я очень измѣнился въ теченіе двухъ послѣднихъ дней. Снятыньскій самъ мнѣ это сказалъ, и я видѣлъ, что это его растрогало. Притомъ онъ терпѣть не можетъ Кромицкаго, такъ какъ они представляютъ два совершенно противоположныхъ типа. Снятыньскій утверждаетъ, что денежныя спекуляціи то же, что вытаскиваніе денегъ изъ чужого кармана и перекладываніе ихъ въ свой. Онъ разныя дѣла ставитъ Кромицкому во зло и сказалъ о немъ такъ: «Если бы, наживая деньги, онъ имѣлъ какую-нибудь высшую и болѣе честную цѣль, я бы тогда простилъ ему, но онъ наживаетъ ихъ лишь для того, чтобы ихъ имѣть». Замужество Анели возмущаетъ его почти такъ же, какъ и меня; и онъ того мнѣнія, что Анеля готовитъ себѣ несчастье. По моей просьбѣ Снятыньскій уѣзжаетъ завтра утреннимъ поѣздомъ.

Послѣ завтра онъ съ женой будетъ въ Плошовѣ, и если ему невозможно будетъ переговорить съ Анелей наединѣ, то оба они пригласятъ ее къ себѣ. Снятыньскій намѣренъ представить Анелѣ мои муки и сказать ей, что вся жизнь моя находится въ ея рукахъ. Онъ это сумѣетъ. Онъ будетъ говорить съ ней серьезно, нѣжно, умно; убѣдитъ ее, что женщина, хотя бы съ очень истерзаннымъ сердцемъ, не имѣетъ права отдавать свою руку человѣку, котораго не любитъ, что поступая такъ, она поступаетъ неправильно и нечестно, что несправедливо отталкивать любимаго человѣка и ломать его жизнь потому, что тотъ подъ вліяніемъ зависти сдѣлалъ то, о чемъ жалѣетъ отъ всей души.

Въ заключеніе Снятыньскій сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я сдѣлаю все это, но съ однимъ условіемъ, а именно: если ты мнѣ дашь честное слово, что въ случаѣ неудачи не пріѣдешь въ Плошовъ и не сдѣлаешь скандала, изъ-за котораго могутъ поплатиться здоровьемъ твоя тетя, госпожа П. и Анеля. Ты можешь писать Анелѣ, если хочешь, но самъ не пріѣдешь, развѣ, если получишь отъ нея разрѣшеніе.

За кого онъ меня принимаетъ. Я обѣщалъ, хотя это меня тотчасъ обезпокоило. Я разсчитываю на сердце Анели и на краснорѣчіе Снятыньскаго. Ахъ! какъ онъ умѣетъ говорить! Снятыньскій меня какъ будто не особенно обнадеживалъ, однако, мнѣ было очевидно, что у него есть надежда. Въ крайнемъ случаѣ, онъ обѣщаетъ уговорить Анелю отложить свадьбу на полгода. Въ такомъ случаѣ побѣда, такъ какъ Кромицкій тогда самъ навѣрно пойдетъ на попятный. Я долго буду помнить сегод-

нишній день! Снятыньскій, когда видитъ истинное страданіе, деликатенъ, какъ женщина, и все время щадилъ мое самолюбіе. Однако, дорого стоитъ признаться въ своихъ безумствахъ, проступкахъ, слабыхъ сторонахъ и предать свою судьбу въ чужія руки, вмѣсто того, чтобы самому съ нею бороться. Но что мнѣ это все, когда дѣло идетъ объ Анелѣ.

27 іюня.

Снятыньскій выѣхалъ утромъ. Я провожалъ его на вокзалъ и все время повторялъ ему разныя порученія, какъ будто онъ былъ идіотомъ. Желая подразнить меня, онъ говорилъ, что если его посольство возымѣетъ благопріятное дѣйствіе, то я опять начну философствовать. Мнѣ хотѣлось его за это побить. Снятыньскій уѣзжалъ въ очень хорошемъ настроеніи духа, и я поклялся бы, что онъ увѣренъ въ самомъ благополучномъ исходѣ. Послѣ его отъѣзда я пошелъ въ церковь Пресвятой Дѣвы Маріи, и тамъ я, скептикъ, философъ, я, который: не знаю, не знаю, не знаю!— заказалъ мессу за Леона и Анелю. Я не только прослушалъ всю мессу, но теперь отчетливо пишу: чортъ возьми скептицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ философію, и мое не знаю вдобавокъ.

28 іюня.

Первый часъ пополудни. Въ это именно время Снятыньскіе предполагали выѣхать въ Плошовъ. Анеля должна согласиться, по крайней мѣрѣ, на одно, то есть на отсрочку свадьбы. Она не въ правѣ отказать мнѣ въ этомъ... Въ теченіе цѣлаго дня мнѣ приходятъ въ голову разныя мысли. Кромицкій жаденъ къ деньгамъ, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ почему онъ не ищетъ болѣе богатой партіи? Имѣніе Анели крупное, но обременено долгами, быть можетъ, оно ему нужно для того, чтобы его не считали пришельцемъ: имѣніе можетъ помочь ему при перемѣнѣ подданства—это правда! Однако, Кромицкій, считающійся въ обществѣ богачемъ, могъ бы все это найти — плюсъ хорошее приданое. Очевидно, она ему нравится и нравится давно. Что тутъ удивительнаго, что Анеля нравится!

И подумать только, что она ждала, какъ счастья, какъ спасенія, одного слова изъ моихъ устъ! Вѣдь, тетя пишетъ, что «бѣдняжка подстерегала Хвастовскаго, чтобы взять у него письма изъ рукъ». Мнѣ становится страшно при мысли, что все это не будетъ мнѣ прощено, и что какъ мнѣ, такъ и подобнымъ мнѣ людямъ, грозитъ гибель.

Десятый часъ вечера.

Днемъ я чувствовалъ сильнѣйшую невральгическую боль въ головѣ; теперь она прошла, но отъ невральгіи, отъ безсонницы и безпокойства я нахожусь въ такомъ состояніи, точно меня загипнотизировали. Умъ мой, работающій въ одномъ направленіи, всецѣло сосредоточенный на одной только мысли, видитъ будущее такъ ясно, какъ еще никогда не видѣлъ. Положительно, мнѣ кажется, будто я въ Плошовѣ, будто слушаю то, что Анеля разсказываетъ Снятыньскому и не понимаю, какъ могъ я оболь-

щать себя надеждой. Она не сжалится надо мной. Это не предположеніе, но полная увѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, со мной происходитъ что-то особенное. Чувствую, будто только теперь я постигаю многое, какъ будто до сихъ поръ я былъ ребенкомъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ невыразимо грустно. Я предполагаю, что могу заболѣть. Я взялъ слово со Снятыньскаго, что онъ тотчасъ будетъ телеграфировать. До сихъ поръ телеграммы нѣтъ, хотя мнѣ собственно она не сообщитъ ничего новаго.

29 іюня.

Телеграмма отъ Снятыньскаго, и вотъ что въ ней заключается: «Все напрасно. Соберись съ силами и отправляйся путешествовать» Я такъ и сдѣлаю, моя Анеля!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

Парижъ. 2 апрѣля.

Десять мѣсяцевъ слишкомъ я не велъ своего дневника, хотя такъ уже привыкъ къ этой работѣ, что мнѣ точно чего-то не хватало. Но я говорилъ себѣ: для чего? Меня угнетало тяжелое сознаніе, что если бы я даже записывалъ мысли, достойныя Паскаля, мысли, глубже морскихъ глубинъ и выше Альпъ, мнѣ все же не удастся измѣнить одного простого факта, заключающагося въ томъ, что Анеля вышла замужъ. Предъ лицомъ этого факта у меня опускались руки. Жизнь иногда сосредоточивается на одной цѣли, и когда она внезапно исчезаетъ, человѣкъ порою не знаетъ, для чего онъ выполняетъ самыя простыя жизненныя функціи. Даже странно и смѣшно вспомнить, но я долго былъ въ такомъ состояніи, что, одѣваясь, идя въ городъ, въ театръ или въ клубъ, никакъ не могъ отдѣлаться отъ безпрерывно возникавшаго въ моемъ мозгу вопроса: для чего? Мнѣ подчасъ необходимо было нѣкоторое время, чтобы придти въ себя и вспомнить, что, вѣдь, я обѣдалъ, стригъ бороду и выполнялъ подобныя функціи еще до знакомства съ нею. Въ первые мѣсяцы я много путешествовалъ и забрался даже въ Исландію, но при видѣ шведскихъ озеръ, норвежскихъ фіордовъ и исландскихъ гейзеровъ не испытывалъ собственныхъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Я старался лишь представить въ своемъ воображеніи, что почувствовала бы Анеля при видѣ той или другой картины, что бы она сказала, словомъ, видѣлъ ея глазами, думалъ ея головой, чувствовалъ ея сердцемъ. Но достаточно было мнѣ вспомнить, что она уже госпожа Кромицкая, какъ почти тотчасъ я спѣшилъ въ вагонъ или на пароходъ и ѣхалъ дальше, такъ какъ то, что я видѣлъ, переставало возбуждать во мнѣ интересъ.

Что мнѣ до того, что это одна изъ такихъ обыкновенныхъ, даже осмѣянныхъ драмъ, которыя до меня случались съ тысячью глупцовъ. Вѣдь, смерть также является удѣломъ всѣхъ, однако, каждому умирающему кажется, будто вмѣстѣ съ нимъ рушится весь міръ. И на самомъ дѣлѣ рушится!

Не знаю, да и не задумываюсь надъ тѣмъ, можно ли назвать мои чувства въ первые мѣсяцы безграничнымъ отчаяніемъ. Все это относительно. Знаю только, что все мое существо было поглощено этой женщиной, и что впервые я понялъ пустоту, какую можетъ вызвать смерть горячо любимаго человѣка.

Но постепенно привычки брали свое. Мнѣ кажется, что явленіе это довольно обыкновенно Я знавалъ людей на самомъ дѣлѣ далеко невеселаго нрава, которые, однако, сохраняли внѣшнюю веселость оттого лишь, что нѣкогда были веселы и что привыкли къ этой формѣ. Должно же было наступить и для меня время, когда я, напримѣръ, пересталъ чувствовать

зубную боль только потому, что эта боль могла быть непріятной Анелѣ. Кромѣ того, я впалъ въ какое-то онѣмѣніе и, наконецъ, нашелъ лѣкарство въ самомъ ядѣ. Когда-то я читалъ Фарини, у котораго, между прочимъ, говорится, что кафры лѣчатся отъ укуса скорпіона тѣмъ, что позволяютъ ему уколоть второй разъ въ тоже самое мѣсто.

Такимъ скорпіономъ, такимъ противоядіемъ въ самомъ ядѣ явилось для меня, какъ, впрочемъ, вообще для людей, слово: свершилось.

Свершилось, и я страдаю—свершилось, и я перестаю страдать. Въ этомъ сознаніи, что нѣтъ уже никакой надежды, заключается нѣкоторое успокоеніе. Мнѣ всегда вспоминается тотъ индѣецъ, который, подхваченный теченіемъ Ніагары, сначала отчаянно боролся изо всѣхъ силъ, а затѣмъ, увидѣвъ, что нѣтъ спасенія, бросилъ весла, легъ на дно лодки и сталъ пѣть.

Въ настоящее время я также готовъ пѣть.

Впрочемъ, теченіе Ніагары имѣетъ ту хорошую сторону, что, если увлечетъ кого-нибудь, то ужъ совершенно размозжитъ его, но есть и иныя теченія, которыя выбрасываютъ человѣка на песчаные, безплодные, пустынные острова. Вотъ это-то случилось со мной.

Мой злой геній не предвидѣлъ лишь одного, а именно, что человѣкъ, слишкомъ угнетенный и очень несчастный, гораздо меньше интересуется своей личностью, чѣмъ человѣкъ счастливый. Въ виду этого завистливый рокъ становится до нѣкоторой степени безсильнымъ. Я былъ и нахожусь въ такомъ настроеніи, что если бы, напримѣръ, разгнѣванная Фортуна явилась ко мнѣ собственной персоной и сказала: «Чортъ тебя возьми!»—я отвѣтилъ бы ей: «Хорошо! чортъ меня возьми!» И я сказалъ бы такъ не съ отчаянія по поводу утраты Анели, но вслѣдствіе того глубокаго равнодушія ко всему, что во мнѣ и вокругъ меня.

Это своего рода крѣпкій, закаленный панцырь, который не только защищаетъ человѣка, но дѣлаетъ его опаснымъ. Вполнѣ естественно, что, кто готовъ не щадить себя, тотъ не будетъ щадить и другихъ. Даже Божья заповѣдь приказываетъ намъ любить ближняго болѣе, чѣмъ самихъ себя.

Дѣло, конечно, не въ томъ, что у меня можетъ явиться желаніе кого-нибудь убить; то, что я сказалъ, имѣетъ значеніе преимущественно теоретическое; въ практической жизни никому отъ этого нѣтъ особеннаго вреда, потому что, если такое равнодушіе уменьшаетъ альтруизмъ, то ровно настолько же уменьшаетъ и эгоизмъ. Если бы мнѣ пришлось спать съ своимъ ближнимъ подъ однимъ плащемъ, я не отдалъ бы ему всего плаща, но также и не взялъ бы себѣ всего. Такой человѣкъ можетъ быть опаснымъ, даже очень опаснымъ лишь тогда, когда люди нарушаютъ его спокойствіе, основанное на ограниченіи собственнаго я, и принуждаютъ его къ напряженной дѣятельности. Тогда у него является увѣренность въ себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немилосердная сила машины.

Вотъ эта-то механическая увѣренность въ своихъ силахъ явилась и у меня. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что мой способъ мышленія и моя воля передаются людямъ гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, и это происходитъ безъ всякаго съ моей стороны старанія. Самолюбіе, тщеславіе и кокетство по отношенію къ другимъ являются неизсякаемымъ источни-

комъ колебанія и слабости. Человѣкъ почти безсознательно жаждетъ нравиться, жаждетъ возбуждать къ себѣ симпатію, и вотъ въ поискахъ за этимъ онъ дѣлаетъ тысячи уступокъ, въ ущербъ истинѣ. Въ настоящее время это кокетство, если не совершенно исчезло во мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно уменьшилось, и равнодушіе къ тому, нравлюсь я или нѣтъ, даетъ мнѣ какое-то превосходство надъ другими. Я замѣтилъ это во время путешествія и, особенно, теперь въ Парижѣ. Здѣсь было много людей, которые имѣли надо мной преимущество, теперь же я имѣю надъ ними преимущество и, собственно, потому, что это меня интересуетъ менѣе, чѣмъ ихъ.

Вообще, я произвожу впечатлѣніе человѣка, который могъ бы быть энергичнымъ, но не хочетъ, такъ какъ воля его находится въ прямомъ отношеніи къ страстямъ; мои же страсти находятся въ обратномъ отношеніи къ волѣ. Вслѣдствіе того, что у меня сохранилась прежняя слабость отдавать себѣ отчетъ во всемъ, я объясняю это такимъ образомъ, что при извѣстныхъ условіяхъ можно одинаково страстно не желать жизни, какъ при другихъ желать ее. По всей вѣроятности, мое равнодушіе вытекаетъ изъ сосредоточенной ненависти къ жизни, и оттого между мной и Дэвисомъ такъ мало сходства. Не подлежитъ сомнѣнію, что я сталъ человѣкомъ несравненно болѣе безотносительнымъ, чѣмъ былъ прежде, и, какъ Гамлетъ, могъ бы сказать, что во мнѣ есть что-то опасное. Къ счастью, никто не становится мнѣ на дорогѣ. Всѣ такъ же равнодушны ко мнѣ, какъ я къ нимъ. Одна тетя тамъ, въ Варшавѣ, любитъ меня попрежнему, но я предполагаю, что и ея любовь утратила активный характеръ, по крайней мѣрѣ, настолько, что мнѣ въ будущемъ уже не угрожаетъ сватовство.

3 апрѣля.

Увы, мое равнодушіе, которое я сравнивалъ съ чистой водой безъ вкуса и безъ цвѣта, лишь съ виду кажется безцвѣтнымъ. Присматриваясь къ нему болѣе внимательно, я замѣчаю, что по немъ плаваютъ кой-какія облачка, которыя мутятъ его прозрачность. Это—идіосинкразіи. У меня ничего не осталось, но это осталось. Я никого не люблю и ни къ кому не питаю активной ненависти, но я полонъ отвращенія къ нѣкоторымъ людямъ. Къ числу такихъ людей принадлежитъ, напримѣръ, Кромицкій. Онъ возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе уже не потому, что отнялъ у меня Анелю, но оттого, что у него очень длинныя ноги, толстыя колѣни, что онъ длинный, какъ жердь, и что голосъ его напоминаетъ трескъ кофейной мельницы. Впрочемъ, Кромицкій всегда производилъ на меня отталкивающее впечатлѣніе и, если теперь я вспомнилъ его, то главное потому, что отвращеніе къ нѣкоторымъ людямъ отличается во мнѣ теперь какой-то удивительной живучестью. Я постоянно думаю о людяхъ, отъ которыхъ меня что-то нервно отталкиваетъ. Если бы это относилось только къ Кромицкому и къ матери Анели, тогда это было бы еще понятно, такъ какъ я могъ бы предположить, что мое чувство къ нимъ есть замаскированная отвращеніемъ ненависть, но одновременно съ ними одинаково упорно возстаютъ въ моей памяти и другія лица, которыя когда-либо возбуждали во мнѣ нерасположеніе или брезгливость. Нельзя объяснить это состояніемъ моего здоровья, я здоровъ, какъ никогда, и потому объясняю

это слѣдующимъ образомъ: люди отняли у меня любовь, время изсушило ненависть, но такъ какъ человѣкъ, разъ онъ живетъ, долженъ чувствовать, то и я чувствую, какъ умѣю, живу тѣмъ, что мнѣ осталось. Надо также признать, что не пресытится счастьемъ тотъ, кто такъ живетъ и чувствуетъ.

Я почти совершенно охладѣлъ къ своимъ прежнимъ симпатіямъ. Къ Снятыньскому во мнѣ прямо-таки непріязнь, которую пока я не могу подавить чисто-разсудочнымъ путемъ. Снятыньскій, безспорно, обладаетъ большими достоинствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно часто самъ собой любуется, вслѣдствіе чего, выражаясь языкомъ художниковъ, становится манернымъ. Впрочемъ, это чрезвычайно рѣдкое явленіе, чтобы человѣкъ, который замѣчаетъ, что его поступки, его индивидуальныя черты и особенности нравятся людямъ, не полюбилъ бы своего типа и не сталъ бы, въ концѣ концовъ, самого себя утрировать. Снятыньскій слишкомъ хочетъ быть всегда и всюду Снятыньскимъ, вслѣдствіе чего бываетъ ненатураленъ и ради позы жертвуетъ своей врожденной деликатностью. Не говоря уже о той рѣзкой телеграммѣ, которую онъ послалъ мнѣ въ Краковъ послѣ неблагополучнаго посольства къ Анелѣ, о фразѣ: «отправляйся путешествовать», которая была лишней, такъ какъ я и безъ его совѣта отправился бы путешествовать, но я еще получилъ отъ него письмо въ Христіаніи, тотчасъ послѣ свадьбы Анели, написанное какъ будто отъ души, но одинаково рѣзкое и полное рисовки. Содержаніе его было приблизительно такого рода: «Свершилось— Анеля теперь уже госпожа Кромицкая. Жаль мнѣ тебя, но не думай, что отъ этого пострадаетъ міръ, въ немъ есть дѣло поважнѣе. — Чортъ возьми! Норвегія, должно быть, очень хороша, — возвращайся и принимайся за работу! Будь здоровъ, крѣпко тебя обнимаю» и т. д. Конечно, я не передаю дословно, но въ общемъ таковъ былъ тонъ письма. Оно произвело на меня непріятное впечатлѣніе, такъ какъ прежде всего я не просилъ Снятыньскаго о томъ, чтобы онъ одолжилъ мнѣ свой аршинъ для измѣренія моего несчастья; во-вторыхъ, я считалъ его умнѣе и предполагалъ, что онъ пойметъ, что его «болѣе важныя дѣла» лишь тогда не являются пустой фразой, когда пріурочены къ чувствамъ, которыя прежде имѣлись. Мнѣ хотѣлось на первыхъ же порахъ отвѣтить ему, чтобы онъ освободилъ меня отъ своей духовной опеки, но, раздумавъ, я вовсе не отвѣтилъ и полагаю, что это менѣе всего затруднительный способъ прервать наши отношенія.

Однако, глубже анализируя свои чувства, замѣчаю, что причиной исчезновенія моей привязанности къ Снятыньскому были не только его телеграммы и письма. Въ сущности я не могу простить ему того, за что долженъ быть ему благодаренъ, то есть его посредничества между мной и Анелей. Вѣдь, я самъ умолялъ его объ этомъ, но именно оттого, что умолялъ, что довѣрилъ ему свою судьбу и руль своей ладьи, что признался въ своей слабости и сдѣлалъ его въ нѣкоторомъ родѣ своимъ опекуномъ, что, наконецъ, это униженіе и несчастье, какое меня постигло, прежде всего прошло, такъ сказать, черезъ его руки,—вотъ вслѣдствіе чего на днѣ моей души возникла къ нему непріязнь. Во мнѣ осталась досада на себя самого, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на Снятыньскаго за то, что онъ принималъ во всемъ участіе. Сознаю, что это несправедливо, но ни-

чего не могу подѣлать съ тѣмъ обстоятельствомъ, что моя дружба сгорѣла, какъ свѣча.

Впрочемъ, я никогда не поддавался слишкомъ скоро чувству дружбы. Я находился со Снятыньскимъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, быть можетъ, именно потому, что мы жили на двухъ противоположныхъ концахъ Европы. Другихъ друзей у меня не было. Вообще, я принадлежу къ существамъ, которыя живутъ въ одиночку. Мнѣ вспоминается, что я не разъ думалъ объ этомъ съ извѣстной гордостью, считая это доказательствомъ силы. Дѣйствительно, напримѣръ, въ царствѣ животномъ группируются лишь существа слабыя, тѣ же, которыхъ природа одарила могучими клыками и когтями, живутъ въ одиночку, такъ какъ довольствуются сами собой и въ помощи не нуждаются. Впрочемъ, принципъ этотъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть примѣненъ къ людямъ. Неспособность къ дружбѣ чаще всего доказываетъ въ человѣкѣ не силу, но сухость сердца. Во мнѣ наряду съ этимъ скрывалась необыкновенная робость и впечатлительность. Сердце мое было подобно мимозѣ, которая свертываетъ свои листики при каждомъ прикосновеніи. Что же касается того, что мнѣ ни разу не случилось подружиться съ женщиной, такъ это опять дѣло иного рода. Я желалъ дружить лишь съ такими, отъ которыхъ мнѣ хотѣлось чего-нибудь большаго, а при подобныхъ условіяхъ не могло быть настоящей дружбы. Я неоднократно старался придавать своимъ отношеніямъ дружескій характеръ, но это походило на то, какъ, напримѣръ, лисица притворяется мертвой, чтобы усыпить бдительность воронъ и тѣмъ вѣрнѣе схватить какую-нибудь изъ нихъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не вѣрилъ въ возможность существованія дружбы между мужчиной и женщиной. Прежде всего я не дуракъ, который все мѣритъ собственной мѣркой, ни пошлякъ, который всегда и все подозрѣваетъ; а затѣмъ многочисленныя наблюденія доказали мнѣ, что подобная дружба вполнѣ возможна. Коль скоро въ дѣйствительности существуютъ такія чувства и отношенія, какъ между братомъ и сестрой, то, слѣдовательно, они возможны и въ томъ случаѣ, когда между двумя существами, хотя бы и посторонними, возникнутъ чисто братскія чувства. Скажу даже болѣе, что способностью къ такого рода чувствамъ отличаются избранныя души, у которыхъ есть врожденное влеченіе къ платоновскимъ бесѣдамъ, затѣмъ души поэтовъ, художниковъ, артистовъ, философовъ и, вообще, существъ, превосходящихъ обычные шаблонные типы. Если это можетъ служить доказательствомъ, что во мнѣ не было матеріала, необходимаго для того, чтобы быть поэтомъ, философомъ или художникомъ, словомъ, быть какой-нибудь знаменитостью, то тѣмъ хуже для меня. По всей вѣроятности, не было, коль скоро я остался ничѣмъ инымъ, какъ только Леономъ Плошовскимъ.

Въ свое время мнѣ казалось, что если бы Анеля стала моей женой, то она была бы для меня не только женой или возлюбленной, но и другомъ. Впрочемъ, я предпочитаю объ этомъ не думать. Такого рода мысли являются у меня и такъ уже слишкомъ часто, и я полагаю, что до тѣхъ поръ мнѣ не удастся обрѣсти совершенное спокойствіе, пока не смогу разъ навсегда отъ нихъ избавиться.

4 апрѣля.

Здѣсь я довольно часто встрѣчаюсь съ madame Дэвисъ и даже бываю у нея. И ничего! Между нами достаточно холодности и немного презрѣнія подъ толстымъ слоемъ пепла, но въ общемъ обычныя свѣтскія отношенія. Она всегда слишкомъ хороша, чтобы чувствовать къ ней отвращеніе; любить ея не могу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаю себя утруждать ненавистью. Она поняла это сразу и примѣнилась къ положенію. Тѣмъ не менѣе ее отчасти задѣваетъ моя большая увѣренность въ себѣ, моя самостоятельность, но именно поэтому ей приходится считаться со мной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ поразительна та легкость, съ какой женщины переходятъ отъ очень близкихъ отношеній къ прежнему обыкновенному знакомству. Мы съ Лаурой не только при людяхъ держимъ себя такъ, какъ будто между нами ничего не было, но даже и въ то время, когда намъ случается остаться наединѣ. Ей это ровно ничего не стоитъ; въ ней незамѣтно никакой принужденности: она вѣжлива, въ мѣру холодна, въ мѣру любезна, и это настроеніе передается мнѣ до такой степени, что мнѣ, положительно, не приходитъ даже въ голову, что я могъ бы, напримѣръ, назвать ее по имени.

Ея неаполитанскій кузенъ, Малески, который на первыхъ порахъ при видѣ меня такъ грозно вращалъ глазами, что я даже счелъ своей обязанностью спросить его, почему онъ такъ ихъ утруждаетъ, въ настоящее время успокоился, видя, какъ ровно, корректно складываются отношенія, и теперь даже подружился со мной. Здѣсь у него уже была дуэль изъ-за Лауры, во время которой, вопреки мнѣнію о немъ, какъ о трусѣ, онъ держался очень хорошо. Бѣдный Дэвисъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ погрузился въ Нирвану; и мнѣ кажется, что послѣ окончанія траура Лаура выйдетъ замужъ за Малески. Это будетъ красивѣйшая пара въ мірѣ. У Малески торсъ и голова Антиноя, кромѣ того, онъ обладаетъ золотистымъ цвѣтомъ лица, черными, какъ вороново крыло, волосами и глазами цвѣта воды Средиземнаго моря. Быть можетъ, Лаура его любитъ, но по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ причинамъ подчасъ, очевидно, относится къ нему съ пренебреженіемъ. Нѣсколько разъ при мнѣ она обошлась съ нимъ такъ невѣжливо, что даже меня удивила, такъ какъ я не предполагалъ, чтобы ея эстетическая натура была способна къ такимъ порывамъ. Повидимому, наряду съ Аспазіей въ ней сидитъ Ксантиппа. Не разъ я замѣчалъ, что женщина, красивая женщина, не обладающая никакими хорошими душевными качествами, которую люди считаютъ звѣздой, часто бываетъ не только звѣздой, но цѣлымъ созвѣздіемъ и даже двумя заразъ, именно: Большой медвѣдицей для окружающихъ и Крестомъ для мужа. Можно съ увѣренностью сказать, что Лаура была крестомъ для Дэвиса, а теперь является большой медвѣдицей для Малески. Быть можетъ, Лаура была бы таковою и для меня, если бы не то обстоятельство, что она чувствуетъ себя нѣсколько чужой въ парижскомъ большомъ свѣтѣ и что замѣтила, что здѣсь лучше ей имѣть во мнѣ союзника, чѣмъ врага. Странно, но въ Парижѣ она мнѣ менѣе нравится, чѣмъ въ Италіи или, вообще, на берегахъ Средиземнаго моря. Лаура слишкомъ классична и слишкомъ хороша для Парижа, гдѣ вкусъ до извѣстной степени болѣзненный, что проявляется въ литературѣ и искусствѣ, и гдѣ

характерное безобразіе сильнѣе возбуждаетъ притупившіеся нервы, чѣмъ красота. Каждый легко можетъ замѣтить, что извѣстнѣйшія звѣзды полусвѣта скорѣе некрасивы, чѣмъ красивы. Что касается Лауры, то есть еще одна причина ея сравнительно незначительнаго успѣха на берегахъ Сены. Она заключается въ томъ, что умъ ея, хотя и необыкновенный, но слишкомъ прямолинейный для здѣшней великосвѣтской жизни и недостаточно живой. Здѣсь много умныхъ, серьезныхъ людей, но въ обществѣ шумнымъ успѣхомъ пользуется прежде всего такой умъ, который умѣетъ уцѣпиться за всякій предметъ, какъ обезьяна за вѣтку, и кувыркаться. Чѣмъ эти кувырканья будутъ болѣе забавны и неожиданны, тѣмъ успѣхъ будетъ болѣе вѣрный. Лаура это понимаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что для нея подобные фокусы такъ же невозможны, какъ, напримѣръ, хожденіе по канату. Она меня считаетъ болѣе ловкимъ въ этой умственной гимнастикѣ, и оттого я ей нуженъ. Желая увеличить «the attraction» своего салона, Лаура создала изъ него храмъ музыки. Сама она поетъ, какъ сирена, и, дѣйствительно, этимъ привлекаетъ людей. Я часто встрѣчаю у нея піанистку Клару Гильстъ, молодую, здоровую нѣмку громаднаго роста, которую одинъ изъ здѣшнихъ художниковъ охарактеризовалъ такимъ образомъ: «C'est beau, mais c'est deux fois grandeur naturelle». Не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, она въ послѣднее время имѣла здѣсь большой успѣхъ. Что касается меня, то я, очевидно, принадлежу къ старой школѣ, такъ какъ не понимаю нынѣшней игры, основанной на силѣ, то есть на выбиваніи клавишъ у фортепіано. На-дняхъ, слушая игру Клары Гильстъ, я подумалъ въ душѣ, что если бы фортепіано было человѣкомъ, соблазнившимъ ея сестру, то врядъ ли она колотила бы его болѣе неистово. Гильстъ играетъ также и на фисгармоніи. Ея собственныя произведенія пользуются большимъ успѣхомъ въ здѣшнемъ музыкальномъ мірѣ и считаются талантливыми, глубокими, но, по всей вѣроятности, оттого, что когда человѣкъ слышитъ ихъ въ десятый разъ, то говоритъ самому себѣ: быть можетъ, въ одиннадцатый разъ я что-нибудь пойму. Признаюсь, что мои замѣчанія злы и даже дерзки, такъ какъ я не знатокъ. Мнѣ, однако, приходитъ въ голову вопросъ, дѣйствительно ли музыка, для уразумѣнія которой надо быть профессоромъ консерваторіи, къ которой не имѣютъ ключа не только профаны, но даже люди развитые и до извѣстной степени музыкально образованные, есть то, чѣмъ она должна быть? Боюсь, какъ бы, идя по этой дорогѣ, композиторы не образовали современемъ нѣчто въ родѣ касты египетскихъ жрецовъ, хранившихъ знаніе и красоту, исключительно, для себя.

Говорю это къ тому, что я замѣтилъ, что со временъ Вагнера музыка въ сравненіи, напримѣръ, съ живописью идетъ прямо противоположной дорогой. Новѣйшая живопись добровольно суживаетъ предѣлы своей компетенціи, избѣгаетъ литературныхъ и философскихъ темъ, не соблазняясь передачей проповѣдей, историческихъ происшествій, нуждающихся въ комментаріяхъ, или даже аллегорій, не поддающихся объясненіямъ при первомъ на нихъ взглядѣ, словомъ, ограничиваетъ себя съ полнымъ сознаніемъ того, что дѣлаетъ для воспроизведенія формъ и цвѣтныхъ пятенъ. Музыка же со временъ Вагнера, наоборотъ, усиливается

стать не только гармоніей тоновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ философіей этой гармоніи. Я полагаю, что вскорѣ явится, какой-нибудь великій музыкальный геній, который, какъ въ свое время сказалъ Гегель, скажетъ: «Одинъ только меня понялъ, но и тотъ меня не понялъ».

Клара Гильстъ принадлежитъ къ категоріи философствующихъ въ музыкѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что душа ея полна простоты. Эта Каріатида обладаетъ свѣтлыми, наивными глазами ребенка, какъ равно его искренностью и добротой.

Многіе ухаживаютъ за ней, потому что ихъ привлекаетъ какъ ея красота, такъ и ореолъ, окружающій каждую женщину, отмѣченную геніемъ искусства, и, однако, самая незначительная тѣнь не пала на ея доброе имя. Всѣ хорошо о ней отзываются, даже женщины, такъ какъ она ихъ обезоруживаетъ своей, дѣйствительно, необыкновенной добротой, веселостью и простотой. Весела она, какъ ребенокъ, и не разъ мнѣ случалось видѣть ее смѣющейся такъ, какъ смѣются лишь пансіонерки— положительно, до слезъ, что, пожалуй, шокировало бы людей, если бы не то, что Кларѣ, какъ артисткѣ, все прощается. Это, вообще, нравственно прекрасный, хотя помимо артистичности, быть можетъ, не особенно богато одаренный типъ. Лаура, которая въ сущности ея не любитъ, нѣсколько разъ давала мнѣ понять, что «Каріатида» влюблена въ меня. Я предполагаю, что на самомъ дѣлѣ это не такъ, но что могло бы быть такъ, если бы я объ этомъ постарался. Несомнѣнно, что Клара очень меня любитъ и что съ первой встрѣчи почувствовала ко мнѣ симпатію. Я отплачиваю ей взаимностью, но вовсе не думаю ее соблазнить. Когда я впервые вижу какую-нибудь женщину, то въ силу прежнихъ привычекъ смотрю на нее, какъ на будущую возможную добычу, но это скорѣе рефлексія мысли. Вторая, слѣдующая за первой, мысль уже иная. Вообще, въ настоящее время питаю къ женщинамъ такого рода чувство, какое можетъ быть у бывшаго ювелира къ драгоцѣннымъ камнямъ. Замѣтивъ какую-нибудь драгоцѣнность, я говорю себѣ: вотъ стоило бы ее пріобрѣсти, но затѣмъ вспоминаю, что я уже ликвидировалъ свои дѣла, и иду дальше.

Тѣмъ не менѣе я когда-то полушутя уговаривалъ ее дать концертъ въ Варшавѣ и обѣщалъ отправиться вмѣстѣ съ ней въ качествѣ почетнаго импрессаріо. Не скажу, чтобы такое путешествіе, если бы оно когда-нибудь состоялось, не представляло для меня извѣстной прелести.

Я на самомъ дѣлѣ собираюсь на родину. Тетя подарила мнѣ свой домъ въ Варшавѣ и вызываетъ меня для нѣкоторыхъ формальностей, по вводу во владѣніе. Я, впрочемъ, всегда бываю въ Варшавѣ во время скачекъ. Кто бы подумалъ, что тетя, женщина, такая солидная, всецѣло отдавшаяся хозяйству, молитвамъ и благотворительности, имѣетъ одну чисто свѣтскую слабость, а именно—къ скаковому спорту. Это ея страсть. Быть можетъ, унаслѣдованные ею рыцарскіе инстинкты, которые женщины одинаково наслѣдуютъ, какъ и мужчины, находятъ себѣ такимъ образомъ выходъ. Богъ знаетъ, съ какого времени наши лошади принимаютъ участіе въ скачкахъ и постоянно проигрываютъ. Тетя никогда не пропускаетъ скачекъ и очень ими увлекается; во время бѣга нашихъ лошадей она стоитъ въ коляскѣ, опершись на трость, въ шляпѣ, съѣхавшей на бокъ, страстно слѣдитъ за всѣмъ ходомъ скачекъ, затѣмъ послѣ каждой неудачи

страшно сердится и по цѣлымъ мѣсяцамъ отравляетъ жизнь злополучному Хвастовскому. Въ настоящее время у нея есть будто бы какая-то необыкновенная лошадь, и она вызываетъ меня полюбоваться тріумфомъ черно-желтаго цвѣта. Я поѣду.

Поѣду я и по многимъ другимъ причинамъ. Теперь я уже относительно спокоенъ, ничего не желаю, ни на что не надѣюсь и, насколько возможно, довольствуюсь собственнымъ «я», словомъ, примиряюсь съ извѣстнаго рода духовнымъ параличемъ, пока не наступитъ физическій, какъ это случилось съ моимъ отцомъ. Но, увы, во мнѣ сохранились воспоминанія, вслѣдствіе чего параличъ мой неполный и несовершенный. То единственное существо, которое я любилъ въ жизни, теперь раздѣлилось во мнѣ на два различныхъ существа. Одно изъ нихъ называется госпожей Кромицкой, другое Анелей. Къ госпожѣ Кромицкой я равнодушенъ и холоденъ, но Анеля навѣщаетъ меня часто и приноситъ мнѣ въ даръ сознаніе моей вины, моей глупости, духовной слабости, боли, горечи и разочарованія. Щедрый и благодѣтельный духъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было бы хорошо лишь тогда, когда у меня вырѣзали бы ту мозговую клѣточку, въ которой заключается память объ Анелѣ. Правда, можно и такъ жить, но подобная жизнь невыразимо ничтожна, такъ какъ человѣку приходится безпрерывно сознавать, что онъ телѣга безъ колесъ. Я каждый разъ стараюсь какъ можно далѣе отогнать отъ себя мысль о томъ, что могло бы быть, если бы все сложилось иначе, но не всегда мнѣ это удается. Мой щедрый, благодѣтельный ангелъ возвращается и снова высыпаетъ мнѣ на голову свой рогъ изобилія. Порою мнѣ кажется, что госпожа Кромицкая убьетъ во мнѣ Анелю, и оттого я хочу ѣхать, присмотрѣться къ ея счастью, къ ея супружеской жизни и всѣмъ тѣмъ неизбѣжнымъ перемѣнамъ, которыя, навѣрно, произошли въ ней и сдѣлали ее совершенно непохожей на Анелю. Быть можетъ, мнѣ случится встрѣтиться съ госпожей Кромицкой въ Плошовѣ. Вѣдь, невѣроятно, чтобы она послѣ десятимѣсячной разлуки не навѣстила тамъ своей больной матери.

Предполагаю, что въ этомъ отношеніи я не самообольщаюсь, и что «cecі tuecra cela». Я разсчитываю преимущественно на свои нервы, на которые дѣйствуютъ самыя незначительныя причины. Помню, что, когда я познакомился съ Анелей, и что, когда ея очарованіе стало овладѣвать мною съ непреодолимой силой, одна мысль о томъ, что какой-то Кромицкій приближался къ ней, отталкивала меня отъ нея и дѣлала ее для меня менѣе дорогою. Что же теперь, когда она жена какого-то Кромицкаго, когда носитъ въ себѣ сознаніе принадлежности ему, и когда она является его тѣломъ и душой. Почти съ увѣренностью могу сказать, что она будетъ меня отталкивать на каждомъ шагу и что «cecі tuera cela».

А, впрочемъ, если бы случилось иначе, что собственно мнѣ терять? Вѣдь, я ничего не потребую, а если бы судьба выдвинула такія обстоятельства, изъ которыхъ выяснилось бы, что виноватъ не только я одинъ, но что мы оба отвѣтственны въ томъ, что случилось, тогда, быть можетъ, это доставило бы мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Я говорю: быть можетъ, такъ какъ не ручаюсь. Мысль о какой-либо мести далека отъ меня. За разочарованія въ чувствахъ люди мстятъ только на сценѣ, въ жизни же реальной лишь отворачиваются—и на этомъ конецъ. Прежде всего для

того, чтобы доказать госпожѣ Кромицкой, что она поступила дурно, пренебрегши моимъ раскаяніемъ, я долженъ былъ бы самъ непоколебимо въ это увѣровать, а между тѣмъ у меня бываютъ минуты, когда, ей-Богу, я ни въ чемъ не увѣренъ.

5 апрѣля.

Мнѣ уже навѣрно извѣстно, что я увижу госпожу Кромицкую, такъ какъ тетя сообщаетъ въ своемъ письмѣ, что ея мужъ продалъ имѣніе на Волыни и уѣхалъ по своимъ дѣламъ на дальній востокъ, а потому ей ничего не оставалось иного, какъ вернуться къ матери въ Плошовъ. Извѣстіе это я принялъ въ первую минуту, если не равнодушно, то все же съ полнымъ спокойствіемъ; однако, замѣчаю, что впечатлѣніе все болѣе усиливается. Впрочемъ, это особенность моего духовнаго склада. Въ настоящее время я не могу думать ни о чемъ иномъ; случай этотъ имѣетъ очень большое значеніе для госпожи П. и ея дочери. Кромицкій по истеченіи десяти мѣсяцевъ продалъ эти имѣнія, гдѣ чудная земля, имѣнія, которыя принадлежали роду Анели въ продолженіе четырехъ столѣтій и для удержанія которыхъ госпожа П. посвятила всю свою жизнь. А господинъ Кромицкій пришелъ и преспокойно продалъ только потому, что за нихъ хорошо заплатили, и что такимъ образомъ онъ могъ обезпечить успѣхъ своихъ поставокъ.

Я допускаю, что онъ заработаетъ на нихъ милліоны, но все же какой ударъ для обѣихъ женщинъ, и что онѣ теперь могутъ о немъ думать? Тетя пишетъ мнѣ, что она сидитъ теперь у постели госпожи П., которая, получивъ это извѣстіе въ Плошовѣ, еще сильнѣе расхворалась. Я вполнѣ увѣренъ, что Анеля, подписывая для мужа довѣренность на продажу имѣній, не сознавала, что дѣлаетъ. Однако, она защищаетъ его передъ людьми; тетя цитируетъ мнѣ въ письмѣ слѣдующія ея слова: «случилось несчастье, но несчастье неизбѣжное, въ чемъ, впрочемъ, нельзя обвинять Карла». Защищай его, защищай, вѣрная, лояльная супруга; однако, ты не запретишь мнѣ думать, что онъ тебя обидѣлъ вдвойнѣ, и что въ душѣ ты чувствуешь къ нему пренебреженіе. Его объятія, ласки не изгладятъ изъ твоей памяти слова: продалъ. А между тѣмъ госпожа П., его покровительница, предполагала, что послѣ свадьбы онъ тотчасъ погаситъ долги, тяготѣвшіе на имѣніи Анели, съ помощью своихъ милліоновъ!... Я—человѣкъ безъ «гражданскихъ фразъ»—никогда не продалъ бы имѣнія, если не въ силу какихъ-нибудь иныхъ причинъ, то изъ чувства деликатности, изъ привязанности къ вамъ, изъ опасенія нанести вамъ ударъ. Конечно, въ спекуляціяхъ необходимы наличныя. Я не загадываю, но иногда мнѣ эти милліоны кажутся вопросительнымъ знакомъ. Быть можетъ, Кромицкій ихъ наживетъ, быть можетъ, продажа эта окажетъ ему существенную помощь въ его планахъ, но если бы у него уже были милліоны, врядъ ли онъ причинилъ бы такое горе своей женѣ. Тетя пишетъ мнѣ, что тотчасъ послѣ продажи онъ уѣхалъ въ Баку, а затѣмъ въ Туркестанъ. Анеля слишкомъ молода, чтобы жить одной, и на время отсутствія мужа поселится у матери; мать же живетъ въ Плошовѣ, во-первыхъ, потому, что вслѣдствіе болѣзни не можетъ двинуться съ мѣста, во-вторыхъ, потому, что тетя ея не пускаетъ, она же не хочетъ обидѣть тети. Я слишкомъ хорошо знаю Анелю, чтобы заподозрить ее въ

какомъ-нибудь разсчетѣ. Она въ полномъ смыслѣ слова—воплощенное безкорыстіе. Но мать ея, которая весь міръ хотѣла бы захватить для своей единственной дочери, разсчитываетъ на то, что тетя не забудетъ ея въ своемъ завѣщаніи. Впрочемъ, разсчетъ ея вполнѣ основателенъ. Тетя, которая никогда слишкомъ не вѣрила въ милліоны Кромицкаго, нѣсколько разъ давала мнѣ это понять, причемъ чувствовала нѣкоторую неловкость, такъ какъ полагаетъ, что все, что у нея есть, принадлежитъ Плошовскимъ, и вслѣдствіе этого безпокоится, чтобы я не счелъ ея планъ обидой нашему роду. Какъ она мало меня знаетъ! Если бы еще нынче Анеля осталась безъ башмаковъ, и если бы за пару ихъ надо было бы отдать Плошовъ вмѣстѣ со всѣмъ моимъ состояніемъ, я отдалъ бы все, не задумываясь. Быть можетъ, мною руководило бы, въ такомъ случаѣ, желаніе противопоставить себя Кромицкому, но такъ или иначе, а я пожертвовалъ бы всѣмъ.

Впрочемъ, теперь дѣло не въ этомъ. Я безпрестанно думаю о томъ, что госложа П., и ея дочь живутъ уже въ Плошовѣ и что останутся тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться путешествіе Кромицкаго, то есть, Богъ знаетъ, какъ долго. Итакъ, мнѣ предстоитъ ежедневно видѣться съ госпожей Кромицкой... При этой мысли меня охватываетъ нѣкоторое безпокойство, къ которому примѣшивается и любопытство, какимъ образомъ установятся наши отношенія, причемъ въ моемъ воображеніи представляется все, что могло бы между нами произойти, если бы мои чувства къ ней были иныя. Я никогда себя не обманываю и еще разъ повторяю, что ѣду лѣчиться, что не люблю госпожи Кромицкой и не буду любить, и, наоборотъ, надѣюсь, что ея видъ вытѣснитъ, изъ моего сердца прежнюю Анелю лучше всякихъ фіордовъ и гейзеровъ! но я не былъ бы самимъ собою, не былъ человѣкомъ, который много жилъ и много думалъ, если бы не видѣлъ тѣхъ опасностей, какія при всякихъ иныхъ условіяхъ могло бы создать подобное положеніе.

Такъ какъ, если бы я хотѣлъ мстить, если бы одна ужъ фамилія: Кромицкая — не отталкивала меня, какъ теперь отталкиваетъ, что бы тогда могло мнѣ помѣшать или удержать меня? Вѣдь, въ тихомъ, отдаленномъ отъ города, Плошовѣ насъ было бы только двое, да двѣ старыя дамы, наивныхъ, какъ дѣти, съ своей никогда незапятнанной добродѣтелью. Съ этой стороны я хорошо знаю тетю и госпожу П. Въ высшихъ сферахъ нашего общества часто можно встрѣтить женщинъ, совершенно испорченныхъ, но наряду съ этимъ, особенно въ старомъ поколѣніи, есть и такія, жизнь которыхъ не только не запятнана никакимъ дурнымъ поступкомъ, но даже никакой дурной мыслью У тети или госпожи П. не можетъ явиться даже мысль, чтобы Анелѣ могла угрожать какая-нибудь опасность, разъ она вышла замужъ. Анеля также принадлежитъ къ такимъ женщинамъ. Она не отвергла бы моей послѣдней просьбы, если-бы не дала раньше слова Кромицкому. Польки такого типа предпочтутъ скорѣе разбить свое сердце, чѣмъ нарушить данное слово. При одной мысли объ этомъ меня охватываетъ злоба. Я подавляю въ себѣ потребность, свойственную каждому человѣку, а именно — потребность узнать правду; мнѣ ничего не хочется доказывать госпожѣ Кромицкой, но если бы нашелся кто-нибудь, который объяснилъ бы такого рода женщинамъ, что нельзя безнаказанно

попирать права природы, права сердца, что эти права сильнѣе искусственныхъ этическихъ доктринъ, что такіе поступки мстятъ сами за себя, то я былъ бы очень, очень счастливъ. Правда, вина моя по отношенію къ Анелѣ велика, но, вѣдь, я искренно желалъ исправить все, она знала объ этомъ и все-таки оттолкнула меня... Оттолкнула, навѣрно, для того, чтобы имѣть право сказать себѣ: «Я не Леонъ Плошовскій и разъ дала слово, то и сдержу его». Это не добродѣтель, но черствость сердца, это не героизмъ, но только глупость, это не чистота совѣсти, а лишь ея тщеславіе. Не могу я, не могу забыть объ этомъ.

Впрочемъ, мнѣ поможетъ сама госпожа Кромицкая. Когда я увижу ее удовлетворенною своимъ героизмомъ, холодною, влюбленною или притворяющеюся влюбленной въ мужа, съ любопытствомъ слѣдящей, достаточно ли сильно угнетаетъ меня горе — о, тогда эта добродѣтельная, сытая счастьемъ и собственной добродѣтелью, супруга такъ опротивѣетъ мнѣ, что я, быть можетъ, опять уѣду куда-нибудь на сѣверъ. Но тогда ужъ за мной не полетитъ воспоминаніе объ Анелѣ, какъ морская чайка летитъ за кораблемъ.

Но, быть можетъ, госпожа Кромицкая отчасти будетъ играть предо мною роль моей жертвы, и во всѣхъ ея поступкахъ и словахъ будетъ болѣе или менѣе ясно сквозить: «Это твоя вина» Хорошо Видалъ я и такія вещи на свѣтѣ. Какъ искусственные цвѣты обладаютъ тѣмъ недостаткомъ, что не пахнутъ, такъ искусственные терновые вѣнцы обладаютъ тѣмъ достоинствомъ, что не колятъ, и, слѣдовательно, ихъ можно съ удобствомъ носить на головѣ, какъ шляпу, которая къ лицу. Когда мнѣ приходилось сталкиваться съ такою жертвою, то каждый разъ у меня являлось желаніе сказать ей: «Врешь! быть можетъ, ты и была жертвой, или, по крайней мѣрѣ, искренно считала себя ею, пока онъ, твой избранникъ, не приблизился къ тебѣ впервые въ туфляхъ. Съ той минуты ты перестала быть патетичной и сдѣлалась только смѣшной и плоской, и такова ты тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе притворяешься жертвой».

6 апрѣля.

Какое это красивое и умное греческое слово: «Anankc». Въ книгѣ судебъ, должно быть, было начертано, что изъ-за этой женщины я не обрѣту покоя даже тогда, когда перестану интересоваться ею. Меня, однако, чрезвычайно взволновала мысль о продажѣ имѣнія и о пріѣздѣ ея въ Плошовъ. Минувшую ночь я плохо сталъ; поминутно у меня возникали разные вопросы и настоятельно требовали отвѣта. Между прочимъ, я старался разрѣшить вопросъ, въ правѣ ли я, напримѣръ, увлечь госпожу Кромицкую—или нѣтъ? Я этого не хочу и не сдѣлаю, такъ какъ госпожа Кромицкая для меня не соблазнительна, но имѣлъ-ли бы я право? Я заполняю себѣ жизнь подобными: «to be or not to be», *), такъ какъ мнѣ нечѣмъ болѣе жить. Впрочемъ, такія размышленія не принадлежатъ къ числу особенно высокихъ наслажденій, такъ какъ чаще всего напоминаютъ бѣготню собаки за собственнымъ хвостомъ: ничего я не поймаю, ничего не докажу и только устану, но зато утѣшаюсь тѣмъ, что

*) Быть или не быть?

прошелъ еще одинъ день или еще одна ночь. Быть можетъ, это покажется страннымъ, но надо сознаться, что при всемъ своемъ скептицизмѣ, я обладаю способностью откликаться на то, что достойно нашего плошовскаго священника. Современный человѣкъ сотканъ изъ столькихъ нитей, что когда пожелаетъ распутать ихъ, то еще болѣе запутается. Тщетно нынче ночью я твердилъ себѣ, что, вѣдь, это только теорія, но что право у меня есть, а между тѣмъ какой-то голосъ изъ приходскаго притвора говорилъ мнѣ безпрерывно: «нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!» Надо, однако, подобную щепетильность взять за уши, такъ какъ отъ этого зависитъ мое умственное равновѣсіе. Теперь я нахожусь въ подходящемъ для этого настроеніи. Сегодня, послѣ полудня, въ домѣ у знакомаго художника я слышалъ, какъ мистриссъ Дэвисъ доказывала двумъ французскимъ литераторамъ, что женщина должна быть всю жизнь недоступной, хотя бы только «pour la nettete du plumag!» — а Малески повторялъ: «oui... oui... du plumaze!». Мнѣ въ эту минуту казалось, что всѣ крабы Средиземнаго моря перевернулись навзничь и, простирая клешни вверхъ, какъ бы молили Юпитера разразиться громомъ. Замѣчу вскользь, что мистриссъ Дэвисъ заимствовала это выраженіе у меня, я же заимствовалъ его у Фейлэ. Однако, я постарался сохранить серьезность и не позволилъ себѣ даже улыбнуться, но зато мной овладѣло какое то веселое и почти циничное настроеніе, отраженіе котораго сохранилось до настоящей минуты, и которое всегда является самымъ лучшимъ оружіемъ противъ всякихъ щепетильностей.

Итакъ—впередъ! Въ правѣ ли я влюбить въ себя госпожу Кромицкую и, въ случаѣ успѣха, свести ее съ пути долга? Прежде всего я смотрю на это съ точки зрѣнія чести такъ, какъ ее вообще понимаютъ люди, которые сами себя считаютъ джентльменами, и которыхъ общество считаетъ таковыми. И вотъ, я не нахожу ни одного параграфа, который запрещалъ бы мнѣ поступить такимъ образомъ. Безъ сомнѣнія, это самый странный изъ всѣхъ кодексовъ, какіе только когда-либо существовали на землѣ. Такъ, напримѣръ, если я у кого-нибудь украду деньги, то согласно понятіямъ общества о чести, позоръ падаетъ на меня, какъ на вора, обворованный же выходитъ изъ дѣла чистымъ; но если я у кого-нибудь украду жену, тогда я, воръ, оказываюсь чистымъ, а позоръ падаетъ на обворованнаго. Что же это такое? Является ли это простымъ искаженіемъ моральныхъ чувствъ, или между кражей бумажника и кражей жены существуетъ такое большое различіе, что подобныхъ фактовъ нельзя даже сопоставлять. Я не разъ задумывался надъ этимъ и пришелъ къ убѣжденію, что эти два факта не тожественны. Человѣческое существо не можетъ быть такой собственностью, какъ вещь, и кража жены является актомъ воли двухъ лицъ. Съ какой стати мнѣ признавать права мужа, коль скоро ихъ не признаетъ сама жена. Что онъ для меня? Я вижу женщину, которая хочетъ принадлежать мнѣ, и беру ее. Ея мужъ для меня не существуетъ, а до ея клятвъ мнѣ нѣтъ дѣла. Слѣдовательно, что же можетъ меня удержать? уваженіе къ браку? Но если бы я любилъ госпожу Кромицкую, то громко кричалъ бы: протестую противъ ея брака, протестую противъ ея обязанностей по отношенію къ Кромицкому; я червякъ, котораго этотъ бракъ раздавливаетъ ногой, который вьется отъ

боли—и мнѣ, который при послѣднемъ издыханіи жаждалъ укусить эту ногу, мнѣ велятъ его уважать! За что? для чего? Возможно ли мнѣ относиться съ уваженіемъ къ тому, что выжимаетъ изъ меня всю кровь, все желаніе жизни? Конечно, въ порядкѣ вещей, то что люди питаются рыбами, но прикажите же уважать такой порядокъ рыбѣ, которую скребутъ живьемъ, прежде чѣмъ положатъ ее въ горшокъ. Я протестую — вотъ мой отвѣтъ. Спенсеровскій идеалъ окончательно развитаго человѣка, у котораго индивидуальныя влеченія находятся въ полной гармоніи съ общественнымъ строемъ, есть только постулатъ. Знаю, отлично знаю, что Снятыньскій разбилъ бы меня однимъ вопросомъ: «Итакъ, ты стоишь за свободную любовь?» Нѣтъ! не стою! Я стою лишь за самого себя. J am for myself! Впрочемъ, не хочу ничего знать о вашихъ теоріяхъ. Если ты полюбишь другую женщину или твоя жена другого мужчину, посмотримъ тогда, на что пригодятся ваши параграфы, правила уваженія къ общественному складу. Въ худшемъ случаѣ я непослѣдователенъ, какъ былъ уже непослѣдовательнымъ, когда я, скептикъ, заказалъ мессу во имя Леона и Анели, когда молился, какъ ребенокъ, и глоталъ слезы, какъ глупецъ. Обѣщаю на будущее время всегда быть непослѣдовательнымъ каждый разъ, какъ только мнѣ будетъ отъ этого лучше, удобнѣе, счастливѣе. Въ жизни существуетъ одна только логика—логика страсти. Умъ предостерегаетъ лишь до извѣстнаго времени, а затѣмъ, когда лошади начинаютъ неудержимо рваться впередъ, онъ садится на козлы и слѣдитъ только за тѣмъ, какъ бы колесница не опрокинулась и не разбилась. Сердце человѣческое не можетъ охранить себя отъ любви, а любовь—это стихія, это такая же сила, какъ приливы и отливы моря. Врата адовы не одолѣютъ влюбленной въ мужа жены, такъ какъ клятва, данная предъ алтаремъ, является только освященіемъ любви, но если она является лишь обязательствомъ, тогда любой приливъ выкидываетъ ее на песокъ, какъ отравленную рыбу. Я не могу дать обязательства въ томъ, что у меня не будетъ расти борода, или что я не буду старѣть, и каждый разъ, когда я это сдѣлаю, законы жизни проѣдутъ по мнѣ и по моимъ обязательствамъ.

Странно, но все, что пишу, есть, какъ я уже сказалъ, только чистая теорія. У меня нѣтъ никакихъ намѣреній, которыя мнѣ необходимо было бы передъ собой оправдывать, и, однако, подобныя размышленія волнуютъ меня и теперь взволновали до такой степени, что я принужденъ былъ прервать работу. Мое спокойствіе, однако, чертовски искусственно... Слишкомъ часъ бродилъ я по комнатѣ и въ концѣ концовъ разобрался въ томъ, что меня такѣ взбудоражило... Уже поздно. Изъ моихъ оконъ виденъ куполъ Инвалидовъ, который блеститъ, озаренный луннымъ свѣтомъ, какъ сравнительно недавно блестѣлъ куполъ храма Святого Петра, когда я, полный надежды, бродилъ по Пинчіо и думалъ объ Анелѣ. Невольно я отдался этимъ воспоминаніямъ. Пусть будетъ, какъ она хочетъ, и какъ есть, но вѣрно то, что я могъ бы быть счастливымъ, и что она также могла бы быть въ десять, въ сто разъ счастливѣе, чѣмъ теперь. Даже теперь, если бы у меня были какія-нибудь скрытыя намѣренія, если бы она была, Богъ знаетъ, какъ соблазнительна для меня, я все же не рѣшился бы ее увлечь. Я не хочу этого, не хочу. Даже

мысль объ этомъ лишила бы меня предпріимчивости и рѣшительности. Душа моя была полна нѣжности къ ней.

Но все это минувшія дѣла. Скептикъ, сидящій во мнѣ, задаетъ уже въ своемъ родѣ иной вопросъ: на самомъ ли дѣлѣ она была бы ужъ такъ несчастлива? Въ жизни я неоднократно убѣждался, что женщины несчастливы только до тѣхъ поръ, пока борятся. Но разъ борьба кончена, то, независимо отъ ея результата, наступаетъ періодъ покоя и счастія. Здѣсь, въ Парижѣ, мнѣ случилось встрѣтиться съ одной женщиной, которая въ теченіе трехъ лѣтъ мучительно боролась съ собой, а затѣмъ, когда сердце побѣдило, въ ея душѣ осталось лишь недовольство собой за столь продолжительное сопротивленіе. Но къ чему всѣ эти вопросы? Я знаю, что можно доказать каждый принципъ и въ каждомъ доказательствѣ усомниться. Тѣ добрыя времена, когда люди сомнѣвались во всемъ, за исключеніемъ способности ума къ распознаванію правды отъ лжи, добра отъ зла, уже миновали. Нынче насъ со всѣхъ сторонъ обступили сомнѣнія... Впрочемъ, лучше мнѣ думать о предстоящей дорогѣ... Ахъ, этотъ Кромицкій продалъ имѣніе жены и такъ жестоко ее обидѣлъ! Я долженъ былъ это отмѣтить, такъ какъ иначе мнѣ невозможно было бы этому повѣрить.

10 апрѣля.

Вечеромъ я былъ съ прощальнымъ визитомъ у мистриссъ Дэвисъ и попалъ на настоящій концертъ. Мнѣ кажется, что Лаура на самомъ дѣлѣ увлеклась музыкой. Клара Гильстъ играла на фисгармоніи. Я всегда радъ ее видѣть, но особенно люблю ее, когда она садится играть и при первыхъ аккордахъ опускаетъ глаза на клавіатуру. Во всемъ ея существѣ видна въ этотъ моментъ сосредоточенность и притомъ необыкновенное спокойствіе. Въ моемъ воображеніи тогда возстаетъ образъ святой Цециліи, самой симпатичной для меня изъ святыхъ, въ которую я былъ бы влюбленъ, если бы жилъ въ ея время. Жаль, что Клара такъ крупна; впрочемъ, когда видишь ее за инструментомъ, забываешь объ этомъ. Время отъ времени ея опущенные глаза подымаются, точно она хочетъ вспомнить какую-то ноту, слышанную гдѣ-то въ вышинѣ въ минуту вдохновенія, и тогда кажется вполнѣ вдохновенной. Имя Клара вполнѣ подходитъ къ ней, такъ какъ трудно найти болѣе чистую душу. Я сказалъ, что люблю ее видѣть, но не слушать, такъ какъ, увы, музыка ея для меня всегда непонятна, по крайней мѣрѣ, мнѣ съ трудомъ удается уловить ея мысль. Тѣмъ не менѣе, не смотря на мои злыя и дерзкія замѣчанія, я полагаю, что у нея необыкновенный талантъ.

Когда Клара кончила играть, я подошелъ къ ней и полушутя заявилъ, что наступило время отъѣзда въ Варшаву, и что, въ силу нашихъ прежнихъ переговоровъ, я предваряю ее, чтобы она была готова. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что она принимаетъ мои слова въ серіозъ. Клара отвѣтила мнѣ, что на самомъ дѣлѣ давно уже собирается въ Варшаву. Что касается приготовленій, то они сводятся къ тому, что ей придется взять старую родственницу, которая всюду ей сопутствуетъ, и глухое піанино, на которомъ она играетъ гаммы, даже въ вагонѣ.

Меня это нѣсколько встревожило. Если, дѣйствительно, она поѣдетъ, то мнѣ отчасти придется помогать ей въ устройствѣ концерта, а между

тѣмъ мнѣ хочется сразу ѣхать въ Плошовъ. Въ крайнемъ случаѣ, я поручу ее Снятыньскому, который можетъ быть ей болѣе меня полезенъ. Впрочемъ, Клара Гильстъ дочь богатаго промышленника, изъ Франкфурта, и ее не интересуетъ матеріальный успѣхъ. Меня, однако, удивляетъ та поспѣшность, съ какой она согласилась на это путешествіе. Въ первую минуту мнѣ даже хотѣлось ей сказать, что соглашаюсь на глухую клавіатуру, но намѣреніе взять старую родственницу нахожу менѣе остроумнымъ. Мы, мужчины, такъ привыкли всегда и всюду смотрѣть на женщину, какъ на добычу, что каждый изъ насъ никогда не приближается къ молодой и красивой женщинѣ безъ задней мысли. Кто утверждаетъ противоположное, тотъ именно хочетъ обмануть женщину, чтобы она тѣмъ легче попала въ засаду. Что касается меня, то, хотя въ эту минуту умъ мой поглощенъ совершенно инымъ, однако, въ первую минуту эта старая родственница произвела на меня впечатлѣніе препятствія, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, моя особа играетъ какую-то роль въ столь поспѣшномъ рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ, Парижъ болѣе широкое поприще для музыкальной дѣятельности, чѣмъ Варшава, и коль скоро матеріальная сторона не интересуетъ Клару, то для чего же она хочетъ ѣхать? Лаура, какъ я уже говорилъ, давно давала мнѣ понять, что Гильстъ питаетъ ко мнѣ болѣе, чѣмъ симпатію... Странная женщина эта Лаура! Невинность Клары возбуждаетъ въ ней зависть, но лишь такого рода, какую возбуждали бы въ ней, напримѣръ, драгоцѣнный камень, богатая діадема или какія-нибудь великолѣпныя кружева... Словомъ, всегда у нея все сводится къ украшенію—ничего болѣе! Навѣрно, оттого-то ей хочется толкнуть это огромное дитя въ мои объятія. Мною Лаура въ данномъ случаѣ не интересуется, такъ какъ я украшеніе, которое уже было у нея на шеѣ.

Эта женщина нехотя причинила мнѣ столько зла, что я долженъ былъ бы ее ненавидѣть, но не могу. Прежде всего совѣсть мнѣ говоритъ, что, если бы она вовсе не явилась на моемъ жизненномъ пути, то я нашелъ бы какой-нибудь иной, одинаково дѣйствительный, способъ для того, чтобы испортить собственное счастье; во-вторыхъ, подобно тому, какъ демонъ есть падшій ангелъ, такъ ненависть есть выродившаяся любовь, я же Лауры никогда не любилъ. Наоборотъ, я чувствую къ ней даже нѣкоторое презрѣніе, за что она отплачиваетъ мнѣ въ этомъ отношеніи взаимностью Я даже предполагаю, что она въ душѣ относится ко мнѣ хуже, чѣмъ я къ ней.

Что касается чувства Клары ко мнѣ, то Лаура, быть можетъ, отчасти права. Нынче мнѣ это показалось яснѣе, чѣмъ когда-либо. Если это такъ, то я ей благодаренъ. Въ первый разъ въ жизни у меня есть желаніе подружиться съ женщиной и не обмануть ея довѣрія. Душа, такая безпокойная, какъ моя, въ данномъ случаѣ можетъ найти успокоеніе въ подобной дружбѣ.

Сегодня мы разговорились съ Кларой, какъ добрые друзья. Ея интеллигентность не слишкомъ обширна, но зато хорошо отличаетъ то, что считаетъ дурнымъ и безобразнымъ, отъ того, что считаетъ хорошимъ и прекраснымъ, вслѣдствіе чего ея интеллигентность не ложная и вмѣстѣ съ тѣмъ очень свѣтлая. Въ ней есть какое-то духовное здоровье, которое,

впрочемъ, довольно часто наблюдается у нѣмцевъ. Сталкиваясь съ ними то здѣсь, то тамъ, я замѣтилъ, что, напримѣръ, такихъ типовъ, къ какимъ принадлежу я, между ними очень немного. Нѣмцы, какъ равно и англичане, люди съ позитивистскимъ складомъ характера, которые знаютъ, чего хотятъ. Не разъ и они углубляются въ безбрежное море сомнѣній, причемъ дѣлаютъ это методически, какъ ученые, но не какъ люди чувствующіе и не какъ геніи безъ портфеля, вслѣдствіе чего ихъ недавняя трансцендентальная философія, ихъ нынѣшній научный пессимизмъ, ихъ поэтическій weltschmerz имѣютъ значеніе только теоретическое. На практикѣ они отлично примѣняются къ условіямъ жизни. По мнѣнію Гартмана, чѣмъ жизнь человѣчества болѣе могущественна и сознательна, тѣмъ человѣчество несчастнѣе, но тотъ же Гартманъ на практикѣ съ чистымъ спокойствіемъ нѣмца - культуртрегера признаетъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ усиленіе могущества Германіи на счетъ познанскихъ поляковъ. Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ случай, вытекающій, впрочемъ, изъ общечеловѣческихъ, подлыхъ и низкихъ инстинктовъ, можно сказать, что нѣмцы вообще не особенно увлекаются теоріями и оттого спокойны и способны къ дѣятельности. Этимъ спокойствіемъ обладаетъ и Клара. Все то, что можетъ совершенно взбудоражить человѣческую душу, конечно, должно было дойти до ея слуха, но какъ-то скользило по ней, не переходя въ плоть и кровь, благодаря чему она никогда не усомнилась въ томъ, что считаетъ истиной, какъ равно и въ своей музыкѣ. Если Клара питаетъ ко мнѣ болѣе, чѣмъ симпатію, то, по всей вѣроятности, это какое-нибудь безсознательное и ничего не требующее чувство. Съ той минуты, когда оно перестало бы быть таковымъ, для нея началась бы драма, такъ какъ я не могъ бы отвѣтить ей взаимностью, а могъ бы только воспользоваться этимъ чувствомъ такимъ образомъ, что причинилъ бы ей несчастье. Я вовсе не страдаю самомнѣніемъ и нисколько не думаю, что ни одна женщина въ мірѣ не устоитъ противъ меня, но, по моему мнѣнію, ни одна женщина въ мірѣ не въ состояніи противиться человѣку, котораго искренно любитъ. Фразы: «крѣпость осаждена, крѣпость взята», хотя и принадлежатъ къ числу избитыхъ и несносныхъ опредѣленій, основываются тѣмъ не менѣе на дѣйствительной правдѣ, и онѣ стократно правдивѣе, когда примѣняются къ женщинѣ, которая за стѣнами своей добродѣтели таитъ въ своей груди такого измѣнника, каковымъ является сердце. Но Клара можетъ быть спокойна. Мы невозмутимо поѣдемъ въ Варшаву: она, я, старая родственница и глухое піанино.

16 апрѣля.

Вотъ уже три дня, какъ я въ Варшавѣ, но до сихъ поръ мнѣ не удалось двинуться въ Плошовъ, такъ какъ тотчасъ послѣ пріѣзда у меня началась зубная боль, и лицо совсѣмъ опухло. Въ такомъ видѣ я не желаю представиться дамамъ.

Я уже видѣлъ Снятыньскаго; тетя также была у меня и привѣтствовала, какъ блуднаго сына. Анеля пріѣхала недѣлю тому назадъ. Мать ея такъ больна, что доктора, которые сначала хотѣли послать ее въ Висбаденъ, въ настоящее время пришли къ заключенію, что теперь ей немыслимо ѣхать. Она останется въ Плошовѣ до выздоровленія или до смерти, и Анеля будетъ при ней до тѣхъ поръ, пока Кромицкій не

устроить своихъ дѣлъ и не признаетъ нужнымъ избрать гдѣ-нибудь для себя постоянное мѣсто жительства. Изъ того, что мнѣ говорила тетя, я заключаю, что его путешествіе продлится нѣсколько мѣсяцевъ. Я старался выпытать у тети, какъ можно болѣе свѣдѣній относительно Анели, и мнѣ удалось это тѣмъ легче, что тетя говоритъ со мной совершенно откровенно. Она, положительно, не допускаетъ чтобы замужняя женщина могла кого-нибудь интересовать иначе, какъ родственница, или вѣрнѣе, она даже не задумывается надъ подобными вопросами. Въ виду этого тетя откровенно говорила со мной о той продажѣ, которую и сама не можетъ простить Кромицкому. Подъ конецъ разговора ею овладѣлъ такой гнѣвъ, что она сорвала цѣпочку, которую носитъ на шеѣ, вслѣдствіе чего часы упали на полъ.

— Я скажу ему въ глаза,—говорила тетя,—что это двойная низость. Я предпочла бы ссудить ему необходимую сумму. Только къ чему бы это пригодилось! Его спекуляціи—это пропасть. Не знаю, что изъ нихъ выйдетъ, а тѣмъ временемъ все идетъ туда. Пусть онъ только покажется, я ему тотчасъ скажу: вы погубите и Анелю, и ея мать и въ концѣ концовъ, обанкротитесь. Какой толкъ этимъ женщинамъ въ его милліонахъ, коль скоро имъ приходится каждую копѣйку оплакивать! Это подлость и ничего болѣе. Я всегда терпѣть не могла этого сушенаго гриба и была права.

Я спросилъ тетю, говорила ли она откровенно объ этомъ съ Анелей,

— Съ Анелей?—проговорила она.—Хорошо, что ты пріѣхалъ, такъ какъ я, по крайней мѣрѣ, могу наговориться. Это меня облегчитъ. Съ Анелей нѣтъ возможности говорить объ этомъ откровенно. Одинъ разъ я не выдержала и начала, но она такъ на меня накинулась, а потомъ расплакалась. «Онъ принужденъ былъ, принужденъ, принужденъ»—и только. Анеля слова не позволитъ про него сказать и была бы рада скрыть передъ свѣтомъ всѣ его недостатки. Но меня, старую, не проведешь: она въ душѣ такъ же осуждаетъ эту продажу, какъ и я.

— Слѣдовательно, вы, тетя, полагаете, что она его не любитъ?

Тетя взглянула на меня съ удивленіемъ.

— Что? А кого же ей любить? Вотъ потому-то она и огорчается, что его любитъ. Но любить можно своимъ чередомъ, а видѣть дурныя стороны своимъ чередомъ.

У меня на этотъ счетъ нѣсколько иной взглядъ, но я предпочелъ его не высказывать, а тѣмъ временемъ тетя продолжала:

— Болѣе всего я ставлю ему въ вину то, что онъ вретъ. Кромицкій увѣрилъ Анелю и мать ея, что черезъ годъ, самое большое два, онъ будетъ въ состояніи выкупить эти имѣнія. Скажи, развѣ это возможно? Но тѣ женщины сами себя утѣшаютъ, что такъ и будетъ.

— По моему мнѣнію, это совершенно невозможно. Онъ будетъ спекулировать по прежнему.

— И онъ знаетъ объ этомъ лучше, чѣмъ мы, и, слѣдовательно, нарочно обманываетъ этихъ женщинъ.

— Быть можетъ, для того, чтобы онѣ слишкомъ не огорчались.

Тетя еще больше разсердилась.

— Какъ такъ не огорчались! Разумѣется, онѣ бы не огорчались,

если бы онъ не продалъ. Не защищай его! Каждый долженъ его за это осуждать. Хвастовскій страшно возмущался. Онъ разсмотрѣлъ эти дѣла и сказалъ, что если бы у него не было гроша, онъ взялся бы въ два года погасить всѣ долги, а деньги я бы ему первая дала, и ты бы далъ Вѣдь, ты бы далъ? Вотъ то-то! А теперь все пропало!

Затѣмъ я сталъ допытываться о здоровьѣ Анели. Я допытывался со скрытымъ страннымъ, необъяснимымъ безпокойствомъ, такъ какъ боялся услышать что-нибудь такое, что было бы вполнѣ натурально, что было бы въ порядкѣ вещей, но что, однако, самъ не знаю почему, окончательно истерзало бы мои нервы. Къ счастью, тетя поняла, что меня интересуетъ, такъ какъ отвѣтила съ такой же, какъ и раньше, злостью:

— Ничего не предстоитъ!.. Имѣніе-то онъ сумѣлъ продать, а предстоять ничего не предстоитъ.

Я тотчасъ свернулъ разговоръ на другую тему и сказалъ тетѣ, что со мною въ одномъ поѣздѣ пріѣхала величайшая современная піанистка и вмѣстѣ съ тѣмъ очень богатая особа, которая ничего такъ не жаждетъ, какъ дать два-три концерта въ пользу бѣдныхъ. Настроеніе тети, однако, удивительное. Прежде всего тетя стала досадовать на Клару Гильстъ за то, что она не пріѣхала зимой, когда самое лучшее время для концертовъ, затѣмъ нашла, что еще не совсѣмъ поздно, и тотчасъ хотѣла было ѣхать къ Кларѣ. Я еле успѣлъ объяснить тетѣ, что гораздо лучше будетъ, когда я предупрежу Клару о ея визитѣ. Тетя стоитъ во главѣ нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и считаетъ вопросомъ чести собрать для нихъ все, что возможно, даже на счетъ иныхъ обществъ, и потому боится, чтобы кто-нибудь ея не предупредилъ.

Уходя, она спросила меня:

— Когда ты переѣдешь въ Плошовъ?

Я отвѣтилъ, что вовсе не переѣду. Въ дорогѣ я пришелъ къ заключенію, что мнѣ лучше поселиться въ Варшавѣ. До Плошова всего семь верстъ, я могу весь день быть въ имѣніи, а къ ночи возвращаться домой. Для меня это, рѣшительно, все равно, а между тѣмъ не будетъ повода къ разнымъ толкамъ и пересудамъ, да и госпожѣ Кромицкой не будетъ основанія предполагать, будто мнѣ такъ важно жить съ ней подъ одной крышей. Въ бесѣдѣ со Снятыньскимъ я сказалъ ему вскользь, что не думаю переселяться въ Плошовъ. Я замѣтилъ, что онъ вполнѣ одобрилъ это и даже имѣлъ желаніе пространнѣе поговорить со мной объ Анелѣ. Хотя Снятыньскій человѣкъ безспорно интеллигентный, однако, онъ не понялъ, что различныя условія создаютъ различныя отношенія даже между самыми близкими друзьями. Онъ пришелъ ко мнѣ такъ какъ будто я до сихъ поръ остался тѣмъ Леономъ Плошовскимъ который, дрожа какъ листъ, просилъ его въ Краковѣ о помощи. Снятыньскій съ рѣзкой откровенностью хотѣлъ было произвести осмотръ моей души, но я въ одну минуту остановилъ его, вслѣдствіе чего онъ былъ удивленъ и даже отчасти разозлился. Немного спустя онъ примѣнился къ моей нотѣ, и мы стали бесѣдовать такъ, какъ будто послѣдней нашей встрѣчи никогда и не было. Я, однако, видѣлъ, что его интересуетъ мое нынѣшнее настроеніе, такъ какъ онъ сталъ обиняками меня выпытывать съ той неловкостью писателя-художника, который, будучи глубокимъ психоло-

гомъ и опытнымъ аналитикомъ у себя въ кабинетѣ, оказывается наивнымъ, какъ студентъ, въ практической жизни.

Если бы у меня подъ рукою была флейта, я могъ бы, какъ нѣкогда Гамлетъ, подать ему ее и сказать: «Прошу тебя, сыграй, а если говоришь, что не умѣешь, то какъ же ты можешь предполагать, ты, который изъ куска дерева не умѣешь добыть тона, что заиграешь, какъ тебѣ будетъ угодно, на моей душѣ».

Вчера ночью я читалъ Гамлета, не помню, который разъ въ жизни, и вотъ отчего мнѣ пришло въ голову это сравненіе. Для меня, положительно, непонятно, что нынѣшній человѣкъ въ каждомъ положеніи, при каждомъ, самомъ современномъ и сложномъ душевномъ разстройствѣ ни въ чемъ не найдетъ столько аналогіи съ собою, какъ въ этой трагедіи, основанной на грубой и кровавой легендѣ Голиншеда. Гамлетъ—это человѣческая душа, какою она была, какая есть и какою будетъ. По моему мнѣнію, Шекспиръ перешелъ въ ней границы, начертанныя даже для геніевъ. Ибо Гомеръ или Дантъ понятны мнѣ на фонѣ современной имъ эпохи. Я понимаю, что они могли создать то, что создали, но какимъ образомъ этотъ англичанинъ могъ въ семнадцатомъ вѣкѣ предчувствовать всякіе психозы, являющіеся плодомъ девятнадцатаго вѣка, это, не смотря на массу прочитанныхъ сочиненій о Гамлетѣ, для меня останется вѣчной загадкой.

Итакъ, подавъ Снятыньскому гамлетовскую флейту, я отдалъ ему подъ покровительство Клару Гильстъ, а затѣмъ сталъ говорить съ нимъ о его догматахъ. Я сказалъ ему, что поводомъ къ моему нынѣшнему пріѣзду послужили тоска по родинѣ и сознаніе своихъ обязанностей. Но я говорилъ это такимъ небрежнымъ тономъ, что Снятыньскій не зналъ, насмѣхаюсь ли я отчасти, или высказываю свои истинныя чувства. И опять повторилось тоже о чемъ я уже говорилъ въ Парижѣ. То моральное преимущество предо мною, которое представили Снятыньскому послѣднія событія, таяло съ каждой минутой. Онъ не зналъ, что ему думать, и понялъ только одно, а именно, что старыми ключами ему меня не открыть. Когда при прощаніи я опять поручилъ его покровительству Гильстъ, онъ пристально взглянулъ на меня и сказалъ:

— Развѣ это для тебя такъ важно?

— Очень, потому что это особа, къ которой я питаю большую дружбу и еще большее уваженіе.

Такимъ образомъ лучи его вниманія сосредоточились на Кларѣ. По всей вѣроятности, онъ предполагаетъ, что это какая-нибудь новая любовь. Снятыньскій, очевидно, ушелъ злой. Онъ никогда, ничего не умѣетъ скрыть. Дверьми хлопнулъ сильнѣе, чѣмъ надо, а когда я проводилъ его до лѣстницы и вернулся назадъ въ прихожую, то слышалъ, какъ онъ спускался черезъ нѣсколько ступеній и очень громко свистѣлъ, что всегда дѣлаетъ, когда бываетъ чѣмъ-нибудь недоволенъ.

Впрочемъ, я сказалъ ему правду, что меня интересуетъ Гильстъ. Сегодня я писалъ Кларѣ, почему не навѣстилъ ее до сихъ поръ, и тотчасъ получилъ отвѣтъ. Клара восхищена Варшавой, но особенно я обывателями. Всѣ знаменитости здѣшняго музыкальнаго міра, въ теченіе этихъ трехъ дней, были у нея съ визитомъ, старались превзойти другъ

друга въ любезности и предлагали свои услуги. Она пишетъ, что такихъ любезныхъ людей не встрѣчала ни въ одномъ городѣ. Я предполагаю, что если бы она пожелала поселиться здѣсь надолго, то, быть можетъ, они не были бы такъ любезны, хотя, впрочемъ, Клара обладаетъ даромъ всюду создавать себѣ друзей. Она отчасти осмотрѣла уже городъ, и ей особенно понравился Лазенковскій паркъ. Меня радуетъ восхищеніе Клары, тѣмъ болѣе, что послѣ переѣзда черезъ границу сама мѣстность произвела на нее непріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, на этихъ равнинахъ глазу негдѣ отдохнуть, и надо здѣсь родиться, чтобы находить въ нихъ какія-нибудь красоты. Клара, выглядывая черезъ окна вагона, постоянно повторяла: «Ахъ, я теперь понимаю Шопена». Клара, разумѣется, ошибается, такъ какъ не понимаетъ его, не проникается имъ, какъ равно не смогла проникнуться этими окрестностями. Я, хотя въ духовномъ отношеніи являюсь сыномъ западной Европы, однако, въ силу какого-нибудь атавизма, обладаю даромъ проникаться нашей природой и съ удивленіемъ неоднократно убѣждался, что когда весной возвращаюсь на родину, то каждый разъ не могу насытиться ея видами. А собственно говоря, какіе это виды? Не разъ я нарочно старался вообразить себя иностранцемъ-художникомъ, который относится къ этому совершенно объективно, какъ человѣкъ посторонній. Тогда эти окрестности производили на меня точно такое же впечатлѣніе, какъ будто эти пейзажи нарисованы ребенкомъ, умѣющимъ только проводить черты, или дикаремъ. Эти плоскіе холмики, мокрые луга, избы съ прямоугольными очертаніями, на краю горизонта тополи, окружающіе помѣщичьи усадьбы, наконецъ, поля, мѣстами окаймленныя полосами лѣса, тѣ «десять миль ничего», какъ говорятъ нѣмцы,—все это представлялось мнѣ какими то примитивными эскизами со всѣмъ убожествомъ сюжета и линій. Строго говоря, это даже почти не фонъ. Но съ той минуты, когда я переставалъ смотрѣть, какъ человѣкъ посторонній, и когда начиналъ проникаться простотой видовъ и включать себя въ эту безграничную ширь равнинъ, въ которой такъ же таютъ всякія опредѣленныя формы, какъ душа въ нирванѣ, тогда онѣ въ моихъ глазахъ пріобрѣтали не только художественное очарованіе «примитивовъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали на меня чрезвычайно успокаивающе. Я могу, напримѣръ, удивляться Апеннинамъ но духъ мой не въ состояніи проникнуться ими, остается внѣ ихъ и лишь скользитъ по нимъ. Вслѣдствіе этого раньше или позже должно наступить утомленіе. Человѣкъ, на самомъ дѣлѣ, отдыхаетъ лишь въ томъ случаѣ, если сливается съ окружающимъ, а слиться онъ можетъ единственно лишь тогда, когда его душа и душа окружающей его природы обладаютъ общей и соотвѣтствующей организаціей. Тоска о родинѣ происходитъ вслѣдствіе одиночества души среди окружающихъ ее общихъ явленій. Мнѣ кажется, что этотъ принципъ психическаго родства можно было бы примѣнить еще шире. Быть можетъ, нѣкоторымъ людямъ покажется страннымъ, что я, воспитанный за границей и пропитанной западноевропейской культурой, высказываю подобныя воззрѣнія, но я скажу еще болѣе женщина-иностранка, хотя бы самая красивая, въ моихъ глазахъ является лишь представительницей прекраснаго пола, но не женскою душою.

Я хорошо помню, что въ свое время писалъ о полькахъ. Но одно другому не мѣшаетъ. Я могу видѣть въ нихъ недостатки и, тѣмъ не менѣе, чувствовать къ нимъ большую близость, чѣмъ къ иностранкамъ. Впрочемъ, большая часть моихъ прежнихъ воззрѣній износилась у меня, подобно старому платью.

Но довольно объ этомъ. Я замѣтилъ со стыдомъ и удивленіемъ, что все то, что мною написано, было лишь заговариваніемъ самого себя. Да, такъ оно и есть! Я разсуждаю о видахъ разныхъ окрестностей, о тоскѣ по родинѣ, а на самомъ дѣлѣ, всѣ мои мысли сконцентрированы въ Плошовѣ. Мнѣ не хочется въ этомъ сознаться, а надо! Меня охватываетъ безпокойство, физически выражающееся тѣмъ, что у меня какъ будто что-то сжимается въ груди. Весьма возможно, что пріѣздъ въ Плошовъ и пребываніе тамъ на самомъ дѣлѣ будутъ несравненно болѣе легкими, чѣмъ представляются мнѣ въ этомъ состояніи ожиданія. Всякій канунъ несносенъ. Когда я былъ еще юношей, мнѣ разъ случилось драться на дуэли, и я припоминаю, что неспокоенъ я былъ только наканунѣ. Въ то время я также старался думать о чемъ-нибудь иномъ и, кажется, какъ и нынче, напрасно. Мысли мои не нѣжны, не дружественны по отношенію къ госпожѣ Кромицкой, онѣ какъ-то странно подвижны и окружаютъ меня, подобно потревоженнымъ пчеламъ, и мнѣ невозможно ихъ отогнать.

17 апрѣля.

Сегодня я былъ въ Плошовѣ и засталъ все совершенно не такъ, какъ воображалъ. Я выѣхалъ изъ Варшавы въ семь часовъ утра, разсчитывая, что, приблизительно, къ восьми мнѣ удастся быть на мѣстѣ. Тетя говорила мнѣ, что дамы встаютъ рано. Прежнее непріятное чувство не оставляло меня ни на минуту. Я обѣщалъ самому себѣ, что не буду обдумывать, какъ привѣтствовать обѣихъ дамъ и какъ держать себя съ Анелей. Пусть будетъ такъ, какъ должно быть и какъ случится—вотъ все, что я рѣшилъ. Мнѣ, однако, невозможно было не думать, какъ это именно будетъ, какъ она выглядитъ, какъ поздоровается, что захочетъ дать мнѣ понять, какъ направитъ наши отношенія? Не знаю, почему, но я былъ увѣренъ, что у нея все это рѣшено заранѣе. Въ предвидѣніи этого, минутами мною овладѣвало непріязненное къ ней настроеніе; то опять при мысли, что какъ никакъ, но и съ ея стороны въ данномъ случаѣ будетъ больше принужденности, я чувствовалъ нѣчто въ родѣ жалости къ ней. Воображеніе мое до такой степени было занято Анелей, что я ее видѣлъ, точно живую. Мнѣ вспомнились съ необыкновенной пластичностью обрамляющіе ея лобъ каштановые волосы, ея длинныя, прелестныя рѣсницы, чудные глаза, ея красивое, изящное лицо Я старался отгадать, какъ она будетъ одѣта. Въ моихъ воспоминаніяхъ возставали ея движенія, выраженія лица, слова, одежда Съ удивительнымъ упорствомъ мнѣ вспоминалась особенно та минута, когда Анеля вернулась изъ своей комнаты въ залу, а на лицѣ ея остались слѣды пудры, съ помощью которой она старалась скрыть свое волненіе. Наконецъ, мои воспоминанія стали до того яркими и живыми, что вызвали чуть-ли не видѣніе. Я подумалъ: вотъ она опять меня навѣщаетъ!—и желая отогнать отъ себя это, сталъ разговаривать съ извозчикомъ. Я спросилъ его, женатъ-ли онъ,

на что извозчикъ отвѣтилъ, что «безъ бабы никакъ нельзя», а затѣмъ еще что-то такое говорилъ, чего я уже не слушалъ, такъ какъ вдали предо мной обрисовались плошовскіе тополя Я и не замѣтилъ, какъ промелькнули мимо меня эти нѣсколько верстъ отъ городской заставы.

При видѣ Плошова, внутреннее безпокойство возрасло во мнѣ, а мысли мои замелькали еще быстрѣе. Я старался обратить свое вниманіе на внѣшніе предметы, на происшедшія за время моего отсутствія перемѣны, на вновь построенные придорожные дома. Я машинально повторялъ себѣ, что погода очень хороша, а весна исключительно ранняя. День, дѣйствительно, былъ великолѣпный, въ воздухѣ чувствовалась бодрящая утренняя свѣжесть, въ палисадникахъ передъ домами цвѣли яблони, возлѣ которыхъ кой-гдѣ виднѣлись упавшіе лепестки, подобные снѣжнымъ пушинкамъ: меня окружалъ какъ бы рядъ картинъ новой художественной школы. Всюду, куда обращались мои взоры, я видѣлъ свѣтозарный и прозрачный «plein - air», въ ясной глубинѣ котораго двигались фигуры людей, работающихъ возлѣ своихъ домовъ и въ полѣ. Странно, что все это я видѣлъ, все замѣтилъ, но не смогъ этимъ ни проникнуться, ни всецѣло этому отдаться. Эти впечатлѣнія отчасти утратили свою интенсивность, они концентрировались и переходили въ сознаніе только на поверхности моего мозга, не будучи въ состояніи проникнуть въ самую глубь, гдѣ таились иныя мысли. Въ этомъ состояніи раздвоеннаго вниманія я приблизился къ Плошову. Внезапно меня охватилъ холодъ липовой аллеи, сквозь которую виднѣлись окна дворца. Разсѣянныя жалкія мысли забились во мнѣ еще тревожнѣе. Не могу точно передать, почему вмѣсто того, чтобы въѣхать во дворъ, я велѣлъ извозчику остановиться у воротъ и, сопровождаемый его благодарностями, направился пѣшкомъ къ крыльцу.

Вообще, мнѣ трудно отдать себѣ отчетъ въ томъ, по какой именно причинѣ я былъ такъ неспокоенъ; развѣ ужъ потому, что въ знакомомъ домѣ ожидало меня что-то неизвѣстное, что, однако, находилось въ такой, положительно, трагической связи съ моимъ прошлымъ. Когда я проходилъ черезъ дворъ, у меня такъ сильно билось сердце, что мнѣ дѣлалось душно. Что за чортъ! что за чортъ!—повторялъ я въ душѣ. Такъ какъ мой извозчикъ остановился у воротъ, то никто не вышелъ мнѣ на встрѣчу Прихожая была пуста. Я прошелъ въ столовую и рѣшилъ тамъ ждать, пока не придутъ дамы.

Ждать мнѣ повидимому предстояло недолго, потому что столъ былъ накрытъ, а самоваръ шепталъ и ворчалъ, выпуская клубы пара. Опять ни одна даже малѣйшая подробность не ускользнула отъ моего вниманія. Въ залѣ было холодно и сравнительно темно, такъ какъ ея окна выходили на сѣверъ. Черезъ минуту я сосредоточилъ свое вниманіе на томъ, что изъ трехъ оконъ падаютъ на темный навощенный полъ три свѣтлыя полосы. затѣмъ сталъ разсматривать какъ что-то новое, знакомый мнѣ съ дѣтства буфетъ; потомъ припомнилъ разговоръ, который когда-то въ этой залѣ мы вели со Снятыньскимъ въ то время, какъ смотрѣли сквозь окна на его жену и Анелю, шедшихъ въ калошахъ по снѣгу изъ оранжереи.

Наконецъ, мной овладѣло чувство одиночества и печали. Я сѣлъ у окна, чтобы быть ближе къ свѣту и имѣть возможность глядѣть въ садъ. Но все это не избавило меня отъ того внутренняго раздвоенія, о кото-

ромъ я уже упоминалъ, такъ какъ одновременно у меня мелькала мысль, что вскорѣ, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ я увижу ее, что мнѣ придется поздороваться съ нею, заговорить и затѣмъ видѣть ежедневно въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Вопросы: какъ это произойдетъ? что будетъ? тѣснились одинъ за другимъ. Есть люди, которые отъ страха совершаютъ самые смѣлые поступки, со мной же часто случается, что безпокойство, отсутствіе твердаго рѣшенія и неизвѣстность того, что должно произойти, вызываютъ во мнѣ какой-то взрывъ внутренняго нетерпѣнія и гнѣва. Такъ случилось и теперь. Разница между прежней Анелей и нынѣшней госпожей Кромицкой рельефно выдѣлилась передо мной съ такой силой, какъ никогда прежде. «Хотя бы ты была въ сто разъ красивѣе, въ сто разъ очаровательнѣе, чѣмъ я себѣ могу представить, все же ты будешь для меня ничѣмъ, или, вѣрнѣе, лишь чѣмъ-то отталкивающимъ». И гнѣвъ мой усилился, такъ какъ я вообразилъ себѣ, неизвѣстно почему, будто Анеля теперь придетъ и будетъ встрѣчаться со мною впослѣдствіи только затѣмъ, чтобы доказать мнѣ, что я ошибаюсь, и что она останется для меня вѣчно желанной и вѣчно недоступной. «Посмотримъ!» отвѣтилъ я въ душѣ подъ впечатлѣніемъ, будто меня ждетъ съ этой женщиной какой-то странный и неопредѣленный поединокъ, какая-то борьба, которую я одновременно проиграю и выиграю, такъ какъ утрачу воспоминаніе, но верну себѣ покой. Въ эту минуту мнѣ казалось, что у меня достаточно силъ и отваги для отраженія каждой атаки.

Но вотъ тихо раскрылись двери, и въ залѣ появилась Анеля.

При видѣ ея у меня зашумѣло въ головѣ и похолодѣли концы пальцевъ. Эта фигура, которая въ эту минуту была предъ моими глазами, хотя называлась госпожей Кромицкой, но обладала стократно дорогими чертами, и невыразимымъ очарованіемъ моей прежней Анели. Въ томъ хаосѣ, въ какой погрузились мои мысли, слышался заглушавшій всѣ иные голоса властный голосъ: «Анеля! Анеля! Анеля!», А она или не замѣтила меня или приняла за кого-то другого, такъ какъ я стоялъ въ тѣни. И только, когда я къ ней приблизился, она подняла глаза и остановилась, какъ вкопанная. У меня нѣтъ силъ описать то выраженіе испуга, замѣшательства, волненія и покорности, какое отразилось на ея лицѣ. Анеля такъ сильно поблѣднѣла, что я испугался, какъ бы она не лишилась чувствъ. Когда я пожималъ ей руку, мнѣ казалось, будто я сжимаю кусокъ льда. Всего я ожидалъ, но не такого привѣтствія. За минуту предъ тѣмъ я поклялся бы, что, здороваясь со мной, Анеля какимъ-нибудь образомъ дастъ мнѣ понять, что она уже госпожа Кромицкая. Между тѣмъ ничего! Предо мною стояла взволнованная, оробѣвшая моя прежняя Анеля. Я сдѣлалъ ее несчастной, я былъ виновенъ, стократно виновенъ, а она въ эту минуту смотрѣла на меня такъ, какъ будто сама ждала прощенія. Чувство прежней любви, раскаянія и состраданія овладѣло мною съ такою силой, что я совершенно потерялъ голову. Во мнѣ осталось лишь настолько присутствія духа, что я не заключилъ ее въ свои объятія, не прижалъ къ груди и не сталъ успокаивать такими словами, какія говорятъ любимому существу. Впрочемъ, мое сердце было полно ими. Я былъ до того взволнованъ, до того смущенъ неожиданнымъ, не-

предвидѣннымъ обращеніемъ не госпожи Кромицкой, но Анели, что только пожималъ ей руку, не будучи въ состояніи промолвить ни одного слова. И, однако, надо было, а потому, собравъ остатки мыслей, я спросилъ сдавленнымъ, какъ бы чужимъ голосомъ:

— Развѣ тетя ничего не говорила о моемъ пріѣздѣ?

— Тетя... говорила...—съ усиліемъ отвѣтила Анеля.

И снова мы оба умолкли. Я сознавалъ, что мнѣ надо продолжать, спросить о здоровьѣ ея матери и ея собственномъ, а между тѣмъ у меня не хватало силъ проронить, хотя бы одно слово. Я отъ всей души желалъ, чтобы пришелъ кто нибудь и избавилъ насъ обоихъ отъ столь тягостнаго положенія. Спустя немного, пришла тетя съ молодымъ докторомъ Хвастовскимъ, младшимъ сыномъ нашего управляющаго, который вотъ уже мѣсяцъ, какъ находится при больной госпожѣ П. Анеля тотчасъ направилась къ столу разливать чай, я же поздоровался съ тетей и сталъ съ ней бесѣдовать. Во время разговора я совершенно пришелъ въ себя, а затѣмъ всѣ мы усѣлись пить чай.

Теперь я началъ разспрашивать о здоровьѣ матери Анели. Тетя въ своихъ отвѣтахъ ежеминутно ссылалась на молодого доктора, а тотъ обращался ко мнѣ съ тѣмъ извѣстнымъ оттѣнкомъ снисходительности, съ какимъ свѣженатентованный ученый обращается къ своимъ ассистентамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ демократъ, оберегающій свое достоинство, даже тогда, когда никто и не думаетъ его задѣвать, отвѣчаетъ человѣку, котораго считаетъ аристократомъ. Онъ показался мнѣ очень самонадѣяннымъ и, въ концѣ концовъ, мой тонъ въ разговорѣ съ нимъ былъ болѣе вѣжливъ, чѣмъ его со мной. Это доставляло мнѣ нѣкоторое развлеченіе и позволяло окончательно привести въ порядокъ свои мысли, ежеминутно смущаемыя видомъ Анели. Время отъ времени я поглядывалъ на нее и отчасти съ отчаяніемъ повторялъ себѣ въ душѣ: «Это тѣ же самыя черты, то же самое изящное лицо; это та самая Анеля, почти дѣвочка! та самая любовь, то самое счастье, только уже не мое и навсегда утраченное». Въ этомъ впечатлѣніи заключалась великая сладость, смѣшанная съ равно великимъ страданіемъ. Анеля уже болѣе или менѣе совладала съ своимъ волненіемъ, но все же была еще какъ бы встревожена. Я нѣсколько разъ осмѣлился обратиться къ ней съ вопросомъ о здоровьѣ матери, съ цѣлью направить наши отношенія на болѣе ровный путь и сдѣлать ихъ болѣе свободными. Мнѣ это удалось отчасти. Она мнѣ даже сказала: «Мама обрадуется, когда тебя увидитъ». Я не вѣрилъ этому, но тѣмъ не менѣе вслушивался въ ея голосъ съ закрытыми глазами, такъ какъ онъ былъ для меня милѣе всякой музыки. Мы разговаривали все свободнѣе. Тетя была въ великолѣпномъ расположеніи духа, во-первыхъ, по случаю моего пріѣзда, а, во-вторыхъ, потому, что была у Клары, которая обѣщала ей дать концертъ съ благотворительной цѣлью. Уходя, тетя встрѣтила на лѣстницѣ двухъ дамъ, попечительницъ другихъ благотворительныхъ учрежденій. Онѣ опоздали, и вотъ, это именно такъ обрадовало тетю. Она разспрашивала меня про Клару, которая произвела на нее отличное впечатлѣніе. Подъ конецъ завтрака, закидываемый вопросами, я началъ разсказывать о своихъ путешествіяхъ. Тетя

удивлялась, что я былъ даже въ Исландіи и, разспросивъ меня про этотъ островъ, сказала:

— Надо быть въ большомъ отчаяніи для того, чтобы туда ѣхать.

— Мнѣ въ то время, дѣйствительно, было очень худо,—отвѣтилъ я.

Анеля взглянула на меня въ эту минуту, и опять я замѣтилъ въ ея глазахъ испугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покорность судьбѣ. Сердце мое сжалось отъ нестерпимой боли, такъ какъ я былъ приготовленъ къ тому, что она приметъ меня съ холоднымъ торжествующимъ видомъ, со злорадствомъ или съ презрительнымъ сознаніемъ своего превосходства; меня до глубины души трогало и одновременно угнетало ея ангельское сочувствіе. Всѣ мои разсчеты и предположенія не оправдались. Я полагалъ, что, хотя бы она даже желала не быть для меня госпожей Кромицкой, но все же не сумѣетъ этого сдѣлать и оттолкнетъ меня этимъ, а между тѣмъ Анеля даже не выглядитъ замужней. Теперь мнѣ приходилось самому себѣ напоминать, что она замужемъ, но въ этихъ напоминаніяхъ я находилъ не что-нибудь отталкивающее, но лишь невыразимое страданіе.

У меня такая натура, что при каждомъ моральномъ страданіи я люблю растравлять собственныя раны. Вотъ и теперь мнѣ хотѣлось сдѣлать то же самое, начавъ разговоръ о ея мужѣ. Но я былъ не въ силахъ, такъ какъ сознавалъ, что это будетъ жестокостью и профанаціей. Вмѣсто этого я выразилъ желаніе повидаться съ ея матерью. Анеля вышла, чтобы спросить ее, можетъ ли она меня принять, и, вскорѣ вернувшись, сказала:

— Мама проситъ тебя.

Мы пошли вмѣстѣ въ другую часть дворца, а тетя слѣдовала за нами. Я чувствовалъ потребность сказать Анелѣ нѣсколько теплыхъ словъ, которыя бы ее успокоили, только меня стѣсняло присутствіе тети, но черезъ минуту у меня мелькнула мысль, что будетъ даже лучше, когда я при тетѣ скажу ей то, что хочу сказать, и вотъ, остановившись у дверей комнаты госпожи П., я проговорилъ:

— Дай мнѣ руку, дорогая сестрица...

Анеля молча протянула мнѣ руку. Я чувствовалъ, что она благодарна мнѣ за слово сестрица, что великое бремя падаетъ съ ея сердца, и что этимъ искреннимъ рукопожатіемъ ей хочется сказать мнѣ:

— О, будемъ друзьями, простимъ другъ другу все!

— Надѣюсь, что между вами будетъ согласіе,—увидѣвъ это, пробормотала тетя.

— Будемъ, будемъ! Онъ такой добрый!—отвѣтила Анеля.

И, дѣйствительно, въ эту минуту сердце мое было полно доброты. Войдя къ матери Анели, я очень сердечно съ ней поздоровался, на что она отвѣтила мнѣ съ нѣкоторой принужденностью. Было очевидно, что, если бы не боязнь обидѣть тетю, она отвѣтила бы совершенно холодно. Но я не поставилъ ей это въ вину, ея горечь по отношенію ко мнѣ имѣла слишкомъ много основаній. Быть можетъ, у нея сложилось убѣжденіе, что и въ продажѣ родовыхъ имѣній я отчасти отвѣтственъ, такъ какъ, если бы въ свое время сумѣлъ быть инымъ человѣкомъ, то не случилось бы такого несчастья

Я нашелъ ее очень измѣнившеюся, она уже не вставала съ кресла на колесикахъ, на которомъ въ хорошіе дни ее вывозили въ садъ. Ея

всегда изящное лицо стало еще изящнѣе и казалось точно вылѣпленнымъ изъ воска. Очевидно, нѣкогда мать Анели была очень хороша, но вмѣстѣ съ тѣмъ всю жизнь очень несчастна.

Я сталъ разспрашивать ее о ея здоровьѣ и выразилъ надежду, что живительное вліяніе весны вернетъ ей силы. Она слушала, печально улыбаясь и кивая головой; наконецъ, въ ея глазахъ показались двѣ крупныя слёзы, которыя медленно скатились по лицу.

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, больная спросила:

— Извѣстно ли тебѣ, что Глуховъ проданъ?

Очевидно, это была мысль, которая не оставляла ее ни на одну минуту, ея вѣчное горе, ея вѣчное несчастье.

Анеля, услышавъ вопросъ, внезапно покраснѣла. Это былъ непріятный румянецъ, такъ какъ онъ былъ вызванъ горечью и стыдомъ.

— Знаю,—отвѣтилъ я.—Но это дѣло, быть можетъ, удастся поправить и въ такомъ случаѣ ничто не потеряно. Если же не удастся, то тогда надо примириться съ Божьей волей.

Анеля съ благодарностью взглянула на меня, ея же мать проговорила:

— Я уже не обольщаю себя надеждой.

Но это была неправда: она надѣялась. Глаза ея были устремлены на меня, она ожидала какого-нибудь слова, которое подкрѣпило бы скрываемую ею надежду, а потому, желая быть до конца великодушнымъ, я сказалъ:

— Разумѣется, каждому приходится уступать предъ необходимостью, и за это трудно кого-нибудь винить, но, съ другой стороны, я полагаю, дорогая тетя, что нѣтъ на свѣтѣ такихъ препятствій, которыхъ нельзя было бы преодолѣть съ помощью настойчивости и соотвѣтственныхъ средствъ.

Тутъ я сталъ разсказывать про случаи, въ которыхъ продажа была признана недѣйствительной, вслѣдствіе несоблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей при составленіи купчей. Къ слову сказать, это была ложь, но я видѣлъ, что, говоря такимъ образомъ, успокаиваю больную. Мои слова были отчасти защитой Кромицкаго, имя котораго ни мною, ни кѣмъ-либо изъ присутствующихъ не было упомянуто.

Надо, однако, сказать правду. Великодушіе только отчасти диктовало мнѣ мои слова; главнымъ же образомъ, я сказалъ ихъ оттого, что чувствовалъ, что этимъ располагаю къ себѣ Анелю и выказываю себя добрымъ и благороднымъ.

Анеля, дѣйствительно, была мнѣ благодарна, потому что, когда мы съ тетей вышли изъ комнаты, она побѣжала за нами и, протянувъ мнѣ руку, проговорила:

— Спасибо тебѣ за маму.

Въ отвѣтъ я молча поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

Тетя также была тронута моей добротой. Разставшись съ нею, я докурилъ сигару и пошелъ въ садъ, чтобы привести въ порядокъ свои впечатлѣнія и мысли. Но въ саду мнѣ встрѣтился молодой докторъ Хвастовскій, совершавшій свою обычную утреннюю прогулку. Такъ какъ мнѣ хотѣлось расположить къ себѣ всѣхъ въ Плошовѣ, поэтому, подойдя къ нему, я сталъ его разспрашивать о здоровьѣ матери Анели съ полнымъ

признаніемъ его авторитета и знаній. Я видѣлъ, что это очень льстило его самолюбію; черезъ минуту онъ уже разсказывалъ мнѣ о болѣзни своей паціентки съ нѣкоторымъ даже наслажденіемъ, какое обыкновенно выказываютъ молодые адепты науки, которыхъ еще не коснулось сомнѣніе. Въ разговорѣ онъ ежеминутно употреблялъ латинскіе термины, точно разговаривалъ съ другимъ докторомъ. Его здоровенное тѣлосложеніе, а также сила рѣчи и взгляда произвели на меня благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ я видѣлъ въ немъ воплощеніе того новаго, совершенно непохожаго на геніевъ безъ портфеля, поколѣнія, о которомъ въ свое время мнѣ много говорилъ Снятыньскій. Гуляя по длиннымъ аллеямъ парка, мы, наконецъ, завели одинъ изъ тѣхъ, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ разговоровъ, которые заключаются преимущественно въ цитированіи фамилій болѣе или менѣе знаменитыхъ людей. Хвастовскій то, что зналъ, по всей вѣроятности, зналъ обстоятельнѣе меня, но мнѣ въ своей жизни приходилось читать больше, и потому я полагаю, что этимъ необыкновенно его удивилъ. Минутами Хвастовскій посматривалъ на меня почти недружелюбно, точно считалъ посягательствомъ на чужія права то, что человѣкъ, принадлежащій къ аристократіи, позволяетъ себѣ многое знать объ извѣстныхъ сочиненіяхъ или извѣстныхъ авторахъ. Не смотря на это, я расположилъ его къ себѣ своими воззрѣніями. Правда, мой либерализмъ основывается на снисходительномъ отношеніи ко всему, такъ какъ я во всемъ сомнѣваюсь, однако, уже одно то, что человѣкъ съ моимъ состояніемъ и общественнымъ положеніемъ не придерживается совершенно противоположныхъ взглядовъ, всецѣло расположило ко мнѣ молодого радикала. Въ концѣ бесѣды мы уже держались, какъ люди, которые поняли другъ друга.

Полагаю, что современемъ я стану въ глазахъ доктора Хвастовскаго исключеніемъ изъ общаго правила. Я уже давно замѣтилъ, что въ этой странѣ, подобно тому, какъ у каждаго шляхтича есть свой еврей, котораго онъ исключаетъ изъ общаго нерасположенія къ евреямъ, такъ у каждаго демократа есть свой аристократъ, къ которому онъ чувствуетъ исключительную слабость.

Прощаясь, я задалъ доктору Хвастовскому вопросъ относительно его братьевъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что одинъ изъ нихъ открылъ пивоваренный заводъ въ Плошовѣ, что мнѣ было извѣстно, такъ какъ тетя въ свое время сообщила мнѣ объ этомъ въ письмѣ, что у другого есть книжный магазинъ въ Варшавѣ, а третьяго, который окончилъ коммерческую школу, взялъ съ собой на востокъ Кромицкій въ качествѣ своего помощника.

— Изъ всѣхъ насъ лучше всего везетъ пивовару,—говорилъ молодой докторъ,—но всѣ мы много работаемъ и, быть можетъ, современемъ чего-нибудь добьемся. Хорошо, что отецъ потерялъ имѣніе, такъ какъ иначе мы были бы «glebae adscripti», сидѣлъ бы каждый изъ насъ въ своей усадьбѣ и, въ концѣ концовъ, мы такъ же обанкротились бы, какъ отецъ.

Не смотря на то, что умъ мой былъ не только занятъ, но прямо таки поглощенъ совершенно инымъ, я слушалъ доктора съ извѣстнымъ интересомъ. Вотъ, думалось мнѣ, люди не перерафинированные и вмѣстѣ съ тѣмъ не погруженные во тьму. Оказывается, однако, что въ этомъ краѣ существуютъ же такіе, которые могутъ что-нибудь дѣлать, и кото-

рые создаютъ посредствующіе и здоровые очаги между увяданіемъ и варварствомъ. Быть можетъ, такого рода общественный слой создается только въ большихъ городахъ, и что подкрѣпляется онъ ежедневно сыновьями обанкротившагося средняго и мелкопомѣстнаго дворянства, которые въ силу необходимости усваиваютъ мѣщанскую традицію труда и вносятъ въ него крѣпкіе мускулы и нервы. Невольно я вспомнилъ, какъ однажды Снятыньскій кричалъ мнѣ вслѣдъ на лѣстницѣ: «Изъ васъ уже ничего не выйдетъ, но изъ вашихъ дѣтей еще могутъ быть люди, только сначала вы должны обанкротиться, такъ какъ иначе и ваши внуки не примутся за работу». Вотъ и сыновья Хвастовскаго взялись за работу и борятся съ жизнью, единственно, съ помощью собственныхъ силъ. Я также, если бы не имѣлъ состоянія, принужденъ былъ бы какъ-нибудь устроиться и, быть можетъ, выработалъ бы въ себѣ ту энергію, которой мнѣ такъ недоставало въ жизни

Вскорѣ докторъ ушелъ, такъ какъ у него въ Плошовѣ былъ еще одинъ больной, котораго надо было навѣстить. Больной этотъ былъ молодой клирикъ изъ Варшавской семинаріи, сынъ одного изъ плошовскихъ крестьянъ. У него была чахотка въ послѣдней степени. Тетя помѣстила его въ дворцовомъ флигелѣ и ежедневно навѣщала его вмѣстѣ съ Анелей. Узнавъ объ этомъ, я тоже отправился къ нему и сверхъ ожиданія вмѣсто умирающаго человѣка нашелъ юношу, хотя съ похудѣвшимъ, но румянымъ, полнымъ жизни и веселости лицомъ. Однако, по мнѣнію доктора, это была послѣдняя вспышка угасающей лампады. За молодымъ священникомъ присматривала мать, которая сразу по поводу тети излила на меня такой потокъ благословеній, что я, навѣрно, могъ бы въ немъ утонуть.

Анеля въ этотъ день не пришла навѣстить больного, такъ какъ все время сидѣла у матери. Я увидѣлъ ее лишь за обѣдомъ вмѣстѣ съ матерью, которую ежедневно привозятъ въ креслѣ въ столовую. Было вполнѣ естественно, что Анеля передъ тѣмъ все время провела съ матерью, но мнѣ почему-то показалось, что она избѣгаетъ встрѣчи со мной. Современемъ наши отношенія должны какъ-нибудь установиться, и я понимаю, что сначала они будутъ нѣсколько затруднительны и щекотливы. Анеля отличается такой впечатлительностью и добротой, что не сумѣетъ остаться равнодушной въ томъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, потому что у нея нѣтъ той свѣтской выдержки, съ помощью которой при самыхъ запутанныхъ условіяхъ можно сохранить внѣшнюю непринужденность. Такая выдержка вырабатывается съ лѣтами, когда начинаютъ высыхать живые источники чувствъ, когда душа становится холодной.

Что касается меня, то я далъ понять Анелѣ, что не чувствую къ ней ни обиды, ни ненависти. Впрочемъ, я никогда не буду говорить съ ней о прошломъ и потому сегодня даже не искалъ случая остаться съ ней наединѣ. За вечернимъ чаемъ мы вели общій разговоръ о томъ, что слышно у насъ и за границей. Тетя, между прочимъ, еще разспрашивала про Клару, которая сильно ее заинтересовала, я разсказывалъ все, что зналъ о ней, и постепенно начался разговоръ объ артистахъ вообще. Тетя смотритъ на артистовъ, какъ на людей, которыхъ Богъ создалъ для того, чтобы съ помощью ихъ можно было время отъ времени устраивать какія-нибудь зрѣлища въ пользу бѣдныхъ. Я утверждалъ, что артистъ, если

только обладаетъ чистымъ сердцемъ, проникнутымъ не жалкимъ самолюбіемъ, но истинной любовью къ искусству, можетъ быть самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, ибо безпрестанно соприкасается съ чѣмъ-то, безконечнымъ и безотносительно совершеннымъ. Изъ обыденной жизни вытекаетъ лишь зло, изъ искусства изливается только счастье. Это мое глубокое убѣжденіе, подкрѣпленное наблюденіями. Анеля была на моей сторонѣ, и если я записываю этотъ разговоръ, то потому, что меня поразила одна ея фраза, очень простая, но для меня очень знаменательная. Когда мы говорили объ удовлетвореніи, доставляемомъ искусствомъ, она сказала: «Музыка есть самое лучшее утѣшеніе». Я увидѣлъ въ этомъ невольное признаніе, что она несчастлива и вполнѣ это сознаетъ. Впрочемъ, для меня это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ лицѣ ея не видно даже слѣда счастья. Она почти похорошѣла, съ виду кажется спокойной, но нѣтъ въ ней жизнерадостности, веселости, напротивъ, замѣтна нѣкоторая сосредоточенность, которой прежде не было. Я замѣтилъ, что ея виски приняли легкій желтоватый тонъ, напоминающій цвѣтъ слоновой кости. Я смотрѣлъ на нее почти безпрерывно, такъ какъ это доставляло мнѣ невыразимое наслажденіе, я вспоминалъ, какою она была раньше, и съ какимъ-то страннымъ, отчасти мучительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостнымъ чувствомъ убѣждался, что это то же самое лицо, тѣ же самыя длинныя рѣсницы, тѣ же самые глаза, которые не черны, а кажутся черными, тѣ же самыя оттѣненныя нѣжнымъ пушкомъ уста. Я не могъ насытиться этой замѣной воспоминаній реальностью. Въ Анелѣ есть что-то до такой степени непреодолимо привлекательное, что если бы прежде мнѣ никогда не случилось ее видѣть, и если бы ее поставили между тысячью прекраснѣйшихъ женщинъ, а мнѣ велѣли выбирать, то чувствую, что я прямо подошелъ бы къ ней и сказалъ: «Вотъ моя избранница». Быть можетъ, на свѣтѣ есть болѣе прекрасныя, но такой, которая болѣе соотвѣтствовала бы тому прототипу женщины, который таится въ воображеніи каждаго мужчины, такой для меня нѣтъ. Мнѣ кажется, что она должна была замѣтить, что я наблюдаю за ней и восхищаюсь ею.

Изъ Плошова я выѣхалъ въ сумерки. Я былъ до того ошеломленъ впечатлѣніями дня, а мои прежнія разсужденія и надежды до такой степени были уничтожены, что чувствовалъ себя не въ силахъ предаваться самонаблюденію. Я ожидалъ найти госпожу Кромицкую, а нашелъ Анелю. Одинъ Богъ знаетъ, что изъ этого для насъ обоихъ можетъ выйти При мысли объ этомъ я одновременно испытываю впечатлѣніе и великаго счастья, и какъ бы какого-то разочарованія, ибо теоретически я былъ правъ, такъ какъ послѣ ея замужества могъ ожидать тѣхъ психическихъ перемѣнъ, которыя въ силу необходимости происходятъ въ каждой женщинѣ, и могъ ожидать, что эта женщина, по крайней мѣрѣ, дастъ мнѣ понять, что она рада, избравъ себѣ другого, а не меня. Нѣтъ другой на свѣтѣ, которая отказала бы себѣ въ этомъ удовлетвореніи собственнаго самолюбія. Зная свою впечатлительность и свои нервы, я готовъ былъ бы поклясться, что въ такомъ случаѣ я возвращался бы, исполненный горечи, ироніи, гнѣва, но вмѣстѣ съ тѣмъ излѣченный. Между тѣмъ случилось иначе, совершенно иначе. Это существо съ такой неизмѣримой

добротой сердца и простотой, что мѣра, какая была у меня для человѣческой доброты, для нея оказывается слишкомъ малой. Что теперь произойдетъ, что будетъ со мной, на это въ данную минуту мнѣ не хочется искать отвѣта. Моя жизнь могла бы течь свѣтлой, спокойной рѣкой въ то море, куда течетъ все, теперь же она низвергнется водопадомъ въ пропасть. Но пусть будетъ, что будетъ. Въ самомъ худшемъ случаѣ я буду очень несчастливъ, но, вѣдь, и съ прежнимъ своимъ душевнымъ состояніемъ мнѣ не приходилось почивать на розахъ. Не помню, но, кажется, это мой отецъ говорилъ мнѣ, что изъ жизни должно что-нибудь произрасти, ибо таковъ законъ природы. Если должно, то должно. Правда, вѣдь даже въ пустынѣ, въ глубинѣ ея сокрыты жизненныя силы, проявляющіяся роскошной растительностью въ оазисахъ.

21 апрѣля.

Я какъ будто живу въ Варшавѣ, но вотъ уже четыре дня, какъ пребываю въ Плошовѣ. Мать Анели чувствуетъ себя лучше, зато третьяго дня умеръ священникъ Латышъ. Докторъ Хвастовскій называетъ его болѣзнь «величественнымъ процессомъ легочнаго туберкулеза» и съ трудомъ скрываетъ самоудовлетвореніе, что конецъ этого величественнаго процесса онъ предсказалъ съ поразительной точностью. Мы навѣстили покойнаго за двѣнадцать часовъ до смерти. Онъ шутилъ съ нами и былъ полонъ бодрости, вслѣдствіе уменьшенія лихорадочнаго состоянія, которое именно уменьшалось вслѣдствіе общаго ослабленія. Вчера утромъ мы съ Анелей сидѣли на крыльцѣ, когда пришла мать бѣднаго священника и начала разсказывать о его смерти такъ, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ разсказываютъ крестьяне, у которыхъ горе смѣшивается съ совершеннымъ примиреніемъ съ тѣмъ, что произошло. Въ моемъ сочувствіи была доля любопытства, такъ какъ до сихъ поръ я мало сталкивался съ простымъ народомъ и мало обращалъ на него вниманія. Какимъ страннымъ языкомъ говорятъ эти люди! Я старался запомнить ея слова, чтобы потомъ ихъ записать. Старая крестьянка, въ знакъ привѣтствія, склонилась къ ногамъ моимъ и Анели, а затѣмъ, немного прикрывъ глаза ладонью, стала причитать:

— О, мой Іисусъ, о, Пресвятая Марія! Померъ мой бѣдняжка, померъ! Ему, сердечному, видно, не хотѣлось оставаться съ отцомъ да съ матерью, а захотѣлось идти къ Богу. Ни къ чему не пригодились ему ваши заботы. Напрасно только ему давали вина, потому и вино-то ему не помогло. О, Іисусъ Пресвятой, о, Іисусъ!

Въ ея голосѣ слышалось искреннее горе матери, но меня поразило то, что въ ея стонахъ и жалобахъ было что-то въ родѣ выполненія какого-то обычая. До этого времени мнѣ не приходилось слышать крестьянокъ, оплакивающихъ смерть своихъ близкихъ, а, между тѣмъ, я увѣренъ, что всѣ онѣ подобнымъ же образомъ причитаютъ, какъ будто бы для этого существуетъ какое-нибудь деревенское правило.

У Анели были слезы на рѣсницахъ. Она съ той, не поддающейся описанію добротой, какой обладаютъ только женщины, стала разспрашивать о подробностяхъ смерти, инстинктивно чуя, что передача этихъ подробностей доставитъ нѣкоторое облегченіе бѣдной женщинѣ. Дѣйствительно, старушка чуть ли не съ жадностью принялась разсказывать.

— Когда священникъ съ Святыми Дарами ушелъ отъ него, я вотъ ему и сказываю: умрешь ты, или не умрешь, на то Божья воля. Ты хорошо приготовился къ смерти, а теперь спи. Онъ говоритъ: хорошо— и вздремнулъ, а я также, потому мнѣ въ эти три ночи пришлось не мало хлопотать и горевать. Только, какъ запѣли первые пѣтухи, пришелъ мой старикъ, разбудилъ меня, и мы сидѣли оба, а онъ все спитъ и спитъ. Я говорю старику: эй, ужъ не померъ ли онъ? А старикъ говоритъ: можетъ, и вправду померъ! Потянулъ его, онъ проснулся и сказываетъ: мнѣ лучше. Полежалъ онъ малость спокойно, а потомъ сталъ усмѣхаться, глядя на мышеловку. Какъ увидѣла я это, такъ осерчала и говорю ему: ты это что же моей бѣдѣ усмѣхаешься? А онъ-то усмѣхался не моей бѣдѣ, а своей смерти, потому сейчасъ бѣдняжка сталъ тяжело дышать и къ восходу солнца его не стало.

Тутъ старуха снова начала стонать а затѣмъ пригласила насъ взглянуть на покойника, потому что она его уже одѣла, и онъ «такой красивый, какъ картинка». Анеля хотѣла было уже пойти съ нею, но я ее остановилъ; впрочемъ, баба, забывъ о своемъ желаніи, перешла къ разсказамъ о своей бѣдѣ. Мужъ ея былъ когда-то зажиточнымъ хозяиномъ, но они все потратили на воспитаніе сына. Ихъ сосѣди хозяева покупали у нихъ моргъ за моргомъ, и вотъ въ настоящее время у нихъ осталась только хата, земли ни куска. Они израсходовали тысячу двѣсти рублей, въ надеждѣ, что подъ старость о нихъ позаботится сынъ, а между тѣмъ Богъ взялъ его къ себѣ. Баба съ чисто-крестьянскимъ спокойствіемъ духа заявила намъ, что она съ мужемъ уже рѣшила тотчасъ послѣ похоронъ идти по міру. Казалось, такая перспектива ее вовсе не тревожила, она даже говорила объ этомъ съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ и только безпокоилась, какъ бы въ волостномъ правленіи не было задержки со свидѣтельствомъ, которое, не знаю для чего, ей было нужно. Въ ея разсказѣ тысячи реальныхъ подробностей смѣшивались съ воззваніями къ Іисусу Христу, къ Божьей Матери, со слезами, съ причитаніями.

Анеля побѣжала въ комнату и спустя минуту вернулась съ деньгами, которыя хотѣла вручить старухѣ, но мнѣ пришла въ голову иная мысль, казавшаяся мнѣ хорошей. Я удержалъ руку Анели и, обратившись къ бабѣ, спросилъ:

— Такъ вы израсходовали тысячу двѣсти рублей на воспитаніе сына?

— Такъ точно. Мы думали, что, какъ ему дадутъ приходъ, такъ онъ насъ возьметъ къ себѣ, но Всевышній, видно, рѣшилъ отправить насъ не въ приходъ, но на церковную паперть.

— Я вамъ подарю тысячу двѣсти рублей. Начинайте хозяйничать наново и спокойно живите въ своей хатѣ.

Я тотчасъ исполнилъ бы обѣщаніе, но у меня не было съ собой денегъ, а потому рѣшилъ взять необходимую сумму у тети и велѣлъ бабѣ придти черезъ часъ.

Она была до того изумлена, что въ теченіе нѣкотораго времени смотрѣла на меня вытаращенными глазами, не говоря ни слова, а затѣмъ почти съ крикомъ упала къ моимъ ногамъ. Мнѣ, однако, довольно скоро удалось отъ нея избавиться и особенно потому, что ей самой хотѣлось бѣжать къ мужу, чтобы сообщить ему пріятную новость. Я остался на-

единѣ съ Анелей, которая также была взволнована и сначала не знала, что сказать, и только черезъ минуту нѣсколько разъ повторила:

— Какой ты добрый! какой ты добрый!

Но я, пожавъ плечами, отвѣтилъ ей такимъ тономъ, какъ будто говорилъ о чемъ-то самомъ обыкновенномъ и натуральномъ:

— Я, Анеля, ничуть не сдѣлалъ это по своей добротѣ или изъ сочувствія къ тѣмъ людямъ, которыхъ впервые вижу. Я сдѣлалъ это единственно потому, что ты заботишься о нихъ, и съ той цѣлью, что это доставитъ тебѣ удовольствіе. Въ противномъ случаѣ я далъ бы имъ какую-нибудь незначительную подачку.

Такъ говоря, я сказалъ сущую правду. Тѣ люди столько же меня интересовали, сколько всякій иной бѣднякъ; зато, не задумываясь, я далъ бы вдвое, втрое больше для того, чтобы доставить удовольствіе Анелѣ. Притомъ я сказалъ это нарочно, такъ какъ прекрасно понималъ, что подобныя слова, сказанныя женщинѣ, необыкновенно знаменательны, такъ какъ, не будучи по формѣ признаніемъ, они тѣмъ не менѣе чуть ли не равняются признанію. Это означаетъ то же, что слова: «я сдѣлалъ бы для тебя все, потому что ты для меня все». И важнѣе еще то, что никакая женщина въ мірѣ не можетъ оградить себя отъ подобныхъ признаній и не имѣетъ права за нихъ обижаться. Мнѣ хотѣлось еще высказать это Анелѣ потому, что это вытекало изъ моихъ чувствъ. Я смягчилъ только скрытое значеніе своихъ словъ тѣмъ, что говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ. Анеля, однако, поняла все, такъ какъ опустила глаза и не знала, что мнѣ отвѣтить. Наконецъ, она съ видимымъ смущеніемъ проговорила, что ей надо идти къ матери, и оставила меня одного.

Я вполнѣ сознаю, что, поступая такимъ образомъ, ввожу въ душу Анели чуждыя ей и безпокойныя мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивленіемъ замѣчаю, что хотя, съ одной стороны, совѣсть моя этимъ возмущается и вызываетъ мучительную боязнь за душевное спокойствіе существа, ради котораго я готовъ отдать жизнь, однако, съ другой стороны, это возбуждаетъ во мнѣ какую-то хищническую радость, какъ будто отъ удовлетворенія врожденнаго въ человѣкѣ инстинкта уничтоженія. Я также убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ меня не удержатъ ни сознаніе зла, ни какіе-либо принципы. У меня слишкомъ пылкій темпераментъ, чтобы мнѣ удалось сдержать себя на этомъ пути, особенно въ виду непреодолимаго и невыразимаго очарованія, какое производитъ на меня эта женщина. Только теперь я на самомъ дѣлѣ нахожусь въ положеніи того индѣйца, который, подхваченный теченіемъ водопада, сложилъ весла и предалъ себя волѣ этого теченія. Я даже не раздумываю о своей винѣ и о томъ, что все могло быть иначе, что мнѣ надо было лишь протянуть руку тому существу, о которомъ теперь говорю себѣ: для кого же стоитъ мнѣ жить, если не для нея? Кого стоитъ любить, если не ее? Я впадаю въ детерминизмъ, и часто мнѣ кажется, что не могло быть иначе, что моя неспособность къ жизни создавалась цѣлыми поколѣніями, которыя уже давно израсходовали запасъ жизненной энергіи, что я такой былъ и такой есть, какимъ и долженъ быть, и что мнѣ ничего не остается иного, какъ сложить весла.

Нынче утромъ мы съ тетей и Анелей были на похоронахъ молодого священника. Погода все время стоитъ великолѣпная; похороны произошли утромъ и не утомили дамъ, такъ какъ церковь и кладбище отъ насъ недалеко. Странный видъ представляетъ такой деревенскій кортежъ, начинающійся священникомъ и гробомъ на возу и кончающійся толпой крестьянъ и крестьянокъ. Всѣ они поютъ необыкновенно печальныя пѣсни, напоминающія какую-то халдейскую музыку. Въ концѣ кортежа мужчины и женщины разговариваютъ сонными апатичными голосами начиная каждую фразу: «О вы мои!» Фраза эта слышалась ежеминутно На меня также производитъ странное впечатлѣніе во время такого печальнаго обряда, какъ похороны, яркіе цвѣта платковъ на головахъ дѣвушекъ. Въ церковь мы шли по рябиновой аллеѣ; время отъ времени озаряемые пробивающимися сквозь вѣтви деревьевъ солнечными лучами, платки эти отливали желтымъ, краснымъ, голубымъ цвѣтомъ, что придавало всему кортежу отчасти веселый видъ, такъ что если бы не священникъ, не возъ съ гробомъ, то со стороны можно было бы предположить, что это не похороны, а свадьба. Я также замѣтилъ, съ какимъ почти удовольствіемъ въ деревнѣ идутъ за похоронной процессіей. Вообще смерть на крестьянъ не производитъ никакого впечатлѣнія; быть можетъ, они видятъ въ ней вѣчный праздникъ? Когда мы остановились у могилы, я подмѣтилъ въ ихъ лицахъ лишь сосредоточенное вниманіе къ церемоніи и любопытство, но никакого слѣда, никакой тѣни рефлексіи, что это неумолимый, неизбѣжный конецъ, послѣ котораго начинается что-то странное и невѣдомое. Я смотрѣлъ на Анелю въ ту минуту, когда она наклонилась, чтобы бросить горсть земли на гробъ. Она была немного блѣдна, а такъ какъ солнечные лучи падали на ея лицо, то можно было читать по ея нѣжнымъ чертамъ, какъ по книгѣ. Я готовъ былъ бы поклясться, что въ эту минуту Анеля думала о собственной смерти. Мнѣ показалась, положительно, невѣроятностью, какой-то дикой нелѣпостью, мысль, что это лицо, такое выразительное, полное молодости и чувствъ, отражающихся въ этихъ чудныхъ глазахъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, запечатлѣнное столь оригинальной прелестью, — что оно когда-нибудь можетъ побѣлѣть, окаменѣть и остаться въ вѣчномъ мракѣ.

И, однако, какой-то холодъ сковалъ мои мысли. Внезапно мнѣ пришло въ голову, что первый обрядъ, на которомъ мы съ Анелей присутствуемъ въ Плошовѣ — похороны. Какъ смертельно больной человѣкъ, утратившій вѣру въ научную медицину, готовъ увѣровать въ средства знахарей, такъ смертельно больная и во всемъ сомнѣвающаяся душа моя готова увѣровать даже въ предразсудки. По всей вѣроятности, никто такъ не близокъ къ безднѣ мистицизма, какъ безотносительный скептикъ. Тѣ, которые усомнились въ религіозныхъ и соціальныхъ идеалахъ, тѣ, которые потеряли довѣріе къ могуществу знанія и человѣческаго разума, словомъ, вся масса людей наиболѣе развитыхъ, ни во что не вѣрующая, лишенная всякихъ догматовъ и надеждъ, въ настоящее время все глубже и глубже погружается въ мглу мистицизма. Онъ выступаетъ всюду, какъ реакція противъ современной жизни, основывающейся на позитивномъ ограниченіи человѣческой мысли, на ослабленіи идеаловъ, на наслажденіяхъ, на бездушномъ торгашествѣ. Человѣческій духъ начинаетъ ломать

зданіе, въ которомъ ему велѣно жить, и именно оттого, что зданіе это во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ напоминаетъ биржу. Въ концѣ каждой исторической эпохи, большей частью, наступаетъ какая-нибудь эволюція на всѣхъ поприщахъ. Мнѣ не разъ это приходило въ голову и, между прочимъ, меня приводило въ изумленіе то, что, напримѣръ, новѣйшіе крупные романисты даже сами не знаютъ, какъ мало имъ недостаетъ, чтобы стать мистиками. Впрочемъ, нѣкоторые уже сознаютъ, что они мистики, и печатно заявляютъ объ этомъ. Въ каждой книгѣ, которую въ послѣднее время мнѣ приходилось читать, я находилъ не души людей, не волю и личныя страсти, но общія роковыя силы, обладающія характеристическими особенностями страшныхъ существъ, не зависящія отъ отдѣльныхъ явленій, живущія сами въ себѣ, какъ Гетевскія матери.

Что касается меня, то я, навѣрно, также дошелъ до этой роковой грани. Вижу это и не боюсь. Бездна, вѣдь, притягиваетъ; меня лично она притягиваетъ до такой степени, что если бы уже нынче я могъ, то погрузился бы на самое ея дно и погружусь, лишь только будетъ возможно.

28 апрѣля.

Я упиваюсь этой жизнью въ Плошовѣ, ежедневнымъ обществомъ Анели и забываю, что она принадлежитъ кому-то другому. Этотъ Кромицкій, который сидитъ тамъ, въ Баку, или еще гдѣ-нибудь дальше, кажется мнѣ какимъ-то недѣйствительнымъ существомъ, лишеннымъ реальнаго бытія, какимъ-то зломъ, которое когда-нибудь наступитъ такъ, какъ, напримѣръ, наступаетъ смерть, о которой, однако, никто постоянно не думаетъ. Но вчера мнѣ послышалось нѣчто въ родѣ memento.

Съ виду незначительное и самое обыкновенное обстоятельство! Анеля утромъ, за чаемъ, получила два письма. Тетя спросила ее, не отъ мужа ли, она отвѣтила: «да». На меня это произвело такое же впечатлѣніе, какое долженъ испытывать осужденный, у котораго предъ казнью былъ сладостный сонъ, прерванный палачами, заявившими ему, что пора уже стричь волосы и идти на гильотину. Въ моемъ воображеніи съ небывалой отчетливостью предстало все мое несчастье. Весь день у меня было зловѣщее предчувствіе, тѣмъ болѣе, что тетя нехотя принялась меня мучить. Анеля хотѣла отложить чтеніе писемъ, между тѣмъ тетя велѣла ей тотчасъ читать, а затѣмъ начала разспрашивать, какъ поживаетъ Кромицкій.

— Благодарю, тетя, хорошо!—отвѣтила Анеля.

— А какъ у него идутъ дѣла?

— Слава Богу! Онъ пишетъ, что лучше, чѣмъ ожидалъ.

— Когда же вернется?

— Говоритъ, что какъ только будетъ возможно.

И мнѣ съ моей впечатлительностью приходилось выслушивать эти вопросы и отвѣты.

Если бы даже тетя съ Анелей завела какой-нибудь невѣроятно циничный разговоръ, онъ ничуть не болѣе истерзалъ бы мои нервы. Впервые со времени пріѣзда въ Плошовъ во мнѣ зашевелилось чувство глубокой горечи и обиды къ Анелѣ. «Имѣй же, по крайней мѣрѣ, хотя немного ко мнѣ состраданія и не говори при мнѣ объ этомъ человѣкѣ, не бла-

годари въ отвѣтъ на вопросъ о его здоровьѣ и не говори: «Слава Богу!»— подумалъ я въ душѣ. Между тѣмъ Анеля вскрыла другое письмо и, взглянувъ на дату, сказала: «Это предыдущее», — а потомъ принялась читать. Я посматривалъ на ея склоненную голову, на прическу, на чело и опущенныя вѣки, и мнѣ казалось, что чтеніе письма продолжается невыносимо долго. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ стало понятно, что этихъ людей, то есть ее и Кромицкаго, связываетъ цѣлый міръ общихъ интересовъ и цѣлей, что они связаны неразрывными узами, что въ силу необходимости они должны признавать эту связь и взаимную принадлежность другъ другу. Мнѣ стало понятно, что въ силу обстоятельствъ я нахожусь и буду находиться внѣ жизни Анели, хотя бы мнѣ даже удалось пріобрѣсти ея взаимность. До сихъ поръ, съ момента первой встрѣчи съ Анелей, я чувствовалъ всю глубину моего несчастья, но лишь такъ, какъ чувствуется глубина пропасти, заволакиваемой мглою. Теперь мгла разсѣялась, и предо мною раскрылась бездна во всей своей неизмѣримости.

Во мнѣ, впрочемъ, есть одна особенность, заключающаяся въ томъ, что при чрезмѣрной подавленности у меня начинается реакція въ противоположную сторону. До сихъ поръ моя любовь не смѣла чего-нибудь желать, но въ эту минуту зависть стала отчаянно требовать уничтоженія и попранія всѣхъ неумолимыхъ правъ и узъ человѣческой жизни. Анеля читала едва нѣсколько минутъ, но за это время мнѣ пришлось перенести цѣлый рядъ мученій, тѣмъ болѣе, что, какъ обыкновенно, меня угнетали и иныя мысли, бывшія анализомъ и критикой принципіальнаго страданія. Такъ, я говорилъ себѣ, что въ моемъ волненіи и горечи, которыя я чувствую, есть, однако, чуть ли не смѣшныя особенности какихъ-то женскихъ капризовъ; далѣе я думалъ, что съ такими нервами невозможно жить, и, наконецъ, задалъ себѣ вопросъ: если такое самое обыкновенное обстоятельство, какъ то, что мужъ пишетъ женѣ, а она читаетъ его письма, приводитъ тебя къ полной потерѣ равновѣсія, то что же будетъ, когда онъ сюда пріѣдетъ, и когда ежеминутно ты будешь видѣть его и констатировать ихъ взаимную принадлежность другъ другу.

Я отвѣчалъ себѣ въ душѣ: убью его!—и одновременно чувствовалъ всю комичность и глупость такого отвѣта.

Легко понять, что подобные вопросы не успокаивали меня. Анеля, кончивъ чтеніе, тотчасъ замѣтила, что я нахожусь въ какомъ-то необыкновенномъ состояніи, и начала окидывать меня безпокойными взглядами, Она принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, которыя непремѣнно нуждаются въ дружественной атмосферѣ, такъ какъ иначе имъ становится тяжело и страшно. Это вытекаетъ изъ необыкновенной нѣжности и деликатности сердца. Мнѣ помнится, что въ то время, когда старый Хвастовскій обѣдалъ не у своего сына пивовара, но во дворцѣ, тетя ежедневно ссорилась съ нимъ за обѣдомъ. Анеля, прежде чѣмъ убѣдилась, что эти ссоры не имѣютъ значенія, боялась ихъ и не могла ихъ переносить. Теперь ее, очевидно, обезпокоило мое волненіе, хотя причина его оставалась для нея непонятной. Нѣсколько разъ она заговаривала со мной о концертѣ Клары и одновременно взоръ ея спрашивалъ: «что съ тобой?»

Но я отвѣчалъ холоднымъ взглядомъ, не будучи въ состояніи про-

стить ей ни писемъ, ни разговора съ тетей. Тотчасъ послѣ чаю я всталъ и заявилъ, что мнѣ надо ѣхать въ Варшаву.

Тетя хотѣла, чтобы я остался на обѣдъ, послѣ котораго всѣ мы, согласно первоначальному уговору, предполагали ѣхать на концертъ. Но я отвѣтилъ, что у меня есть нѣсколько дѣлъ въ Варшавѣ, да и вправду мнѣ хотѣлось остаться одному. Я велѣлъ запречь лошадей, а тѣмъ временемъ тетя сказала:

— Я хотѣла бы какъ-нибудь отблагодарить Клару Гильстъ и думаю, не пригласить ли ее на одинъ день въ Плошовъ?

Очевидно, тетя считала приглашеніе въ Плошовъ такой великой наградой, что колебалась, не будетъ ли это для Клары слишкомъ много.

Черезъ минуту она опять проговорила·

— Если бы я была увѣрена, что эта особа изъ вполнѣ хорошаго общества...

— Клара Гильстъ пріятельница румынской королевы,—отвѣтилъ я съ нетерпѣніемъ, — и каждый годъ гоститъ у нея въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Если для кого-нибудь въ данномъ случаѣ будетъ честь, такъ развѣ для насъ.

— Но, но!—пробормотала тетя.

Предъ самымъ отъѣздомъ я обратился къ Анелѣ:

— А ты собираешься съ тетей на концертъ?

— Я должна быть при мамѣ, да притомъ мнѣ надо писать письма.

— О, если дѣло идетъ о чувствахъ тоскующей супруги, то въ такомъ случаѣ я не мѣшаю

На первыхъ порахъ иронія, заключавшаяся въ этихъ словахъ, доставила мнѣ облегченіе. Пусть знаетъ. что я завистливъ, подумалъ я; она такъ же, какъ тетя и ея мать, принадлежитъ къ числу женщинъ «ангельскаго сорта», не допускающихъ существованія зла. Пусть пойметъ, что я ее люблю, пусть эта мысль проникнетъ въ ея сознаніе, пусть освоится съ нею, пусть съ нею борется. Внѣдрить въ ея сознаніе такой невѣдомый ей элементъ, такой ферментъ—и это уже до извѣстной степени побѣда. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Это было для меня хотя минутное, но большое облегченіе, отчасти родственное злорадству. Однако, тотчасъ въ дорогѣ мною овладѣли гнѣвъ на самого себя и еще какое-то непріятное чувство. Я сознавалъ, что все, что я сказалъ и подумалъ, было чѣмъ-то мелочнымъ, опиравшимся на перерафинированныхъ капризныхъ нервахъ, простительныхъ истеричной женщинѣ, а не мужчинѣ. Дорога въ Варшаву была для меня тягостной, даже болѣе тягостной, чѣмъ въ то время, когда я послѣ своего послѣдняго возвращенія изъ-за границы ѣхалъ въ первый разъ въ Плошовъ. Я думалъ о томъ, что та страшная неспособность къ жизни, которая тяготѣетъ, какъ фатумъ, надъ подобными мнѣ людьми вообще, а надо мною въ частности, вытекаетъ изъ того, что въ нашихъ характерахъ женскій элементъ преобладаетъ надъ мужскимъ. Я не хочу сказать, что мы женоподобны въ физическомъ отношеніи, что мы трусы и люди безъ энергіи. Нѣтъ! это совсѣмъ дѣло другого рода. Предпріимчивости и отваги у насъ если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, столько, сколько у другихъ людей; каждый изъ насъ готовъ вскочить на невзнузданнаго коня и

мчаться, куда надо. Но въ психическомъ отношеніи про каждаго изъ насъ можно было бы сказать: она, а не онъ. Въ нашемъ духовномъ складѣ нѣтъ какого-то спокойнаго синтетическаго равновѣсія. Чуть что насъ непріятно поражаетъ, отталкиваетъ или вызываетъ нерасположеніе, мы на каждомъ шагу жертвуемъ чѣмъ-нибудь для насъ очень значительнымъ ради какого-нибудь, сравнительно, пустяка. Доказательствомъ этого можетъ служить мое прошлое. Вѣдь, я пожертвовалъ невыразимымъ счастьемъ всей жизни, своей будущностью и будущностью любимой женщины лишь оттого, что въ свое время прочелъ въ письмѣ тети, будто Кромицкій намѣревается просить руки Анели. Мои нервы закусили удила и понесли меня туда, куда я вовсе не хотѣлъ. Это было не что иное, какъ проявленіе болѣзни воли. Но такой болѣзнью страдаютъ онѣ, но не они. Что же удивительнаго, если и теперь я поступаю, какъ женщина, подверженная истеріи. Это несчастье, явившееся на свѣтъ вмѣстѣ со мною, которое создавалось цѣлыми поколѣніями съ добавленіемъ всѣхъ условій жизни, въ которыхъ намъ приходится жить.

Эта попытка снять съ себя отвѣтственность не доставила мнѣ никакого утѣшенія. Пріѣхавъ въ Варшаву, я прежде всего имѣлъ намѣреніе навѣстить Клару, но у меня началась сильнѣйшая головная боль, которая прекратилась только къ вечеру, предъ самымъ прибытіемъ тети.

Тетя застала меня уже одѣтымъ, и вскорѣ мы поѣхали на концертъ, который удался великолѣпно. Слава Клары привлекла массу интеллигенціи, весь музыкальный міръ и все высшее общество. Я видѣлъ множество знакомыхъ и между ними Снятыньскихъ. Зала была переполнена. Но я находился въ такомъ дурномъ настроеніи, нервы мои были такъ разстроены, что меня все сердило. Не знаю почему, но у меня явилось опасеніе, что Клара потерпитъ фіаско. Въ моментъ ея выхода на эстраду случилось, что она потянула по полу за собой афишу, прицѣпившуюся къ ея платью. Мнѣ показалось, что это дѣлаетъ ее смѣшной. Сама она, одѣтая въ бальное платье, отдѣленная отъ публики пустымъ пространствомъ эстрады, производила на меня впечатлѣніе скорѣе посторонней мнѣ артистки, чѣмъ близкой знакомой и пріятельницы. Невольно я спрашивалъ самого себя, неужели это та самая Клара, съ которой меня соединяли такія дружескія, сердечныя отношенія? Тѣмъ временемъ привѣтственные апплодисменты затихли. На лицахъ присутствующихъ появилось то выраженіе осмысленной сосредоточенности и серьезности, съ помощью которыхъ люди, не имѣющіе никакого понятія объ искусствѣ, притворяются знатоками и судьями Клара сѣла къ рояли, и, хотя я былъ золъ на нее, какъ и на весь свѣтъ, тѣмъ не менѣе долженъ былъ сознаться въ душѣ, что все въ ней полно благородства, художественности и простоты. Она стала играть концертъ Мендельсона, который я знаю наизусть, и оттого ли, что чувствовала, что всѣ ожидаютъ отъ нея слишкомъ многаго, или оттого, что была взволнована необыкновенно сердечнымъ пріемомъ, довольно того, что она начала играть хуже, чѣмъ я ожидалъ. Это мнѣ причинило большое огорченіе. Я съ удивленіемъ взглянулъ на Клару, и взоры наши встрѣтились. Выраженіе моего лица смутило ее окончательно, и опять мнѣ послышалось нѣсколько мутныхъ аккордовъ, безъ должной силы и выразительности. Я былъ уже увѣренъ

въ фіаско. Никогда еще рояль съ своими тонами, въ которыхъ отсутствіе пѣвучести еще рельефнѣе выдѣляется вслѣдствіе разстоянія, не казалась мнѣ такимъ жалкимъ концертнымъ инструментомъ. Порою мнѣ казалось, будто я слышу отрывистые звуки арфы. Спустя нѣкоторое время къ Кларѣ вернулось равновѣсіе, но, по моему мнѣнію, весь концертъ она сыграла слабо. Каково же, однако, было мое изумленіе, когда послѣ окончанія въ залѣ раздались такіе апплодисменты, какихъ мнѣ никогда не приходилось слышать въ Парижѣ, гдѣ Клару принимали съ исключительнымъ энтузіазмомъ. Извѣстные музыканты повставали съ мѣстъ и оживленно стали бесѣдовать съ рецензентами; въ ихъ прояснившихся лицахъ можно было видѣть очевидное удовлетвореніе. Апплодисменты продолжались до тѣхъ поръ, пока Клара не показалась на эстрадѣ. Она вышла съ опущенными глазами, а я, который умѣлъ читать по ея лицу, ясно читалъ: «Вы очень добры, спасибо вамъ, но было плохо, и мнѣ хочется плакать!» Я тоже апплодировалъ, за что она окинула меня мимолетнымъ, полнымъ упрека взглядомъ. Клара слишкомъ искренно и глубоко любитъ искусство, чтобы ее могли удовлетворить незаслуженные апплодисменты. Я почувствовалъ къ ней состраданіе и хотѣлъ пойти къ ней, чтобы ободрить ее, но неумолкающіе крики: «браво» не пустили ее съ эстрады. Она опять сѣла и сверхъ программы заиграла сонату cis-mol Бетховена.

По моему мнѣнію, нѣтъ на свѣтѣ произведенія, въ которомъ можно было бы такъ ясно чувствовать душу, терзаемую какимъ-то трагическимъ безпокойствомъ. Я говорю собственно о третьей части сонаты: «presto agitato». Настроеніе ея, очевидно, гармонировало съ минутнымъ раздраженіемъ Клары, а также съ моимъ настроеніемъ. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось слышать Бетховена въ такомъ великолѣпномъ исполненіи и никогда не удавалось такъ ясно понять и прочувствовать его. Я не музыкантъ, но тѣмъ не менѣе предполагаю, что и музыканты не знали до сихъ поръ, сколько красоты и силы заключается въ этой сонатѣ. Не умѣю иначе опредѣлить испытанное всѣми впечатлѣніе, какъ словомъ: подавленность! Чувствовалось, что происходитъ что-то мистическое, открывается видѣніе какой-то находящейся за предѣлами міра пустоты, невыразимо печальной, наполовину озаренной блѣднымъ свѣтомъ луны, среди которой слышатся стоны безнадежнаго отчаянія. Это было что-то страшное, проникающее въ душу, ибо происходило какъ бы уже за предѣлами бытія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреодолимо манящее, ибо, по крайней мѣрѣ, что касается меня, никогда музыка такъ еще не приближала меня къ чему-то абсолютному. Со мною случилась чуть ли не галлюцинація. Мнѣ почудилось, что въ этой пустотѣ, въ этой безформенности, въ этомъ мракѣ я ищу кого-то, болѣе дорогого мнѣ, чѣмъ весь міръ, безъ котораго не умѣю, не могу и не буду жить, и ищу, сознавая, что долженъ искать цѣлую вѣчность, и что никогда его не найду. Сердце мое такъ сжималось, что мнѣ даже трудно было дышать; я не обратилъ вниманія на внѣшнюю сторону игры, которая, впрочемъ, должна была отличаться тѣмъ совершенствомъ, при которомъ не можетъ быть вопроса. Всѣ слушатели испытали подобное впечатлѣніе, не исключая самой Клары.

Кончивъ играть, она нѣкоторое время оставалась неподвижной, съ

устремленными глазами, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и полуоткрытыми устами. Это вовсе не былъ искусственный эффектъ, но лишь простое, стоящее выше всякаго сомнѣнія, вдохновеніе и забытье.

Въ залѣ царила глухая тишина, какъ будто люди ждали еще что-то, какъ будто онѣмѣли отъ печали или старались уловить послѣднее эхо того рыдающаго отчаянія, которое увлекъ съ собою внѣміровой вихрь. Позже произошло что-то такое, что, по всей вѣроятности, никогда не случалось ни на одномъ концертѣ. Въ залѣ раздались такія восклицанія, какъ будто всѣмъ собравшимся угрожала катастрофа. Нѣсколько рецензентовъ и знаменитостей музыкальнаго міра приблизились къ эстрадѣ. Я видѣлъ головы, наклоняющіяся къ рукамъ Клары. На рѣсницахъ ея блестѣли слезы, лицо же было вдохновенное, ясное, спокойное. Я подошелъ вмѣстѣ съ другими къ ней, чтобы пожать ей руку.

Съ первой минуты нашего знакомства до этого времени Клара обыкновенно говорила со мной по-французски и только сегодня впервые она обратилась ко мнѣ по-нѣмецки:

— Haben Sie mich verstanden?

— Ja,—отвѣтилъ я ей, und ich war sehr unglücklich.

Такъ было въ дѣйствительности. Продолженіе концерта было для Клары сплошнымъ великимъ тріумфомъ. Послѣ окончанія концерта, Снятыньскіе забрали ее къ себѣ на вечеръ. Мнѣ не хотѣлось ѣхать. Вернувшись домой, я почувствовалъ такую усталость, что въ одеждѣ бросился на кушетку и лежалъ такимъ образомъ цѣлый часъ. Только за минуту предъ тѣмъ, какъ взяться за дневникъ, я замѣтилъ, что безпрерывно думаю о похоронахъ священника, объ Анелѣ и о смерти. Потомъ я велѣлъ подать себѣ лампу и началъ писать.

28 апрѣля.

Письма Кромицкаго до такой степени подавили меня, что это впечатлѣніе продолжается до сихъ поръ. Безосновательное чувство горечи къ Анелѣ проходитъ; чѣмъ болѣе я сознаю, насколько несправедлива была моя рѣзкость ко отношенію къ ней, тѣмъ съ большей нѣжность, думаю о ней. Но зато все яснѣе вижу, съ какой роковой неутомимостью соединяетъ этихъ людей сама сила фактовъ. Со вчерашняго дня нахожусь въ когтяхъ этой мысли, и оттого я не поѣхалъ нынче въ Плошовъ. Тамъ мнѣ надо слѣдить за собой, надо быть спокойнымъ или притворяться таковымъ, въ данное же время для меня это невозможно. Все, что есть во мнѣ: мысли, чувства, впечатлѣнія слились въ одинъ протестъ противъ того, что случилось. Не знаю, можетъ ли быть положеніе болѣе отчаянное, чѣмъ то, когда человѣкъ не можетъ примириться съ чѣмъ-нибудь, протестуетъ частью своего мозга и сердца и одновременно чувствуетъ себя безсильнымъ предъ свершившимся фактомъ. Для меня также понятно, что это есть лишь начало того, что ждетъ меня впереди. Ничего нельзя сдѣлать, ровно ничего! Она вышла замужъ, она уже госпожа Кромицкая, принадлежитъ ему и будетъ принадлежать навсегда я же, который не можетъ съ этимъ примириться, ибо, примирившись, не могъ бы существовать, долженъ примириться. Съ одинаковымъ результатомъ я могъ бы протестовать противъ силы притяженія земли, какъ и противъ такого порядка вещей, въ силу котораго женщина, вышедшая замужъ, принад-

лежитъ мужу. Слѣдовательно, что же? Примириться съ такимъ порядкомъ вещей? Развѣ мнѣ поможетъ пустое, безсмысленное слово: «примиряюсь»— коль скоро во всемъ существѣ нѣтъ ни тѣни примиренія? Порою у меня мелькаетъ мысль уѣхать отсюда, но я прекрасно чувствую, что безъ этой единственной женщины свѣтъ для меня имѣетъ столько же значенія, сколько смерть, то есть столько же, сколько небытіе, и что еще болѣе, я заранѣе знаю, что не уѣду, такъ какъ для этого у меня не хватитъ силы. Не разъ я думалъ, что людская нищета можетъ быть большей, чѣмъ можетъ представить ее человѣческое воображеніе, и что можетъ быть такое положеніе, когда мысли о нищетѣ доходятъ до возможнаго для нихъ предѣла, а она, какъ море, идетъ все далѣе и далѣе. Въ эту минуту мнѣ кажется, что я плыву по такому морю.

Но, нѣтъ. Есть что-то, что мнѣ остается. Когда то я читалъ въ мемуарахъ Аміеля, что дѣйствіе есть лишь сгущенная до состоянія матеріи мысль. Но мысль можетъ остаться въ отвлеченномъ состояніи— чувство же никогда. Теоретически мнѣ это было извѣстно и прежде, однако, лишь въ данный моментъ я провѣрилъ эту аксіому на самомъ себѣ. Со времени своего возвращенія въ Плошовъ вплоть до настоящей минуты я еще ни разу не сказалъ самому себѣ ясно и опредѣленно, что жажду взаимности Анели, хотя это таилось въ глубинѣ моей души. На самомъ дѣлѣ, я зналъ, о томъ, что жажду ея и жаждалъ. Каждый мой взглядъ, каждое слово всѣ поступки стремились только къ этой цѣли. Чувство, которое не выражается желаніемъ и дѣйствіемъ, есть ничто. Такъ пусть же эти слова будутъ произнесены: желаю! желаю стать для Анели наиболѣе желаннымъ и наиболѣе любимымъ существомъ, какимъ является она для меня, желаю обладать ея взаимностью, всѣми ея мыслями, ея душой—и не думаю ограничивать своихъ желаній; сдѣлаю все, что повелитъ мнѣ сердце, и употреблю всѣ средства, какія мой умъ признаетъ самым дѣйствительными, чтобы пріобрѣсти ея взаимность. Я отниму у Кромицкаго Анелю настолько, насколько буду въ состояніи, и даже отниму ее всецѣло, если только она на это согласится. Такимъ образомъ у меня будетъ цѣль въ жизни, я буду знать, для чего пробуждаюсь утромъ, для чего питаюсь днемъ, для чего подкрѣпляю себя ночью сномъ. Я не буду вполнѣ счастливымъ, ибо для этого мнѣ надо было бы не только овладѣть ею всецѣло для себя, но и отомстить тому за то, что онъ обладалъ ею, однако, все же мнѣ будетъ чѣмъ жить. Въ этомъ мое спасеніе. И это не есть рѣшеніе, принятое въ эту минуту, нѣтъ, это лишь констатированіе всѣхъ тѣхъ силъ, которыя движутся во мнѣ, той воли и тѣхъ желаній, которыя заключаются въ природѣ чувства и составляютъ нераздѣльную часть его сущности.

Я отгоняю отъ себя всякіе принципы. Боязнь, что Анеля будетъ несчастлива, когда меня полюбитъ, должна исчезнуть предъ той волной, какъ весь міръ, правдой, что само присутствіе въ сердцѣ любви уже наполняетъ жизнь, даетъ ей пищу и въ сто тысячъ разъ стоитъ болѣе, чѣмъ пустота и ничтожность жизни.

Тысячи лѣтъ тому назадъ уже знали на свѣтѣ, что хорошимъ и нравственнымъ является лишь то, что усиливаетъ жизнь, а пустота и ничтожество заключаются въ царствѣ зла. Минута, въ которую это лю-

бимое, желанное существо склонится ко мнѣ на грудь, въ которую эти дорогія уста прильнутъ къ моимъ, будетъ актомъ добра и правды. Среди сомнѣній, заволакивающихъ мой умъ, она одна ярко сіяетъ, и единственно о ней я могу сказать: вѣрю, что такъ есть. Наконецъ-то, мнѣ удалось найти что-нибудь болѣе опредѣленное въ жизни. Я прекрасно знаю, какой антагонизмъ существуетъ между этой моей вѣрой и той разсчетливой моралью, вырабатываемой для ежедневнаго пользованія людей, знаю, что и для Анели міръ этотъ покажется чуднымъ, страшнымъ, но я возьму ее за руку и поведу въ этотъ міръ, ибо съ искреннимъ убѣжденіемъ буду въ состояніи сказать ей: тамъ добро и правда.

Я нахожу подкрѣпленіе въ подобныхъ мысляхъ. Однако, большая часть дня прошла для меня очень плохо, такъ какъ меня не оставляло сознаніе собственнаго безсилія предъ тѣми условіями, въ какихъ мы находимся съ Анелей. Мнѣ даже приходитъ въ голову мысль, что она, быть можетъ, любитъ Кромицкаго. Къ счастью, прибытіе доктора Хвастовскаго прервало нить такого рода предположеній. Онъ пріѣхалъ изъ Плошова на консиліумъ со старшимъ докторомъ, котораго въ свое время приглашали къ госпожѣ П. Предъ отъѣздомъ Хвастовскій пришелъ навѣстить меня и сказалъ, что его паціентка чувствуетъ себя такъ же, какъ всегда, но что у госпожи Кромицкой утромъ была сильная головная боль, и она не пришла къ утреннему чаю.

Затѣмъ онъ сталъ долго говорить объ Анелѣ, а я охотно слушалъ его, потому что это до извѣстной степени замѣняло ея присутствіе и ея видъ. Хвастовскій, впрочемъ, говорилъ, какъ человѣкъ, хотя молодой, но интеллигентный Онъ высказалъ мнѣ, что предпочитаетъ смотрѣть на людей съ недовѣріемъ, не потому, чтобы такое отношеніе, по его мнѣнію, было правильнымъ, но потому, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно самое безопасное. Однако, что касается госпожи Кромицкой, то онъ полагаетъ, что можетъ съ полной увѣренностью причислить ее къ натурамъ, высшимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Молодой докторъ, вообще, отзывался о ней съ такой горячностью, что у меня мелькнуло предположеніе, не питаетъ ли онъ къ ней въ глубинѣ души что-нибудь большее, чѣмъ симпатію.

Предположеніе это не причинило мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія, навѣрно, въ виду громаднаго разстоянія, отдѣляющаго этого недавняго студента отъ Анели. Напротивъ, я былъ ему благодаренъ за то, что онъ оцѣнилъ ее, и задержалъ его подольше, такъ какъ, помимо этого, бесѣда съ нимъ охраняла меня отъ слишкомъ тягостныхъ мыслей. Въ теченіе разговора я спросилъ его, какіе у него планы относительно будущаго. Хвастовскій отвѣтилъ мнѣ, что прежде всего ему необходимо собрать немного денегъ для отъѣзда за границу, гдѣ будетъ учиться въ клиникахъ, а затѣмъ онъ вернется на родину и поселится въ Варшавѣ.

— Что вы понимаете подъ словомъ «поселиться въ Варшавѣ»?

— Работу въ какой-нибудь больницѣ и частную практику.

— И вы, навѣрно, женитесь?

— Придетъ время и для этого, но не сейчасъ.

— Если не вспыхнетъ какое-нибудь чувство и не овладѣетъ волей. Вы, какъ докторъ, сами знаете, что любовь—физіологическая потребность.

Однако, молодой Хвастовскій, очевидно, считалъ себя трезвымъ и

умнымъ человѣкомъ, стоящимъ выше людскихъ слабостей, а потому пожалъ своими широкими плечами, погладилъ свои подстриженные волосы и проговорилъ:

— Потребность признаю, но не желаю признавать за ней большее значеніе, чѣмъ ей полагается. Для каждой потребности есть средство.

При этомъ онъ побѣдоносно усмѣхнулся, но я серьезно замѣтилъ:

— Вникнувъ нѣсколько глубже въ вопросъ чувства, кто знаетъ, стоитъ ли жить для чего-нибудь иного?

Хвастовскій съ минуту подумалъ, а затѣмъ возразилъ:

— Нѣтъ! есть масса иныхъ дѣлъ: хотя бы наука и обязанности по отношенію къ обществу. Я ничего не говорю противъ брака: человѣкъ долженъ жениться и для себя самого, и для того, чтобы имѣть дѣтей, такъ какъ это даже общественная обязанность. Но бракъ одно, а безпрестанные романы—другое.

— Какъ вы это понимаете?

— Понимаю такъ, что мы муравьи, которые строятъ муравейникъ. Мы люди труда и не имѣемъ времени на то, чтобы посвящать жизнь преимущественно женщинамъ и любви. Это хорошо для тѣхъ, которые могутъ ничего не дѣлать, или которые не желаютъ ничего иного дѣлать.

Сказавъ это, онъ взглянулъ на меня, какъ человѣкъ, который говоритъ отъ имени самыхъ сильныхъ въ странѣ людей и говоритъ одинаково сильно, какъ и умно. Я смотрѣлъ съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ на этотъ здоровый экземпляръ человѣческой породы, и признаюсь, что, если оставить въ сторонѣ нѣкоторую юношескую, почти студенческую гордость, то, что онъ говорилъ, было вовсе не глупо. Правда, женщина и любовь къ ней не играютъ даже половины той необыкновенной роли въ жизни людей труда или въ жизни людей, стремящихся къ серьезной цѣли. Крестьянинъ женится, лишь бы жениться и завести свое хозяйство. Въ дѣйствительности, способность его къ глубокимъ чувствамъ очень незначительна, хотя поэты и беллетристы стараются увѣрить насъ въ чемъ-то иномъ. Человѣкъ науки, государственный дѣятель, полководецъ, политикъ посвящаютъ женщинѣ едва маленькую частицу жизни. Исключеніе составляютъ артисты. Ихъ спеціальность—любовь, такъ какъ само искусство существуетъ благодаря женщинѣ и любви. Вообще, только въ богатыхъ классахъ, гдѣ множество людей уклоняется отъ работы, всемогуще царитъ женщина и заполняетъ такимъ людямъ жизнь снизу доверху. Она овладѣваетъ всѣми ихъ мыслями, становится двигателемъ всѣхъ ихъ поступковъ, исключительной цѣлью ихъ стараній. И не можетъ быть иначе. Въ данномъ случаю беру себя въ примѣръ. Общество, къ которому я принадлежу, правда, не можетъ считаться такимъ богатымъ, какъ иныя, но я лично—человѣкъ состоятельный. Этой состоятельностью я воспользовался такимъ образомъ, что никогда ничего не дѣлалъ, вслѣдствіе чего не имѣлъ и не имѣю опредѣленной цѣли въ жизни Быть можетъ, было бы иначе, если бы я родился англичаниномъ или нѣмцемъ, но притомъ надо мной еще тяготѣлъ тотъ роковой первородный грѣхъ, который называютъ «l' improductivité slave». Ни одинъ изъ факторовъ нынѣшней цивилизаціи не увлекъ меня и не заполнилъ мнѣ души по той простой причинѣ, что эта цивилизація пропитана скептицизмомъ. Коль скоро она

сама сознаетъ, что кончается и сомнѣвается въ себѣ, то мудрено требовать, чтобы я въ нее увѣровалъ и посвятилъ ей жизнь. Вообще, мнѣ приходилось жить какъ бы въ воздухѣ, такъ какъ я не могъ утвердиться на землѣ. Если бы я былъ человѣкомъ сухимъ, холоднымъ, очень глупымъ или звѣрски-чувственнымъ, то ограничился бы растительнымъ прозябаніемъ или удовлетвореніемъ звѣриныхъ потребностей и какъ-нибудь существовалъ бы, но случилось какъ разъ наоборотъ. Я родился съ живымъ умомъ, съ богатой натурой и съ недюжинными жизненными силами. Эти силы должны были найти выходъ и могли ихъ найти только въ любви къ женщинѣ. Мнѣ не оставалось ничего иного. Я сознаю это и подчиняюсь, ибо напрасна была бы борьба. Любовь къ женщинѣ—единственный смыслъ, единственная основа моей жизни. Все мое несчастіе заключается въ томъ, что, какъ дитя больной цивилизаціи, я выросъ криво, а потому и любовь пошла у меня криво.

Простота понятій была бы для меня счастьемъ, но что объ этомъ говорить. Каждый горбунъ радъ былъ бы избавиться отъ своего горба, но жаль только, что не можетъ, такъ какъ онъ былъ горбатымъ уже въ чревѣ своей матери. Точно также мой горбъ созданъ условіями цивилизаціи и эпохи, которая произвела меня на свѣтъ. Но кривой я или простой, а долженъ любить—и хочу.

4 мая.

Умъ мой совершенно подчинился чувствамъ и сталъ уже тѣмъ возницей, который слѣдитъ единственно лишь за тѣмъ, чтобы не разбилась колесница. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я опять въ Плошовѣ, и все, что говорю и дѣлаю, является лишь тактикой любви. Докторъ Хвастовскій очень кстати предписалъ Анелѣ для здоровья ежедневную прогулку по парку. Сегодня утромъ я нашелъ ее тамъ. Бываютъ минуты, когда чувство, питаемое въ сердцѣ, хотя бы и доходящее до сознанія проявляется съ необыкновенной силой и чуть ли не пугаетъ своими размѣрами. Такая минута была у меня сегодня, когда на поворотѣ аллеи я увидѣлъ Анелю. Никогда еще она не казалась мнѣ болѣе прекрасной и болѣе желанной. Это именно та единственная въ мірѣ женщина, которую велѣніемъ таинственныхъ силъ предназначено мнѣ привлечь, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, овладѣть ею, возбудить въ ней привязанность ко мнѣ, стать моей цѣлью и содержаніемъ жизни. Ея голосъ, фигура, взглядъ опьяняютъ меня. Сегодня когда я къ ней приближался, мнѣ казалось, что она обладаетъ не только своей собственной красотой, но и красотой этого утра, этой весны, этой погоды, этой радости птицъ и благоуханія растеній, вслѣдствіе чего она для меня болѣе, чѣмъ женщина, ибо является воплощеніемъ красоты и очарованія всей природы. И вотъ у меня мелькнула мысль, что если природа создала ее такъ, что она сильнѣе дѣйствуетъ на меня, чѣмъ на какого-либо иного мужчину, то тѣмъ самымъ предназначила ее мнѣ и что это мое право попрано ея замужествомъ. Кто знаетъ, не происходятъ-ли всѣ несчастья человѣчества, именно, вслѣдствіе нарушенія такихъ правъ, и не въ томъ-ли заключается все несовершенство жизни? Люди невѣрно представляютъ себѣ любовь съ завязанными глазами. Напротивъ: ничто, ни одна, даже самая незначительная, подробность не ускользаетъ отъ ея взора, она видитъ все въ любимомъ существѣ, все

замѣтить, только все расплавляетъ своимъ пламенемъ въ одно великое и простое: люблю. Приближаясь къ Анелѣ, я замѣтилъ, что глаза ея еще блестятъ, какъ бы только что со сна, что на ея лицо и свѣтлое ситцевое платье падаетъ золотисто-зеленоватый свѣтъ солнечныхъ лучей, процѣженныхъ сквозь листья молодыхъ грабовъ, что волосы ея небрежно причесаны, что сквозь легкую свободную блузу съ невыразимымъ очарованіемъ обрисовывается ея стройный станъ и плечи, что въ ея прическѣ и костюмѣ есть какая-то небрежность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то свѣжесть, которая въ тысячу разъ усиливаетъ ея прелесть. Отъ моего вниманія не ускользнуло, что въ этой аллеѣ высокихъ грабовъ ея фигура кажется меньше, чѣмъ обыкновенно, и столь молодою, что напоминаетъ дѣтскую, словомъ, ничто не ускользнуло отъ моего вниманія, но всѣ наблюденія слились въ одинъ восторгъ человѣка, который любитъ безъ памяти.

На мое привѣтствіе Анеля отвѣтила мнѣ съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ она меня боится, такъ какъ я гипнотизирую ее каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ. Ясность ея мыслей уже омрачена, ферментъ введенъ въ душу. Анеля не могла не замѣтить, что я ее люблю, и въ то же время для меня совершенно ясно, что она ни за какія сокровища міра не хочетъ признаться въ этомъ даже передъ собой. Подчасъ я испытываю такое впечатлѣніе, какъ будто держу въ рукѣ голубя и подъ пальцами чувствую, какъ неспокойно бьется его испуганное сердце. Мы шли въ молчаніи, котораго я нарочно не прерывалъ Конечно, такого рода положеніе ей тягостно, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ ее до извѣстной степени моей сообщницей и приближаетъ меня къ цѣли. Въ окружающей насъ тишинѣ, мы слышали только скрипъ песку подъ нашими ногами и веселое посвистываніе иволгъ, которыхъ всегда очень много въ паркѣ.

Наконецъ я началъ разговоръ и направлялъ его такъ, какъ мнѣ самому хотѣлось, ибо, хотя умъ мой былъ закрытъ отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, не имѣющихъ связи съ моимъ чувствомъ, зато въ предѣлахъ моего чувства обладалъ чуть ли не удвоеннымъ сознаніемъ и такой быстротой проникновенія, какимъ обладаютъ люди, погруженные въ магнетическій сонъ, которые въ данномъ направленіи видятъ яснѣе нормальныхъ людей. Мы быстро перешли къ личнымъ дѣламъ. Я говорилъ о себѣ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ самымъ близкимъ существомъ, которое одно на свѣтѣ имѣетъ право знать все. Между нами создавался общій міръ, принадлежащій лишь намъ двоимъ. Такъ какъ подобная связь, въ виду ея замужества, должна была существовать только между нею и мужемъ, то, слѣдовательно, тѣмъ самымъ я велъ ее къ духовной измѣнѣ такими небольшими шагами, что она не могла ихъ даже замѣтить.

Однако, эта нѣжная натура почувствовала, что мы идемъ какой-то необычайной дорогой. Я велъ ее какъ бы за руку все далѣе и далѣе, но одновременно чувствовалъ нѣкоторое моральное сопротивленіе. Я прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что сопротивленіе это тотчасъ усилилось бы, если бы мнѣ захотѣлось увлечь ее за собой сильнѣе, или если бы опасность была такъ неуловима. Но я видѣлъ ясно, что преимущество на моей сторонѣ, и что медленно, постепенно мнѣ удастся заевсти ее туда, куда я пожелаю.

Тѣмъ временемъ я умышленно говорилъ о прошломъ.

— Помнишь ли, — сказалъ я, — какъ въ былое лучшее время ты однажды спросила меня, почему я не живу на родинѣ и даромъ трачу тѣ способности, которыя люди видятъ во мнѣ. Что касается меня, то я помню каждое твое слово. Это было въ то время, когда я поздно вернулся изъ города, а ты ждала моего возвращенія... Мнѣ трудно даже сказать, какое ты имѣла на меня громадное вліяніе. Я не могъ сразу взяться за какую-нибудь работу, такъ какъ мнѣ пришлось уѣхать; затѣмъ умеръ мой отецъ... Но слова твои глубоко запали мнѣ въ душу скажу тебѣ правду, что если я вернулся, если намѣреваюсь поселиться здѣсь навсегда и что-нибудь дѣлать, если, наконецъ, чего-нибудь добьюсь то это будетъ твое вліяніе и твоя заслуга.

Между нами наступило минутное молчаніе, мнѣ слышалось только безпрестанное посвистываніе иволгъ. Анеля, очевидно, подыскивала отвѣтъ и, наконецъ, проговорила:

— Мнѣ невозможно повѣрить, чтобы у такого человѣка, какъ ты, не было иныхъ болѣе важныхъ поводовъ. Ты прекрасно знаешь, что это твой долгъ, а то миновало, и теперь все совершенно иное.

— Иное и не иное,—отвѣтилъ я.—Быть можетъ, когда я примусь за какую-нибудь работу, то современемъ найду въ ней самой поддержку и цѣль. Но человѣкъ, подобный мнѣ, который, вопреки тому, что ты говоришь, даже не считалъ своимъ долгомъ заняться чѣмъ-нибудь, долженъ имѣть какіе-нибудь личные поводы къ радикальной перемѣнѣ жизни... И чѣмъ ему хуже на свѣтѣ, тѣмъ ему нужнѣе такой личный поводъ... Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ лгать передъ тобой?.. Я далеко не счастливъ... Чувство долга по отношенію къ обществу — прекрасная вещь, только, къ несчастью, у меня его нѣтъ. Ты, которая лучше и благороднѣе меня, могла бы этому меня обучить... Но, увы, случилось иначе... Впрочемъ, даже теперь, хотя бы только въ память того, что нѣкогда ты требовала отъ меня труда, хотя бы только черезъ тебя и для тебя, я сумѣлъ бы что-нибудь предпринять.

Анеля прибавила шагу, какъ бы желая поскорѣе вернуться домой. и отвѣтила мнѣ почти шопотомъ:

— Не говори такъ, Леонъ, прошу тебя, не говори такъ. Вѣдь, ты понимаешь, что я не могу этого принять отъ тебя.

— Почему не можешь? Не принимай мои слова въ дурномъ смыслѣ. Ты для меня всегда была и будешь любимѣйшей сестрой. Ничего болѣе я не хотѣлъ тебѣ сказать.

Анеля съ почти лихорадочной поспѣшностью подала мнѣ руку, которую я медленно и съ величайшимъ благоговѣніемъ поднесъ къ губамъ.

— Да, я останусь, навсегда останусь твоей сестрой,—быстро проговорила она.

Я видѣлъ, что какъ будто камень упалъ съ ея сердца, до того успокаивало и трогало ее одно лишь слово: сестра. Это подѣйствовало на меня настолько, что и я смогъ овладѣть собой, такъ какъ въ первый моментъ, когда я прикоснулся губами къ этой дорогой рукѣ, у меня почти потемнѣло въ глазахъ, и мнѣ хотѣлось обнять ее, прижать къ своей груди и высказать всю правду.

Между тѣмъ лицо Анели прояснилось и стало веселѣе. По мѣрѣ нашего приближенія къ дому безпокойство ея исчезало, я же, видя, какъ сильно расположилъ ее къ себѣ, идя такимъ путемъ, продолжалъ спокойнымъ, обыкновеннымъ тономъ.

— Видишь ли, сестрица, кругомъ меня пустота. Отецъ мой умеръ, тетя святая женщина, но намъ трудно понять другъ друга, потому что она ни новаго времени, ни новыхъ людей не понимаетъ. Ея міросозерцаніе совершенно противоположно моему. Я никогда не женюсь, и вотъ подумай, какъ я одинокъ! Никого вокругъ! Нѣтъ никого, съ кѣмъ мнѣ можно было бы подѣлиться мыслью или планомъ, или кому могъ бы повѣдать свое горе... Пустота и пустота... Скажи же сама, что въ томъ удивительнаго, если ищу сочувствія тамъ, гдѣ надѣюсь его найти... Я, какъ нищій-калѣка, который стоитъ у воротъ въ ожиданіи, не дадутъ ли ему нѣсколько грошей. Въ эту минуту этотъ нищій, на самомъ дѣлѣ, очень бѣдный, стоитъ подъ твоимъ окномъ и проситъ хотя немного расположенія, дружбы и милосердія. Онъ даже не думаетъ о чемъ-нибудь большемъ, какъ только о милостынѣ... и ты, вѣдь, не откажешь ему въ милостынѣ?.. не правда ли?

— Правда, Леонъ,—отвѣтила Анеля,—правда, тѣмъ болѣе, что если тебѣ такъ тяжело...

Тутъ слова ея прервались, а уста начали дрожать. Снова мнѣ пришлось употребить всѣ усилія, чтобы не пасть къ ея ногамъ. Я самъ до такой степени былъ растроганъ ея видомъ, что у меня спазматически сжалось горло.

— Анеля! Анеля! — воскликнулъ я, не зная, что мнѣ сказать ей.

Но она сдѣлала нѣсколько движеній руками, какъ бы желая отстраниться отъ меня, и, наконецъ, со слезами проговорила:

— Сейчасъ, сейчасъ!.. я успокоюсь. Мнѣ нельзя такъ вернуться... позволь мнѣ...

И она быстро удалилась.

— Извини меня, Анеля!—воскликнулъ я ей вслѣдъ.

Въ первую минуту мнѣ непремѣнно хотѣлось бѣжать за ней, но затѣмъ у меня мелькнула мысль, что ее надо оставить одну, и потому я лишь слѣдилъ за ней глазами. Анеля поспѣшно вернулась въ ту самую аллею, по которой мы ходили раньше, потомъ свернула въ сторону. Иногда чаща заслоняла ее, затѣмъ опять ея свѣтлое платье снова показывалось въ промежуткахъ между деревьями, ярко сіяя на солнцѣ. Я видѣлъ издали, какъ она то складывала, то раскрывала, то опять складывала зонтикъ, желая, очевидно, этимъ физическимъ занятіемъ разсѣять волненіе. Въ теченіе этого времени я призывалъ ее въ душѣ самыми нѣжными словами, какія только можетъ подсказать любовь. У меня не было силы уйти, не взглянувъ еще разъ на ея лицо, но мнѣ пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, Анеля вернулась, но быстро прошла мимо меня, какъ бы боясь опять взволноваться; по дорогѣ она нѣжно улыбнулась мнѣ и сказала:

— Мнѣ уже хорошо! уже хорошо!

Дѣйствительно, на ея зарумянившемся отъ быстраго движенія лицѣ не видно было слезъ. Я остался одинъ, и меня охватила безумная, неописанная радость, сердце забилось надеждой, въ головѣ у меня была

только одна мысль: она меня любитъ и, хотя боится, не поддается, сама себя обманываетъ, но любитъ. Иногда человѣкъ, обладающій самымъ большимъ самопознаніемъ, становится при избыткѣ чувствъ почти безумнымъ, и я былъ въ такомъ состояніи, что мнѣ хотѣлось бѣжать въ глубину парка, валяться по травѣ и кричать во весь голосъ, что она меня любитъ.

Въ эту минуту, когда я уже спокойнѣе раздумываю надъ своей радостью, то вижу, что она состояла изъ, Богъ знаетъ, сколькихъ факторовъ. Въ ней заключалось, между прочимъ, и счастье художника, чувствующаго, что ему удается создать великое произведеніе, быть можетъ, и удовлетвореніе паука, увѣреннаго въ томъ, что муха попадетъ въ его сѣти, но была и доброта, и состраданіе, и нѣжность, и все то, чему, какъ говоритъ поэтъ, радуются ангелы въ небѣ. Мнѣ было жаль, что это беззащитное существо должно попасть въ мои руки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалость эта усиливала любовь и, слѣдовательно, желаніе обладать Анелей: въ одно и то же время совѣсть укоряла меня въ томъ, что я обманываю Анелю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я сознавалъ, что никогда въ жизни не говорилъ такъ искренно.

Ибо я не лгалъ, прося у ней сочувствія и дружбы. Вѣдь, мнѣ это необходимо, какъ здоровье. Я не высказалъ лишь всѣхъ своихъ желаній, такъ какъ еще не настало время, не высказалъ всей правды, чтобы не испугать этой дорогой и боязливой души. Наконецъ, вѣдь, я стремлюсь къ моему и къ ея благу по тому пути, который ближе всего ведетъ насъ къ цѣли.

10 мая.

Погода стоитъ чудная и, какъ бы въ pendant къ ней, между нами установились самыя лучшія отношенія. Анеля спокойна и счастлива. Она глубоко повѣрила моимъ словамъ, что я стремлюсь лишь къ братскимъ чувствамъ, а такъ какъ совѣсть позволяетъ ей любить меня любовью сестры, то она дала волю своему сердцу. Я одинъ знаю, что это лояльный способъ къ самообману и обману мужа, ибо подъ видомъ чувства сестры таится и возникаетъ иное, но натурально не думаю выводить ее изъ этого заблужденія, пока то чувство не станетъ непреодолимымъ... Оно вскорѣ охватитъ ее, какъ пламя, котораго не потушитъ ни воля, ни сознаніе долга, ни стыдливость. Тѣмъ временемъ мнѣ хорошо, такъ хорошо, что порою мнѣ кажется, что я могъ бы ничего ужъ болѣе не желать при одномъ лишь условіи, чтобы никто не имѣлъ на нее никакихъ правъ. Постоянно ко мнѣ возвращается мысль, что такъ какъ я люблю ее сильнѣе всѣхъ, то и право мое есть самое законное. Что можетъ быть логичнѣе и правильнѣе этого? Вѣдь въ этикѣ всѣхъ народовъ и всѣхъ религій взаимная принадлежность мужчины и женщины основывается на любви.

Сегодня я такъ спокоенъ и счастливъ, что предпочитаю больше чувствовать, чѣмъ разсуждать Теперь между нами царятъ сердечность, свобода и дружба. Однако, какъ мы созданы другъ для друга, какъ наши существа льнутъ другъ къ другу, какъ эта дорогая бѣдняжка согрѣвается и наслаждается этимъ обманчивымъ тепломъ братскихъ чувствъ! Никогда еще со времени своего возвращенія, мнѣ не случалось видѣть ее такой веселой. Не разъ прежде, когда я на нее смотрѣлъ, мнѣ вспоминался

шекспировскій «poor Tom». Такая натура, какъ у нея, нуждается въ любви, какъ въ воздухѣ для дыханія, а Кромицкій, занятый спекуляціями, недостаточно ее любитъ да и неспособенъ любить. Она также имѣла бы основаніе сказать: «Бѣдному Тому холодно!» Думая объ этомъ, я не могу не поддаваться чувству жалости и обѣщаю въ душѣ, что ей никогда не будетъ холодно, пока я живъ.

Если бы наша любовь была дурною, между нами не могло бы царить такое спокойствіе. Ибо, если Анеля не назвала своего чувства по имени, то это все равно, оно, тѣмъ не менѣе, существуетъ. Весь сегодняшній день прошелъ у насъ, какъ идиллія. До сихъ поръ я не любилъ воскресенія, теперь же замѣчаю, что воскресеніе съ утра до вечера можетъ быть сплошной поэмой, особенно въ деревнѣ. Тотчасъ послѣ чаю мы пошли въ церковь къ ранней обѣднѣ. Тетя шла за нами и даже госпожа П., пользуясь чудной погодой, велѣла везти себя въ креслѣ. Людей въ церкви было немного, такъ какъ народъ собирается толпами лишь къ главной обѣднѣ. Когда я сидѣлъ на скамейкѣ возлѣ Анели, мнѣ чудилось порою, будто я сижу возлѣ моей невѣсты. Минутами я смотрѣлъ на ея профиль, на руки, которыми она держала молитвенникъ, и мнѣ невольно передавалась та сосредоточенность, какая отражалась въ ея позѣ и лицѣ. Чувственность моя задремала, мысли стали чистыми, и въ эту минуту я любилъ ее совершенно идеальной любовью, ибо никогда еще не сознавалъ такъ ясно, что это совсѣмъ иная женщина въ сравненіи съ тѣми, которыхъ мнѣ до сихъ поръ приходилось встрѣчать, и что она стократно лучше ихъ и чище.

Давно мнѣ не случалось испытывать такія впечатлѣнія, какъ въ этой деревенской церкви. Тутъ дѣйствовали на меня и присутствіе Анели, и торжественный видъ церкви, и мягкое мерцаніе свѣчъ въ сѣромъ сумракѣ алтаря, и разноцвѣтныя струи солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь стрѣльчатыя готическія окна, и щебетаніе воробьевъ за окномъ, и тихая месса,—все это заключало въ себѣ еще какую-то, какъ бы утреннюю дремоту и дѣйствовало чрезвычайно успокоительно. Мысли мои стали укладываться ровно, спокойно, какъ облака дыма изъ кадильницы предъ алтаремъ. Во мнѣ проснулось нѣчто въ родѣ желанія самопожертвованія, и внутренній голосъ точно говорилъ: «Не мути этой ясной воды и преклонись предъ ея прозрачностью».

Тѣмъ временемъ, месса кончилась, и мы вышли изъ церкви. На паперти я съ немалымъ удивленіемъ замѣтилъ обоихъ старыхъ латышей, которые сидѣли на землѣ съ деревянными мисочками въ рукахъ и просили милостыню. Тетя, знавшая о моемъ подаркѣ, при видѣ ихъ страшно разсердилась и стала ихъ бранить, но старая латышиха, не переставая протягивать къ намъ свою мисочку, спокойно возразила:

— Что ваша щедрость, то ваша щедрость, а что воля Божья, то воля Божья. Волѣ Божьей не слѣдуетъ противиться. Коль скоро намъ Іисусъ повелѣлъ здѣсь сидѣть, такъ мы и останемся и на вѣки вѣковъ аминь!

Противъ такого рода разсужденій не стоило возражать. Особенно это «на вѣки вѣковъ аминь» до такой степени мнѣ импонировало, что я далъ имъ милостыню ради одной оригинальности. Въ сущности народъ

этотъ вѣритъ въ предопредѣленіе, слѣпо подчиняется ему и только христіанизируетъ его по-своему. Эти латыши, которымъ я далъ тысячу двѣсти рублей, въ настоящее время зажиточнѣе чѣмъ были когда бы то ни было, и вотъ, однако, пошли на паперть въ томъ убѣжденіи, что имъ такъ повелѣла судьба которую старушка по-своему называетъ Божьей волей.

Когда мы возвращались домой, съ церковной колокольни раздался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ. По дорогѣ тянулись толпы мужчинъ и женщинъ Люди изъ дальнихъ имѣній шли гуськомъ чрезъ поля, по тропинкамъ среди ржи, которая, хотя была еще зелена, но поднялась въ эту раннюю весну довольно высоко. Насколько возможно было окинуть взглядомъ, всюду въ ясномъ, чистомъ воздухѣ мелькали яркіе платки дѣвушекъ, какъ яркіе цвѣты мака среди зелени Кстати сказать, такихъ широкихъ воздушныхъ пространствъ, какъ у насъ, нѣтъ во всей Европѣ. Что меня еще поразило, такъ это особенное воскресное настроеніе, отражавшееся какъ на лицахъ людей, такъ и въ природѣ. Правда, погода стояла великолѣпная но при этомъ казалось, что вѣтеръ не дуетъ оттого, что сегодня воскресеніе, что рожь не колышется и листья не дрожатъ на тополяхъ оттого, что воскресеніе, вездѣ великое и веселое спокойствіе, тишина, праздничные наряды и море свѣта.

Я объяснялъ Анелѣ, съ точки зрѣнія искусства, красоту вида и этихъ цвѣтныхъ пятенъ, гармонизированныхъ голубымъ тономъ воздуха. Потомъ мы начали говорить о крестьянахъ. Признаюсь, что я видѣлъ въ нихъ только большую коллекцію болѣе или менѣе живописныхъ моделей; зато Анеля смотрѣла на нихъ совершенно иначе. Она разсказывала мнѣ о нихъ множество характеристичныхъ подробностей, печальныхъ и веселыхъ, причемъ такъ оживилась отъ разсказа и движенія и такъ была очаровательна, что я невольно, поглядывая на нее, сталъ повторять три послѣдніе стиха поэмы, которую писалъ еще въ университетѣ, но которую почти совершенно забылъ.

„Дивлюсь я только, что цвѣты
Не растутъ подъ твоими стопами,
Ты май, ты рай, ты весна!“

Разговоръ опять перешелъ на латышей или, вѣрнѣе, на старую латышиху, разсужденія которой на паперти, въ концѣ концовъ, насъ разсмѣшили Я сталъ примѣнять ихъ къ себѣ. Въ виду того, что тетя осталась съ матерью Анели, которую слуга везъ въ креслѣ на разстояніи какихъ-нибудь двадцати шаговъ отъ насъ, мнѣ представлялась возможность совершенно свободно вспомнить о нашей послѣдней прогулкѣ по парку.

— Недавно,—проговорилъ я,—я просилъ у тебя милостыни, и ты мнѣ ее дала. Теперь вижу, что меня это ни къ чему не обязываетъ, и что я могу идти на паперть.

— Ага,—отвѣтила Анеля—и просить у другихъ милосердныхъ душъ того же самаго. Сегодня тетя поѣдетъ, чтобы пригласить одну такую душу на завтра въ Плошовъ, понимаю!

На это я возразилъ, что Клара Гильстъ слишкомъ велика для того, чтобы могла помѣститься въ одномъ сердцѣ, и что надо. по крайней

мѣрѣ, троимъ ее любить, но Анеля не переставала добродушно шутить и, грозя пальцемъ, повторяла:

— Я кой-что подозрѣваю, что-то подозрѣваю!

— На этотъ разъ неосновательно,—отвѣтилъ я,—такъ какъ мое сердце есть лишь вмѣстилище братскихъ чувствъ и въ немъ исключительно царитъ это недоброе созданіе, которое въ эту минуту мнѣ надоѣдаетъ.

Анеля перестала грозить мнѣ и смѣяться, однако, убавила шагъ и черезъ минуту къ намъ присоединились старшія дамы. Впрочемъ, весь день прошелъ у насъ безоблачно и такъ весело, что неоднократно мнѣ казалось, будто для меня вернулись студенческія времена. Правда, глаза мои говорили, что я ее люблю, но желаніе обладать ею замерло во мнѣ. Тетя тотчасъ послѣ завтрака уѣхала въ Варшаву; я же остальную часть дня просидѣлъ въ комнатѣ матери Анели и читалъ ей письма Монталамбера, съ которымъ отецъ мой въ свое время состоялъ въ перепискѣ. Письма эти порядочно мнѣ наскучили бы, если бы не присутствіе Анели. Время отъ времени, отрываясь отъ книги, я встрѣчался съ ея взглядомъ, который наполнялъ меня радостью, такъ какъ или я совершенно утратилъ проницательность, или она смотрѣла на меня, какъ смотритъ, хотя невинная и чистая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безсознательно всей душой любящая женщина. Какой это былъ хорошій день! Вечеромъ пріѣхала тетя съ извѣщеніемъ, что будутъ гости. Завтра будутъ Снятыньскіе и Клара Гильстъ.

Уже довольно поздно, но мнѣ не хочется спать, потому что мнѣ жаль разстаться съ впечатлѣніями нынѣшняго дня. Сонъ не можетъ быть прекраснѣе ихъ. Притомъ паркъ, буквально, дрожитъ отъ звучныхъ трелей соловьевъ, а во мнѣ таится еще столько романтизма! Ночь настала такая же погожая, какъ только что минувшій день. Все небо усѣяно звѣздами. Думая объ Анелѣ, я говорилъ ей въ душѣ: покойной ночи! и повторялъ эту фразу чуть ли не сотню разъ. Вижу, что, на-ряду съ «l'improductivité slave», во мнѣ еще вдобавокъ есть какой-то исключительно польскій сентиментализмъ. До сихъ поръ я не зналъ себя съ этой стороны. Впрочемъ, развѣ мнѣ это мѣшаетъ... Я ее люблю, люблю всей душой...

13 мая.

Клара и Снятыньскіе не пріѣхали. Онъ далъ знать, что они пріѣдутъ завтра, если будетъ подходящая погода. Сегодня надъ Плошовомъ разразилась такая буря, какой здѣсь давно не запомнятъ старожилы. Часовъ около десяти утра налетѣлъ горячій вихрь, который закрылъ все клубами пыли. Дулъ онъ не постоянно, но по временамъ съ юга одинъ за другимъ доносились такіе сильные порывы, что деревья пригибались къ землѣ. Нашъ красивый паркъ наполнился трескомъ ломающихся вѣтвей, а среди клубовъ пыли носились тучи сорванныхъ листьевъ. Большая липа, стоявшая предъ правымъ павильономъ, въ которомъ умеръ священникъ латышъ, расщепилась на двѣ половины. Было невыносимо душно; нашимъ легкимъ недоставало воздуха; казалось, что вихрь этотъ вылетаетъ изъ какихъ то раскаленныхъ кратеровъ и несетъ съ собой чадъ углей. Мнѣ, привыкшему въ Италіи къ сирокко, было не особенно тяжело, но госпожа П съ Анелей очень страдали, тетя же сдѣлала сцену старому Хвастов-

скому изъ-за убытка въ паркѣ. Гордый шляхтичъ, котораго, навѣрно, не разъ въ школѣ оттаскали за уши за Гомера, очевидно, не забылъ Одиссеи, такъ какъ заявилъ тетѣ, что если бы онъ былъ Эоломъ, то не служилъ бы у нея управляющимъ и не подвергалъ бы себя несправедливымъ нападкамъ. Тетя на этотъ разъ уступила и, кажется, главное въ виду новыхъ угрозъ со стороны неба. Внезапно на югѣ утихло, зато съ другихъ сторонъ все небо покрылось гигантскими тучами попеременно то совершенно черными, то мѣднаго цвѣта, окаймленными золотомъ. Минутами становилось темно, какъ ночью, такъ что госпожа П. просила зажечь лампы, то опять блисталъ зловѣщій мѣдный свѣтъ. Все въ природѣ было какъ бы въ страшной тревогѣ. Хвастовскій помчался въ фальваркъ, чтобы велѣть привести скотъ съ поля, но пастухи пригнали его сами до полученія приказа, такъ какъ вскорѣ мы услышали жалобное мычаніе быковъ и коровъ. Тетя, схвативъ какой-то священный звонокъ, стала бѣгать по всему дворцу и отчаянно звонить. Я даже не пытался объяснить ей, что звонъ среди столь неподвижной атмосферы можетъ скорѣе притянуть, чѣмъ отдалить молніи, и, не смотря на полное сознаніе, что въ данномъ случаѣ не сумѣю ничѣмъ ей помочь, я сопутствовалъ ей въ этой экскурсіи, потому что не могъ допустить, чтобы она одна подвергалась опасности. Тетя была, положительно, великолѣпна, когда съ поднятой вверхъ головой вызывающе смотрѣла на эти черныя и мѣдныя тучи и угрожала имъ своимъ звонкомъ. Я не жалѣлъ, что послѣдовалъ за нею, ибо видѣлъ предъ собою точно символическую картину: въ минуту, когда все дрожитъ предъ грозной стихіей и въ ужасѣ склоняется и нѣмѣетъ, одна лишь вѣра не страшится и какъ бы вызываетъ на бой! Какъ ни какъ, а это элементъ могущества въ человѣческой душѣ.

Мы вернулись, когда по небу прокатились первые раскаты грома. Черезъ нѣсколько минутъ начался неумолчный грохотъ. Я испытывалъ порою впечатлѣніе, будто тучи эти вмѣстѣ съ молніями съ грохотомъ валятся на землю. Молнія ударила въ прудъ, находящійся въ концѣ парка, и тотчасъ же послѣдовалъ другой ударъ еще ближе, такъ что стѣны нашего плошовскаго дворца дрогнули въ своемъ основаніи. Дамы начали читать молитвы, во мнѣ же это вызвало непріятное чувство, такъ какъ если я вмѣстѣ съ ними буду читать молитвы, то это будетъ съ моей стороны кощунство, въ противномъ же случаѣ, это можетъ показаться рисовкой дурно воспитаннаго умника, не принимающаго въ разсчетъ стариннаго деревенскаго обычая и прежде всего тревоги женщинъ. Вскорѣ, однако, я замѣтилъ, что ошибаюсь, подозрѣвая ихъ въ боязни; лица ихъ были спокойныя и даже ясныя. Очевидно, эти освященныя обычаемъ молитвы казались имъ такой могучей защитой отъ всякихъ опасностей, что въ ихъ сердцахъ уже не было мѣста боязни. И вотъ тогда пришла мнѣ въ голову еще иная мысль, а именно, какая духовная отчужденность между мной и этими тремя польскими женщинами, изъ которыхъ каждая, хотя въ десять разъ знаетъ меньше меня, но, согласно обычной человѣческой мѣркѣ, въ десять разъ стоитъ болѣе, чѣмъ я. Онѣ точно книги съ сравнительно небольшимъ количествомъ страницъ, но полныя ясныхъ и простыхъ правилъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ тѣхъ томахъ, которые составляютъ весь мой духовный и интеллектуальный міръ, нѣтъ ни одной

несомнѣнной истины, и я первый готовъ усомниться въ каждой изъ нихъ.

Но мысль эта мелькала недолго, ее отогнала буря, которая, дѣйствительно, принимала все болѣе страшные размѣры. Вихрь опять налетѣлъ съ такою силой, что паркъ чуть не падалъ подъ его ударами. Были минуты, когда онъ внезапно затихалъ, но тогда на землю лились цѣлые потоки дождя, соединявшіе ее съ небомъ. Аллеи парка покрылись водой. Иногда, неожиданно, страшный порывъ вѣтра разбивалъ въ пыль всю воду, лившуюся съ неба на землю, и въ такія минуты все заволакивалось такимъ густымъ туманомъ, что на разстояніи одного шага невозможно было ничего разглядѣть. Оглушительная канонада громовыхъ раскатовъ продолжалась безъ перерыва. Воздухъ былъ переполненъ электричествомъ. Мой пульсъ бился тяжело, даже въ комнатахъ чувствовался тотъ раздражающій запахъ бури, который появляется вслѣдствіе ударовъ молніи. Наконецъ, по примѣру стихій, расходились и мои мысли и желанія. Я забылъ о бурѣ, видѣлъ только предъ собой Анелю, окончательно пересталъ владѣть собой и, приблизившись къ ней, сказалъ:

— Хочешь смотрѣть на бурю?

— Хорошо,—отвѣтила она.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ въ ту комнату—тамъ есть венеціанское окно.

Мы пошли и стали у окна. Сдѣлалось почти совсѣмъ темно, но ежеминутно сверкали молніи, то бѣлыя, то красныя, открывая глубину неба и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщая наши лица. Анеля была спокойна; вслѣдъ за каждымъ блескомъ молніи она становилась для меня все болѣе и болѣе желанной.

— Не боишься?—спросилъ я ее шопотомъ.

— Нѣтъ...

— Дай мнѣ руку...

Она съ удивленіемъ взглянула на меня. Еще минута, и я схватилъ бы ее и прильнулъ бы къ ея устамъ, а затѣмъ пусть, хотя бы весь Плошовъ провалился сквозь землю, но Анеля испугалась, не бури, а выраженія моего лица и моего шопота, такъ какъ быстро отступивъ отъ окна, вернулась въ комнату, гдѣ сидѣли тетя и ея мать.

Я остался одинъ, съ чувствомъ гнѣва и униженія. Я, несомнѣнно, злоупотребилъ бы довѣріемъ Анели, тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что этимъ недостаткомъ довѣрія она оскорбила меня, и потому рѣшилъ дать ей это почувствовать. Среди подобныхъ впечатлѣній мнѣ не скоро удалось придти въ себя, и еще съ часъ я стоялъ у окна, безсмысленно глядя на ослѣпительныя молніи. Тѣмъ временемъ становилось все яснѣе, наконецъ, на небѣ прорвались тучи, и среди нихъ въ глубинѣ засіяло солнце блестящее, какъ бы выкупанное и какъ бы удивленное опустошеніями, причиненными бурей.

Они были очень значительны; по аллеямъ парка еще текла желтая и вспѣненная вода, унося съ собой сломанныя вѣтви. Кой-гдѣ виднѣлись рухнувшія деревья или стволы ихъ съ оторванной корой, на подобіе большихъ ранъ. Всюду были слѣды уничтоженія, точно послѣ битвы.

Когда вода нѣсколько стекла, я направился къ прудамъ, чтобы

лучше осмотрѣть поврежденія. Внезапно весь паркъ закипѣлъ людьми, которые съ какой-то удивительной энергіей и радостью стали таскать сломанныя вѣтви и рубить рухнувшія деревья. Оказалось, что это крестьяне, не имѣющіе собственнаго лѣса, проникли съ топорами въ паркъ черезъ сломанную бурей изгородь, чтобы запастись дровами. Въ сущности, для меня это было безразлично, но такъ какъ они продѣлывали это безъ позволенія и какъ-то дико, и такъ какъ настроеніе мое было самое скверное, то я въ возмущеніи сталъ ихъ гнать вонъ и пригрозилъ имъ даже старшиной. Внезапно сзади меня послышался самый сладостный для моего слуха голосъ.

— Неужели это повредитъ, Леонъ, если они очистятъ паркъ?

Я обернулся и увидѣлъ Анелю, повязанную платочкомъ. Она обѣими руками поддерживала платье, открывая до щиколодокъ свои маленькія ножки, обутыя въ высокія сапожки, и, нѣсколько нагнувшись, смотрѣла на меня какъ бы съ просьбой.

При видѣ ея гнѣвъ мой утихъ въ одну минуту, я забылъ тѣ непріятныя впечатлѣнія, которыя недавно пришлось мнѣ испытать, и нѣжно смотрѣлъ на нее, не будучи въ состояніи оторвать отъ нея глазъ.

— Прикажешь?—спросилъ я ее.

И, обратившись къ людямъ, я проговорилъ:

— Благодарите барыню и берите дрова.

На этотъ разъ они охотно исполнили мое приказаніе. Нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, не зная про замужество Анели, разсыпаясь въ благодарностяхъ, называли ее «барышней», что доставляло мнѣ невыразимое наслажденіе. Если бы Плошовъ былъ мой, я, по одному ея слову, позволилъ бы вырубить весь паркъ. Спустя полчаса все, что сломала буря, было убрано, и паркъ, дѣйствительно, принялъ болѣе веселый видъ. Проходя съ Анелей по аллеямъ, мы нашли массу ласточекъ и иныхъ птицъ, или совершенно убитыхъ бурей, или полуживыхъ и сильно промокшихъ. Подбирая ихъ и отдавая Анелѣ, я прикасался къ ея рукамъ, смотрѣлъ ей въ глаза, и опять мнѣ стало хорошо. Къ намъ обоимъ вернулась идиллія предыдущаго дня, а вмѣстѣ съ нею непринужденность и веселость. Мое сердце было переполнено радостью, ибо я видѣлъ то, чего не видѣла Анеля, то есть, что между нами въ этихъ какъ бы братскихъ отношеніяхъ было вдвое больше нѣжности, чѣмъ сколько могло и должно было быть между, хотя бы самыми любящими другъ друга родственниками. Я былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что она любитъ меня безсознательно, но любитъ совершенно такъ же, какъ я люблю ее. Такимъ образомъ, большая половина моихъ надеждъ и моихъ намѣреній уже осуществилась, мнѣ лишь оставалось довести ее до сознанія этого чувства.

Когда теперь я объ этомъ думаю, то съ бьющимся отъ счастья сердцемъ вспоминаю то, что когда-то уже писалъ въ своемъ дневникѣ, а именно, что ни одна женщина въ мірѣ не въ состояніи противиться мужчинѣ, котораго она искренно любитъ.

15 мая.

Наши гости пріѣхали только сегодня и хорошо сдѣлали, такъ какъ лишь сегодня подсохло послѣ бури, и погода стояла прекрасная. Нынѣшнее пятнадцатое мая останется для меня однимъ изъ самыхъ памят-

ныхъ дней въ моей жизни. Теперь уже послѣ полуночи, а, между тѣмъ, я не сплю и не лягу спать; сонъ куда-то далеко улетѣлъ отъ меня, умъ мой такъ возбужденъ, что я не чувствую ни малѣйшей усталости и намѣренъ писать до утра. Я стараюсь только объ одномъ, какъ бы не начать съ конца и отмѣтить все по порядку. Мнѣ въ этомъ отношеніи очень помогаетъ привычка.

Тетя послала коляску за Снятыньскими и за Кларой очень рано, такъ что уже до полудня они были въ Плошовѣ. Дамы пріѣхали свѣжія, веселыя, очень довольныя погодой и поѣздкой. Что за туалеты, что за фантастическія шляпы! Клара была удачно одѣта въ какое-то полосатое свѣтлое платье и казалась въ немъ не такой крупной, какъ обыкновенно. Я замѣтилъ, что Анеля съ первой минуты встрѣчи пристально всматривалась въ нее и точно была удивлена ея красотой, о которой я почти не упоминалъ въ нашихъ разговорахъ о Кларѣ. Сдѣлалъ я это безъ всякаго разсчета, просто умъ мой такъ поглощенъ Анелей, что многое не приходитъ мнѣ въ голову, многаго не вижу. Такъ, напримѣръ, не смотря на двукратный мой визитъ къ Снятыньскимъ, я теперь лишь въ Плошовѣ замѣтилъ, что у госпожи Снятыньской коротко подстрижены волосы, что ей, впрочемъ, очень къ лицу и придаетъ видъ бойкаго мальчика. Мы теперь съ нею въ большой дружбѣ. Въ свое время она изъ за Анели готова была бы утопить меня въ ложкѣ воды. Потомъ, должно быть, мужъ разсказалъ ей о томъ, что я выстрадалъ, а такъ какъ женщины вообще имѣютъ величайшую слабость къ людямъ, страдавшимъ отъ любви, то она простила всѣ мои прегрѣшенія и относится ко мнѣ дружелюбно.

Присутствіе такой милой и живой женщины очень пригодилось для устраненія нѣкоторой холодности между Анелей и Кларой, такъ какъ я замѣтилъ, что тетя, чувствовавшая себя обязанной по отношенію къ Кларѣ, приняла ее необыкновенно сердечно; Анеля же, не смотря на любезность и врожденную мягкость, держалась какъ бы робко и немного сухо. Только за завтракомъ, среди общаго веселаго разговора, между этими дамами наступило нѣкоторое сближеніе. Клару сильно поразила красота Анели; а такъ какъ она полна простоты и привыкла откровенно высказывать свои мысли, то въ глаза выразила Анелѣ свое восхищеніе и съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что это должно было невольно расположить Анелю. Присутствовавшая за завтракомъ госпожа П. была очень польщена и, хотя, навѣрно, въ первый разъ въ жизни находилась въ обществѣ женщины изъ артистическаго міра, тѣмъ не менѣе, стала посматривать на все дружелюбнѣе.

Наконецъ, обратившись къ Кларѣ, госпожа П. сказала, что, хотя она мать, однако, должна признаться, что Анеля всегда была очень миловиднымъ ребенкомъ и впослѣдствіи еще больше похорошѣла. Снятыньскіе также вмѣшались въ разговоръ. Онъ тотчасъ началъ спорить съ Кларой относительно разныхъ женскихъ типовъ, причемъ трактовалъ о типѣ Анели и его эстетическомъ совершенствѣ такимъ забавно объективнымъ образомъ, какъ будто Анеля была портретомъ, висящимъ на стѣнѣ, а не живой, присутствующей здѣсь женщиной. Она, слушая его, краснѣла и опускала свои тѣнистыя рѣсницы, точь въ точь, какъ маленькая дѣвочка, вслѣдствіе чего становилась еще прелестнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Я молчалъ, но въ душѣ сравнивалъ эти три женскихъ лица, стараясь смотрѣть на нихъ также объективно, то есть, не думая о томъ, что Анеля любимая мною женщина и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ для меня болѣе привлекательна. Но, даже при такихъ условіяхъ, сравненіе оказалось въ ея пользу. У госпожи Спятыньской, особенно теперь, когда у нея подстрижены волоса, очень изящная голова, но каждый англійскій «кеерзаке» обладаетъ болѣе или менѣе подобной; красоту Клары составляютъ правильныя черты и свѣжій цвѣтъ лица, какимъ обыкновенно обладаютъ нѣмки; если бы, однако, не ея талантъ, который, при взглядѣ на нее, невольно, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ мысль о музыкѣ, то лицо ея въ лучшемъ случаѣ можно было бы назвать свѣжимъ, привлекательнымъ. Анеля же отличается не только правильными чертами лица и является не только какъ бы воплощеніемъ художественной фантазіи въ необыкновенно благородномъ стилѣ, но еще заключаетъ въ себѣ что-то настолько индивидуальное, что не можетъ быть подведена ни подъ какой общій типъ. Быть можетъ, эта индивидуальность заключается въ томъ, что, не будучи ни брюнеткой, ни блондинкой, она производитъ впечатлѣніе физическое брюнетки, а духовное—блондинки, быть можетъ, это вызывается исключительнымъ обиліемъ ея волосъ при сравнительно маленькомъ лицѣ, словомъ, Анеля является единственной въ своемъ родѣ. Въ этомъ отношеніи на ея сторонѣ преимущество въ сравненіи съ госпожей Дэвисъ, которая была безукорызненно хороша, но красота послѣдней—красота статуи. Девисъ возбуждала во мнѣ лишь удивленіе и чувственность, Анеля же, кромѣ того, будитъ во мнѣ идеалиста, восхищающагося поэзіей выраженія ея лица и поэзіей новой, до сихъ поръ мнѣ невѣдомой.

Но мнѣ даже не хочется сравнивать эти два, столь различныя существа. Во время завтрака я предался этимъ размышленіямъ лишь потому, что всѣ заговорили на эту тему, и что анализъ красоты Анели всегда доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Тетя прервала эти дебаты, находя, что ей, какъ гостепріемной, любезной хозяйкѣ, слѣдуетъ поговорить съ Кларой о послѣднемъ концертѣ. Она говорила много и хорошо, и я даже не предполагалъ въ ней такого основательнаго знакомства съ музыкой, притомъ она высказывала свои комплименты съ такой любезностью дамы высшаго круга и такъ мило, какъ умѣютъ это дѣлать, лишь люди стараго поколѣнія, на которыхъ еще отразилось отчасти вліяніе конца восемнадцатаго столѣтія. Словомъ, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что моя старая тетя, когда захочетъ, сумѣетъ вспомнить времена париковъ и мушекъ. Клара, на которую все это произвело очень пріятное впечатлѣніе, въ свою очередь, не осталась въ долгу въ смыслѣ любезностей.

— Въ Варшавѣ,—проговорила она,—я всегда буду хорошо играть, такъ какъ публика меня понимаетъ, но лучше всего играю въ небольшомъ кругу симпатичныхъ для меня знакомыхъ, и, если позволите, то я постараюсь убѣдить васъ въ этомъ тотчасъ послѣ завтрака.

Тетя, которой очень хотѣлось, чтобы госпожа П. и Анеля услышали игру Клары, но которая колебалась, удобно ли будетъ просить ее объ этомъ, пришла въ великолѣпное расположеніе духа. Я сталъ разсказывать о дебютахъ Клары въ Парижѣ и ея тріумфахъ въ залѣ Эрарда; Спятынскій давалъ отчетъ о томъ, что говорятъ о ней въ Варшавѣ, и,

такимъ образомъ, у насъ прошло время до самаго конца завтрака, когда мы встали, Клара сама взялась за спинку кресла, въ которомъ сидѣла мать Анели, чтобы перевезти ее въ залу, и не позволяла никому замѣнить ее, со смѣхомъ говоря, что, навѣрно, она сильнѣе всѣхъ присутствующихъ и не боится утомить своихъ рукъ. Черезъ минуту Клара уже сидѣла за роялью и, очевидно, на этотъ разъ Моцартъ болѣе всего соотвѣтствовалъ ея настроенію, такъ какъ мы услышали «Донъ Жуана». Едва раздались первые аккорды, какъ уже предъ нами была иная Клара: не то свѣжее, здоровье, веселое дитя, съ которымъ мы разговаривали за завтракомъ, нѣтъ, это было какъ бы воплощеніе святой Цециліи, создавалось родство между ея внѣшней фигурой и музыкой, что возвышало ее надъ другими женщинами. При этомъ я сдѣлалъ одно наблюденіе, а именно, что влюбленное сердце мужчины умѣетъ подкрѣплять свое чувство даже тѣмъ, что является не въ пользу любимой женщины. Когда я подумалъ, какъ далеко моей Анелѣ въ отношеніи таланта до этой Сивиллы, когда увидѣлъ ее сидящею въ углу залы, тихою, маленькою и какъ бы подавленною, то почувствовалъ, что я еще болѣе ее люблю, и что она мнѣ еще болѣе дорога. Мнѣ даже пришло въ голову, что женщина въ дѣйствительности не такова, какою она представляется вообще людямъ, но такова, какою кажется въ глазахъ влюбленнаго въ нее мужчины, и что, слѣдовательно, безотносительное ея совершенство находится въ непосредственной связи съ силою возбуждаемой ею любви. У меня не было времени раздумывать надъ этой мыслью, но, тѣмъ не менѣе, она мнѣ очень по душѣ, ибо, точно сквозь мглу, я увидѣлъ и тотъ выводъ, что, во имя этого совершенства, женщина должна признать естественнымъ принадлежать тому, кто, болѣе всего любитъ.

Клара чудно играла. Я слѣдилъ по лицамъ присутствовавшихъ, какое впечатлѣніе производила ея игра, но вскорѣ замѣтилъ, что Анеля, въ свою очередь, слѣдитъ за тѣмъ же на моемъ лицѣ. Было ли это простое любопытство или же безсознательное безпокойство сердца, которое не сумѣло бы сказать, чего боится, и, однако, боится? Я сказалъ самому себѣ, что если бы это послѣднее предположеніе оказалось правильнымъ, то оно послужило бы новымъ доказательствомъ того, что она меня любитъ. Мысль эта обрадовала меня до глубины души, и я рѣшилъ въ теченіе этого дня найти отвѣтъ на столь интересующій меня вопросъ.

Съ той минуты я не отходилъ отъ Клары, говорилъ съ ней больше и относился сердечнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Въ лѣсу, куда мы всѣ отправились, я безпрестанно былъ возлѣ нея, лишь время отъ времени поглядывая на Анелю, шедшую невдалекѣ со Снятыньскими. Клара восхищалась лѣсомъ, который, дѣйствительно, былъ очень хорошъ, вслѣдствіе обилія лиственныхъ деревьевъ, создававшихъ подъ темнымъ сводомъ сосенъ другой, несравненно болѣе веселый сводъ.

Солнце обильно проникало во внутрь лѣса сквозь листья, бросая на папоротники золотые дрожащіе блики. Кругомъ, какъ обыкновенно весной, слышались голоса кукушекъ и то тамъ, то здѣсь раздавалось постукиваніе дятловъ.

Когда мы присоединились къ Снятыньскимъ и Анелѣ, я попросилъ Клару о томъ, чтобы по возвращеніи домой она передала намъ въ музыкѣ

этотъ лѣсъ, солнце, шумъ деревьевъ и всю эту весну. Она мнѣ сказала, что въ душѣ ея уже создается какая-то «Frühlingslied», и что она попытается ее сыграть. Дѣйствительно, по выраженію ея лица было видно, что въ ней что-то создается и поетъ... Впрочемъ, это и неудивительно, такъ какъ Клара есть нѣчто въ родѣ большой арфы, которая высказывается только звуками.

На щекахъ ея горѣлъ румянецъ, все лицо ея было свѣтлое, радостное; Анеля же, наоборотъ, казалась печальной, хотя, очевидно, дѣлала все, чтобы преодолѣть себя и не отставать отъ Снятыньскихъ, которые расшалились, какъ школьники. Въ концѣ концовъ, они стали бѣгать другъ за другомъ по лѣсу; Клара также приняла участіе въ этой бѣготнѣ, чего, пожалуй, не должна была дѣлать, такъ какъ при ея громадной фигурѣ движенія ея не могли быть особенно граціозными; особенно мнѣ казалось комичнымъ колыханіе ея широкихъ бедеръ.

Въ ту минуту, когда началась эта бѣготня, мы съ Анелей остались наединѣ. Согласно моей тактикѣ, мнѣ надо было довести ея безпокойство до сознанія, и потому я сказалъ:

— Ты сегодня не въ духѣ, Анеля, не правда ли?

— Я? ничуть!

— Минутами мнѣ кажется, какъ будто ты чѣмъ-то недовольна. Можетъ быть, тебѣ не нравится Клара?

— Она мнѣ очень нравится, и я даже нисколько не удивляюсь, что ею всѣ такъ восхищаются.

Дальнѣйшій разговоръ прервало приближеніе Клары и Снятыньскихъ. Пора уже было возвращаться домой. По дорогѣ Снятыньскій спросилъ Клару, на самомъ ли дѣлѣ она такъ довольна своей поѣздкой въ Варшаву, какъ говоритъ.

— Самымъ лучшимъ доказательствомъ,—весело отвѣтила она,—можетъ служить то, что я не думаю объ отъѣздѣ.

— Мы постараемся,—замѣтилъ я,—чтобы вы навсегда остались съ нами.

Клара, не смотря на все свое простодушіе, съ какимъ обыкновенно принимаетъ все, что ей говорятъ, на этотъ разъ вопросительно взглянула на меня, послѣ чего смутилась нѣсколько и проговорила:

— Здѣсь всѣ ко мнѣ такъ добры!..

Конечно, слова мои были до нѣкоторой степени плутовствомъ, такъ какъ могли ввести въ заблужденіе Клару, но для меня важнѣе всего было впечатлѣніе, какое они произведутъ на Анелю. Къ несчастью, я ничего не могъ замѣтить, потому что какъ разъ въ эту минуту Анеля стала застегивать перчатки и такъ низко опустила голову, что шляпа совершенно закрыла отъ меня ея лицо. Однако, это внезапное движеніе показалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ.

Мы вернулись домой. Старшія дамы ждали насъ съ обѣдомъ, который протянулся до десяти часовъ вечера. Затѣмъ Клара импровизировала на рояли свою «Frühlingslied». Навѣрно, Плошовъ за все время своего существованія никогда не слышалъ подобной музыки, но на этотъ разъ я мало обращалъ на нее вниманія, такъ какъ мысли мои были лишкомъ поглощены Анелей. Я занялъ мѣсто вблизи нея, и мы сидѣли въ полумракѣ, потому что Клара не позволила зажечь лампы въ залѣ.

Снятыньскій махалъ рукой, точно дирижерской палочкой, жена же его, которой, очевидно, это мѣшало, время отъ времени удерживала его за рукавъ. Анеля сидѣла неподвижно и, быть можетъ, погруженная въ собственныя мысли, не слышала такъ же, какъ и я, этой «Весенней пѣсни». Я былъ почти увѣренъ, что въ эту минуту она думаетъ обо мнѣ и о Кларѣ и что особенно задумывается надъ значеніемъ моихъ словъ, сказанныхъ Кларѣ. Мнѣ легко было отгадать, что, хотя бы Анеля меня не любила; хоть бы у нея не было даже и тѣни сознанія, что мое чувство къ ней является чѣмъ-то болѣе сильнымъ, чѣмъ братская привязанность, то и въ такомъ случаѣ, подозрѣвая теперь, что иная можетъ меня отнять у нея, она должна испытывать чувство сожалѣнія, одиночества и горечи. Женщина, несчастливая въ замужествѣ, обвивается вокругъ каждаго чувства, хотя бы вокругъ чувства дружбы, какъ плющъ вокругъ дерева, и боится лишиться этой опоры. Для меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, если бы въ эту минуту я склонилъ предъ ней колѣни и сказалъ бы, что ее одну люблю то, не смотря на испугъ, вызванный такимъ признаніемъ, ею, вмѣстѣ съ тѣмъ, овладѣла бы такая радость, какую испытываетъ человѣкъ, найдя утерянную, дорогую для него вещь. А если это такъ, подумалъ я въ душѣ, то не слѣдуетъ ли поспѣшить съ признаніемъ въ любви, лишь бы найти только способъ, который какъ можно менѣе ее встревожилъ бы и какъ можно болѣе обрадовалъ?

И тотчасъ я сталъ обдумывать способъ, отъ котораго могло зависѣть все. Несомнѣнно, что надо это сдѣлать такъ, чтобы одновременно обезоружить Анелю и отнять у нея возможность оттолкнуть меня разъ навсегда. Умъ мой усиленно работалъ въ эту минуту, такъ какъ задача была не легка. Постепенно мной овладѣвало все большее волненіе и странно: я волновался болѣе за Анелю, чѣмъ за себя, ибо вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что это будетъ великимъ переломомъ въ ея жизни, и потому-то такъ боялся за нее.

Тѣмъ временемъ въ залѣ сдѣлалось свѣтлѣе; луна выплыла изъ-за деревьевъ парка и кинула на полъ четыре свѣтлыхъ отраженія оконъ. Звуки «Весенней пѣсни» наполняли всю залу. Изъ чащи соловей вторилъ Кларѣ, и трели его широкой волной доносились къ намъ сквозь открытыя стеклянныя двери. Это былъ необыкновенный вечеръ, который создали теплая майская ночь, музыка и любовь. Невольно у меня мелькнула мысль, что если жизнь не даетъ счастья, то, по крайней мѣрѣ, часто даетъ готовыя для него рамы.

Въ этомъ лучезарномъ мракѣ я сталъ искать глазами Анелю, но она все смотрѣла на Клару, которая въ эту минуту, дѣйствительно, казалась какимъ-то видѣніемъ. Лунный свѣтъ, все далѣе проникая въ глубину залы, озарилъ, наконецъ, ее и рояль, а такъ какъ на ней было свѣтлое платье, то чудилось, будто тамъ не Клара, а серебристый духъ музыки.

Видѣніе, однако, продолжалось не долго: Клара кончила свою «Весеннюю пѣснь», послѣ чего госпожа Снятыньская, которая торопилась домой, подала сигналъ къ возвращенію. Въ виду того, что вечеръ былъ удивительно теплый, то я предложилъ всѣмъ пройтись пѣшкомъ до шос-

сейной дороги, отстоявшей въ полуверстѣ отъ нашего дома. Я сдѣлалъ это для того, чтобы на обратномъ пути быть на единѣ съ Анелей. Ей нельзя было отказаться проводить дамъ, мнѣ же было извѣстно, что тетя не пойдетъ съ нами, и, слѣдовательно, разсчетъ мой былъ правильный.

Я распорядился, чтобы коляска ждала на шоссейной дорогѣ, мы же вскорѣ двинулись по липовой аллеѣ, тянувшейся отъ дворца до главнаго тракта. Я подалъ руку Кларѣ, но шли мы всѣ вмѣстѣ, провожаемые кваканьемъ лягушекъ, раздававшимся изъ плошовскихъ прудовъ.

Клара на минуту пріостановилась и стала вслушиваться въ тѣ хоры, которые то затихали, то раздавались еще громче, и, наконецъ, сказала:

— Вотъ финалъ моей «Весенней пѣсни».

— Какая чудная ночь!—проговорилъ Снятыньскій.

И тотчасъ началъ декламировать отрывокъ изъ «Венеціанскаго купца»:

. . . . . „Какъ тихо
Тамъ на холмѣ спитъ свѣтъ луны,
Отдохнемъ немного, и пусть звуки музыки
Плывутъ намъ въ душу: ночь и ночная тишина
Сливаются въ сладостномъ очарованіи гармоніи"...

Далѣе онъ не могъ припомнить, но я помнилъ и докончилъ за него:

„Сядь, о милая, взгляни, какъ своды неба
Густо унизаны золотистыми звѣздами,
И каждая изъ нихъ, которыхъ ты тамъ видишь,
Пробѣгая свой путь, присоединяетъ пѣснь свою
Къ хору ясноокихъ херувимовъ
Да, есть чистые духи, полные гармоніи,
Только мы, которыхъ духъ заключенъ
Въ оболочку праха, слышать ея не можемъ".

И затѣмъ я повторилъ Кларѣ, которая не понимала по-польски, весь отрывокъ по-французски въ наскоро импровизированномъ переводѣ.

Слушая, она невольно подняла глаза къ небу и, наконецъ, сказала, указывая на звѣзды:

— Я всегда была увѣрена, что тамъ все поетъ.

Оказалось, что и госпожа Снятыньская также была въ этомъ увѣрена и даже утверждала, что не разъ объ этомъ говорила съ мужемъ, который, однако, никакъ не могъ припомнить подобныхъ разговоровъ, благодаря чему произошелъ споръ между супругами, очень насмѣшившій меня и Клару. Анеля все время почти не принимала участія въ разговорѣ. Мнѣ приходила въ голову мысль, что, быть можетъ, это дорогое существо сердится на меня за то, что я веду подъ руку Клару и что преимущественно ею занятъ. Само подобное предположеніе наполняло меня счастьемъ. Я, однако, старался сохранить спокойствіе духа и говорилъ самому себѣ: «Не обольщайся тѣмъ, будто Анеля ревнуетъ, нѣтъ, ей только грустно и, быть можетъ, отчасти обидно—вотъ и все». Въ эту минуту я отдалъ бы цѣлый легіонъ такихъ артистокъ, какъ Клара, лишь бы имѣть возможность сказать Анелѣ, что все, что есть во мнѣ, принадлежитъ ей. Тѣмъ временемъ Снятыньскій началъ что-то говорить объ астрономіи, что я слушалъ очень невнимательно, хотя не умѣю даже

высказать, насколько глубоко интересуетъ меня эта наука, которая по природѣ вещей не можетъ ограничить ни себя, ни человѣческій духъ болѣе тѣсными предѣлами, чѣмъ безконечность.

Наконецъ, мы дошли до шоссейной дороги, гдѣ Снятыньскіе съ Кларой сѣли въ коляску. Вскорѣ колеса загрохотали, до насъ донеслось еще послѣднее «до свиданія!»—и мы съ Анелей остались наединѣ.

Мы тотчасъ повернули домой и долго шли въ молчаніи. Кваканье лягушекъ затихло, и только издали, отъ усадебныхъ строеній къ намъ долетали свистъ ночныхъ сторожей да лай собакъ. Я нарочно не заговаривалъ съ Анелей, такъ какъ подобное молчаніе является какъ бы доказательствомъ того, что между нами что-то происходитъ. Наконецъ, въ половинѣ дороги я сказалъ:

— Какъ великолѣпно прошелъ сегодняшній день, не правда ли?

— Давно уже я не слышала такой музыки,—отвѣтила Анеля.

— И, однако, ты была какъ бы чѣмъ-то недовольна. Я такъ слѣжу за всѣмъ, что съ тобой происходитъ, что замѣчаю малѣйшую тѣнь на твоемъ лицѣ.

— Сегодня тебѣ приходилось заниматься гостями... Ты очень добръ, но увѣряю тебя, что со мною ровно ничего не происходитъ.

— Сегодня, какъ всегда, я былъ занятъ тобой, и въ доказательство, если позволишь, могу тебѣ сказать то, о чемъ ты думала въ теченіе дня.

И, не ожидая ея позволенія, я продолжалъ:

— Ты думала, что я отчасти похожъ на латышей; ты думала, что я тебя обманулъ, говоря о пустотѣ, какая меня окружаетъ, наконецъ, ты думала, что я напрасно просилъ тебя о дружбѣ, такъ какъ нашелъ ее еще раньше у другихъ. Не такъ ли? скажи откровенно.

Анеля отвѣтила съ нѣкоторымъ затрудненіемъ:

— Коль скоро ты непремѣнно хочешь отвѣта, то скажу тебѣ: быть можетъ... Но меня это могло лишь радовать...

— Что же тебя могло радовать?

— Ваша взаимная дружба съ Кларой.

— Можетъ быть, что я къ ней дружески расположенъ, но вообще равнодушенъ какъ къ ней, такъ и къ другимъ женщинамъ. И знаешь ли, почему?

Тутъ меня отчасти пронялa дрожь, такъ какъ я нашелъ, что наступилъ моментъ объясненія. Прождавъ нѣкоторое время, чтобы Анеля спросила меня, я затѣмъ проговорилъ, насколько возможно, спокойнымъ голосомъ:

— Вѣдь, ты должна видѣть и понимать, что все мое существо принадлежитъ тебѣ, что я тебя одну любилъ и люблю, какъ безумный

Анеля остановилась, какъ вкопанная.

Я по своему холодѣющему лицу чувствовалъ, что блѣднѣю, ибо, если подъ этой бѣдняжкой чуть ли не разступалась земля, то, вѣдь, тутъ дѣло шло также и о всемъ моемъ существованіи. Но, зная, съ какой женщиной мнѣ приходится имѣть дѣло, я долженъ былъ спѣшить, чтобы обезсилить ее, прежде чѣмъ она придетъ въ себя и прежде, чѣмъ меня оттолкнетъ.

Принимая это во вниманіе, я быстро заговорилъ:

— Не отвѣчай мнѣ, такъ какъ я ничего не хочу, ничего не требую — слышишь ли, ничего! Мнѣ хочется лишь сказать тебѣ, что ты завладѣла моей жизнью, что она твоя. Впрочемъ, ты уже сама замѣтила, что такъ оно и есть, и, слѣдовательно, все равно, говорю ли я объ этомъ или нѣтъ. Повторяю тебѣ еще разъ, что ничего не желаю и не жду. Я признаюсь передъ тобою только такъ, какъ передъ другомъ или сестрой Прихожу къ тебѣ и жажду сочувствія, ибо у меня нѣтъ никого иного, прихожу и говорю, что у меня горе, ибо я люблю женщину, которая принадлежитъ другому, а между тѣмъ, моя Анеля, я люблю безумно, безгранично!

Мы уже были у воротъ, но еще въ глубокомъ сумракѣ деревьевъ. На одну минуту у меня явилась иллюзія, что она склонится ко мнѣ, какъ сломанный цвѣтокъ, и что я заключу ее въ свои объятія, но я ошибся. Анеля, придя въ себя, внезапно начала повторять съ какой-то нервной энергіей, какой я даже не подозрѣвалъ въ ней:

— Я не хочу это слушать, Леонъ! не хочу, не хочу, не хочу!

И она вбѣжала на освѣщенный луною дворъ, то-есть, попросту, убѣжала отъ меня, отъ моихъ словъ и признаній. Черезъ минуту Анеля исчезла, а я остался одинъ съ чувствомъ безпокойства, страха, большого состраданія къ ней, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торжества, что слова, послѣ которыхъ для насъ обоихъ начнется новая жизнь, уже произнесены. И, на самомъ дѣлѣ, вѣдь на этотъ разъ мнѣ ничего большаго нельзя было ожидать, а, между тѣмъ, зерно, изъ котораго должно что-нибудь вырасти, уже посѣяно.

Вернувшись домой, я уже не нашелъ Анели и засталъ только тетю, которая, прохаживаясь по комнатѣ, тихо молилась и въ промежуткахъ между молитвами громко говорила сама съ собой. Я тотчасъ простился съ нею, чтобы какъ можно скорѣе забраться въ свой кабинетъ. Мнѣ казалось, что записываніе пережитыхъ впечатлѣній успокоитъ меня и приведетъ въ порядокъ мои мысли, но это меня еще болѣе утомило.

Завтра (или, вѣрнѣе, сегодня, такъ какъ уже день) уѣду въ Варшаву. Мнѣ хочется, чтобы Анеля утвердилась въ убѣжденіи, что я отъ нея ничего не требую, но, прежде всего, чтобы она имѣла время успокоиться и освоиться съ тѣмъ, что было высказано мною. Однако, если правду сказать, то я хочу уѣхать и оттого, что боюсь завтрашней встрѣчи съ нею и желаю на нѣкоторое время отдалить эту встрѣчу. Минутами мнѣ кажется, что я совершилъ что-то неслыханное, введя элементъ своей собственной испорченности въ этотъ до сихъ поръ такой чистый міръ. Но, собственно, не заключается ли корень зла въ томъ, что Анеля связала себя брачными узами съ человѣкомъ, котораго не любитъ и не можетъ любить? Что болѣе безнравственно, моя ли любовь, которая есть проявленіе великаго закона природы, или принадлежность Анели тому человѣку, которая является безчестнымъ попраніемъ этого закона? Самая законная связь становится позорной, если не основана на любви. И я, такъ ясно это понимающій, тѣмъ не менѣе оказываюсь такимъ слабымъ, что меня охватываетъ страхъ при мысли, что мнѣ придется толкнуть ногой эту мертвую мораль. Къ счастью, это минутный страхъ. Хотя бы

я даже не былъ увѣренъ въ своей правотѣ, то все же у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея нѣтъ и на противоположной сторонѣ. Впрочемъ, тѣ принципы морали разсѣваетъ силою факта одно слово: люблю.

А если сердце, положительно, таетъ во мнѣ при мысли, что, быть можетъ, Анеля также въ эту минуту не спитъ, что, быть можетъ, плачетъ и терзается собственными мыслями, то это только новое доказательство, что я люблю. Въ виду этого все, что происходитъ и будетъ происходить, является необходимостью.

19 мая.

Первый день по пріѣздѣ въ Варшаву я проспалъ мертвымъ сномъ. Въ Плошовѣ мнѣ жаль каждой минуты дня, которую я могу провести въ обществѣ Анели, а по ночамъ пишу. Въ концѣ концовъ, это меня страшно утомило. И теперь еще я чувствую себя усталымъ, но, по крайней мѣрѣ, могу уже думать. Мнѣ немного стыдно, что я убѣжалъ изъ Плошова и оставилъ Анелю одну подъ бременемъ моего признанія. Но, когда приходится имѣть дѣло съ любимой женщиной, то нѣкоторая доля трусости не роняетъ человѣка. Да, навѣрное, я и не убѣжалъ бы, если бы этого не требовало будущее благо моей любви. Несомнѣнно, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ Анеля, просыпаясь ли утромъ творя ли молитву, гуляя ли по парку, или ухаживая за больной матерью, должна, однако, хотя бы противъ воли, повторять себѣ: «онъ меня любитъ», и, въ силу закона повторенія, мысль эта будетъ казаться ей все менѣе невѣроятной, все менѣе страшной. Человѣческая натура осваивается со всѣмъ, женщина же, въ частности скоро примиряется съ мыслью о томъ, что она любима, особенно, когда сама любитъ. Вопросъ о томъ, любитъ ли она меня, я задавалъ себѣ въ первую минуту, когда признался самъ передъ собою, что я ее люблю; съ того времени мысль эта разсматривается мною со всѣхъ сторонъ, я стараюсь взвѣсить всѣ обстоятельства такъ, какъ будто бы дѣло идетъ не обо мнѣ, и прихожу къ убѣжденію, что такъ оно и есть. Выходя замужъ, она любила меня, но не Кромицкаго, и рѣшилась на такой шагъ только съ отчаянія. Если бы еще Анеля вышла замужъ за человѣка необыкновеннаго, который увлекъ бы ее славой или идеей, если бы, наконецъ, она встрѣтилась съ какой-нибудь исключительной натурой, то, быть можетъ, забыла бы меня. Но вѣдь, Кромицкій не могъ ее увлечь своимъ денежнымъ неврозомъ, кромѣ того, вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ и вдобавокъ продалъ тотъ Глуховъ, который былъ такъ невыразимо дорогъ этимъ двумъ женщинамъ. Разсматривая Кромицкаго, насколько возможно, наиболѣе объективнѣе, нельзя не придти къ заключенію, что это человѣкъ мелкій, и что въ немъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы онъ могъ расположить къ себѣ это существо, полное идеальныхъ чувствъ и порывовъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ я, къ которому любовь у нея, по всей вѣроятности, еще не угасла, и со дня пріѣзда на ея сердце не могли не дѣйствовать и воспоминанія обо мнѣ, и каждое мое слово, и каждый мой взглядъ. Я привлекалъ ее къ себѣ не только тѣмъ знаніемъ, какое дается пріобрѣтеннымъ въ жизни опытомъ, но, прежде всего, той магнетической силой, которая проявлялась во мнѣ, благодаря моей искренней, глубокой любви. Если прибавить къ этому, что Анеля знала, сколько

я выстрадалъ по поводу ея рѣшенія въ ту минуту, когда посылалъ къ ней Снятыньскаго, что ей, навѣрно, было жаль меня, что чувство состраданія не могло въ ней угаснуть, то, принимая все это во вниманіе, я говорю себѣ: да, игра идетъ о жизни, но я играю при такихъ условіяхъ, что не могу проиграть.

Я, въ данномъ случаѣ, считаю себя настолько правымъ, насколько правъ каждый, кто защищаетъ свою жизнь. Говорю это не въ состояніи волненія, но спокойно разсуждая. У меня нѣтъ ничего, нѣтъ ни убѣжденій въ обширномъ смыслѣ слова, ни вѣрованій, ни принциповъ, никакой почвы подъ ногами, ибо всѣ эти основы жизни вытравили во мнѣ рефлексія и критика. У меня есть лишь присущая каждому человѣку жизненная энергія, которая, за неимѣніемъ выхода и примѣненія, сосредоточилась на чувствѣ къ этой женщинѣ. И вотъ я хватаюсь за эту любовь, какъ утопающій хватается за доску, и если у меня этого не будетъ, то я должно быть, перестану существовать. Когда меня спрашиваетъ умъ, почему же я не женился на Анелѣ, въ отвѣтъ говорю ему то, что уже разъ сказалъ: не женился я потому, что я человѣкъ не простой, но кривой. Такимъ меня выняньчили двѣ няни: рефлексія и критика. Почему та, а не иная женщина стала для меня якоремъ спасенія—не знаю. По всей вѣроятности, именно потому, что та, а не иная. Это не зависѣло отъ меня.

Если бы Анеля нынче стала свободной, я взялъ бы ее безъ колебанія, но, если бы она вовсе не вышла замужъ... то кто знаетъ... мнѣ стыдно высказать эту мысль, и, однако, быть можетъ, тогда она была бы для меня менѣе желанной.

И это вовсе не вытекало бы изъ какого-либо романтизма и не изъ того, что въ моихъ глазахъ бракъ есть сѣрая проза жизни. Меня смѣшатъ такіе устарѣлые взгляды. Однако, основываясь на совершившихся фактахъ, допускаю, что я сталъ бы анализировать до безконечности себя и Анелю и, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока ее кто-нибудь у меня не отнялъ бы.

Предпочитаю объ этомъ не думать, такъ какъ съ устъ моихъ готовы сорваться проклятія.

20 мая.

Сегодня я задумался надъ тѣмъ, что будетъ, если Анеля отвѣтитъ мнѣ взаимностью или, вѣрнѣе, признается въ ней? Вижу предъ собой счастье, но не вижу возможности овладѣть имъ. Мнѣ кажется, что если бы въ Плошовѣ, въ присутствіи этихъ женщинъ, я произнесъ бы слово: «разводъ», то домъ провалился бы сквозь землю. Объ этомъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ взгляды тети и госпожи П. такого рода, что ни одна изъ нихъ не перенесла бы подобнаго удара. На этотъ счетъ я не обольщаю себя надеждой и относительно Анели. Понятія ея такія же, какъ и у старшихъ дамъ. И, однако, съ той минуты, когда она признается, что меня любитъ, я произнесу это слово, и она должна будетъ освоиться съ мыслью о разводѣ. Нѣтъ иного выхода, да и разводъ можетъ состояться только послѣ смерти тети и госпожи П. Ничего другого не остается, какъ ждать. Кромицкій или согласится на это добровольно, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ я увезу Анелю, хотя бы въ Индію,

дѣло же о разводѣ или о признаніи недѣйствительности брака я поведу вопреки его желанію. Къ счастью, у меня нѣтъ недостатка въ средствахъ. Что касается меня, то я готовъ на все, и это внутреннее глубокое убѣжденіе вполнѣ оправдываетъ меня въ собственныхъ глазахъ. Теперь это не обыкновенный романъ, но чувство, въ которомъ концентрируется все мое существованіе. Его искренность и сила оправдываютъ мои поступки съ Анелей. Я знаю, что обманываю ее, увѣряя, будто мнѣ нужна только ея привязанность сестры—обманываю, увѣряя, что ничего не требую, но все это было бы злымъ обманомъ лишь въ такомъ случаѣ, если бы обманомъ была сама любовь. Въ виду ея искренности, это есть лишь тактика или дипломатія чувства. Она составляетъ необходимый аттрибутъ любви. Даже обрученные пускаются на хитрости, съ помощью которыхъ вынытываютъ другъ у друга разныя маленькія тайны. Что касается меня, то я остаюсь искреннимъ даже тогда, когда выдумываю.

21 мая.

Я сказалъ Анелѣ, что хочу чѣмъ-нибудь заняться, и, дѣйствительно, хочу, хотя бы потому, что говорилъ ей объ этомъ. Прежде всего рѣшаю перевезти коллекціи отца въ Варшаву, гдѣ построю музей Плошовскихъ. Это будетъ заслугой Анели и первымъ полезнымъ дѣломъ, которое явится послѣдствіемъ нашей любви. Заранѣе предвижу, что въ этомъ отношеніи у меня будетъ не мало хлопотъ съ итальянскимъ правительствомъ, такъ какъ существуетъ какой-то законъ, въ силу котораго воспрещается вывозить за границу разныя древности и цѣнныя произведенія искусства. Но это дѣло моего адвоката. Ахъ! припоминаю, что и та Мадонна Сассоферато, которую отецъ предназначилъ своей будущей невѣсткѣ, находится въ моей коллекціи. Я велю ее выслать тотчасъ, потому что она мнѣ здѣсь пригодится.

22 мая.

Какъ, однако, зла человѣческая натура! Этотъ Кромицкій, гдѣ-то въ далекихъ степяхъ кувыркающійся ради пріобрѣтенія милліоновъ, въ то время, когда здѣсь его женѣ нашептываютъ слова любви, какъ никакъ, кажется мнѣ смѣшнымъ. Меня заранѣе радуетъ, что эта мысль должна придти въ голову и Анелѣ, и если не придетъ, то я постараюсь открыть ей на все глаза. Весь Кромицкій великолѣпно обрисовывается тѣмъ, что, продавъ Глуховъ, оставилъ этихъ женщинъ безъ собственнаго крова надъ головой... Онъ, навѣрно, думалъ, что онѣ поселятся въ Одессѣ или въ Кіевѣ, а между тѣмъ болѣзнь госпожи П. привела Анелю въ Плошовъ.

Но, вѣдь, онъ зналъ, какъ слаба госпожа П., и долженъ былъ предвидѣть, что она можетъ тяжело заболѣть, и тогда Анеля останется сама подъ бременемъ заботъ и огорченій. Быть можетъ, дѣла настоятельно требуютъ его присутствія на дальнемъ востокѣ но, въ такомъ случаѣ, для чего онъ женился?

Завтра возвращаюсь въ Плошовъ. Я слишкомъ здѣсь тоскую, и притомъ мнѣ уже хочется взглянуть на Анелю, такъ какъ иногда мнѣ кажется, будто я хочу избѣгнуть отвѣтственности. Мнѣ надо было выѣхать послѣ признанія, но теперь надо вернуться. Кто знаетъ, быть можетъ, мое счастье больше, чѣмъ я предполагаю, быть можетъ, и она тоскуетъ по мнѣ?..

Сегодня я былъ у Снятыньскихъ и у Клары, которой не засталъ, и у извѣстной красавицы госпожи Корыцкой. Эта послѣдняя носитъ историческую фамилію, какъ жокейскую шапку, а поражаетъ остроуміемъ, какъ хлыстъ, которымъ она просѣкаетъ лица. Я, однако, ушелъ безъ синяка, напротивъ, она даже со мной немного кокетничала. Затѣмъ я сдѣлалъ еще визитовъ пятнадцать съ помощью визитныхъ карточекъ. Мнѣ хочется, чтобы люди думали, будто я постоянно живу въ Варшавѣ.

Въ виду того, что перевозка коллекцій отца меня не удовлетворяетъ, такъ какъ зависитъ только отъ моей воли и моего бумажника, но не труда, то я задумываюсь надъ тѣмъ, что бы еще сдѣлать. Люди моего общественнаго положенія у насъ вообще ограничиваются управленіемъ собственными имѣніями, что, говоря мимоходомъ, дѣлаютъ, большей частью, скверно, гораздо хуже меня. Еле нѣсколько человѣкъ изъ нихъ играютъ какую-нибудь роль въ общественной жизни. Выше я уже сказалъ, что здѣсь люди еще играютъ въ аристократію и демократію, и, слѣдовательно, есть между ними такіе, которые цѣлью своей жизни поставили борьбу съ демократическими теченіями и защиту общественной іерархіи. Что касается меня, то я, по моему мнѣнію, это такой же спортъ, какъ всякіе иные, а такъ какъ я не спортсменъ, то не могу принимать участія въ подобной игрѣ. Если бы даже это не была игра, если бы въ этомъ заключался какой-нибудь практическій смыслъ, то я слишкомъ большой скептикъ по отношенію къ обоимъ лагерямъ, чтобы мнѣ было возможно пристать къ какому нибудь изъ нихъ. Я не выношу демократіи, то есть, собственно, не людей плебейскаго происхожденія, но именно такихъ, которые считаютъ себя патентованными демократами. Объ аристократіи держусь того мнѣнія, что если, дѣйствительно, смыслъ ея существованія основывается на историческихъ заслугахъ предковъ, то большая часть этихъ заслугъ у насъ такого рода, что наслѣдники ихъ должны надѣть власяницы и посыпать главы свои пепломъ. Впрочемъ, оба эти лагеря, на самомъ дѣлѣ, сами въ себя не вѣрятъ за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ индивидуумовъ, слишкомъ глупыхъ. Иные притворяются искренними ради собственныхъ цѣлей, а такъ какъ я никогда не притворяюсь, то участіе въ подобной борьбѣ для меня дѣло неподходящее.

Существуютъ также синтетисты въ родѣ Снятыньскаго, которые стоятъ надъ этими двумя лагерями, готовые расплавить ихъ обоихъ въ своемъ синтезѣ. Тамъ есть люди дѣльные, но если бы я присоединился къ нимъ, то все же мнѣ пришлось бы еще что-нибудь дѣлать, ибо чувство—не работа и его надо какъ-нибудь проявить внѣшнимъ образомъ. Впрочемъ, Снятыньскій пишетъ драмы. Присматриваясь внимательнѣе къ общественной жизни, я нахожу, что мнѣ никакъ не удается къ чему-нибудь примкнуть. Какъ ни какъ, но странно, что человѣкъ, обладающій значительными средствами, образованіемъ, извѣстными способностями и волей, не имѣлъ возможности заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Опять съ устъ моихъ готовы сорваться проклятія, такъ какъ ясно вижу, что и здѣсь причина заключается въ моей умственной перерафинированности. На мнѣ должны производить діагнозъ старческой болѣзни вѣка и цивилизаціи, ибо она приняла во мнѣ типичный характеръ. Кто является скептикомъ по отношенію къ вѣрѣ, знанію, консерватизму, прогрессу и т. д., тому, дѣйствительно, очень трудно что-нибудь дѣлать.

Вдобавокъ еще мои стремленія несравненно больше возможности ихъ удовлетворенія. Всюду жизнь основывается на трудѣ, слѣдовательно, и здѣсь работаютъ люди, что невозможно отрицать. Однако, это трудъ рабочихъ лошадей, которыя съ усиліемъ свозятъ снопы въ амбары. Мнѣ, если бы даже хотѣлось послѣдовать ихъ примѣру, это не удастся. Я, породистый конь, могъ бы тянуть какую угодно карету, но обыкновенный возъ по песчаной дорогѣ любая кляча потянетъ ровнѣе и спокойнѣе меня. При постройкѣ дома я никакъ не сумѣлъ бы таскать кирпичи, но зато, быть можетъ, пригодился бы въ дѣлѣ орнаментовки. Къ несчастью, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обыкновенной постройкѣ и простой крышѣ, такихъ мастеровъ не надо.

Если бы, впрочемъ, я чувствовалъ въ себѣ внутреннее влеченіе къ труду или жаждалъ дѣлать что-нибудь, соотвѣтствующее догматамъ Снятыньскаго, то, быть можетъ, сумѣлъ бы тогда заставить себя приняться за какую-нибудь простую работу. Но, въ сущности, тутъ для меня важна лишь внѣшняя сторона дѣла. Я хочу работать для того, чтобы расположить къ себѣ любимую женщину. Анеля очень экзальтированная, и это, навѣрно, расположило бы ее ко мнѣ. И вотъ для этого, какъ мое самолюбіе, такъ и разсчетъ приказываютъ мнѣ занять видное положеніе въ обществѣ, которое могло бы возвысить меня въ ея глазахъ. Пока что, пусть работаетъ мой бумажникъ. Я перевезу отцовскія коллекціи, буду поддерживать разныя полезныя благотворительныя учрежденія и давать деньги, гдѣ понадобится.

Какъ, однако, удивительно вліяніе такой женщины, какъ Анеля! Вотъ сталкивается съ нею настоящій «геній безъ портфеля», такой исключительно безполезный человѣкъ, какъ я, и еле столкнулся, какъ уже чувствуетъ себя обязаннымъ сдѣлать что-нибудь хорошее, и это безъ всякаго воздѣйствія съ ея стороны. Чортъ меня возьми, если мнѣ когда-либо приходило въ голову располагать къ себѣ парижанку или вѣнку выписываніемъ своихъ коллекцій въ Парижъ или Вѣну.

Я уже возвращаюсь въ Плошовъ, такъ какъ мнѣ очень хочется быть съ моимъ добрымъ геніемъ.

23 мая.

Я отложилъ на нѣкоторое время поѣздку въ Плошовъ для того, чтобы дать возможность Анелѣ придти къ какому-нибудь рѣшенію. Въ Варшавѣ и во время возвращенія въ Плошовъ я старался отгадать, какъ именно она рѣшитъ. Я зналъ, что Анеля не могла прямо написать мужу: «Пріѣзжай и возьми меня, такъ какъ Плошовскій преслѣдуетъ меня своей любовью». Она не сдѣлала бы этого, если бы даже меня ненавидѣла. Для этого у нея слишкомъ деликатная натура. Не говоря уже о томъ, что это послужило бы поводомъ къ столкновенію между мной и Кромицкимъ, но Анеля, въ такомъ случаѣ, должна была бы покинуть больную мать, потому что госпожа П., вслѣдствіе своей болѣзни, не могла бы уѣхать изъ Плошова.

Положеніе Анели, дѣйствительно, трудное, и я принялъ его въ разсчетъ, прежде чѣмъ рѣшился на признаніе. Но при возвращеніи въ Плошовъ мной овладѣлъ страхъ при мысли, не придетъ ли ей въ голову запереться въ комнатѣ матери и, насколько возможно, избѣгать меня. Черезъ

минуту, однако, я успокоился. Въ деревнѣ и подъ одной крышей это совершенно невозможно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ бросалось бы въ глаза и обратило бы вниманіе тети и госпожи Ц., а затѣмъ вызвало бы разныя подозрѣнія, которыя дурно повліяли бы на здоровье послѣдней.

Правду сказать, я пользуюсь выгоднымъ положеніемъ безъ всякихъ щепетильностей, но кто такимъ образомъ не пользуется, когда любитъ? Я догадывался, что Анеля, какъ бы въ душѣ меня ни любила, не позволитъ, однако, мнѣ на будущее время повторить признанія и будетъ сопротивляться даже гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно сопротивляются замужнія женщины, ибо, въ силу ея принциповъ и скромности, каждая малѣйшая уступка будетъ казаться ей неслыханнымъ преступленіемъ. Но какимъ же образомъ она могла бы запретить мнѣ говорить ей о своей любви? Ей оставалось одно только средство, а именно: добиться моего добровольнаго на это согласія; у меня было предположеніе, что Анеля захочетъ поговорить со мной рѣшительно, и мое предположеніе оправдалось.

Пріѣхавъ въ Плошовъ, я нашелъ ее немного похудѣвшей, но, тѣмъ не менѣе, она посматривала на меня довольно бодро. Очевидно, у моей дорогой бѣдняжки были уже наготовѣ аргументы и она вѣрила въ ихъ силу; вѣрила, что когда ихъ выскажетъ, то мнѣ не останется ничего иного, какъ склонить голову и умолкнуть навсегда. Ангельская иллюзія, что на свѣтѣ правда можетъ быть только одна! О, моя Анеля, никогда не вступай со мной ни въ какія разсужденія, ибо, если я еще вѣрю въ какую-нибудь правду и въ какіе-нибудь аргументы, то развѣ въ правду и въ права любви, да притомъ у меня есть достаточно ловкости, чтобы каждый твой аргументъ вывернуть, какъ перчатку, и сдѣлать изъ него оружіе противъ тебя же. Не спасутъ тебя ни твои разсужденія, ни мое къ тебѣ состраданіе, такъ какъ чѣмъ ты окажешься чище, совершеннѣе, тѣмъ болѣе меня растрогаешь, тѣмъ сильнѣе я буду тебя любить, а чѣмъ сильнѣе полюблю, тѣмъ ты будешь болѣе для меня желанной. Въ данномъ случаѣ, у меня для тебя есть лишь крокодиловы слезы, которыя, вытекая, вмѣстѣ съ тѣмъ обостряютъ мою хищность. Это заколдованный кругъ любви.

При одномъ видѣ Анели я почувствовалъ себя въ этомъ заколдованномъ кругу. Послѣ полудня, въ день моего возвращенія, когда госпожа П. заснула на верандѣ, Анеля сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней въ глубину сада. Я понялъ по выраженію ея лица, которое поразило меня своей необыкновенной серьезностью, что теперь именно она хочетъ со мной переговорить, и поспѣшно направился за нею. По мѣрѣ того, какъ мы отдалялись отъ веранды, бодрость Анели, однако, начинала исчезать. Я замѣтилъ, что она поблѣднѣла, что, очевидно, ее страшитъ собственная энергія, но такъ какъ ей уже нельзя было отступить, то она стала говорить неувѣреннымъ голосомъ:

— Если бы ты зналъ, какъ я была несчастна въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней...

— Неужели ты думаешь, что мнѣ легко жить?—отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, не думаю, и потому у меня есть къ тебѣ большая просьба... Я знаю, что ты все понимаешь, что ты великодушенъ и добръ,

и оттого надѣюсь, что мнѣ не откажешь; я въ этомъ увѣрена, такъ какъ знаю тебя.

— Скажи мнѣ, чего ты требуешь?

— Леонъ, тебѣ надо уѣхать за границу и не возвращаться до тѣхъ поръ, пока мама не будетъ въ состояніи оставить Плошовъ.

Я былъ увѣренъ, что она именно этого потребуетъ, однако, въ теченіе минуты хранилъ молчаніе, какъ бы подыскивая отвѣтъ.

— Ты можешь мною распоряжаться, какъ тебѣ будетъ угодно,— проговорилъ я, — но скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, почему ты обрекаешь меня на изгнаніе?

— Я тебя не обрекаю на изгнаніе, но ты, вѣдь, знаешь, почему...

— Знаю,—отвѣтилъ я съ непритворной печалью и покорностью, — потому что пожертвовалъ бы ради тебя послѣдней каплей крови, знаю потому, что, если бы въ эту минуту кого-нибудь изъ насъ должна была поразить молнія, то я подставилъ бы свою грудь, чтобы защитить тебя, что охотно готовъ былъ бы перенести все зло, которое можетъ постигнуть тебя въ жизни, потому что люблю тебя больше жизни, и вотъ въ этомъ заключаются мои тяжкія прегрѣшенія...

— Нѣтъ,—съ усиліемъ прервала Анеля, — но оттого, что я жена человѣка, котораго люблю и уважаю, и что не хочу слушать такихъ словъ.

Внезапно, точно электрическая искра, меня потрясли нетерпѣніе и гнѣвъ. Я зналъ, что Анеля говоритъ неправду, что любовью и уваженіемъ къ мужу прикрываются всѣ замужнія женщины, когда имъ случается очутиться на распутьи жизни, всѣ безусловно, хотя бы у нихъ въ сердцѣ не было и тѣни тѣхъ чувствъ, о которыхъ онѣ говорятъ; и, однако, слова Анели такъ ударили по моимъ нервамъ, что я еле удержался отъ восклицанія: «Лжешь, такъ какъ ты его не любишь и не уважаешь!» Но одновременно у меня мелькнула мысль, что проявляемая ею энергія скоро изсякнетъ, и потому я отвѣтилъ почти покорно:

— Не сердись на меня, Анеля, я уѣду.

Я видѣлъ, что моя покорность ее обезоруживаетъ, и что ей жаль меня. Внезапно Анеля сорвала листокъ съ вѣтки и стала нервно его рвать. Она дѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы не расплакаться, грудь ея волновалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Я также былъ взволнованъ до глубины души и съ трудомъ продолжалъ:

— Не удивляйся, однако, что я стараюсь отдалить минуту разлуки, такъ какъ, вѣдь, это для меня ужасная обида. Я уже тебѣ сказалъ, что ничего не требую, кромѣ того, чтобы мнѣ можно было дышать тѣмъ самымъ воздухомъ, которымъ ты дышешь, и смотрѣть на тебя. Видитъ Богъ, что это не слишкомъ много, а между тѣмъ въ немъ заключается все мое благо... А ты хочешь отнять у меня и это! Подумай только: каждый можетъ сюда пріѣхать, бесѣдовать съ тобой, смотрѣть на тебя, только не я, и лишь потому, что ты мнѣ безконечно дороже, чѣмъ другимъ. Какая утонченная жестокость судьбы! Войди на минуту въ мое положеніе. Тебѣ, конечно, это трудно, такъ какъ тебѣ незнакома эта пустота, ты любишь мужа, или воображаешь, что любишь, а это почти все

равно, но представь себя на моемъ мѣстѣ и ты увидишь, что мое положеніе хуже смерти. Надо, вѣдь, и ко мнѣ имѣть хотя немного сострадания. Знаешь ли о томъ, что, удаляя меня отъ себя, ты не только лишаешь меня радости смотрѣть на тебя, но лишаешь единственной основы жизни. Тебѣ извѣстно, что я вернулся на родину съ тѣмъ, чтобы для нея работать. Быть можетъ, я нашелъ бы въ этомъ забвеніе и покой и, быть можетъ, этимъ искупилъ бы мои прежнія вины; вотъ и теперь я намѣренъ перевезти отцовскія коллекціи; а ты приказываешь мнѣ отказаться отъ всего этого, все бросить, ѣхать, Богъ знаетъ, куда и снова начать прежнюю безцѣльную, безпросвѣтную жизнь. Хорошо, я уѣду! Но уѣду, если ты мнѣ черезъ три дня повторишь это приказаніе, такъ какъ въ эту минуту я предполагаю, что ты не знала, чѣмъ является для меня твое приказаніе. Теперь ты уже знаешь! Прошу у тебя три дня, и ничего болѣе!

Анеля закрыла глаза ладонью и стала повторять:

— Ахъ, Боже! Боже! Боже!

Въ этомъ было что-то до того трогательное, такая жалоба ребенка на свою безпомощность, что и мной овладѣло чувство необыкновенной жалости. Была минута, когда мнѣ хотѣлось пасть къ ея ногамъ и согласиться на все, чего она требовала, но именно въ этой жалобѣ я замѣтилъ предвѣстье моей близкой побѣды и пожалѣлъ лишиться ея плодовъ.

— Выслушай меня, — проговорилъ я,—въ одномъ лишь случаѣ я уѣхалъ бы немедленно, даже сегодня: если бы я зналъ, что это тебѣ необходимо не только для того, чтобы я не смущалъ твоего покоя, но и для твоего собственнаго сердца. Говорю тебѣ, какъ другъ и братъ: мнѣ извѣстно отъ тети, что ты меня любила, и если это чувство въ тебѣ не угасло, то завтра меня здѣсь не будетъ.

Слова эти были вызваны моимъ искреннимъ страданіемъ, и, однако, они были страшной засадой для Анели, потому что могли вырвать у нея признаніе, и если бы это случилось, то, право, не знаю, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, я уѣхалъ бы, но въ первую минуту заключилъ бы ее въ свои объятія. Однако, она вздрогнула, какъ будто я неосторожно прикоснулся къ ея ранѣ. Лицо ея моментально запылало гнѣвомъ и возмущеніемъ.

— Нѣтъ!—въ волненіи воскликнула Анеля, это неправда! неправда! Уѣзжай или оставайся, но это неправда! неправда!

Я же по ея волненію понялъ, что это можетъ быть правдой. Меня охватило дикое желаніе грубо сказать ей это прямо въ глаза, но издали я замѣтилъ приближающуюся къ намъ тетю. Анеля не сумѣла во-время овладѣть собой, такъ что тетя, взглянувъ на нее, тотчасъ спросила:

— Что съ тобой? О чемъ вы говорили съ Леономъ?

— Анеля, отвѣтилъ я, разсказывала мнѣ, какъ дурно повліяла на здоровье ея матери продажа Глухова, и меня, конечно, не удивляетъ, что это ее взволновало....

Истощились ли силы Анели, или подѣйствовала моя ложь, къ которой она своимъ молчаніемъ должна была присоединиться, переполнилась ли чаша горечи,—довольно того, что въ эту минуту она разразилась неудер-

жимымъ плачемъ; спазматическія рыданія потрясали все ея тѣло; тетя обняла ее и прижала къ своей груди, какъ ребенка.

— Моя Анеля!—проговорила она,—моя любовь! Что же дѣлать.... На все Божья воля! Вотъ у меня во время послѣдней бури градъ уничтожилъ посѣвы въ пяти фольваркахъ, а я даже дурного слова не сказала господину Хвастовскому.

Не знаю почему, это упоминаніе о градѣ и пяти фольваркахъ показалось мнѣ такимъ эгоистичнымъ и такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ одной слезой Анели, что во мнѣ закипѣла злоба на тетю.

— Что тамъ фольварки!—замѣтилъ я рѣзко.—Для нея здѣсь дѣло идетъ о здоровьѣ матери.

И я съ горечью ушелъ, такъ какъ чувствовалъ, что причиняю мученія женщинѣ, которую люблю болѣе всего на свѣтѣ. Битву я выигралъ почти на всей линіи, а между тѣмъ въ душѣ моей необыкновенная печаль, какъ будто будущее грозитъ мнѣ чѣмъ-то невѣдомымъ и страшнымъ.

25 мая.

Нынче третій день со времени нашего послѣдняго разговора. Анеля не повторила мнѣ своего требованія, и, слѣдовательно, я остаюсь. Она мало со мной разговариваетъ, большую часть времени просиживаетъ въ своей комнатѣ и неособенно избѣгаетъ меня, потому что боится обратить этимъ вниманіе старшихъ дамъ. Я стараюсь быть по отношенію къ ней добрымъ, заботливымъ, но не навязываюсь ей, такъ какъ хочу, чтобы ей казалось, что моя любовь сама себя выдаетъ, но что я дѣлаю, что могу, лишь бы затаить ее въ себѣ. Она должна видѣть, что чувство мое усиливается, ибо, на самомъ дѣлѣ, оно усиливается съ каждой минутой. Невозможно, чтобы это на нее не дѣйствовало. Какъ ни какъ, у насъ уже есть свой особый міръ, въ которомъ насъ только двое, у насъ есть наши общія тайны по отношенію къ тетѣ и госпожѣ П. Когда мы говоримъ о безразличныхъ вещахъ, когда стараемся въ присутствіи людей сохранить внѣшнюю форму прежнихъ отношеній, то чувствуемъ оба, что на днѣ нашихъ душъ есть что-то иное; наконецъ, у меня есть извѣстныя слова и взгляды, которые понимаетъ только она. Это явилось какъ-то само собой, силою вещей, и хотя явилось скорѣе противъ воли, чѣмъ съ согласія Анели, однако, это насъ соединяетъ. Время, привычка съ ея стороны и мое терпѣніе довершатъ остальное. Я изъ своей любви создамъ тысячи такихъ нитей, которыми опутаю ее, и которыя все крѣпче будутъ насъ соединять. Это было бы напраснымъ трудомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она любила мужа. Тогда я, навѣрно, возбудилъ бы въ ней ненависть къ себѣ. Но прошлое за меня, а настоящее не принадлежитъ Кромицкому. Я раздумываю надъ этимъ совершенно объективно, какъ будто бы являюсь постороннимъ лицомъ, и всегда прихожу къ тому убѣжденію, что она его любить не можетъ. Сопротивленіе Анели—это внутренняя борьба исключительно чистой души, которая не допускаетъ даже мысли объ измѣнѣ. Я не самообольщаюсь: знаю, что сопротивленіе будетъ продолжительное и упорное. Мнѣ приходится всегда быть внимательнымъ, все разсчитывать, во всемъ отдавать себѣ ясный отчетъ и плести свою сѣть изъ самыхъ тончайшихъ, почти невидимыхъ нитей. Мнѣ нельзя

нажать ни одинъ клавишъ ни преждевременно, ни слишкомъ сильно, но зато я буду остерегаться ошибокъ и не перестану дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока не создамъ то, что мнѣ нужно. Наконецъ, если мнѣ случится сдѣлать кой-какія ошибки, то все же онѣ будутъ вытекать изъ моей любви, и я надѣюсь, что тѣмъ самымъ онѣ послужатъ мнѣ въ пользу.

26 мая.

Сегодня я увѣдомилъ Снятыньскаго, что окончательно рѣшилъ перевезти отцовскія коллекціи въ Варшаву. Мной руководилъ въ данномъ случаѣ такой разсчетъ, что черезъ него извѣстіе это попадетъ въ редакціи газетъ, которыя не замедлятъ придать моему плану значеніе большой заслуги по отношенію къ обществу. Это невольно наведетъ Анелю на сравненіе меня съ Кромицкимъ, которое, разумѣется, окажется въ мою пользу. Отсюда я отправилъ депешу, чтобы мнѣ, какъ можно скорѣе и отдѣльно, выслали Мадонну Сассоферато.

За завтракомъ я нарочно при всѣхъ сказалъ Анелѣ, что отецъ мой завѣщалъ ей эту картину, что ее смутило, такъ какъ она тотчасъ догадалась, что отецъ считалъ ее тогда своей будущей невѣсткой. Дѣйствительно, въ завѣщаніи имя ея не было даже упомянуто и было сказано только: «голову Мадонны, № такой-то предназначаю своей будущей невѣсткѣ». Но, собственно, потому я и хотѣлъ отдать ее Анелѣ. Между тѣмъ упоминаніе объ этомъ завѣщаніи вызвало въ насъ обоихъ цѣлый рой воспоминаній. Мнѣ хотѣлось направить мысль Анели къ тѣмъ, прежнимъ временамъ, когда она меня любила и могла спокойно, безпрепятственно любить. Я знаю, что съ того періода въ сердцѣ ея осталось по отношенію ко мнѣ много горечи. Иначе быть не можетъ. Но сердце ея навсегда закрылось бы для меня, если бы не просьба, переданная мною въ послѣднюю минуту чрезъ Снятыньскаго. Это является обстоятельствомъ, смягчающимъ мои вины. Вспоминая это, Анеля должна подумать, что я хотѣлъ все поправить, что ее любилъ, страдалъ, каялся и каюсь до сихъ поръ, если же мы оба теперь несчастливы, то, вѣдь, и она въ этомъ отчасти виновата. Такого рода мысли должны ее довести до отпущенія мнѣ грѣховъ, до сожалѣнія о прошломъ и о томъ счастьѣ, которое въ настоящее время было бы для насъ хлѣбомъ насущнымъ, если бы не мои вины и не ея суровость.

И теперь я замѣтилъ по ея лицу, что она боится тѣхъ опьяняющихъ видѣній и что жаждетъ разсѣять ихъ разговоромъ объ обыденныхъ вещахъ. Тетя въ настоящее время такъ занята предстоящими скачками и ожидаемой побѣдой нашего коня, что ни о чемъ иномъ не можетъ думать. И вотъ Анеля стала разговаривать съ нею о скачкахъ. Но она говорила, лишь бы говорить, и вслѣдствіе этого очень разсѣянно, а въ концѣ концовъ задала нѣсколько вопросовъ такого рода, что тетя не выдержала и сказала ей:

— Дитя мое, вижу, что ты не имѣешь ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое скачки.

Мой взглядъ сказалъ ей: «я знаю, что въ эту минуту ты хочешь заглушить свои мысли», и она поняла меня такъ ясно, какъ будто я высказалъ это словами. Дѣйствительно, я почти увѣренъ, что она такъ же

поглощена нашими взаимными отношеніями, какъ и я. Идея о любви внѣ брака уже привита ея душѣ, проникла въ нее и не оставляетъ ее ни на минуту. Анеля должна съ нею жить и сжиться. При такихъ условіяхъ сердце женщины, даже любящей мужа, можетъ постепенно охладѣть къ нему. Капля воды, падая безъ перерывовъ, выдалбливаетъ даже камень. Если Анеля хотя немного любитъ меня, если даже любитъ только наше прошлое, то она должна быть моею. Я не могу думать объ этомъ спокойно, такъ какъ меня душитъ предчувствіе счастья.

Кой-гдѣ на берегахъ морей есть зыбучіе пески. Для путника, попавшаго на нихъ, нѣтъ спасенія. Мнѣ иногда кажется, что моя любовь подобна тѣмъ пескамъ. Я втягиваю въ нее Анелю, но и самъ погружаюсь все глубже и глубже.

Лишь бы вмѣстѣ!

28 мая.

Тетя теперь ежедневно просиживаетъ по нѣсколько часовъ въ Бужанахъ, одномъ изъ своихъ фольварковъ, отстоящемъ на разстояніи семи верстъ отъ Плошова, гдѣ проводитъ время въ восхищеніи «Naughty-boy» и въ наблюденіи за англичаниномъ Вебомъ, который тренируетъ лошадей. Вчера я пробылъ тамъ часъ или полтора. «Naughty-boy», на самомъ дѣлѣ, многообѣщающая лошадь и, быть можетъ, не окажется слишкомъ «naughty», когда придется показать себя на дѣлѣ. Впрочемъ, можетъ ли это меня интересовать! Разныя дѣла призываютъ меня въ городъ, а между тѣмъ мнѣ жаль оставить Плошовъ. Госпожа П. чувствуетъ себя хуже, чѣмъ дня два тому назадъ. Молодой Хвастъ, какъ его называетъ тетя, считаетъ это, однако, временной слабостью и совѣтуетъ только, чтобы постоянно кто-нибудь былъ около больной и развлекалъ ее, потому что, оставаясь одна, бѣдная женщина тотчасъ начинаетъ раздумывать о потерѣ любимаго Глухова и еще болѣе разстраиваетъ свои нервы. Я стараюсь выказывать по отношенію къ ней чуть ли не сыновнюю заботливость и, такимъ образомъ, заслужить благодарность Анели, а также пріучаю ее считать меня человѣкомъ болѣе близкимъ. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ уже прежней обиды къ госпожѣ П., потому что она слишкомъ несчастна, да притомъ я уже начинаю любить всѣхъ близкихъ Анелѣ, всѣхъ, кромѣ одного. Вчера и сегодня я провелъ нѣсколько часовъ у больной, въ обществѣ Анели и Хваста. Мы читали и бесѣдовали. Госпожа П. не спитъ по ночамъ, а такъ какъ докторъ не даетъ ей хлорала, то, послѣ каждаго продолжительнаго разговора, она обыкновенно погружается въ глубокій сонъ, и, что всего удивительнѣе, ее пробуждаетъ тишина. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ она спитъ, мы продолжаемъ читать и разговаривать. Такъ было и сегодня. Если бы не присутствіе доктора, я могъ бы совершенно свободно бесѣдовать съ Анелей.

Въ сегодняшнихъ газетахъ сообщалось объ окончаніи бракоразводнаго процесса извѣстной красавицы госпожи Корыцкой. Вся Варшава чрезвычайно интересуется этимъ дѣломъ и особенно тетя, которая находится въ дальнемъ родствѣ съ Корыцкимъ. Я тотчасъ рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы привить Анелѣ нѣсколько такихъ понятій, которыхъ у нея до сихъ поръ еще не было.

— Тетя,—проговорилъ я тономъ глубокаго убѣжденія,—несправед-

ливо нападаетъ на госпожу Корыцкую. По моему мнѣнію, она поступаетъ, какъ женщина умная и правдивая. Человѣческая воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, даже вы, тетя, должны съ этимъ согласиться. Если госпожа Корыцкая любитъ другого, то ей ничего не остается иного, какъ разстаться съ мужемъ. Я знаю, что сказала бы тетя, и что, по всей вѣроятности, въ эту минуту думаешь и ты, Анеля: ты думаешь, что ей остается долгъ, не правда ли?

— Я думаю, что и ты того же мнѣнія,—отвѣтила Анеля.

— Безъ сомнѣнія. Вопросъ заключается лишь въ томъ, по отношенію къ кому госпожа Корыцкая должна выполнить свой долгъ?

Для меня было не совсѣмъ понятно, для чего въ эту минуту молодой докторъ оговорился, что не признаетъ свободной воли; затѣмъ, однако, онъ сталъ меня внимательно слушать, такъ какъ ему нравилась смѣлость моихъ воззрѣній.

Я же, видя удивленіе на лицѣ Анели, продолжалъ:

— Что можетъ быть болѣе дикаго и болѣе противнаго природѣ, какъ требовать отъ кого-то, чтобы онъ пожертвовалъ болѣе любимымъ существомъ ради менѣе любимаго? Разныя религіозныя вѣрованія могутъ быть самыми противоположными другъ другу, однако, у всѣхъ этика одинакова, и вотъ бракъ, согласно этой этикѣ, долженъ основываться на любви. Слѣдовательно, что же онъ есть? Или что-то несокрушимое и, дѣйствительно, святое, если покоится на такомъ фундаментѣ, какъ любовь, или, въ противномъ случаѣ, только несогласный съ моралью и религіей контрактъ, который, какъ безнравственный, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Иначе говоря, обязанности женщины вытекаютъ изъ чувства, не никакъ не изъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе торжественныхъ обрядовъ, которые, сами по себѣ, являются лишь рядомъ формальностей. Я говорю это, какъ человѣкъ, который сущность цѣнитъ больше, чѣмъ форму. Знаю, что слово «измѣна» звучитъ очень страшно. Но не обманывайте себя тѣмъ, что женщина становится невѣрной лишь въ то время, когда бросаетъ мужа, нѣтъ, она является таковою всецѣло уже въ ту минуту, когда чувствуетъ, что любовь ея къ мужу угасаетъ. Что наступаетъ потомъ, такъ это уже является вопросомъ ея способности къ логическимъ выводамъ, ея смѣлости и ея сердца, которое умѣетъ или не умѣетъ любить. Госпожа Корыцкая любила человѣка, ради котораго теперь ведетъ дѣло о разводѣ, еще раньше, чѣмъ связала себя брачными узами съ своимъ нынѣшнимъ мужемъ и не отдала ему своей руки только вслѣдствіе недоразумѣній. Конечно, госпожа Корыцкая сдѣлала ошибку, но разъ она теперь хочетъ ее поправить, разъ она поняла, что нельзя жертвовать любимымъ существомъ ради нелюбимаго, и что обязанности ея должны быть тамъ, гдѣ ея чувство, то все это могутъ поставить ей во зло или фарисеи, или люди съ повязкой на глазахъ.

Въ моихъ словахъ было столько же лжи, сколько и искренности. Мнѣ было извѣстно, что тетя никогда не согласилась бы съ теоріей, что воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, но я сказалъ такъ нарочно, чтобы въ глазахъ Анели истина эта стала бы несомнѣнной и проникла бы ей въ душу. Я зналъ также, что госпожа Корыцкая—особа легкомысленная, изъ-за которой не стоитъ говорить о принципахъ, и, наконецъ, я выду-

малъ исторію о ея первой любви лишь для того, чтобы сдѣлать аналогію болѣе подходящей къ нашимъ отношеніямъ. Но я былъ искрененъ въ томъ, что говорилъ о правахъ и обязанностяхъ, вытекающихъ изъ чувства, хотя, быть можетъ, въ глубинѣ души, и не признавалъ бы ея такъ искренно, если бы она менѣе соотвѣтствовала моимъ цѣлямъ, но человѣкъ всегда субъективенъ и особенно такой человѣкъ, который усомнился во всѣхъ объективныхъ истинахъ.

Я говорилъ, имѣя въ виду собственные интересы, и былъ бы глупцомъ, если бы говорилъ противъ самого себя. Прививая Анелѣ такого рода понятія, я хотѣлъ ускорить желанную эволюцію въ ея душѣ, такъ какъ они могли оправдать ее въ собственныхъ глазахъ. Принимая во вниманіе ея впечатлительность, я предполагалъ, что прививка моя, хотя отчасти, примется. Она отлично меня понимала, и мнѣ легко было замѣтить, что каждое мое слово играетъ на ея нервахъ, какъ на струнахъ. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, на лицѣ ея появились розовыя пятна: Анеля нѣсколько разъ прикладывала руку къ пылающимъ щекамъ, какъ бы желая ихъ охладить, и, наконецъ, когда я кончилъ, сказала:

— Все можно доказать, но, когда дурно поступаешь, совѣсть всегда скажетъ: «дурно! дурно!» и тутъ уже никакія доказательства не помогутъ.

Молодой Хвастовскій, навѣрно, долженъ былъ въ эту минуту подумать, что у Анели полнѣйшее отсутствіе философскаго образованія, мнѣ же приходится сознаться, что въ первую минуту я испыталъ то же, какъ если бы, напримѣръ, при фехтованіи попалъ остріемъ своей шпаги въ стѣну. Отвѣтъ Анели своей простотой и догматичностью уничтожилъ всѣ мои выводы. Ибо, если принципъ, заключающійся въ томъ, что воля кончается тамъ, гдѣ начинается любовь, можетъ въ концѣ концовъ подлежать сомнѣнію, то, наоборотъ, безусловной аксіомой является то, что гдѣ начинается догматъ, тамъ кончаются разсужденія. Женщины вообще, но особенно польки, до тѣхъ поръ мирятся съ логикой, пока она не становится для нихъ грозной. Когда замѣтятъ опасность, тотчасъ прячутся въ крѣпость простыхъ вѣрованій и истинъ катехизиса, которую можетъ разрушить только одно чувство, такъ какъ умъ предъ этой крѣпостью безсиленъ. Это ихъ слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ сила, потому что, хотя мышленіе ихъ, благодаря этому, не отличается такой крѣпостью, какъ у мужчинъ, зато добродѣтель ихъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть непреодолима. Демонъ не сумѣетъ ввести въ искушеніе такую женщину, развѣ только въ случаѣ, если ее полюбитъ, ибо путемъ разсужденій онъ ничего съ ней не подѣлаетъ, хотя бы былъ безусловно правъ.

Въ виду всего этого мной овладѣла апатія. Въ самомъ дѣлѣ, каждое зданіе, возводимое мною съ такимъ трудомъ и стараніемъ, Анеля можетъ опрокинуть однимъ окрикомъ: «Дурно! совѣсть этого не позволяетъ!» И предъ этимъ я остаюсь безсильнымъ. Притомъ мнѣ надо соблюдать большую осторожность, чтобы ее не пугать излишней смѣлостью воззрѣній, которыя я стараюсь ей привить и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь оттолкнуть ее отъ себя.

И, однако, я не могу отказаться и отъ такого рода усилій. Правда, они никогда не сыграютъ главной роли въ процессѣ сближенія ея души

съ моею, но могутъ сыграть вспомогательную роль—и ускорить развязку. Они мнѣ ни къ чему не пригодятся лишь въ томъ случаѣ, если она меня не любитъ. Это было бы страшной ошибкой, но и тогда должна была бы наступить какая-нибудь развязка.

29 мая.

Сегодня я засталъ Анелю въ столовой, стоящей на стулѣ предъ большими данцигскими часами, въ которыхъ что-то испортилось. Въ ту минуту, когда она поднялась на носки, желая поставить стрѣлку, стулъ зашатался подъ нею. Я успѣлъ только вскрикнуть: «Упадешь!»—и, схвативъ ее на руки, поставилъ на землю. Только одно мгновеніе я прижималъ къ груди это дорогое существо и чувствовалъ дыханіе ея на своемъ лицѣ, и, однако, у меня до того закружилась голова, что я принужденъ былъ схватиться за спинку стула, чтобы не упасть. Она это видѣла... она знаетъ, что я безумно ее люблю! Сегодня я не могу далѣе писать.

30 мая.

Цѣлый день былъ для меня отравленъ, потому что Анеля опять получила письмо отъ Кромицкаго. Я слышалъ, какъ она говорила тетѣ, что онъ самъ не знаетъ, когда ему удастся пріѣхать, быть можетъ вскорѣ, быть можетъ, только черезъ два мѣсяца. Мнѣ даже трудно представить, какъ я перенесу его присутствіе возлѣ Анели. Иногда кажется, что не перенесу. Я разсчитываю лишь на счастливое совпаденіе обстоятельствъ, которое можетъ задержать его прибытіе. Хвастовскій заявилъ, что госпожѣ П. необходимо отправиться въ Гаштейнъ, какъ только позволятъ ей это силы. Это такъ далеко отъ Баку, что, по всей вѣроятности, Кромицкому покажется, слишкомъ далеко. Я же, какъ Богъ святъ, поѣду! Что за счастливая мысль пришла въ голову этому Хвастовскому какъ для меня, такъ и для госпожи П., которой тамошнія купанья могутъ, дѣйствительно, поправить здоровье. Я тоже измученъ и нуждаюсь въ свѣжемъ горномъ воздухѣ, а еще болѣе нуждаюсь въ обществѣ Анели. Завтра ѣду въ Варшаву и пошлю телеграмму въ управленіе курорта, чтобы для дамъ приготовили помѣщеніе. Если все тамъ занято, я готовъ купить всю виллу. Когда госпожа П. стала говорить о трудностяхъ и хлопотахъ, какія обрушатся на Анелю въ случаѣ отъѣзда, я сказалъ ей: «Предоставьте все это мнѣ», а затѣмъ, обратившись къ Анелѣ, тише добавилъ: «Я устрою все, какъ для собственной матери». Было очевидно, что госпожа П., которая все менѣе вѣритъ въ милліоны Кромицкаго, боится, какъ бы пребываніе въ Гаштейнѣ не обошлось имъ слишкомъ дорого, но я уже рѣшилъ показать имъ фиктивный контрактъ, главные же расходы взять на себя. Натурально, я пока не обмолвился ни однимъ словомъ, что тоже собираюсь въ Гаштейнъ, но постараюсь такъ ловко повести дѣло, чтобы тетя сама мнѣ это предложила, и предполагаю, что доведу ее до этого, такъ какъ она даже и не думаетъ меня подозрѣвать. Я почти убѣжденъ, что, какъ начну придумывать и выискивать, гдѣ бы провести лѣто, тетя скажетъ мнѣ: «Да поѣзжай съ ними, и имъ и тебѣ будетъ веселѣе». Знаю, что Анелю это встревожитъ, а, быть можетъ, въ самомъ потайномъ уголкѣ души и обрадуетъ. Быть можетъ, ей вспомнится стихъ изъ Кардіона: «Ты всюду: надо мной, возлѣ меня и во мнѣ!»

Дѣйствительно, любовь моя создаетъ возлѣ нея заколдованный кругъ, окружаетъ ее, обвиваетъ, проникаетъ въ ея сердце въ формѣ заботливости о ней и ея матери, въ формѣ услугъ, отъ которыхъ нельзя отказаться, чтобы не открыть матери глазъ на то, что происходитъ, чтобы не ухудшить состоянія ея здоровья подобнымъ открытіемъ; любовь моя проникаетъ въ ея сердце еще и въ формѣ благодарности ко мнѣ и сочувствія къ моему великому страданію, а также охватываетъ ее силою воспоминаній.

Съ утра до вечера Анеля слышитъ только похвалы мнѣ; тетя ослѣплена мною, какъ всегда; молодой Хвастовскій, желая выказать безпристрастіе, на какую способны люди его лагеря, утверждаетъ, что я являюсь исключеніемъ въ своемъ «гниломъ обществѣ»; мнѣ даже удалось расположить къ себѣ госпожу П. И выказываю къ ней такую сердечность, что она теперь меня любитъ, пожалуй, невольно, а я увѣренъ, что въ глубинѣ души жалѣетъ, что я не мужъ Анели. Словомъ, Анелю окружаетъ атмосфера любви, составленная изъ людей и природы.

А ты, дорогая, неужели противостоишь всѣмъ этимъ силамъ? Когда же ты придешь ко мнѣ и скажешь: «Я уже не могу долѣе противиться— возьми меня, такъ какъ я тебя люблю!»

Варшава, 31 Мая.

Госпожа Л., попечительница одного изъ здѣшнихъ благотворительныхъ обществъ, просила Клару дать второй концертъ въ пользу опекаемаго ею общества. Клара отказалась, объяснивъ свой отказъ тѣмъ, что она работаетъ теперь надъ большимъ музыкальнымъ произведеніемъ и потому нуждается въ сосредоточеніи всѣхъ своихъ умственныхъ силъ на немъ. Къ письму, которое было образцомъ любезнаго отказа, Клара присоединила, однако, такую же сумму, какую доставилъ ей первый концертъ. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ ея поступокъ въ Варшавѣ. Газеты до сихъ поръ пишутъ объ этомъ, вознося до небесъ артистку и ея великодушіе. Натурально, что состояніе ея отца, который, дѣйствительно, очень богатъ, благодаря этимъ разсказамъ, увеличилось въ три раза. Неизвѣстно, откуда въ обществѣ распространился слухъ, будто Клара выходитъ за меня замужъ. Быть можетъ, поводомъ къ такому слуху послужили наше давнишнее знакомство и дружба, а также преувеличенныя извѣстія о милліонахъ артистки? Меня это немного раздосадовало, но, по нѣкоторомъ размышленіи, я рѣшилъ не противорѣчить слуху, такъ какъ, благодаря ему, мои отношенія къ Анелѣ будутъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Когда сегодня я былъ на утреннемъ пріемѣ у Клары, ко мнѣ приблизилась госпожа Корыцкая и при всемъ обществѣ, состоявшемъ изъ представителей музыкальнаго міра и нашего варшавскаго «high-lif», во весь голосъ сказала:

— Кузенъ, кто это въ миѳологіи не могъ устоять противъ пѣнія сирены?

— Никто не устоялъ, кузина,—отвѣтилъ я,—за исключеніемъ Одиссея, но и тотъ устоялъ только потому, что былъ привязанъ къ мачтѣ.

— А ты оказался менѣе осмотрительнымъ?

Нѣсколько лицъ, видимо, съ нетерпѣніемъ ждали моего отвѣта, а потому я проговорилъ:

— Иногда и это не помогаетъ. Тебѣ, въ особенности, должно быть извѣстно, что любовь разрываетъ всякія узы.

Госпожа Корыцкая, не смотря на всю свою увѣренность въ себѣ, смутилась, я же одержалъ одну изъ тѣхъ маленькихъ побѣдъ, о которыхъ разсказываютъ въ салонахъ съ неизмѣннымъ цитированіемъ пословицы: «Нашла коса на камень!»

Говорятъ ли люди или не говорятъ о томъ, что я женюсь на Кларѣ, для меня это все равно, но, въ виду упомянутой уже мною причины, предпочитаю, чтобы говорили. Я, однако, не ожидалъ, что мой визитъ къ Кларѣ кончится для меня непріятно и благодаря ей самой. Когда разошлись гости, и остался только я со Снятыньскимъ, Клара начала намъ играть недавно написанный ею концертъ и, дѣйствительно, такой прекрасный, что мы не могли найти достаточно похвалъ. Между тѣмъ, Клара, повторивъ, по нашей просьбѣ, финалъ, внезапно сказала:

— Это прощаніе, такъ какъ все на свѣтѣ кончается прощаніемъ.

— Но, вѣдь, вы не думаете насъ оставить?

— Самое большее черезъ десять дней я должна быть во Франкфуртѣ,—отвѣтила Клара.

Тутъ Снятыньскій обратился ко мнѣ:

— Что же ты скажешь на это, ты, который въ Плошовѣ обольщалъ насъ надеждой, что mademoiselle Клара Гильстъ навсегда останется съ нами?

— И еще разъ повторю, что воспоминаніе о mademoiselle Кларѣ навсегда останется съ нами.

— Я тоже это такъ поняла,—съ наивнымъ спокойствіемъ отвѣтила Клара.

Мной овладѣла злость на себя, на Снятыньскаго и на Клару. Я не настолько тщеславенъ и глупъ, чтобы меня могла радовать каждая такая побѣда, и мысль о томъ, что Клара, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, любитъ меня и питаетъ какую-то надежду, была для меня чрезвычайно непріятной. Я зналъ, что она питаетъ ко мнѣ какое-то неопредѣленное чувство, которое въ данномъ случаѣ могло очень сильно развиться, но не ожидалъ, чтобы Клара могла чего-то требовать или на что-то надѣяться. Внезапно мнѣ пришло въ голову, что это заявленіе объ отъѣздѣ можетъ быть только желаніемъ убѣдиться, какое оно произведетъ на меня дѣйствіе. Я принялъ его очень холодно. Такая любовь, какую я питаю къ Анелѣ, должна была бы пріучить меня къ сочувствію, а, между тѣмъ, печаль Клары и ея упоминаніе объ отъѣздѣ не только не взволновали меня, но показались мнѣ прямо дерзкой претензіей и даже оскорбленіемъ.

Почему? Вѣдь, не играла же тутъ роли сословная гордость. Я слишкомъ далекъ отъ подобнаго рода воззрѣній. Въ первую минуту мнѣ трудно было дать себѣ отчетъ въ этомъ, но теперь я объясняю это странное явленіе тѣмъ, что все мое существо такъ исключительно и безраздѣльно принадлежитъ Анелѣ, что мнѣ кажется, будто каждая женщина, требующая отъ меня хотя бы самой незначительной доли любви, тѣмъ самымъ посягаетъ на собственность Анели. Это объясненіе для меня достаточно.

Безъ сомнѣнія, я распрощаюсь съ Кларой очень сердечно, когда она уже будетъ въ вагонѣ, но это преждевременное заявленіе объ отъѣздѣ

вызвало во мнѣ непріятное чувство! Развѣ только одной Анелѣ можно было бы безнаказанно топтать мои нервы. Никогда мнѣ не случалось смотрѣть на Клару такъ критически, какъ въ эту минуту. Впервые я замѣтилъ, что пышность ея формъ, ея свѣтлый цвѣтъ лица, темные волосы, голубые слишкомъ выпуклые глаза, губы цвѣта вишни, словомъ, вся ея красота напоминаетъ банальныя картины, представляющія гаремныхъ гурій или, что еще хуже, олеографіи, встрѣчающіяся во второстепенныхъ отеляхъ.

Я вышелъ отъ Клары въ самомъ скверномъ настроеніи и направился въ книжный магазинъ, въ которомъ мнѣ хотѣлось выбрать нѣсколько книжекъ для Анелѣ.

Вотъ уже цѣлую недѣлю думаю о томъ, что бы ей дать читать. Мнѣ не хотѣлось миновать и этого средства, хотя, на самомъ дѣлѣ, я не придаю ему большого значенія, такъ какъ оно дѣйствуетъ очень медленно! Притомъ я замѣтилъ, что для нашихъ женщинъ, обладающихъ несравненно болѣе пылкимъ воображеніемъ, чѣмъ темпераментомъ, книга всегда остается чѣмъ-то недѣйствительнымъ. Если даже она попадаетъ къ существу очень впечатлительному, то, въ самомъ лучшемъ случаѣ, создаетъ въ ея головѣ какой-то отвлеченный міръ, не имѣющій ни малѣйшей связи съ практической жизнью. Рѣдко какой изъ нашихъ женщинъ придетъ въ голову, что понятія, почерпнутыя изъ книгъ, могутъ быть примѣнены къ ея собственнымъ личнымъ поступкамъ. Я убѣжденъ, что если бы какой-нибудь великій, знаменитый писатель старался доказать Анелѣ, что, напримѣръ, чистота мысли и души въ женщинѣ не только является излишней, но, съ точки зрѣнія морали, просто предосудительной, и, что еще болѣе, если бы онъ какимъ-нибудь чудомъ доказалъ это, Анеля рѣшила бы, что этотъ принципъ можетъ быть примѣненъ ко всему міру, за исключеніемъ ея.

Самое большее, на что я могу разсчитывать, такъ развѣ на то, что чтеніе соотвѣтственныхъ книгъ освоитъ Анелю съ извѣстнаго рода либерализмомъ чувствъ и мыслей. Собственно, мнѣ ничего болѣе и не надо. Любя ее всей душой, я желаю, чтобы она отвѣтила на мое чувство взаимностью, ищу къ этому путей и не обхожу ни одно изъ нихъ—вотъ и все. Я никогда не обманываю себя и говорю себѣ откровенно, жажду довести Анелю до того, чтобы она пожертвовала мужемъ ради меня, но не хочу ее ни испортить, ни загрязнить. Пусть мнѣ никто не говоритъ, что одно исключаетъ другое и что это съ моей стороны софизмъ; у меня и такъ достаточно скептицизма, который надоѣдаетъ мнѣ и ежеминутно твердитъ: «Ты создаешь теоріи для себя, путь вѣроломства ведетъ къ испорченности: если бы тебѣ было удобнѣе, то ты бы создавалъ совершенно противоположныя теоріи». Сколько въ этомъ муки. Но вотъ что я отвѣчаю своему демону: «Въ противоположныхъ теоріяхъ я точно также могъ бы сомнѣваться и потому придумываю, что удастся придумать, въ защиту моей любви, ибо это мое естественное право. Другимъ, еще болѣе естественнымъ правомъ является любовь. Бываютъ чувства плоскія, ординарныя, или необыкновенныя, возвышенныя. Женщина которая слѣдуетъ за голосомъ великаго чувства, не теряетъ благородства души, хотя бы была замужней. Вотъ такую именно исключительную, великую любовь я жажду

возбудить въ сердцѣ Анели и оттого могу сказать, что не хочу ее испортить или загрязнить».

Наконецъ, эти внутреннія бесѣды ни къ чему не приведутъ. Если бы даже у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мои поступки дурны, если бы мнѣ не удалось дать ни одного побѣдоноснаго отвѣта своему демону, я вслѣдствіе этого не пересталъ бы любить и всегда послѣдовалъ бы за большей силой, то-есть, поступалъ бы такъ, какъ мнѣ приказывало бы живое чувство, а не отвлеченныя разсужденія.

Но истиннымъ несчастьемъ анализирующихъ и нереанализированныхъ современныхъ людей является то, что, не вѣря въ результаты анализа, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаютъ непреодолимой слабостью къ анализу всего, что въ нихъ происходитъ. Такъ и съ мной. Съ нѣкотораго времени меня безпокоитъ вопросъ, какимъ образомъ происходитъ то, что я, котораго существо поглощено чувствомъ, могу быть такимъ бдительнымъ, такъ обдумывать разныя средства, направленныя къ достиженію моей цѣли, и такъ отдаю себѣ отчетъ въ нихъ, какъ будто отношусь къ этому равнодушно, или какъ будто это кто-нибудь иной за меня дѣлаетъ.

Вотъ что я могу на это отвѣтить. Прежде всего, современный человѣкъ всегда сохраняетъ одну часть своей души, которую употребляетъ для наблюденія за всѣмъ остальнымъ. Кромѣ того, вся эта предусмотрительность чувства, полная размышленій, разсчетовъ, даже засадъ, только по виду холодна и находится въ прямой связи съ температурой того же чувства. Чѣмъ оно пламеннѣе, тѣмъ оно сильнѣе побуждаетъ холодный умъ къ самой усиленной работѣ. Ибо еще разъ повторяю, что люди неправильно представляютъ любовь съ завязанными глазами. Она далеко не парализуетъ ума, какъ не парализуетъ біенія сердца или дыханія, напротивъ, она только его возбуждаетъ. Умъ становится тогда ея первымъ совѣтникомъ и орудіемъ, иначе говоря, становится чѣмъ-то въ родѣ Агриппы цезаря Августа. Онъ держитъ всѣ силы въ напряженномъ состояніи, онъ ведетъ войска, онъ одерживаетъ побѣды, онъ усаживаетъ свою владычицу на тріумфальную колесницу, наконецъ, онъ воздвигаетъ не Пантеонъ, какъ историческій Агриппа, но Монотеонъ, въ которомъ служитъ на колѣняхъ единственному божеству цезаря. Въ такомъ микрокосмѣ, какимъ является человѣкъ, роль ума даже больше, чѣмъ роль гетмана, такъ какъ до безконечности отражаетъ сознаніе всего и себя самого, какъ рядъ соотвѣтственно поставленныхъ зеркалъ отражаетъ до безконечности данный предметъ.

1 іюня.

Вчера я получилъ извѣстіе изъ Гаштейна. Помѣщеніе для госпожи П. и Анели уже нанято. Я тотчасъ сообщилъ имъ это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ нѣсколько романовъ Жоржъ Зандъ и Бальзака. Сегодня воскресенье, первый день скачекъ. Тетя пріѣхала изъ Плошова, была уже на скачкахъ и всецѣло ими занята. Но лошади наши: «Naughty-boy и «Aurora», которыя вотъ уже два дня, какъ находятся въ моей конюшнѣ, примутъ участіе въ состязаніи только въ слѣдующій четвергъ, а потому первый день бѣговъ интересовалъ тетю только платонически. Тѣмъ не менѣе трудно описать, что у насъ происходитъ. Конюшни наши преобразились въ крѣпости. Тетѣ кажется, что жокеи другихъ коневодовъ дрожатъ при

одномъ имени «Naughty-boy» и что готовы пустить въ ходъ всякія средства, лишь бы сдѣлать его неспособнымъ къ бѣгу или ослабить, вслѣдствіе чего она въ каждомъ торговцѣ апельсинами или въ шарманщикѣ видитъ замаскированнаго врага, прокрадывающагося на нашъ дворъ съ злыми намѣреніями. Швейцару у воротъ и домовому сторожу строжайше предписано зорко слѣдить за каждымъ входящимъ. Въ конюшнѣ стража еще болѣе бдительная. Тренировщикъ Вебъ, какъ истый англичанинъ, сохраняетъ полное хладнокровіе, зато несчастный Джакъ Goose, который родомъ изъ Бужанъ, и котораго имя и фамилія въ дословномъ переводѣ съ польскаго Куба Гонсіоръ, положительно теряетъ голову, такъ какъ тетя неустанно бранитъ его и двухъ другихъ конюховъ, прибывшихъ также изъ Бужанъ, для присмотра за лошадьми. Она почти все время сидѣла у «Naughty-boy'я», такъ что я ее почти не видѣлъ, и только передъ отъѣздомъ сообщила мнѣ хорошую новость: госпожа П., которая опять чувствуетъ себя лучше, рѣшила, что Анеля непремѣнно будетъ въ четвергъ на скачкахъ. Я полагаю, что госпожа П. догадалась, что тетѣ это доставитъ удовольствіе, тѣмъ болѣе, что сама она вполнѣ можетъ остаться на одинъ день, подъ присмотромъ доктора и прислуги. Анеля же, которая сидитъ въ Плошовѣ, точно замурованная, дѣйствительно, нуждается въ какомъ-нибудь развлеченіи. Для меня это большая радость. Сама мысль о томъ, что она будетъ въ моемъ домѣ, заключаетъ въ себѣ какое-то удивительное очарованіе. Въ этомъ домѣ началась моя любовь, а, быть можетъ, и ея сердце впервые забилось для меня живѣе также здѣсь, послѣ того вечера, который тетя устроила для меня. Все здѣсь будетъ напоминать эти минуты.

2 іюня.

Хорошо, что я еще не велѣлъ передѣлывать залу въ музей. Мнѣ пришла мысль пригласить послѣ скачекъ на обѣдъ нѣсколько симпатичныхъ Анелѣ лицъ. Такимъ способомъ я задержу ее часа на два долѣе подъ моей кровлей, и притомъ она пойметъ, что это будетъ обѣдъ ради нея, въ честь ея.

3 іюня.

Я купилъ цѣлое море цвѣтовъ и велѣлъ убрать имъ всю лѣстницу и двѣ залы. Комната Анели осталась въ томъ же видѣ, въ какомъ была, когда она ее занимала. Предполагаю, что дамы пріѣдутъ утромъ, и что Анеля передъ скачками захочетъ переодѣться въ своей комнатѣ, а потому, по моему приказанію, тамъ поставлено большое зеркало и устроенъ цѣлый женскій туалетъ. Анеля всюду замѣтитъ доказательства моей заботливости, вниманія и чувства. Теперь только, продолжая свой дневникъ, я замѣчаю, насколько мнѣ становится легче, когда я чѣмъ-нибудь занимаюсь, когда какія-нибудь дѣла вырываютъ меня изъ заколдованнаго круга рефлексіи и раздумыванія надъ самимъ собой. Я полагаю, что даже вбиваніе въ стѣну гвоздей, на которыхъ повѣсятъ картины въ нашемъ будущемъ музеѣ, стоитъ болѣе того внутренняго обвиванія одной мысли вокругъ другой. Поэтому мнѣ уже невозможно быть человѣкомъ простымъ, непосредственнымъ? Если бы я сумѣлъ быть таковымъ въ свое время, то нынче былъ бы однимъ изъ самыхъ счастливыхъ людей въ мірѣ.

4 іюня.

Сегодня я былъ съ пригласительнымъ визитомъ у Снятыньскихъ и у нѣсколькихъ другихъ лицъ. Снятыньскій, согласно моему желанію, распространилъ уже на всѣ четыре стороны свѣта извѣстіе, что я перевожу коллекціи отца въ Варшаву и устраиваю для общаго пользованія музей. Въ данное время я герой дня. Всѣ газеты пишутъ объ этомъ и, пользуясь подходящимъ случаемъ, даютъ соотвѣтственный урокъ богатымъ людямъ, «которые тратятъ время и деньги за границей» и т. д. Мнѣ такъ знакомъ ихъ стиль и манера изложенія, что я заранѣе зналъ, что онѣ напишутъ, начиная отъ содержанія и кончая такими фразами, какъ «noblesse oblige» и т. п. Но все это для меня кстати. Я собралъ цѣлую пачку газетъ, чтобы показать ихъ тетѣ и Анелѣ.

5 іюня.

Скачки произойдутъ на одинъ день ранѣе предполагаемаго, по поводу завтрашняго праздника. Сегодня утромъ пріѣхали Анеля и тетя въ сопровожденіи горчичной и массы коробокъ, заключающихъ въ себѣ соотвѣтственные обстоятельствамъ туалеты. Видъ Анели меня растрогалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испугалъ. Я нашелъ, что щеки ея поблѣднѣли и потеряли прежній теплый колоритъ, она очень похудѣла и въ ней было что-то мглистое, что напоминало мнѣ фигуры Пюи де-Шаванна. Тетя и мать не замѣчаютъ этого, потому что онѣ постоянно вмѣстѣ съ нею, но для меня послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія разница очевидна. Меня охватываетъ искреннее состраданіе къ ней. Повидимому, причиной всего этого является внутренняя борьба въ ея сердцѣ. Если бы Анеля пожелала ее разрѣшить, если бы пожелала послѣдовать за искреннимъ голосомъ своего сердца, которое принадлежитъ мнѣ, тогда кончились бы всѣ ея тревоги и настало бы счастье.

Я погружаюсь все глубже въ мои зыбучіе пески. Мнѣ кажется, что я знаю каждую особенность, каждую малѣйшую черту въ лицѣ Анели, и когда ея не вижу, то образъ ея возстаетъ въ моемъ воображеніи съ такой отчетливостью, какъ будто она живая стоитъ предо мною, и, однако, каждый разъ послѣ самой непродолжительной разлуки, я нахожу въ ней новую прелесть и какое-нибудь новое очарованіе. Не умѣю даже высказать, до какой степени Анеля удовлетворяетъ меня въ эстетическомъ отношеніи, какъ глубоко я ощущаю, что это мой типъ, мой идеалъ красоты, мой образъ женщины. Это ощущеніе вызываетъ во мнѣ какую-то наполовину мистическую, наполовину приближающуюся къ научной гипотезѣ вѣру, что природа предназначила ее мнѣ. И теперь, когда, услышавъ грохотъ въѣхавшей во дворъ коляски, я сбѣжалъ внизъ, чтобы поздороваться съ дамами, мнѣ дѣйствительность опять показалась совершенно иной образа, который царитъ въ моей душѣ.

Анеля была одѣта въ легкій дорожный плащъ изъ шелка; шляпу ея окружала длинная широкая вуаль, завязанная à l'anglaise подъ подбородкомъ, и изъ этихъ сѣрыхъ рамокъ улыбалось ея прелестное, дорогое лицо, всегда болѣе похожее на лицо дѣвочки, чѣмъ замужней женщины. Она поздоровалась со мной необыкновенно весело и сердечно; очевидно, ранняя поѣздка и надежда на развлеченіе привели ее въ хорошее настроеніе. Это меня чрезвычайно обрадовало, такъ какъ я подумалъ, что

ей все же пріятно со мной встрѣтиться, что Плошовъ безъ меня кажется ей пустыннымъ и болѣе скучнымъ. Какъ гостепріимный хозяинъ, я подалъ одну руку тетѣ, другую Анелѣ и повелъ ихъ наверхъ. При видѣ великолѣпно убранной цвѣтами лѣстницы, онѣ очень удивились, я же сказалъ:

— Это мой сюрпризъ...

Притомъ я нѣсколько прижалъ руку Анели, но такъ легко, что это можно было счесть случайнымъ, невольнымъ движеніемъ, а затѣмъ обратился къ тетѣ:

— Я устраиваю обѣдъ въ честь побѣды семьи Плошовскихъ.

Тетю это очень растрогало. Ахъ, если бы она знала, какъ мало меня въ эту минуту интересовалъ «Naughty-boy» и всѣ побѣды, какія лошади Плошовскихъ могли бы одержать на ипподромахъ всей Европы! Зато Анеля, очевидно, отгадала мои мысли, но была въ такомъ оживленномъ настроеніи, что, мелькомъ взглянувъ на меня, съ трудомъ удержалась отъ улыбки.

Я же чуть не потерялъ голову. Мнѣ казалось, что я вижу въ Анелѣ какъ бы тѣнь какого-то веселаго кокетства, котораго до сихъ поръ въ ней не было. Невозможно, мелькнула у меня мысль, чтобы у нея совершенно не было и слѣда, хотя бы самаго невиннаго самолюбія, чтобы ей нисколько не льстило то, что все, что я дѣлаю, дѣлаю исключительно для нея.

Тѣмъ временемъ тетя, снявъ свой дорожный плащъ, пошла взглянуть на «Naughty-boy» и Аврору, а я подалъ Анелѣ списокъ приглашенныхъ на обѣдъ лицъ и сказалъ:

— Я старался выбрать только симпатичныхъ тебѣ людей, но если ты прикажешь еще кого-нибудь пригласить, въ такомъ случаѣ немедленно пошлю приглашеніе или самъ поѣду,

— Такъ покажи тетѣ,—отвѣтила Анеля,—пусть тетя выбираетъ.

— Нѣтъ. Тетя будетъ сидѣть на первомъ мѣстѣ, и мы будемъ подходить къ ней съ поздравленіями и пожеланіями, но роль хозяйки въ этомъ домѣ я предназначилъ тебѣ.

Анеля немного покраснѣла и, желая направить разговоръ на другую тему, проговорила:

— Леонъ, какъ ты думаешь, выиграетъ ли этотъ «Naughty-boy»? Тетя очень на него надѣется, и ее это такъ интересуетъ.

— Я уже выигралъ, такъ какъ имѣю такого гостя, какъ вотъ это созданіе, что сидитъ теперь передо мной.

— Ты шутишь, а я въ самомъ дѣлѣ боюсь.

— У тети,—отвѣтилъ я уже болѣе серьезнымъ тономъ,—даже въ случаѣ проигрыша будетъ одно большое утѣшеніе. Черезъ нѣсколько недѣль мои коллекціи будутъ уже въ Варшавѣ, а это было ея мечтою въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Она еще покойнаго отца очень усиленно уговаривала перевезти ихъ на родину. Всѣ газеты пишутъ объ этомъ и какія похвалы расточаютъ мнѣ, такъ трудно даже передать.

Ея дорогое для меня лицо прояснилось въ одну минуту.

— Покажи, прочитай,—сказала она.

Мнѣ очень хотѣлось расцѣловать ея руки за этотъ проблескъ радости. Это было для меня новымъ доказательствомъ. Вѣдь, если бы Анели

относилась ко мнѣ совершенно равнодушно, то ея такъ не радовали бы похвалы мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—прочту, когда вернется тетя или, вѣрнѣе, попрошу ее прочесть, я же спрячусь на это время за тебя, такъ какъ у меня, навѣрно, будетъ глупое выраженіе лица, а мнѣ, прежде всего, не хочется этого ради тебя.

— Почему же у тебя будетъ глупое выраженіе лица?

— Потому что все это не моя заслуга, а только твоя. Тѣ похвалы въ газетахъ относятся къ тебѣ. Чего бы я не далъ за то, чтобы имѣть право сказать господамъ хроникерамъ: «Если вы считаете это столь великимъ дѣломъ, то поѣзжайте въ полномъ составѣ въ Плошовъ и тамъ склонитесь къ ножкамъ извѣстной особы»...

— Леонъ! Леонъ!—прервала Анеля.

— Тише, маленькая, потому что и я это сдѣлаю и не встану до тѣхъ поръ, пока ты не признаешь это своимъ вліяніемъ.

Анеля сама не знала, что ей отвѣтить. Дѣйствительно, слова мои являлись словами безъ памяти влюбленнаго человѣка, но свободный, шутливый и веселый тонъ создавалъ извѣстнаго рода настроеніе, при которомъ трагическое отношеніе къ тому, что я говорилъ, было, положительно, невозможно.

Я же былъ радъ этому новому способу, такъ какъ видѣлъ, что съ помощью его можно многое высказать.

Не желая, однако, слишкомъ злоупотреблять имъ, я началъ говорить уже болѣе серьезнымъ тономъ о перемѣнахъ, какія намѣреваюсь ввести въ домѣ.

— Весь этажъ,—сказалъ я,—предназначаю на помѣщеніе коллекцій, за исключеніемъ той одной комнаты, въ которой ты жила прошлую зиму. Она останется въ такомъ видѣ, какъ тогда. Сегодня только я позволилъ себѣ немного украсить ее къ твоему пріѣзду.

Такъ говоря, я повелъ ее къ дверямъ. Анеля, остановившись у порога, не могла удержаться отъ восклицанія:

— Ахъ! какіе цвѣты!

Я же тихо проговорилъ:

— Ты сама цвѣтокъ и прекраснѣйшій въ мірѣ.

Послѣ чего я серьезно добавилъ:

— Ты, вѣдь, Анеля, повѣришь мнѣ, если скажу тебѣ, что здѣсь я хочу когда-нибудь умереть.

О! сколько было искренности въ моихъ словахъ. Лицо Анели какъ бы затуманилось, радость ея угасла. Я видѣлъ, что ее очень взволновали мои слова, какъ волнуетъ каждое искреннее проявленіе страданія. На одно мгновеніе ея голова, плечи, грудь задрожали, и точно какая-то сила внезапно толкнула ее ко мнѣ. Но на этотъ разъ она сдержалась. Съ минуту Анеля стояла предо мной съ закрытыми глазами и, наконецъ, грустно, но серьезно сказала:

— Позволь мнѣ быть съ тобой свободной. Не огорчай меня.

— Хорошо, Анеля,—проговорилъ я,—договоръ заключенъ, и вотъ моя рука.

И я протянулъ ей руку. Анеля пожала ее такъ крѣпко, какъ будто

хотѣла этимъ рукопожатіемъ высказать все, что запрещала сказать своимъ устамъ. Оно замѣнило мнѣ всякія слова и до того обрадовало, что я чуть не запнатался. Это было впечатлѣніе такого необыкновеннаго счастья, что къ нему примѣшивалось даже чувство нѣкоторой тревоги. Предо мной открывался новый, невѣдомый міръ. Съ этой минуты я убѣжденъ, что сопротивленіе ея есть лишь непродолжительнаго времени и моей смѣлости.

Тетя вернулась изъ конюшенъ въ розовомъ настроеніи, ничто не грозило здоровью почтеннаго «Naughty-boy'я». Тренировщикъ Вебъ на всѣ вопросы тети находилъ только одинъ отвѣтъ: «All vight». Джакъ Goose полонъ надежды. Мы подошли къ окнамъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ выводить изъ конюшни будущаго побѣдителя, такъ какъ приближался часъ, въ который ему предстояло двинуться на Мокотовское поле. Черезъ нѣсколько минутъ два конюха вывели коня на дворъ, но глаза наши не могли особенно насладиться красотой его формъ, такъ какъ онъ былъ точно зашитъ въ попону. Только сквозь отверстія ея виднѣлись его большіе ласковые глаза, да изъ-подъ края попоны открывались его упругія ноги, которыя, дѣйствительно, казались какъ бы выкованными изъ стали. За нимъ слѣдовалъ Вебъ, а въ концѣ нашъ доморощенный англичанинъ Джакъ Goose, одѣтый въ новый сюртукъ и жокейскіе сапоги. На дорогу я крикнулъ ему сквозь открытое окно:

— Смотри, не поддайся тамъ, Куба!

Онъ же снялъ шапку и, указывая на «Naughty-boy'я», весело отвѣтилъ не лондонскимъ, но чистѣйшимъ бужанскимъ акцентомъ:

— Будьте покойны, ваше сіятельство, они тамъ увидятъ развѣ только его крупъ.

Мы поспѣшно сѣли за завтракъ, однако, тетя ухитрилась урвать время и на то, чтобы за чернымъ кофе прочитать, что говоритъ о перевозкѣ нашихъ коллекцій въ Варшаву. Странно, какъ женщины впечатлительны ко всякой публичной похвалѣ близкимъ имъ мужчинамъ. Тетя даже расцвѣла отъ радости и была прямо неоцѣнима, когда, ежеминутно прерывая чтеніе, посматривала сквозь очки на меня съ восхищеніемъ, на Анелю со вниманіемъ, и время отъ времени говорила догматическимъ тономъ:

— Нисколько не преувеличили! Онъ всегда былъ такой!

Я, съ своей стороны благодарилъ Бога, что при чтеніи не было какого-нибудь скептика, ибо, на самомъ дѣлѣ, у меня въ такомъ случаѣ выраженіе лица было бы не особенно умное.

Наконецъ, настало время дамамъ одѣваться. При уходѣ, тетя, принявъ, какъ можно болѣе равнодушный видъ, сказала:

— Намъ надо спѣшить, потому что я обѣщала Завиловской взять ее на скачки; она предполагала ѣхать съ отцомъ, но онъ дня два тому назадъ заболѣлъ подагрой.

Сказавъ это, она вышла; мы съ Анелей переглянулись, на лицѣ ея скользнула лукавая улыбка, а я проговорилъ:

— Анеля, новое сватовство!

Она приложила палецъ къ губамъ, какъ бы предостерегая меня, что я слишкомъ громко говорю, и скрылась въ свою комнату, но черезъ минуту ея прелестная головка выглянула изъ-за дверей.

— Я вспомнила, что ты не пригласилъ Клары Гильстъ, сказала она.
— Да, не пригласилъ.
— Почему?
— Потому что я втайнѣ ее люблю!—отвѣтилъ я, смѣясь.
— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почему ты ея не пригласилъ?
— Если ты хочешь, то могу пригласить.
— Какъ знаешь,—отвѣтила она, прячась въ свою комнату.
Я рѣшилъ не приглашать Клары Гильстъ.

Часъ спустя, мы отправились въ Бельведерскія аллеи. Анеля была одѣта въ кремовое платье, отдѣланное кружевами. Я, такъ научился высказывать все глазами, что она ясно видѣла въ нихъ мой восторгъ; это было замѣтно по ея лицу, наполовину прояснившемуся, наполовину смущенному. По дорогѣ мы остановились передъ виллой Завиловскихъ. Я еле успѣлъ позвонить, какъ двери раскрылись, и Елена Завиловская, одѣтая въ сѣро-серебристое платье, вышла ко мнѣ, или, вѣрнѣе, пробѣжала мимо меня во всемъ своемъ величіи, едва кивнувъ мнѣ головой. Это скорѣе некрасивая, чѣмъ красивая, блондинка съ холодными блѣдно-голубыми глазами. Держится она чрезвычайно церемонно и считается образцомъ воспитанности, съ чѣмъ я охотно согласился бы, если бы воспитанность означала то же, что церемонность. Обращеніе ея со мною такъ же холодно, какъ ея глаза—и даже слишкомъ холодно, чтобы его можно было считать искреннимъ. Это по просту методъ, разсчитанный на раздраженіе моего самолюбія, и разсчитанный глупо, потому что меня онъ не раздражаетъ, а наводитъ скуку, и, благодаря ей, я настолько занимаюсь Завиловской, насколько требуетъ вѣжливость.

Сегодня, однако, я занимался ею немного болѣе, такъ какъ ей предстояло сыграть роль громоотвода, то-есть, привлекать къ себѣ любопытство и отвращать предположенія, какія могли возникнуть у людей, при видѣ сидящей со мной въ одномъ экипажѣ Анели. Спустя немного, мы двинулись впередъ, но медленно, потому что, благодаря прекрасной погодѣ, на скачки ѣхало такое множество лицъ, что не видно было конца цѣпи колясокъ. Впереди и позади я видѣлъ море зонтиковъ, что представляло красивый видъ, потому что цвѣта ихъ сильно играли на солнцѣ, подъ ними же создавались цвѣтныя тѣни, въ которыхъ виднѣлись женскія головки съ законченными и изящными чертами. Было, сравнительно, довольно много красивыхъ лицъ, но имъ недоставало темперамента; его не замѣчалось даже у дамъ изъ финансоваго міра, которыя, впрочемъ, какъ во многомъ другомъ, такъ и въ смыслѣ темперамента, очень часто притворяются. Открытые экипажи, то тамъ, то здѣсь какая-нибудь особенная упряжь, преимущественно свѣтлые туалеты дамъ, мелькавшіе въ воздухѣ на фонѣ зелени деревьевъ, наконецъ, масса изысканныхъ людей и породистыхъ лошадей, придавали шествію очень культурный и притомъ не лишенный живописности видъ. Меня радовало, что Анелю это движеніе забавляло и доставляло ей удовольствіе. Разговаривая со мной, она поглядывала на меня съ нѣкоторой благодарностью, какъ будто я самъ устроилъ ей это развлеченіе. Такъ какъ я сидѣлъ противъ нея, то мнѣ можно было свободно на нее смотрѣть, но я чаще обращался къ Еленѣ Завиловской, отъ которой, положительно, вѣяло холодомъ, какъ отъ гра-

фина съ «замороженной водой», и которая, въ самомъ дѣлѣ, начинала меня забавлять, такъ какъ казалось, что если она и отвѣчаетъ на мои вопросы и соглашается быть въ моемъ обществѣ, то исключительно лишь вслѣдствіе благовоспитанности и необыкновенной свѣтской любезности. Я становился по отношенію къ ней все болѣе и болѣе предупредительнымъ, но съ извѣстнымъ оттѣнкомъ добродушнаго юмора, который, въ концѣ концовъ, началъ ее раздражать. Спустя нѣкоторое время, мы пріѣхали на Мокотовскія поля. Для экипажа тети, какъ обыкновенно, было оставлено мѣсто возлѣ трибуны. Вскорѣ подошли многіе наши знакомые, чтобы поздороваться съ тетей и поздравить ее съ многообѣщающимъ видомъ «Naughty-boy'я». Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ коневодовъ сказалъ тетѣ, что конь великолѣпный, хотя, быть можетъ, недостаточно тренированный, но такъ какъ ночью шелъ дождь, и почва стала рыхлой, то «Naughty-boy», благодаря своей силѣ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Мнѣ казалось, что онъ говорилъ съ ироніей, и это меня обезпокоило, такъ какъ пораженіе «Naughty-boy'я» привело бы въ дурное настроеніе тетю, а это испортило бы намъ весь день. Спустя немного, я пошелъ вдоль линіи колясокъ, осматривая по дорогѣ поле и разыскивая знакомыхъ. Людей было много, трибуны представляли сбитую темную массу, на которой платья дамъ выдѣлялись яркими пятнами; за барьеромъ плотнымъ кольцомъ стояли зрители, а на городскомъ валу чернѣлись толпы народа. По обѣимъ сторонамъ трибуны, точно два гигантскихъ крыла, протянулись ряды экипажей, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности, казался корзиной, наполненной цвѣтами.

Въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ трибуны, я замѣтилъ въ коляскѣ вздернутый носикъ и розовое личико Снятыньской. Когда я приблизился къ ней, чтобы поздороваться, она сказала мнѣ, что мужъ ея пошелъ искать Клару Гильстъ, послѣ чего быстро задала мнѣ нѣсколько вопросовъ: какъ поживаютъ тетя и госпожа П.? здѣсь ли Анеля? Какимъ образомъ послѣднія уѣдутъ въ Гаштейнъ, коль скоро госпожа П. не можетъ вставать? выиграетъ ли «Naughty-boy»? что будетъ, если онъ проиграетъ? и сколько лицъ будетъ у насъ на обѣдѣ? Стоя въ теченіе этого времени у коляски, я замѣтилъ, что у нея необыкновенно мягкое выраженіе глазъ и прелестная нога, но если бы я желалъ отвѣтить на ея вопросы такъ же обстоятельно, какъ они были заданы мнѣ, необходимо было бы обладать, какъ говоритъ шекспировская Розалина, устами Гаргантюи. Отвѣтивъ черезъ пятое въ десятое и еще разъ пригласивъ ее съ мужемъ пріѣхать послѣ скачекъ къ намъ, я отправился вслѣдъ за Снятыньскимъ искать Клару, такъ какъ считалъ нужнымъ поздороваться съ нею. Оказалось, что экипажъ ея стоитъ недалеко отъ нашего. Клара казалась холмикомъ, покрытымъ геліотропами. Я нашелъ ее окруженною артистами и меломанами, съ которыми она весело бесѣдовала. При видѣ меня, она нѣсколько нахмурилась и приняла меня съ нѣкоторой холодностью, но такою, которая ждетъ только какого-нибудь теплаго, дружественнаго слова, чтобы преобразиться въ сердечность. Я, однако, остался холоденъ и послѣ краткаго церемоннаго разговора направился далѣе и, обмѣнявшись по дорогѣ нѣсколькими фразами съ другими знакомыми, вернулся къ нашему экипажу, потому что за это время уже кончились два первыхъ состязанія и наступила очередь «Naughty-boy'я».

Я взглянулъ на тетю; выраженіе ея лица было торжественное, однако, видно было, что она старается сохранить хладнокровіе. Зато на лицѣ Анели ясно отражалось безпокойство.

Мы ждали состязанія довольно долго, такъ какъ въ эту очередь необыкновенно долго взвѣшивали лошадей. Тѣмъ временемъ прибѣжалъ Снятыньскій, еще издали размахивая своими длинными руками и показывая билеты, купленные въ тотализаторѣ.

— Я поставилъ милліоны за «Naughty-boy'я»,—воскликнулъ онъ,—и если онъ мнѣ измѣнитъ, то вы въ отвѣтѣ.

— Я надѣюсь, съ достоинствомъ начала тетя—что вы...

Она не докончила, потому что въ эту минуту надъ темной массой, собравшейся вокругъ трибуны, замелькали разноцвѣтныя куртки жокеевъ. Лошадей повели на ипподромъ. Однѣ изъ нихъ, попавъ на свободное пространство, тотчасъ пускались во весь духъ къ мѣсту, откуда должно было начаться состязаніе, другія, наоборотъ, шли медленнымъ, спокойнымъ шагомъ. Послѣ старта, ѣздоки тронулись и прогалопировали мимо насъ, сбитой толпой и не особенно скоро, такъ какъ дистанція была двойная, и приходилось щадить силы лошадей. Но уже на другомъ поворотѣ рядъ ѣздоковъ растянулся въ цѣпь. Это производило такое впечатлѣніе, какъ будто вѣтеръ развѣялъ вдоль по дорогѣ кучку цвѣтныхъ платковъ. Впереди скакалъ жокей, одѣтый весь въ бѣлое, за нимъ голубой въ красной шапочкѣ и такого же цвѣта рукавами, за этимъ два ѣхали ровно, другъ возлѣ друга, одинъ весь красный, другой красный съ желтымъ: малиновый же—нашъ Куба—занималъ предпослѣднее мѣсто, имѣя передъ собой ѣздока, одѣтаго въ бѣлое платье съ голубымъ. Порядокъ этотъ, однако, сохранялся недолго. Когда ѣздоки доскакали до противоположной стороны ипподрома, въ экипажахъ началось движеніе; болѣе любопытныя изъ дамъ стали взбираться на подушки экипажей, чтобы не упустить изъ виду ни одного момента состязанія; ихъ примѣру послѣдовала тетя, которая, очевидно, не могла уже усидѣть.

Анеля уступила свое мѣсто Завиловской, которая, послѣ краткихъ отговорокъ, стала возлѣ тети; я же помѣстилъ Анелю на переднемъ сидѣньѣ, а такъ какъ у нея не было, обо что опереться, то, ставъ возлѣ нея, я поддерживалъ ее за руку. Признаюсь, что въ эту минуту я менѣе думалъ о скачкахъ, чѣмъ о томъ, что эта нѣжная, дорогая рука покоится въ моей. Спина тети отчасти закрывала мнѣ видъ на ипподромъ, но, поднявшись на носки, я имѣлъ возможность озирать все поле и жокеевъ, достигавшихъ поворота на противоположной сторонѣ поля. Издали они были похожи на яркоцвѣтныхъ жуковъ, летящихъ по воздуху. Бѣгъ на такомъ разстояніи казался медленнымъ, а движенія переднихъ и заднихъ ногъ лошадей, какъ будто, заключали въ себѣ что-то механическое. Весь этотъ извивающійся ужъ быстро, однако, оставлялъ за собой пространство. Порядокъ, въ которомъ ѣхали жокеи, опять измѣнился. Впереди все еще скакалъ бѣлый жокей, за нимъ красный, нашъ Куба занималъ уже третье мѣсто. Иные остались далеко позади и пространство, отдѣляющее ихъ отъ переднихъ, съ каждой минутой увеличивалось. Повидимому, «Naughty-boy» не принадлежалъ къ числу самыхъ худшихъ лошадей. На минуту я потерялъ ихъ изъ виду, но опять увидѣлъ, когда они проскакали близко

около насъ. Красный ѣздокъ вотъ-вотъ уже догонялъ бѣлаго, но Куба былъ еще ближе тѣхъ двухъ. Я теперь зналъ, что бѣлый долженъ остаться, потому что у его лошади бока были слишкомъ мокры и блестѣли, точно облитые водой. Красный сильно угрожалъ, но у меня мелькнула мысль, что, въ самомъ худшемъ случаѣ, «Naughty-boy'ю» достанется вторая награда и, слѣдовательно, пораженіе будетъ не полное. Меня ободряло и то, что онъ шелъ съ такой флегмой, такъ спокойно и мѣрно вскидывалъ ногами, какъ будто производилъ какую-нибудь ежедневную работу. Интересъ у зрителей возрасталъ съ каждой минутой.

— «Naughty-boy» проигралъ?—тихо спросила меня Анеля, замѣтивъ порядокъ, въ какомъ лошади пробѣжали мимо трибуны.

— Нѣтъ, дорогая. Онѣ должны сдѣлать еще одинъ кругъ,—отвѣтилъ я, слегка сжимая ея руку.

А Анеля опять не отняла своей руки. Правда, все ея вниманіе было поглощено скачками. Въ ту минуту, когда лошади показались по той сторонѣ дороги, которая закрывалась отъ насъ трибуной, Куба былъ уже вторымъ; лошадь бѣлаго жокея, очевидно, теряла силы, такъ что три оставшихся позади ѣздока стали ее догонять. Для всѣхъ было уже ясно, что состязаніе разрѣшится только между краснымъ и малиново-чернымъ. Куба еще приблизился къ красному и такъ, раздѣленные пространствомъ въ пять или шесть лошадей, они проскакали значительную часть поля. Внезапно шопотъ на трибунахъ возвѣстилъ намъ, что происходитъ что-то необыкновенное. Я взглянулъ: Куба рѣшительно догонялъ своего противника. Шопотъ на трибунахъ преобразился въ оживленный говоръ. Анелю такъ увлекло все происходившее, что теперь она сама начала нервно сжимать мою руку, ежеминутно спрашивая: «Что тамъ? что тамъ?» Ѣздоки были уже съ лѣвой стороны поля. Красный опять, съ помощью нѣсколькихъ ударовъ хлыста, выдвинулся впередъ, но «Naughty-boy», чуть ли не касался его ноздрями. Въ бѣшеной скачкѣ они достигли линіи трибуны, на которой на первыхъ порахъ мы опять потеряли ихъ изъ виду. Черезъ нѣсколько секундъ должно было разрѣшиться состязаніе. На трибунахъ воцарилась тишина, которая вскорѣ нарушилась восклицаніями. Множество лицъ бѣжало пѣшкомъ къ барьеру, окружающему дорогу, и въ ту же минуту мы увидѣли красныя ноздри, лошадиную голову съ вытянутой, какъ струна, шеей, а надъ нею малиново-черные цвѣта, несущіеся, точно вихрь. На трибунѣ раздался звонокъ, побѣда была на нашей сторонѣ.

Красный жокей остался позади на разстояніи десяти слишкомъ лошадей.

Надо отдать тетѣ справедливость, что она все время сохраняла хладнокровіе; только на ея лбу я замѣтилъ нѣсколько капель пота, которыя она тотчасъ стерла платкомъ. Анеля была взволнована и чрезвычайно оживлена. Оба мы стали поздравлять тетю и даже Завиловская сказала ей нѣсколько французскихъ фразъ, какъ будто заимствованныхъ изъ разговоровъ madame Boquel. Вскорѣ знакомые окружили нашъ экипажъ, и торжество тети было полное.

Меня, въ свою очередь, опьянили рукопожатія Анели. Напрасно я говорилъ себѣ, что они могли быть непроизвольны, безсознательны, но

съ другой стороны, у меня мелькала мысль, что очень часто переломъ въ женщинѣ наступаетъ обыкновенно въ минуты возбужденія или увлеченія какой-нибудь забавой, или красотой видовъ, или какихъ-либо иныхъ обстоятельствъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ условій жизни. Тогда наступаетъ извѣстное нервное состояніе, при которомъ утрата равновѣсія становится вполнѣ понятной. Я принялъ въ разсчетъ именно подобное состояніе Анели и пришелъ къ убѣжденію, что она уже перестаетъ бороться съ охватывающимъ ее чувствомъ, и что можно быть рѣшительнымъ.

Мнѣ кажется, что въ Плошовѣ не будетъ недостатка въ подходящихъ случаяхъ. Завтра мы туда возвращаемся. Мой сегодняшній обѣдъ, разговоры и развлеченіе сыграли роль наркотическихъ капель. Анеля даже не предполагаетъ, какое ожидаетъ насъ счастье, для этого она должна совершенно отдать мнѣ свою душу безъ всякихъ обусловливаній и границъ.

Хотя тетя предупредила госпожу П., что, быть можетъ, останется съ Анелей до завтра въ Варшавѣ, мы все же намѣревались вернуться еще сегодня послѣ обѣда, а между тѣмъ произошелъ случай, который невольно насъ задержалъ. Обѣдъ съ послѣдовавшимъ за нимъ чаемъ затянулся до десяти часовъ вечера, какъ вдругъ въ ту минуту, когда разъѣхались послѣдніе гости, намъ дали знать, что «Naughty-boy» захворалъ. Поднялась большая суматоха. Пока послали за ветеринаромъ и пока его нашли, наступила полночь. Тетя не хотѣла думать объ отъѣздѣ

Анеля имѣла желаніе вернуться домой, но замѣтила, что я воспользуюсь любымъ предлогомъ, чтобы сопровождать ее въ Плошовъ, и это ее остановило. Тетя сказала ей, что, вернувшись такъ поздно, она разбудитъ весь домъ и мать, причемъ добавила:

— Леонъ ничего не имѣетъ противъ того, что я всегда считаю себя у него, какъ дома, и, слѣдовательно, ты теперь у меня. То же самое, если бы я отдала ему Плошовъ и сама попрежнему въ немъ жила, то также не пустила бы васъ до тѣхъ поръ, пока твоя мать не поправилась бы.

Это окончательно заставило Анелю остаться.

Теперь третій часъ ночи. Уже свѣтло, но на дворѣ и около конюшенъ до сихъ поръ мигаютъ фонари, такъ какъ «Naughty-boy» боленъ, и при немъ дежурятъ. Когда мы расходились, тетя сказала, что она еще на одинъ день останется въ Варшавѣ. Я заявилъ, что оставилъ въ Плошовѣ важныя бумаги, а потому поѣду за ними и заодно отвезу Анелю. Мы будемъ одни, и я не стану болѣе колебаться. Вся кровь приливаетъ мнѣ къ сердцу при мысли, что я, быть можетъ, отвезу это дорогое существо уже прильнувшимъ къ моей груди и услышу ея признаніе въ томъ, что она меня любитъ такъ же, какъ я ее люблю.

Погода пасмурная и дождливая, но все же становится свѣтлѣе. Едва нѣсколько часовъ отдѣляетъ меня отъ той минуты, съ которой для меня начнется новая жизнь. Я не сплю, да и никакъ не могъ бы уснуть. Пишу и раздумываю. Въ своей рукѣ я чувствую еще теплоту ея руки. Я преобразилъ эту душу, воспиталъ ее, развилъ и приготовилъ для любви; я, какъ вождь, который все предвидѣлъ, обдумалъ, разсчиталъ, но который не спитъ наканунѣ дня, долженствующаго рѣшить его судьбу.

Зато Анеля спитъ тамъ, на другой сторонѣ дома, и я вѣрю, что даже сонъ ея работаетъ для меня; быть можетъ, она видитъ меня во снѣ и простираетъ ко мнѣ руки. Дрожь пробѣгаетъ по всему моему тѣлу при одной мысли объ этомъ.

Въ томъ морѣ зла, глупостей, неизвѣстности и сомнѣній, какимъ является существованіе, есть одно, стоющее жизни, несомнѣнное, могущественное, какъ смерть, это любовь. Внѣ ея нѣтъ ничего..

6 іюня.

Сегодня я отвезъ Анелю, а теперь задаю себѣ вопросъ, не сошелъ ли я съ ума? Нѣтъ! Мнѣ не удалось привезти ее въ своихъ объятіяхъ, мнѣ не пришлось слышать ея признаній! Она оттолкнула меня безъ малѣйшаго колебанія и съ такимъ возмущеніемъ, что я былъ совершенно уничтоженъ! Что это такое? Или у меня нѣтъ ума, или у нея нѣтъ сердца? Съ чѣмъ я борюсь? обо что я разбился? Почему она меня отталкиваетъ? Въ головѣ моей сдѣлался такой хаосъ, что я не могу ни думать, ни писать, ни разсуждать, и только постоянно повторяю: обо что я разбиваюсь?

7 іюня.

Навѣрно, я въ чемъ-нибудь сдѣлалъ какую-нибудь необыкновенную ошибку, чего-нибудь въ этой женщинѣ не замѣтилъ, не разсчиталъ. Въ теченіе двухъ дней я старался понять то, что меня постигло, но въ головѣ моей былъ хаосъ, и мнѣ невозможно было ни о чемъ думать. Теперь я хочу хладнокровно разсмотрѣть данное положеніе. Оно было бы вполнѣ ясно, если бы Анелю защищала любовь къ мужу, тогда мнѣ было бы понятно то возмущеніе, съ какимъ это столь ласковое и нѣжное существо оттолкнуло меня отъ своихъ ногъ. Но я не могу это допустить. Столько еще у меня осталось мозговъ въ головѣ, чтобы помнить, что видѣть вещи въ слишкомъ черномъ свѣтѣ такъ же ошибочно и глупо, какъ видѣть ихъ въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Откуда могла явиться въ ней любовь къ Кромицкому? Надо обсудить все еще разъ. Анеля вышла за него замужъ не по любви; время, проведенное ими вмѣстѣ, онъ употребилъ на то, чтобы вкрасться въ ея довѣріе, затѣмъ продалъ ея родовое имѣніе, что послужило причиной болѣзни ея матери. У нихъ нѣтъ ребенка. Впрочемъ, ребенокъ не вызываетъ въ женщинѣ большей любви къ мужу, а заставляетъ ее лишь больше принимать его въ разсчетъ, гарантируетъ его, иначе говоря, закрѣпляетъ связь рукъ, но не сердецъ. Анеля также не принадлежитъ къ категоріи женщинъ, въ которыхъ любовь вспыхиваетъ внезапно, какъ пламя, ибо такія женщины или болѣе тоскуютъ по мужу, чѣмъ она, или легче рѣшаются на связь съ другимъ. Я высказываю это такъ рѣзко, что даже причиняю самому себѣ боль, не зачѣмъ мнѣ себя щадить? Наконецъ, я убѣжденъ, что Анеля не питаетъ къ Кромицкому никакого, даже похожаго на любовь, чувства, и, что еще важнѣе, не питаетъ къ нему уваженія; она лишь не позволяетъ себѣ презирать его, и вотъ таково состояніе ея души. Или я слѣпъ, или все это надо считать доказаннымъ разъ навсегда.

Если сердце ея въ то время, когда я вернулся, было «tabula rasa», то, вѣдь, долженъ же я былъ что-нибудь на ней написать, я, который при

иныхъ условіяхъ не разъ умѣлъ это сдѣлать, я, для котораго это теперь было болѣе важно, чѣмъ когда бы то ни было, я, который затрагивалъ въ ней чувства дружбы, состраданія, воспоминанія, не упуская ничего, считаясь со всѣмъ и обладая такой силой, какую даетъ только истинное чувство. И вотъ теперь я говорю самому себѣ: вѣдь, ты не провинціальный левъ, убѣжденный въ томъ, что ни одна женщина не можетъ относиться къ тебѣ равнодушно, а потому не самообольщался ли ты, предполагая, что она тебя любитъ, что сердце ея, въ сущности, принадлежитъ тебѣ?

Что говоритъ за то, что это иллюзія?

На первый взглядъ ея сопротивленіе.

Но, вѣдь, я не смѣлъ никогда предполагать, что она не будетъ сопротивляться. Представляю себѣ, напримѣръ, какую-нибудь замужнюю женщину, безумно влюбленную въ посторонняго ей человѣка, и задаю себѣ вопросъ, можно ли допустить, чтобы даже такая женщина не оказала никакого сопротивленія, чтобы не боролась сама съ собой и съ любимымъ мужчиной до изнеможенія?

Сопротивленіе не вытекаетъ прямо изъ любви, но, коль скоро эти двѣ силы могутъ находиться вмѣстѣ, какъ двѣ птицы въ гнѣздѣ, слѣдовательно, одно другого не исключаетъ.

Я пишу свой дневникъ не оттого лишь, что эта привычка укоренилась во мнѣ и стала моей страстью, и не только оттого, что это для меня является единственнымъ способомъ высказаться, но также и для того, чтобы всегда имѣть возможность все возстановить въ своей памяти, наново окинуть взглядомъ все происшедшее и отдать себѣ въ немъ отчетъ. И вотъ я прочитываю теперь эти страницы, на которыхъ записалъ исторію мою и Анели, съ минуты своего возвращенія въ Плошовъ; тамъ описаны чуть ли не каждый ея взглядъ, каждая наша бесѣда, каждая улыбка, каждая слеза, каждое содроганіе ея души. И нѣтъ! я не самообольщаюсь, это не фальшивый анализъ! То были слова, слезы, взгляды и улыбки женщины, быть можетъ, несчастной, но неравнодушной.

Мое отношеніе должно было на нее воздѣйствовать. У меня нѣтъ катаракта на глазахъ: вѣдь, ежедневно сердце у меня разрывается, когда вижу, какъ она худѣетъ, блѣднѣетъ, какъ лицо ея становится все меньше, а руки все прозрачнѣ; и волосы у меня чуть ли не подымаются отъ ужаса при мысли, что борьба эта происходитъ на счетъ ея здоровья. Но все это неопровержимыя доказательства того, что ея сердце и мысли принадлежатъ мнѣ. Оттого именно она такъ же несчастна, какъ я, или, быть можетъ, еще несчастнѣе.

Я читаю, что за минуту предъ тѣмъ написалъ, что даже не смѣлъ предполагать, что она не будетъ сопротивляться. Правда, то же было вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Плошовъ, но послѣдній разъ, возвращаясь изъ Варшавы, я предполагалъ, что Анеля уже не будетъ сопротивляться, и ошибся. Она не сдѣлала мнѣ никакой уступки, не высказала никакого состраданія, не хотѣла слушать меня, какъ будто я, высказываясь, кощунствовалъ, глаза ея горѣли гнѣвомъ и возмущеніемъ; Анеля вырвала у меня свои руки, которыя я покрывалъ поцѣлуями, и не переставала говорить: «Ты меня оскорбляешь». Энергія ея побѣдила

мою тѣмъ легче, чѣмъ менѣе я ожидалъ столь сильнаго ея проявленія. Ахъ! Анеля пригрозила мнѣ, что выскочитъ изъ кареты и въ дождь пойдетъ пѣшкомъ въ Плошовъ. Слово «разводъ» произвело на нее впечатлѣніе раскаленнаго желѣза. Ничего, ровно ничего не могъ я подѣлать ни взрывами волненія, ни дерзостью, ни просьбой, ни любовью; все было поставлено во зло, все принято за оскорбленіе, все отброшено и попрано. Сегодня, когда я вижу, какъ она ходитъ здѣсь по комнатамъ, снова ласковая, нѣжная, мнѣ кажется, будто тогда была какая-то иная женщина. Мнѣ нечего скрывать отъ себя! Я потерпѣлъ пораженіе и настолько полное, что если бы имѣлъ достаточно силъ и имѣлъ бы какую-нибудь иную цѣль въ жизни, то сегодня же долженъ былъ бы отсюда уѣхать.

Ибо допустимъ, что Анеля меня любитъ, такъ что мнѣ изъ того, если ея чувство никогда не разорветъ тѣхъ узъ, которыя его связываютъ, если оно никогда не проявится наружу, не выразится никакимъ поступкомъ? Точно также я могъ себѣ представить, что меня любитъ греческая Елена, Клеопатра, Беатриче или Марія Стюартъ. Таково, вѣроятно, должно быть то чувство, которое ничего не желаетъ, ни къ чему не обязываетъ. Быть можетъ, это сердце принадлежитъ мнѣ, но, въ такомъ случаѣ, это маленькое, неспособное къ дѣйствіямъ сердце! Можетъ быть, она позируетъ сама передъ собой, играетъ роль женщины съ возвышенной душой, жертвующей своимъ чувствомъ ради своихъ обязанностей, и, благодаря этому, кажется сама себѣ прекрасной. Это, вѣдь, удовлетвореніе, стоющее того, чтобы для него что-нибудь сдѣлать! Хорошо! Жертвуй мною, но если думаешь, что немногимъ жертвуешь, жертвуя своимъ чувствомъ, и что выполнишь этимъ свои обязанности, то ошибаешься!

Не могу, не могу еще ни думать, ни писать спокойно!

8 іюня.

Кокетка это ростовщикъ; даетъ мало, а требуетъ гигантскихъ процентовъ. Сегодня, когда я болѣе спокоенъ, когда могу яснѣе думать, я долженъ признать, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ основанія винить Анелю. Она ничего не давала мнѣ понять и ничего не требовала. То, что я счелъ въ ней въ Варшавѣ за оттѣнокъ кокетства, было лишь отблескомъ веселаго, оживленнаго настроенія. Я вызвалъ все, что произошло, сдѣлалъ цѣлый рядъ ошибокъ, и самъ во всемъ виноватъ.

Видѣть что-нибудь и принимать въ разсчетъ—это двѣ вещи разныя. Мы можемъ отлично отдавать себѣ отчетъ въ постороннихъ намъ факторахъ, дѣйствующихъ въ душѣ даннаго человѣка, однако, въ своемъ отношеніи къ нему чаще всего исходнымъ пунктомъ ставимъ собственную личность. Такъ случилось и со мной. Я зналъ или, по крайней мѣрѣ, предчувствовалъ, что я и Анеля являемся двумя существами, настолько противоположными другъ другу, какъ будто бы происходимъ изъ двухъ разныхъ планетъ, но я не всегда помнилъ объ этомъ и неправильно разсчиталъ, что она въ данномъ случаѣ поступитъ такъ, какъ я бы поступилъ.

И, не смотря на предчувствіе, что мы два самыхъ несходныхъ въ мірѣ существа, два противоположныхъ полюса, я записываю это какъ бы

съ нѣкоторымъ удивленіемъ, до такой степени мнѣ трудно сжиться съ этой мыслью. И, однако, это правда. Я по своей духовной организаціи въ тысячу разъ ближе къ Лаурѣ Дэвисъ, чѣмъ къ Анелѣ.

Теперь мнѣ понятно, обо что я разбился. Объ то, исчезновеніе чего я чувствую въ себѣ давно, объ то, отсутствіе чего хотя разнуздало и освободило мои мысли, но зато ввело въ меня зародышъ смертельной болѣзни и стало моей трагедіей, словомъ, догматичную простоту ея души.

Теперь я отдаю себѣ отчетъ въ этомъ, хотя, быть можетъ, недостаточно широко, ибо я до того запутался во внутреннихъ противорѣчіяхъ, что утратилъ чувство простоты... «Слышу твой голосъ, но не вижу тебя»... Мой духовный взоръ страдаетъ извѣстнаго рода дальтонизмомъ и не различаетъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ.

Я, положительно, не могу понять, какъ можно какой бы то ни было принципъ, хотя бы освященный цѣлыми вѣками, не разсмотрѣть съ обѣихъ сторонъ, не разложить его на части, частицы, атомы; словомъ, до тѣхъ поръ разлагать, пока онъ не разсыплется въ прахъ да такъ, что его уже нельзя будетъ возсоздать.

Анеля же не можетъ понять, какъ можно на принципъ, признанный благимъ и освященный какъ религіей, такъ и мнѣніемъ большинства людей, смотрѣть иначе, чѣмъ какъ на обязательный законъ.

Мнѣ все равно, сознательно ли у нея все это или инстинктивно, выработано ли собственнымъ умомъ или заимствовано, довольно того, что это вошло въ ея натуру.

Для меня уже было какъ бы предостереженіемъ то, что она мнѣ сказала по поводу госпожи Корыцкой: «Все можно доказать, но, когда дурно поступаешь, совѣсть всегда скажетъ: «дурно! дурно!» и ее ничѣмъ нельзя убѣдить».

Я не придалъ тогда ея фразѣ такого значенія, какое слѣдовало придать. У Анели нѣтъ никакихъ колебаній, никакихъ сомнѣній. Душа ея очищаетъ зерна отъ плевелъ, съ такой обстоятельностью, что о внутренней борьбѣ въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи. Она вовсе не ищетъ собственныхъ нормъ и беретъ ихъ готовыми изъ религіи и общихъ этическихъ понятій, но проникается ими такъ сильно, что они становятся ея собственными, такъ какъ входятъ въ ея плоть и кровь.

Чѣмъ это подраздѣленіе зла и добра проще, тѣмъ вѣрнѣе и неумолимѣе. Въ этомъ этическомъ кодексѣ нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ. Такъ какъ, согласно ему, замужняя женщина должна принадлежать мужу, то, слѣдовательно, та, которая отдается другому, поступаетъ дурно... Тамъ нѣтъ снисхожденій, раздумываній, колебаній, есть только одесная для праведниковъ и ошая для грѣшниковъ, надъ ними Божье милосердіе, но между ними ничего, никакого моста.

Это кодексъ благороднаго Варфоломея и честной Магды и настолько простой, что подобные мнѣ люди перестаютъ его понимать. Намъ кажется, что жизнь и человѣческія души слишкомъ ужъ сложны, чтобы могли быть заключены въ немъ. И, дѣйствительно, быть можетъ, намъ невозможно заполнить имъ свою жизнь. Къ несчастью, мы не нашли ничего иного и оттого паримъ, какъ заблудшія птицы, въ пустотѣ и въ тревогѣ.

Но большинство женщинъ, и особенно большинство женщинъ у насъ, признаетъ еще этотъ кодексъ. Даже тѣ, которыя въ жизни не соблюдаютъ его предписаній, тѣмъ не менѣе, не позволяютъ себѣ ни на минуту усомниться въ его законности и святости. Гдѣ онъ начинается, тамъ кончаются разсужденія.

Поэты неправильно представляютъ себѣ женщину загадкой или живымъ сфинксомъ. Въ сто разъ бо́льшей загадкой, въ сто разъ болѣе загадочнымъ сфинксомъ является мужчина. Женщина здоровая, не подверженная истеріи, можетъ быть злой или доброй, сильной или слабой, но въ духовномъ отношеніи она проще мужчины. Ее во всѣ вѣка и во всѣ времена удовлетворяли и удовлетворяютъ «Десять заповѣдей», безразлично, выполняетъ ли она эти «Десять заповѣдей» или, вслѣдствіе слабости своей натуры, не выполняетъ ихъ.

Женскія души такъ догматичны, что мнѣ случалось знавать женщинъ, у которыхъ даже атеизмъ принималъ всѣ отличительныя особенности религіи.

Интересной особенностью является то, что этотъ «кодексъ честной Магды» не исключаетъ въ женщинахъ ни интеллигентности, ни утонченности мысли, ни ея полета.

Душа женщины заключаетъ въ себѣ что-то присущее колибри, который умѣетъ свободно порхать среди густыхъ кустарниковъ, не задѣвая ни одной вѣточки, не колебля ни одного листочка.

Это можно примѣнить, прежде всего, къ Анелѣ. Необыкновенная утонченность чувствъ и мыслей соединяется въ ней съ необыкновенной простотой нравственныхъ понятій. Ея «Десять заповѣдей» тѣ же, что «Десять заповѣдей» у Магды, съ тою разницей, что у Магды онѣ вышиты на самодѣльномъ грубомъ полотнѣ, у Анели же на нѣжной, какъ кружево, ткани.

Почему я объ этомъ разсуждаю? Да потому, что это для меня не какой-нибудь отвлеченный вопросъ, а вопросъ чуть ли не жизни; говорю объ этомъ, такъ какъ мнѣ это причиняетъ страданіе и составляетъ мое несчастье, ибо чувствую, что мнѣ тѣхъ простыхъ «Десяти заповѣдей» не одолѣть своей запутанной и сложной философіей любви. И какъ же мнѣ ихъ одолѣть, когда я самъ не вѣрю безъ нѣкоторыхъ оговорокъ въ эту философію, я часто даже просто сомнѣваюсь въ ней, между тѣмъ какъ Анеля вѣритъ спокойно и непоколебимо въ свои заповѣди.

Лишь тѣхъ, которые уже пили изъ источника сомнѣній, можно убѣдить, что запретный поцѣлуй не является грѣхомъ. Религіозная женщина можетъ быть увлечена любовью, какъ дерево ураганомъ, но никогда не признаетъ ея законности.

Смогу ли я когда-нибудь увлечь Анелю? Быть можетъ, та глубокая, отчаянная апатія, которая въ эту минуту мной овладѣваетъ, будетъ очень непродолжительной, быть можетъ, завтра я буду съ большей надеждой смотрѣть на будущее, но нынче мнѣ кажется это почти невозможнымъ.

Когда-то я писалъ въ своемъ дневникѣ, что у насъ въ нѣкоторыхъ семействахъ при воспитаніи женщинъ стараются привить имъ скромность, какъ, какъ оспу. Мнѣ надо считаться и съ тѣмъ, что правило, которое говоритъ: «Жена должна принадлежать мужу», и въ ктоорое Анеля

свято вѣритъ, охраняется вдобавокъ стыдливостью, до того ей присущей, до того сросшейся съ ней, такъ внѣдрившейся въ ея натуру, что мнѣ во сто разъ легче представить ее на катафалкѣ, чѣмъ видѣть ее обнажающей при мнѣ грудь.

Итакъ, могу ли я еще надѣяться, могу ли отъ такой женщины чего нибудь ожидать? Вѣдь, это просто безсмыслица.

Слѣдовательно, что же мнѣ дѣлать? Уѣхать? Нѣтъ, не уѣду! Не хочу и не могу.

Останусь, а такъ какъ мое чувство безсмысленно, то буду поступать безсмысленно! Довольно уже системъ, разсчетовъ и предположеній. Пусть будетъ, что будетъ! Тотъ путь не ведетъ ни къ чему.

9 іюня.

Она не болѣе счастлива, чѣмъ я. То, что мнѣ пришлось сегодня видѣть, убѣдило меня, что и въ ней происходитъ тяжелая борьба, для которой она должна почерпать силы только въ самой себѣ. Мысли такъ у меня путаются, что я не могу успокоиться.

Послѣ отъѣзда Завиловскаго, который былъ сегодня съ дочерью въ Плошовѣ, когда тетя съ очевидной цѣлью стала превозносить достоинства Елены, мной овладѣлъ внезапный гнѣвъ, нервы мои были развинчены, я плохо спалъ, чувствовалъ усталость и потому въ порывѣ раздраженія воскликнулъ:

— Хорошо! Если дѣло идетъ болѣе о моемъ бракѣ, чѣмъ о моемъ счастьѣ, то завтра же могу сдѣлать предложеніе mademoiselle Завиловской, такъ какъ для меня-то, рѣшительно, все равно.

Вѣдь, было очевидно, что я говорилъ это вслѣдствіе раздраженія, но не убѣжденія, и что никогда не сдѣлалъ бы того, что сказалъ, а между тѣмъ Анеля внезапно поблѣднѣла, какъ полотно. Поднявшись съ мѣста безъ видимаго повода, она стала развязывать шнурки занавѣски, причемъ руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Къ счастью, тетя, навѣрно, никогда въ жизни не была такъ смущена, какъ теперь, и потому ничего не замѣтила. Она что-то мнѣ отвѣтила, но не помню, что, такъ какъ въ эту минуту для меня все перестало существовать, кромѣ Анели. Правда, я путемъ разсужденій пришелъ къ выводу, что являюсь чѣмъ-то въ ея сердцѣ, но разсуждать и видѣть что-нибудь, это двѣ вещи разныя. Не забыть мнѣ до послѣдняго момента жизни этой блѣдности и этихъ дрожащихъ рукъ! У меня теперь было неопровержимое доказательство, такъ какъ если извѣстную часть впечатлѣнія приписать тому, что отвѣтъ мой обрушился на нее такъ неожиданно, то все же остается еще достаточно. Такъ не блѣднѣютъ отъ внезапнаго извѣстія не только о бракѣ, но даже о смерти человѣка, къ которому относятся равнодушно.

Дня два тому назадъ я думалъ: «Что мнѣ изъ того, что она меня любитъ, если это чувство навсегда останется замкнутымъ въ ней», и, однако, въ данный моментъ, когда я собственными глазами убѣдился, что она неравнодушна, всѣ мои надежды сразу возродились, всѣ сомнѣнія исчезли, въ моемъ воображеніи опять возстало видѣніе побѣды, опять явилась увѣренность, что должно наступить время, когда ея чувство

станетъ сильнѣе ея, когда я заключу ее въ свои объятія и возьму съ собой.

Увы, почти тотчасъ я убѣдился, что то была лишь иллюзія. Тетя, сказавъ еще что-то, вышла, быть можетъ, затѣмъ, чтобы гдѣ-нибудь въ углу излить въ слезахъ чувство горечи ко мнѣ, я же жадно приблизился къ Анелѣ и проговорилъ:

— Анеля! ни за какія сокровища въ мірѣ я не женился бы на Завиловской, но пойми меня. Мало-ли у меня огорченій, такъ еще съ этой стороны мнѣ не даютъ покоя. Тебѣ, однако, лучше всего извѣстно, что этого никогда не будетъ.

— Напротивъ... я радовалась бы, если бы это случилось,—сказала она съ усиліемъ.

— Неправда, я видѣлъ, какъ ты поблѣднѣла, видѣлъ.

— Извини меня, но я уйду...

— Моя Анеля, ты меня любишь! Не обманывай ни себя, ни меня: ты меня любишь!

Уста ея опять побѣлѣли.

— Нѣтъ,—быстро отвѣтила она,—но боюсь, что могу тебя возненавидѣть.

И она ушла въ комнату къ матери. Мнѣ извѣстно, что женщинѣ, которая борется сама съ собой, часто такимъ образомъ приходится себя выдавать, что любовь, горькая и запретная, должна принимать подобный цвѣтъ, и тѣмъ не менѣе слова Анели развѣяли мою радость. Въ жизни есть много такого, что вполнѣ натурально, но чего ни нервы, ни силы человѣческія не могутъ перенести. Теперь меня поражаетъ одна истина, заключающаяся въ томъ, что любовь къ чужой женѣ, если она притворна, является великой подлостью, если же искренна—великимъ несчастьемъ и тѣмъ большимъ, чѣмъ женщина болѣе достойна. Меня сжигаетъ чрезвычайно горькое любопытство, что бы было въ томъ случаѣ, если бы я сказалъ Анелѣ слѣдующее: «Или ты обнимешь меня и признаешься, что любишь меня, или я застрѣлюсь на твоихъ глазахъ». Знаю, что это было бы низко, и я никогда не рѣшился бы на подобное эксплуатированіе и насиліе, нѣтъ... будь, что будетъ, но я для этого слишкомъ порядочный человѣкъ. И, однако, не могу удержаться отъ вопроса, что бы въ такомъ случаѣ произошло? И я почти увѣренъ, что Анеля, быть можетъ, не пережила бы своего горя, но не подчинилась бы. Когда я объ этомъ думаю, то одновременно проклинаю ее и еще болѣе обожаю, ненавижу и еще болѣе люблю. Надо откровенно сказать самому себѣ: меня постигло великое несчастье. Что еще хуже, такъ то, что я не нахожу противъ него средства и не имѣю силъ вырваться изъ этого заколдованнаго круга. Ко всѣмъ питаемымъ мною чувствамъ, которыя эта женщина всегда возбуждала во мнѣ въ сильнѣйшей степени, присоединилась еще какая-то собачья привязанность. Я обнимаю ее мыслью, взоромъ, гляжу и не могу наглядѣться на ея глаза, волосы, уста, плечи и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую, что она самое желанное для меня существо, какъ женщина, и самое дорогое въ мірѣ, какъ человѣкъ. Ни одна женщина не возбуждала во мнѣ такой двойной и безотносительной привязанности. Иногда это

вліяніе кажется мнѣ, положительно, непонятнымъ, иногда объясняю его, и, какъ обыкновенно, объясняю очень худо.

Да, я жилъ скоро и перешелъ уже свой зенитъ. Теперь путь идетъ внизъ, откуда вѣетъ холодомъ и мракомъ. Однако, чувствую, что, благодаря этому единственному существу, для меня возродилась бы молодость и желаніе жизни. Когда она перестанетъ для меня существовать, жизнь моя превратится въ прозябаніе, необыкновенно тусклое, сумрачное, какъ предвкушеніе смерти. И вотъ, я люблю Анелю еще въ силу инстинкта самосохраненія, не исключительно чувственно, не исключительно духовно, но также въ силу боязни небытія.

Анеля этого не знаетъ, но я предполагаю, что она чувствуетъ ко мнѣ великое состраданіе, что заключаю изъ того, что если бы она поступала со мной такъ немилосердно, какъ я съ нею, то я все равно отдалъ бы душу свою за то, чтобы облегчить ей жизнь. И какъ же мнѣ не говорить, что любовь къ чужой женѣ есть большое несчастіе, коль скоро она доводитъ человѣка, напримѣръ, до того, что онъ долженъ мучить существо, ради спокойствія котораго пожертвовалъ бы собою. И множество такихъ заколдованныхъ круговъ на каждомъ шагу. Въ концѣ концовъ, мы оба чрезвычайно несчастливы. Но у тебя, Анеля, есть какая-нибудь опора въ жизни, есть твой догматъ, я же, дѣйствительно, подобенъ ладьѣ безъ руля и безъ веселъ.

Мнѣ что-то нездоровится. Плохо сплю или, вѣрнѣе, вовсе не сплю, да, впрочемъ, иначе и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ хотѣлось бы заболѣть, но какъ слѣдуетъ быть, пролежать какой-нибудь мѣсяцъ безъ сознанія, безъ памяти, отдохнуть за все время. Это были бы мои каникулы. Вчера меня освидѣтельствовалъ Хвастовскій и пофилософствовалъ надо мной; онъ сказалъ, что у меня нервная система уже выродившейся расы, но есть еще большой запасъ унаслѣдованной мускульной силы. Думаю, что онъ, дѣйствительно, правъ, такъ какъ, если бы не это, я не совладалъ бы съ своими нервами. Кто знаетъ, не слѣдуетъ ли приписать отчасти тому же мою исключительность, ибо, вѣдь, эти силы должны были найти какой-нибудь выходъ, а въ виду того, что онѣ не нашли его ни въ наукѣ, ни въ дѣятельности, то, вслѣдствіе этого, потокомъ хлынули къ одному: къ любви къ женщинѣ.

Только, благодаря нервамъ, потекли мутно, бурно и криво! прежде всего криво.

Сколько мнѣ ежедневно приходится испытывать впечатлѣній. Подъ вечеръ пришла ко мнѣ моя дорогая тетя и стала передо мной извиняться за свои похвалы Завиловской. Я расцѣловалъ ей руки и, въ свою очередь, просилъ извиненія въ своей вспышкѣ, она же говорила:

— Обѣщаю тебѣ никогда уже о ней не вспоминать. Правда, мой Леонъ, я отъ души хотѣла бы, чтобы ты женился, потому что ты послѣдній въ родѣ, но Богу извѣстно, что для меня прежде всего важно твое счастье, мой дорогой, милый мальчикъ.

Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ, и подъ конецъ сказалъ.

— Вы, тетя, знаете, что я немножко баба, нервная баба!

Но тетя тотчасъ напала на меня.

— Ты—баба? Каждый можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ заблуждаться,

но если бы у всѣхъ было столько ума и характера, какъ у тебя, то на свѣтѣ было бы иначе.

Ну, какъ тутъ разсѣять такія иллюзіи? Иногда меня охватываетъ отчаяніе, ибо говорю себѣ: что мнѣ дѣлать въ такомъ домѣ и среди такихъ ангельски-чистыхъ женщинъ? Мнѣ уже поздно перейти въ ихъ вѣру, а между тѣмъ сколько я могу имъ причинить огорченій, разочарованій и несчастій.

10 іюня.

Сегодня я получилъ два письма: одно отъ моего нотаріуса изъ Рима, другое отъ Святыньскаго. Изъ Рима мнѣ сообщаютъ, что препятствія, какія обыкновенно возникаютъ при вывозѣ изъ Италіи памятниковъ древности и цѣнныхъ произведеній искусства, могутъ быть избѣгнуты или, вѣрнѣе, удастся избѣгнуть. Коллекціи отца имѣли чисто частный характеръ и не находились ни подъ какимъ контролемъ государства, а потому могутъ быть высланы просто, какъ мебель.

Теперь мнѣ надо заняться соотвѣтственнымъ устройствомъ дома въ Варшавѣ, что сдѣлаю неохотно, такъ какъ мысль о перевозкѣ этихъ коллекцій на родину утратила для меня всякое очарованіе. Можетъ ли это теперь меня интересовать? Да и къ чему все это! Если не откажусь отъ своего плана, такъ лишь потому, что я самъ столько говорилъ о немъ и что столько по этому поводу писали газеты.

Въ настоящее время состояніе моего ума то же, какое было во время моихъ путешествій, тотчасъ послѣ замужества Анели. Теперь я опять дѣйствую, смотрю и понимаю не иначе, какъ въ связи съ мыслью объ Анелѣ, и потому не испытываю никакихъ непосредственныхъ впечатлѣній. Идеи, въ которыхъ я не нахожу ея, кажутся мнѣ совершенно пустыми и не имѣющими значенія. Это поразительно, какъ доказательство, до чего человѣкъ можетъ погрузиться въ свое чувство. Нынче утромъ я читалъ трактатъ Бунге подъ заглавіемъ: «Витализмъ и механизмъ» и читалъ съ исключительнымъ интересомъ, такъ какъ онъ научно доказываетъ то, о чемъ я давно думалъ, но что было у меня въ формѣ скорѣе неясныхъ предчувствій, чѣмъ опредѣленныхъ убѣжденій. Тутъ знаніе признается въ скептицизмѣ въ отношеніи къ самому себѣ и констатируетъ не только свое безсиліе, но и реальное существованіе какого-то иного міра, который есть что-то большее, чѣмъ матерія и движеніе, и который не поддается объясненію одними физическими или механическими законами. Для меня уже безразлично, будетъ ли тотъ міръ чѣмъ-нибудь выше матеріи или ниже ея. Настоящая игра словъ. Я не ученый и не обязанъ быть осторожнымъ въ выводахъ, а потому кидаюсь головой впередъ въ открытыя двери, и пусть себѣ наука сто разъ твердитъ, что тамъ темно, я чувствую, что мнѣ тамъ будетъ свѣтлѣе, чѣмъ на этой сторонѣ. Я читалъ это сочиненіе почти съ лихорадочной жадностью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ облегченіемъ. Только отсталые глупцы не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, до какой степени насъ угнетаетъ и смертельно утомляетъ матеріализмъ, какая таится боязнь въ умахъ, чтобы наука не оказалась правой, съ какимъ нетерпѣніемъ люди ожидаютъ новой научной эволюціи и какая радость охватитъ плѣнниковъ, когда откроется любой выходъ, чрезъ который имъ возможно будетъ выбраться на свѣжій воз-

духъ. Все дѣло въ томъ, что духъ человѣческій такъ придавленъ, что не смѣетъ ни дышать, ни увѣровать въ собственное счастье. Я же осмѣлился и ощутилъ то же, что ощущалъ бы, если бы выбрался изъ душнаго погреба. Быть можетъ, это минутное впечатлѣніе, ибо я понимаю, что нео-витализмъ вовсе не открываетъ новой эпохи въ наукѣ, и, быть можетъ, завтра я добровольно вернусь въ темницу.... Не знаю.... Тѣмъ временемъ мнѣ было хорошо. Я ежеминутно говорилъ самому себѣ: если это такъ, если даже путемъ скептицизма люди доходятъ до несомнѣнной увѣренности, что существуетъ сверхчувственный міръ, находящійся абсолютно внѣ сферы «физико-химическихъ объясненій», то все возможно: всякая вѣра, всякій догматъ, всякій мистицизмъ. Слѣдовательно, можно думать, что какъ существуетъ безконечное пространство, такъ существуетъ и безконечный разумъ, безконечная доброта, можно надѣяться, что есть какой-нибудь великій покровъ, охватывающій все мірозданіе, къ которому можно прильнуть, и какая-то опека, подъ которой кончается усталость. А если такъ, то хорошо! я, по крайней мѣрѣ, знаю, для чего живу и для чего страдаю. Какое необыкновенное облегченіе!

Повторяю еще разъ, что я не обязанъ быть осторожнымъ въ выводахъ, а еще раньше я писалъ, что никто такъ не близокъ къ мистицизму, какъ скептикъ. Я убѣдился въ этомъ теперь на самомъ себѣ, такъ какъ сталъ парить, какъ птица, которая, послѣ продолжительнаго заключенія въ клѣткѣ, вырвавшись на свободу, паритъ, наслаждается и купается въ воздушномъ пространствѣ. Предо мною открылись новыя земли, кипящія новою жизнью. Не знаю, было ли это на какой-нибудь иной планетѣ или гдѣ-то тамъ, далеко, въ междупланетныхъ пространствахъ, довольно того, что и тѣ земли, и та жизнь были совершенно иныя, чѣмъ наши, свѣтъ тамъ былъ ясный, мягкій, въ воздухѣ была разлита сладостная прохлада, но главное различіе заключалось въ томъ, что связь между душой индивидуальной и душой общей была гораздо тѣснѣе и настолько тѣснѣе, что невозможно было отличить, гдѣ кончается индивидуумъ и начинается общество. Притомъ, я чувствовалъ, что именно на этой неясности границы основывается счастье той жизни, ибо личность не исключается тамъ, не противопоставляется обществу, но находится въ гармоніи съ окружающимъ и вслѣдствіе этого живетъ всей силою общей жизни.

Не скажу, чтобы это были видѣнія, нѣтъ, то былъ лишь переходъ за ту пограничную линію, за которой кончаются точныя разсужденія, и начинаются предчувствія, являющіяся какъ выводы, изъ предшествующихъ посылокъ, только доведенные такъ далеко, что почти неуловимы. какъ можетъ быть почти неуловимой протянутая до безконечности золотая нить. Впрочемъ, я не могъ еще всецѣло ни воплотиться въ жизнь тѣхъ новыхъ странъ, ни слиться съ нею, ни достаточно отрѣшиться отъ самого себя. Я сохранилъ до извѣстной степени свое отличіе, мнѣ чего-то недоставало, и казалось, что я ищу чего-то вокругъ себя. Внезапно я почувствовалъ, что ищу Анели. Дѣйствительно: только ея и всегда ея! Могла ли безъ нея интересовать меня эта новая жизнь? Наконецъ, я нашелъ ее, и мы вмѣстѣ стали блуждать, какъ тѣни Паоло и Франчески ди-Римини....

Я записываю это потому, что вижу въ этомъ чуть ли не устрашающее

доказательство, до какой степени поглощено мое существо чувствомъ къ этой женщинѣ. Удивительно! какая можетъ быть связь между Бунге съ его нео-витализмомъ и Анелей? И, однако, я, даже когда думаю о такихъ вещахъ, въ концѣ концовъ, прихожу опять къ ней. Науку, искусство, природу, жизнь я теперь привожу къ одному знаменателю. Это ось, вокругъ которой обращается въ моихъ глазахъ весь міръ.

Для меня это чрезвычайно важно, ибо есть ли въ такомъ случаѣ хотя малѣйшая возможность, чтобы когда-нибудь я искалъ совѣта у своего ума, который все еще время отъ времени повторяетъ мнѣ слабымъ, придавленнымъ голосомъ: бѣги, уѣзжай.

Знаю, что это не кончится добромъ, что не можетъ кончиться добромъ, но откуда взять мнѣ силъ, воли, энергіи, когда все это у меня отнято? Точно также я могъ бы повторять человѣку, лишенному ногъ: встань и иди. На чемъ? А еще добавлю: куда? зачѣмъ? Здѣсь сосредоточена моя жизнь.

Иногда у меня является желаніе дать прочесть этотъ дневникъ Анелѣ, но я не сдѣлаю этого. Состраданіе ея ко мнѣ, быть можетъ, возрасло бы послѣ этого, но любовь должна была бы уменьшиться. Если бы Анеля стала моею, то искала бы во мнѣ опоры, покоя и непоколебимой вѣры за двоихъ, какъ это и должно быть, а между тѣмъ она нашла бы даже и въ этомъ сомнѣніе. Впрочемъ, я предполагаю, что хотя бы она поняла все, что во мнѣ происходило и происходитъ, но многаго не могла бы прочувствовать. Мы столь различныя существа! Вотъ, напримѣръ, я даже въ то время, когда впадаю въ мистицизмъ, когда говорю себѣ, что все возможно, когда въ своемъ воображеніи представляю себѣ ту неземную жизнь не согласно общимъ понятіямъ и, слѣдовательно, насколько тѣ общія понятія можно назвать нормальными, ненормально. Почему? Вѣдь, если все возможно, то такъ же возможны адъ, чистилище и рай, какъ тѣ свѣтлыя страны! Вѣдь, видѣнія Данта грандіознѣе и величественнѣе моихъ. Слѣдовательно, почему? По двумъ причинамъ. Прежде всего, потому, что мой скептицизмъ, который отравляетъ себя собственнымъ сомнѣніемъ, какъ скорпіонъ собственнымъ ядомъ, обладаетъ, однако, достаточной силой, чтобы исключить изъ разнородныхъ предположеній понятія простыя и общепринятыя, а во-вторыхъ?.. Во вторыхъ, что въ тѣхъ дантовскихъ кругахъ я не умѣю представить себя и Анелю вмѣстѣ... Такой жизни я не желаю...

Но все то, что я пишу и думаю, происходитъ съ помощью какой-то частицы моего мыслящаго существа, остальное приковано къ Анелѣ. Въ эту минуту виденъ еще свѣтъ, падающій изъ ея комнаты на кусты барбариса, растущіе подъ окномъ. Бѣдная, у нея также бываютъ безсонныя ночи! Я видѣлъ, какъ сегодня она задремала надъ работой. Въ большомъ креслѣ Анеля казалась совсѣмъ маленькой, и какъ она глубоко дышала отъ усталости. Я испытывалъ къ ней такое же чувство, какъ будто это былъ мой ребенокъ.

11 іюня.

Наконецъ, мнѣ прислали голову Мадонны Сассоферато. Я отдалъ ее Анелѣ при ея матери и при тетѣ, какъ вещь, принадлежащую ей по завѣщанію. Она никакъ не могла отказаться. Затѣмъ я собственноручно

повѣсилъ образъ въ ея будуарѣ. Онъ кажется тамъ очень красивымъ. Я не особенно восхищаюсь мадоннами Сассоферато, но эта такая простая и прекрасная въ своихъ свѣтлыхъ тонахъ! Мнѣ пріятно думать, что Анеля при взглядѣ на нее каждый разъ должна вспомнить, что, именно, я далъ ей эту святыню и далъ оттого, что люблю. Такимъ образомъ та любовь, которую она считаетъ грѣховной, въ ея мысли должна соединяться съ изображеніемъ святыни. Дѣтское утѣшеніе, но у кого нѣтъ другого, тому и это хорошо.

Сегодня у меня была одна пріятная минута. Когда картина была уже повѣшена, Анеля приблизилась ко мнѣ, чтобы поблагодарить. Въ виду того, что кресло, на которомъ сидѣла ея мать, было отодвинуто довольно далеко, то въ ту минуту, когда Анеля хотѣла уже отнять свою руку, я на секунду удержалъ ее и вполголоса спросилъ:

— Неужели ты, Анеля, въ самомъ дѣлѣ меня ненавидишь?

А она какъ бы съ печалью тряхнула головкой и быстро отвѣтила:

— Ой, нѣтъ.

О, что заключалось въ столь кроткомъ отвѣтѣ!

Это только такъ говорится, что если чувство любимой женщины никогда не проявится наружу, то безразлично, любитъ ли она, или нѣтъ. Нѣтъ! не безразлично! Пусть у меня будетъ хотя это, я даже этого ни за что не отдамъ, такъ какъ иначе мнѣ нечѣмъ было бы жить!

12 іюня.

Я уже въ Варшавѣ, такъ какъ еще третьяго дня получилъ письмо отъ Спятыньскаго, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать на прощальный обѣдъ въ честь Клары. На обѣдъ я не поѣхалъ, онъ происходилъ вчера, но сегодня простился съ нею на вокзалѣ. Теперь я оттуда возвращаюсь. Несомнѣнно, Клара уѣзжала съ чувствомъ горечи ко мнѣ и разочарованія, но все же, лишь только она меня увидѣла, какъ тотчасъ простила мнѣ все, и мы разстались очень сердечно. Я чувствовалъ, что для меня ея отсутствіе будетъ ощутительно, и что вокругъ меня образуется еще большая пустота. Въ моихъ мистическихъ странахъ не будетъ прощаній. Нынѣшнее было особенно печально, такъ какъ вечеръ былъ пасмурный и дождливый. Не смотря на столь неблагопріятную погоду, множество лицъ тѣмъ не менѣе провожало Клару. Ея купэ было завалено цвѣтами и вѣнками, какъ гробъ. Ей придется все это убрать, потому что, въ противномъ случаѣ, она задохнется отъ слишкомъ сильнаго аромата. Клара въ минуту отъѣзда вовсе уже не считалась съ тѣмъ, что могутъ о ней подумать люди, и, насколько при подобныхъ обстоятельствахъ это было возможно, занималась исключительно мной. Я вошелъ въ ея купэ, и мы бесѣдовали, какъ два друга, не обращая вниманія ни на старую и вѣчно молчаливую родственницу Клары, ни на другихъ лицъ, которыя, въ концѣ концовъ, корректно удалились въ корридоръ вагона.

Я держалъ обѣ руки Клары, а она смотрѣла на меня своими добрыми голубыми глазами, причемъ говорила взволнованнымъ голосомъ:

— Вамъ одному я откровенно скажу, что ни откуда мнѣ не было такъ грустно уѣзжать. При обыкновенной во время отъѣзда суматохѣ нѣтъ даже времени что-нибудь высказать, но какъ мнѣ жаль!.. Во

Франкфуртѣ мнѣ приходится встрѣчать много и ученыхъ, и артистовъ, но знаете ли... сама не знаю... въ чемъ, а между тѣмъ есть какая-то разница... люди здѣшняго общества какъ бы болѣе нѣжные инструменты, а ужъ о васъ нечего и говорить!

— Вы позволите писать вамъ?

— И я буду писать, а васъ хотѣла объ этомъ просить. У меня есть моя музыка, но теперь для меня этого не всегда бываетъ достаточно. Думаю, что и у васъ иногда явится потребность подѣлиться со мной, такъ какъ думаю, что, хотя вы, безъ сомнѣнія, будете имѣть и имѣете много друзей, но такого преданнаго, такъ искренно расположеннаго къ вамъ друга у васъ, навѣрное, нѣтъ. Я такъ непосредственна, что меня все трогаетъ, волнуетъ, а между тѣмъ сейчасъ надо ѣхать.

— Оба мы постоянно блуждаемъ по свѣту: вы, какъ артистка, я, какъ цыганъ, слѣдовательно, это не послѣдняя разлука, это только: «до свиданія!»

— До свиданія! до свиданія, какъ можно болѣе близкаго! Вы тоже артистъ! Можно не играть, не писать, не рисовать и тѣмъ не менѣе въ душѣ быть артистомъ. Я это замѣтила съ первой минуты знакомства съ вами, а также замѣтила и то, что вы съ виду какъ будто счастливы, но на самомъ дѣлѣ очень несчастны. Помните же, что есть одна нѣмка, которая относится къ вамъ, какъ сестра.

Я поднесъ ея руку къ своимъ губамъ, она же, предполагая, что я уже хочу уходить, сказала поспѣшно:

— Еще есть время, только что былъ второй звонокъ.

У меня, дѣйствительно, было желаніе проститься съ нею. Ахъ, до чего я дошелъ со своими нервами! Такъ, родственница Клары, вслѣдствіе дождя, была одѣта въ гуттаперчевый плащъ, ужасно шелестѣвшій при каждомъ ея движеніи, и этотъ шелестъ или, вѣрнѣе, свистъ гуттаперчи, положительно, приводилъ меня въ отчаяніе. Впрочемъ, до отъѣзда оставалось всего нѣсколько минутъ. Внезапно въ вагонъ вбѣжала госпожа Снятыньская, и я, желая уступить ей мѣсто, направился къ выходу.

— Адресъ мой Франкфуртъ, Гильстъ, — воскликнула мнѣ вслѣдъ Клара,—изъ дому перешлютъ мнѣ письмо всюду, гдѣ бы я ни была.

Черезъ минуту, я уже былъ на дебаркадерѣ, у окна вагона, среди шума прощавшихся съ Кларой лицъ, смѣшаннаго съ шипѣніемъ пара, порывистымъ дыханіемъ паровоза и возгласами желѣзнодорожныхъ служащихъ. Окно купэ опустилось внизъ, и я еще разъ увидѣлъ это доброе, милое лицо.

— Гдѣ вы проведете лѣто?—спросила Клара.

— Право, не знаю, я напишу вамъ,—отвѣтилъ я.

Въ эту минуту дыханіе паровоза стало быстрѣе, раздался послѣдній свистокъ, и поѣздъ тронулся. Мы всѣ простились съ Кларой дружнымъ кликомъ, и она вскорѣ исчезла въ отдаленіи и во мракѣ.

— Вы очень будете тосковать? — внезапно спросила меня Снятыньская.

— Очень!—отвѣтилъ я ей и, раскланявшись, ушелъ домой.

Дѣйствительно, во мнѣ было такое чувство, какъ будто уѣхало существо, которое, въ данномъ случаѣ, могло мнѣ помочь. Я былъ чрезвы-

чанно раздраженъ. Быть можетъ, отчасти вызвалъ такое настроеніе этотъ пасмурный вечеръ, полный дождя и такой густой мглы, что всѣ фонари издали казались какими то радужными кругами. Послѣдняя искра надежды угасла во мнѣ. Пессимизмъ былъ не только во мнѣ, но, казалось, охватывалъ весь міръ, какъ атмосфера, проникая всюду и во всѣ существа.

Я возвращался домой въ самомъ угнетенномъ настроеніи. Мной овладѣвало необыкновенное безпокойство и какъ бы тревога предъ какой-то невѣдомой и неопредѣленной опасностью. На минуту во мнѣ проснулась страшная тоска по солнцу и теплу, по странамъ, гдѣ нѣтъ такихъ дождей, темноты и мглы. Мнѣ казалось, что если я уѣду туда, гдѣ будетъ очень свѣтло, то самый этотъ свѣтъ сможетъ чего-то не допустить и отъ чего-то меня охранить. Вся моя мыслительная способность вылилась въ одномъ словѣ, которое я повторялъ, какъ эхо: уѣхать, уѣхать! Внезапно меня охватилъ страхъ при мысли, что, уѣхавъ, я оставлю здѣсь Анелю одну и подвергну ее той неопредѣленной, смутной опасности, отъ которой самъ хочу бѣжать. Знаю, что это иллюзія, что для нея мой отъѣздъ былъ бы полезенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу избавиться отъ впечатлѣнія, что это съ моей стороны было бы какой-то трусостью и какой-то низостью... Это во мнѣ сильнѣе всякихъ разсужденій... Впрочемъ, уѣхать для меня пустое слово. Я могу себѣ его повторять, могу чувствовать, но если бы пришлось превратить его въ дѣйствіе, то оказалось бы, что такое дѣйствіе менѣе всего возможно изъ всѣхъ другихъ, какія находятся въ зависимости отъ моей воли. Я вложилъ столько нервовъ, столько жизни въ то чувство, что уже нынче мнѣ легче было бы разорвать себя на куски, чѣмъ отъ него оторваться.

Я обладаю способностью контролировать мои мысли и такимъ самопознаніемъ, что мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ предположеніе, что могу кончить сумасшествіемъ. Я не въ состояніи даже себѣ это представить, однако, чувствую порою, что мое нервное напряженіе доходитъ уже до послѣдняго предѣла, далѣе котораго идти уже нельзя.

Жаль Клары. Въ послѣднее время я видѣлъ ее рѣдко, но все же мнѣ было пріятно, что она недалеко; теперь же Анеля окончательно овладѣетъ мной, такъ какъ я отдамъ ей и тѣ силы, которыя выливаются въ спокойную привязанность, въ дружбу.

Вернувшись домой, я засталъ молодого Хвастовскаго, который вечеромъ пріѣхалъ въ Варшаву, на совѣтъ съ своимъ братомъ книгопродавцемъ. Они устраиваютъ какое-то предпріятіе, заключающееся въ продажѣ книгъ для народа. Они вѣчно что-нибудь дѣлаютъ, вѣчно чѣмъ-нибудь занимаются, вслѣдствіе чего живутъ необыкновенно полной жизнью. Я дошелъ уже до того, что при видѣ его обрадовался, ну, совершенно такъ, какъ ребенокъ, который, боясь разныхъ страховъ, радуется тому, что кто-нибудь входитъ въ комнату. Его духовное здоровье подкрѣпляетъ меня. Онъ говорилъ, что мать Анели чувствуетъ себя все лучше, и что черезъ какую-нибудь недѣлю-двѣ ей можно будетъ уѣхать въ Гаштейнъ. Вотъ! вотъ! это очень кстати! Лишь бы перемѣнить мѣсто. Я буду хлопотать въ этомъ дѣлѣ изо всѣхъ силъ и, между прочимъ, уговорю тетю ѣхать вмѣстѣ съ ними. Она для меня это сдѣлаетъ, а въ такомъ случаѣ

никто не удивится тому, что и я поѣду. Теперь, по крайней мѣрѣ, я чего-нибудь желаю и даже очень желаю! Сколько мнѣ представится возможности хлопотать объ Анелѣ! Мы будемъ еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ Плошовѣ. Чувствую теперь нѣкоторое облегченіе, такъ какъ сегодня былъ ужасный день, а ничто такъ меня не угнетаетъ, какъ непогода. Слышится еще, какъ дождь звенитъ по водосточнымъ трубамъ, но въ промежуткахъ между тучами уже проглядываетъ нѣсколько звѣздъ.

12 іюня.

Сегодня пріѣхалъ Кромицкій...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III

Гаштейнъ 23 іюня.

Вотъ уже недѣля, какъ всѣ мы въ Гаштейнѣ, всѣ, то есть, Анеля, ея мать, тетя, я и Кромицкій. Дневникъ мой былъ прерванъ на нѣкоторое время не оттого, что я избавился отъ этой слабости или не чувствовалъ потребности записывать свои впечатлѣнія, но потому, что то, что со мной происходило, мнѣ никакъ не удавалось выразить словами. Пока человѣкъ борется съ силой, которая его давитъ, до тѣхъ поръ у него, такъ сказать, нѣтъ ни головы, ни времени на что-нибудь иное. Я былъ въ такомъ состояніи, какъ тотъ осужденный въ мемуарахъ Сансона, съ котораго снимали кожу, послѣ чего заливали раны расплавленнымъ оловомъ, и который въ нервномъ возбужденіи кричалъ: «Encore! encore!» (еще! еще!) пока, наконецъ, не лишился чувствъ. Я тоже лишился чувствъ, что означаетъ, что силы мои совершенно изсякли, и я подчинился дѣйствительности.

Надо мной тяготѣетъ какая-то гигантская рука, подобная тѣмъ горамъ, среди которыхъ мы находимся.

Но что-же мнѣ дѣлать? Вѣдь, я не могу оказать ей сопротивленія, а потому, пусть давитъ. Я не зналъ, что можно найти, если не нѣкоторое утѣшеніе, то нѣкоторое успокоеніе въ сознаніи своего безсилія и въ пониманіи своего ничтожества.

Лишь бы только не началась у меня реакція, лишь бы это состояніе продолжалось, какъ можно долѣе. Я описывалъ бы тогда все, что со мной происходитъ, такъ какъ будто бы былъ постороннимъ зрителямъ. Но мнѣ извѣстно по опыту, какъ одинъ день отличается отъ другого, и я боюсь того, что принесетъ мнѣ завтра.

24 іюня.

Въ концѣ своего пребыванія въ Варшавѣ, я высказалъ въ своемъ дневникѣ такое мнѣніе: «Любовь къ чужой женѣ, если она притворна, есть подлость, если же она искренна, то является однимъ изъ величайшихъ несчастій, какія только могутъ постигнуть человѣка». Записывая это до прибытія Кромицкаго, я не отдавалъ себѣ отчета во всѣхъ составныхъ элементахъ такого несчастья и думалъ, что оно благороднѣе, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Только теперь вижу, что кромѣ великихъ страданій, въ немъ заключаются и униженіе, и сознаніе собственной низости, и необходимость лжи, и необходимость въ тысячѣ жалкихъ поступковъ и въ соблюденіи тысячи недостойныхъ порядочнаго человѣка предосторожностей. Что за букетъ! Въ самомъ дѣлѣ, отъ запаха подобныхъ цвѣтовъ можно задохнуться.

Видитъ Богъ, съ какимъ наслажденіемъ я взялъ бы Кромицкаго за горло, прижалъ бы его къ стѣнѣ и сказалъ бы ему прямо въ глаза: «Я люблю твою жену», а вмѣсто того мнѣ приходится стараться о томъ, чтобы ему не пришло даже въ голову, что она мнѣ нравится. Какая это пріятная роль по отношенію къ ней! Что она можетъ обо мнѣ подумать! Вотъ тоже одинъ изъ цвѣтовъ того букета.

25 іюня.

Пока буду живъ, не забуду того дня, когда пріѣхалъ Кромицкій. Въ Варшавѣ онъ заѣхалъ прямо ко мнѣ. Поздно вечеромъ, вернувшись домой, я увидѣлъ въ прихожей какіе-то чемоданы. Не знаю, почему мнѣ сразу не пришло въ голову, что это могутъ быть чемоданы Кромицкаго. Внезапно онъ самъ выглянулъ изъ смежной комнаты и, откинувъ при видѣ меня монокль съ глаза, бросился привѣтствовать съ распростертыми объятіями новаго родственника. Я видѣлъ, точно сквозь сонъ, его сухой черепъ, напоминающій голову трупа, его свѣтящіеся глазки и черные волосы. Черезъ минуту меня обняли его руки, которымъ я отдался, какъ деревянный манекенъ. Пріѣздъ Кромицкаго я могъ, въ сущности, легко предвидѣть, и, однако, въ первую минуту мнѣ показалось, будто предо мною предстала смерть. Мнѣ чудилось, будто я вижу страшный сонъ, а его слова: «Какъ поживаешь, Леонъ?» казались наиболѣе фантастическими и наименѣе вѣроятными словами, какія только могъ я услышать. Внезапно меня охватили такое бѣшенство, такое омерзѣніе и такая тревога, что мнѣ пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не броситься на этого человѣка, не свалить его на полъ и не размозжить ему головы. Не разъ я испытывалъ чувства бѣшенства и омерзѣнія, но то, что къ нимъ примѣшивалось чувство тревоги, было для меня чѣмъ-то новымъ и непонятнымъ, такъ какъ то былъ не страхъ передъ живымъ человѣкомъ, но какъ бы предъ умершимъ. Сравнительно, довольно долго я не въ силахъ былъ проронить ни одного слова. Къ счастью, онъ могъ предположить, что я его не узналъ или удивленъ тѣмъ, что онъ, человѣкъ съ которымъ я такъ мало знакомъ, относится ко мнѣ, какъ къ родственнику и говоритъ уже «ты»... Даже еще сегодня меня это въ высшей степени раздражаетъ.

Я старался придти въ себя, а тѣмъ временемъ Кромицкій, вскинувъ монокль и опять пожимая мнѣ руку, говорилъ:

— Какъ поживаешь? Ну, что, какъ Анеля? какъ ея мать, попрежнему больна, что? а тетя? а?

И опять мной овладѣло изумленіе съ примѣсью нечеловѣческаго гнѣва, что онъ самыхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ женщинъ называетъ такъ, какъ будто онѣ были одинаково близки и ему. Человѣкъ свѣтскій, какимъ я въ правѣ себя считать, все перенесетъ, все скроетъ, такъ какъ его пріучаютъ къ этому съ дѣтства, а между тѣмъ я чувствовалъ, что не выдержу. Я сталъ звать прислугу, чтобы подали чай, желая какимъ бы то ни было образомъ вывести себя изъ состоянія онѣмѣнія и занять свои мысли чѣмъ-нибудь инымъ. Однако, Кромицкаго, повидимому, обезпокоило то, что я ему не отвѣчаю, и, вторично откинувъ монокль, онъ быстро спросилъ:

— Не случилось ли что-нибудь? Почему ты ничего не говоришь?

— Всѣ здоровы,—отвѣтилъ я.

Внезапно у меня мелькнула мысль, что мое волненіе можетъ сразу дать преимущество надо мной этому ненавистному человѣку, и я въ одну минуту овладѣлъ собой.

Проводивъ его въ столовую и усадивъ за столъ я спросилъ:

— Что у тебя слышно? Надолго ли ты пріѣхалъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Я тосковалъ по Апелѣ и думаю, что она также скучала по мнѣ. Вѣдь, мы еле два мѣсяца провели вмѣстѣ. Для молодыхъ супруговъ это немного маловато, не такъ ли?

И онъ засмѣялся своимъ деревяннымъ смѣхомъ, послѣ чего сказалъ:

— Впрочемъ, у меня и здѣсь есть дѣла. Дѣла! дѣла и всегда дѣла!

Тутъ Кромицкій тотчасъ сталъ подробно разсказывать о своихъ дѣлахъ, но я слушалъ и не понималъ ни одного слова. Ежеминутно мнѣ слышалось только одно слово «усиленно», да ежеминутно я видѣлъ то вскидываніе, то откидываніе монокля. Странно, что даже, когда человѣкъ подавленъ великимъ несчастьемъ, иногда его могутъ раздражать какія-нибудь мелочи. Не знаю, такъ ли это вообще, или только со мною, но довольно того, что это слово «усиленно» и этотъ монокль были для меня невыносимы. Въ первую минуту привѣтствія я почти не сознавалъ, что со мною, и, однако, могъ бы пересчитать всѣ движенія монокля. Такъ всегда бываетъ со мною такъ было и теперь.

Послѣ чаю я проводилъ Кромицкаго въ ту комнату, которую предназначилъ ему для ночлега. Тамъ, не переставая мнѣ разсказывать, онъ сталъ при помощи слуги распаковывать свои вещи. По временамъ Кромицкій прерывалъ разсказъ о дѣлахъ, показывалъ мнѣ какія-то рѣдкости, привезенныя съ дальняго востока, и между прочимъ, вынувъ изъ чемодана два маленькихъ восточныхъ коврика, сказалъ:

— Это я купилъ, когда былъ въ Батумѣ. Не правда ли, очень красивые? Ихъ надо будетъ постлать возлѣ нашихъ кроватей.

Утомившись отъ возни съ вещами, онъ сѣлъ послѣ ухода слуги въ кресло и продолжалъ разсказывать о своихъ спекуляціяхъ на востокѣ и надеждахъ, но я думалъ совершенно о другомъ. Несомнѣнно, что въ извѣстныхъ случаяхъ человѣкъ, не будучи въ состояніи защитить себя отъ обрушившагося на него несчастья, защищается отъ единичныхъ его подробностей. Такъ для меня теперь важнѣе всего то, поѣдетъ ли Кромицкій въ Гаштейнъ или не поѣдетъ, а потому я черезъ минуту проговорилъ:

— До настоящаго времени я тебя мало зналъ, но теперь вѣрю, что ты составишь себѣ состояніе. Ты человѣкъ вовсе не легкомысленный и ради какихъ-нибудь сентиментальностей не пожертвуешь болѣе важными дѣлами.

Кромицкій крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Ты не повѣришь,—отвѣтилъ онъ, какъ для меня важно то, чтобы ты всегда питалъ ко мнѣ довѣріе.

Въ первую минуту я не придалъ особеннаго значенія его словамъ. Меня уже занимала мысль о томъ, что по отношенію къ Кромицкому въ

словахъ моихъ заключались ложь и подлость; ложь, потому что не вѣрилъ въ его способности къ дѣламъ, а подлость, потому что льстилъ ему, котораго охотно утопилъ бы въ ложкѣ воды. Но для меня прежде всего важно было то, какъ бы отвлечь его отъ путешествія въ Гаштейнъ, и потому я продолжалъ идти по тому же пути.

— Вижу, что для тебя путешествіе нашихъ дамъ не особенно кстати.

Въ отвѣтъ Кромицкій сталъ жаловаться на здоровье матери Анели такъ, какъ всякій грубый эгоистъ, который все чувствуетъ лишь настолько, насколько это касается его.

— Натурально,—говорилъ онъ,—что для меня эта поѣздка вовсе не кстати. Между нами говоря, я полагаю, что можно было бы безъ нея обойтись. Всему должны быть предѣлы, даже привязанности дочери къ матери. Коль скоро женщина вышла замужъ, то она должна понимать, что на первомъ планѣ стоятъ ея обязанности по отношенію къ мужу. Притомъ эта мать, вѣчно сидящая тутъ же за стѣной, въ сосѣдней комнатѣ, стѣсняетъ свободу, не позволяетъ людямъ сжиться съ собой и исключительно отдаться другъ другу. Я не отрицаю, что привязанность дѣтей къ родителямъ—вещь очень похвальная, но когда доходитъ до преувеличенія, то становится для жизни извѣстнымъ препятствіемъ.

Попавъ на эту тему, Кромицкій разошелся и высказалъ множество подобныхъ истинъ, чрезвычайно пошлыхъ и ординарныхъ, которыя тѣмъ болѣе меня раздражали, что въ нихъ была извѣстная доля правды. Наконецъ онъ сказалъ:

— Конечно, ничего не подѣлаешь. Я поступаю, какъ купецъ: мнѣ было извѣстно, какой я заключаю контрактъ, и потому готовъ выполнить всѣ возложенныя на меня обязательства.

— Слѣдовательно, поѣдешь въ Гаштейнъ?

— Прежде всего въ этомъ заключается мой личный интересъ. Для меня важно, чтобы всѣ мы ближе узнали другъ друга, и чтобы вы на самомъ дѣлѣ имѣли ко мнѣ довѣріе. Впрочемъ, мы поговоримъ объ этомъ впослѣдствіи. У меня есть мѣсяцъ или полтора свободнаго времени. На востокѣ я оставилъ Люціана Хвастовскаго, который завѣдываетъ моими дѣлами, и который, къ слову сказать, какъ говорятъ англичане, «a solid men». Притомъ, я думаю, тебѣ понятно, что когда имѣешь такую жену, какъ Анеля, то хочется немного пожить съ нею подъ одной крышей понимаешь, а?

Говоря это, онъ оскалилъ свои желтые зубы, засмѣялся и похлопалъ меня по колѣну. Я похолодѣлъ и чувствовалъ, что блѣднѣю. Вставъ и быстро отвернувшись отъ свѣта, чтобы онъ не замѣтилъ перемѣны въ моемъ лицѣ, я съ усиліемъ спросилъ его:

— Когда ѣдешь въ Плошовъ?

— Завтра, завтра!

— Покойной ночи!

— Покойной ночи!—отвѣтилъ Кромицкій, откинувъ свой монокль. И, протянувъ мнѣ обѣ руки, онъ добавилъ:

— Я очень, очень радъ, что мы можемъ сблизиться. Я всегда чувствовалъ къ тебѣ какую-то слабость... Ручаюсь, что мы отлично поймемъ другъ друга.

Мы поймемъ другъ друга! Какъ, однако, онъ безгранично глупъ! Но чѣмъ Кромицкій глупѣе, тѣмъ мнѣ страшнѣе подумать, что Анеля его собственность, попросту его вещь. Въ эту ночь я не пытался даже раздѣваться. Никогда еще не представлялось мнѣ такъ ясно, что можетъ быть положеніе, въ которомъ кончаются слова, въ которомъ кончается способность пониманія и ощущенія несчастья, но несчастье не кончается. Дѣйствительно, намъ предстоитъ великолѣпная жизнь! Достаточно сказать, что предыдущій періодъ моего существованія, въ который Анеля попирала мое чувство, и который я считалъ верхомъ несчастья, теперь казался мнѣ періодомъ баснословнаго счастья. Если бы тогда и если бы еще нынче ко мнѣ явился чортъ и предложилъ бы мнѣ подписать контрактъ, заключающійся въ томъ, что все останется такъ, какъ было до сихъ поръ, что Анеля, вѣчно будетъ отталкивать мою любовь, но зато Кромицкій никогда не пріѣдетъ, то я взамѣнъ обязался бы отдать ему мою душу и подписалъ бы контрактъ безъ колебанія. Ибо въ мужчинѣ, котораго женщина отталкиваетъ, невольно вырабатывается убѣжденіе, что онъ стоитъ на вершинѣ какой-то готической башни, на какой-то недоступной высотѣ, на которую не дозволено поднимать глаза. Такъ я невольно думалъ объ Анелѣ. Между тѣмъ пріѣзжаетъ какой-то господинъ Кромицкій съ двумя коврикамн изъ Батума и безъ церемоній стаскиваетъ ее съ этой высоты на тѣ коврики, ее, эту непоколебимую, эту неумолимую женщину, эту жрицу! Какой ужасъ, что человѣкъ можетъ думать объ этомъ и представлять все это въ своемъ воображеніи и какъ онъ притомъ отвратительно баналенъ и смѣшонъ! Сколько я раздумывалъ, сколько создалъ теорій, сколько напрягалъ свой умъ, чтобы доказать, что любовь несравненно важнѣе брачнаго договора, что я въ правѣ любить Анелю, а она меня—и что же? Теперь я останусь съ моими теоріями, а Кромицкій съ Анелей. Какъ бы въ утѣшеніе, у меня мелькнула мысль о томъ, что человѣкъ можетъ нести на себѣ только опредѣленную тяжесть, если же ему взвалятъ на спину еще, то онъ долженъ упасть. Въ своемъ безграничномъ несчастіи, въ своей одинаково безграничной глупости и униженіи я чувствовалъ, что съ минуты пріѣзда Кромицкаго начинаю презирать Анелю. Почему? Рѣшительно ничѣмъ не сумѣлъ бы этого оправдать. Вѣдь, само собой разумѣется, что жена должна принадлежать мужу. Эту истину я одинаково хорошо знаю наизусть, какъ и всякій другой глупецъ, но все же по отношенію къ моему чувству она является униженіемъ для Анели. Впрочемъ, что мнѣ всѣ эти разсужденія! Знаю только одно, что презираю, и что именно это превышаетъ все, что я въ состояніи перенести. Я чувствовалъ, что существованіе при такихъ условіяхъ для меня, положительно, немыслимо, и что несомнѣнно теперь должна произойти перемѣна, въ которой исчезнетъ все, что было.

Но какая перемѣна? Если бы презрѣніе задавило мое чувство, какъ волкъ овцу, то это было бы хорошо. Однако, у меня явилось предчувствіе, что произойдетъ что-то иное. Если бы я не любилъ Анели, то не презиралъ бы ея, слѣдовательно, презрѣніе есть лишь новая цѣпь въ моихъ оковахъ. Я отлично понималъ, что кромѣ госпожи Кромицкой, кромѣ господина Кромицкаго и ихъ взаимныхъ отношеній, меня ничто въ мірѣ не интересуетъ, рѣшительно ничто, ни свѣтъ, ни тьма, ни война, ни миръ,

словомъ, ничто. Она, Анеля, или, вѣрнѣе, теперь они оба и мое участіе въ ихъ жизни, вотъ единственная причина моего существованія. Если-же по этой самой причинѣ я не могу существовать, то, слѣдовательно, что же должно наступить? Внезапно мной овладѣло какъ бы удивленіе, что мнѣ не пришелъ въ голову единственный и самый простой исходъ, а именно, смерть. Какимъ необыкновеннымъ могуществомъ является для человѣка эта возможность прервать нить своего существованія. Теперь я жду тебя, злой духъ моей жизни, и говорю тебѣ: «Ты лишь до тѣхъ поръ будешь увеличивать мое бремя, пока мнѣ это будетъ угодно. Когда я приду къ заключенію, что бремя слишкомъ тяжело, то оттолкну тебя вмѣстѣ съ твоимъбременемъ»...«E poi eterna silenza»... Нирвана... впрочемъ, развѣ я знаю, что! При одной мысли о томъ, что, въ концѣ концовъ, все зависитъ отъ меня, я испыталъ громадное облегченіе... Можетъ быть, съ часъ я пролежалъ на кушеткѣ, раздумывая, какъ и когда это сдѣлаю, и уже одно то, что мысли мои были отвлечены отъ Кромицкаго, отъ его пріѣзда, отъ моей къ нему зависти, было для меня какъ бы отдыхомъ. Такой фактъ, какъ самоубійство, требуетъ извѣстныхъ матеріальныхъ хлопотъ, что также влечетъ за собой необходимость думать еще о чемъ-нибудь иномъ, кромѣ своего несчастья. Я тотчасъ припомнилъ, что мой дорожный револьверъ слишкомъ малаго калибра. Я всталъ, чтобы осмотрѣть его и, сдѣлавъ это, рѣшилъ купить себѣ другой, а затѣмъ сталъ думать, какъ бы въ данномъ случаѣ устроить дѣло такъ, чтобы всѣ приписали мою смерть случайности. Впрочемъ, все это была одна лишь теорія. Ни одна мысль не кристаллизировалась во мнѣ въ опредѣленное намѣреніе. Скорѣе это можно было бы назвать предчувствіемъ возможности самоубійства, чѣмъ рѣшеніемъ. Наоборотъ, у меня теперь была увѣренность, что это наступитъ не скоро. Ибо, думалъ я, коль скоро мнѣ извѣстно, что есть выходъ, то останусь, чтобы посмотрѣть, до какой степени можетъ дойти зло, и какая еще уготована для меня мука. Меня сжигало мучительное, но неудержимое любопытство, что еще произойдетъ, какъ будутъ жить другъ съ другомъ эти два человѣка, какъ Анеля будетъ смотрѣть мнѣ въ глаза?.. Наконецъ, я усталъ и заснулъ въ одеждѣ тяжелымъ сномъ, такъ какъ мнѣ видѣлись монокли Кромицкаго, револьверы и всякаго рода сумбуръ, въ которомъ люди смѣшиваются съ разными предметами. Проснулся я, однако, поздно. Слуга сказалъ мнѣ, что Кромицкій уже уѣхалъ въ Плошовъ. Первой моей мыслью было ѣхать за нимъ и видѣть ихъ вмѣстѣ. Но, сидя уже въ экипажѣ, я внезапно почувствовалъ, что этого мнѣ не перенести, что для меня это будетъ слишкомъ тяжело и можетъ ускорить мой уходъ въ открытую дверь, ведущую въ ту невѣдомую страну, о которой я говорилъ выше, и, съ минуту подумавъ, велѣлъ ѣхать въ другое мѣсто.

Даже величайшій пессимистъ инстинктивно избѣгаетъ зла, защищается отъ него изо всѣхъ силъ и оттого цѣпляется за всякую надежду и ждетъ улучшенія отъ каждой перемѣны. Во мнѣ проснулось такое страстное желаніе, чтобы мы, какъ можно скорѣе, уѣхали въ Гаштейнъ, какъ будто тамъ меня ждало спасеніе. Мысль эта не давала мнѣ покоя и до того всецѣло овладѣла мною, что я посвятилъ ея осуществленію весь день.

Это обошлось безъ особенныхъ затрудненій. Дамы были почти уже

готовы. Кромицкій ничего не писалъ о своемъ пріѣздѣ и, очевидно, хотѣлъ сдѣлать женѣ сюрпризъ, поэтому мы сначала рѣшили выѣхать дня черезъ два. Теперь приходилось дать ему отдохнуть и спросить его, когда онъ въ состояніи отправиться, но я нарочно рѣшилъ не считаться съ нимъ, какъ будто онъ не существовалъ.

Поѣхавъ на вокзалъ, я взялъ билеты въ спальномъ вагонѣ до Вѣны на слѣдующій день, послѣ чего послалъ слугу въ Плошовъ съ письмомъ къ тетѣ, въ которомъ извѣщалъ ее, что билеты уже куплены, такъ какъ вагоны на всѣ остальные дни на этой недѣлѣ уже заняты, и, слѣдовательно, завтра мы должны ѣхать.

26 іюня.

Возвращаюсь еще къ послѣднимъ минутамъ нашего пребыванія въ Варшавѣ. Эти воспоминанія слишкомъ запечатлѣлись въ моемъ мозгу, чтобы возможно было о нихъ умолчать. Странное ощущеніе испыталъ я на слѣдующій день послѣ пріѣзда Кромицкаго. Такъ, мнѣ казалось, что я уже не люблю Анели, но тѣмъ не менѣе не могу безъ нея жить. Впервые я находился въ такомъ состояніи, которое можно было бы назвать психическимъ утомленіемъ. Прежде, когда весь этотъ процессъ чувства происходилъ во мнѣ болѣе правильно, я говорилъ себѣ: «Я люблю Анелю и, слѣдовательно, ея жажду», съ тою же логикой, съ какой картезіанецъ говорилъ: «Я мыслю, слѣдовательно, существую». Теперь же могъ сказать: «Не люблю, но жажду», и обѣ эти части существовали во мнѣ, какъ бы начертанныя на двухъ отдѣльныхъ глыбахъ камня. Обѣ онѣ невыразимо меня угнетали. Не скоро мнѣ удалось понять, что это «не люблю» есть иллюзія. Я люблю ее, какъ и прежде, но въ моемъ чувствѣ уже столько муки, столько горечи, что любовь эта не имѣетъ ничего общаго со счастьемъ.

Порою у меня мелькаетъ мысль, что если бы теперь Анеля призналась мнѣ въ любви, если бы мнѣ удалось развести ее съ мужемъ, если бы она овдовѣла и стала моею, то я не былъ бы уже счастливъ. За такую минуту я пожертвовалъ бы своею жизнью, но, право, не знаю, сумѣлъ ли бы создать себѣ истинное счастье. Кто знаетъ, не парализованы ли уже во мнѣ тѣ нервы, которыми ощущается счастье? Это можетъ случиться. Дѣйствительно, къ чему мнѣ такое существованіе?

Наканунѣ отъѣзда я былъ въ оружейномъ магазинѣ. Какой оригинальный человѣкъ продавалъ мнѣ револьверъ. Если бы онъ не былъ хозяиномъ оружейнаго магазина, то могъ бы быть профессоромъ психологіи. Войдя въ магазинъ, я прямо сказалъ ему, что мнѣ рѣшительно все равно, будетъ ли револьверъ системы Кольта или Смита, лишь бы только онъ былъ хорошъ и до таточно большого калибра. Оружейникъ, человѣкъ уже старый, выбралъ мнѣ револьверъ и затѣмъ спросилъ:

— Навѣрно, вамъ понадобятся и патроны?

— Да, они мнѣ тоже нужны.

Оружейникъ сталъ внимательно на меня смотрѣть.

— Быть можетъ, вамъ дать и кабуру къ револьверу?

— Натурально. Дайте, пожалуйста, и кабуру.

— Это хорошо,—отвѣтилъ онъ,—въ такомъ случаѣ вы получите патроны того же самаго номера, что и револьверъ.

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ, онъ же продолжалъ:

— Видите ли, я занимаюсь своей профессіей уже сорокъ лѣтъ и кой-чему научился. У меня часто покупали оружіе люди, которые потомъ застрѣливались. И что вы скажете? Ни разу не случилось, чтобы человѣкъ, намѣревающійся покончить съ собой, купилъ и кабуру. Всегда бывало такъ. Приходитъ такой человѣкъ и говоритъ: «Дайте, пожалуйста, мнѣ револьверъ.»—Съ кабурой?—«Нѣтъ, она мнѣ не нужна». Это очень удивительно, такъ какъ, вѣдь, вполнѣ естественно, что человѣку, намѣревающемуся застрѣлиться, не зачѣмъ жалѣть одного рубля. Но такова ужъ, видно, человѣческая натура... Каждый, очевидно, думаетъ про себя: «На кой чортъ мнѣ кабура?» И вотъ потому, когда кто-нибудь приходитъ ко мнѣ за револьверомъ, я тотчасъ узнаю, хочетъ ли онъ себѣ пустить пулю въ лобъ или нѣтъ.

— Вы мнѣ разсказываете очень любопытныя вещи,—замѣтилъ я.

Дѣйствительно, мнѣ это показалось необыкновенно характернымъ.

Оружейникъ, между тѣмъ продолжалъ:

— Когда я это подмѣтилъ, то придумалъ такой способъ: какъ только кто-нибудь беретъ у меня револьверъ безъ кабуры, то я, будто по ошибкѣ, даю ему патроны на одинъ номеръ крупнѣе. Вѣдь, пустить себѣ пулю въ лобъ—это не шутка. Для этого нужны большая рѣшительность и отвага. Я полагаю, что не у одного выступитъ при этомъ холодный потъ... Наконецъ, человѣкъ рѣшился и хватъ за револьверъ. А тутъ патроны не лѣзутъ... Хоть головой бейся о стѣну, а нечего дѣлать, приходится отложить до завтра... А вы какъ думаете: легко ли второй разъ рѣшиться на такую штуку? Ого! Не одинъ, что при случаѣ смѣло покончилъ бы съ собой, заглянувъ въ глаза смерти, на слѣдующій день этого не сдѣлаетъ. Были такіе, что приходили ко мнѣ на другой день и покупали кабуру... Мнѣ тогда хотѣлось смѣяться. «Возьми кабуру и живи себѣ на здоровье!»—думалъ я въ подобную минуту.

Я записываю этотъ разговоръ, такъ какъ въ настоящее время меня очень интересуетъ все, что касается самоубійства, а слова стараго оружейника показались мнѣ любопытнымъ человѣческимъ документомъ въ этомъ дѣлѣ.

27 іюня.

Иногда я припоминаю, что Анеля меня любила, что мнѣ безъ всякихъ затрудненій можно было жениться на ней и зажить необыкновенно свѣтлою и счастливою жизнью, что все это зависѣло отъ меня, и что все это не осуществилось только благодаря моей неспособности къ жизни. И вотъ тогда я задаю себѣ вопросъ: не начинается ли у меня помѣшательство, и, дѣйствительно ли, Анеля могла быть моею? Но, вѣдь, я отлично помню все, что было съ минуты нашего знакомства вплоть до нынѣшняго дня. И подумать только, что эта женщина была бы моею, была бы такъ же вѣрной мнѣ, какъ въ настоящее время тому, и даже во сто разъ вѣрнѣе, такъ какъ она любила меня всею душой! Во всемъ виновата моя врожденная неспособность къ жизни, да, такъ оно и есть! Но хотя бы это совершенно оправдывало меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, что мнѣ изъ того, когда я не нахожу въ этомъ никакого утѣшенія? Единственно, что доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе, такъ это

мысль, что какъ потомки вырождающихся родовъ, такъ и потомки самыхъ сильныхъ кончатъ тѣмъ, что всѣхъ ихъ засыплютъ землей... Это уменьшаетъ въ моихъ глазахъ различіе между мной и такъ называемыми энергичными, дѣльными людьми. Все несчастье существъ, подобныхъ мнѣ, заключается въ ихъ исключительности. Какія глупыя понятія существуютъ вообще не только у романистовъ, но и у психологовъ-спеціалистовъ и даже у физіологовъ относительно вырождающихся родовъ! Они всегда воображаютъ, что внутренней неспособности къ жизни обыкновенно соотвѣтствуетъ физическая слабость, малый ростъ, слабые мускулы, анемичное состояніе мозга и, интеллектуальное убожество. Быть можетъ, это иногда бываетъ, но обобщать это и возводить въ принципъ, значитъ, заблуждаться. Потомки вырождающихся родовъ отличаются не отсутствіемъ жизненныхъ силъ, но отсутствіемъ гармоніи и равновѣсія между ними. Я самъ въ физическомъ отношеніи здоровый, сильный человѣкъ и никогда не былъ глупцомъ. Кромѣ того, я зналъ людей моей сферы, сложенныхъ, какъ древне-греческія статуи, способныхъ, умныхъ, которые, однако, не умѣли жить и худо кончали, именно вслѣдствіе отсутствія равновѣсія между даже слишкомъ цвѣтущими жизненными силами и умѣніемъ примѣнять ихъ къ жизни. Онѣ у насъ являются какъ бы чѣмъ-то въ родѣ дурно организованнаго общества, въ которомъ неизвѣстно: гдѣ начинаются права однихъ и кончаются права другихъ. Каждая изъ тѣхъ силъ дѣйствуетъ и тянетъ только въ свою сторону, часто перетягиваетъ всѣ прочія, и отсюда рождается трагическая исключительность. Я, именно, боленъ теперь такой исключительностью, благодаря которой, кромѣ Анели, ничто меня не интересуетъ, и ничто не занимаетъ. Но люди не понимаютъ, что такое отсутствіе гармоніи, такая анархія жизненныхъ силъ есть болѣе тяжелая болѣзнь, чѣмъ физическая и нравственная анемія. Вотъ разрѣшеніе загадки. Прежде жизнь и общественныя отношенія являлись для насъ спасеніемъ, такъ какъ требовали отъ насъ дѣйствій и до извѣстной степени принуждали къ нимъ. Нынче, когда мы отошли въ сторону отъ жизни, и когда насъ отравляютъ философствованіе и сомнѣніе, болѣзнь наша еще болѣе обострилась при столь негигіеническихъ условіяхъ. Наконецъ, мы дошли до того, что стали способны не къ дѣйствіямъ, а только къ выходкамъ, вслѣдствіе чего, именно, самые способные изъ насъ и наиболѣе одаренные отъ природы всегда кончаютъ какимъ-нибудь безумствомъ. Изъ всего, изъ чего состоитъ жизнь, намъ, на самомъ дѣлѣ, осталась только женщина, и одно изъ двухъ, мы или разсѣиваемся, постепенно расходуя свой жизненный капиталъ на развратъ, или, схватившись за какую-нибудь любовь, какъ за вѣтвь, растущую надъ бездной, висимъ въ воздухѣ, тѣмъ вѣрнѣе обрекая себя на гибель, чѣмъ чаще избираемъ любовь незаконную, заключающую въ своей сущности зародыши трагедіи. Я знаю, что мое чувство къ Анелѣ должно кончиться дурно, и, зная объ этомъ, тѣмъ не менѣе не пытаюсь даже защититься отъ него, такъ какъ, впрочемъ, защита была бы также гибелью.

28 іюня.

Купанье и особенно холодный здѣшній воздухъ хорошо дѣйствуютъ на госпожу П. Съ каждымъ днемъ она чувствуетъ себя бодрѣе, и, такъ

какъ я окружаю ее попеченіемъ, заботусь объ ея удобствахъ, какъ если бы она была моей родной матерью, относится ко мнѣ съ признательностью и все болѣе ко мнѣ привязывается. Анеля это замѣчаетъ и также не можетъ не быть благодарной мнѣ, но я увѣренъ, что къ чувству этому все болѣе примѣшивается сожалѣніе, такъ какъ въ ея воображеніи невольно рисуется картина того великаго счастья, какимъ бы мы всѣ наслаждались, если бы произошло то, что могло произойти. У меня теперь полнѣйшая увѣренность въ томъ, что она не любитъ Кромицкаго. Она ему вѣрна и останется вѣрной, но когда я вижу ихъ вмѣстѣ, то замѣчаю на ея лицѣ какъ бы принужденность, какъ бы униженіе. Ясно вижу, что, когда онъ, который, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, влюбленъ, а, можетъ быть, еще болѣе хочетъ, чтобы ихъ считали влюбленными другъ въ друга супругами, ласкаетъ ея руки, поглаживаетъ ея волосы, цѣлуетъ въ лобъ, каждый разъ она предпочла бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ подчиняться этимъ ласкамъ въ присутствіи меня и другихъ. Анеля, однако, переноситъ ихъ, должна улыбаться, и я, въ свою очередь, долженъ глядѣть на это и тоже улыбаться. Иногда у меня мелькаетъ мысль, что эта жрица Діаны, навѣрно, менѣе сдержана въ выраженіи своихъ чувствъ, когда остается наединѣ съ мужемъ... Но такого наслажденія, какое доставляютъ подобныя мысли, я избѣгаю, ибо чувствую, что еще одна капля, и я потеряю равновѣсіе и перестану владѣть собой. Мое отношеніе къ Анелѣ ужасно и для нея и для меня. Любовь моя принимаетъ видъ ненависти, презрѣнія и ироніи. Это мучитъ Анелю и пугаетъ ее. По временамъ она смотритъ на меня такъ, какъ будто хочетъ сказать: «Чѣмъ же я виновата?» Я самъ часто повторяю себѣ: «Чѣмъ же она виновата?»—но не могу, видитъ Богъ, не могу быть для нея инымъ! Каждый разъ, когда я вижу ее болѣе сдержанной, угнетенной, тѣмъ большая пробуждается во мнѣ злоба къ ней, къ Кромицкому, себѣ самому и ко всему міру. И это происходитъ не вслѣдствіе отсутствія во мнѣ состраданія къ этому, такъ же какъ и я, несчастному существу. Но, какъ порою вода вмѣсто того, чтобы тушить слишкомъ разбушевавшійся пожаръ, усиливаетъ его, такъ и во мнѣ всѣ чувства только усиливаютъ отчаяніе. Когда этой единственной и самой дорогой для меня женщинѣ я выказываю презрѣніе, злобу, то причиняю себѣ такое же страданіе, какъ и ей, даже большее, потому что она способна мнѣ это простить, но я самъ себѣ никогда этого не прощу!

29 іюня.

Этотъ человѣкъ замѣтилъ, что между мной и его женой существуетъ какое-то недоразумѣніе, и объяснилъ это достойнымъ себя образомъ. Ему кажется, что я ее ненавижу за то, что она предпочла его мнѣ. Онъ полагаетъ, что моя ненависть къ ней вытекаетъ изъ чувства оскорбленнаго самолюбія и только. Для этого надо быть мужемъ. Такъ объясняя наши отношенія, Кромицкій старается вознаградить ее усиленной нѣжностью, ко мнѣ же относится съ снисходительностью великодушнаго побѣдителя. Только самолюбіе можетъ дѣлать людей до такой степени глупыми. Что за удивительный человѣкъ! Ежедневно ходитъ въ отель Штраубингера, подсматриваетъ за парами, прогуливающимися подъ Вандельбаномъ, и съ

нѣкоторой радостью сочиняетъ о нихъ самыя худшія предположенія; показываетъ всѣ свои испорченные зубы, насмѣхаясь надъ обманываемыми, по его мнѣнію, мужьями и каждое новое открытіе такого рода приводитъ его въ столь великолѣпное расположеніе духа, что онъ разъ по десяти въ часъ то откидываетъ, то вскидываетъ монокль. И этотъ человѣкъ, который супружескую невѣрность считаетъ лишь хорошимъ предлогомъ для шутокъ, счелъ бы ее величайшимъ и трагическимъ преступленіемъ, если бы дѣло коснулось его самого. Насколько это касается другихъ, это фарсъ, насколько же коснулось бы его, было бы преступленіемъ, вопіющимъ къ небу о мести. Почему же, дуракъ? Кто ты такой? Ступай къ зеркалу и погляди на себя; посмотри на свои монгольскіе глаза, на свои волосы, похожіе на черную овчину, на свой монокль, на свои длинныя ноги, приди въ себя, отдай себѣ отчетъ въ своемъ умственномъ убожествѣ, во всей ординарности своего характера и скажи, должна ли такая женщина, какъ Анеля, быть вѣрной тебѣ, хотя одинъ часъ? Какимъ образомъ ты могъ овладѣть ею, ты физически и духовно нищій? Скорѣе, не чудовищно-ли и не противно-ли природѣ то, что ты ея мужъ? Беатриче Данта, отдавъ свою руку послѣднему флорентійскому забулдыгѣ сдѣлала бы лучшую партію!..

Я прервалъ дневникъ, такъ какъ опять волнуюсь, опять теряю равновѣсіе, а мнѣ казалось, что у меня уже наступило оцѣпенѣніе. Впрочемъ—пусть Кромицкій утѣшится: въ самомъ дѣлѣ, я не считаю себя лучше его. Если даже предположить, что я отлитъ изъ болѣе благороднаго металла, то въ этомъ малое утѣшеніе, коль скоро мои поступки хуже его поступковъ. Ему не приходится притворяться предо мной, тогда какъ я долженъ притворяться предъ нимъ, долженъ считаться съ нимъ, примѣняться къ нему, обманывать его. Можетъ ли быть что-нибудь болѣе пошлое, чѣмъ то, что я, вмѣсто того, чтобы взять его за горло, только браню его въ своемъ дневникѣ? Такое заочное удовлетвореніе можетъ себѣ позволить и невольникъ по отношенію къ своему господину. Навѣрно, никогда Кромицкій не казался мнѣ такимъ низкимъ, какимъ казался я самому себѣ, когда пускался на всякія жалкія хитрости и подходы, лишь бы только помѣстить его подальше отъ Анели въ нанятой мною виллѣ. Вдобавокъ мнѣ это не удалось. Онъ одной простой фразой: «я хочу быть подлѣ жены», сказанной съ полной откровенностью, разрушилъ всѣ мои планы. И вотъ онъ живетъ подлѣ «жены»... Притомъ невыносимо еще то, что Анеля понимаетъ каждый мой поступокъ, отдаетъ себѣ отчетъ въ каждомъ моемъ словѣ и намѣреніи. Я полагаю, что ей часто должно быть стыдно за меня. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ мой насущный хлѣбъ. Не думаю, что мнѣ удастся долго все это переносить, такъ какъ я нахожусь не на высотѣ своего положенія, иначе говоря, я не настолько подлъ, какъ того требуютъ условія, при которыхъ мнѣ приходится жить.

30 іюня.

Сегодня съ веранды я услышалъ конецъ разговора, который вели между собой Кромицкій и Анеля.

— Я,—говорилъ Кромицкій—самъ съ нимъ поговорю, но ты должна сказать тетѣ, въ какомъ положеніи находятся дѣла.

— Я никогда этого не сдѣлаю!—отвѣтила Анеля.

— А я тебя очень объ этомъ прошу!—съ удареніемъ сказалъ Кромицкій.

Я вошелъ въ комнату, не желая быть невольнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшаго разговора, и замѣтилъ на лицѣ Анели выраженіе глубокаго огорченія, которое она при видѣ меня старалась скрыть. Кромицкій былъ блѣденъ отъ гнѣва, но тѣмъ не менѣе съ улыбкой протянулъ мнѣ руку. Черезъ минуту мной овладѣло безпокойство при мысли, не призналась ли она ему въ чемъ-нибудь. Я боялся не Кромицкаго, но того, что онъ можетъ увезти Анелю, и этимъ отвлечь меня отъ моихъ мученій и униженій. Вѣдь, я только тѣмъ и живу, иначе умеръ бы съ голоду. Скорѣе все, что угодно, лишь бы видѣть Анелю. Все время я раздумывалъ: о чемъ они могли разговаривать? Минутами мнѣ казалось самымъ вѣроятнымъ, что она ему что-нибудь сказала, но въ такомъ случаѣ его обращеніе со мною должно было бы измѣниться, между тѣмъ оно стало еще болѣе любезнымъ. Вообще, если бы не ненависть, какая во мнѣ таится къ нему, я не могъ бы на него пожаловаться. Кромицкій относится ко мнѣ очень дружественно, очень вѣжливъ, уступаетъ мнѣ на каждомъ шагу, какъ нервной женщинѣ, и старается заслужить мое довѣріе. Его не отталкиваетъ то, что я подчасъ отвѣчаю ему рѣзко или съ ироніей, что слишкомъ часто безъ снисхожденія выказываю недостатки въ его образованіи или отсутствіе утонченности въ натурѣ. Не упускаю ни одного болѣе или менѣе подходящаго случая, чтобы обнаружить предъ Анелей, насколько онъ ординарнѣе меня въ умственномъ и духовномъ отношеніяхъ. Но Кромицкій терпѣливъ, хотя, быть можетъ, только со мною. Сегодня мнѣ случилось въ первый разъ видѣть его въ гнѣвѣ. Цвѣтъ лица его при этомъ былъ зеленоватый, какъ у людей, которые умѣютъ сердиться холодно, то есть, очень упорно. Анеля, вѣроятно, боится его, да, впрочемъ, она всѣхъ боится, а теперь даже меня. Подчасъ мнѣ трудно понять, откуда эта женщина съ голубиной кротостью почерпаетъ въ данномъ случаѣ такую необыкновенную энергію. Нѣкогда я полагалъ, что Анеля пассивна и что, если я пожелаю ее увезти, она не сумѣетъ защититься. Какое разочарованіе! Сопротивленіе ея тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе неожиданно проявляется. Не знаю, о чемъ былъ разговоръ между нею и Кромицкимъ, но я увѣренъ что, если она заявила ему, что не сдѣлаетъ того, чего онъ отъ нея требуетъ, то будетъ дрожать отъ страха и все-таки не сдѣлаетъ. Если бы Анеля была моею, я любилъ бы ее такъ, какъ можетъ только любить собака свою госпожу, я носилъ бы ее на рукахъ, сдувалъ бы пыль передъ нею и любилъ бы до самозабвенія.

1 іюля.

Зависть моя была бы жалкой, низменной, если бы не то, что въ ней заключается страданіе человѣка, предъ которымъ профанируютъ его божество. Я отказался бы даже отъ прикосновенія къ ея рукѣ, если бы могъ помѣстить ее на какой-нибудь недоступной горѣ, къ которой не дозволено было бы никому приблизиться.

2 іюля.

Я самообольщался, предполагая, что почти ко всему отношусь безучастно. То, что было временнымъ состояніемъ нервовъ, я считалъ постоян-

нымъ состояніемъ своей души. Впрочемъ, я уже въ то время подозрѣвалъ, что это долго продолжаться не будетъ.

8 іюля.

Однако, между ними что-то произошло. Оба они скрываютъ это, но я вижу перемѣну въ ихъ обращеніи. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не замѣчаю, чтобы онъ бралъ ея руки, какъ это обыкновенно дѣлалъ прежде, и подносилъ ихъ по очереди къ губамъ, или чтобы поглаживалъ ея волосы, или цѣловалъ въ лобъ. У меня была минута искренней радости, но она была отравлена самой Анелей. Я замѣтилъ, что она старается какъ бы умолить его, привести въ лучшее расположеніе духа и возстановить прежнія отношенія. При видѣ этого меня охватило бѣшенство, которое отразилось на моемъ обращеніи съ Анелей. Никогда я не былъ къ ней и тѣмъ самымъ къ себѣ такимъ немилосерднымъ.

4 іюля.

Нынче, возвращаясь изъ Вандельбана, я встрѣтилъ ее на мосту, противъ каскадовъ. Внезапно Анеля остановилась и начала что-то говорить, но шумъ воды заглушилъ ея слова. Это меня раздражило, такъ какъ меня теперь все раздражаетъ, и потому, сведя ее съ моста въ сторону нашей виллы, я съ нетерпѣніемъ проговорилъ:

— Я не могъ разслышать, что ты мнѣ говорила.

— Я хотѣла спросить тебя,—въ волненіи отвѣтила Анеля,—почему ты такъ ко мнѣ относишься? Почему ты ко мнѣ не имѣешь никакого состраданія?

При этихъ словахъ у меня вся кровь отхлынула отъ сердца.

— Развѣ ты не видишь,—отвѣтилъ я,—что я безпредѣльно тебя люблю. Какъ можно обращать въ ничто такое чувство! Слушай, я уже отъ тебя ничего не желаю. Скажи мнѣ только, что ты меня любишь, отдай мнѣ свою душу, тогда я все перенесу, все выдержу и взамѣнъ отдамъ тебѣ жизнь и буду служить тебѣ до послѣдняго вздоха. Анеля, ты меня любишь, скажи! вѣдь, правда? Ты меня спасешь однимъ этимъ словомъ, скажи же его.

Анеля стояла блѣдная, какъ пѣна водопадовъ. Мнѣ казалось, что на нее повѣялъ ледяной вѣтеръ и заморозилъ кровь въ ея жилахъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Анеля не могла проронить ни одного слова и, наконецъ, съ величайшимъ усиліемъ сказала:

— Ради всего прошу тебя, не говори со мною такъ.

— Слѣдовательно, никогда мнѣ этого не скажешь?

— Никогда!—отвѣтила она.

— Подумай же только, что ты не имѣешь ко мнѣ...

И я не докончилъ. У меня промелькнула мысль, что если бы Кромицкій требовалъ отъ нея этого слова, то она не отказала бы ему, и при этой мысли у меня съ отчаянія и бѣшенства зазвенѣло въ ушахъ и потемнѣло въ глазахъ. Я былъ внѣ себя и знаю только, что бросилъ ей въ лицо такія страшныя, циничныя слова, какихъ ни одинъ мужчина не осмѣлился бы сказать беззащитной женщинѣ. Не смѣю даже записать ихъ въ своемъ дневникѣ. Помню точно сквозь сонъ, какъ Анеля съ минуту смотрѣла на меня изумленными и испуганными глазами, а потомъ схватила меня за рукавъ и, тряся мою руку, съ волненіемъ спрашивала:

— Леонъ, что съ тобой? что съ тобой?!

Со мною было то, что я чуть не сходилъ съ ума. Высвободивъ свою руку, я пошелъ въ противоположную сторону и, когда черезъ минуту вернулся, то ея уже не было. Тогда я понялъ только одно: что вотъ уже наступило время и надо кончить. Мысль эта тотчасъ какъ бы создала просвѣтъ въ окружающей меня тьмѣ. То было странное состояніе односторонняго сознанія. Я недостаточно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что произошло, и почти совершенно потерялъ сознаніе собственнаго существованія и существованія Анели, зато о смерти началъ думать не только, какъ человѣкъ въ полномъ сознаніи, но какъ человѣкъ спокойный. Я, напримѣръ, отлично зналъ, что если брошусь со скалы въ пропасть, то это могутъ счесть случайностью, но если застрѣлюсь въ своей комнатѣ, то такого удара тетя моя не переживетъ. Еще болѣе страннымъ было то, что при подобномъ сознаніи я не дѣлалъ никакого выбора, какъ будто связь между моими мыслями и волей, а также вытекающими изъ нея дѣйствіями, была уже прервана. Будучи убѣжденъ, что лучше броситься со скалы въ пропасть, чѣмъ застрѣлиться, я, однако, шелъ въ виллу за револьверомъ. Почему? Не знаю. Помню только, что я очень спѣшилъ и что, мигомъ поднявшись по лѣстницѣ въ свою комнату, сталъ искать ключъ отъ сундука, въ которомъ былъ запертъ револьверъ. Внезапно мысль моя о самоубійствѣ на одинъ моментъ была отвлечена шумомъ быстрыхъ шаговъ по лѣстницѣ. Мнѣ пришло въ голову, что, быть можетъ, Анеля отгадала мое намѣреніе и спѣшитъ его предотвратить. Тѣмъ временемъ двери порывисто раскрылись, и на порогѣ я увидѣлъ тетю, которая, запыхавшись, вскрикнула:

— Леонъ, бѣги за докторомъ, Анеля заболѣла!

Услыхавъ это, я забылъ обо всемъ; выбѣжалъ изъ виллы безъ шляпы и черезъ четверть часа привелъ доктора изъ отеля Штраубингера. Когда мы съ нимъ пришли, все уже было хорошо. Докторъ пошелъ къ Анелѣ, я же остался съ тетей на верандѣ и разспрашивалъ ее о томъ, что случилось.

— Полчаса тому назадъ,—говорила тетя,—Анеля вернулась съ такимъ разгоряченнымъ лицомъ, что мы тотчасъ стали спрашивать ее: что съ ней? Она все отвѣчала: «ничего! ничего!» и какъ бы съ нетерпѣніемъ, но было ясно, что это неправда. Мать ея начала настаивать. Тогда Анеля раздражилась, что впервые мнѣ случилось видѣть, и воскликнула: «Отчего меня здѣсь всѣ мучаютъ!» Затѣмъ съ ней сдѣлались спазмы или истерика. Мы ужасно испугались, и вотъ я побѣжала къ тебѣ. Слава Богу, что это уже прошло. Бѣдняжка потомъ плакала и извинялась за свою вспышку..

Я молчалъ, потому что сердце мое изнемогало отъ муки. Тетя начала большими шагами прохаживаться по верандѣ, наконецъ, остановилась предо мной и сказала:

— Знаешь, что мнѣ кажется? Мы всѣ недостаточно любимъ этого Кромицкаго, да и мать Анели не особенно его переноситъ. Странно, онъ даже слишкомъ старается заслужить нашу симпатію и, однако, постоянно кажется пришельцемъ. Это дурно съ нашей стороны. Анеля это видитъ и оттого страдаетъ...

— Развѣ вы, тетя, полагаете, что она его ужъ очень любитъ.

— О, очень, очень! Любитъ его, потому что онъ ей мужъ, и натурально, что ей непріятно видѣть, какъ мы къ нему дурно относимся.

— Позвольте, но кто же къ нему дурно относится? По моему мнѣнію, она просто съ нимъ несчастлива, вотъ и все.

— Да хранитъ ее Богъ отъ этого!—отвѣтила тетя,—Не спорю, что она могла бы сдѣлать лучшую партію, но въ чемъ же, однако, можно обвинять Кромицкаго? Повидимому, онъ очень привязанъ къ Анелѣ... Правда, мать ея не можетъ простить ему продажи Глухова, да и я этого никогда не забуду, однако, сама слышала, какъ Анеля горячо его защищала.

— Быть можетъ, вопреки своему убѣжденію?

— Хотя бы и такъ, это тѣмъ болѣе доказываетъ, что она его любитъ! Что касается его дѣлъ, то бѣда, что никто хорошо не знаетъ, въ какомъ они положеніи, и это очень безпокоитъ мать Анели. Но, въ сущности, развѣ состояніе даетъ счастье? Впрочемъ, я тебѣ уже говорила, что не забуду объ Анелѣ, и ты, вѣдь, это позволяешь? не такъ ли, позволяешь? У насъ обоихъ, Леонъ, есть извѣстныя обязанности по отношенію къ ней, не говоря уже о томъ, что она такое милое созданіе, которое вполнѣ заслуживаетъ нашей опеки.

— Отъ всей души согласенъ съ вами, дорогая тетя. У меня нѣтъ сестры и потому, пока я живъ, Анеля никогда не испытаетъ матеріальныхъ хлопотъ.

— Такъ я разсчитываю на то, что умру спокойно,—отвѣтила тетя.

И она стала меня обнимать, но дальнѣйшій нашъ разговоръ былъ прерванъ докторомъ. Нѣсколькими словами онъ совершенно насъ успокоилъ. «Маленькое нервное разстройство, которое, впрочемъ, довольно часто случается въ началѣ здѣшнихъ купаній; надо сдѣлать перерывъ на нѣсколько дней, побольше быть на воздухѣ, вотъ, что нужно! Организмъ здоровый, силъ много, и, слѣдовательно, все кончится, какъ нельзя лучше». За эти слова я насовалъ въ карманы доктору столько, что онъ надѣлъ шляпу только за заборомъ виллы. Я продалъ бы нѣсколько лѣтъ жизни, чтобы имѣть возможность пойти къ Анелѣ, расцѣловать ея ноги и извиниться во всемъ, что сдѣлалъ ей дурного. Я поклялся быть для нея другомъ, терпѣливо переносить присутствіе Кромицкаго, не раздражаться, даже не роптать. Раскаяніе, полное и глубокое раскаяніе, вотъ, каково было состояніе моей души. Однако, какъ невыразимо я люблю Анелю! Около полудня съ далекой прогулки по Кайзервегу вернулся Кромицкій. Я тотчасъ попытался быть съ нимъ любезнѣе и сердечнѣе. Онъ принялъ это за сочувствіе и былъ мнѣ очень признателенъ. Вмѣстѣ съ госпожей П. мы провели весь день при Анелѣ. Послѣ полудня она хотѣла уже одѣться и выйти, но ей не позволили. Я тоже не позволилъ себѣ волноваться по этому поводу. Не помню, чтобы когда-нибудь въ жизни мнѣ удалось одержать надъ собой такую большую побѣду. Я говорилъ себѣ: «Это для тебя, моя дорогая!» Весь день у меня было какое-то глупое настроеніе. Мнѣ постоянно хотѣлось плакать, точно малому ребенку. И теперь меня душатъ слезы. Я набѣдокурилъ, но зато каюсь, какъ слѣдуетъ быть.

5 іюля.

Послѣ вчерашнихъ вспышекъ настало спокойствіе, какъ тишина послѣ бури! Тучи освободились отъ всего своего электричества. Чувствую себя слабымъ морально и физически. Анелѣ лучше. Утромъ на верандѣ мы остались съ нею наединѣ. Я усадилъ Анелю въ качалку и, закутавъ ее теплой шалью, такъ какъ утра здѣсь холодныя, сказалъ:

— Дорогая Анеля, отъ всей души прошу у тебя извиненія въ томъ, что вчера я тебѣ сказалъ. Прости мнѣ и забудь, потому что и такъ я самъ себѣ никогда этого не забуду.

Она сразу въ отвѣтъ протянула мнѣ руку, въ которую я впился губами. Мнѣ надо было употребить всю силу воли, чтобы громко не разрыдаться, до того велика была пропасть между моей любовью и моимъ несчастьемъ. Анеля отлично это чувствовала, такъ какъ не скоро отняла свою руку. Она также старалась овладѣть собой, а, быть можетъ, сдержать чувство, которое влекло ея сердце ко мнѣ. Ея шея и грудь вздрагивали, точно рыданіе силой хотѣло прорваться наружу. Анеля, вѣдь, чувствовала, что я ее люблю болѣе всего на свѣтѣ, что такая любовь не часто встрѣчается, и что она могла бы быть сокровищницей счастья на всю жизнь.

Но черезъ минуту она превозмогла себя, и лицо ея стало спокойно. Въ ней видна была покорность и безграничная доброта.

— Теперь ужъ будетъ между нами миръ, не правда ли?—спросила Анеля.

— Да!—отвѣтилъ я.

— И разъ навсегда?

— Что же я тебѣ отвѣчу, мой ангелъ? Ты, вѣдь, лучше всего знаешь, что во мнѣ происходитъ...

Глаза ея опять затуманились, но она опять превозмогла себя.

— Теперь хорошо!—проговорила Анеля—ты такой добрый...

— Я!—воскликнулъ я съ искреннимъ возмущеніемъ,—да знаешь ли ты, что если бы вчера ты не заболѣла, то я бы себѣ...

Но я не докончилъ, ибо внезапно понялъ, что было бы безчестно съ моей стороны дѣйствовать на нее страхомъ и угрозой. То былъ не мой путь. Мнѣ сдѣлалось стыдно, тѣмъ болѣе, что она тотчасъ забезпокоилась и, пристально взглянувъ на меня, спросила:

— Что ты хотѣлъ сказать?

— Я хотѣлъ сказать то, что было бы недостойно меня, и что, впрочемъ, уже нынче не имѣетъ значенія.

— Нѣтъ, Леонъ, я хочу непремѣнно знать, иначе не буду имѣть ни минуты покоя.

Вѣтеръ сдвинулъ прядь ея волосъ на лобъ, и потому я всталъ и сталъ укладывать его на ея головкѣ, съ чисто-материнской заботливостью, а затѣмъ проговорилъ:

— Милая Анеля, не заставляй меня говорить то, чего я не долженъ говорить. Если же дѣло касается твоего спокойствія, то даю тебѣ слово, что въ будущемъ тебѣ не придется тревожиться.

Она подняла на меня глаза.

— Даешь мнѣ слово?

— Даю! Что тамъ происходитъ въ этой милой головкѣ?

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ приходомъ почтальона, который подалъ цѣлую пачку писемъ. То были письма къ Кромицкому съ востока, къ Анелѣ отъ Снятыньскихъ (я узналъ его почеркъ на конвертѣ) и ко мнѣ отъ Клары. Добрая Клара немного писала о себѣ, зато очень подробно разспрашивала обо мнѣ. Я сказалъ Анелѣ, что получилъ письмо отъ Клары, вслѣдствіе чего Анеля, желая, очевидно, совершенно закрѣпить миръ между нами, стала меня дразнить ею. Я, въ свою очередь, не остался въ долгу, сказавъ, что Снятыньскій почему-то въ послѣднее время совсѣмъ потерялъ голову. Черезъ минуту мы оба смѣялись и шутили. Человѣческая душа, точно пчела, которая ищетъ сладости даже на горькихъ цвѣтахъ. Самый несчастный человѣкъ старается выжать хотя бы каплю счастья даже изъ собственнаго страданія и для этого хватается хотя бы за тѣнь этого счастья. У меня иногда мелькаетъ мысль, что такая неудержимая потребность является доказательствомъ того, что намъ еще что-то остается послѣ смерти. Я убѣжденъ, что пессимистическія теоріи придуманы вслѣдствіе этой потребности въ утѣшеніи, какое могло доставить заключеніе общаго несчастія въ философскія формулы. Это было успокоеніемъ стремленія къ самосознанію и правдѣ, счастье же есть не что иное, какъ рядъ послѣдовательныхъ удовлетвореній.

А, быть можетъ, любовь есть такой великій источникъ счастья, что даже самая темная еще озарена лучами: быть можетъ, такой лучъ сегодня озарилъ насъ обоихъ. Я уже не ожидалъ этого и не ожидалъ также, чтобы человѣкъ, который въ своихъ желаніяхъ не знаетъ предѣла и жаждетъ всего, могъ бы въ истинномъ горѣ удовлетворяться почти ничѣмъ. Но примѣръ этотъ я имѣлъ на самомъ себѣ.

Еле кончили мы читать наши письма, какъ въ дверяхъ показалась госпожа П., которая уже ходитъ безъ посторонней помощи и теперь принесла Анелѣ скамеечку подъ ноги.

— Ахъ, мама,—сказала, сконфузившись, Анеля,—развѣ это можно?

— А мало ли ты услуживала мнѣ, когда я была больна?—отвѣтила ей мать.

Но я взялъ скамеечку изъ ея рукъ и, ставъ на колѣни предъ Анелей, ждалъ до тѣхъ поръ, пока она не поставила на нее своихъ ножекъ, и это минутное пребываніе у ея ногъ осчастливило меня на весь день. Да, человѣкъ, очень и очень бѣдный, живетъ крохами и, подбирая ихъ, еще съ благодарностью улыбается, сквозь слезы.

6 іюля.

Сердце мое искалѣчено, но способно къ любви. Теперь только понимаю Снятыньскаго. Если бы я не былъ человѣкомъ неуравновѣшеннымъ, отравленнымъ скептицизмомъ, самоанализомъ и анализомъ этого самоанализа, если бы любовь моя была правильной и законной, то я нашелъ бы въ Анелѣ свой жизненный догматъ, за которымъ послѣдовали бы и другіе. Но не знаю... быть можетъ, я не умѣлъ бы иначе любить, какъ криво, быть можетъ, въ этомъ собственно заключается моя неспособность къ жизни, но довольно того, что то, что должно было быть моимъ здоровьемъ и спасеніемъ, стало смертельной болѣзнью и осужденіемъ. Странно, какъ

часто меня предостерегали. Могло бы казаться, будто люди предвидѣли, что со мною случится. Я постоянно припоминаю, что, еще во время моего пребыванія въ Пэли у Дэвисовъ, Снятыньскій мнѣ писалъ слѣдующее: «Изъ жизни должно что-нибудь вырасти; смотри же, чтобы изъ твоей не выросло чего-нибудь такого, что стало бы несчастьемъ для тебя и твоихъ близкихъ». Тогда я смѣялся надъ этимъ, а между тѣмъ невозможно было лучше предвидѣть будущее. Отецъ мой нѣсколько разъ говорилъ мнѣ такъ, какъ будто проникалъ своимъ взоромъ сквозь ту завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ будущее. Увы, воспоминанія эти являются слишкомъ поздно. Знаю, что ничего изъ этихъ размышленій не выйдетъ, но не могу отъ нихъ воздержаться, такъ какъ мнѣ жаль не столько себя, сколько Анели. Она была бы во сто разъ счастливѣе со мной, чѣмъ съ Кромицкимъ. Предположивъ даже, что сначала я, подчиняясь своей привычкѣ все анализировать, нашелъ бы въ ней много недостатковъ, чувствую, что тѣмъ не менѣе, любилъ бы ее отъ всей души. Она была бы моею, а затѣмъ вошла бы въ сферу моего эгоизма. На ея недостатки я смотрѣлъ бы, какъ на собственныя слабости, а себѣ самому человѣкъ все прощаетъ; и хотя будетъ рѣзко критиковать, однако, будетъ заботиться о своемъ добрѣ, а, слѣдовательно, будетъ попрежнему самому себѣ дорогимъ. Такъ была бы дорогою и Анеля, а такъ какъ она во сто разъ совершеннѣе меня, то, слѣдовательно, со временемъ стала бы моей гордостью и лучшей, благороднѣйшей частью моей души. Я призналъ бы, что при ней для моей критики нѣтъ мѣста, и перешелъ бы въ ея вѣру, былъ бы спасенъ ею.

Все это пропало, испортилось, измѣнилось для нея въ трагедію, а для меня во зло и вмѣстѣ съ тѣмъ въ трагедію.

7 іюля.

Перечитываю то, что вчера написалъ, и меня поражаетъ сказанное мною въ концѣ, а именно, что мое чувство, если бы было законно, могло бы стать моимъ спасеніемъ, а между тѣмъ теперь оно превратилось въ источникъ зла... Мнѣ трудно примириться съ этой мыслью. Какимъ образомъ любовь къ такому чистому существу, какъ Анеля, можетъ порождать зло? Но все объясняется одной фразой: любовь моя крива. Съ этимъ фактомъ надо примириться. Если бы кто-нибудь года два тому назадъ сказалъ мнѣ, человѣку цивилизованному, обладающему утонченнымъ вкусомъ, необыкновенной впечатлительностью, живущему въ полномъ согласіи съ уголовнымъ кодексомъ ужъ по одному тому, что его моральная природа не позволяетъ ему жить иначе, если бы, повторяю, кто-нибудь сказалъ, что я буду раздумывать по цѣлымъ днямъ и ночамъ о томъ, какъ бы избавиться, хотя бы съ помощью убійства, отъ человѣка, который стоитъ на моей дорогѣ, то я такого пророка счелъ бы сумасшедшимъ. И, однако, вотъ до чего я дошелъ! Кромицкій закрываетъ отъ меня свѣтъ, отнимаетъ землю, воду и воздухъ. Я не могу жить именно потому, что онъ живетъ, и вслѣдствіе этого въ душѣ моей безпрерывно является мысль о его смерти. Какое это было бы простое и полное разрѣшеніе всѣхъ затрудненій, какое естественное окончаніе всѣхъ несчастій, если бы онъ умеръ! Неоднократно у меня являлась мысль, что если гипнотизеръ можетъ сказать своему медіуму: «спи!» и медіумъ засыпаетъ, то не-

чему бы этой самой силы, еще болѣе напряженной, не могло бы быть достаточно для усыпленія кого-нибудь вѣчнымъ сномъ? Я выписалъ себѣ разныя сочиненія о гипнотизмѣ, а тѣмъ временемъ каждымъ взглядомъ говорю Кромицкому: «умри!» и если бы такое внушеніе оказалось достаточнымъ, то его давно уже не было бы на свѣтѣ. До сихъ поръ, однако, результатъ получается такой, что Кромицкій чувствуетъ себя хорошо и, какъ былъ, такъ и остается мужемъ Анели, мнѣ же остается убѣжденіе, что моя цѣль одинаково преступна, какъ и глупа, смѣшна, недостойна человѣка дѣла, и я презираю себя за это еще болѣе.

Это, однако, не мѣшаетъ мнѣ гипнотизировать Кромицкаго и далѣе. Это опять та же самая исторія съ интеллигентнымъ человѣкомъ, который, оставленный въ тяжкой болѣзни докторами, обращается за совѣтомъ къ знахарямъ. Я хочу убить противника гипнотизмомъ, и, хотя, благодаря этому, еще яснѣе вижу свое ничтожество, тѣмъ хуже для меня. Притомъ надо сознаться, что когда я остаюсь наединѣ съ самимъ собою, то каждый разъ раздумываю о томъ, какъ бы столкнуть съ дороги ненавистнаго мнѣ человѣка при помощи всякихъ средствъ, какія только находятся во власти человѣка. Въ теченіе долгаго времени я лелѣялъ мысль убить его на дуэли. Но такой путь никуда не годится! Анеля не могла бы выйти замужъ за убійцу своего мужа, и потому я сталъ раздумывать, какъ обыкновенный преступникъ, объ иныхъ способахъ. И что всего удивительнѣе, мнѣ удалось найти множество такихъ способовъ, которыхъ не обнаружило бы никакое человѣческое правосудіе.

Глупость! вздоръ! одна лишь теорія! Кромицкій можетъ безопасно жить, такъ какъ подобныя мысли никогда не осуществятся. Я не убью его, хотя бы зналъ, что буду отвѣтственъ за это не болѣе, чѣмъ за убійство паука; я не убилъ бы его, хотя бы мы жили на безлюдномъ островѣ, и, однако, если бы можно было разрѣзать человѣческій черепъ, какъ яблоко, и вынуть скрытыя въ немъ мысли, то оказалось бы, что червь преступленія точитъ мой мозгъ. И еще болѣе! Я ясно чувствую, что если ни въ какомъ случаѣ не убилъ бы Кромицкаго, то не въ силу высшихъ моральныхъ побужденій, которыя заключаются въ заповѣди: «Не убей!» Нѣтъ, я не убилъ бы его только потому, что мнѣ воспрепятствовали бы въ этомъ какіе-нибудь остатки рыцарской традиціи, что мои утонченные нервы не были бы способны на такое грубое дѣйствіе, что я слишкомъ отдалился отъ типа первобытнаго дикаго человѣка, словомъ, потому, что физически не сумѣлъ бы на это рѣшиться. Но морально я убиваю его ежедневно и въ виду этого спрашиваю самого себя, не буду ли отвѣтственъ предъ какимъ-нибудь судомъ, стоящимъ выше человѣческихъ судовъ, за этотъ поступокъ такъ же, какъ если бы я его совершилъ?

Правда, что если бы, какъ я уже сказалъ, было возможно открывать человѣческіе черепа, то въ мозгу даже самаго добродѣтельнаго человѣка нашлись бы мысли, отъ которыхъ волосы стали бы дыбомъ на головѣ. Помню, что когда я былъ еще мальчикомъ, на меня нашелъ періодъ такой великой набожности, что я молился всей душой съ утра до вечера, и одновременно съ этимъ въ минуты величайшаго религіознаго экстаза у меня мелькали самыя кощунственныя мысли, словно ихъ навѣвалъ мнѣ

вѣтеръ, или словно ихъ нашептывалъ мнѣ демонъ. Также случалось мнѣ кощунствовать относительно людей, которыхъ я очень любилъ и за которыхъ безъ колебанія отдалъ бы жизнь. Помню тоже, что это составляло мою дѣтскую трагедію и что причиняло мнѣ большое страданіе. Впрочемъ, это не важно. Возвращаясь къ тѣмъ кощунственнымъ или преступнымъ мыслямъ, я полагаю, что за нихъ не можетъ быть отвѣтственности, такъ какъ онѣ вытекаютъ изъ сознанія внѣшняго зла, но зла, внѣдреннаго уже въ нашъ моральный организмъ. И вотъ собственно вслѣдствіе того, что онѣ порождены зломъ, лежащимъ внѣ воли, человѣку кажется, будто демонъ нашептываетъ ихъ ему на ухо.

Человѣкъ же слушаетъ ихъ и, не желая зла, отгоняетъ ихъ, въ чемъ, быть можетъ, заключается даже заслуга. Но у меня дѣло иначе обстоитъ. Мысль избавиться отъ Кромицкаго не является ко мнѣ извнѣ, но рождается и таится во мнѣ, Я морально созрѣлъ для нея, и если не рѣшаюсь и не могу рѣшиться убить его, то это только, какъ мною уже было сказано, вопросъ нервовъ. Роль моего демона ограничивается лишь тѣмъ, что онъ насмѣхается надо мной, нашептывая мнѣ на ухо, что дѣйствіе въ данномъ случаѣ доказало бы только энергію, но не было бы преступленіемъ.

Вотъ распутье, на которомъ я никогда еще не находился, и при взглядѣ въ глубину собственнаго сознанія мной невольно овладѣваетъ изумленіе. Не знаю, дѣйствительно ли мои исключительныя страданія искупаютъ, хотя отчасти, мое паденіе, знаю только, что, кто не въ состояніи заключить свою жизнь въ тотъ простой кодексъ, котораго придерживается Анеля и подобныя ей существа, у кого душа выльется изъ такого сосуда, тотъ долженъ погрязнуть во прахѣ и грязи.

9 іюля.

Сегодня въ библіотекѣ Кромицкій указалъ мнѣ на какого-то англичанина въ обществѣ женщины необыкновенно красивой и разсказалъ мнѣ ихъ исторію. Красавица эта по происхожденію румынка и сначала была замужемъ за какимъ-то разорившимся валашскимъ дворяниномъ, у котораго англичанинъ попросту купилъ ее въ Остенде. Я слышалъ подобные разсказы разъ десять въ жизни. Кромицкій даже говорилъ мнѣ, за какую сумму была пріобрѣтена прекрасная Кокона. Разсказъ этотъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Я подумалъ: «Что жъ, и это способъ» конечно, позорный для продающаго и покупающаго, но простой. Притомъ женщина въ подобныхъ случаяхъ можетъ не знать о переговорахъ, да и переговоры можно какъ нибудь прилично замаскировать. Невольно я сталъ пріурочивать эти мысли къ нашему положенію. «Авось!» Все дѣло представилось мнѣ съ двухъ сторонъ: съ одной, по отношенію къ Анелѣ, какъ мерзкая профанація, съ другой, по отношенію къ Кромицкому, какъ способъ, не только возможный, но и насыщающій мою ненависть къ нему и презрѣніе. Ибо если бы онъ согласился, тогда вполнѣ выказалась бы его подлость, и стало бы вполнѣ ясно, какой это человѣкъ, и какъ чудовищно было выдать за него замужъ Анелю. Я тогда сразу почувствовалъ бы себя оправданнымъ во всѣхъ своихъ усиліяхъ отнять у него Анелю. Но согласился ли бы онъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Я говорилъ себѣ: «Ты ненавидишь его и потому предполагаешь въ немъ одно лишь зло».

Съ другой стороны, стараясь о немъ думать совершенно объективно, я не могъ забыть, что этотъ человѣкъ продалъ Глуховъ, что онъ хитростью выманилъ у Анели довѣренность, что до извѣстной степени обманулъ ее и ма... ея, и что, очевидно, жадность къ деньгамъ была главной его страстью. Не я одинъ считалъ его человѣкомъ, одержимымъ горячкой золота. Точно такъ же смотрѣлъ на него Снятыньскій, какъ равно и тетя и мать Анели. Такого рода моральная болѣзнь всегда можетъ довести человѣка до паденія. Конечно, все будетъ зависѣть отъ положенія его дѣлъ. Каково это положеніе, никто хорошо не знаетъ. Тетя предполагаетъ, что у него неблагополучно, я же думаю, что все, что у него было, онъ вложилъ въ какое-нибудь предпріятіе, которое должно дать ему большой барышъ. Дастъ ли только? Кромицкій самъ еще, навѣрно, не знаетъ и вотъ отчего постоянно находится въ какомъ-то безпокойствѣ и цѣлыми дюжинами посылаетъ письма къ молодому Хвастовскому, который является его довѣреннымъ лицомъ на востокѣ. Внезапно мнѣ пришла въ голову мысль, что именно отъ этого Хвастовскаго можно узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Однако, для этого потребуется много времени. Быть можетъ, я поѣду на одинъ день въ Вѣну, увижусь съ докторомъ Хвастовскимъ, который тамъ работаетъ въ клиникѣ, и отъ него что-нибудь узнаю. Братья, навѣрно, переписываются. Тѣмъ временемъ я постараюсь что-нибудь выпытать у Кромицкаго, но съ большой осторожностью, чтобы не возбудить въ немъ подозрѣній и не заставить его держаться на осторожѣ. Прежде всего я завтра же спрошу у него, что онъ думаетъ о румынскомъ дворянинѣ, который продалъ жену англичанину? Предвижу, что Кромицкій не захочетъ быть со мною откровеннымъ, но я ему по мѣрѣ возможности въ этомъ помогу, а чего онъ не доскажетъ, то отгадаю. Вся эта сумма мыслей и намѣреній немного оживила меня. Нѣтъ ничего страшнѣе пассивнаго страданія, и все для меня хорошо, что выводитъ меня изъ такого состоянія. Я повторяю себѣ: «Вотъ, по крайней мѣрѣ, завтра и послѣзавтра у тебя будетъ возможность что-нибудь предпринять, ты будешь пытаться сдѣлать что-нибудь для своего чувства»—и это служитъ мнѣ подкрѣпленіемъ. Отъ полнаго безсилія и апатіи я перехожу къ какой-то горячкѣ дѣйствій. Дѣло идетъ о моей головѣ, о моихъ мысляхъ, которыя находятся въ состояніи разсѣянія. Я далъ Анелѣ честное слово, что не посягну на свою жизнь, и, слѣдовательно, у меня нѣтъ уже этого выхода. А такъ, какъ я живу, мнѣ невозможно жить. Если тотъ путь, по которому я хочу идти, позоренъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ будетъ болѣе позоренъ для Кромицкаго, чѣмъ для меня. Я долженъ ихъ разлучить не только ради себя, но и ради нея. Въ самомъ дѣлѣ, у меня горячка. Здѣшнія купанья всѣмъ полезны, только не мнѣ.

10 іюля.

Жаркіе дни бываютъ даже здѣсь, въ Гаштейнѣ. Какая жара! Анеля ходитъ въ платьѣ изъ бѣлой фланели, какія надѣваютъ англичанки при игрѣ въ лаунъ-теннисъ. По утрамъ мы пьемъ кофе на свѣжемъ воздухѣ. Анеля возвращается съ купанья бодрая и свѣжая. Ея стройное тѣло обрисовывается подъ мягкимъ платьемъ отчетливѣе, чѣмъ обыкновенно. Утренній свѣтъ освѣщаетъ ее такъ ясно, что я вижу каждый волосъ ея

бровей, рѣсницъ и пушка, покрывающаго ея нѣжныя щеки. Волосы ея бываютъ какъ бы мокрые, но въ этомъ блескѣ кажутся свѣтлѣе, а зрачки прозрачнѣе, чѣмъ въ другое время. Какъ она молода, какъ упоительна! Въ ней моя жизнь, въ ней заключаются всѣ мои желанія! Я не уйду отъ нея, не смогу уйти!

Гляжу на нее и схожу съума отъ упоенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ муки, что вотъ здѣсь, возлѣ нея мужъ. Это не можетъ такъ продолжаться, пусть она будетъ ничьей, лишь бы не его! Анеля до извѣстной степени отдаетъ себѣ отчетъ въ той мукѣ, которая терзаетъ мои нервы. Она не любитъ мужа, но сожительство съ нимъ считаетъ законнымъ; мнѣ же при одной мысли объ этомъ хочется скрежетать зубами, такъ какъ кажется, что, признавая эту законность, она сама себя пятнаетъ. А это нельзя, даже ей! Пусть лучше умретъ! Тогда Анеля будетъ моею, ибо ея законный мужъ останется здѣсь, а я нѣтъ! И вотъ потому-то я болѣе законный, чѣмъ онъ. Порою со мной происходитъ что-то странное. Такъ, когда я очень устану, измучусь, когда умъ мой, вслѣдствіе постоянно напряженнаго въ одномъ направленіи мышленія, видитъ какія-то далекія, невѣдомыя пространства, которыхъ въ нормальномъ состояніи нельзя видѣть, на меня находятъ минуты такой увѣренности, что Анеля принадлежитъ мнѣ, что какимъ-то образомъ она уже моя или будетъ моею, что когда я пробуждаюсь изъ этого состоянія, то какъ бы съ удивленіемъ вспоминаю о существованіи Кромицкаго. Быть можетъ, въ такія минуты я перехожу ту грань, которой при жизни человѣкъ обыкновенно не переходитъ, и взоры мои созерцаютъ что-то совершенное, что существуетъ лишь въ царствѣ идеала, но что должно бы быть въ явленіяхъ жизни. Почему эти два міра такъ гармонируютъ другъ съ другомъ, и какимъ образомъ они могутъ не гармонировать, не знаю. Довольно часто я стараюсь разрѣшить этотъ вопросъ, теряюсь въ догадкахъ и не понимаю этой дисгармоніи, чувствую только, что въ ней заключается несовершенство и зло. Это сознаніе подкрѣпляетъ меня, ибо въ такомъ случаѣ принадлежность Анели Кромицкому была бы именно проявленіемъ зла.

11 іюля.

Опять разочарованіе, опять мои планы рухнули, хотя во мнѣ еще тлѣетъ искра надежды, что не все потеряно. Сегодня я говорилъ съ Кромицкимъ о дворянинѣ, который продалъ свою жену, причемъ я выдумалъ цѣлую исторію съ цѣлью вызвать его на откровенность.

Мы встрѣтили англичанина съ купленной женой у водопада. Я тотчасъ сталъ говорить о ея необыкновенной красотѣ и, наконецъ, сказалъ:

— Здѣшній докторъ разсказывалъ мнѣ, какъ происходила купля и продажа. Я нахожу, что ты слишкомъ строго осуждаешь этого дворянина.

— Прежде всего онъ меня смѣшитъ,—отвѣтилъ Кромицкій.

— Въ данномъ случаѣ есть смягчающія обстоятельства. Это былъ не только дворянинъ, но и владѣлецъ большихъ кожевенныхъ заводовъ, которые открылъ на занятыя деньги. Внезапно, вслѣдствіе эпидеміи, доставка кожъ изъ Румыніи была воспрещена сосѣдними государствами. Этотъ человѣкъ зналъ, что если не продержится извѣстное время, то не только самъ обанкротится, но разоритъ сотни семействъ, которыя довѣрили ему

свои капиталы. Мой милый, или надо быть вполнѣ купцомъ, или вовсе имъ не быть. Конечно, возможно, что купеческая мораль отличается отъ общей, но разъ признаешь ее...

— То имѣешь право продать даже жену?—спросилъ Кромицкій.— Ну, нѣтъ! Нельзя ради однѣхъ обязанностей попирать другія и, кто знаетъ, не болѣе ли священныя...

Кромицкій ничѣмъ не могъ меня такъ разочаровать и раздражить, какъ выказывая себя порядочнымъ человѣкомъ. Но я не терялъ надежды. Зная, что каждый, самый ничтожный индивидуумъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи извѣстный запасъ красиво звучащихъ фразъ, я продолжалъ:

— Ты не принимаешь во вниманіе одного обстоятельства, а именно, что этотъ человѣкъ повергъ бы въ нищету вмѣстѣ съ собою и ту женщину. Признайся, что довольно странный способъ пониманія своихъ обязанностей по отношенію къ близкимъ людямъ, лишать этихъ близкихъ послѣдняго куска хлѣба.

— А знаешь,—проговорилъ Кромицкій,—я не зналъ, что ты такъ чертовски трезво смотришь на вещи.

У меня же мелькнула мысль:

— Ты не понимаешь, глупецъ, что это не мои взгляды, а это только понятія, которыя мнѣ хочется тебѣ внушить.

— Я стараюсь войти въ положеніе того промышленника,—замѣтилъ я Кромицкому.—Притомъ ты упускаешь изъ виду еще одно обстоятельство: эта женщина могла его не любить, могла любить своего нынѣшняго мужа, а тотъ могъ объ этомъ знать.

— Въ такомъ случаѣ, оба они стоили другъ друга!

— Это другой вопросъ. Вникнувъ въ дѣло нѣсколько глубже, придемъ къ заключенію, что если румынка, любя того англичанина, осталась, однако, вѣрна мужу, то, быть можетъ, она больше стоитъ, чѣмъ мы думаемъ. Что касается твоего дворянина, то онъ можетъ быть человѣкомъ подлымъ, но позволь тебя спросить, что въ подобномъ случаѣ дѣлать купцу, къ которому кто-нибудь приходитъ и говоритъ такъ: «Вы банкротъ вдвойнѣ, потому что у васъ есть долги, которыхъ вы не въ состояніи погасить, и жена, которая васъ не любитъ, разведитесь съ женой, и я, во-первыхъ, гарантирую ей матеріальное благосостояніе и, насколько возможно, счастье, а, во-вторыхъ, уплачу ваши долги». Вѣдь, такъ только говорится: продажа! продажа, а на самомъ дѣлѣ развѣ это продажа? Прими во вниманіе, что купецъ, который соглашается на подобную сдѣлку, однимъ махомъ спасаетъ женщину отъ несчастья и отъ нищеты всѣхъ тѣхъ, которые довѣрили ему свои деньги. Является вопросъ, не въ этомъ ли именно заключается правильное пониманіе обязанностей по отношенію къ своимъ близкимъ.

Кромицкій съ минуту подумалъ, затѣмъ, откинувъ свой монокль, отвѣтилъ:

— Дорогой мой, льщу себѣ, что въ дѣлахъ я понимаю лучше тебя, но пускаться съ тобой въ разсужденія не могу, потому что тутъ ты меня согнешь въ бараній рогъ. Если бы у тебя не было доставшихся по наслѣдству отъ отца милліоновъ, то ты добылъ бы ихъ, сдѣлавшись адвокатомъ. Ты такъ представилъ мнѣ все дѣло, что теперь, ей Богу, не знаю, что

и думать объ этомъ румынскомъ хлыщѣ; знаю только, что тамъ была сдѣлка относительно жены, а это, какъ ни говори, очень неблаговидная штука. Во-вторыхъ, такъ какъ я самъ въ нѣкоторомъ родѣ купецъ, то скажу тебѣ вотъ еще что: у банкрота всегда есть выходъ—или второй разъ нажить состояніе и уплатить прежніе долги, или пустить себѣ пулю въ лобъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ расплачивается кровью, жену же, если она у него есть, избавляетъ отъ себя и открываетъ предъ ней перспективу новой судьбы.

Одну минуту во мнѣ кипѣла такая ярость, что я далъ бы, Богъ знаетъ, что, лишь бы имѣть возможность крикнуть ему: «Ты уже банкротъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что жена тебя не любитъ. Видишь этотъ водопадъ? Такъ прыгни же въ него и избавь ее отъ себя, открой ей ту новую жизнь, въ которой она будетъ во сто разъ счастливѣе, чѣмъ теперь!»

Но я молчалъ, придя къ новому, полному горечи убѣжденію, что Кромицкій, хотя и пошлый, ординарный человѣкъ, способный даже на такіе поступки, какъ продажа Глухова или злоупотребленіе довѣріемъ жены, но не настолько низокъ, какимъ онъ казался въ моихъ глазахъ. Это было для меня и разочарованіемъ, и крушеніемъ моихъ плановъ. Опять я почувствовалъ себя безпомощнымъ, опять увидѣлъ предъ собой пустоту и опять повисъ, словно въ воздухѣ. Однако, мнѣ не хотѣлось выпустить изъ рукъ послѣднюю нить, такъ какъ мнѣ было ясно, что если я сумѣю какимъ бы то ни было образомъ дѣйствовать, то еще кой-какъ буду жить, въ противномъ случаѣ, по всей вѣроятности, сойду съума. «Я приготовлю себѣ почву, хотя на будущее и на всякій случай, говорилъ я себѣ, и постараюсь пріучить Кромицкаго къ мысли о разлукѣ съ Анелей». Повторяю, мнѣ не было извѣстно, въ какомъ положеніи находятся его денежныя дѣла, но, предполагая, что кто спекулируетъ, можетъ какъ потерять, такъ и нажить, я сказалъ ему:

— Не знаю, насколько то, что ты мнѣ сказалъ, согласуется съ купеческой моралью, но съ удовольствіемъ признаю, что это достойно порядочнаго человѣка. Если я тебя хорошо понялъ, то ты утверждаешь, что мужъ, которому грозитъ разореніе, не имѣетъ права увлекать за собой жену въ бездну нищеты?

— Я говорилъ только, что продажа жены всегда есть подлость. Впрочемъ, жена должна дѣлить судьбу мужа. Спасибо тебѣ за такую, которая согласится на разрывъ лишь потому, что мужъ ея потерялъ состояніе.

— Допустимъ, что она не согласится, но онъ можетъ развестись съ нею помимо ея воли. Каждый въ такомъ случаѣ долженъ выполнить свою обязанность... Притомъ, если жена видитъ, что путемъ развода она можетъ спасти мужа, то уже правильно понятая обязанность заставляетъ ее согласиться.

— О такихъ вещахъ непріятно даже говорить.

— Почему? Развѣ тебѣ уже жаль румына?

— Нѣтъ! Ей-Богу, онъ всегда будетъ въ моихъ глазахъ негодяемъ.

— Потому что ты не умѣешь смотрѣть на вещи объективно. Да и не удивительно. Человѣкъ, у котораго все идетъ, какъ по маслу, никогда

не сумѣетъ отдать себѣ отчетъ въ психологіи банкрота, развѣ ужъ если онъ философъ, но философія не идетъ рука объ руку съ наживаніемъ милліоновъ...

Я не хотѣлъ продолжать разговоръ, такъ какъ и мнѣ самому моя хитрость была чрезвычайно непріятна. Все же мнѣ казалось, что я посѣялъ какое-то зерно, правда, быть можетъ, слишкомъ маленькое и ничтожное для того, чтобы оно могло пустить ростки, но зато, по крайней мѣрѣ, опять схватился за какую-то нить. Одно обстоятельство придало мнѣ бодрости. Такъ, въ ту минуту, когда я сталъ внушать Кромицкому, будто онъ самъ того мнѣнія, что разорившійся мужъ долженъ избавить отъ себя жену, на лицѣ его отразилось какъ бы безпокойство и принужденность. Я замѣтилъ также, что, при упоминаніи объ его милліонахъ, Кромицкій тихо вздохнулъ. Выводить изъ этого, что ему грозитъ разореніе, было бы слишкомъ поспѣшно, но я могъ предположить, что его дѣла не вполнѣ прочны и что могутъ пойти и хорошо, и дурно.

Я рѣшилъ это провѣрить, а тѣмъ временемъ ясно чувствовалъ въ себѣ двухъ людей. Одинъ въ душѣ говорилъ Кромицкому: «Если ты хотя немного колеблешься, то я тебѣ помогу пасть, и, хотя бы мнѣ пришлось для этого потерять все свое состояніе, свалю тебя однимъ ударомъ, и тогда мы посмотримъ, не найдется ли у тебя для извѣстнаго рода сдѣлокъ и условій болѣе деликатныхъ терминовъ, чѣмъ подлость».

Я, однако, отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что это все не мои способы, а какіе-то чуждые мнѣ, которые явились у меня путемъ чтенія или понаслышкѣ, и которыми, если бы не мое отчаянное положеніе, я никогда не воспользовался бы, такъ какъ они для меня отвратительны и прямо противны моей натурѣ. Деньги никогда не играли роли въ моей жизни ни какъ средство, ни какъ цѣль; я считаю себя неспособнымъ владѣть подобнымъ оружіемъ и теперь чувствовалъ, какъ унизительно для меня и для Анели вводить этотъ элементъ въ наши отношенія. Во мнѣ это возбуждало такое моральное омерзѣніе, что я говорилъ себѣ: «Неужели ты не пощадишь себя и отъ такого рода паденія, неужели ты и изъ этого сосуда долженъ напиться? Смотри, какъ ты опускаешься все ниже и ниже; прежде тебѣ бы не пришли даже въ голову подобные способы, которые, въ довершеніе ко всему, могутъ ни къ чему не пригодиться и, въ концѣ концовъ, оставятъ тебѣ только презрѣніе къ самому себѣ».

Дѣйствительно, прежде, когда мнѣ случалось слышать, какъ тетя говорила о денежныхъ дѣлахъ Кромицкаго и выражала сомнѣніе въ ихъ благопріятномъ состояніи, это всегда вызывало во мнѣ непріятное чувство. Подчасъ, предполагая, что онъ когда-нибудь можетъ обратиться ко мнѣ за помощью или предложитъ принять участіе въ его спекуляціяхъ, я раздумывалъ, что въ такомъ случаѣ сдѣлаю, и всегда давалъ себѣ обѣщаніе, что рѣшительно откажу ему и въ помощи, и въ участіи, до того мнѣ не хотѣлось, чтобы въ отношеніяхъ между мной и Анелей были замѣшаны деньги. Помню, что въ этомъ я видѣлъ извѣстную деликатность своей натуры и доказательство благородства своихъ чувствъ. Нынче дошло до того, что я хватаюсь и за это оружіе, какъ будто я банкиръ и всю жизнь воевалъ при помощи денегъ.

Вижу вполнѣ ясно, что мои поступки и мои мысли хуже меня, и

часто не отдаю себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ это происходитъ? По всей вѣроятности, потому, что мнѣ не удается выйти на настоящій путь. Я люблю женщину благородную, любовь моя велика, и, однако, изъ этого сопоставленія рождаются кривизны и заколдованные круги, въ которыхъ гибнутъ хорошія стороны моего характера, и даже утрачивается утонченность моихъ нервовъ. Когда прежде, въ минуты паденія, я игнорировалъ мораль, у меня всегда что-нибудь оставалось... какое-то эстетическое чувство, съ помощью котораго мнѣ удавалось различать самое зло. Теперь у меня нѣтъ и этого, или, вѣрнѣе, это теперь во мнѣ безсильно. Если бы, по крайней мѣрѣ, во мнѣ одновременно исчезло сознаніе безобразія. Но нѣтъ. Я всегда обладаю имъ въ равной степени, только разница въ томъ, что оно перестало быть сдерживающимъ началомъ и служитъ мнѣ единственно для усиленія моихъ мученій. Кромѣ любви къ Анелѣ, во мнѣ нѣтъ мѣста ничему иному, но сознаніе не нуждается въ мѣстѣ. Оно гнѣздится и въ любви, и въ ненависти, въ страданіи, какъ ракъ гнѣздится въ больномъ организмѣ.

Кто не былъ въ положеніи, подобномъ моему, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Правда, я зналъ, что изъ любви возникаютъ разныя мученія, но недостаточно этому довѣрялъ и не предполагалъ, чтобы они были такъ реальны и такъ невыносимы. Теперь только я понимаю разницу между словами: «знать» и «вѣрить», теперь понимаю, почему французскій мыслитель сказалъ: «Мы знаемъ, что должны умереть, но не вѣримъ въ это».

12 іюля.

Сегодня у меня пульсъ очень слабъ и шумъ въ головѣ, такъ какъ произошелъ случай, при воспоминаніи о которомъ во мнѣ дрожитъ каждый нервъ, точно въ лихорадкѣ.

День былъ прекрасный, а вечеръ еще лучше, и притомъ теперь полнолуніе. Мы рѣшили предпринять поѣздку въ Гофгаштейнъ. Одна только госпожа П. предпочла остаться дома. Тетя, я и Кромицкій тотчасъ сошлись у воротъ сада виллы, откуда Кромицкій отправился за экипажемъ къ Штраубингеру, а мы съ тетей ждали Анелю, которая вскорѣ должна была выйти изъ квартиры. Такъ какъ ея долго не было видно, я побѣжалъ за ней и нашелъ ее на лѣстницѣ, ведущей съ перваго этажа виллы въ садъ.

Въ виду того, что луна освѣщала другую сторону виллы, а эта была совершенно темна, Анеля спускалась со ступеней очень медленно. Ступени шли угломъ почти перпендикулярно внизъ. Лишь только голова моя оказалась на высотѣ ногъ Анели, лишь только я ихъ увидѣлъ, какъ тотчасъ съ величайшимъ благоговѣніемъ обнялъ ихъ и жадно сталъ покрывать поцѣлуями. Я сознавалъ, что мнѣ придется страдать за эти минуты счастья, но не сумѣлъ и не могъ отъ нихъ отказаться. Впрочемъ, видитъ Богъ, какое благоговѣніе выражалось въ моихъ поцѣлуяхъ, какъ мнѣ невозможно было оторваться отъ этихъ дорогихъ ногъ, и за сколько мукъ вознаграждала меня эта минута. Если бы не сопротивленіе Анели, я поставилъ бы ея ногу себѣ на голову въ знакъ того, что отдаюсь ей навсегда въ службу и въ неволю. Но она тотчасъ поднялась на верхнюю ступеньку,

я же въ одну минуту сбѣжалъ внизъ и громко сталъ говорить, чтобы тетя, стоявшая у воротъ, могла разслышать:

— Анеля уже идетъ, идетъ!

Ей не оставалось ничего иного, какъ сойти, что она могла сдѣлать безъ всякаго опасенія, такъ какъ я пошелъ впередъ. Въ эту минуту въ экипажѣ подъѣхалъ Кромицкій. Анеля, однако, присоединившись къ намъ, сказала:

— Я пришла извиниться передъ тетей: я раздумала и не хочу оставить маму одну. Поѣзжайте, господа, а я васъ буду ждать съ чаемъ.

— Но, вѣдь, мама твоя чувствуетъ себя прекрасно,—съ легкимъ неудовольствіемъ замѣтила тетя,—и сама она предложила эту прогулку собственно для тебя.

— Да, но...—начала Анеля.

Какъ разъ въ этотъ моментъ къ экипажу приблизился Кромицкій и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сухо проговорилъ:

— Прошу не дѣлать намъ непріятностей...

Анеля, не сказавъ ни слова, сѣла вслѣдъ за тетей въ коляску.

Не смотря на взволнованное состояніе, я обратилъ вниманіе и на тонъ Кромицкаго и на молчаливое послушаніе Анели, а обратилъ вниманіе въ особенности потому, что весь день обращеніе его со мною было болѣе холодно, чѣмъ наканунѣ. Очевидно, тѣ неизвѣстныя мнѣ причины недоразумѣнія, которыя уже разъ вызвали нѣкоторое охлажденіе между ними, опять повторились съ большей силой. Но у меня не было времени раздумывать о нихъ; свѣжее впечатлѣніе тѣхъ поцѣлуевъ, которыми я покрывалъ ноги Анели, всецѣло мной овладѣло. Я одновременно ощущалъ наслажденіе, радость и боязнь. Въ наслажденіи я отдавалъ себѣ отчетъ, ибо ощущалъ его всегда, какъ только прикасался хотя бы къ ея рукѣ. Но откуда являлась у меня радость?.. Изъ того, что я отгадывалъ, что эта непреклонная и незапятнанная Анеля не смогла, однако, всецѣло уберечься отъ меня, и что въ эту минуту она, должно быть, говоритъ себѣ: «И я нахожусь теперь на покатости, и я не могу людямъ прямо смотрѣть въ глаза; вотъ за минуту передъ тѣмъ былъ у моихъ ногъ человѣкъ, который меня любитъ, я же должна быть какъ бы его сообщницей, ибо не пойду къ мужу и не скажу ему: накажи его, а меня увези».

Я также зналъ, что Анеля не можетъ этого сдѣлать безъ ущерба для родственныхъ отношеній и, хотя бы даже могла, не сдѣлала бы этого, изъ боязни столкновенія, какое должна была бы вызвать ея жалоба между мной и Кромицкимъ. И какой-то голосъ шепталъ мнѣ: «Кто знаетъ, кого она болѣе боится подвергнуть опасности?»

Положеніе мое, въ самомъ дѣлѣ, было исключительное, я же пользовался имъ съ полнымъ сознаніемъ безъ меньшей щепетильности, чѣмъ щепетильность вождя, который во время войны пользуется неблагопріятнымъ положеніемъ непріятеля. Я только приэтомъ задалъ себѣ вопросъ: «Сдѣлалъ ли бы ты то же самое, если бы зналъ, что Кромицкій привлечетъ тебя къ личной отвѣтственности?» А такъ какъ я чистосердечно могъ отвѣтить себѣ: да: то полагалъ, что ни на что иное мнѣ не зачѣмъ обращать вниманія.

Нѣтъ!.. Кромицкій возбуждаетъ во мнѣ боязнь лишь тѣмъ, что

можетъ взять Анелю и увезти ее, Богъ знаетъ куда. При одной мысли объ этомъ, мной овладѣваетъ отчаяніе.

Но въ эту минуту, въ этомъ экипажѣ я болѣе всего боялся Анели. Что будетъ завтра? какъ она отнесется къ этому? сочтетъ ли мой поступокъ дерзостью или порывомъ благоговѣнія и обожанія? Я чувствовалъ себя въ положеніи собаки, которая, напроказивъ, боится, что будетъ бита. Сидя противъ Анели, я старался въ тѣ минуты, когда лунный свѣтъ падалъ на ея лицо, прочесть по немъ, что меня ждетъ. Я смиренно, съ покорностью глядѣлъ на нее, былъ такъ жалокъ, что даже самъ чувствовалъ къ себѣ состраданіе, и мнѣ казалось, что она также должна чувствовать ко мнѣ состраданіе. Но Анеля не смотрѣла на меня, только внимательно слушала или притворялась, что слушаетъ то, о чемъ говорилъ тетѣ Кромицкій, который подробно разсказывалъ, что бы онъ сдѣлалъ и какимъ образомъ добился бы самыхъ большихъ барышей, если бы Гаштейнъ былъ его собственностью. Тетя кивала головой, онъ же безпрерывно повторялъ: «не правда ли, а?» Было очевидно, что ему хочется убѣдить ее, что онъ человѣкъ очень оборотливый и изъ каждаго гроша сумѣетъ сдѣлать десять.

Дорога въ Гофгаштейнъ вырублена въ скалахъ и извивается надъ пропастью многочисленными поворотами. Свѣтъ луны падалъ соотвѣтственно поворотамъ дороги, попеременно то на насъ, то на нашихъ дамъ. На лицѣ Анели замѣтна была только ласковая, нѣжная печаль, но уже одно ободряло меня, что выраженіе его было не строгое. Анеля ни разу те взглянула на меня, однако, я утѣшалъ себя мыслью, что въ ту минуту, когда она находится въ тѣни, а меня освѣщаетъ лунный свѣтъ, быть можетъ, тогда она смотритъ на меня и, быть можетъ, говоритъ себѣ: «Да, никто въ мірѣ не любитъ меня такъ, какъ онъ, и никто вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не несчастливъ». Ибо, вѣдь, это правда.

Мы оба молчали. Говорилъ все время Кромицкій; слова его смѣшивались съ шумомъ рѣки, текущей на днѣ пропасти, и съ непріятнымъ скрипомъ тормаза, которымъ нашъ кучеръ ежеминутно сдерживалъ движеніе экипажа. Скрипъ этотъ очень раздражалъ меня, но зато успокаивала теплая, ясная ночь. Я уже говорилъ, что было полнолуніе; луна выглянула изъ-за горъ и плыла по темносинему небу, озаряя вершины Бокштейнкогля, ледники Тишлькара и круглые бока Гранкогля. Снѣга на вершинахъ горъ блестѣли свѣтлозеленымъ металлическимъ свѣтомъ, а такъ какъ нижнія части горъ сливались съ темнотою ночи въ одну сѣрую массу, то этотъ свѣтъ на вершинахъ, казалось, висѣлъ въ воздухѣ и какъ бы не касался земли. Отъ этихъ, точно усыпленныхъ, горъ вѣяло такимъ очарованіемъ и такимъ сладостнымъ покоемъ, что мнѣ невольно вспомнились слова:

„Въ такую минуту два сердца плачутъ;
Что могутъ простить—то простятъ,
Что могутъ забыть—предадутъ то забвенью“.

Анеля, собственно, должна была простить мнѣ лишь то, что я поцѣловалъ ея ноги; если бы она была статуей святой въ церкви, то и тогда не имѣла бы права сердиться за такое доказательство благоговѣнія.

Если дѣло дойдетъ до объясненій, я скажу ей это и полагаю, что она сочтетъ это достаточнымъ оправданіемъ.

Часто я думаю, что она причиняетъ мнѣ великую обиду, если, быть можетъ, не отдавая себѣ отчета, не называя вещи собственнымъ ея именемъ, считаетъ мою любовь чувствомъ чисто-земнымъ, порывомъ страсти. И я не отрицаю, что оно состоитъ изъ разныхъ элементовъ, но Анеля, кажется, не понимаетъ того, что въ немъ есть необыкновенно идеальныя нити, положительно, точно сотканныя изъ поэзіи. Часто мои страсти засыпаютъ, и я люблю ее только духовно, такъ, какъ любятъ въ юности. Не разъ также тотъ другой человѣкъ, который находится во мнѣ и который все анализируетъ, провѣряетъ, а часто и высмѣиваетъ, говоритъ мнѣ: «Я не зналъ, что ты умѣешь любить, какъ студентъ и какъ романтикъ». Да, быть можетъ, это смѣшно, но я люблю ее именно такъ и чувствую, что вполнѣ искрененъ, и что именно поэтому любовь моя, увы, тѣмъ болѣе печальна, чѣмъ одностороннѣе понята.

Вотъ и теперь мои страсти уснули, и я въ душѣ говорю Анелѣ: «Неужели тебѣ кажется, что во мнѣ не звучатъ идеальныя струны? Въ эту минуту я люблю тебя такимъ образомъ, что ты можешь и даже должна примириться съ такимъ чувствомъ, и будетъ жаль, если разсѣешь его, ибо сама ты ничего не утратила бы, а меня бы спасла? Я сказалъ бы себѣ: вотъ мой міръ, вотъ предѣлы, въ которыхъ мнѣ возможно жить, я постараюсь преобразить собственную натуру, перейти въ твою вѣру и остаться вѣрнымъ ей навсегда».

Мнѣ казалось, что она можетъ и должна согласиться на это, а разъ это случится, то между нами и для насъ наступитъ вѣчное спокойствіе. Я рѣшилъ, что скажу ей это, а когда мы признаемъ, что души наши навсегда соединены, то затѣмъ можемъ, хотя бы даже разъѣхаться. Во мнѣ проснулась непреодолимая надежда, что Анеля согласится на такое предложеніе, такъ какъ пойметъ, что безъ него жизнь станетъ для насъ обоихъ невозможной.

Было уже девять часовъ, когда мы пріѣхали въ Гофгаштейнъ.

Въ деревнѣ было тихо и темно. Окна свѣтились только въ гастгаузахъ, у Мегера слышалось очень недурное пѣніе. Когда мы остановились, я вышелъ изъ экипажа съ цѣлью предложить пѣвцамъ спѣть что-нибудь предъ отелемъ, но оказалось, что то были не поселяне, но какіе-то альпинисты изъ Вѣны, которымъ немыслимо было платить за пѣніе. Купивъ два букета изъ эдельвейсовъ и другихъ альпійскихъ цвѣтовъ, я вернулся къ экипажу, отдалъ одинъ букетъ Анелѣ, а другой, какъ бы нечаянно, развязалъ, такъ что цвѣты упали у ея ногъ.

— Пусть они тамъ лежатъ,—сказалъ я, видя, что Анеля хочетъ наклониться, чтобы поднять ихъ.

Затѣмъ я пошелъ за третьимъ букетомъ для тети и черезъ минуту, приблизившись къ экипажу, услышалъ слѣдующее замѣчаніе Кромицкаго:

— И здѣсь, въ Гофгаштейнѣ, если бы хорошо устроить курортъ, можно было бы имѣть сто на сто.

— А ты всегда объ одномъ и томъ же?—спросилъ я его спокойно.

Я задалъ этотъ вопросъ нарочно, такъ какъ это было то же, что сказать Анелѣ: «Смотри, въ то время, когда все мое существо поглощено

лишь тобою, онъ возлѣ тебя думаетъ только о деньгахъ, вотъ и сравни наши чувства, и сравни насъ».

Во мнѣ была почти увѣренность, что она меня поняла.

На обратномъ пути я нѣсколько разъ старался завязать разговоръ, но мнѣ не удалось втянуть въ него Анелю. Когда мы остановились у воротъ виллы, Кромицкій пошелъ за дамами наверхъ, я же остался, чтобы расплатиться съ кучеромъ. Вернувшись, я уже не засталъ Анели за чаемъ. Тетя сказала мнѣ, что она чувствовала себя нѣсколько усталой и пошла лечь. Меня тотчасъ охватило сильное безпокойство, и я сталъ упрекать себя за то, что ее мучаю. Ничего не можетъ быть тягостнѣе для человѣка, который искренно любитъ, какъ сознаніе, что онъ причиняетъ зло и вредитъ любимому существу. Мы пили чай въ молчаніи, такъ какъ тетя была сонная, Кромицкій находился въ какомъ-то безпокойномъ состояніи, я же все сильнѣе мучился. «Должно быть, Анеля,—думалось мнѣ,—слишкомъ близко приняла къ сердцу мой поступокъ. Она все объясняетъ въ дурную сторону». Я предчувствовалъ, что завтра Анеля будетъ меня избѣгать, и этотъ миръ, который мы заключили между собой, она считаетъ нарушеннымъ мною. Эти мысли очень встревожили меня, и я рѣшилъ завтра же ѣхать или, вѣрнѣе, бѣжать въ Вѣну, во-первыхъ, потому, что боялся Анели, во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось повидаться съ Хвастовскимъ, а, въ-третьихъ, я думалъ, и одинъ Богъ знаетъ съ какою горечью, что лучше избавить ее отъ моей особы и дать ей возможность хотя дня два отдохнуть.

15 іюля.

Цѣлый рядъ происшествій и случайностей! Не знаю, съ чего начать, такъ какъ послѣднія впечатлѣнія самыя сильныя. Никогда въ жизни у меня не было такого яснаго доказательства, что она ко мнѣ неравнодушна. Мнѣ приходится употреблять нѣкоторое усиліе, чтобы сохранить послѣдовательность въ изложеніи. Я почти увѣренъ, что Анеля согласится на тѣ условія, которыя ей предложу. Минутами у меня кружится голова. Но вотъ кой-какъ привожу въ порядокъ свои мысли и начинаю по порядку.

Я былъ въ Вѣнѣ. Вернулся только сегодня вечеромъ и привезъ кой-какія свѣдѣнія, о которыхъ мы поговоримъ съ тетей.

Я видѣлся съ Хвастовскимъ и разговорился съ нимъ. Какой это энергичный, славный малый!.. Работаетъ въ клиникѣ, какъ волъ, кромѣ того взялся писать популярное сочиненіе по гигіенѣ для народа, которое его братъ, книгопродавецъ, издастъ въ формѣ брошюры, цѣною въ нѣсколько копѣекъ, затѣмъ принадлежитъ къ разнымъ обществамъ, врачебнымъ и не врачебнымъ, гдѣ состоитъ дѣятельнымъ членомъ, и въ довершеніе всего умудряется найти время для разныхъ веселыхъ, быть можетъ, даже слишкомъ веселыхъ развлеченій въ окрестностяхъ Кертнерштрассе. Положительно, не знаю, когда этотъ человѣкъ спитъ. Притомъ, бестія, имѣетъ сложеніе ярмарочнаго Геркулеса. Сколько въ немъ силы, жизнь такъ и кипитъ въ немъ!

Я говорилъ съ нимъ о причинахъ, заставившихъ меня пріѣхать въ Вѣну, безъ всякихъ обиняковъ.

— Не знаю, извѣстно ли вамъ,—сказалъ я,—что, какъ у меня, такъ

и у тети, есть довольно значительное состояніе, намъ нѣтъ надобности спекулировать, но тѣмъ не менѣе если бы можно было пустить ихъ въ оборотъ, который давалъ бы значительный доходъ, таковой могъ бы быть употребленъ на пользу обществу. Я предполагаю также, что мы могли бы оказать услугу Кромицкому, слѣдовательно, была бы двойная польза. Говоря откровенно, мы къ нему, какъ къ личности, относимся довольно равнодушно, но, такъ какъ онъ теперь нашъ родственникъ, намъ было бы пріятно увеличить его состояніе, натурально, насколько мы были бы увѣрены, что при этомъ сами не потерпимъ убытка.

— И вы, господа, желали бы знать, какъ обстоятъ у него дѣла?

— Конечно. Кромицкій очень надѣется на свою дѣловитость, и я не сомнѣваюсь въ его искренности, но дѣло только въ томъ, не ошибается ли онъ! Вотъ почему, если вамъ братъ писалъ что-нибудь объ этомъ, не требуя сохранить свѣдѣнія втайнѣ, то скажите мнѣ, а, во-вторыхъ, попросите его, чтобы онъ написалъ мнѣ и какъ можно обстоятельнѣе представилъ все положеніе дѣлъ. Тетя разсчитываетъ въ этомъ случаѣ на его расположеніе къ ней и на связи, которыя соединяютъ васъ съ нею сильнѣе, чѣмъ съ Кромицкимъ.

— Хорошо, я напишу брату,—отвѣтилъ докторъ.—Онъ даже что-то уже писалъ мнѣ объ этомъ, но, что именно, хорошо не помню, такъ какъ меня это мало интересовало.

Сказавъ это, онъ сталъ искать письма въ бюро, среди множества другихъ и, вскорѣ найдя, прочелъ слѣдующее:

«Чуть съума не схожу. Женщинъ здѣсь почти нѣтъ, а красивой такъ и днемъ не сыщешь съ фонаремъ».

Тутъ Хвастовскій засмѣялся и проговорилъ:

— Нѣтъ, это уже дѣло другого рода. Ему было бы хорошо въ Вѣнѣ...

И, перевернувъ страницу, онъ далъ мнѣ читать письмо, но я нашелъ тамъ лишь нѣсколько строкъ по интересовавшему меня предмету:

«Что касается Кромицкаго, то съ нефтью дѣло было плохо. Съ Ротшильдами война невозможна, а онъ сцѣпился съ ними. Мы кой-какъ выкарабкались, но со значительными потерями. Въ доставку мы вложили громадныя деньги и добились монополіи, отъ нея можно получить милліонную прибыль, но зато можетъ явиться отвѣтственность. Все зависитъ отъ нашей воли и умѣнья. Мы стараемся вести дѣло какъ можно честнѣе и надѣемся на хорошій результатъ. Надо бы только денегъ и денегъ, потому что намъ платятъ въ строго опредѣленные сроки, а тѣ, отъ которыхъ мы беремъ, съ насъ требуютъ немедленно, а вдобавокъ часто даютъ дурной матеріалъ. Теперь все на мнѣ» и т. д.

— Въ такомъ случаѣ мы дадимъ денегъ,—сказалъ я, кончивъ чтеніе.

По возвращеніи въ Гаштейнъ я долго надъ этимъ размышлялъ, и во мнѣ заговорили лучшіе инстинкты. «Будь, что будетъ, думалось мнѣ,— а тѣмъ временемъ, вмѣсто того, чтобы губить Кромицкаго, не проще ли и не честнѣе ли было бы помочь ему. Вѣдь, Анеля сумѣла бы оцѣнить такой поступокъ, и ее еще болѣе должно было бы привлечь ко мнѣ мое безкорыстіе..., а будущее пусть разрѣшитъ Провидѣніе».

Однако, заглянувъ въ себя глубже, я замѣтилъ, что и въ этихъ

хорошихъ мысляхъ нѣкоторую роль играетъ мой эгоизмъ. Такъ, я предвидѣлъ, что Кромицкій, получивъ деньги, тотчасъ уѣдетъ изъ Гаштейна и избавитъ меня отъ всѣхъ мученій, какія причиняетъ мнѣ его пребываніе при Анелѣ. Анеля останется одна, ощущая на каждомъ шагу мое чувство къ ней, съ благодарностью въ сердцѣ ко мнѣ, съ нѣкоторой горечью, а, быть можетъ, даже возмущеніемъ по отношенію къ Кромицкому, хотя бы за то, что онъ воспользовался моей помощью. Мнѣ казалось, что такое положеніе открываетъ предо мной новую перспективу. Однако, прежде всего, мнѣ хотѣлось избавиться отъ Кромицкаго, какой бы то ни было цѣною.

Въ дорогѣ я такъ погрузился въ размышленія надъ своими отношеніями къ Анелѣ, что даже не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали въ Лендъ-Гаштейнъ. Въ Лендѣ я засталъ множество людей, раненыхъ и убитыхъ при крушеніи поѣзда на боковой линіи отъ Зелль къ Зее, но едва сѣлъ въ экипажъ, какъ впечатлѣніе, испытанное мною при видѣ ранъ и крови, прошло безслѣдно, и опять мысли мои сосредоточились на нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ казалось, что они нуждаются въ какой-то реформѣ, что надо непремѣнно что-нибудь сдѣлать, иначе между мною и Анелей случится что-нибудь дурное. Но вопросъ въ томъ, что слѣдовало сдѣлать? Я ясно видѣлъ только одно: что она мучается и убиваетъ меня, а я ее, такъ какъ я стремлюсь ко всему, а она не соглашается ни на что, и вслѣдствіе этого возникаетъ такой разладъ между нами, такая драма, что для нея лучше было бы броситься въ водопады Ахы, а для меня свалиться вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми въ пропасть. Кромѣ того, я пришелъ къ убѣжденію, что даже у такой женщины, которая не соглашается ни на что, долженъ произойти страшный внутренній разладъ, если ее полюбитъ посторонній человѣкъ. Такъ, Анеля никогда не сдѣлала мнѣ даже малѣйшей уступки, а между тѣмъ я время отъ времени цѣлую ей руки и ноги. Она должна выслушивать мои признанія и должна хранить цѣлый рядъ тайнъ отъ матери и мужа, притомъ должна остерегаться, слѣдить за собой и мной, никогда не зная, до чего я могу дойти. При такихъ условіяхъ жизнь становится для насъ обоихъ прямо-таки невозможной, и потому надо это кончить.

Наконецъ, мнѣ показалось, что найдена развязка. Пусть Анеля, думалось мнѣ, согласится на то чувство и признаетъ его, пусть скажетъ мнѣ: «Я твоя! Сердцемъ и душой принадлежу и буду вѣчно принадлежать тебѣ. Но этимъ ты долженъ ограничиться, и если согласишься, то съ этой минуты души наши сольются воедино и навѣки».

Дѣйствительно, я обѣщалъ себѣ согласиться и въ воображеніи своемъ представлялъ, какъ подамъ ей руку и скажу: «Беру тебя и обѣщаю, что ничего болѣе не потребую, что наши отношенія будутъ и останутся чисто духовными но тѣмъ не менѣе буду считать эти наши взаимныя отношенія бракомъ, тебя же своей женой».

Возможенъ ли такой договоръ и прекратитъ ли онъ мои мученія? Для меня онъ равнялся громадному ограниченію желаній и надеждъ, но зато создавалъ мнѣ міръ, въ которомъ Анеля принадлежала бы мнѣ безраздѣльно. Наряду съ этимъ договоръ узаконивалъ мою любовь, а для меня это было настолько важно, что, ради признанія его Анелей, я готовъ

былъ бы пожертвовать своимъ здоровьемъ. Это можетъ служить доказательствомъ, до чего я любилъ эту женщину и какъ всѣми силами души желаю, чтобы она, какимъ бы то ни было образомъ, принадлежала мнѣ.

Да, я до такой степени измѣнился, что за эту цѣну готовъ былъ бы согласиться на всякія ограниченія.

И вотъ мои мысли сосредоточились на томъ, согласится ли Анеля?

Мнѣ казалось, что она должна согласиться, я точно говорилъ уже ей:

— Если, на самомъ дѣлѣ, ты меня любишь, скажи сама, не все ли равно, выскажешь ли это словами, или нѣтъ. Что можетъ быть благороднѣе и священнѣе любви, которую я у тебя прошу? Я и такъ отдаю тебѣ жизнь, ибо иначе не могу, а потому и спроси собственную совѣсть, не должна ли ты признать хотя это? Вѣдь, таковы же были отношенія Беатриче къ Данту. Такимъ чувствомъ можно любить даже ангеламъ. Ты будешь мнѣ близка такъ, какъ только можетъ быть близка душа другой душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далека, какъ будто ты живешь на самой высокой изъ горныхъ вершинъ. Если это любовь неземная, если обыкновеннымъ людямъ она недоступна, то тѣмъ болѣе не отталкивай ея, ибо признавая ее, ты останешься чистой и незапятнанной, какъ снѣгъ на горныхъ ледникахъ, и спасешь меня, обрѣтешь полный покой и столько счастья, сколько на свѣтѣ его возможно имѣть.

И я чувствовалъ, что во мнѣ есть запасъ силъ на такое, почти мистическое чувство, и вѣрилъ, что изъ этого призрака земной и временной любви родится какой-нибудь вѣчный мотылекъ, который, оторванный отъ условій земного существованія, будетъ летать съ планеты на планету, пока не соединится съ душою всебытія. Впервые у меня явилась мысль, что я и Анеля въ настоящей формѣ можемъ исчезнуть, но любовь наша можетъ насъ пережить и стать нашимъ безсмертіемъ. Кто знаетъ, думалось мнѣ, не есть ли это единственная существующая форма безсмертія, ибо я очень ясно сознавалъ, что въ моемъ чувствѣ есть что-то вѣчное, выдѣляющееся изъ ряда измѣняющихся явленій. Надо чрезвычайно сильно любить, чтобы быть способнымъ къ подобнымъ предчувствіямъ и видѣніямъ, надо, кромѣ того, быть безгранично несчастнымъ, а, быть можетъ, стоять на границѣ безумія.

Я, пожалуй, еще не стою на этой грани, но все чаще погружаюсь въ мистицизмъ и никогда не чувствую себя настолько счастливымъ, какъ въ то время, когда до того ухожу въ свои размышленія, что теряю сознаніе собственнаго *я*. И мнѣ понятно, почему это происходитъ. Моего скептицизма и анализа всегда было бы достаточно для разрушенія всѣхъ основъ жизни и, слѣдовательно, для разрушенія того относительнаго счастья, какое могутъ дать эти основы. Въ тѣхъ же заоблачныхъ странахъ, гдѣ вмѣсто силлогизмовъ являются предчувствія и видѣнія, мнѣ нечего дѣлать съ своимъ анализомъ, и потому я отдыхаю и испытываю необыкновенное облегченіе.

Вотъ въ такомъ состояніи покоя я находился, подъѣзжая къ Гаштейну. Въ своемъ воображеніи я видѣлъ себя и Анелю духовно соединенными навѣки, спокойными, причемъ испытывалъ чувство гордости при мысли, что мнѣ удалось, наконецъ, выбраться изъ заколдованнаго круга, и что мною найденъ путь къ счастью. Во мнѣ была увѣренность, что

Анеля съ радостью протянетъ мнѣ свою милую руку въ знакъ согласія на мое предложеніе.

Внезапно я очнулся точно отъ сна, такъ какъ замѣтилъ, что моя собственная рука совершенно окровавлена. Оказалось, что мой экипажъ перевозилъ раненыхъ при крушеніи на желѣзной дорогѣ. По бокамъ сидѣнья, въ складкахъ было много крови, которой возница не замѣтилъ и не вытеръ. Мой мистицизмъ не доходитъ до того, чтобы вѣрить во вмѣшательство неземныхъ силъ въ человѣческую жизнь, особенно въ формѣ какихъ-нибудь признаковъ, предостереженій и предсказаній. Но если во мнѣ нѣтъ суевѣрія, зато я прекрасно умѣю войти въ кругъ мыслей суевѣрнаго человѣка, а затѣмъ подмѣтить и подчеркнуть все, что есть страннаго въ данномъ случаѣ. Въ эту минуту мнѣ показалось страннымъ то, что въ этомъ самомъ экипажѣ, въ которомъ въ моемъ воображеніи создавались картины новой жизни, быть можетъ, только что угасла какая-нибудь жизнь, а, во-вторыхъ, что о согласіи и покоѣ я думалъ съ окровавленными руками. Подобныя сопоставленія всегда наполняютъ сознаніе каждаго нервнаго человѣка печальными не предчувствіями, но представленіями и могутъ кинуть мрачную тѣнь на цѣлый рядъ его мыслей.

Мои мысли также вскорѣ омрачились бы, если бы не то, что я уже былъ недалеко отъ Вильдбада. Медленно поднимаясь въ гору, я вдругъ замѣтилъ экипажъ, необыкновенно быстро мчавшійся по склону горы. «Опять можетъ случиться несчастье, мелькнуло у меня въ головѣ, особенно потому, что на такой крутой дорогѣ при встрѣчахъ экипажей надо соблюдать большія предосторожности. Но въ эту же минуту возница того экипажа изо всѣхъ силъ затормазилъ колеса, да такъ, что лошади его чуть ли не сразу пошли шагомъ. Внезапно съ необычайнымъ удивленіемъ я замѣтилъ въ экипажѣ тетю и Анелю, которыя, при видѣ меня, стали кричать: «Живъ! живъ! Леонъ! Леонъ!» Въ одинъ моментъ я уже былъ возлѣ нихъ. Тетя, схвативъ руками мою шею и повторяя: «Слава тебѣ, Боже,» дышала такъ тяжело, словно пѣшкомъ бѣжала изъ Вильдбада. Анеля схватила меня за руку и не пускала ея. Вдругъ ужасный испугъ отразился на ея лицѣ, и она крикнула:

— Ты раненъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ отвѣтилъ:

— Ничуть! Меня не было при крушеніи. Я окровавилъ себѣ руки въ коляскѣ, въ которой перевозили раненыхъ.

— Вѣрно? вѣрно?—спрашивала тетя.

— Вѣрнѣе вѣрнаго.

— Какой же это поѣздъ потерпѣлъ крушеніе?

— Тотъ, что шелъ въ Зелль.

— О, Боже! Боже! А въ телеграммѣ было сказано, что вѣнскій! Я чуть не умерла. О, Боже, какое счастье! Слава Богу! слава Богу!

Тетя начала утирать потъ со лба. Анеля была блѣдна, какъ полотно. Отпустивъ теперь мою руку, она повернулась лицомъ въ сторону, чтобы я не могъ замѣтить слезы на ея глазахъ.

— Мы были дома однѣ,—говорила тетя—такъ какъ Кромицкій ушелъ въ Нассфельдъ. Вдругъ приходитъ хозяинъ и разсказываетъ о несчастіѣ на желѣзной дорогѣ. Я знала, что ты сегодня возвращаешься, и

потому, представь себѣ, что со мной происходило! Я тотчасъ послала хозяина за экипажемъ; добрая Анеля не хотѣла пустить меня одну... Ахъ, что за минуты намъ пришлось пережить, но Богъ милостивъ, все кончилось однимъ страхомъ... Видѣлъ ты раненыхъ?

Я расцѣловалъ руки Анелѣ и тетѣ, послѣ чего сталъ разсказывать о томъ, что видѣлъ въ Лендъ-Гаштейнѣ. Оказалось, что въ телеграммѣ, присланной въ кургаузъ, было слѣдующее: «Въ Лендъ-Гаштейнѣ масса раненыхъ и убитыхъ». Изъ этого всѣ заключили, что крушеніе произошло на линіи Вѣна—Зальцбургъ. Я разсказывалъ черезъ пятое въ десятое, такъ какъ въ головѣ у меня была одна радостная мысль, что вотъ Анеля не захотѣла ждать дома возвращенія тети и вмѣстѣ съ нею поѣхала мнѣ навстрѣчу. Сдѣлала ли она это только ради тети? Я былъ увѣренъ, что нѣтъ, потому что собственными глазами видѣлъ ея безпокойство, волненіе и страхъ, когда она замѣтила кровь на моихъ рукахъ; видѣлъ ея прояснившееся, полное радости лицо, когда оказалось, что я даже не былъ свидѣтелемъ крушенія, и, наконецъ, видѣлъ, какъ она была взволнована, и какъ ей хотѣлось плакать отъ счастья. Анеля даже, навѣрно, расплакалась бы, если бы я взялъ ее за руки и сказалъ ей, что люблю ее, и, по всей вѣроятности, не отняла бы своихъ рукъ. А когда все это стало ясно, какъ день, то мнѣ показалось, что наступилъ конецъ моей мукѣ, что съ этой минуты наступитъ переломъ въ моей жизни, и для меня начнется новый періодъ существованія. Не пытаюсь даже описать, что я чувствовалъ тогда, и какая радость тѣснилась въ моей груди. Время отъ времени я окидывалъ ее взоромъ, въ которомъ старался сосредоточить всю мою безграничную любовь, а она улыбалась мнѣ. Анеля была безъ перчатокъ и пальто; повидимому, въ испугѣ и поспѣшности забыла обо всемъ. Въ виду того, что становилось холодно, я покрылъ ее собственнымъ плащемъ. Она немного противилась, но тетя велѣла ей одѣть его.

По возвращеніи нашемъ въ виллу, госпожа П. встрѣтила меня съ такой радостью и сердечностью, какъ будто бы въ случаѣ моей смерти Анеля не была единственной наслѣдницей состоянія Плошовскихъ. Это такія благородныя, честныя женщины, что пришлось бы развѣ со свѣчей искать подобныхъ. Зато не ручаюсь, не вздохнулъ ли тихо Кромицкій, узнавъ, по возвращеніи своемъ изъ Нассфельда, о всемъ происшествіи, и не подумалъ ли, что жизнь на свѣтѣ шла бы обычнымъ порядкомъ и, въ томъ случаѣ, если бы въ немъ не хватало бы одного изъ Плошовскихъ.

Онъ пришелъ измученный и въ кисломъ настроеніи. Бельгійцы, съ которыми онъ ѣздилъ въ Нассфельдъ, были капиталистами изъ Антверпена. Кромицкій нѣсколько разъ назвалъ ихъ идіотами за то, что они довольствуются доходомъ въ три процента отъ своихъ капиталовъ. Въ концѣ концовъ, передъ уходомъ онъ сказалъ мнѣ, что завтра ему надо поговорить со мной объ одномъ важномъ дѣлѣ. Прежде это меня обезпокоило бы, но въ данный моментъ я догадываюсь, что онъ предложитъ мнѣ принять участье въ какихъ-нибудь спекуляціяхъ. Я тотчасъ вызвалъ бы его на этотъ разговоръ, но мнѣ хотѣлось остаться наединѣ съ своими мыслями, съ своимъ счастьемъ, съ своей Анелей въ сердцѣ и

въ душѣ. Предъ тѣмъ, какъ уйти въ свою комнату, я пожалъ ей руку, какъ человѣкъ, который любитъ, а она, въ свою очередь, горячо пожала мою. Неужели ты уже моя на самомъ дѣлѣ?

16 іюля.

Утромъ, едва я успѣлъ одѣться, тетя вошла въ мою комнату и, поздоровавшись со мною, безъ всякихъ вступленій проговорила:

— Знаешь, во время твоего отсутствія, Кромицкій предложилъ мнѣ войти съ нимъ въ компанію въ его торговыхъ оборотахъ.

— Что же вы, тетя, ему отвѣтили?

— Отказала безъ всякихъ размышленій. Я сказала ему такъ: милый мой, у меня по милости Бога денегъ довольно, а Леонъ послѣ моей смерти будетъ принадлежать къ числу самыхъ богатыхъ людей въ нашемъ краѣ. Къ чему намъ пускаться въ какія-то авантюры и искушать Провидѣніе? Если ты путемъ предпріятій заработаешь милліоны, заработай ихъ для себя, если же потеряешь, то съ какой стати намъ терять вмѣстѣ съ тобой? Я не знаю толку въ такого рода дѣлахъ, а у меня нѣтъ обыкновенія браться за дѣла, о которыхъ не имѣю никакого понятія. Развѣ я была не права?

— Вы поступили совершенно правильно.

— Я именно объ этомъ хотѣла съ тобой поговорить и очень рада, что ты точно такъ же смотришь на дѣло. Онъ, видишь ли, немного обидѣлся за то, что я назвала его предпріятія авантюрами, тѣмъ не менѣе сталъ говорить про свои надежды на будущее и подробно объяснять всю эту махинацію. Если все это правда, то, дѣйствительно, онъ заработаетъ милліоны, и я съ своей стороны желаю ему удачи. Но я тотчасъ спросила его: если у тебя все такъ хорошо идетъ, то зачѣмъ тебѣ компаньоны?. Кромицкій сказалъ мнѣ, что чѣмъ болѣе пустить денегъ въ оборотъ, тѣмъ больше будетъ прибыли, что тамъ все дѣлается на широкую ногу, и что онъ предпочитаетъ имѣть компаньонами въ такомъ выгодномъ предпріятіи лучше родственниковъ, чѣмъ постороннихъ людей. Я поблагодарила его за родственныя чувства, но еще разъ отказала. Повидимому, это было ему очень непріятно. Онъ началъ жаловаться, что никто у насъ не знаетъ толку въ дѣлахъ, а всѣ только проѣдаютъ то, что унаслѣдовали, и, въ концѣ концовъ, безъ обиняковъ высказалъ, что это даже грѣшно по отношенію къ обществу, но это меня разсердило. «Мой милый, — сказала я ему,—я хозяйничала по-женски, но гроша не потеряла и еще пріумножила состояніе, а о грѣхахъ по отношенію къ обществу, если кому и можно говорить, то, во всякомъ случаѣ, не тебѣ, который продалъ Глуховъ. Ты хотѣлъ правды, такъ получи ее. Если бы ты не продалъ Глухова, я относилась бы къ тебѣ съ большимъ довѣріемъ. О твоихъ предпріятіяхъ мнѣ только ничего не извѣстно, но они для всѣхъ совершенно темны; я одно только вижу ясно, что если бы, они, дѣйствительно, были такъ хороши, какъ ты говоришь, то ты бы не искалъ компаньоновъ и не принялъ бы такъ близко къ сердцу моего отказа. Ищешь компаньоновъ, потому, что они тебѣ самому нужны, но и за минуту передъ тѣмъ ты не былъ со мною вполнѣ откровененъ, а я этого не люблю».

— Что же онъ?

— Кромицкій отвѣтилъ мнѣ на это, что прежде всего ему не по-

нятно, почему на него падаетъ отвѣтственность за продажу Глухова. Глуховъ выпустилъ изъ рукъ не онъ, а тѣ, кто вслѣдствіе отсутствія ума, вслѣдствіе лѣни и расточительности сдѣлали продажу его необходимой, неизбѣжной. Анеля, выходя за него замужъ, имѣла только долги. Онъ спасъ столько, сколько никто иной не сумѣлъ бы спасти, и за это, вмѣсто благодарности, ему приходится выслушивать выговоры и...обожди... какъ онъ выразился?.. да!.. и патетическую декламацію.

— Это неправда,—замѣтилъ я—Глуховъ можно было спасти.

— Я то же самое ему сказала, а вдобавокъ еще и то, что на Глуховъ дала бы въ долгъ денегъ. «Ты могъ, добавила я, до продажи написать хотя нѣсколько словъ Анелѣ, чтобы она со мной объ этомъ переговорила, и, видитъ Богъ, колебалась ли бы я хотя одну минуту... Но это твоя система, дѣлать такъ, чтобы никто ничего не зналъ. Мы всѣ вѣрили въ твои милліоны, и оттого я не предложила тебѣ своей помощи». Кромицкій иронически засмѣялся и сказалъ: «Анеля слишкомъ большая барыня и слишкомъ идеальное существо, чтобы снизойти къ такимъ мелочамъ, какъ денежныя дѣла или какъ переговоры въ интересахъ мужа. Теперь я два раза просилъ ее переговорить съ вами по вопросу о вашемъ участіи въ спекуляціяхъ, и она дважды рѣшительно мнѣ отказала. Что же касается спасенія Глухова, то теперь легко говорить, когда возможность спасти его миновала. Судя по вашему отказу въ настоящемъ дѣлѣ, я имѣю право сомнѣваться, не произошло ли бы то же самое и со спасеніемъ Глухова».

Я съ интересомъ слушалъ разсказъ тети, такъ какъ теперь мнѣ стали понятны всѣ недоразумѣнія между Кромицкимъ и Анелей.

Тетя между тѣмъ продолжала:

— Услыхавъ это, я сказала: «Видишь ли, какъ мало въ тебѣ искренности; ты сначала говорилъ мнѣ, что оттого предлагаешь мнѣ войти въ компанію, что предпочитаешь дать возможность нажить деньги лучше родственникамъ, чѣмъ постороннимъ людямъ, а теперь оказывается, что въ этомъ играетъ роль твой личный интересъ». Кромицкій, какъ человѣкъ шустрый и ловкій, отвѣтилъ мнѣ, что въ такого рода дѣлахъ выгода должна быть обоюдная, и что вполнѣ естественно, что для него очень важно имѣть въ своемъ распоряженіи, какъ можно, больше денегъ такъ какъ, чѣмъ шире дѣла, тѣмъ они вѣрнѣе. «Впрочемъ, добавилъ онъ, взявъ Анелю безъ приданаго, я надѣялся, что могу разсчитывать на помощь ея родни, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ эта помощь можетъ быть выгодной и самой семьѣ». Кромицкій былъ очень золъ и особенно разсердился, когда я ему замѣтила, что Анелю онъ взялъ не безъ приданаго, да и къ тому же еще она получитъ отъ меня пожизненную ренту.

— Вы такъ сказали?

— Да. Я высказала все, что у меня было на сердцѣ. «Анелю люблю,—сказала я,—какъ свое родное дитя, и вотъ, чтобы ее обезпечить, дамъ ей не капиталъ, а ренту. Капиталъ могъ бы пропасть въ твоихъ предпріятіяхъ, которыя, Богъ знаетъ, будутъ ли удачны или нѣтъ, а рента, по крайней мѣрѣ, обезпечитъ Анелю на всю жизнь. Если у васъ будутъ дѣти, то они получатъ капиталъ послѣ смерти Анели, и вотъ моя

главная помощь, но, кромѣ этого, я готова оказывать вамъ всякія менѣе значительныя услуги».

— И этимъ кончился разговоръ?

— Почти этимъ. Повидимому, онъ былъ очень раздраженъ. Я полагаю, его особенно злило то, что Анеля получитъ ренту, а не капиталъ, такъ какъ изъ этого онъ могъ заключить, какъ мало я довѣряю его предпріятіямъ. Уходя, Кромицкій заявилъ, что постарается найти компаньоновъ среди чужихъ, ибо полагаетъ, что найдетъ у нихъ не меньше сочувствія и болѣе ясное пониманіе собственныхъ интересовъ. Я терпѣливо выслушала его послѣднія слова. Вчера Кромицкій предпринялъ поѣздку съ бельгійцами, но вернулся очень недовольный ею. Я догадываюсь, что ему хотѣлось втянуть ихъ въ компанію, но, очевидно, ничего не удалось. Знаешь, Леонъ, что я теперь думаю. Должно быть, дѣла дурно идутъ, коль скоро онъ такъ лихорадочно ищетъ компаньоновъ. И скажу тебѣ, что эта мысль меня мучаетъ, такъ какъ, если дѣла идутъ скверно, то простая осторожность повелѣваетъ не принимать его предложенія, но зато родственная обязанность требуетъ помочь ему; хотя бы ради Анели. Вотъ, именно, по этому поводу мнѣ хотѣлось съ тобой поговорить.

— Его дѣла не въ такомъ ужъ отчаянномъ положеніи,—отвѣтилъ я,—какъ вы, тетя, полагаете.

И я сталъ разсказывать о томъ, что узналъ отъ доктора Хвастовскаго. Между прочимъ, сказалъ, что уже давно догадался, что Кромицкій ищетъ денегъ, нуждается въ нихъ, и что отчасти ради этого я ѣздилъ въ Вѣну. Тетя такъ была восхищена моей проницательностью и тактикой, что, по обыкновенію, прохаживаясь по комнатѣ, стала говорить сама съ собой, начавъ монологъ неизмѣннымъ: «Во всемъ геніаленъ...» а въ концѣ концовъ, заявила, что предоставляетъ все дѣло на мое усмотрѣніе и сдѣлаетъ такъ, какъ я рѣшу.

Сказавъ это, она сошла внизъ, я же, просмотрѣвъ еще разъ все, записанное мною вчера въ дневникѣ, спустя полчаса послѣдовалъ за нею. Я засталъ все общество за чаемъ, но едва успѣлъ окинуть взглядомъ лица присутствующихъ, какъ тотчасъ замѣтилъ, что опять случилось что-то необыкновенное, такъ какъ на лицѣ Анели отражался какъ бы испугъ, госпожа П. казалась страдающей, а доброе лицо тети покраснѣло отъ гнѣва. Одинъ Кромицкій какъ будто спокойно читалъ газету, но и онъ былъ кислый и выглядѣлъ дурно, точно послѣ болѣзни.

— Знаешь ли,—проговорила тетя, указывая на Анелю,—что она заявила мнѣ сегодня, привѣтствуя меня съ добрымъ утромъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ я, садясь за столъ.

— Ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что недѣли черезъ двѣ, если здоровье Целины будетъ удовлетворительно, всѣ они уѣдутъ куда-то въ Одессу или еще дальше.

Если бы молнія въ эту минуту ударила въ столъ, то она изумила бы и испугала бы меня не болѣе, чѣмъ это извѣстіе. Въ первую минуту у меня, положительно, замерло сердце.

Я взглянулъ на Анелю, которая покраснѣла, будто уличенная въ какомъ-нибудь недостойномъ поступкѣ, и, наконецъ, сталъ спрашивать: «Что? куда? почему?

— Понимаешь-ли «онѣ причиняютъ мнѣ много хлопотъ въ Плошовѣ,—говорила тетя, передразнивая Анелю,—и не хотятъ обременять меня»—милосердныя души! Онѣ, очевидно, думаютъ, что мнѣ нужно одиночество, и если тебѣ случится куда-нибудь уѣхать, а я подъ старость останусь одна среди четырехъ стѣнъ въ Плошовѣ, то мнѣ отъ этого будетъ веселѣе. Вмѣсто того чтобы спать, онѣ совѣщались объ этомъ всю ночь.

Тутъ тетя еще болѣе разсердилась и, обратившись къ Кромицкому, спросила:

— Ужъ не былъ ли ты предсѣдателемъ на этомъ совѣщаніи?

— Ничуть,—отвѣтилъ Кромицкій,—меня вовсе не приглашали, но такъ какъ предполагаю, что моя супруга рѣшила уѣхать еще и для того, чтобы быть ближе ко мнѣ, то мнѣ остается только быть благодарнымъ ей за такое рѣшеніе.

— Это только проектъ,—проговорила Анеля.

Я, забывъ всякія предосторожности, все время смотрѣлъ на нее, она же не смѣла поднять глазъ, что меня еще болѣе утверждало въ убѣжденіи, что главнымъ образомъ моя особа была причиной такого плана. У меня не хватаетъ словъ для описанія того, что чувствовалъ я въ эту минуту, и какая смертельная горечь залила мое сердце. Анеля хорошо знала, что я живу только для нея, существую только ею, что всѣ мои мысли принадлежатъ ей, что она является для меня вопросомъ жизни или смерти, и, не смотря на это, съ полнымъ спокойствіемъ рѣшила уѣхать. А погибну ли я или разобью голову о стѣну, объ этомъ она не подумала. Такія вещи не принимаются во вниманіе. Анеля будетъ спокойнѣе, никто не будетъ вертѣться на ея глазахъ, какъ майскій жукъ на булавкѣ, никто не будетъ цѣловать ея ноги, тревожить ея добродѣтельную совѣсть, а, вѣдь, это собственно все, что ей нужно. Возможно ли колебаться, когда такое великолѣпное спокойствіе покупается за такую ничтожную цѣну, какъ ударъ ножомъ человѣку.

Подобныя мысли тысячами мелькали въ моей головѣ. «Ты добродѣтельна и останешься добродѣтельной,—говорилъ я въ душѣ Анелѣ,—но оттого, что у тебя нѣтъ сердца. Если бы собака такъ была привязана къ тебѣ, какъ я, то и она заслуживала бы къ себѣ иного отношенія. Ты никогда не сдѣлала мнѣ ни малѣйшей уступки, никогда не выказала мнѣ искры состраданія, никогда ничего не дала, наоборотъ, всегда лишала всего, чего только можно было лишить. Если бы ты могла, то лишила бы меня возможности даже смотрѣть на тебя, хотя бы была увѣрена, что безъ твоего лицезрѣнія глаза мои угаснутъ разъ навсегда. Но теперь, наконецъ, я хорошо понимаю, теперь знаю, что твоя твердость, именно, потому такъ велика, что сердце твое такъ мало. Ты—сухая, холодная женщина, а добродѣтель твоя не что иное, какъ въ высокой степени эгоизмъ, который заставляетъ тебя прежде всего оставаться спокойной и ради этого спокойствія жертвовать всѣмъ».

За все время завтрака я не проронилъ ни слова. Уйдя къ себѣ наверхъ, я схватился за голову и сталъ раздумывать своимъ наболѣвшимъ, измученнымъ мозгомъ надъ тѣмъ, что произошло. Однако, мысли мои не утрачивали горечи. Женщины съ маленькимъ сердцемъ очень

часто остаются твердыми вслѣдствіе извѣстнаго филистерства добродѣтели. Имъ, какъ первому встрѣчному торговцу, прежде всего хочется содержать въ порядкѣ свои приходорасходныя книги. Онѣ такъ боятся любви, какъ episier boi уличныхъ волненій, войны, великихъ словъ, дерзновенныхъ мыслей, экзальтированныхъ головъ, смѣлыхъ плановъ и полетовъ. Для нихъ дороже всего спокойствіе, ибо только при спокойствіи хорошо идутъ настоящія положительныя дѣла. Но что превышаетъ обыкновенную, благоразумную и вмѣстѣ съ тѣмъ ординарную мѣрку жизни, есть зло и заслуживаетъ презрѣнія разсудительныхъ людей. Въ добродѣтели есть свои горы и бездны, но есть также и плоскости. Я занялся теперь вопросомъ чрезвычайно мучительнымъ, не принадлежитъ ли Анеля къ такимъ плоско-добродѣтельнымъ женщинамъ, которыя хотятъ, чтобы у нихъ въ душѣ все было въ безусловно купеческомъ порядкѣ, и оттого не поддаются любви, что это есть нѣчто, перерастающее мѣрку ихъ сердецъ и головъ. Бросивъ ретроспективный взглядъ на прошлое, я искалъ въ немъ доказательствъ. Кто знаетъ,—говорилъ я себѣ—не зиждется-ли ея простой, такъ обезсиливающій и угнетающій меня кодексъ именно на этомъ основаніи? Ибо мнѣ не разъ казалось, что это дѣйствительно какая-то исключительная натура, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ женщинъ, недоступная, какъ снѣжная альпійская вершина, лишенная покатостей и потому перпендикулярно поднимающаяся къ небу. И вотъ эта исключительная, стремящаяся въ высь натура считаетъ вполнѣ естественнымъ то, что туфли мужа топчутъ тѣ чистые блестящіе снѣга. Что же это такое? Когда подобныя мысли овладѣваютъ мною, я чувствую себя близкимъ къ безумію, прихожу въ бѣшенство и, если бы мнѣ было возможно однимъ ударомъ свалить, а затѣмъ растоптать и оплевать эти омерзительныя формы жизни, я бы свалилъ, растопталъ, оплевалъ ихъ, погрузилъ бы въ хаосъ весь міръ и даже стеръ бы съ его поверхности всякіе слѣды жизни. Возвращаясь изъ Вѣны, я создавалъ какіе то неземные чертоги, въ которыхъ надѣялся любить Анелю такой любовью, какою Дантъ любилъ Беатриче; создавалъ ихъ изъ страданій, въ которыхъ любовь моя очистилась, какъ въ огнѣ, изъ самоотреченія, изъ жертвъ, лишь бы только какимъ-бы то ни было образомъ, хотя бы неземнымъ, хотя бы ангельскимъ, принадлежать ей и чувствовать, что она, въ свою очередь, принадлежитъ мнѣ. А теперь у меня мелькаетъ мысль, что даже не стоитъ говорить ей объ этомъ, такъ какъ она не понимаетъ этого, что не стоитъ вознести ее на ту высоту, ибо тамъ ей нельзя и не чѣмъ будетъ дышать. Быть можетъ, Анеля въ душѣ согласилась бы на то, чтобы я ее любилъ и страдалъ, потому что это всегда льститъ самолюбію, но ни на какой договоръ, ни на какую связь, даже наиболѣе духовную, хотя бы данговскую, она не согласится, ибо понимаетъ одну только связь и одни права,—а именно тѣ, какія даетъ халатъ мужа, и душа ея не въ состояніи вознестись надъ плоской и ничтожной супружеской бухгалтеріей.

Меня охватило великое, искреннее и сильное сожалѣніе, что я не былъ въ томъ поѣздѣ, который упалъ съ насыпи. Сожалѣніе это вытекало какъ изъ глубокаго возмущенія жестокостью Анели, такъ равно изъ утомленія, превышающаго духовныя и физическія силы. Смерть казалась

мнѣ столь желанной, какъ кажется желаннымъ отдыхъ тому, кто провелъ у ложа дорогого больного много безсонныхъ ночей. Но приэтомъ я подумалъ, что если бы меня окровавленнаго привезли въ Гаштейнъ, то, быть можетъ, въ этой женщинѣ что нибудь шевельнулось бы. И даже въ данный моментъ меня интересовало это болѣе, чѣмъ все остальное. Думая объ этомъ, я внезапно вспомнилъ ту, вчерашнюю, Анелю, которая поѣхала съ тетей мнѣ навстрѣчу, вспомнилъ ея испугъ, а затѣмъ радость, ея глаза, въ которыхъ тѣснились слезы, ея разметавшіеся волосы, и опять мною овладѣла любовь, безграничная, пересиливающая всякіе выводы и разсужденія. Это была бурная минутная реакція сердца, въ которое, впрочемъ, тотчасъ проникъ ядъ сомнѣній. Все то, что я видѣлъ въ экипажѣ и на дорогѣ въ Гаштейнъ, могло быть объяснено иначе.

Кто знаетъ моя ли личность или личность тети играла въ этомъ большую роль? Впрочемъ, впечатлительныя женщины всегда имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый запасъ сочувствія, даже къ постороннимъ, а не только къ родственникамъ, особенно, когда какая-нибудь катастрофа поражаетъ ихъ неожиданно. Почему же и Анеля не могла быть испугана извѣстіемъ о моей смерти, а затѣмъ обрадоваться, увидѣвъ меня живымъ? Если бы вмѣсто нея гостила у тети Снятыньская, то и она, по всей вѣроятности, тоже испугалась бы, а потомъ также обрадовалась бы, и я увидѣлъ бы ее тоже безъ перчатокъ, безъ шляпы и съ растрепавшимися волосами. Мнѣ казалось, что въ этомъ отношеніи мнѣ не зачѣмъ обманывать себя. Анеля хорошо знала, что ея отъѣздъ для меня будетъ большей и, положительно, болѣе опасной катастрофой, чѣмъ всякое увѣчье и даже смерть въ поѣздѣ, и, однако, не поколебалась ни на одну минуту. Я прекрасно чувствовалъ, что это ея планъ. Ей просто хотѣлось быть ближе къ супругу, а что случится со мной, не было принято въ разсчетъ.

И снова я почувствовалъ, что блѣднѣю отъ гнѣва, зависти, возмущенія, и что одинъ только шагъ отдѣляетъ меня отъ безумія. «Обожди,— говорилъ я самому себѣ, прижимая руки къ вискамъ—обожди!.. Быть можетъ, Анеля уѣзжаетъ потому, что тебя любитъ и чувствуетъ, что далѣе не въ состояніи противиться тебѣ?..» Да, и такія мысли были во мнѣ, но, увы, онѣ не нашли въ эту минуту соотвѣтственной почвы и погибли, какъ тѣ сѣмена, которыя падаютъ на скалы, и только расшевелили отчаянную иронію. «Да,—говорилъ я въ душѣ—эта любовь похожа на ту заботливость, съ которой вытаскиваютъ у умирающаго изъ-подъ головы подушку, чтобы онъ не такъ громко храпѣлъ и не слишкомъ долго мучился. Я буду меньше мучиться, а зато Кромицкому будетъ легче уѣзжать съ утѣшеніемъ, котораго это идеальное существо привыкло ждать отъ мужа».

И Анеля въ эту минуту стала мнѣ ненавистной. Въ первый разъ въ жизни я почувствовалъ, что предпочелъ бы, если бы она на самомъ дѣлѣ любила Кромицкаго, чтобы она была для меня менѣе отвратительной! Гнѣвъ и злоба лишали меня сознанія, мнѣ было ясно только одно: что если я чего-нибудь не сдѣлаю, если не отомщу ей какимъ бы то ни было образомъ, то со мною случится что-нибудь страшное. Подъ вліяніемъ этой мысли, я вскочилъ какъ бы отъ прикосновенія къ моему тѣлу раскаленнаго желѣза и, схвативъ шляпу, выбѣжалъ искать Кромицкаго.

Не найдя его ни дома, ни въ саду, я пошелъ въ Вандельбанъ, потомъ въ библіотеку, но и тамъ его не было. На минуту я пріостановился на мостикѣ у водопадовъ, раздумывая, гдѣ бы его найти. Вѣтеръ дулъ со стороны каскадовъ и обдавалъ мое лицо мелкой водяной пылью. Это мнѣ доставляло громадное облегченіе и удовольствіе. Снявъ шляпу, я подставилъ голову подъ ту водяную пыль, и вскорѣ волосы мои сдѣлались совершенно влажными. Я ощущалъ какое-то животное наслажденіе въ этой прохладѣ, и спустя немного пришелъ въ себя. Мнѣ теперь хотѣлось только помѣшать планамъ Анели. Я какъ бы говорилъ ей: «Знай, что ты не поѣдешь, а потомъ я буду съ тобой обращаться, какъ человѣкъ, который тебя оплатилъ». Предо мной ясно представлялись способы, которые могли меня привести къ цѣли, и я не опасался за себя, что сдѣлаю какую-нибудь глупость, разговаривая съ Кромицкимъ. Въ этомъ отношеніи, мнѣ удалось совершенно овладѣть собою.

Я нашелъ Кромицкаго за чтеніемъ газеты предъ отелемъ Штраубингера. Увидѣвъ меня, онъ откинулъ свой монокль и проговорилъ:

— Вотъ кстати! Я только что хотѣлъ идти къ тебѣ.

— Пойдемъ на Кайзервегъ.

И мы пошли.

Не ожидая, пока Кромицкій начнетъ, я первый приступилъ къ дѣлу.

— Тетя говорила мнѣ,—сказалъ я—о вашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Я жалѣю, что онъ происходилъ, — отвѣтилъ Кромицкій.

— Потому что вы оба не говорили такъ спокойно, какъ слѣдуетъ говорить о дѣлахъ. Позволь мнѣ быть съ тобой совершенно откровеннымъ. Тетю надо знать. Она честнѣйшая въ мірѣ женщина, но у нея есть одна слабость, впрочемъ, вполнѣ понятная. Обладая, дѣйствительно, большимъ, трезвымъ умомъ, тетя любитъ подчеркнуть это, и оттого на все предпочитаетъ смотрѣть съ недовѣріемъ, хотя бы нѣсколько преувеличеннымъ. Вслѣдствіе той же причины она сразу чаще всего отвѣчаетъ въ отрицательномъ смыслѣ. Старый Хвастовскій могъ бы тебѣ объ этомъ кой-что сказать. Надо дать ей время подумать, а прежде всего не раздражать ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ она становится еще болѣе упорной, ты же не умѣлъ этого избѣжать.

— Но чѣмъ же я могъ ее раздражить?.. Ужъ кто-кто, а я то, кажется, умѣю говорить о дѣлахъ.

— Ты дурно поступилъ, напомнивъ, что взялъ Анелю безъ приданаго. Тетя до сихъ поръ за это сердится.

— Я сказалъ это лишь тогда, когда она стала упрекать меня въ продажѣ Глухова. Впрочемъ, я сказалъ правду. Глуховъ такъ былъ обремененъ долгами, что Анеля ничего бы изъ него не получила.

— Собственно говоря, зачѣмъ ты продалъ этотъ несчастный Глуховъ?

— Потому что этимъ я могъ привлечь на свою сторону одно лицо, отъ котораго зависитъ все мое будущее благосостояніе, а, слѣдовательно, зависитъ вся моя судьба. Когда нѣтъ выбора, то дѣлается то, что приходится дѣлать, не правда ли? Кромѣ того, мнѣ дали хорошую цѣну.

— Дѣло не въ томъ. Тетю задѣли твои слова оттого, что она думаетъ объ Анелѣ.

— Она хочетъ дать ей ренту.

— Скажу тебѣ подъ секретомъ, что это неправда. Я знаю, что тетя такъ тебѣ сказала собственно потому, что ты ее разсердилъ. Она этимъ хотѣла дать тебѣ понять, что не вѣритъ въ твою дѣловитость. На самомъ дѣлѣ, это не такъ. Она со мной не разъ говорила по этому поводу, и я, какъ будущій ея наслѣдникъ, знаю лучше, чѣмъ кто-либо другой.

Кромицкій пристально взглянулъ на меня.

— Но, вѣдь, благодаря этому уменьшается твое наслѣдство.

— Да,—отвѣтилъ я,—но я даже и въ настоящее время не проживаю всѣхъ своихъ доходовъ и такимъ образомъ могу объ этомъ говорить вполнѣ хладнокровно. Тебя, какъ человѣка дѣла, это, можетъ быть, удивляетъ. Если ты не можешь объяснить себѣ этого иначе, то допусти, что я оригиналъ. Бываютъ и такіе на свѣтѣ. Такъ, вотъ заявляю тебѣ, что, во-первыхъ, не думаю ограничивать щедрости тети, а, во-вторыхъ, что знаю съ увѣренностью, что тетя намѣрена дать Анелѣ не ренту, а просто наличныя. Натурально, въ данномъ случаѣ мое вліяніе на тетю могло бы сыграть важную роль, но заранѣе тебѣ скажу, хочешь, вѣрь, хочешь, не вѣрь, что окажу ее скорѣе въ твою пользу, чѣмъ во вредъ.

Кромицкій крѣпко пожалъ мнѣ руку. При этомъ плечи его двигались, ну, совершенно такъ, какъ плечи деревяннаго манекена. Онъ, положительно, возбуждалъ во мнѣ отвращеніе. Я предполагаю, что Кромицкій счелъ меня скорѣе глупцомъ чѣмъ чудакомъ, но повѣрилъ мнѣ, а это для меня теперь важнѣе всего. Впрочемъ, вѣритъ онъ не тщетно, такъ какъ въ эту минуту я окончательно рѣшилъ, что Анеля получитъ наличными, а не ренту.

Для меня было почти очевидно, что Кромицкому очень хочется спросить меня: сколько? и когда? Однако, онъ тотчасъ понялъ, что такого рода вопросъ былъ бы слишкомъ неделикатенъ, и потому молчалъ, какъ бы отъ волненія, я же продолжалъ:

— Вамъ только обоимъ надо помнить, что съ тетей надо поступать тактично. Что тетя намѣрена дать приданое Анелѣ, за это я могу тебѣ поручиться, но пока окончательно она не выложитъ денегъ на столъ, а ты ихъ не возьмешь, все зависитъ отъ ея воли и даже отъ каприза. Между тѣмъ, что вы дѣлаете? Вчера ты ее разсердилъ, а сегодня Анеля. Какъ будущему наслѣднику, мнѣ слѣдовало бы радоваться этому и не предостерегать васъ, однако, ты видишь, что я поступаю наоборотъ. Тетѣ причинилъ большое неудовольствіе планъ Анели, она обратилась къ тебѣ какъ бы съ упрекомъ и выговоромъ, но втайнѣ съ надеждой, что ты станешь на ея сторону, а ты какъ будто подтвердилъ ихъ планъ.

— Дорогой мой,—проговорилъ Кромицкій, опять пожимая мнѣ руку,— скажу тебѣ откровенно, что если я какъ будто подтвердилъ, то отчасти со злости на тетю. Въ сущности, проектъ Анели и ея матери неразумный. Чего никогда я не могъ переносить, такъ это экзальтаціи, а у нихъ обѣихъ ея масса. Имъ постоянно кажется, что онѣ злоупотребляютъ вашимъ гостепріимствомъ, что нельзя вѣчно сидѣть въ Плошовѣ и все въ такомъ родѣ. У меня это вотъ гдѣ сидитъ... Между тѣмъ дѣло обстоитъ такъ. Вѣдь, нельзя же мнѣ взять ихъ въ Туркестанъ, а коль скоро я тамъ долженъ быть, то будетъ ли жить Анеля въ Одессѣ или въ Варшавѣ, для меня это, рѣшительно, все равно. Когда я покончу съ дѣлами на востокѣ и, насколько

надѣюсь, покончу болѣе, чѣмъ удачно, тогда, конечно, устроюсь соотвѣтственно своему общественному положенію и состоянію. Наступитъ это самое большее черезъ годъ. Уже за одну переуступку своего дѣла мнѣ придется получить солидный кушъ.. Натурально, что если бы не было Плошова, то, конечно, я долженъ былъ бы подумать, гдѣ бы устроить Анелю и ея мать, но коль скоро тетя предлагаетъ имъ воспользоваться ея гостепріимствомъ и сама желаетъ, чтобы онѣ у нея жили, было бы просто глупостью поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Моя теща всего нѣсколько недѣль какъ поправилась. Кто знаетъ, что будетъ, а вдругъ ей сдѣлалось бы худо, тогда все обрушилось бы на Анелю, которая еще молода и неопытна. Теперь мнѣ, абсолютно, нельзя быть при нихъ. Я здѣсь и такъ уже сижу, точно на угольяхъ, и, разъ мы говоримъ откровенно, то скажу тебѣ, что меня здѣсь удерживала только надежда на то, что удастся уговорить тебя или тетю сдѣлаться участниками въ моемъ предпріятіи. Я высказалъ тебѣ все, что думалъ, а теперь скажи ты, могу ли я въ этомъ отношеніи разсчитывать на васъ?

Я свободнѣе вздохнулъ.

Планъ Анели рухнулъ.

Сердце мое забилось радостью, такъ какъ я поставилъ на своемъ. Наряду съ этимъ, хотя любовь моя къ Анелѣ въ эту минуту была похожа на глубокую ненависть, тѣмъ не менѣе ненависть эта, составлявшая теперь исключительное основаніе моей жизни, нуждалась такъ же, какъ и любовь, въ пищѣ. Такою пищею для нея могло быть только присутствіе Анели. Наконецъ, можно было вполнѣ заключить изъ словъ Кромицкаго, что мнѣ удастся достигнуть того, что было самымъ горячимъ моимъ желаніемъ, то есть, избавиться отъ него на болѣе или менѣе неопредѣленное время. Я, однако, не выказалъ ни малѣйшаго волненія, ибо полагалъ, что будетъ лучше не спѣшить съ согласіемъ и заставить Кромицкаго просить меня. Съ этой цѣлью я сказалъ:

— Ничего я не могу тебѣ напередъ сказать. Прежде всего обстоятельно представь мнѣ положеніе твоихъ дѣлъ.

Кромицкій началъ говорить и говорилъ даже съ нѣкоторой страстностью, доказывавшей, что такого рода разговоры составляютъ его любимую тему. Ежеминутно онъ останавливался и хваталъ меня за пуговицу или прижималъ къ стѣнѣ. Сказавъ что-нибудь, что ему казалось очень убѣдительнымъ, онъ съ поразительной быстротой надѣвалъ монокль и смотрѣлъ на меня, какъ бы желая узнать, какое впечатлѣніе производятъ его слова. Все это, въ соединеніи съ его деревяннымъ скрипучимъ голосомъ и съ вопросами: «что? что?», которыми Кромицкій безпрестанно закидывалъ меня, было просто невыносимо, но надо отдать ему справедливость въ томъ, что онъ не сочинялъ, а говорилъ приблизительно то же самое, что заключалось въ письмѣ молодого Хвастовскаго. Дѣла находились въ такомъ положеніи: очень значительныя суммы пошли въ оборотъ, доходъ могъ быть большой, тѣмъ болѣе, что въ силу контракта Кромицкому предоставлялось исключительное право на извѣстныя поставки. Опасность заключалась въ томъ, что пущенные въ дѣло капиталы возвращались, послѣ длинной канцелярской процедуры, слѣдовательно, медленно, а, во-вторыхъ, что Кромицкій имѣлъ дѣло съ множествомъ другихъ постав-

щиковъ, въ интересѣ которыхъ было доставлять ему матеріалъ самый худшій, вся же отвѣтственность лежала на немъ. Этотъ послѣдній пунктъ отдавалъ его во власть интендантства, которое, впрочемъ, имѣло полное право принимать только хорошій матеріалъ. Богъ знаетъ, какая опасность могла вслѣдствіе этого угрожать Кромицкому.

Выслушавъ его разсказъ, который продолжался около часа, я замѣтилъ ему:

— Принимая во вниманіе все, что ты сказалъ, ни я, ни тетя не можемъ сдѣлаться твоими компаньонами...

Лицо Кромицкаго въ одну минуту пожелтѣло.

— Скажи, почему?

— Потому, что если ты, не смотря на всѣ предосторожности, не избѣжишь процесса, то мы съ своей стороны не имѣемъ ни малѣйшаго желанія фигурировать въ немъ.

— Разсуждая такимъ образомъ, нельзя было бы начать ни одного дѣла.

— Да намъ нѣтъ никакой надобности начинать. Ты хочешь, чтобы мы приняли участіе въ твоемъ дѣлѣ? Скажи мнѣ, какой намъ слѣдовало бы дать капиталъ?

— Что тутъ объ этомъ говорить... Впрочемъ, если бы вы могли дать, хотя бы семьдесятъ пять тысячъ рублей...

— Нѣтъ, мы не дадимъ и не считаемъ себя обязанными дать. Однако, въ виду того, что ты нашъ родственникъ, или, вѣрнѣе, сдѣлался нашимъ родственникомъ, то мнѣ хочется тебѣ помочь. Короче говоря, я тебѣ дамъ взаймы семьдесятъ пять тысячъ рублей подъ обыкновенный купеческій вексель...

Кромицкій остановился и сталъ смотрѣть на меня, моргая глазами, какъ человѣкъ, которому что-то снится или чудится. Но это продолжалось одну минуту. Очевидно, ему пришло въ голову, что съ его стороны было бы не политично выказать слишкомъ большую радость. Купеческая предусмотрительность, впрочемъ, по отношенію ко мнѣ и смѣшная, и излишняя, взяла въ немъ верхъ; онъ ограничился тѣмъ, что пожалъ мнѣ руку и проговорилъ:

— Спасибо тебѣ. Сколько процентовъ?

— Объ этомъ поговоримъ дома. Теперь мнѣ надо вернуться и переговорить съ тетей.

И я тотчасъ съ нимъ простился. Возвращаясь, я раздумывалъ, не покажется ли Кромицкому слишкомъ страннымъ мой поступокъ, и не догадается ли онъ о чемъ-нибудь? Но это было напрасное опасеніе. Мужей большей частью ослѣпляетъ не любовь женъ, но собственное самолюбіе. Притомъ Кромицкій, глядя на насъ съ купеческой точки зрѣнія, считаетъ меня и тетю фантазерами, не имѣющими никакого понятія о дѣлахъ и, кромѣ того, насквозь проникнутыми какими-то устарѣлыми принципами, къ числу которыхъ принадлежитъ и сознаніе родственной солидарности. Это, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ типъ, совершенно отличающійся отъ насъ, и вслѣдствіе этого мы невольно считаемъ его пришельцемъ.

Вернувшись въ виллу, я встрѣтилъ въ саду Анелю, покупавшую у мѣстной крестьянки землянику. Проходя мимо, я рѣзко сказалъ ей:

— Ты не уѣдешь, потому что я этого не желаю!

За обѣдомъ опять начался разговоръ объ отъѣздѣ Анели и ея матери. Въ этотъ разъ началъ Кромицкій и говорилъ объ этомъ планѣ, пожимая плечами, какъ надъ ребячествомъ, надъ которымъ вполнѣ разсудительный человѣкъ можетъ только смѣяться. Притомъ онъ не сумѣлъ быть достаточно деликатнымъ ни по отношенію къ женѣ, ни по отношенію къ ея матери, такъ какъ вообще натура его не изъ деликатныхъ. Я ничего не говорилъ, какъ человѣкъ, котораго все это дѣло интересуетъ только отчасти, но замѣтилъ, что Анеля отлично отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что Кромицкій, какъ органчикъ, играетъ лишь ту пьесу, на которую я его поставилъ. Было замѣтно по ея лицу, что ей стыдно за него, и что она сама чувствуетъ себя глубоко униженной. Я чувствовалъ къ ней столько горечи, что это доставляло мнѣ удовольствіе.

Однако, все мое существо было истерзано. Я до сихъ поръ не могу успокоиться и не могу простить Анелѣ ея плана. Если бы я не придумалъ по возвращеніи изъ Вѣны того, такъ сказать, договора, если бы не принесъ въ жертву столькихъ своихъ желаній, страстей, чувствъ, даже свою натуру, то не испытывалъ бы такого глубокаго разочарованія. Она была жестока... Въ то время, когда я изъ любви къ ней хотѣлъ совершенно преобразиться и когда какъ бы возносился на какія-то высоты, лишь бы только быть при ней, Анеля между тѣмъ хотѣла безъ всякаго снисхожденія, безъ милосердія, низвергнуть меня на самое дно отчаянія, и не приняла во вниманіе, что со мною можетъ случиться что-нибудь дурное... Эти мысли отравляютъ мнѣ радость, вытекающую изъ того, что Кромицкій уѣзжаетъ, а она остается. Въ будущемъ предстоитъ какая-нибудь развязка, но я такъ измученъ, что даже не могу представить ее. Развязка была бы очень простая, если бы меня постигла болѣзнь мозга. Быть можетъ, со временемъ и это случится, такъ какъ я по цѣлымъ днямъ мучаюсь, а по ночамъ не могу спать. Притомъ я выкуриваю массу сигаръ, а подчасъ курю до одурѣнія, и почти ежедневно просиживаю до утра.

30 іюля.

Я не писалъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Оба мы, я и Кромицкій, ѣздили въ Вѣну, затѣмъ, устроивъ свои дѣла, вмѣстѣ вернулись, и онъ пробылъ съ нами еще дня три. Въ это время у меня появилась такая головная боль, что невозможно было писать. Вотъ уже недѣля, какъ госпожа П. кончила свой курсъ лѣченія; мы живемъ еще въ Гаштейнѣ только потому, что всюду на равнинахъ сильная жара. Отъѣздъ Кромицкаго доставилъ большое облегченіе мнѣ, матери Анели, которая въ послѣднее время еле выносила его присутствіе, тетѣ, а, быть можетъ, и Анелѣ. Анеля не можетъ ему простить того, что онъ втянулъ меня въ свои дѣла. Кромицкій, нисколько не догадываясь, что между мной и его женой можетъ быть что-нибудь иное, чѣмъ самыя обыкновенныя родственныя отношенія, вовсе не скрывалъ своего заема, она же всей душой была противъ этого. Конечно, Анеля не могла ему ничего сказать, быть можетъ, изъ боязни окончательно разочароваться въ немъ въ случаѣ объясненій по этому поводу. Подчасъ мнѣ кажется, что и она, и мать ея со времени продажи Глухова не имѣютъ къ нему ни малѣйшаго довѣрія и въ глубинѣ душъ

считаютъ его хуже, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. По моему мнѣнію, это прежде всего въ духовномъ отношеніи ничтожество, съ натурой сухой, деревянной, неделикатной, неспособной ни къ нѣжнымъ чувствамъ, ни къ болѣе или менѣе утонченнымъ или возвышеннымъ мыслямъ. Въ немъ нѣтъ никакого великодушія: хотя это душа неблагородная, не впечатлительная, не глубокая, но все же онъ въ обыденномъ, заурядномъ смыслѣ человѣкъ порядочный. Въ этомъ отношеніи ему помогаетъ до извѣстной степени врожденный педантизмъ, ибо въ немъ какимъ-то страннымъ образомъ педантизмъ соединяется съ денежнымъ неврозомъ, который является ничѣмъ инымъ, какъ выродившейся фантазіей, нашедшей для себя въ такомъ направленіи выходъ.

Вообще Кромицкій такъ невыразимо ненавистенъ мнѣ и отвратителенъ, вмѣстѣ съ своимъ моноклемъ, узенькими глазами, длинными ногами и отсутствіемъ растительности на желтомъ лицѣ, что меня даже удивляетъ, какимъ образомъ я могу судить о немъ объективно. Между прочимъ, мнѣ думается, что если онъ не потеряетъ всего своего состоянія, то и мои деньги не пропадутъ. Но признаюсь съ полной откровенностью, что предпочелъ бы, чтобы Кромицкій потерялъ деньги, умъ, жизнь, и пропалъ бы разъ навсегда.

Я боленъ и въ послѣдніе дни рѣдко видѣлъ Анелю. Отчасти меня удерживали въ комнатѣ головныя боли, отчасти я самъ себя удерживалъ отъ встрѣчи съ нею, чтобы не выказать своего гнѣва и горечи. Стоило мнѣ это не мало, такъ какъ глаза мои жаждутъ ея, какъ свѣта. Я уже писалъ, что она, при всей твердости своего характера, отличается нѣкоторой робостью, положительно не переноситъ, чтобы кто-нибудь на нее сердился, боится этого и старается смягчить гнѣвъ. Тогда Анеля тиха, ласкова и смотритъ въ глаза, точно ребенокъ, который опасается наказанія.

Меня это всегда въ высшей степени трогало, но и доставляло наслажденіе, ибо я питалъ себя иллюзіей, что достаточно мнѣ открыть объятія, и она падетъ въ нихъ и склонитъ головку на мою грудь, хотя бы только для того, чтобы смягчить мой гнѣвъ. Я не умѣю избавиться отъ такого рода иллюзій и, хотя знаю, что будущее ихъ разсѣетъ, тѣмъ не менѣе еще и теперь въ глубинѣ своего сердца питаю надежду, что, когда мы, наконецъ, извинимся другъ передъ другомъ, она мнѣ сдѣлаетъ какія-нибудь уступки и будетъ мнѣ болѣе близкой. Съ другой стороны, въ самомъ этомъ взаимномъ раздраженіи видно какъ бы невольное признаніе, невольное согласіе Анели на то, что я въ правѣ ее любить, ибо, если она признаетъ обиду, вытекающую изъ любви, то должна признать и самую любовь. Это права мимолетныя, какъ сонъ, какъ бы призрачныя, но я спасаю себя ими отъ окончательной апатіи и живу ими.

2 августа.

Я опять получилъ письмо отъ Клары. Она, пожалуй, кое о чемъ догадывается, такъ какъ въ ея словахъ столько сочувствія и столько состраданія, какъ будто ей извѣстно, до какой степени мнѣ тяжело. Не знаю и не хочу доискиваться, любитъ ли меня Клара, какъ сестра или иначе, но чувствую, что она меня очень любитъ. Я отвѣтилъ ей такъ тепло и сердечно, какъ только можетъ отвѣтить человѣкъ несчастный

единственной, расположенной къ нему и сочувствующей душѣ. Клара собирается въ Берлинъ, а въ началѣ зимы въ Варшаву. Она уговариваетъ меня пріѣхать въ Берлинъ, хотя дня на два. Въ Берлинъ не поѣду, не могу оторваться отъ Анели, но съ радостью повидаюсь съ Кларой въ Варшавѣ.

Мы съ Анелей разговариваемъ только объ обыденныхъ дѣлахъ, чтобы не обратить вниманія старшихъ дамъ на наши теперешнія натянутыя отношенія. Когда мы на минуту остаемся одни, то оба молчимъ. Нѣсколько разъ она собиралась что то сказать, но вслѣдствіе своей робости не рѣшалась, у меня же для нея есть одно лишь слово: «люблю», которое до того слабо выражаетъ все, что я чувствую, что почти ничего не выражаетъ, ибо теперь къ моей любви примѣшивается чувство обиды. Меня постоянно угнетаетъ мысль, что Богъ далъ ей маленькое сердце, и что въ этомъ заключается тайна ея твердости. Нынче, когда я думаю объ этомъ спокойнѣе, то возвращаюсь къ убѣжденію, что, быть можетъ, Анеля и питаетъ ко мнѣ какое-нибудь чувство, состоящее изъ благодарности, состраданія, воспоминаній, но это чувство не обладаетъ никакой активной силой, ничего не въ состояніи вызвать, даже признанія, что оно существуетъ, и въ сравненіи съ моимъ выглядитъ такъ, какъ горчичное зерно въ сравненіи съ Альпами, которые насъ окружаютъ. Отъ Анели можно ожидать, что она сдѣлаетъ все для ограниченія, чѣмъ что-нибудь для возбужденія чувства. Я ни на что не надѣюсь, ничего не ожидаю... Какъ для меня тягостно такое сознаніе!

4 августа.

Въ теченіе нѣкотораго времени я питалъ въ глубинѣ сердца надежду, что Анеля, подъ вліяніемъ возмущенія на своего мужа, когда-нибудь придетъ ко мнѣ и скажетъ: «Коль скоро ты меня оплатилъ, то возьми меня!» Новая иллюзія! Быть можетъ, такимъ образомъ поступили бы многія экзальтированныя женщины, воспитанныя на французскихъ романахъ; несомнѣнно такъ поступила бы каждая, которая втайнѣ желала бы броситься въ объятія возлюбленнаго и искала бы только подходящаго предлога. Нѣтъ! Анеля этого не сдѣлаетъ и если подобная мысль могла придти мнѣ въ голову, то только потому, что и я когда-то зачитывался тѣми псевдо-драмами, какія разыгрываются въ душахъ женщинъ, которыя въ сущности желаютъ разстаться со своей добродѣтелью. Анелю могло бы привлечь въ мои объятія только сердце, а не искусственная драма, не фраза, не фальшивый пафосъ, и, слѣдовательно, нечего опасаться того, что это случится.

Великое несчастье для человѣка искренно и глубоко полюбить чужую жену, хотя бы это была жена самаго заурядного и самаго ничтожнаго человѣка, но еще болѣе великое несчастье полюбить женщину добродѣтельную. Есть что-то такое въ моихъ отношеніяхъ къ Анелѣ, о чемъ мнѣ никогда не случалось ни слышать, ни читать, есть какая-то невозможность выхода и конца. Развязка, является ли она въ видѣ катастрофы, или въ видѣ удовлетворенія желаній, всегда является чѣмъ-нибудь, а тутъ есть лишь мучительный заколдованный кругъ. Ибо если она останется такою, какова она въ настоящее время, а я не перестану

ее любить, то это будетъ только мука и ничего болѣе. Къ несчастью, во мнѣ есть увѣренность, что Анеля выдержитъ, и я также.

Ей, если у нея маленькое сердце, это немногаго стоитъ. Мнѣ часто всей душою хочется сбросить это ярмо, но, увы, не могу. Не разъ говорилъ себѣ, что это необходимо, не разъ прибѣгалъ къ усилію надъ собой, какъ прибѣгаетъ къ усиліямъ для собственнаго спасенія утопающій, не разъ мнѣ казалось, что я уже чего-то достигъ, но достаточно мнѣ увидѣть ее черезъ окно, достаточно окинуть ее взглядомъ, какъ тотчасъ испытываю такое волненіе въ сердцѣ, что предо мною внезапно открывается вся неизмѣримая глубина моего чувства совершенно такъ же, какъ ночью во время бури открываются глубины тучъ, когда молнія пронизываетъ тьму.

О! какая мука имѣть дѣло съ добродѣтелью, неумолимой и холодной, какъ буква закона!

Но, хотя бы Анеля вовсе не имѣла сердца, я бы и тогда любилъ ее такъ, какъ любилъ бы свое единственное дитя, хотя бы оно было калѣкой.

Въ послѣднемъ случаѣ человѣкъ чувствуетъ только болѣе состраданія и сильнѣе страдаетъ.

5 август.

Какая это жалкая и ничтожная мѣра разсудокъ, когда приходится имъ мѣрить очень великія или геніальныя дѣла, или полныя трагизма столкновенія страстей. Этотъ разсудокъ, который такъ хорошо служитъ намъ при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, становится тогда такимъ же старымъ шутомъ, какъ Полоній. Мнѣ кажется, что обыкновенная мѣщанская этика не можетъ быть мѣрой для великихъ страстей. Видѣть въ такомъ исключительномъ, великомъ чувствѣ, какъ мое, только нарушеніе такихъ-то и такихъ параграфовъ, и не видѣть ничего болѣе, не видѣть, что это стихія, что это часть силы, высшей, чѣмъ всякія жалкія предписанія морали, силы божественной, творческой, неизмѣримой, на которой опирается все существованіе—это своего рода слѣпота... Увы, Анеля только такъ умѣетъ смотрѣть на мою любовь! Я предполагаю, что ей не разъ должно казаться, что какъ никакъ, а мнѣ слѣдуетъ ее за это уважать, а я, видитъ Богъ, не потому это говорю, что дѣло идетъ обо мнѣ, но потому, что, судя, какъ можно объективнѣе, часто принужденъ бороться съ презрѣніемъ къ ней и часто говорю ей въ душѣ: «Имѣй же иную мѣру, такъ какъ эта недостойна тебя!» Я уважалъ бы ее и почиталъ бы во сто разъ болѣе, если бы она умѣла смотрѣть иначе, если ужъ не на наши отношенія, то на любовь вообще.

6 августа.

Однако, этотъ Гаштейнъ, дѣйствительно, отлично дѣйствуетъ на возстановленіе здоровья людей. Сегодня я замѣтилъ, что Анеля подъ вліяніемъ солнца и здѣшняго горнаго воздуха загорѣла и вообще выглядитъ хорошо, что тѣмъ удивительнѣе, что и у нея было не мало заботъ и огорченій. Огорченіями для нея были недоразумѣнія съ мужемъ, ея самолюбіе страдало оттого, что онъ вошелъ со мной въ денежныя отношенія; моя любовь также вноситъ въ ея душу разладъ и нарушаетъ ея покой. Не смотря на это, въ ея нѣжномъ лицѣ видно здоровье. Цвѣтъ лица ея болѣе свѣжій, чѣмъ до пріѣзда сюда. Я помню, какъ въ началѣ лѣта

Анеля почти таяла на моихъ глазахъ, и помню, какъ волосы у меня стали дыбомъ при мысли, что ея здоровью, а, быть можетъ, и жизни угрожаетъ опасность. Нынче, по крайней мѣрѣ, эта боязнь миновала. Если бы мнѣ было извѣстно, что впослѣдствіи Анеля будетъ относиться ко мнѣ еще съ меньшимъ состраданіемъ, что будетъ еще менѣе принимать въ разсчетъ меня и мое чувство, но зато будетъ здорова, я сказалъ бы: «Пусть пренебрегаетъ, пусть не имѣетъ состраданія, лишь бы только была здорова!» Въ истинномъ чувствѣ заключается жажда счастья, но заключается также и нѣжность, и заботливость, и великая привязанность.

Вчера Анеля одѣлась въ одно изъ своихъ дѣвичьихъ платьевъ или въ совершенно похожее. Я тотчасъ это замѣтилъ и все прошлое ярко предстало предъ моими глазами! Богъ знаетъ, что со мной происходило!..

7 августа.

Тетя давно уже не сердится на Анелю. Она ее такъ любитъ, что если бы я умеръ, у тети оставалась бы цѣль въ жизни, лишь бы только Анеля была при ней. Сегодня моя добрая тетя горевала, что Анеля скучаетъ, что постоянно сидитъ дома и что ничего здѣсь не видала, кромѣ дороги изъ Вильбадена въ Гофгаштейнъ.

— Если бы ноги у меня были крѣпче,—сказала она,—я ходила бы съ тобой всюду, но ужъ кому слѣдовало познакомить тебя, хотя бы съ ближайшими окрестностями, такъ это твоему мужу, который бѣгалъ съ утра до вечера.

Анеля стала увѣрять, что ей хорошо и дома, и что она достаточно находится въ движеніи. Услыхавъ это, я проговорилъ равнодушнымъ тономъ:

— Мнѣ нечего дѣлать, я хожу много, слѣдовательно, могу всюду сопутствовать Анелѣ и показать ей все, что есть интереснаго, по крайней мѣрѣ, въ ближайшей мѣстности.

Черезъ минуту я добавилъ еще болѣе равнодушно:

— Не нахожу въ этомъ ничего такого, что бы не было принято всюду. На курортахъ даже обыкновенные знакомые вмѣстѣ ходятъ на прогулку, а тѣмъ болѣе родственники!

Анеля ничего не отвѣтила, но обѣ старшія дамы вполнѣ согласились со мной, потому что на самомъ дѣлѣ было такъ, какъ я говорилъ.

Завтра предполагаемъ отправиться вмѣстѣ въ Шрекбрюкке.

8 августа.

Между нами заключенъ договоръ, и отнынѣ для насъ обоихъ начнется новая жизнь. Она приметъ иныя формы, чѣмъ я воображалъ, но, по крайней мѣрѣ, будущность моя должна въ нихъ воплотиться. Отнынѣ все будетъ ясно, опредѣлено. Теперь уже ничего не произойдетъ новаго, я ничего не могу уже ожидать, но зато не буду находиться въ положеніи человѣка безъ кровли надъ головой...

9 августа.

Вчера подъ вечеръ мы были въ Шрекбрюкке.

Старшія дамы сначала сопутствовали намъ, но уже тотчасъ за водопадами усѣлись на первой скамейкѣ, мы же отправились далѣе. Кажется,

оба мы поняли, насколько важный разговоръ долженъ произойти между нами. На первыхъ порахъ мнѣ хотѣлось показать Анелѣ разныя мѣстности и называть ихъ, но лишь только я упомянулъ Шарекъ, какъ тотчасъ мнѣ показалось очень страннымъ говорить въ данный моментъ о томъ, что совершенно не подходило къ нашему настроенію, и потому я умолкъ. Мы могли говорить только о насъ самихъ или молчать. И вотъ мы долго шли молча, что, впрочемъ, было мнѣ необходимо и полезно. За это время я успѣлъ овладѣть собой, какъ умѣлъ, преодолѣлъ то нервное безпокойство какое охватываетъ человѣка предъ важными минутами жизни, и старался быть хладнокровнымъ. Я достигъ этого настолько, что рѣшилъ спокойно говорить о своей любви, какъ о дѣлѣ извѣстномъ и признанномъ. Опытъ научилъ меня, что въ отношеніяхъ съ женщинами можно создать извѣстное настроеніе. Ничто такъ не вліяетъ на женщину, какъ тонъ бесѣды, и если мужчина, признаваясь въ любви, дѣлаетъ это такъ, какъ будто бы потомъ весь міръ долженъ рухнуть, то есть, съ волненіемъ, со страхомъ и убѣжденіемъ, что, дѣйствительно, дѣлаетъ что-то неслыханное, то этотъ страхъ и это убѣжденіе, что происходитъ что-то неслыханное, передается женщинѣ. Въ противномъ случаѣ происходитъ наоборотъ; признаніе тогда теряетъ свой величественный характеръ, но зато проходитъ глаже и вызываетъ меньшее сопротивленіе.

Впрочемъ, я уже дѣлалъ признанія, слѣдовательно, теперь для меня важно было лишь предотвратить то, чтобы Анеля не возмутилась при первомъ моемъ словѣ о любви. Наконецъ, если бы такъ происходило всегда, то всякій разговоръ становился бы невозможнымъ, а, вѣдь, намъ необходимо было переговорить, такъ какъ слѣдовало какъ-нибудь установить наши отношенія. Принимая все это во вниманіе, я проговорилъ насколько возможно спокойнѣе:

— Ты, Анеля, быть можетъ, даже не отдаешь себѣ отчета въ томъ, какъ ты жестоко огорчила меня своимъ планомъ объ отъѣздѣ. Мнѣ вполнѣ понятно, что указанныя тобою причины представляютъ только предлогъ, и что, на самомъ дѣлѣ, я являюсь причиной этого плана. Ты только объ одномъ забыла, а именно, что станется со мною безъ тебя. Это тобою не принято въ разсчетъ. А знаешь ли, что отъѣздъ твой не огорчилъ бы меня такъ, какъ именно мысль, что ты нисколько не считаешься со мной. Быть можетъ, ты скажешь, что хотѣла поступить такъ ради моего блага, для того чтобы меня излѣчить. Нѣтъ, ошибаешься! Не лѣчи меня такимъ образомъ, потому что такое лѣкарство можетъ причинить мнѣ болѣе зла, чѣмъ ты думаешь.

Щеки Анели въ одно мгновеніе окрасились румянцемъ. Очевидно, слова мои задѣли ее за живое. Не знаю, что бы она отвѣтила мнѣ на первыхъ порахъ, если бы не внѣшній случай, который въ эту именно минуту прервалъ нить ея мыслей. Внезапно съ края дороги поднялся одинъ изъ тѣхъ кретиновъ, какихъ масса есть въ окрестностяхъ Гаштейна, съ громадной головой, со взглядомъ звѣря, и, шевеля пальцами, сталъ просить милостыни. Онъ выскочилъ изъ высокихъ травъ такъ неожиданно, что Анеля даже вскрикнула отъ страха. Прежде чѣмъ она опомнилась и нашла деньги, которыхъ у меня не было при себѣ, прошло нѣсколько минутъ. За это время впечатлѣніе моихъ словъ ослабѣло въ ней настолько,

что, когда мы, наконецъ, пошли дальше, Анеля, послѣ минутнаго молчанія, отвѣтила мнѣ съ печалью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ нѣжностью:

— Ты часто бывалъ ко мнѣ несправедливъ, но теперь болѣе, чѣмъ когда-либо. Ты полагаешь, что я все легко переношу, и что у меня нѣтъ сердца, а на самомъ дѣлѣ мнѣ вовсе, вовсе не легче, чѣмъ тебѣ...

Тутъ у нея не хватило голоса, у меня же страшно забилось сердце. Мнѣ казалось, что еще одно усиліе съ моей стороны, и я вырву у нея признаніе.

— Ради всего, что тебѣ дорого,—проговорилъ я,—скажи мнѣ, что ты подъ этимъ понимаешь?

— Я понимаю, что коль скоро я несчастлива, то позволь мнѣ остаться честной. Милый Леонъ, умоляю тебя, имѣй ко мнѣ состраданіе. Ты не знаешь, до чего я несчастлива! Я готова принести тебѣ въ жертву все, кромѣ честности. Не желай, чтобы я тебѣ отдала эту послѣднюю опору моей жизни, такъ какъ этимъ нельзя, не должно жертвовать. Леонъ, дорогой мой!..

Сложивъ руки, Анеля смотрѣла на меня, дрожа, какъ листъ, и со слезами на глазахъ. Не знаю... если бы въ эту минуту я обнялъ ее, то, быть можетъ, потомъ она умерла бы отъ стыда и горя, но, вѣроятно, была бы уже не въ состояніи оказать мнѣ сопротивленіе...

Но я поступилъ въ данномъ случаѣ, какъ человѣкъ, который самъ любитъ безгранично, то есть, забылъ о себѣ, а видѣлъ только ее. И вотъ я пожертвовалъ ей своими чувствами, своей страстью, своимъ эгоизмомъ. Что все это значило въ сравненіи съ ней? Когда любимая женщина защищается искренними слезами, она непобѣдима. Я взялъ ея обѣ руки и, съ благоговѣніемъ поцѣловавъ ихъ, сказалъ.

— Будетъ такъ, какъ ты желаешь, и въ этомъ клянусь любовью, которую питаю къ тебѣ.

Въ теченіе нѣкотораго времени мы не могли проронить ни одного слова. Въ эту минуту я чувствовалъ себя лучше и благороднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Я былъ какъ бы въ положеніи больного, который въ тяжкой болѣзни перенесъ кризисъ и чувствуетъ большую слабость, но вмѣстѣ съ тѣмъ радуется возвращенію къ жизни. Спустя немного, я сталъ говорить и говорилъ спокойно, ласково, не только какъ влюбленный, но какъ самый близкій другъ, который прежде всего имѣетъ въ виду счастье дорогого существа.

— Ты не хочешь сойти со своего пути,—сказалъ я,—но и я уже не буду пытаться свести тебя съ него. Ты меня преобразила, и всѣ тѣ муки, которыя мнѣ пришлось перенести, также меня переродили. Благодаря тебѣ, я понялъ, что иное дѣло желать, а иное любить. Не обѣщаю тебѣ, что перестану любить, такъ какъ не могу, и я солгалъ бы какъ передъ тобою, такъ и передъ самимъ собою, если бы далъ тебѣ такое обѣщаніе. Въ тебѣ моя жизнь. Говорю тебѣ это не въ экзальтаціи, но какъ человѣкъ, который умѣетъ проникать въ себя и который хорошо сознаетъ, гдѣ иллюзія, а гдѣ правда. Но я тебя буду любить такъ, какъ будто ты уже умерла, и какъ будто я люблю твою душу. Согласишься ли ты на это, моя Анеля? Это любовь чрезвычайно печальная, но ангельская. Такую ты можешь принять, и на такую можешь отвѣтить взаимностью.

Въ эту минуту я даю тебѣ обѣтъ въ ней. и эта клятва для меня такъ же священна, какъ если бы дана была мною предъ алтаремъ, Я никогда не женюсь ни на какой иной женщинѣ, буду жить только для тебя, и моя душа будетъ принадлежать тебѣ. Ты, въ свою очередь, люби меня такъ, какъ будто я уже умеръ. Ни о чемъ болѣе я тебя не умоляю, но въ этомъ мнѣ не отказывай. ибо въ этомъ нѣтъ никакого грѣха. Если ты сомнѣваешься, то спроси у священника на исповѣди. «Вѣдь, ты читала Данта? Припомни, что онъ былъ женатъ, однако, любилъ Беатриче именно такою любовью, какой я желаю отъ тебя; онъ высказывалъ свое чувство въ своихъ произведеніяхъ, и тѣмъ не менѣе церковь считаетъ его поэму чуть ли не священной. Если ты питаешь ко мнѣ такое чувство, то протяни мнѣ свою руку, и пусть отнынѣ между нами будетъ вѣчное спокойствіе и вѣчное согласіе.

Анеля послѣ минутнаго молчанія подала мнѣ руку.

— Такую дружбу,—сказала она,—я всегда питала къ тебѣ и отъ всей души, отъ всего сердца обѣщаю ее.

Говоря откровенно, слово дружба произвело на меня непріятное впечатлѣніе и, какъ вообще не удовлетворяло, такъ не удовлетворило и въ данную минуту. Однако, я промолчалъ.—«Анелю,—подумалъ я въ душѣ, слово «любовь» еще пугаетъ, она должна къ нему привыкнуть, а коль скоро сущность одна и та же, то стоитъ ли изъ-за названія нарушать спокойствіе и то счастье, которое мы, наконецъ, освободили изъ-подъ гнета недоразумѣній, горечи, страданій и огорченій? Оба мы уже такъ измучены и такъ нуждаемся въ отдыхѣ, что ради него стоитъ чѣмъ-нибудь пожертвовать».

Впрочемъ, это была лишь тѣнь, которая исчезла при свѣтѣ той мысли, что это любимое существо принадлежитъ мнѣ, и что она моя вѣрная духовная жена. Я отдалъ бы многое за то, чтобы на вопросъ: «моя ли ты?»—услышать ея утвердительный отвѣтъ. И спрашивалъ бы сто разъ въ день и никогда бы не насыщался ея отвѣтами, но въ эту минуту я боялся ее испугать. Есть слова, которыя, хотя и отражаютъ существующую дѣйствительность, однако, съ трудомъ выходятъ изъ устъ женщины, и особенно такой женщины, какъ Анеля. Вѣдь, все то, что она говорила, было признаніемъ въ томъ, что она меня любитъ, вѣдь она согласилась на то, чтобы наши души принадлежали другъ другу, чего болѣе желать?

Дойдя до Шрекбрюкке, мы вернулись домой. На обратномъ пути мы старались освоиться съ нашими новыми отношеніями, причемъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ усилій избавиться отъ того, что хотя сколько-нибудь, стѣсняло нашу свободу. Но меня и это радовало, такъ какъ мнѣ казалось, что съ нами происходитъ то же, что бываетъ въ первые часы послѣ свадьбы, когда молодожены, хотя чувствуютъ себя навѣки связанными, но еще не освоились другъ съ другомъ. Однако, я много говорилъ съ ней о насъ обоихъ, и объяснялъ ей всю чистоту и святость такихъ отношеній, какъ наши. Она слушала меня съ лицомъ, на которомъ отражалось спокойствіе, ежеминутно посматривая на меня своими прелестными глазами. Погода соотвѣтствовала свѣтлому настроенію нашихъ душъ. Солнце уже скрылось. Альпы сіяли своимъ обычнымъ пурпуровымъ свѣтомъ, отблескъ котораго отражался на ея лицѣ.

Я подалъ ей руку, которую она приняла, и мы пошли вмѣстѣ.

Внезапно я замѣтилъ, что Анеля будто чего-то испугалась и поблѣднѣла, какъ полотно, Продолжалось это одну минуту, но было такъ замѣтно, что я самъ за нее очень испугался и сталъ допытываться, что съ ней.

Сначала Анеля не хотѣла мнѣ ничего сказать, но, когда я сталъ очень настаивать, призналась, что ей вспомнился несчастный кретинъ, и что одну минуту она была увѣрена, что онъ опять появится неожиданно.

— Сама не знаю, почему,—сказала она,—но на меня онъ произвелъ ужасное впечатлѣніе, и мнѣ стыдно признаться, что у меня такіе слабые нервы. Я не могу его забыть и ни за что не хотѣла бы его опять увидѣть.

Я успокоилъ ее, увѣривъ, что со мною ей ничто не угрожаетъ. Однако, Анеля невольно съ тревогой поглядывала еще нѣкоторое время по сторонамъ, но вскорѣ дальнѣйшій нашъ разговоръ совершенно изгладилъ въ ней непріятное впечатлѣніе. Наступили уже сумерки, когда мы пришли къ водопадамъ, но вечеръ былъ необыкновенно теплый. На площади передъ отелемъ Штраубингера множество людей слушало игру какихъ-то странствующихъ артистовъ. Не знаю, отчего это горное ущелье сегодня производило на меня впечатлѣніе Италіи. Я припомнилъ, какъ нѣкогда, гуляя вечеромъ по Пинчіо въ Римѣ, раздумывалъ о томъ, какое было бы для меня счастье, если бы возлѣ меня находилась Анеля. Теперь я чувствовалъ ея руку на своей, но еще болѣе чувствовалъ близость ея души къ моей душѣ.

Въ согласіи, полные покоя и тихаго счастья, мы пошли домой.

10 августа.

Сегодня я весь день задумывался надъ словами, которыя Анеля сказала мнѣ возлѣ Шрекбрюкке. Меня особенно поразило вырвавшееся изъ ея устъ восклицаніе: «Ты не знаешь, какъ я несчастлива!» Сколько было въ этомъ глубокаго страданія и жалобы, какое невольное признаніе, что она не любитъ мужа, что не можетъ его любить, и, наконецъ, что сердце ея, не смотря на всѣ усилія воли, принадлежитъ мнѣ. Если это правда, то Анеля такъ же была несчастлива, какъ и я. Говорю: «была», такъ какъ нынче она уже не несчастлива. Нынче Анеля можетъ сказать: «Я буду ему вѣрна, останусь всегда честной, а остальное предамъ на волю Божью».

11 августа.

Мнѣ пришло въ голову, что я не имѣлъ права требовать и ожидать отъ нея, чтобы она пожертвовала для меня всѣмъ. Это неправда, что ради любви можно пожертвовать всѣмъ. Если бы, напримѣръ, у меня произошло столкновеніе съ Кромицкимъ, и если бы Анеля во имя нашей любви велѣла мнѣ стать на колѣни предъ нимъ и просить у него прощенія, то я бы этого не сдѣлалъ. Это несообразное и фантастическое предположеніе, и, однако, при одной даже мысли объ этомъ у меня вся кровь приливаетъ къ головѣ. Нѣтъ, Анеля, ты права, есть нѣчто, чѣмъ даже ради любви нельзя и не должно жертвовать.

12 августа.

Сегодня утромъ мы были на Виндишгретцгегѣ. Пѣшкомъ идти туда

пришлось бы три четверти часа, а потому я достал для Анели лошадь, которую вел подъ уздцы. Идя, я опирался одной рукой о шею лошади, причемъ прикасался къ ея платью. Садясь на лошадь, она на минуту оперлась на меня, и тотчасъ во мнѣ проснулся прежній человѣкъ. Желая его въ себѣ убить, я долженъ былъ бы уничтожить собственное тѣло и оставить только духъ. Я обязался сдерживать свои страсти и порывы и сдерживаю, но не обязывался ихъ не имѣть, какъ не могъ бы обязываться не дышать. Если бы прикосновеніе руки Анели волновало бы меня не сильнѣе, чѣмъ прикосновеніе куска дерева, то это означало бы, что я ея уже не люблю, а тогда всякія обязательства были бы не нужны. Говоря Анелѣ, что я, благодаря ея вліянію, переродился, я не лгалъ, но не вполнѣ точно опредѣлилъ то, что со мной произошло. Въ самомъ дѣлѣ, я только овладѣлъ собой и отрекся отъ полнаго счастья, чтобы имѣть хотя его половину. Я предпочелъ обладать Анелей хотя такимъ образомъ, чѣмъ вовсе ея не имѣть, и полагаю, что каждый, кто знаетъ, что значитъ любить женщину, легко меня пойметъ. Если страсти, какъ говорятъ поэты, являются псами, то я этихъ псовъ посадилъ на цѣпь и буду морить ихъ голодомъ, но не въ моей власти приказать имъ, чтобы они не дергали свои цѣпи и не выли.

Я хорошо знаю, что обѣщалъ, и сдержу слово, такъ какъ, впрочемъ, долженъ. Въ виду непоколебимости Анели нѣтъ мѣста моей злой или доброй волѣ. Достаточной уздой для меня будетъ и опасеніе, какъ бы у меня не отняли даже того, что мнѣ обѣщано. Я теперь скорѣе преувеличиваю осторожность, чтобы не спугнуть ту птицу, которая для меня называется духовною любовью, а для нея: «дружбой». Я помню это ея слово, такъ какъ оно сначала было маленькимъ уколомъ, который впослѣдствіи можетъ растравиться. На первыхъ порахъ это слово показалось мнѣ слишкомъ мало удовлетворяющимъ, теперь же оно мнѣ кажется слишкомъ предусмотрительнымъ и полнымъ предостереженій. Какой странной особенностью женской натуры является этотъ страхъ предъ названіемъ сущности вещи. Вѣдь, я ясно сказалъ Анелѣ, о чемъ ее умоляю, и она одинаково ясно поняла меня, и тѣмъ не менѣе назвала свое чувство дружбой, какъ бы желая въ данномъ случаѣ закрыться отъ меня, отъ себя и отъ Бога.

Правда, съ другой стороны, такія оторванныя отъ земли чувства можно называть, какъ кому угодно. Есть много горечи и печали въ этой мысли. Эта предусмотрительность, свойственная женщинамъ очень чистымъ, вытекаетъ, несомнѣнно, изъ ихъ необыкновенной стыдливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ имъ быть великодушными. Да, я могъ бы придти къ Анелѣ и сказать ей: «Какъ никакъ, я, вѣдь, отрекся для тебя отъ половины моего существа, а ты мнѣ отмѣриваешь слова, развѣ это хорошо?» И въ душѣ я говорю ей это съ чувствомъ великой горечи. Любовь такъ трудно понять безъ великодушія, безъ желанія принести что-нибудь въ жертву.

Нынче на Виндишгретцгегѣ мы разговаривали, какъ два близкихъ, любящихъ другъ друга существа, хотя, впрочемъ, точно такъ же могли бы разговаривать любящіе другъ друга родственники. Если бы мы совершили такую экскурсію до нашего договора у Шрекбрюкке, я пытался бы

цѣловать ей руки, ноги и старался бы, хотя на минуту, заключить ее въ свои объятія, сегодня же я шелъ спокойно, смотря ей въ глаза, какъ человѣкъ, который боится малѣйшаго проявленія неудовольствія любимаго существа. Мало того, я почти ничего не говорилъ даже о нашей духовной любви. Отчасти въ данномъ случаѣ меня удерживала мысль, что такимъ образомъ мнѣ удастся заслужить ея довѣріе и милость. Своимъ молчаніемъ я хотѣлъ ей сказать: «Ты не разочаруешься во мнѣ: скорѣе я позволю себѣ менѣе, чѣмъ мнѣ разрѣшено, нежели нарушу нашъ договоръ».

Однако, человѣкъ чувствуетъ себя немного обиженнымъ, когда его жертву принимаютъ такъ же охотно и жадно, какъ онъ ее приноситъ. Невольно онъ тогда говоритъ въ душѣ любимому существу: «Теперь ты не дай себя превзойти».

И я это говорилъ, но напрасно.

Что изъ этого выйдетъ? Вотъ уже меня постигло нѣкоторое разочарованіе. Я полагалъ, что если мы заключимъ подобный договоръ, то въ предѣлахъ его я уже буду свободенъ, какъ птица, что съ утра до вечера буду повторять слово: «люблю!» и съ утра до вечера буду его слышать, что вознагражу себя за всѣ муки, за все время ужасныхъ страданій, что буду королемъ въ этомъ моемъ королевствѣ, а между тѣмъ до сихъ поръ все какъ-то такъ складывается, что горизонтъ мой суживается, а въ душѣ возникаетъ сомнѣніе, выражающееся въ вопросѣ: «что же ты выгадалъ?»

Но я стараюсь его отогнать. Нѣтъ! кое-что выгадалъ. Я получилъ возможность созерцать ея счастливое, прояснившееся лицо, ея улыбку, добился того, что ея прозрачные глаза смѣло погружаютъ свой взглядъ въ мои. Если мнѣ до сихъ поръ тѣсно и не по себѣ въ этомъ новомъ домѣ, то лишь потому, что я не умѣю еще въ немъ расположиться, жить.

Впрочемъ, прежде мнѣ приходилось быть безъ кровли надъ головой, теперь же, если и не вижу ясно того, что пріобрѣлъ, зато отлично знаю, что ничего не могъ потерять. Объ этомъ я никогда не забуду.

14 августа.

Тетя начинаетъ поговаривать о возвращеніи домой. Она все болѣе тоскуетъ по Плошовѣ. Я спрашивалъ Анелю, охотно ли она туда вернется. Она сказала: «да», а потому и мнѣ тоже надо торопиться. Прежде я всегда связывалъ какія-то странныя, необъяснимыя надежды съ перемѣною мѣста. Теперь я уже ничего не ожидаю, но съ этимъ Плошовомъ столько соединено пріятныхъ воспоминаній, что съ радостью его увижу.

16 августа.

Дни протекаютъ для меня все однообразнѣе. Я размышляю и отдыхаю. Размышленія мои часто бываютъ печальными, иногда даже не лишенными горечи, но душа моя такъ уже истомлена, что отдыхъ, положительно, доставляетъ мнѣ наслажденіе. Благодаря ему я особенно ясно ощущаю, насколько мнѣ теперь лучше, чѣмъ было прежде. Въ настоящее время мы съ Анелей часто бываемъ вмѣстѣ, читаемъ и бесѣдуемъ о прочитанномъ. Все, что говорю, является лишь опредѣленіемъ нашей любви, развитіемъ ея, и все къ ней пріурочивается, но странно, я замѣчаю, что

почти никогда не говорю прямо о ней, словно тотъ женскій страхъ предъ названіемъ вещей по имени передался мнѣ. Самъ не знаю, почему это такъ, но это такъ. И меня огорчаетъ это, подчасъ даже очень огорчаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ радуетъ, такъ какъ вижу, что Анеля этимъ довольна, и мало того, чувствую, что за это она меня любитъ. Желая создать между нами самую тѣсную духовную связь, я сталъ говорить ей о себѣ, полагая, что послѣ нашего договора у меня не можетъ быть отъ нея никакихъ тайнъ. Я умолчалъ предъ ней лишь о томъ, что могло оскорбить деликатность чувствъ и чистоту ея мыслей, но зато пытался посвятить ее въ мою внутреннюю драму, вытекающую изъ скептицизма и изъ отсутствія какой бы то ни было жизненной основы. Я откровенно высказалъ ей, что у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ ея души. Между прочимъ, я разсказывалъ, что со мною происходило послѣ ея замужества, какія перемѣны и потрясенія перенесли мой умъ и сердце со времени возвращенія въ Плошовъ, и разсказывалъ тѣмъ охотнѣе, что мнѣ представлялась возможность сдѣлать цѣлый рядъ признаній относительно того, что все это означало: любилъ тебя и люблю всегда болѣе всего на свѣтѣ. Анеля точно не сознавала этого и слушала, какъ будто рѣчь шла не о ней, съ волненіемъ, сочувствіемъ, а, быть можетъ, и съ безсознательнымъ наслажденіемъ. Я видѣлъ, какъ на глазахъ ея не разъ блестѣли слезы, какъ все ея духовное существо точно неудержимо стремилось ко мнѣ, какъ бы желая сказать: «Приди ко мнѣ, ибо ты заслужилъ счастье». Видя это, я говорилъ ей глазами: «Я самъ ни о чемъ не буду просить и предоставляю все твоей доброй волѣ»...

Я разсказывалъ все, что было у меня въ глубинѣ души, еще и потому, чтобы это вошло у насъ въ обыкновеніе и чтобы привить Анелѣ сознаніе, что въ нашихъ отношеніяхъ такъ должно быть. Отчасти я хотѣлъ ее принудить къ тому, чтобы она въ свою очередь, также разсказала мнѣ, что за это время происходило въ ея головѣ и сердцѣ, но не достигъ этого. Я пытался спрашивать, но слова выходили изъ ея устъ съ такимъ трудомъ, въ ней видно было такое принужденіе, что пришлось отъ этого отказаться. Анеля, желая быть вполнѣ откровенной, должна была бы говорить, что чувствовала ко мнѣ, и каковы были ея отношенія къ мужу. Мнѣ именно хотѣлось до этого ее довести, но ее въ данномъ случаѣ удерживали, во-первыхъ, ея стыдливость, во-вторыхъ, чувство лояльности по отношенію къ Кромицкому.

Я отлично это понимаю, но тѣмъ не менѣе не могу избавиться отъ нѣкотораго чувства горечи, такъ какъ мой пессимизмъ говоритъ мнѣ: «Исключительно на тебя одного падаютъ расходы связи; ты даешь ей все, а взамѣнъ почти ничего не получаешь; самообольщаешься, полагая, что ея душа принадлежитъ тебѣ, между тѣмъ, даже эта душа остается для тебя закрытой, слѣдовательно, чѣмъ же ты собственно обладаешь?»

Я признаю, что голосъ этотъ правъ, и разсчитываю только на будущее.

17 августа.

Очень часто теперь вспоминаются мнѣ слова Мицкевича: «И, увы, я былъ спасенъ только наполовину». Но если бы даже въ этомъ полуспасеніи я не видѣлъ тѣхъ многочисленныхъ недостатковъ, которые вижу,

то и тогда еще не обрѣлъ бы полнаго спокойствія. Это было бы возможно лишь въ такомъ случаѣ, если бы я не желалъ ничего болѣе, то есть, если бы пересталъ любить. Все чаще находятъ на меня минуты апатіи, въ которыхъ я говорю себѣ, что опять нахожусь въ заколдованномъ кругу. Правда, я испыталъ облегченіе отъ той муки, которую уже не въ силахъ былъ переносить, но вѣдь, облегченіе въ страданіи не есть еще его устраненіе. Когда томимый жаждою арабъ въ пустынѣ беретъ въ ротъ вмѣсто воды камешки, онъ не утоляетъ этимъ своей жажды, а лишь обманываетъ ее. Спрашивается, не обманываю ли я себя? Снова во мнѣ два человѣка: зритель и актеръ, и снова первый начинаетъ критиковать второго, а часто даже насмѣхаться надъ нимъ. Тотъ Плошовскій-скептикъ, тотъ Плошовскій, который, не имѣя полной, непоколебимой вѣры въ существованіе души, тѣмъ не менѣе влюбленъ только въ душу, кажется мнѣ положительно смѣшнымъ. Что такое представляютъ наши отношенія? Иногда они мнѣ кажутся только искусственнымъ плодомъ моей больной экзальтаціи. Только теперь я, дѣйствительно, нахожусь въ положеніи той птицы, одно крыло которой влачится по землѣ. Я парализовалъ половину собственнаго существа, живу только полужизнью и приказываю себѣ любить только половиною любви. Тщетное приказаніе! Отдѣлить желаніе отъ любви такъ же невозможно, какъ отдѣлить мышленіе отъ бытія. Я могу мыслить только, какъ человѣкъ, и точно такъ же любить могу только, какъ человѣкъ. Даже религіозныя чувства, самыя идеальныя изъ всѣхъ, выражаются словами, колѣнопреклоненіемъ, цѣлованіемъ священныхъ реликвій, я же хотѣлъ, чтобы любовь къ женщинѣ отреклась отъ всякаго проявленія, всякой связи съ землей и существовала бы въ мірѣ какимъ-то неземнымъ образомъ.

Чѣмъ, въ сущности, является любовь?—желаніемъ и влеченіемъ. Что я пытался у нея отнять?—желаніе и влеченіе. Вѣдь, это все равно, какъ если бы я пришелъ къ Анелѣ и сказалъ ей: такъ какъ я тебя люблю болѣе всего на свѣтѣ, то обѣщаю тебѣ, что никогда не буду тебя любить.

На самомъ дѣлѣ, въ этомъ заключается какая-то громадная ошибка. Я, очевидно, заблудился, какъ въ пустынѣ, и, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что увидѣлъ «fata morgana».

18 августа.

Вчера меня измучили и привели въ угнетенное состояніе разныя мысли. Я не могъ спать и, чтобы не раздражать себя еще болѣе, пересталъ углубляться въ бездны пессимизма, а сталъ думать объ Анелѣ и представлять ее въ своемъ воображеніи. Это всегда доставляетъ мнѣ облегченіе. Напряженное воображеніе представляетъ мнѣ Анелю, точно живую, такъ что мнѣ хочется заговорить съ ней. Я припомнилъ тотъ балъ, на которомъ въ первый разъ увидѣлъ ее взрослой барышней. Въ моей памяти отпечатлѣлся такой ясный образъ, какъ будто это было вчера. Помню бѣлое платье, украшенное фіалками, обнаженныя плечи, ея лицо, хотя нѣсколько маленькое, но свѣжее, какъ утро, и столь оригинальное, благодаря смѣлому рисунку бровей, необыкновенной длинѣ рѣсницъ и обилію нѣжнаго пушка на щекахъ. Мнѣ чудится, будто я еще слышу, какъ она спрашиваетъ: «Не узнаешь меня, Леонъ?» Въ свое время я пи-

салъ, что лицо ея производило на меня впечатлѣніе музыки, переложенной на человѣческія черты. Въ ней одновременно было очарованіе дѣвушки и соблазнительность женщины. Никогда ни одна изъ женщинъ не привлекала меня такъ сильно къ себѣ, какъ Анеля, и надобно было явиться такой Цирцеѣ, какъ Лаура, чтобы я позволилъ отнять у меня мою избранницу и почти уже невѣсту.

Никто въ мірѣ не чувствуетъ лучше меня, что слова: «Твое очарованіе тяготѣетъ надо мной» могутъ не принадлежать къ области поэтическихъ фантазій, но быть тягостной дѣйствительностью. Ея очарованіе тяготѣетъ надо мною. Я ее не только люблю, не только ея желаю, но и въ высшей степени привязанъ къ ней; она воплощаетъ въ себѣ всѣ мои влеченія, вкусы, все, что рисуется въ моемъ воображеніи о женскомъ очарованіи и красотѣ, и привлекаетъ меня съ такой необъяснимой силой, съ какой магнитъ привлекаетъ желѣзо. Да и не можетъ быть иначе: вѣдь, это та самая Анеля, она нисколько не измѣнилась! То же лицо дѣвочки съ соблазнительностью женщины, тотъ же взглядъ, тѣ же рѣсницы, брови, уста, та же стройная, граціозная фигура. Только теперь у нея однимъ очарованіемъ болѣе: она является для меня еще потеряннымъ раемъ.

Но зато, что за гигантская пропасть между нашими прежними отношеніями и настоящими!

Когда я вспоминаю о той прежней Анелѣ, которая ждала, какъ спасенія, чтобы я ей сказалъ: «Будь моею», то мнѣ почти не хочется вѣрить, чтобы такое время могло когда-нибудь существовать. Думая объ этомъ, я чувствую то же, что долженъ чувствовать разорившійся магнатъ, который въ годы своего блеска и роскоши бросалъ деньги на всѣ стороны, и которому впослѣдствіи пришлось жить милостыней.

Нынѣшней ночью, когда я раздумывалъ объ Анелѣ и вглядывался въ нее глазами своей души, у меня явилась мысль, что нѣтъ ни одного портрета Анели, и вотъ внезапно мной овладѣло непреодолимое желаніе имѣть ея изображеніе. Я схватился, такъ сказать, обѣими руками за эту мысль, и она до того меня осчастливила, что мнѣ окончательно расхотѣлось спать. «Ты теперь будешь всегда со мною,—говорилъ я,—мнѣ можно будетъ во всякое время придти къ тебѣ, цѣловать твои руки, уста, глаза и ты меня не оттолкнешь отъ себя». Я тотчасъ сталъ раздумывать, какъ бы это устроить? Мнѣ, разумѣется, нельзя же было придти къ Анелѣ и сказать ей: «Закажи свой портретъ, а расходы будутъ мои», но съ тетей я всегда дѣлалъ, что хотѣлъ, и могъ ее уговорить, чтобы она выразила желаніе имѣть портретъ Анели. У насъ въ Плошовѣ существуетъ цѣлая галлерея портретовъ нашихъ предковъ и родственниковъ, составляющихъ гордость тети, а мое отчаяніе, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ужасны, но тетя очень слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тамъ всѣ ближайшіе родственники были на-лицо. Принявъ во вниманіе ея глубокую привязанность къ Анелѣ, я былъ увѣренъ, что ее даже обрадуетъ мысль, что она можетъ имѣть портретъ Анели. Пяти минутъ разговора съ тетей было бы достаточно для того, чтобы дѣло можно было бы считать рѣшеннымъ, и я только сталъ раздумывать надъ тѣмъ, кому поручить исполненіе портрета. Со вздохомъ подумалъ я, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не удастся уговорить нашихъ дамъ поѣхать въ Парижъ, гдѣ представлялась возможность сдѣлать

выборъ между отчетливостью и объективизмомъ Бонна, смѣлымъ розмахомъ Каролюса Дюрана и нѣжной мягкостью Шаплена. Закрывъ глаза, я представлялъ въ своемъ воображеніи, какъ каждый изъ нихъ справился бы съ задачей, и заранѣе любовался ихъ произведеніями. Впрочемъ, это немыслимо, такъ какъ тетя, навѣрно, захочетъ, чтобы Анелю писалъ польскій художникъ. Съ своей стороны, я ничего не имѣлъ бы противъ этого, потому что помню, что на выставкахъ въ Варшавѣ и Краковѣ мнѣ случилось видѣть нѣсколько портретовъ, нисколько не уступавшихъ по своимъ достоинствамъ славнымъ заграничнымъ произведеніямъ. Меня только пугала задержка. Я въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, отчасти напоминаю женщину: когда чего-нибудь захочу сегодня, то хочу, чтобы завтра же мое желаніе исполнилось. Такъ какъ мы теперь находились въ Германіи, недалеко отъ Мюнхена и Вѣны, то я сталъ мысленно перебирать извѣстныхъ нѣмецкихъ художниковъ и, наконецъ, остановился на двухъ: Ленбахѣ и Ангели. Мнѣ приходилось видѣть отличные портреты Ленбаха, но только мужскіе; впрочемъ, меня раздражала его самоувѣренность и поверхностность, что я, какъ влюбленный во французскую живопись, позволялъ только французамъ. Женскія лица Ангели также не вполнѣ меня удовлетворяли, но все-таки я долженъ былъ признать изящество его работы, чего собственно и требовало лицо Анели. Притомъ къ Ленбаху пришлось бы свернуть въ сторону, а Ангели былъ по пути, обстоятельство о которомъ стыдно говорить человѣку, не желающему считаться филистеромъ! Но въ данномъ случаѣ для меня, дѣйствительно, важнымъ вопросомъ являлось время. «Мертвые скоро ѣдутъ, — говоритъ поэтъ, — но влюбленные еще скорѣе». Впрочемъ, я и такъ остановился бы на Ангели, а потому, въ концѣ концовъ, рѣшилъ, что онъ будетъ писать портретъ Анели. Вообще не люблю портретовъ, изображающихъ женщинъ въ бальномъ платьѣ, но Анелю мнѣ непремѣнно хотѣлось имѣть въ бѣломъ платьѣ съ фіалками. Предпочитаю, чтобы, глядя на нее, я могъ питать иллюзію, будто она моя прежняя Анеля. Не хочу ничего такого, что бы мнѣ напоминало, что она госпожа Кромицкая. Притомъ такое платье мнѣ дорого, какъ воспоминаніе.

Я не могъ дождаться конца ночи, такъ мнѣ хотѣлось скорѣй поговорить съ тетей. Однако, утромъ я нѣсколько измѣнилъ свой планъ, такъ какъ если тетя велитъ писать портретъ, то будетъ настаивать на томъ, чтобы показать его польскому художнику, а потому я рѣшилъ портретъ Анели отъ себя преподнести тетѣ въ день ея ангела, который приходится въ концѣ октября. Такимъ образомъ Анелѣ нѣтъ возможности отказать. Само собой разумѣется, что я закажу второй экземпляръ для себя.

Я почти вовсе не спалъ, но, тѣмъ не менѣе, причисляю эту ночь къ числу хорошихъ, потому что все время было наполнено моимъ планомъ. Я задремалъ около пяти часовъ, но въ восемь былъ уже на ногахъ. Я отправился къ Штраубингеру и послалъ телеграмму въ бюро Клюнстлергауза, прося сообщить, въ Вѣнѣ ли Ангели, потомъ, вернувшись домой къ чаю и заставъ дамъ за столомъ, прямо приступилъ къ дѣлу.

— Анеля, — сказалъ я, — я долженъ признаться кой въ чемъ по отношенію къ тебѣ: дѣло въ томъ, что сегодняшней ночью вмѣсто того,

чтобы спать, я распоряжался твоей судьбой, а теперь прошу, чтобы ты согласилась съ моимъ распоряженіемъ.

Анеля взглянула на меня съ нѣкоторой тревогой. Быть можетъ, у нея мелькнула мысль, что я схожу съума или рѣшаюсь на какое-нибудь отчаянное признаніе въ присутствіи старшихъ дамъ, однако, видя, что выраженіе моего лица спокойно и даже равнодушно, она спросила:

— Что же ты относительно меня рѣшилъ?

Я же обратился къ тетѣ:

— Мнѣ сначала хотѣлось, чтобы это былъ сюрпризъ,—проговорилъ я,—но вижу, что это мнѣ никакъ не удастся устроить, а потому предпочитаю откровенно сказать тебѣ, какой готовлю подарокъ къ ея именинамъ.

И я разсказалъ въ чемъ дѣло. Тетѣ, у которой есть мой портретъ, и къ тому же очень хорошій, я не могъ сдѣлать лучшаго подарка, и потому она отъ всей души меня благодарила. Я замѣтилъ, что и Анеля обрадовалась, и этого одного для меня было вполнѣ достаточно. Мы тотчасъ завели оживленный разговоръ о томъ, когда и кто будетъ писать портретъ, какъ Анеля должна быть одѣта и т. д. Такими вопросами женщины необыкновенно интересуются. У меня были готовые отвѣты на всѣ вопросы, притомъ я замѣтилъ, что подъ предлогомъ портрета могу пріобрѣсти что-нибудь еще кромѣ него.

— Это не займетъ много времени,—говорилъ я.—Телеграмма относительно того, находится ли Ангели въ настоящее время въ Вѣнѣ, уже послана мною, и я не думаю, чтобы портретъ особенно долго задержалъ насъ за границей. Анелѣ придется раза четыре или пять побывать у Ангели, а такъ какъ мы и безъ того предполагали пробыть въ Вѣнѣ нѣсколько дней ради Нотнагля, то не будетъ почти никакой задержки. Платье Ангели можетъ написать впослѣдствіи по модели, лицо же онъ кончитъ въ пять сеансовъ. Надо только сейчасъ же послать ему фотографію Анели, вотъ, напримѣръ, ту, которую тетя Целина имѣетъ съ собой, а также прядь ея волосъ. Особенно послѣднее я немедленно прошу мнѣ дать. Прежде, чѣмъ мы пріѣдемъ, Ангели набросаетъ общій эскизъ, а потомъ будетъ только кончать.

До извѣстной степени могло быть такъ, какъ я говорилъ, но, что касается пряди волосъ Анели, я разсчитывалъ, что ни одна изъ дамъ не знакома съ процедурой писанія портретовъ, и прядь эту мнѣ просто хотѣлось взять для себя, а не для Ангели, которому она могла пригодиться исключительно въ томъ случаѣ, если бы пришлось писать портретъ только съ фотографіи, за каковую работу врядъ ли пожелалъ бы взяться Ангели. Но я представилъ дѣло такъ, какъ будто отъ этой пряди зависѣла судьба портрета. Часа два спустя послѣ завтрака пришелъ отвѣтъ на мою телеграмму: Ангели находится въ Вѣнѣ, гдѣ кончаетъ портретъ княгини М. Я тотчасъ послалъ къ нему письмо съ фотографіей Анели, которая была у ея матери, послѣ чего, увидя Анелю, прогуливавшуюся по саду виллы, сошелъ къ ней.

— А что же твои волосы?—проговорилъ я. — Вѣдь, до двухъ мнѣ надо отправить ихъ съ письмомъ.

Она тотчасъ побѣжала въ свою комнату и черезъ минуту вернулась

съ отрѣзанной прядью волосъ. У меня немного дрожала рука, когда я бралъ эту прядь, но тѣмъ не менѣе я прямо смотрѣлъ ей въ глаза и вопрошалъ ее взглядомъ:

— Догадываешься ли ты, что я хочу твои волосы для себя, что они будутъ для меня дороже всего, чѣмъ обладаю?

Анеля ничего не отвѣтила, но опустила глаза и покраснѣла, какъ дѣвушка, которая впервые въ жизни слышитъ признаніе. Она отгадала. Я подумалъ, что за одно прикосновеніе устами къ ея устамъ стоило бы отдать жизнь. По временамъ любовь къ ней усиливается во мнѣ до такой степени, что переходитъ въ страданіе.

У меня теперь есть частица и ея физическаго существа, пріобрѣтенная хитростью. Я, скептикъ, который каждую минуту разглядываетъ самого себя и анализируетъ, я рѣшаюсь на уловки, поступки и чувства гетевскаго Зибеля.

Но говорю себѣ: въ самомъ худшемъ случаѣ, я сентименталенъ и смѣшонъ. Впрочемъ, кто знаетъ, не стократно ли глупѣе, смѣшнѣе и ничтожнѣе во мнѣ тотъ другой, не сентиментальный человѣкъ, который все доводитъ до сознанія и все разбираетъ. Анализъ отчасти напоминаетъ обрываніе лепестковъ цвѣтка. Благодаря ему чаще всего жизнь теряетъ свою красоту, а слѣдовательно, и счастье, иначе говоря, то, что одно только имѣетъ смыслъ.

22 августа.

По окончаніи лѣченія матери Анели, мы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ждали, пока на равнинахъ пройдутъ жары, и дождались ужасной непогоды. Теперь опять ждемъ перваго, болѣе или менѣе погожаго дня, чтобы отправиться въ Вѣну. Вотъ уже дня три, какъ здѣсь царитъ египетская тьма. Тучи, которыя за недѣлю передъ тѣмъ собирались на горныхъ вершинахъ, высиживая тамъ снѣга и дожди, сползли съ своихъ высокихъ гнѣздъ и, спустившись на Гаштейнъ, покрыли собою всю долину. Мы живемъ въ такой мглѣ, что въ полдень трудно попасть отъ Штраубингера въ нашу виллу. Все закрыто: дома и деревья, горы и водопады. Всѣ формы растаяли и исчезли въ одномъ бѣловатомъ, сыромъ туманѣ, который гнететъ не только предметы, но и отчасти души. Съ двухъ часовъ пополудни мы сидимъ при зажженныхъ лампахъ. Мои дамы кончаютъ приготовленія въ дорогу. Мы уже выѣхали бы, не смотря на мглу, если бы горные ручьи не испортили въ одномъ мѣстѣ дороги за Гофгаштейномъ. У матери Анели опять началась мигрень; тетя получила письмо отъ стараго Хвастовскаго о состояніи жатвы, вслѣдствіе чего большую часть дня прохаживалась большими шагами по столовой, разсуждая съ Хвастовскимъ и браня его. Анеля сегодня съ самаго утра была очень блѣдна и призналась намъ, что ночью ей приснился тотъ кретинъ, котораго мы встрѣтили по дорогѣ къ Шрекбрюкке. Проснувшись, она уже не могла заснуть и остальную часть ночи провела въ нервномъ страхѣ. Странно, какое впечатлѣніе произвелъ на нее видъ того несчастнаго. Я старался изгладить въ ней испытанное ею тяжелое впечатлѣніе веселымъ разговоромъ, что мнѣ отчасти удалось, такъ какъ со времени нашего договора у Шрекбрюкке Анеля гораздо веселѣе, спокойнѣе и счастливѣе.

Видя это, я не осмѣливаюсь даже роптать, хотя не разъ у меня является мысль, что связь между нами основана на томъ, что ея нѣтъ. Заключая договоръ, я хорошо зналъ, чего хотѣлъ, и какія формы приметъ наше чувство, а теперь эти формы разсѣиваются, становятся все болѣе неуловимыми и неопредѣленными, какъ будто ихъ заволакиваетъ такая же мгла, какая въ данную минуту заволакиваетъ Гаштейнъ. У меня постоянно есть предчувствіе, что Анеля не дастъ того, что мнѣ принадлежитъ, но не смѣю ничего просить. Не смѣю, быть можетъ, оттого, что каждая борьба утомляетъ, а тѣмъ болѣе борьба за любимое существо; я же велъ ее полгода и, ровно ничего не достигнувъ, истощился до такой степени, что въ настоящее время предпочитаю какое бы то ни было спокойствіе прежнимъ безплоднымъ усиліямъ.

Но, быть можетъ, есть еще и другая причина. Если нынѣшнее положеніе вещей не соотвѣтствуетъ моимъ ожиданіямъ, тѣмъ не менѣе я вижу, что оно располагаетъ ко мнѣ Анелю. Ей кажется, что теперь моя любовь къ ней благороднѣе, а потому она цѣнитъ, не смѣю сказать: любитъ меня, за это еще болѣе. Не смотря на полное отсутствіе внѣшнихъ проявленій, чувствую, что такъ оно и есть, и это придаетъ мнѣ силы, ибо я говорю: «Такъ какъ только такимъ образомъ чувство ея возрастаетъ, то жди, старайся его удержать, а затѣмъ, быть можетъ, дождешься минуты, когда она перерастетъ силу ея сопротивленія».

Люди вообще, и особенно женщины, полагаютъ, что такъ называемая платоническая любовь есть какой-то особый родъ любви, необыкновенно рѣдкій и необыкновенно благородный. Это просто смѣшеніе понятій. Платоническія отношенія могутъ существовать, но платоническая любовь точно такая же нелѣпость, какъ, напримѣръ, несвѣтящійся свѣтъ. Даже любовь къ умершимъ состоитъ изъ тоски какъ по ихъ душѣ, такъ равно по ихъ земной формѣ. Между живыми такого рода связь есть лишь покорность судьбѣ. Мнѣ не хотѣлось лгать, говоря Анелѣ: «Я буду любить тебя такъ, какъ будто ты уже умерла». Но покорность судьбѣ не исключаетъ надежды. Не смотря на столько разочарованій, не смотря на полное сознаніе, что всякая надежда тщетна, все же на днѣ моего сердца таилась и таится надежда, что наши нынѣшнія отношенія являются лишь этапомъ на пути нашей любви. Я могу повторять себѣ сто разъ: «иллюзія, иллюзія» и, тѣмъ не менѣе, не умѣю отогнать отъ себя надежды, пока не избавлюсь отъ желаній, ибо одно отъ другого нельзя отдѣлить. Я согласился на такія отношенія, такъ какъ долженъ былъ согласиться, такъ какъ предпочелъ такія никакимъ, но, не смотря на всю искренность, почти невольно считаю ихъ своей игрой, своей дипломатіей, цѣлью которой является полное, а не половинное счастье.

Однако, что меня заставляетъ призадуматься, что удивляетъ и огорчаетъ, чего попросту не понимаю, такъ именно то, что я и на этой дорогѣ разбитъ. Побѣды мои гдѣ-то во мракѣ будущаго и подобны какимъ-то маякамъ, призракамъ, а между тѣмъ въ настоящее время я со всей моей хитростью, со всѣмъ знаніемъ жизни, чувствъ, ихъ дипломатіи оказался попросту побѣжденнымъ существомъ, которое безконечно проще меня, менѣе знаетъ житейскую тактику, менѣе предусмотрительно и менѣе разсчитываетъ каждый шагъ. Нечего говорить, я побитъ! Ибо

чѣмъ является наша нынѣшняя связь? Въ сущности, только связью любящихъ другъ друга родственниковъ, слѣдовательно, тѣмъ, чего она желала, но чего я не желалъ. Прежде мнѣ приходилось плыть въ бурю и безпрестанно терпѣть крушеніе, но тогда я, по крайней мѣрѣ, самъ правилъ своей ладьей. Теперь Анеля правитъ обѣими, и я плыву спокойнѣе, ровнѣе, только чувствую, что плыву туда, куда не желаю плыть. Теперь мнѣ понятно, почему, лишь только я напомнилъ ей о любви Данта къ Беатриче, она протянула мнѣ обѣ руки. Для того именно, чтобы меня вести. Неужели Анеля лучше и глубже разсчитываетъ все, чѣмъ я.

Нѣтъ, я не знаю существа, менѣе способнаго къ какимъ бы то ни было разсчетамъ, чѣмъ она, и, слѣдовательно, не могу этого допустить, но также не могу избавиться отъ мысли, граничащей съ чѣмъ-то мистическимъ, что выходитъ такъ, какъ будто кто-то разсчитываетъ за нее.

Все, что меня окружаетъ, кажется чѣмъ-то страннымъ. Странно и то, что я самъ позволяю себя ограничивать, что самъ выдумалъ эту связь, столь противную моей натурѣ, моимъ взглядамъ, моимъ самымъ пламеннымъ желаніямъ. Если бы, до знакомства съ Анелей, мнѣ кто-нибудь сказалъ, что мнѣ придутъ въ голову такого рода планы, я счелъ бы его сумасшедшимъ и въ теченіе какого-нибудь мѣсяца имѣлъ бы поводъ для насмѣшекъ и надъ такимъ пророкомъ, и надъ самимъ собою. Я въ платонической связи! Даже теперь мнѣ иногда хочется смѣяться и иронизировать.

23 августа.

Завтра мы уѣзжаемъ. Небо проясняется, и вѣтеръ дуетъ съ запада, что предвѣщаетъ хорошую погоду. Мгла постепенно подымается вверхъ, принимая по временамъ самыя фантастическія очертанія. Мы съ Анелей ходили на Кайзервегъ. Утромъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, что бы произошло, если бы тѣ отношенія, въ какихъ мы живемъ, перестали бы удовлетворять самое Анелю? Я не имѣю права перейти границу и боюсь, какъ бы у нея, въ свою очередь, не явилась точно такая же мысль? Врожденная ей стыдливость и робость составляютъ и такъ непрѣодолимую для нея преграду, а если бы она еще пришла къ заключенію, что нашъ договоръ точно такъ же обязываетъ ее, какъ меня, то мы никогда не смогли бы придти къ соглашенію, и только страдали бы совершенно напрасно.

Однако, подумавъ, я понялъ всю неосновательность подобныхъ опасеній. Анелѣ даже эти платоническія отношенія кажутся слишкомъ близкими, а потому неужели она первая добровольно согласится на предоставленіе мнѣ большихъ правъ, когда она старается ограничить и тѣ, что я имѣю, и даже не даетъ того, что мнѣ принадлежитъ.

И все же человѣческая душа, пожалуй, даже и въ аду, будетъ еще жить надеждой. Не смотря на очевидную невѣроятность подобнаго предположенія, я рѣшилъ обезпечить себя на всякій случай и сказалъ Анелѣ, что нашъ договоръ обязываетъ только меня, а то, что касается ея, зависитъ отъ ея воли.

Я хотѣлъ сказать ей также еще многое другое, а именно, что она несправедлива ко мнѣ, что душѣ моей непремѣнно и безусловно необходимо услышать изъ ея устъ слово: «люблю» и не разъ, но часто, еже-

дневно, что только этимъ мнѣ возможно жить и удержаться на высотѣ. Но Анеля была въ это утро такъ весела, оживленна и такъ сердечно относилась ко мнѣ, что у меня не хватило смѣлости смутить ея настроеніе. Вчера я не могъ понять, почему это существо, столь полное простоты, овладѣваетъ мною и побѣждаетъ даже тамъ, гдѣ по всякимъ человѣческимъ соображеніямъ долженъ быть побѣдителемъ я. Сегодня для меня это болѣе ясно, и у меня есть готовое, очень печальное предположеніе: должно быть, я люблю ее болѣе, чѣмъ она меня.

Я зналъ одного человѣка, у котораго была поговорка: «Дѣло не обо мнѣ». Ничего не было бы удивительнаго, если бы я то же самое сталъ повторять. Ибо, если у меня есть иногда желаніе высказать что-нибудь изъ глубины души, что жжетъ меня, какъ раскаленный уголь, а между тѣмъ я замѣчаю, что могу этимъ спугнуть ея веселость, ея улыбку и испортить ея хорошее настроеніе, то я молчу.

Сколько разъ такъ случается!

Что я ее люблю болѣе, чѣмъ она меня, это мнѣ уже сто разъ приходило въ голову, но я о нашихъ отношеніяхъ одинъ день думаю одно, другой день другое, блуждаю, теряюсь, противорѣчу самъ себѣ, каждую вещь ежедневно объясняю иначе. Одинъ разъ мнѣ кажется, что Анеля и меня не очень любитъ, и вообще неспособна къ любви, другой разъ не только думаю, но и чувствую, что это одно изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ любящихъ существъ, какое мнѣ встрѣтилось въ мірѣ. И у меня всегда есть доказательства, какъ въ пользу перваго, такъ и въ пользу второго предположенія. Я говорю себѣ такъ: если бы, напримѣръ, ея любовь ко мнѣ стала въ три, четыре, въ десять разъ сильнѣе, то неужели не насталъ бы, наконецъ, моментъ, когда она вмѣстѣ съ тѣмъ превзошла бы силу ея сопротивленія? Да. Слѣдовательно, вопросъ заключается только въ силѣ чувства? Нѣтъ! Ибо, если бы ея чувство было очень не велико, или его вовсе не было бы, то Анеля столько не страдала бы, а, вѣдь, я видѣлъ ее почти такой же несчастной, какъ я самъ. На всѣ разсужденія, направленныя противъ нея, у меня есть только одинъ отвѣтъ: я видѣлъ.

Сегодня Анеля высказала мнѣніе, которое постараюсь запомнить, такъ какъ оно являлось также отвѣтомъ на мои сомнѣнія. Она ничего подобнаго не сказала бы, если бы я говорилъ прямо о насъ и о нашей любви. Но я говорилъ вообще, какъ обыкновенно теперь говорю, и доказывалъ, что чувство по своей природѣ дѣятельно, что оно является побудительной силой и безусловно создаетъ извѣстные акты воли. Выслушавъ, Анеля сказала:

— Или же причиняетъ страданія.

И натурально, что причиняетъ страданія. Но она этими нѣсколькими словами невольно заставила меня умолкнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнила мое сердце благоговѣніемъ къ ней. Въ такія минуты я счастливъ и несчастливъ, такъ какъ опять мнѣ кажется, что Анеля меня такъ же любитъ, какъ я ее; только все дѣло въ томъ, что она хочетъ остаться чистой предъ Богомъ, людьми и собой. А мнѣ этого не разрушить.

Въ концѣ концовъ, анализъ ея сердца и чувствъ не приводитъ меня ни къ какимъ аксіомамъ. Я постоянно нахожусь на распутьѣ. Къ моимъ

религіознымъ, философскимъ, общественнымъ «не знаю» прибавляется еще одно личное, во сто разъ важнѣйшее для меня, ибо я отлично понимаю, что, благодаря такому «не знаю», можно свернуть себѣ шею.

Самъ я ковалъ ту цѣпь, которая меня удерживаетъ при Анелѣ, и удерживаетъ безъ тѣни вѣроятности, что она когда-нибудь лопнетъ. Я люблю ее отчаянно, но вопросъ, не болѣзненно ли вмѣстѣ съ тѣмъ? Если бы я былъ моложе, если бы былъ здоровъ душой и тѣломъ и болѣе нормаленъ, то, быть можетъ, освободился бы или, по крайней мѣрѣ, въ виду той увѣренности, что никогда ничего не достигну, или, выражаясь грубо, ничего не выгадаю, старался бы разорвать эти узы. Но въ данное время я даже не дѣлаю усилій. Люблю ее такъ, какъ можетъ любить человѣкъ, больной нервами, близкій къ маніи, или какъ любятъ старые люди, которые, полюбивъ, держатся за эту любовь изо всѣхъ силъ, потому что она становится для нихъ вопросомъ жизни. Почти точно также люди цѣпляются и держатся за вѣтки, вися надъ пропастью.

Изъ моей жизни родилось одно это чувство и оттого, быть можетъ, такъ неестественно разрослось. Такое явленіе вполнѣ понятно и будетъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе будетъ на свѣтѣ людей, подобныхъ мнѣ, то есть, перерафинированныхъ скептиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нейрастениковъ, у которыхъ въ душѣ великое ничто, а въ крови великій неврозъ. Такой новоявленный представитель отживающей эпохи можетъ вовсе не любить, можетъ отожествлять любовь съ развратомъ, но когда въ какомъ-нибудь чувствѣ столкнутся всѣ его жизненныя силы, то оно имъ овладѣетъ совершенно и станетъ до такой степени упорнымъ, какъ только бываютъ упорны болѣзни. Быть можетъ, въ настоящее время психологи еще этого не понимаютъ, а ужъ, навѣрно, не понимаютъ этого до сихъ поръ романисты, занимающіеся анализомъ современной человѣческой души.

Вѣна, 25 августа.

Сегодня мы пріѣхали въ Вѣну. Въ дорогѣ я услышалъ разговоръ между тетей Целиной и Анелей, который считаю нужнымъ записать вслѣдствіе того, что онъ произвелъ особенное впечатлѣніе на Анелю. Въ вагонѣ было насъ только четверо, и мы говорили о портретѣ Анели, и именно о томъ, что надо будетъ отказаться отъ бѣлаго платья, такъ какъ шитье его потребовало бы слишкомъ много времени. Внезапно тетя Целина, которая помнитъ всякаго рода даты и вѣчно ихъ цитируетъ, сказала, обратившись къ Анелѣ:

— Вѣдь, нынче два мѣсяца, какъ твой мужъ пріѣхалъ въ Плошовъ.

— Кажется,—отвѣтила Анеля.

И въ ту же минуту она такъ сильно покраснѣла, что, желая это скрыть, встала и начала снимать лежавшій вверху на вагонной сѣткѣ дорожный мѣшечекъ. Когда она отвернулась, румянецъ не совсѣмъ еще исчезъ съ ея лица, но все же было видно, что на нее это упоминаніе произвело очень непріятное впечатлѣніе. Старшія дамы не замѣтили этого, такъ какъ тотчасъ стали спорить о томъ, въ какой именно день пріѣхалъ Кромицкій, но я это замѣтилъ и почувствовалъ, потому что у меня про-

мелькнула мысль, что въ этотъ самый день она должна была переносить его ласки, поцѣлуи, и мной овладѣли бѣшенство и стыдъ за тотъ ея румянецъ. Въ моей любви есть множество великихъ терній, но есть также множество малыхъ и омерзительныхъ. До этого упоминанія госпожи П., я былъ почти счастливъ, ибо у меня была иллюзія, что мы путешествуемъ съ Анелей, какъ женихъ съ невѣстой. Теперь въ одну минуту то хорошее настроеніе исчезло. Во мнѣ проснулось чувство горечи къ Анелѣ, и мое обращеніе съ ней совершенно измѣнилось. Она тотчасъ замѣтила это и уже въ Вѣнѣ, когда на вокзалѣ мы на минуту остались наединѣ, спросила меня:

— Ты за что-нибудь сердишься на меня?

— Нѣтъ, но люблю тебя,—рѣзко отвѣтилъ я ей.

Это опять ее опечалило. Быть можетъ, она подумала, что мнѣ уже наскучили тѣ свѣтлыя, спокойныя отношенія, и что я снова становлюсь прежнимъ Леономъ. Я же былъ вдвойнѣ золъ, такъ какъ меня терзала мысль, что мое самопознаніе даже не помогаетъ мнѣ справиться съ какимъ-нибудь однимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ. Только послѣдующія впечатлѣнія являются лѣкарствомъ противъ предыдущихъ, а моя философія въ подобныхъ случаяхъ не имѣетъ силы.

Тотчасъ послѣ пріѣзда въ Вѣну, я былъ у Ангели, но было уже шесть часовъ, и студія оказалась закрытой. Пришлось отложить посѣщеніе на завтра. Я уже раздумалъ. Мнѣ рѣшительно не хочется видѣть ее въ бѣломъ платьѣ. Правда, на портретѣ въ такомъ случаѣ не будутъ выдѣляться ея шея и плечи, но зато я буду имѣть ее такою, какова она ежедневно, то есть такою, какою болѣе всего ее люблю.

Вечеромъ насъ навѣстилъ докторъ Хвастовскій. Онъ здоровъ и бодръ, какъ всегда.

26 августа.

Сегодня у меня былъ отвратительный сонъ. Съ него я начинаю описаніе нынѣшняго дня, такъ какъ, хотя сонъ глупость, однако, по моему мнѣнію, при здоровомъ состояніи мозга не можетъ сниться ничего подобнаго. Меня давно мучаетъ безсонница, между тѣмъ вчера, едва успѣлъ я закрыть глаза, какъ тотчасъ задремалъ. Въ которомъ часу приснились мнѣ тѣ глупости, не знаю; мнѣ кажется, что только подъ утро, такъ какъ, когда я проснулся, было уже свѣтло, а врядъ ли мой сонъ продолжался долго. Я увидѣлъ массы жуковъ, выходящихъ изъ щелей между матрацомъ и кроватью. Они были такъ велики, какъ спичечныя коробки. Вскорѣ они поползли вверхъ по стѣнѣ. Странно, до какой степени подобные сны отчетливы и, такъ сказать, реальны; мнѣ очень явственно слышался шелестъ бумажныхъ обоевъ подъ лапками насѣкомыхъ. Поднявъ глаза, я увидѣлъ въ углу подъ потолкомъ цѣлые рои жуковъ, только нѣсколько иныхъ, еще крупнѣе и бѣлыхъ съ черными пятнами. У нѣкоторыхъ были два ряда ногъ, которыя съ виду походили на ребра. Во снѣ мнѣ все казалось натуральнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ омерзительнымъ. Я испытывалъ чувство отвращенія, но ничуть не боялся и не удивлялся. Только, когда я проснулся, отвращеніе это стало невыносимымъ и перешло въ какую-то страшную боязнь, а именно: боязнь смерти. Впервые я ощущалъ что-либо подобное, и эта боязнь смерти

формулировалась такъ: «Кто знаетъ, какія отвратительныя созданія могутъ существовать во тьмѣ по другую сторону бытія?» Немного спустя, я припомнилъ, что такихъ гигантскихъ бѣлыхъ съ черными пятнами жуковъ видѣлъ въ какомъ-то музеѣ, но въ тотъ моментъ они показались мнѣ видѣніемъ чего-то небывалаго, принадлежащаго къ загробной жизни. Я вскочилъ съ кровати, поднялъ штору и тотчасъ видъ свѣта совершенно меня успокоилъ. На улицѣ началось уже обычное движеніе, собаки тащили телѣжки съ овощами, служанки шли на базаръ, работники на фабрики и заводы. Видъ нормальной человѣческой жизни является самымъ лучшимъ средствомъ противъ такого рода фантасмагорій. Теперь ощущаю необыкновенную потребность свѣта и жизни. Окончательный выводъ изъ всего описаннаго тотъ, что я нездоровъ. Моя трагедія точитъ меня извнутри, какъ червякъ. Что въ бородѣ и на головѣ попадаются сѣдые волосы, это въ порядкѣ вещей, но лицо мое, особенно по утрамъ, принимаетъ восковой оттѣнокъ и руки немного прозрачны. Я не худѣю, скорѣе наоборотъ, но за всѣмъ тѣмъ вполнѣ сознаю, что у меня анемія, и чувствую, что мои жизненныя силы слабѣютъ, и что я иду къ чему-то дурному.

Я никогда не сойду съ ума и совершенно не могу себѣ представить, чтобы когда-нибудь пересталъ себя контролировать. Впрочемъ, одинъ извѣстный врачъ, и притомъ (что еще важнѣе) умный человѣкъ, сказалъ мнѣ, что, при извѣстной степени развитія самосознанія, это невозможно. Кажется, объ этомъ я уже писалъ. Но, даже не сходя съ ума, могу заболѣть какой-нибудь очень серьезной нервной болѣзнью, а такъ какъ мнѣ отчасти извѣстно, что это такое, то вполнѣ откровенно говорю, что предпочелъ бы ей всякую иную.

Вообще говоря, я не вѣрю въ докторовъ, особенно такихъ, которые вѣрятъ въ медицину, но, быть можетъ, придется просить у нихъ совѣта, тѣмъ болѣе, что и тетя этого желаетъ. Впрочемъ, мнѣ извѣстно одно безспорно хорошее средство: если бы Кромицкій умеръ, и если бы я женился на Анелѣ, то былъ бы здоровъ. Болѣзни, обусловленныя нервностью, надо лѣчить нервами.

Но она не захочетъ быть моимъ докторомъ, хотя бы дѣло шло о моей жизни.

Я былъ съ нею и съ тетей у Ангели. Сегодня происходилъ первый сеансъ. Какъ, однако, я былъ правъ, утверждая, что Анеля одна изъ красивѣйшихъ женщинъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ жизни, и оттого, что въ ея красотѣ нѣтъ ничего ординарнаго. Ангели всматривался въ нее съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто глядѣлъ на возвышенное и благородное произведеніе искусства. Онъ пришелъ въ отличное расположеніе духа, писалъ съ увлеченіемъ и вовсе не скрывалъ отъ насъ причины своего удовольствія.

— Въ моей профессіи,—говорилъ онъ,—подобная модель—рѣдкость. Когда видишь предъ собой такой образецъ, то иначе работаешь... Что за лицо! что за выраженіе!

А выраженіе было менѣе восхитительно, чѣмъ обыкновенно, потому что это робкое созданіе очень смутилось и съ трудомъ старалось сохранить лицо и фигуру натуральными: Ангели это понялъ.

— Въ слѣдующіе сеансы все будетъ лучше,—говорилъ онъ,—съ этимъ, какъ и со всѣмъ, надо освоиться.

И ежеминутно восклицалъ:

— Вотъ это такъ будетъ портретъ!

Ангели также съ удовольствіемъ посматривалъ на тетю, у которой черты лица благородны, очень характерны, энергичны и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно смѣлаго рисунка. Ея обращеніе съ Ангели было въ своемъ родѣ чѣмъ-то несравненнымъ. Въ немъ замѣчалась какая-то наивная безцеремонность дамы высшаго свѣта, всегда обладающей хорошимъ вкусомъ, но и полнѣйшей независимостью по отношенію къ кому бы то ни было. Ангели, человѣкъ, привыкшій къ поклоненію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ловкій, проницательный, тотчасъ понялъ это, и я замѣтилъ, что его это забавляло.

Мы остановились на черномъ шелковомъ платьѣ, впрочемъ, необыкновенно изысканномъ. Въ немъ особенно прелестно выдѣляется фигура Анели, ея стройность и красота ея формъ. Не могу объ этомъ ни думать спокойно, ни писать. Ангели, обращаясь къ Анелѣ, употребилъ слово: «mademoiselle». Натура женщины удивительна, хотя бы была ангельской. Я видѣлъ, что моему любимому существу это слово доставило удовольствіе, а еще большее удовлетвореніе отразилось на ея прелестномъ лицѣ, когда Ангели, узнавъ отъ меня про свою ошибку, отвѣтилъ:

— А я все же буду постоянно ошибаться! Глядя на васъ, невозможно не ошибиться...

Дѣйствительно, съ этимъ румянцемъ, вспыхнувшимъ на ея лицѣ, Анеля была такъ восхитительна, что мнѣ вспомнились нѣкогда написанные мною стихи, каждая строфа которыхъ кончалась словами:

„И дивлюсь только я, что цвѣты
„Не растутъ подъ твоими стопами“...

Выйдя изъ студіи, когда мы немного отдалились отъ тети, я прошепталъ ей на ухо:

— Анеля, ты не знаешь, ты даже не отдаешь себѣ отчета въ томъ, какъ ты прекрасна!

Она ничего не отвѣтила, только опустила глаза, какъ обыкновенно дѣлаетъ въ такихъ случаяхъ. Однако, въ теченіе цѣлаго дня въ ея обращеніи со мной замѣчался невольный, очень легкій оттѣнокъ кокетства. Быть можетъ, слова Ангели и мои привели ее въ такое настроеніе. Анеля чувствовала мое восхищеніе ею и была мнѣ за это благодарна

А я не только восхищался ею, но говорилъ себѣ въ душѣ или, вѣрнѣе, кричалъ:

— Чортъ возьми всякіе договоры! Я люблю ее безъ ограниченій и оговорокъ!...

Вечеромъ мы были на «Fliegende Holländer» Вагнера. Я очень мало слушалъ, или, иначе говоря, слышалъ только чувствомъ, понималъ только сквозь мою любовь.

Я спрашивалъ Вагнера: «Какое ты производишь на нее впечатлѣніе, проникаетъ ли въ нее твоя музыка, настраиваетъ ли ее къ любви, уноситъ ли ее въ какіе-нибудь міры, гдѣ любовь является высшимъ закономъ?» Меня только это интересовало.

Женщины, пожалуй, не умѣютъ любить такъ исключительно! Онѣ всегда оставляютъ какую-нибудь часть души для себя, для жизни и ея впечатлѣній.

27 августа.

Тетя хочетъ уѣхать. Ей надо спѣшить въ Плошовъ; она говоритъ, что здѣсь нѣтъ необходимости въ ея присутствіи, что даже будетъ лучше, когда она уѣдетъ, такъ какъ мы не будемъ тогда торопиться и останемся до тѣхъ поръ, пока это будетъ нужно для окончанія портрета. Мы всѣ возстали противъ ея плана въ виду того, что въ такіе годы неудобно ѣхать одной. Я счелъ своимъ долгомъ, хотя мнѣ далось это нелегко, сказать тетѣ, что, если она непремѣнно хочетъ ѣхать, то я буду ей сопутствовать. Признаюсь, что я съ нѣкоторой внутренней дрожью ждалъ ея отвѣта. Къ счастью, моя добрая тетя поспѣшно отвѣтила:

— И не думай. Если Целина почувствуетъ себя слабой или усталой, то кто же проводитъ Анелю въ студію. Вѣдь, не можетъ же она одна туда идти.

Тутъ она погрозила Анелѣ пальцемъ и, хотя съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ, но съ улыбкой добавила:

— Особенно потому, что этотъ художникъ смотритъ на нее болѣе, чѣмъ ему нужно для работы, а она это видитъ и рада. Ого! ее надо знать!

— Онъ ужъ немолодой—смѣясь отвѣтила Анеля, цѣлуя тетѣ руку.

— Немолодой, а говоритъ комплименты. Леонъ, смотри за ними обоими.

Въ виду указанныхъ тетей причинъ, я съ удовольствіемъ взялъ назадъ свое предложеніе сопутствовать ей въ Плошовъ. Мать Анели стала уговаривать ее взять, по крайней мѣрѣ, съ собой горничную, которая была съ нами въ Гаштейнѣ. Тетя сначала отказывалась, однако, потомъ согласилась, когда Анеля сказала ей, что въ отелѣ онѣ отлично обойдутся безъ прислуги.

Тетя все любитъ дѣлать скоро, а такъ какъ хочетъ выѣхать завтра, то сейчасъ же велѣла укладывать вещи. За обѣдомъ я дразнилъ ее, утверждая, что она предпочитаетъ намъ своихъ скаковыхъ лошадей, и что именно къ нимъ такъ спѣшитъ. Въ отвѣтъ тетя повторяла: «Ахъ, какой ты глупенькій! ну, тише, тише!»—но черезъ минуту, забывшись, начала вслухъ разговаривать съ собой о своихъ лошадяхъ.

Сеансъ нынче продолжался очень долго. Анеля позировала лучше. Лицо уже набросано.

28 августа.

Тетя выѣхала изъ Вѣны съ утреннимъ поѣздомъ. Сегодня мы были на сеансѣ вмѣстѣ съ госпожей П., которая увидѣвъ, на портретѣ слегка набросанный эскизъ лица, еле сдержалась отъ восклицанія возмущенія. Она не имѣетъ никакого понятія о живописи и о всѣхъ фазахъ, чрезъ какія долженъ пройти портретъ, а, слѣдовательно, полагала, что лицо уже останется такимъ, то есть, некрасивымъ и непохожимъ. Мнѣ пришлось ее успокаивать; Ангели потомъ догадался, о чемъ идетъ рѣчь, и, смѣясь, также увѣрилъ ее, что то, что она видитъ, есть только куколка, изъ которой родится бабочка.

Чтобы окончательно утѣшить ее, онъ добавилъ:

— Думаю, что это будетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ портретовъ, такъ какъ давно уже мнѣ не случалось писать такъ «con amore».

Лишь бы только слова его оправдались!

По окончаніи сеанса я пошелъ въ оперный театръ за билетами. Вернувшись съ ними, я засталъ Анелю одну, и меня охватило страшное искушеніе! Если бы она захотѣла, подумалось мнѣ, пасть въ мои объятія, то теперь была бы очень удобная минута, и при этой мысли я почувствовалъ, что блѣднѣю, что пульсъ мой бьется съ поразительной силой, что дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, и дыханіе спирается въ груди. Въ комнатѣ царилъ полумракъ, окна были наполовину закрыты занавѣсками. Мнѣ приходилось употреблять нечеловѣческія усилія, чтобы побѣдить силу страсти, которая неудержимо влекла меня къ ней. Мнѣ казалось, что отъ нея пышетъ жаромъ, и что тѣ же самыя мысли волнуютъ и ея душу. Я могъ схватить ее въ свои объятія, прижать къ груди, цѣловать ея глаза, уста... Какой-то голосъ шепталъ мнѣ: «Возьми ее, хотя бы потомъ пришлось тебѣ погибнуть!» Анеля тотчасъ замѣтила, въ какомъ я былъ необыкновенномъ состояніи; въ глазахъ ея отразился испугъ; но вскорѣ, овладѣвъ собой, она поспѣшно сказала:

— До возвращенія мамы ты долженъ быть моимъ опекуномъ; прежде я тебя боялась, но теперь такъ вѣрю тебѣ, и такъ мнѣ съ тобой хорошо...

Я сталъ цѣловать ея руки и повторялъ сдавленнымъ голосомъ:

— Если бы ты знала, если бы ты знала, что со мной происходитъ!..

Она же съ сочувствіемъ и печалью отвѣтила:

— Я знаю... и ты тѣмъ лучше, тѣмъ благороднѣе...

Еще минуту я боролся самъ съ собой, но, въ концѣ концовъ, она меня обезоружила и весь день старалась меня вознаградить за это. Никогда въ ея взглядѣ не было столько привязанности, какъ сегодня, никогда еще она не была ко мнѣ такъ нѣжна. Быть можетъ, это наилучшій путь, какой только есть предо мною, быть можетъ, такимъ именно образомъ чувство скорѣе всего наполнитъ сердце Анели и скорѣе всего ее побѣдитъ?—не знаю и, положительно, теряю голову...

Ибо, съ другой стороны, идя такимъ путемъ, я на каждомъ шагу ради любви приношу въ жертву самую любовь.

29 августа.

Произошло что-то странное и ужасающее. Во время сеанса Анеля, сначала позируя очень спокойно, внезапно вздрогнула; лицо ея вспыхнуло румянцемъ, а затѣмъ поблѣднѣло, какъ полотно. Мы съ Ангели чрезвычайно испугались. Онъ въ ту же минуту прервалъ работу и попросилъ Анелю отдохнуть; я подалъ ей воды. Немного спустя, это прошло. Анеля опять хотѣла позировать, но я видѣлъ, что она насильно принуждаетъ себя къ этому и какъ будто безпокоится. Быть можетъ, это произошло у нея отъ усталости. День сегодня былъ очень душный, отъ стѣнъ домовъ несло жаромъ. Я отвелъ ее домой раньше, чѣмъ вчера. За обѣдомъ она опять покраснѣла. Мы съ тетей Целиной стали допытываться, что съ ней. Она увѣряла насъ, что ничего. На мой вопросъ, не пригласить ли къ ней доктора, Анеля быстро и даже какъ бы съ раздраженіемъ отвѣтила, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности, и что она чувствуетъ себя пре-

красно. Весь остальной день она была блѣдна, причемъ въ лицѣ замѣчалось какое-то суровое выраженіе, а ея черныя брови ежеминутно хмурились. Ко мнѣ Анеля была болѣе равнодушна, чѣмъ вчера, и по временамъ мнѣ казалось, что она избѣгаетъ моего взгляда. Не понимаю, что это такое, и чрезвычайно безпокоюсь. Опять не засну, а если даже засну, то чувствую, что мнѣ опять приснится какой-нибудь сонъ, въ родѣ того, о которомъ я уже писалъ.

30 августа.

Вокругъ меня происходитъ что-то непонятное. Въ полдень я постучалъ въ дверь къ моимъ дамамъ, желая идти съ Анелей на сеансъ, между тѣмъ ихъ не оказалось дома. Прислуга отеля сказала мнѣ, что часа два тому назадъ онѣ велѣли подать экипажъ и уѣхали въ городъ. Немного удивленный, я рѣшилъ ихъ ждать. Дѣйствительно, черезъ полчаса онѣ вернулись, но Анеля, молча подавъ мнѣ руку, быстро прошла въ свою комнату. Мнѣ, однако, мелькомъ удалось замѣтить, что лицо ея взволновано. Я думалъ, что она идетъ только переодѣться, какъ вдругъ госпожа П. проговорила:

— Дорогой Леонъ, будь такъ любезенъ, поѣзжай къ Ангели и извинись передъ нимъ, сегодня Анеля не пойдетъ на сеансъ. Нервы ея такъ разстроены, что она ни въ какомъ случаѣ не могла бы позировать.

— Что съ ней?—спросилъ я съ величайшимъ безпокойствомъ.

Госпожа П. съ минуту колебалась и, наконецъ, отвѣтила:

— Не знаю; я возила ее къ доктору, но мы его не застали. Я оставила ему карточку, въ которой просила его пріѣхать къ намъ въ отель... Впрочемъ... не знаю...

Ничего болѣе мнѣ не удалось допытаться. Нанявъ извозчика, я поѣхалъ къ Ангели. Когда я ему говорилъ, что Анеля не пріѣдетъ, мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня съ недовѣріемъ. Впрочемъ, въ виду моего очевиднаго безпокойства, это было бы вполнѣ натурально. Но у меня мелькнула мысль, не подозрѣваетъ ли онъ, что мы раздумали и хотимъ отказаться отъ портрета? Вѣдь, Ангели насъ не знаетъ, и можетъ даже подумать, что причиной моего смущенія являются какія-нибудь денежныя затрудненія. Желая на всякій случай предотвратить подобныя подозрѣнія, я рѣшилъ заплатить ему впередъ. Онъ, услышавъ это, сталъ очень энергично отказываться и заявилъ, что деньги возьметъ не раньше, какъ по окончаніи портрета, но я отвѣтилъ, что являюсь только хранителемъ суммы, оставленной тетей, а такъ какъ, вѣроятно, мнѣ придется скоро уѣхать, то предпочитаю поскорѣе избавиться отъ хлопотъ. Послѣ долгихъ споровъ, которые мнѣ наскучили, рѣшено было по-моему. Мы уговорились, что сеансъ произойдетъ завтра въ обыкновенное время; если же госпожѣ Кромицкой, въ виду состоянія ея здоровья, нельзя будетъ пріѣхать, то мы его заранѣе извѣстимъ до десяти утра

Вернувшись въ отель, я тотчасъ пошелъ къ дамамъ. Анеля была въ своей комнатѣ; мать ея сказала мнѣ, что докторъ только что уѣхалъ, но не сказалъ ничего рѣшительнаго и предписалъ лишь спокойствіе. Не знаю, почему, но мнѣ показалось, что въ ея лицѣ опять было какое-то колебаніе. Быть можетъ, это было только безпокойство, которое, впрочемъ, мнѣ легко понять, такъ какъ и я его чувствую.

Уйдя къ себѣ, я сталъ горько упрекать себя въ томъ, что наши отношенія, затѣмъ та внутренняя борьба, которая, навѣрно, происходитъ въ Анелѣ, наконецъ, это знаніе о моей любви и моихъ страданіяхъ не остаются безъ дурного вліянія на ея здоровье. Думая объ этомъ, я испытывалъ чувство, которое можно было бы выразить такими словами: «Лучше бы ты пропалъ, чѣмъ ей болѣть!»

Я такъ боялся, что она можетъ не придти къ обѣду, какъ будто отъ этого зависѣло, Богъ знаетъ, что. Къ счастью, она пришла, однако, не переставала меня удивлять. Прежде всего Анеля смутилась при видѣ меня, потомъ старалась быть такою, какъ обыкновенно, но была иною и, очевидно, скрывала какое-то горе. Притомъ Анеля была блѣднѣе, чѣмъ всегда, такъ какъ волосы у нея не особенно темные, а между тѣмъ она казалась почти брюнеткой.

Ужъ не получили ли онѣ какого-нибудь неблагопріятнаго извѣстія отъ Кромицкаго? А если получили, то какого рода можетъ быть это извѣстіе? Быть можетъ, мои деньги находятся въ опасности? Чортъ съ ними! Все, что у меня есть, не стоитъ того, чтобы Анеля даже въ теченіе пяти минутъ огорчалась.

Завтра необходимо это выяснить. Я почти увѣренъ, что тутъ играютъ роль причины моральнаго свойства, и что все находится въ связи съ Кромицкимъ. Что онъ тамъ еще устроилъ? Вѣдь, не продалъ же онъ второго Глухова, хотя бы по той простой причинѣ, что его нѣтъ.

Берлинъ, 5 сентября.

Я уже въ Берлинѣ, а очутился здѣсь потому, что, убѣжавъ изъ Вѣны, долженъ былъ куда-нибудь уѣхать. Въ Плошовѣ нельзя мнѣ быть, туда она вскорѣ пріѣдетъ.

Я былъ до такой степени убѣжденъ, что меня никакая сила не оторветъ отъ нея, что сама мысль о разрывѣ съ нею казалась мнѣ дикой. А между тѣмъ оказывается, что ничего нельзя заранѣе предвидѣть, такъ какъ я вотъ уѣхалъ, и все кончено. Я въ Берлинѣ. Мнѣ кажется, что у меня въ головѣ маховое колесо какой-то машины. Мысли у меня такъ кружатся, что мнѣ даже больно. Но я не сошелъ съ ума! Все знаю, все помню. Мой докторъ правъ: съ ума сходятъ только слабыя головы. Со мной не могло это случиться еще и потому, что иногда такого рода болѣзнь можетъ быть баснословнымъ счастьемъ.

6 сентября.

Порою, однако, думаю, что мой мозгъ выкипитъ. Вѣдь, то обстоятельство, что порядочная женщина, которая прожила съ мужемъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ оказаться беременной, чрезвычайно естественно, а между тѣмъ мнѣ этотъ естественный порядокъ кажется чѣмъ-то до того чудовищнымъ, что у меня голова идетъ кругомъ. Нельзя же одновременно думать, что то, что является обыкновеннымъ закономъ природы, является вмѣстѣ съ тѣмъ чудовищностью. Этого никакая голова не выдержитъ. Въ чемъ же дѣло? Сосредоточиваю все свое сознаніе и вполнѣ понимаю, что тѣхъ, которые должны быть раздавлены, раздавливаетъ сила какихъ-нибудь необыкновенныхъ событій; но со мной происходитъ что-то иное. Меня терзаетъ обыкновенный порядокъ вещей.

И чѣмъ онъ болѣе естественъ, тѣмъ кажется страшнѣе.

Словомъ, одни лишь противорѣчія. Она не отвѣтственна за этотъ фактъ, я это понимаю, такъ какъ еще не сошелъ съ ума! Анеля не перестала быть добродѣтельной, и, однако, я скорѣе простилъ бы ей всякое преступленіе. И не могу, видитъ Богъ, не могу тебѣ простить именно потому, что я тебя такъ любилъ! Повѣришь ли ты, что на свѣтѣ нѣтъ женщины, которую бы теперь я такъ презиралъ, ибо, наконецъ, ты имѣла двоихъ: меня для платонической любви, а Кромицкаго—для супружеской!

Въ эту минуту мнѣ хочется биться головой о стѣну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочется и смѣяться...

Я даже не ожидалъ, что былъ же для меня способъ оторваться отъ тебя! Былъ и удался.

8 сентября.

Когда подумаю, что все кончено, порвано, что ничего не осталось, что я уже уѣхалъ навсегда, мнѣ просто не хочется вѣрить этому. Для меня уже нѣтъ Анели, нѣтъ! А что же есть?—ничего!

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ я живу? Не знаю! Вѣдь, не изъ-за любопытства, будетъ ли у Кромицкаго сынъ или дочь!

Постоянно думаю: какъ все это натурально, и тѣмъ не менѣе голова моя идетъ кругомъ.

Странное дѣло: мнѣ слѣдовало бы быть подготовленнымъ къ такому факту, и все же ничего подобное мнѣ даже не приходило въ голову. Я скорѣе ожидалъ бы, что меня поразитъ молнія.

Кромицкій, однако, изъ Варшавы тотчасъ поѣхалъ въ Плошовъ, пробылъ тамъ нѣсколько дней, а потомъ они были вмѣстѣ въ дорогѣ, вмѣстѣ въ Вѣнѣ, вмѣстѣ въ Гаштейнѣ.

А я тѣмъ временемъ создавалъ любовное настроеніе. Нервы ея были возбуждены и сердце полно. Ей-Богу, въ этомъ есть ужасно смѣшныя стороны.

Я страшно глупъ. Ибо, коль скоро я могъ перенести совмѣстное пребываніе Кромицкихъ, то долженъ перенести и его послѣдствія. Но, клянусь Богомъ, это не умъ, а мои нервы не могутъ примириться съ такого рода послѣдствіями. Есть люди, въ которыхъ эти двѣ силы идутъ согласно; во мнѣ же онѣ грызутся, какъ собаки. Однимъ несчастьемъ больше.

Почему, собственно, я никогда не предвидѣлъ чего-либо подобнаго? Должно же было мнѣ придти въ голову, что если существуетъ какое-нибудь ужасное стеченіе обстоятельствъ, какой-нибудь ударъ, самый мучительный изъ всѣхъ, которые мнѣ пришлось пережить, то онъ, очевидно, не минуетъ меня.

Иногда мнѣ кажется, что меня попросту преслѣдуетъ Провидѣніе, и что оно, установивъ логику фактовъ, которая сама собою умѣетъ мстить, тѣмъ не менѣе не ограничивается этой местью, но еще, помимо этого, вмѣшивается въ мои дѣла и особо меня караетъ. Но почему такая жестокость противъ меня? Сколько людей любитъ чужихъ женъ, и неужели они потому менѣе страдаютъ, что менѣе сильно, болѣе легкомысленно и менѣе честно любятъ. Какая же это была бы справедливость?

Впрочемъ, нѣтъ! Во всемъ этомъ нѣтъ никакой сознательной мысли, и все совершается такъ, какъ должно быть, какъ случится.

10 сентября.

Я постоянно думаю о томъ, что до сихъ поръ человѣческая трагедія разыгрывалась изъ-за исключительныхъ случайностей и несчастій, а моя вытекаетъ именно изъ естественнаго теченія вещей. Право, не знаю что хуже. Такую, однако, естественность невозможно перенести.

11 сентября.

Говорятъ, что человѣкъ, пораженный молніей, не падаетъ сразу. Я также до сихъ поръ держался силою той молніи, которая ударила въ меня, однако, думаю, что теперь свалюсь. Чувствую себя плохо. Какъ только начинаются сумерки, со мной происходитъ что-то странное: чувствую, что мнѣ душно, стараюсь вздохнуть, и мнѣ кажется, что воздухъ не хочетъ проникнуть въ глубину моихъ легкихъ, что я дышу только ихъ частью. Днемъ и ночью меня время отъ времени охватываетъ какая-то неопредѣленная тревога. Мнѣ кажется, что случится что-то, и что-то страшное, несравненно худшее, чѣмъ смерть,

Вчера я задалъ себѣ вопросъ, что бы случилось, если бы внезапно въ этомъ чужомъ городѣ я забылъ, какъ меня зовутъ, гдѣ живу, и пошелъ бы въ темнотѣ, куда глаза глядятъ, безъ цѣли, безъ болѣе или менѣе опредѣленнаго намѣренія.

Конечно, это болѣзненныя предположенія. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ съ моимъ тѣломъ случилось бы только то, что уже случилось съ душой, ибо въ смыслѣ моральномъ я не знаю, гдѣ живу, иду во тьмѣ, безъ цѣли, въ какомъ-то забытьи.

И боюсь всего, за исключеніемъ смерти. Строго говоря, у меня такое странное чувство, будто не я боюсь, а только тревога проникла въ меня, какъ бы какое-то особое существо, и дрожитъ.

Я теперь, положительно, не выношу темноты. Вечеромъ брожу до полнаго изнеможенія по улицамъ, освѣщеннымъ электричествомъ. Если бы мнѣ пришлось встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, я, кажется, убѣжалъ бы на край свѣта, но толпа мнѣ нужна. Когда на улицахъ она начинаетъ рѣдѣть, мнѣ становится страшно. Я всегда съ тревогой ожидаю ночи. А эти ночи такъ ужасно длинны.

У меня во рту почти постоянно металлическій привкусъ. Впервые я почувствовалъ это, когда, простившись съ Кларой, вернулся домой и засталъ у себя Кромицкаго, второй разъ въ Вѣнѣ, когда мать Анели сообщила мнѣ «важную новость».

Какъ ужасенъ былъ этотъ день! Послѣ второго визита доктора я пришелъ спросить о здоровьѣ Анели. У меня даже ни на минуту не мелькнуло подобное подозрѣніе, я ничего не понималъ даже въ то время, когда мать ея сказала мнѣ:

— Докторъ увѣряетъ, что это чисто-нервныя явленія, почти не находящіяся ни въ какой связи съ ея положеніемъ.

Видя, что я ни о чемъ не догадываюсь, она съ нѣкоторымъ смущеніемъ стала говорить:

— Я должна тебѣ сообщить важную новость...

И она сообщила мнѣ «важную новость».

Выслушавъ ее, я почувствовалъ во рту, какъ бы присутствіе цинка, мозгъ мой похолодѣлъ, ну, совершенно такъ же, какъ въ тотъ моментъ, когда мнѣ неожиданно пришлось увидѣть у себя Кромицкаго.

Я вернулся въ свою комнату. Отлично помню, что среди разныхъ чувствъ, какія меня терзали, явилось желаніе смѣяться. Это идеальное существо, которой даже платоническая любовь казалась чѣмъ-то недозволеннымъ, которая вмѣсто слова «любовь» говорила. «дружба!»...

Мнѣ неудержимо хотѣлось смѣяться и вмѣстѣ съ тѣмъ биться головой о стѣну.

Однако, у меня сохранилось какое-то машинальное присутствіе духа. Его дало мнѣ сознаніе, что все кончено разъ навсегда, и что я долженъ уѣхать, что не могу не уѣхать... Это сознаніе сдѣлало меня автоматомъ, отлично выполнявшимъ всякія функціи, относящіяся къ отъѣзду. Я до такой степени сохранилъ присутствіе духа, что не забылъ соблюсти декорумъ. Для чего, не знаю! Для меня это не имѣло никакого значенія. Навѣрно, это были рефлексы мозга, привыкшаго въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и лѣтъ скрывать правду и соблюдать декорумъ Я сказалъ матери Анели, что былъ у доктора, что у меня болѣзнь сердца, что докторъ велѣлъ мнѣ ѣхать, не теряя ни минуты въ Берлинъ, и она повѣрила.

Анеля—нѣтъ! Я видѣлъ ея глаза отъ ужаса расширенные, видѣлъ взоръ опозоренной мученицы, и въ ту минуту, во мнѣ было два человѣка, одинъ говорилъ: «чѣмъ же она виновата?», другой хотѣлъ ей плюнуть въ лицо.

О, зачѣмъ я такъ любилъ эту женщину!

12 сентября.

Скоро исполнится двѣ недѣли, какъ я уѣхалъ. Онѣ навѣрно уже вернулись въ Плошовъ. Сегодня я писалъ тетѣ, такъ какъ боялся, что она встревожится обо мнѣ и пріѣдетъ сюда. Порою мнѣ кажется страннымъ, что есть существо, которое такъ глубоко привязано ко мнѣ, и для котораго моя жизнь имѣетъ такое значеніе.

13 сентября.

Есть люди, которые соблазняютъ чужихъ женъ, обманываютъ ихъ, потомъ бросаютъ и спокойно уходятъ. Я ничего подобнаго не сдѣлалъ, а если бы она стала моей жертвой, то обожалъ бы ее, и тогда ужъ никакая человѣческая сила не оторвала бы меня отъ ея ногъ. Слѣдовательно, есть чувства, болѣе преступныя, чѣмъ мое, и тѣмъ не менѣе на меня обрушилось такое бремя, что я невольно испытываю въ данный моментъ впечатлѣніе какой то исключительной кары и, невольно измѣряя величиной кары свою вину, не могу избавиться отъ сознанія, что моя любовь была страшнымъ преступленіемъ.

Это родъ инстинктивной тревоги, отъ которой не избавляетъ скептицизмъ.

А, вѣдь, согласно всякой морали, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что большей кары заслуживалъ бы тотъ, кто привлекаетъ къ себѣ женщину, не любя ея, и холодно дѣлаетъ все то, что я дѣлалъ изъ горячей любви.

Отвѣтственность не можетъ быть болѣе тяжкой за чувства великія и захватывающія, чѣмъ за мелкія и низкія.

Нѣтъ! И вотъ потому моя любовь есть прежде всего страшное несчастье.

Человѣкъ безъ предразсудковъ можетъ представить въ своемъ воображеніи, что бы онъ чувствовалъ въ данномъ случаѣ, если бы былъ суевѣренъ, точно такъ же, какъ человѣкъ сомнѣвающійся можетъ почувствовать, какъ бы онъ молился, если бы былъ вѣрующимъ. Я не только это чувствую, но это еще соединяется во мнѣ съ такой жалобой, что я почти искренно молюсь и говорю: «Боже, если я согрѣшилъ, то зато столько выстрадалъ, что нѣкоторая доля милосердія меня бы уже не удивила!»

Но не умѣю представить себѣ, какимъ образомъ могло бы проявиться надо мной милосердіе. Это совершенно невозможно.

14 сентября.

Онѣ уже, навѣрно, вернулись въ Плошовъ. Я еще часто думаю о ней, ибо только въ такомъ случаѣ можно оторваться отъ своего прошлаго, когда есть что-нибудь впереди, а у меня ничего, ровно ничего. Если бы я былъ человѣкомъ вѣрующимъ, то сдѣлался бы священникомъ, если бы былъ человѣкомъ, который рѣшительно отрицаетъ существованіе Бога, то, быть можетъ, сталъ бы вѣрующимъ. Но во мнѣ тѣ органы души, которыми вѣрятъ, изсохли такъ, какъ можетъ изсохнуть рука. Ничего не знаю, кромѣ того, что въ страданіи религія не можетъ дать мнѣ утѣшеніе.

Когда Анеля вышла замужъ за Кромицкаго, я думалъ, что между нами все кончено, между тѣмъ это была неправда. Только я вполнѣ убѣжденъ, что все кончено, ибо насъ раздѣляетъ не только наша воля, не только мой отъѣздъ, но еще то, что заключается внѣ насъ, а именно независимая отъ насъ сила вещей.

Мы стали на различные пути, которыхъ не можетъ сблизить даже наша воля. На пути Анели будутъ страданіе, но будетъ также новые міры, новыя чувства, новая жизнь, предо мною же совершенная пустота. Она, несомнѣнно, пойметъ это такъ же хорошо, какъ я.

Любопытно, говоритъ ли подчасъ Анеля себѣ: я погубила этого человѣка и, быть можетъ, въ этомъ не виновата, но погубила его.

Конечно, ничего изъ этого для меня не выйдетъ, однако, мнѣ хочется, чтобы она меня хотя пожалѣла.

И, быть можетъ, будетъ жалѣть, пока у нея не родится ребенокъ. Потомъ всѣ ея чувства потекутъ по иному руслу, а я перестану для нея существовать. Это также сила вещей, это также законъ природы.

Чудные законы!

16 сентября.

Сегодня я увидѣлъ на афишѣ фамилію Клары Гильстъ, напечатанную гигантскими буквами. Я забылъ, что еще въ Гаштейнѣ получилъ отъ нея письмо съ извѣщеніемъ, что она будетъ въ Берлинѣ. Вотъ она здѣсь и даетъ нѣсколько концертовъ. На первыхъ порахъ это меня ни обрадовало, ни не обрадовало. Такъ какъ теперь мной овладѣло обычное

нервное безпокойство, мои впечатлѣнія раздваиваются; мысль, что близкая и дружественная душа живетъ въ томъ же самомъ городѣ, самъ не знаю почему, ободряетъ меня, но для меня достаточна одна лишь мысль. Я предпочелъ бы не видѣть Клары и когда говорю себѣ, что надо зайти къ ней, то испытываю непріятное чувство. Клара въ своей заботливости любопытна, хочетъ все знать и любитъ допытываться. Она склонна къ романтическимъ предположеніямъ и вѣритъ, что дружба можетъ излѣчить всякія страданія. А мнѣ что-нибудь разсказывать про себя, положительно, невозможно. У меня часто нѣтъ даже силъ думать о томъ, что произошло.

17 сентября.

Для чего я утромъ просыпаюсь? для чего существую? могутъ ли меня интересовать знакомые или вообще люди? Я не пошелъ къ Кларѣ, такъ какъ все, что она мнѣ можетъ сказать, также не интересуетъ меня и заранѣе утомляетъ. Ко всему міру я такъ же отношусь равнодушно, какъ онъ ко мнѣ.

18 сентября.

Какъ хорошо я сдѣлалъ, что написалъ тетѣ. Если бы не это, она пріѣхала бы сюда, такъ какъ вотъ что она мнѣ сообщаетъ:

«Твое письмо пришло въ тотъ самый день, въ который пріѣхала Целина съ Анелей. Какъ поживаешь теперь, мой дорогой? Ты говоришь что хорошо, но вполнѣ ли хорошо? Что тебѣ сказали въ Берлинѣ доктора, и долго ли ты тамъ пробудешь? Сообщи мнѣ телеграммой, застану ли еще тебя въ Берлинѣ, и я въ такомъ случаѣ немедленно пріѣду. Целина говорила мнѣ, что ты выѣхалъ такъ внезапно, что обѣ онѣ съ Анелей были очень встревожены. Если бы ты мнѣ написалъ, что тебѣ посовѣтовали морское путешествіе, я тотчасъ по полученіи твоего письма отправилась бы къ тебѣ. Вѣдь, отъ насъ въ Берлинъ только полсутокъ ѣзды, а я такъ здорова, какъ никогда. Я боюсь за тебя и боюсь этого путешествія моремъ. Правда, ты къ нему привыкъ, но меня пронимаетъ дрожь при одной мысли о корабляхъ и буряхъ.

Целина чувствуетъ себя хорошо, Анеля недурно. Я слышала, что тебѣ уже извѣстна новость. Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны, онѣ еще разъ пригласили спеціалиста, который заявилъ, что положеніе Анели не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Целина очень счастлива, и я также рада. Быть можетъ, это обстоятельство заставитъ Кромицкаго бросить свои спекуляціи на концѣ свѣта и поселиться на родинѣ. Анеля, несомнѣнно, будетъ счастлива, имѣя цѣль въ жизни. По возвращеніи она выглядитъ усталой и какъ бы угнетенной, быть можетъ, это съ дороги. У Снятыньскихъ ребенокъ сильно болѣлъ крупомъ, но теперь уже здоровъ».

Читая письмо тети, я испытывалъ одно лишь впечатлѣніе, а именно, что для меня нѣтъ тамъ мѣста между ними, нѣтъ особенно при Анелѣ. Вскорѣ ей будетъ непріятно даже воспоминаніе обо мнѣ.

19 сентября.

Я не могу представить себя черезъ года два или три. Что я буду дѣлать? Полная безцѣльность должна исключать жизнь. Собственно говоря, для меня нѣтъ мѣста нигдѣ.

20 сентября.

Я не былъ у Клары, но встрѣтилъ ее на Фридрихштрассе. Увидѣвъ меня, она поблѣднѣла отъ радости и волненія и привѣтствовала съ такой сердечностью, что меня это растрогало, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было непріятно, такъ какъ я чувствовалъ, что моя сердечность по отношенію къ ней только внѣшняя, и что я не испытываю даже радости отъ встрѣчи съ нею. Когда она нѣсколько пришла въ себя, то сейчасъ же выразила свое безпокойство по поводу происшедшей въ моемъ лицѣ перемѣны. Дѣйствительно, я выгляжу неважно и немного посѣдѣлъ. Клара стала разспрашивать о моемъ здоровьѣ, я же, не смотря на признательность и дружбу къ Кларѣ, чувствовалъ, что слишкомъ частыя встрѣчи съ нею, абсолютно, превышали бы мои силы, а потому, желая оградить себя отъ нихъ, сказалъ ей, что я боленъ, и что вскорѣ мнѣ придется отправиться въ болѣе теплый климатъ. Потомъ она пригласила меня къ себѣ. Мы разговаривали о тетѣ, Анелѣ и ея матери. Мнѣ пришлось отвѣчать общими фразами. Я говорилъ себѣ въ душѣ, что, быть можетъ, это единственное въ мірѣ существо, которое поняло бы меня, и одновременно сознавалъ, что ни за что въ мірѣ не открою ей сердца.

И, однако, я чувствую людскую доброту. Минутами, когда честные, голубые глаза Клары всматривались въ меня съ такой сильной привязанностью и вниманіемъ, какъ будто желали проникнуть въ глубину моей души, доброта ея унижала меня до такой степени, что мнѣ хотѣлось плакать. Наконецъ, Клара, не смотря на всѣ мои усилія, замѣтила, что я совершенно иной, чѣмъ прежде, женскимъ инстинктомъ отгадала, что я живу, говорю и думаю чуть ли не механически, а душа моя наполовину убита. Замѣтивъ это, она тотчасъ перестала разспрашивать и только сдѣлалась еще нѣжнѣе.

Клара старалась не утомить меня и хотѣла дать понять, что она выказываетъ ко мнѣ такую нѣжность не для того, чтобы расположить меня къ себѣ, но, единственно, для того, чтобы мнѣ было хорошо съ ней.

И мнѣ, дѣйствительно, было хорошо, но все же подъ конецъ бесѣды мной овладѣла усталость. Умъ мой въ настоящее время неспособенъ сосредоточиться, неспособенъ ни къ какимъ усиліямъ, даже къ такимъ незначительнымъ, какихъ требуетъ разговоръ съ другомъ. Кромѣ того, разъ моя главная и единственная цѣль жизни исчезла, все кажется мнѣ до того пустымъ и безплоднымъ, что у меня въ душѣ постоянно является вопросъ: «къ чему это? что изъ этого выйдетъ?»

21 сентября.

Никогда еще до сихъ поръ мнѣ не приходилось пережить такой страшной ночи, какъ нынче. Я испытывалъ ощущеніе такой тревоги, какъ будто спускался по безконечнымъ ступенямъ все въ болѣе глубокую тьму, въ которой совершается что-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленное. Я рѣшилъ уѣхать изъ Берлина, такъ какъ подъ этимъ оловяннымъ небомъ можно задохнуться. Вернусь въ Римъ, въ мой домъ на Бабуино и тамъ уже поселюсь навсегда. Думаю, что мои счеты не только съ Анелей, но и со всѣмъ міромъ уже совершенно покончены, и что я могу прозябать себѣ спокойно въ Римѣ, пока не наступитъ время, окончательно, проститься съ жизнью. Лишь бы только спокойно! Вчерашній

визитъ къ Кларѣ убѣдилъ меня, что, если бы даже мнѣ хотѣлось, я уже не сумѣю жить съ людьми, и что мнѣ нечѣмъ отплатить имъ за ихъ доброту. Я исключенъ изъ общей жизни, нахожусь внѣ ея и, хотя чувствую невыразимую пустоту, тѣмъ не менѣе не имѣю уже желанія вернуться въ жизнь.

Мысль о Римѣ, о моемъ пустынномъ жилищѣ на Бабуино улыбается мнѣ, правда, слабо и печально, но предпочитаю это чему-нибудь иному. Оттуда я улетѣлъ въ міръ, какъ птица изъ гнѣзда, туда же мнѣ приходится дотащиться на сломанныхъ крыльяхъ и ждать конца.

Теперь я пишу по утрамъ, потому что вечеромъ всегда спускаюсь въ свои подземелья, въ которыхъ обитаетъ тревога. Сегодня я буду на концертѣ Клары, распрощаюсь съ нею и завтра выѣду. По дорогѣ остановлюсь въ Вѣнѣ и, быть можетъ, зайду къ Анели, хотя въ этомъ не увѣренъ. Я теперь никогда не увѣренъ въ томъ, что буду чувствовать и дѣлать на слѣдующій день.

Нынче утромъ пришло письмо отъ Клары, въ которомъ она проситъ меня быть на ея концертѣ. На концертъ пойду, потому что тамъ такое множество здоровыхъ людей, что среди нихъ я чувствую себя болѣе безопаснымъ, причемъ это меня не утомляетъ, такъ какъ никого не знаю и вижу только толпу. Но къ Кларѣ не пойду. Она слишкомъ добра. Говорятъ, что люди, умирающіе съ голоду, за нѣкоторое время до смерти, не могутъ уже переносить пищи. Точно также мой духовный организмъ не переноситъ уже доброты и утѣшенія.

Онъ не переноситъ также воспоминаній. Кажется, пустякъ, но теперь знаю, что, кромѣ моральныхъ, были еще иныя причины, которыя сдѣлали мой визитъ къ Кларѣ столь тягостнымъ. Такъ, она употребляетъ тѣ же духи, какіе я привезъ Анелѣ изъ Вѣны въ Гаштейнъ. Мнѣ уже не разъ приходилось замѣчать, что если данная особа употребляетъ извѣстные духи, то впослѣдствіи ничто такъ реально не напоминаетъ ея, какъ тотъ самый запахъ.

22 сентября.

Я совершенно боленъ. Вчера, возвращаясь домой, простудился, такъ какъ въ концертномъ залѣ царила ужасная жара, мнѣ было душно, а потому, выйдя на свѣжій воздухъ, я не надѣлъ пальто и вернулся въ отель совершенно продрогшій. Каждый вздохъ вызываетъ во мнѣ такое ощущеніе, какъ будто мои легкія, расширяясь, попадаютъ на острія скрытыхъ подъ лопатками булавокъ. Меня, попеременно, то бросаетъ въ жаръ, то знобитъ. Я не могу утолить жажду. Минутами мной овладѣваетъ необыкновенная слабость, и я чувствую, что не смогъ бы сойти съ лѣстницы. Объ отъѣздѣ не можетъ быть и рѣчи. У меня не хватило бы силъ войти въ вагонъ. Теперь вотъ, когда пишу, слышу свое собственное дыханіе, которое въ три раза быстрѣе и громче, чѣмъ обыкновенно. Возможно, что если бы нервы мои были въ иномъ состояніи, то вчерашній холодъ такъ не подѣйствовалъ бы на меня, и я не простудился бы, но при настоящемъ положеніи вещей организмъ мой потерялъ всякую силу сопротивленія. Несомнѣнно, у меня воспаленіе легкихъ.

Я, однако, постараюсь держаться на ногахъ, пока буду въ состояніи. Утромъ, лишь только я почувствовалъ себя больнымъ, какъ тотчасъ

написалъ тетѣ, что здоровъ и дня черезъ два уѣзжаю. А дня черезъ два, если не потеряю сознанія и буду имѣть достаточно силъ, опять напишу то же самое. Въ письмѣ къ тетѣ я просилъ всѣ письма и телеграммы, которыя будутъ адресованы на мое имя, пересылать банкиру Б. въ Берлинъ. Постараюсь, чтобы никто въ Плошовѣ не узналъ о моей болѣзни. Какъ это хорошо, что я вчера распрощался съ Кларой!

23 сентября.

Мнѣ хуже, чѣмъ вчера, но я еще не слегъ въ постель. У меня горячка, но сознаю, что минутами мысли мои какъ бы затемняются горячечными видѣніями. Особенно, когда закрою глаза, почти совершенно исчезаетъ граница между дѣйствительностью и тѣмъ, что создаетъ мой больной мозгъ. Я еще контролирую себя, но боюсь, что горячка, окончательно, овладѣетъ мной, и что я совсѣмъ потеряю сознаніе.

Мнѣ приходитъ въ голову одно обстоятельство, а именно: что вотъ я, человѣкъ, одаренный судьбою лучше другихъ, который могъ бы создать себѣ домашній очагъ, семью, окружить себя любящими близкими людьми, теперь сижу, одинокій и больной, въ чужомъ городѣ, и нѣтъ возлѣ меня человѣка, который подалъ бы мнѣ стаканъ воды. Быть можетъ, при иныхъ обстоятельствахъ Анеля была бы со мной... Не могу дольше...

14 ктября.

Принимаюсь за свой дневникъ послѣ трехнедѣльнаго перерыва. При мнѣ нѣтъ Клары. Окончательно успокоившись относительно моего здоровья, она уѣхала въ Ганноверъ, но вернется дней черезъ десять. Клара ухаживала за мрой все время моей болѣзни. Она пригласила докторовъ и если бы не ея заботы, я, навѣрно, умеръ бы. Не помню, на третій или на четвертый день моей болѣзни появилась у меня Клара. Я еще былъ въ сознаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ плохъ, что при ея видѣ остался совершенно равнодушнымъ, точно она не ко мнѣ пришла, или точно ея приходъ былъ чѣмъ то самымъ обыкновеннымъ. Клара вошла съ докторомъ, и что привлекло мое вниманіе, такъ это его необыкновенно густые, бѣлые и вьющіеся волосы. Дѣйствительно, я былъ въ какомъ-то странномъ состояніи. Докторъ, осмотрѣвъ меня, сталъ предлагать мнѣ разные вопросы, сначала по-нѣмецки, а затѣмъ по-французски, я же, отлично понимая, вовсе не отвѣчалъ ему, такъ какъ не чувствовалъ ни малѣйшей потребности отвѣчать и не смогъ ее возбудить въ себѣ, точно воля моя была одинаково безсильна, какъ и тѣло.

Въ этотъ день меня измучили банками, потомъ я лежалъ спокойно, безъ впечатлѣній. Минутами мнѣ казалось, что я умру, но не придавалъ этому большаго значенія, чѣмъ всему прочему, что происходило вокругъ меня. Быть можетъ, въ каждой болѣе или менѣе тяжелой болѣзни, даже при сознаніи, теряется различіе между болѣе важными и менѣе важными дѣлами, вниманіе же, неизвѣстно почему, привлекается мелочами. Въ тотъ день, кромѣ волосъ, меня преимущественно интересовало отпираніе верхней и нижней задвижекъ дверей смежной комнаты, въ которой рѣшила поселиться Клара. Помню, что я не спускалъ глазъ, когда отодвигали задвижки, какъ будто это имѣло для меня какое-нибудь значеніе.

Вскорѣ потомъ пришелъ фельдшеръ, который долженъ былъ смотрѣть за мной подъ наблюденіемъ Клары. Онъ тотчасъ началъ мнѣ что-то говорить, но Клара велѣла ему хранить молчаніе.

Однако, меня еще утомляетъ продолжительное писаніе, поэтому прерываю.

16 октября.

Мои нервы за время этой болѣзни успокоились; уже не испытываю тѣхъ тревогъ, которыя прежде такъ мучили меня, и хочу только, чтобы Клара вернулась какъ можно скорѣе. Это не тоска, а лишь эгоизмъ больного человѣка, который чувствуетъ, что такой опеки и заботливости, какой онъ былъ окруженъ, ничто не въ состояніи ему замѣнить. Знаю, что Клара уже не будетъ жить возлѣ меня, но ея присутствіе подкрѣпило бы меня. Слабость и безпомощность такъ привязываются къ покровительствующей силѣ, какъ ребенокъ привязывается къ матери. Я убѣжденъ, что ни одна женщина не сдѣлала бы для меня того, что Клара, и что каждая предпочла бы соблюсти приличія, чѣмъ спасти человѣка. Думая объ этомъ, я ощущаю горечь во рту, а въ мысли одно имя... Но это обстоятельства, о которыхъ лучше не думать, пока нѣтъ силъ на то, чтобы справиться съ ними... Клара спала не раздѣваясь, въ сосѣдней комнатѣ, на кушеткѣ, и при открытыхъ дверяхъ. При каждомъ моемъ движеніи она тотчасъ была уже возлѣ меня. Я не разъ видѣлъ ее ночью склоненной надо мной, съ растрепавшимися волосами, блѣдной отъ усталости и безсонницы. Она сама подавала мнѣ лѣкарства, сама подымала меня на подушкахъ. Когда въ минуты сознанія мнѣ хотѣлось ее благодарить, Клара прикладывала палецъ къ губамъ въ знакъ того, что докторъ запретилъ мнѣ говорить. Не знаю, сколько ночей пришлось ей не спать. Она была такъ утомлена, что днемъ, сидя возлѣ меня въ креслѣ, иногда засыпала на половинѣ начатой фразы. Проснувшись, она улыбалась мнѣ и снова начинала дремать. По ночамъ Клара подчасъ очень долго ходила по своей комнатѣ, чтобы отогнать сонъ, но такъ тихо, что я бы этого не зналъ, если бы не видѣлъ чрезъ раскрытыя двери ея тѣнь, двигавшуюся по стѣнѣ. Однажды, когда Клара была возлѣ меня, я, не зная, какъ выразить ей свою признательность, поднесъ ея руку къ своимъ губамъ; тогда она быстро наклонилась и поцѣловала мою, прежде чѣмъ я успѣлъ ее отнять. А надо принять еще во вниманіе, что не всегда я умѣлъ быть ей благодаренъ. Въ болѣзни всякій пустякъ раздражаетъ, меня же раздражалъ ея высокій ростъ. Я какъ бы обвинялъ ее за то, что она не такая, какъ Анеля. Это, навѣрно, вытекало изъ того, что я привыкъ признавать красоту и грацію постольку, поскольку онѣ приближались къ красотѣ и граціи той. Иногда, глядя на Клару, я внутренно раздражался мыслью, что она красива не оттого, что природа хотѣла сдѣлать ее красивой, и не въ силу особенностей расы, но какъ бы вслѣдствіе счастливой случайности. Впрочемъ, не разъ красивая женская голова производила на меня подобное впечатлѣніе. Въ этихъ вещахъ есть оттѣнки, которые могутъ уловить только люди съ очень утонченными и впечатлительными нервами.

Однако, были минуты, особенно по ночамъ, въ которыя, когда я смотрѣлъ на исхудалое, измученное безсонными ночами лицо Клары, мной

овладѣвала иллюзія, будто предо мною та... Чаще всего происходило это, когда она сидѣла въ тѣни, въ сторонѣ отъ моей кровати. Иллюзіи содѣйствовали моя горячка и больной мозгъ, для котораго не существуетъ невозможнаго. Время отъ времени у меня былъ бредъ и о, ужасъ! тогда я звалъ Клару именемъ той и разговаривалъ съ ней, какъ съ той. Мнѣ помнится это, какъ сквозь сонъ.

17 октября.

Банкиръ Б. отослалъ мнѣ нѣсколько писемъ тети. Тетя спрашиваетъ о моихъ намѣреніяхъ относительно будущаго. Она пишетъ даже объ умолотѣ, только о людяхъ въ Плошовѣ не говоритъ ни слова. Не знаю даже, живутъ ли они или умерли. Что за удивительный и раздражающій способъ писанія писемъ. Дѣйствительно, очень меня интересуютъ умолотъ и все плошовское хозяйство! Я тотчасъ отвѣтилъ, причемъ не сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе.

18 октября.

Сегодня мнѣ отослали телеграмму Кромицкаго, адресованную въ Варшаву. Тетя вмѣсто того чтобы телеграфировать ея содержаніе, положила ее въ конвертъ и отправила по почтѣ. Кромицкій умоляетъ, чтобы я для спасенія собственныхъ денегъ и всей его судьбы прислалъ ему еще двадцать пять тысячъ рублей. Прочитавъ телеграмму, я только пожалъ плечами. Могутъ ли меня теперь интересовать Кромицкій и мои деньги! Пусть пропадаютъ. Если бы Кромицкому было извѣстно, въ силу какихъ причинъ я въ первый разъ помогъ ему, то, навѣрно, онъ теперь уже не обратился бы ко мнѣ съ просьбой. Пусть перенесетъ свои потери такъ же спокойно, какъ я перенесу мою. Впрочемъ, его ждетъ «важная новость», которая будетъ для него утѣшеніемъ. Радуйтесь, сколько хотите, плодите дѣтей, сколько вамъ угодно, но, если вы требуете отъ меня, чтобы я заботился объ ихъ судьбѣ, то, право, слишкомъ уже много требуете.

Если бы она, по крайней мѣрѣ, не жертвовала бы мнѣ съ такимъ безотносительнымъ эгоизмомъ ради своихъ, такъ называемыхъ, принциповъ... Впрочемъ, довольно объ этомъ, такъ какъ у меня мозги переворачиваются въ головѣ. Да будетъ мнѣ позволено, по крайней мѣрѣ, спокойно, болѣть...

20 октября.

Нѣтъ! Нашли меня и здѣсь. Вотъ уже два дня, какъ у меня опять нѣтъ покоя, опять держусь руками за голову, чтобы у меня не лопнулъ черепъ отъ того маховаго колеса, которое въ немъ вращается. Я опять думаю о Плошовѣ и о ней, и о моей пустотѣ въ будущемъ. Какая это ужасная вещь, когда у кого-нибудь внезапно погибаетъ то, чѣмъ онъ жилъ исключительно и единственно. Не знаю, болѣзнь ли обезсилила мой умъ, или я попросту не понимаю разныхъ явленій, которыя замѣчаю въ себѣ. Такъ, мнѣ кажется, что моя зависть пережила мою любовь.

И зависть вдвойнѣ, такъ какъ она касается не только фактовъ, но и чувствъ. У меня все кипитъ при мысли, что тотъ ребенокъ, который появится на свѣтъ, всецѣло привлечетъ къ себѣ сердце Анели и, что еще важнѣе, привлечетъ ее къ Кромицкому.

Если бы эта женщина была теперь свободна, я бы ея уже не хотѣлъ, но не могу перенести предположенія, что она будетъ любить мужа.

Я отдалъ бы остальную часть жизни за то, чтобы никто уже въ мірѣ ея не любилъ, и она никого. При такомъ условіи мнѣ еще возможно было бы существовать.

21 октября.

Если меня не спасетъ способъ, который у меня мелькаетъ въ головѣ, то я опять заболѣю или обезумѣю. Вотъ теперь я свожу счеты съ собой. Что мнѣ еще можетъ дать жизнь?—ничего! Что меня ждетъ?—ничего! А если такъ, то нѣтъ никакой причины, ради которой я не долженъ былъ бы сдѣлать изъ себя подарка кому-нибудь, кого такой подарокъ можетъ осчастливить. За мою жизнь, за мой умъ, за способности, за всего себя, я въ настоящее время не далъ бы и трехъ грошей. Вдобавокъ во мнѣ нѣтъ любви къ Кларѣ, но тѣмъ не менѣе, если она меня любитъ, если во мнѣ видитъ высшее счастье своей жизни, съ моей стороны было бы жестокостью отказывать ей въ томъ, что я самъ такъ мало цѣню. Конечно, я только счелъ бы своей обязанностью сказать ей, кто я, чтобы она знала, кого беретъ. Тѣмъ хуже для нея, если это ее не оттолкнетъ, но это ея дѣло.

Меня въ этомъ намѣреніи соблазняетъ только одно, а именно, что благодаря этому еще увеличится пропасть, которая отдѣляетъ меня отъ той женщины. И вотъ я покажу ей, что если она рыла ту пропасть съ своего берега, то и я сумѣю это сдѣлать съ своего. Тогда уже будетъ конецъ концовъ, ибо еще нынче я о ней думаю. Вижу это и констатирую со злостью.

Быть можетъ, это уже ненависть, но еще не равнодушіе.

Госпожа Кромицкая, навѣрно, полагала, что я отрываюсь отъ нея потому, что долженъ, а я ей докажу, что самъ этого хочу. И думается мнѣ, что чѣмъ толще будетъ стѣна между нами, тѣмъ болѣе она закроетъ ее отъ меня, тѣмъ скорѣе я ее забуду.

Что касается Клары, то повторяю, что я ея не люблю, но знаю, что она меня любитъ. Кромѣ того, Клара заслуживаетъ моей искренней признательности. Въ болѣзни были такія минуты, когда ея заботы обо мнѣ я въ душѣ называлъ нѣмецкимъ сентиментализмомъ, но той не хватило бы на такой сентиментализмъ. Вѣдь, было бы болѣе достойнымъ той высоко добродѣтельной женщины допустить человѣка умереть безъ всякой помощи, чѣмъ увидѣть его безъ галстуха, ибо такая привиллегія принадлежитъ только законному супругу. Клара не обращала вниманія ни на что, забросила ради меня свою музыку, обрекла себя на трудъ, на безсонныя ночи, вѣроятно, также на сплетни, пересуды, и все же осталась возлѣ меня.

Я ея должникъ, и вотъ погашаю долгъ. Погашаю дурно, ибо жертвую собой потому, что не цѣню себя, что мнѣ теперь все равно, и что являюсь лоскутомъ человѣка, а не человѣкомъ. Но коль скоро она этотъ лоскутъ цѣнитъ болѣе собственной жизни, то пусть же онъ принадлежитъ ей.

Одной лишь тетѣ я причиню огорченіе; это нанесетъ ударъ ея національнымъ и родовымъ чувствамъ. Однако, если бы тетя могла заглянуть въ мое сердце и прочесть все, что происходило въ немъ въ послѣднее время, она, навѣрно, предпочла бы этотъ бракъ той любви. Въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Что изъ того, что предки Клары, вѣроятно, были ткачами! У меня нѣтъ никакихъ принциповъ, у меня только нервы; мои же случайныя воззрѣнія скорѣе либеральны. Я давно думаю, что, если люди, исповѣдующіе либеральные принципы, часто отличаются большей узостью, чѣмъ консерваторы, то зато либеральные принципы сами по себѣ шире консервативныхъ и болѣе согласны съ ученіемъ Христа, что, впрочемъ, для меня все равно.

Но о тѣхъ взглядахъ не стоитъ даже говорить. Особенно теперь въ несчастьи я чувствую всю ихъ ничтожность.

Невольно мнѣ постоянно думается о томъ, какъ Анеля отнесется къ извѣстію о моемъ рѣшеніи? Я такъ привыкъ все чувствовать черезъ нее, что еще до сихъ поръ у меня осталась эта мучительная слабость.

22 октября.

Сегодня утромъ я послалъ письмо Кларѣ. Отвѣтъ получу завтра, или, быть можетъ, сама Клара пріѣдетъ еще нынче вечеромъ.

Послѣ полудня ко мнѣ пришла вторая телеграмма Кромицкаго. Въ ней столько отчаянія, сколько можетъ быть выражено въ какихъ-нибудь десяти слишкомъ строкахъ. Очевидно, все пошло тамъ очень худо, такъ какъ я не ожидалъ, чтобы такъ скоро могло послѣдовать разореніе. Вѣроятно, явились какія-нибудь неожиданныя обстоятельства, которыхъ не предвидѣлъ самъ Кромицкій.

Потеря тѣхъ семидесяти пяти тысячъ не составляетъ большого ущерба въ моемъ состояніи, и, не смотря на эту потерю, я всегда останусь болѣе, чѣмъ состоятельнымъ человѣкомъ, но Кромицкій!..

Зачѣмъ мнѣ себя обманывать? Въ моемъ сердцѣ есть уголокъ, въ которомъ родилось удовлетвореніе отъ этого краха. Вѣдь, если тѣ люди въ будущемъ будутъ имѣть, чѣмъ жить, такъ только благодаря тетѣ, которая, какъ сама она говоритъ, является управляющей состояніемъ Плошовскихъ.

Пока что, у меня нѣтъ намѣренія отвѣчать Кромицкому. Если бы даже я рѣшилъ это сдѣлать, то весь отвѣтъ мой заключался бы въ поздравленіи его съ потомкомъ. Потомъ послѣдуетъ что-нибудь другое! потомъ дамъ имъ средства къ существованію, и даже обильныя.

23 октября.

Клара вчера не пріѣхала, а сегодня до сихъ поръ, то есть, до вечера, отъ нея нѣтъ отвѣта. Это тѣмъ болѣе удивительно, что до этого дня она писала ежедневно, разспрашивая про мое здоровье. Ея молчаніе не удивило бы меня, если бы я могъ предположить, что она будетъ раздумывать, хотя бы въ теченіе десяти минутъ.

Буду ждать терпѣливо, однако, она бы лучше сдѣлала, если бы не медлила. Одно лишь знаю и чувствую, что, если бы мое письмо не было отправлено, быть можетъ, я послалъ бы второе подобнаго же содержанія, но если бы можно было вернуть первое, то, вѣроятно, вернулъ бы.

24 октября.

Вотъ что мнѣ пишетъ Клара:

«Дорогой другъ! По полученіи вашего письма я была какъ бы оше-

ломлена отъ счастья и тотчасъ хотѣла вернуться въ Берлинъ. Но именно потому, что васъ очень глубоко люблю, я вняла голосу, который говорилъ мнѣ, что высокая любовь не должна быть высшимъ эгоизмомъ, и что мнѣ нельзя жертвовать вами ради себя.

«Вы меня не любите. Я отдала бы жизнь за то, чтобы было иначе, но вы меня не любите. Ваше письмо является лишь порывомъ благодарности и какого-то отчаянія. Съ первой минуты нашей встрѣчи въ Берлинѣ я замѣтила, что вы нездоровы, несчастливы, и до какой степени я безпокоилась о васъ, можетъ служить доказательствомъ то, что, хотя вы послѣ концерта со мной простились и заявили о своемъ отъѣздѣ, я, однако, послала въ отель узнать, дѣйствительно ли вы уѣхали, и потомъ посылала ежедневно, пока мнѣ не сообщили, что вы больны. Затѣмъ, ухаживая за вами во время болѣзни, я убѣдилась, что и мое другое опасеніе основательно, и что у васъ есть какое-то большое горе, или вы испытали одно изъ такихъ мучительныхъ разочарованій, послѣ которыхъ трудно примириться съ жизнью.

«Теперь я увѣрена, и видитъ Богъ, какъ тягостна мнѣ эта увѣренность, что вы хотите связать свою судьбу съ моею, чтобы заглушить свое горе, чтобы что-то забыть, чтобы закрыть себѣ какой-то путь. Но, въ виду такого подозрѣнія, могу ли я согласиться на это? Отказываясь отъ вашего предложенія, я въ худшемъ случаѣ буду очень несчастлива всю жизнь, но зато никогда не скажу себѣ: «ты для него бремя и оковы». Я безгранично васъ полюбила съ первой минуты нашего знакомства, слѣдовательно, давно, а потому уже привыкла къ той печали и къ тѣмъ страданіямъ, какія вытекаютъ изъ разлуки, изъ отсутствія надежды и изъ той увѣренности, что я не любима. Тяжело мнѣ жить съ моимъ горемъ, но я его могу еще выплакать слезами, какъ обыкновенная женщина, или музыкой, какъ артистка. Мнѣ навсегда останется утѣшеніемъ то, что если вы иногда вспомните обо мнѣ, то скажете: «моя добрая сестра». И этимъ я живу. Но если бы я стала вашей женой и если бы замѣтила, что вамъ жаль своего порыва, что вы несчастливы, что меня возненавидѣли, то, навѣрно, умерла бы.

«Притомъ я говорю себѣ: что ты сдѣлала, чѣмъ заслужила такое безконечное счастіе. Ибо мнѣ даже страшно становится, когда подумаю о такомъ счастьѣ. Понимаете ли вы, что можно любить не только всей душой, но и съ покорностью? Я знаю, что можно, ибо такъ именно люблю васъ.

«И то уже мнѣ кажется дерзостью, что не имѣю мужества совершенно отказаться отъ надежды. Но не ставьте мнѣ этого въ упрекъ. Вѣдь, Богъ такой милосердный, а человѣкъ такъ сильно жаждетъ счастья, что не въ силахъ отказаться отъ него разъ навсегда. Если вы повторите мнѣ черезъ полгода или годъ, или когда-нибудь въ жизни, что вы еще хотите меня, тогда я буду за все вознаграждена, и за то, что уже выстрадала, и за тѣ слезы, отъ которыхъ не могу удержаться теперь».

Клара.

Во мнѣ есть человѣкъ, который умѣетъ прочувствовать и оцѣнить каждое слово этого письма. Ничто изъ него для меня не пропадаетъ, и

я говорю: тѣмъ болѣе стоитъ повторить, чѣмъ болѣе это сердце честно, просто и любящее.

Но есть также во мнѣ измученный человѣкъ, у котораго отняты жизненныя силы, который, сочувствуя, не любитъ, ибо то чувство поглотило все, что въ немъ было, и который видитъ ясно, что, коль скоро онъ разъ уйдетъ, то ему уже невозможно будетъ вернуться.

28 октября.

Я вполнѣ увѣренъ, что Клара вовсе не вернется въ Берлинъ и, что еще болѣе, что она, уѣзжая въ Ганноверъ, уѣзжала съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не возвращаться. Ей, очевидно, хотѣлось избѣгнуть моей благодарности. Я думаю о ней съ грустью и признательностью, но мнѣ еще болѣе жаль того, что она не попала на иного, чѣмъ я, человѣка. Во всемъ этомъ видна какая-то иронія судьбы. Если бы я любилъ Клару, хотя сотой частью той любви, какой любилъ Анелю, то даже изъ такой любви можно было бы создать цѣлый міръ счастья. Но что выйдетъ изъ того, что я буду самъ себя обманывать? Вѣдь, до сихъ поръ я подъ ярмомъ воспоминаній. Припоминаю ту Анелю такою, какою она была въ Плошовѣ, въ Варшавѣ, въ Гаштейнѣ, и отъ того прошлаго не могу оторвать своихъ мыслей. Впрочемъ, въ него столько ушло силъ и жизни, что я даже не удивляюсь себѣ. Можетъ ли быть иначе? Человѣку труднѣе всего не помнить.

Ежеминутно меня охватываютъ воспоминанія объ Анелѣ, и, желая отъ нихъ избавиться, я долженъ напоминать себѣ, что она уже иная, что чувства ея потекутъ и, вѣроятно, уже потекли въ совершенно иномъ направленіи, и что я уже для нея ничто.

Нѣкогда я предпочиталъ объ этомъ не думать, потому что у меня голова шла кругомъ, теперь же думаю подчасъ нарочно, такъ какъ иначе не умѣю заглушить голоса, которые раздаются въ моей душѣ и все чаще спрашиваютъ: «Чѣмъ же она виновата, что ей навязали этого ребенка? почемъ ты знаешь, что происходитъ въ ея сердцѣ. Она не была бы женщиной, если бы не полюбила ребенка, коль скоро онъ родится, но кто тебѣ сказалъ, что Анеля не чувствуетъ себя такъ же несчастной, какъ ты?»

Порою мнѣ кажется, что она, быть можетъ, еще болѣе несчастна, и въ такія минуты мнѣ хочется опять заболѣть воспаленіемъ легкихъ. Жизнь съ такимъ хаосомъ мыслей невозможна.

30 октября.

Чѣмъ болѣе чувствую себя здоровымъ, тѣмъ чаще возвращаюсь въ прежній заколдованный кругъ. Докторъ утверждаетъ, что черезъ нѣсколько дней мнѣ можно будетъ выѣхать. И поѣду, такъ какъ отсюда слишкомъ близко къ Варшавѣ и Плошову. Это, быть можетъ, одна изъ моихъ нервныхъ странностей, но мнѣ кажется, что въ Римѣ на Бабуино будетъ спокойнѣе. Я не обѣщаю себѣ не думать о прошломъ, напротивъ, буду о немъ думать съ утра до вечера, но это будутъ размышленія, подобныя развѣ тѣмъ, какія царятъ за монастырской стѣной. Впрочемъ, развѣ я знаю, что будетъ?! одно только знаю, что тутъ мнѣ не усидѣть. По дорогѣ навѣщу Ангели, такъ какъ въ Римѣ мнѣ необходимо имѣть ея портретъ.

2 нояб.

Покидаю Берлинъ, отказываюсь отъ Рима и возвращаюсь въ Плошовъ. Въ своемъ дневникѣ я когда-то писалъ: «Она не только наиболѣе любимая женщина, но и самое дорогое въ мірѣ существо». Да, такъ оно и есть! Пусть это неврозъ или старческое безуміе, или что угодно, мнѣ все равно: такъ или иначе, но у меня это уже въ крови и въ душѣ. Поѣду въ Плошовъ, буду ей служить, заботиться о ней, и въ награду хочу только смотрѣть на нее.

Дивлюсь, какъ могло явиться у меня предположеніе, что я смогу жить, не видя ея. Одно письмо тети вывело наружу то, что было во мнѣ. Тетя въ немъ говоритъ: «Не писала тебѣ о насъ, потому что не могла сообщить ничего утѣшительнаго, а такъ какъ я не умѣю лгать, то предпочла лучше хранить молчаніе, чѣмъ безпокоить тебя, зная, что ты нездоровъ. У меня большое горе по причинѣ Кромицкаго, и я хотѣла бы посовѣтоваться съ тобой. Старый Хвастовскій показывалъ мнѣ письмо своего сына, въ которомъ тотъ извѣщаетъ, что дѣла Кромицкаго въ самомъ ужасномъ положеніи, а ему самому угрожаетъ отвѣтственность предъ судомъ. Всѣ его тамъ обманули. Внезапно отъ него потребовали гигантскихъ поставокъ, а такъ какъ срокъ данъ былъ очень короткій, то онъ не могъ провѣрять доброкачественность доставляемыхъ ему мелкими поставщиками матеріаловъ. И вотъ все оказалось дурнымъ, испорченнымъ, поддѣльнымъ, и все, конечно, было забраковано, а вдобавокъ Кромицкаго привлекутъ къ суду за мошенничество. Далъ бы Богъ, чтобы хотя это на него не обрушилось, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не виноватъ. Не такъ важно разореніе, лишь бы только не было позора. У меня голова идетъ кругомъ, что дѣлать, и какъ его спасти? Боюсь рискнуть той суммой, которую предназначила Анелѣ, а между тѣмъ надо, по крайней мѣрѣ, избавить его отъ суда. Совѣтуй, Леонъ, у тебя есть умъ, и ты всегда умѣешь придумать какой-нибудь планъ. Ни Целинѣ, ни Анелѣ я до сихъ поръ не сказала ни слова, такъ какъ теперь меня ужасно безпокоитъ Анеля. Ты себѣ представить не можешь, что въ настоящее время происходитъ съ ней. Целина добрая женщина, но всегда все преувеличивала и въ такомъ же духѣ воспитала Анелю. Я не сомнѣваюсь, что она будетъ прекрасной матерью, но теперь Анеля меня подчасъ злитъ, потому что, коль скоро выходишь замужъ, то надо быть готовой къ послѣдствіямъ, а между тѣмъ она въ такомъ отчаяніи, какъ будто это позоръ. Ежедневно на ея лицѣ видны слѣды слезъ. Нельзя безъ состраданія смотрѣть на исхудалое лицо, опухшіе глаза, на это выраженіе какого-то страданія и униженія, какое отражается въ ея глазахъ. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось видѣть, чтобы женщина такимъ образомъ переносила подобное положеніе. Я пробовала ее урезонивать и бранить, но ничто не помогаетъ. Скажу тебѣ откровенно, что я слишкомъ люблю, а, быть можетъ, что подъ старость утрачиваю прежнюю энергію. Притомъ это такое милое, честное созданіе! Если бы ты зналъ, какъ она ежедневно разспрашиваетъ о тебѣ, не было ли письма, здоровъ ли ты, куда намѣреваешься ѣхать, долго ли пробудешь въ Берлинѣ? Анеля знаетъ, что я люблю говорить о тебѣ, и нарочно по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ со мной о тебѣ. Лишь бы только Богъ смиловался надъ ней и далъ ей силы для

перенесенія тѣхъ огорченій, которыя ее ждутъ. Я такъ безпокоюсь объ ея здоровье, что не рѣшаюсь намекнуть, хотя бы однимъ словомъ, на положеніе ея мужа. Но, вѣдь, раньше или позже это должно обнаружиться. Я также ничего не говорила и Целинѣ, потому что она очень огорчена раздражительностью Анели и понять не можетъ, отчего Анеля такъ трагически относится къ своему положенію?»

Отчего? Я одинъ въ мірѣ это понимаю, я одинъ могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, и оттого возвращаюсь въ Плошовъ.

Нѣтъ. Анеля относится трагически не къ своему положенію, но къ моему бѣгству, къ моему отчаянію, о которомъ догадывается, къ разрыву тѣхъ отношеній, которыя стали дороги ей съ того времени, когда послѣ столькихъ трудовъ, столькихъ страданій и усилій она смогла сдѣлать ихъ чистыми, возвышенными. Вотъ теперь я вхожу въ ея душу и думаю за нее. Ея трагедія стоитъ моей. Съ той минуты, какъ я вернулся въ Плошовъ, въ этомъ удивительно благородномъ существѣ чувство боролось съ долгомъ. Анеля хотѣла остаться чистой и вѣрной тому, кому поклялась въ вѣрности, ибо ея духовная натура исключаетъ ложь и грязь, и одновременно она не могла противостоять чувству къ тому человѣку, котораго полюбила первою любовью, и не могла тѣмъ болѣе, что тотъ человѣкъ былъ возлѣ нея, что любилъ ее и былъ несчастливъ.

Цѣлые мѣсяцы протекли у нея въ самой страшной внутренней борьбѣ. Наконецъ, когда настала минута успокоенія, когда ей казалось, что это чувство перешло въ связь душъ, такую неземную, что существованіе ея не бросало уже ни малѣйшей тѣни ни на чистоту мыслей, ни на клятву въ вѣрности, внезапно все рухнуло, и она осталась одна съ такой же пустотой впереди, какъ и я. Вотъ причина ея теперешняго несчастья.

Въ данный моментъ я читаю въ ея душѣ, какъ въ книгѣ, и оттого возвращаюсь.

Только теперь вижу, что я, вѣроятно, не оставилъ бы ее, если бы у меня была увѣренность, что ея чувство ко мнѣ переживетъ всякія случайности. Та звѣриная зависть, которая переполнила мое сердце бѣшенствомъ, а воображеніе отвратительными видѣніями того, чѣмъ въ силу своихъ правъ пользовался кто-то иной, не имѣла бы достаточно силы, чтобы оторвать меня отъ этой женщины, въ которой заключался мой міръ. Но я полагалъ, что тотъ ребенокъ, еще прежде, чѣмъ родится, уже овладѣетъ всѣми ея чувствами, что онъ сблизитъ ее съ мужемъ, а меня вычеркнетъ навсегда въ ея сердцѣ изъ числа живущихъ.

И я не самообольщаюсь; знаю, что не буду для нея тѣмъ, чѣмъ былъ, а особенно чѣмъ могъ быть, если бы не это стеченіе обстоятельствъ. Ибо я могъ остаться для нея единственнымъ дорогимъ существомъ, привязывающимъ ее къ жизни и счастью, теперь же такъ уже не будетъ. Но, пока въ ней будетъ тлѣть хотя искра чувства ко мнѣ, я не уйду отъ нея, такъ какъ не могу уйти, да и некуда уйти.

Итакъ, вернусь и начну раздувать эту искру и начну согрѣваться около нея, ибо въ противномъ случаѣ неминуемо замерзну отъ душевнаго холода.

Еще разъ прочитываю тѣ слова тети: «Если бы ты зналъ, какъ она

ежедневно разспрашиваетъ о тебѣ, не было ли письма, здоровъ ли ты, какъ долго пробудешь въ Берлинѣ», и не могу ими насытиться. Я испытываю то же самое, какъ будто бы умиралъ съ голоду, и вдругъ кто-то неожиданно принесъ мнѣ кусокъ хлѣба. Ѣмъ, и отъ благодарности мнѣ хочется плакать. Быть можетъ, надо мной начинаетъ уже проявляться милосердіе Божье?

Ибо чувствую, что я измѣнился за эти послѣдніе дни, и что прежній человѣкъ умеръ во мнѣ. Я уже не буду противиться ея волѣ, перенесу все, успокою ее и даже спасу ея мужа...

4 ноября.

Я остался еще въ Берлинѣ дня на два. Это съ моей стороны жертва, потому что еле могу здѣсь усидѣть, но необходимо было сначала послать письмо съ извѣщеніемъ о моемъ пріѣздѣ. Телеграмма могла испугать Анелю такъ же, какъ мое неожиданное прибытіе. Я послалъ письмо веселаго содержанія и закончилъ его такимъ сердечнымъ привѣтствіемъ Анелѣ, какъ будто бы между нами никогда ничего не произошло. Мнѣ хочется, чтобы она поняла, что я примирился съ своей судьбой и что возвращаюсь такимъ, какимъ былъ прежде.

Тетя, навѣрно, ожидала моего пріѣзда.

Варшава. 6 ноября.

Я пріѣхалъ сегодня утромъ. Тетя, предупрежденная моимъ письмомъ, ожидала меня въ Варшавѣ.

Въ Плошовѣ недурно, Анеля болѣе спокойна. За послѣднее время отъ Кромицкаго не было никакихъ извѣстій.

Бѣдная тетя привѣтствовала меня восклицаніемъ: «Что съ тобой случилось, Леонъ!» Она ничего не знала, что я болѣлъ, но, очевидно, такая продолжительная болѣзнь очень сильно меня истомила. Кромѣ того, волосы мои сильно посѣдѣли на вискахъ... Мнѣ теперь не хочется выглядѣть старымъ.

Но и тетя сильно измѣнилась въ послѣднее время. Вѣдь, прошло сравнительно немного времени, какъ мы разстались, а между тѣмъ я нашелъ въ ней громадную перемѣну. Лицо ея утратило прежнее выраженіе рѣшительности, черты стали болѣе неподвижны, голова нѣсколько трясется, что особенно замѣтно, когда она къ чему-нибудь внимательно прислушивается. Когда я съ безпокойствомъ началъ разспрашивать объ ея здоровьѣ, она отвѣтила мнѣ съ присущей ей откровенностью:

— По возвращеніи изъ Гаштейна я чувствовала себя великолѣпно, но теперь плохо и думаю, что теперь уже наступаетъ мой чередъ.

Черезъ минуту тетя добавила:

— Всѣ Плошовскіе кончаютъ параличемъ, у меня по утрамъ лѣвая рука нѣмѣетъ. Но не стоитъ объ этомъ говорить, на все воля Божья.

И она прекратила разговоръ на эту тему. Потомъ мы подробно совѣтовались, какъ помочь Кромицкому, и рѣшили не допустить дѣло до суда, хотя бы цѣною самыхъ большихъ жертвъ. Мы не могли спасти его отъ разоренія, развѣ цѣною нашего собственнаго разоренія, на что невозможно было согласиться ради Анели. Я придумалъ проектъ, чтобы послѣ того, какъ удастся замять дѣло, вызвать Кромицкаго на родину и превратить его въ сельскаго хозяина. Видитъ Богъ, что вся душа содро-

галась во мнѣ при одной мысли о его присутствіи подлѣ Анели, но, чтобы жертва была полной, я рѣшилъ испить и эту чашу яда.

Тетя намѣрена отдать ему одну изъ своихъ усадебъ, прилегающихъ къ Плошову, я дамъ соотвѣтственныя средства, и все это вмѣстѣ взятое составитъ приданое Анели. Кромицкій съ своей стороны долженъ только обязаться разъ навсегда бросить свои спекуляціи.

Тѣмъ временемъ мы пошлемъ ему на помощь одного изъ здѣшнихъ адвокатовъ, которому дадимъ средства, необходимыя для того, чтобы замять дѣло.

Послѣ совѣщанія я сталъ разспрашивать про Анелю. Тетя разсказала мнѣ о ней очень подробно и, между прочимъ, передала мнѣ, что она уже значительно измѣнилась и подурнѣла. Услыхавъ это, я только почувствовалъ къ ней еще бо́льшее состраданіе. Ничто уже не въ состояніи отвратить отъ нея мое сердце.

Это самое дорогое для меня существо!

Сегодня послѣ совѣщанія мнѣ хотѣлось тотчасъ ѣхать въ Плошовъ, но тетя заявила, что чувствуетъ себя усталой, и потому ей надо здѣсь переночевать. Такъ какъ я признался ей, что былъ боленъ воспаленіемъ легкихъ, то подозрѣваю, что она осталась нарочно, чтобы не пустить меня въ дорогу въ непогоду.

Дождь идетъ съ утра.

Впрочемъ, намъ и не удалось бы сегодня выѣхать, а завтра выѣдемъ, вѣроятно, только подъ вечеръ. Дѣло Кромицкаго требуетъ поспѣшности. Надо завтра же нанять адвоката и отправить его, какъ можно скорѣе.

7 ноября.

Мы пріѣхали въ Плошовъ въ семь часовъ вечера; теперь уже полночь, и всѣ у насъ въ домѣ спятъ. Слава Богу! встрѣча со мною не слишкомъ взволновала Анелю. Она вышла ко мнѣ смущенная, отчасти сконфуженная и въ ея глазахъ отражалась какъ бы нѣкоторая боязнь, но я далъ себѣ клятву, что встрѣчу ее такъ свободно и непринужденно, какъ будто бы мы только вчера разстались, и избѣгну въ привѣтствіи какого бы то ни было оттѣнка примиренія, прощенія и всякой излишней торжественности. Замѣтивъ ее, я поспѣшно приблизился къ ней и, протянувъ руки, почти весело воскликнулъ:

— Какъ поживаешь, дорогая Анеля! Я такъ стосковался по васъ, что отложилъ свое морское путешествіе до болѣе поздняго времени.

Она тотчасъ поняла, что такое привѣтствіе является актомъ примиренія и вмѣстѣ съ тѣмъ самопожертвованіемъ ради ея спокойствія. Судя по выраженію ея лица, Анеля, очевидно, была до того растрогана, что я боялся, сумѣетъ ли она совладать съ волненіемъ. Анеля хотѣла что-то сказать, но не могла, и только крѣпко пожимала мою руку. Одну минуту мнѣ казалось, что она расплачется.

Но я не допустилъ этого и сталъ поспѣшно говорить тѣмъ же самымъ тономъ:

— Что же портретъ? Голова уже была кончена, когда ты уѣзжала, не правда ли? Ангели не скоро его пришлетъ, такъ какъ самъ мнѣ говорилъ, что это будетъ его шедевромъ. Онъ, навѣрно, пошлетъ портретъ

на выставку въ Вѣну, въ Мюнхенъ и Парижъ. Къ счастью, я закъзалъ второй экземпляръ, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы ждать его еще годъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось также имѣть твой портретъ.

Анеля, не смотря на все, что происходило въ ея сердцѣ, должна была примѣниться къ моему тону, особенно потому, что въ разговоръ вмѣшались ея мать и тетя. Такъ прошли первыя минуты. Все, что я говорилъ, клонилось къ тому, чтобы скрыть наши взаимныя чувства Я не вышелъ изъ своей роли въ теченіе всего вечера, хотя чувствовалъ, какъ, отъ усилій сдержать себя, у меня выступалъ потъ на лбу. Организмъ мой былъ очень ослабленъ недавней болѣзнью, и, кромѣ того, положеніе мое въ данный моментъ было ужасно. За ужиномъ Анеля съ безпокойствомъ и умиленіемъ смотрѣла на мое блѣдное лицо, на посѣдѣвшіе на вискахъ волосы и, повидимому, отгадала все, что мнѣ пришлось перенести. Но я также и о своей болѣзни разсказывалъ чуть ли не весело, причемъ старался даже не глядѣть на ея измѣнившуюся фигуру, чтобы не дать ей почувствовать, что замѣчаю эту перемѣну, и что эта перемѣна приводитъ меня въ содроганіе. Подъ конецъ вечера мной нѣсколько разъ овладѣвала слабость, однако, я каждый разъ преьозмогалъ себя, и она читала въ моихъ глазахъ только самую глубокую привязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ полное примиреніе съ ея положеніемъ Анеля очень проницательна, знаетъ и понимаетъ все, но я превзошелъ самого себя: былъ такъ натураленъ и такъ держалъ себя непринужденно, что, наконецъ, и она могла предположить, что я рѣшилъ: «Съ чѣмъ невозможно бороться, съ тѣмъ надо примириться». Если даже въ этомъ отношеніи въ ея душѣ остались какія-нибудь сомнѣнія, зато въ одномъ отношеніи у нея не могло остаться ни малѣйшаго сомнѣнія, а именно, въ томъ, что я люблю ее, какъ прежде, что она всегда для меня была и будетъ моей обожаемой прежней Анелей.

И видно было по всему, что ее согрѣваетъ тепло моей любви. Въ самомъ дѣлѣ, я могъ гордиться собою, такъ какъ сразу озарилъ какимъ-то веселымъ, свѣтлымъ лучомъ этотъ домъ, гдѣ царило сумрачное, тягостное настроеніе. И мать Анели, и тетя сумѣли это оцѣнить. Въ ту минуту, когда я пожелалъ имъ покойной ночи, первая прямо сказала мнѣ:

— Слава Богу, что ты пріѣхалъ. У насъ на душѣ тотчасъ стало бодрѣе и веселѣе.

А Анеля, дружески пожимая мою руку, спросила·

— Теперь ты уже не скоро уѣдешь?

— Нѣтъ, Анеля,—отвѣтилъ я,—теперь, уже совсѣмъ не уѣду.

И я ушелъ или, скорѣе, убѣжалъ къ себѣ наверхъ, такъ какъ чувствовалъ, что слабѣю. За этотъ вечеръ меня до того истерзало сознаніе моего несчастья, что меня душатъ слезы. Есть маленькія самопожертвованія, которыя тяжелѣе и болѣе стоятъ, чѣмъ большія.

8 ноября

Я оттого такъ часто повторялъ: «Это для меня самое дорогое существо», что, дѣйствительно, надо любить женщину болѣе жизни не только, какъ женщину, но и какъ самое дорогое существо, чтобы не убѣжать отъ нея при такихъ условіяхъ. Отлично сознаю, что само физическое

отвращеніе заставило бы меня уйти отъ всякой иной женщины, а коль скоро я остаюсь при ней и останусь, то опять ко мнѣ возвращается мысль, что моя любовь является до нѣкоторой степени болѣзнью, какимъ-то нервнымъ уклоненіемъ, котораго бы не было, если бы я былъ совершенно здоровымъ и нормальнымъ экземпляромъ человѣческаго рода. Нынѣшній человѣкъ, который старается все познать и все объясняетъ неврозомъ, не имѣетъ даже того утѣшенія, какое могло бы ему дать удовлетвореніе своей вѣрностью. Ибо, когда онъ скажетъ себѣ: твоя вѣрность и выносливость—болѣзнь, а не заслуга, то ему остается только одной горечью болѣе. Если такого рода самопознаніе дѣлаетъ жизнь для людей все болѣе невозможной, то зачѣмъ мы о ней такъ хлопочемъ?

Только сегодня, при дневномъ свѣтѣ, я замѣтилъ, до какой степени измѣнилось даже лицо Анели, и при видѣ этого разрывалось мое сердце. Губы ея опухли, лобъ, нѣкогда такой безукоризненный, красивый, потерялъ свой цвѣтъ. Тетя была права! Красота ея почти исчезла Остались только глаза прежней Анели. Но для меня и этого достаточно. Ея измѣнившееся лицо усиливаетъ только мое состраданіе и нѣжность и становится еще болѣе дорогимъ для меня. Хотя бы она въ десять разъ сильнѣе подурнѣла, чѣмъ теперь, я всегда буду ее любить. Пусть это будетъ болѣзнь, мнѣ все равно. Слѣдовательно, я боленъ и тѣмъ не менѣе не желаю выздоравливать, предпочитаю лучше умереть отъ этой болѣзни, чѣмъ отъ какой бы то ни было иной.

9 ноября.

Настанетъ время, когда положеніе ея измѣнится, когда она опять станетъ прекрасной. Нынче я думалъ объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ установятся наши отношенія въ будущемъ, и не настанетъ ли въ нихъ какая-нибудь перемѣна? И я увѣренъ, что нѣтъ. Мнѣ уже извѣстно, что значитъ жить безъ нея, и я не сдѣлаю ничего такого, за что бы Анеля могла меня оттолкнуть, она же останется такою, какъ была. У меня теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что я ей нуженъ для жизни, но мнѣ также извѣстно, что того чувства, какое Анеля питаетъ ко мнѣ, она даже сама предъ собой никогда не назоветъ иначе, какъ великою любовью сестры къ брату. Безразлично, чѣмъ оно будетъ въ сущности, но для нея оно навсегда останется идеальной привязанностью одной души къ другой душѣ, то есть, чѣмъ-то дозволеннымъ, такъ какъ возможно даже между родственниками. Если бы было иначе, она тотчасъ начала бы съ собой борьбу.

Въ этомъ отношеніи у меня нѣтъ никакихъ иллюзій. Я уже говорилъ, что эти отношенія стали ей дорогими съ того времени, когда она сдѣлала ихъ чистыми и невинными. Пусть же такими они и останутся, лишь бы всегда они были ей дороги.

10 ноября.

Что за фальшивое понятіе, будто способность къ сильнымъ чувствамъ у современныхъ людей уменьшается. Подчасъ я думаю, что наоборотъ. У кого нѣтъ двухъ легкихъ, тотъ тѣмъ сильнѣе дышетъ однимъ, а у насъ отнято все, чѣмъ прежде жилъ человѣкъ, намъ оставлены только нервы, болѣе раздраженные и болѣе впечатлительные, чѣмъ у прежняго человѣка. Это уже другое дѣло, что недостаточное количество

красныхъ шариковъ въ нашей крови будетъ способствовать созданію чувствъ ненормальныхъ и болѣзненныхъ; трагедія человѣческихъ чувствъ отъ этого скорѣе увеличится, чѣмъ уменьшится. Увеличится потому, что прежній человѣкъ въ случаѣ разочарованія въ любви могъ найти утѣшеніе или въ религіи, или въ выполненіи своихъ общественныхъ обязанностей, нынѣшній же человѣкъ уже не находитъ такого утѣшенія. Прежде въ чувственныхъ порывахъ сдерживающимъ началомъ былъ характеръ, въ настоящее время сильные характеры исчезаютъ и должны исчезать вслѣдствіе скептицизма, который является въ нашей психикѣ элементомъ разлагающимъ. Онъ, какъ бацилла, источилъ человѣческую душу смягчилъ ее и совершенно ослабилъ силу ея сопротивленія прихотямъ нервовъ, которые въ довершеніе ко всему больны. Современный человѣкъ сознаетъ все, но ничему не умѣетъ помочь.

11 ноября.

Отъ Кромицкаго сравнительно давно уже не было никакого извѣстія, даже Анеля не получила письма. Я послалъ ему телеграмму, сообщая, что адвокатъ отправленъ, а затѣмъ письмо, но послалъ почти наугадъ, такъ какъ трудно знать, гдѣ онъ въ данное время находится. И письмо, и телеграмма со временемъ дойдутъ, но, положительно, не знаю когда. Старый Хвастовскій писалъ сыну; быть можетъ, ему раньше что-нибудь сообщатъ.

Я теперь по цѣлымъ часамъ бываю съ Анелей, и никто мнѣ въ этомъ не мѣшаетъ, такъ какъ мать ея, которой мы объяснили настоящее положеніе дѣлъ, сама просила, чтобы какъ-нибудь подготовить Анелю къ извѣстію, которое она не сегодня-завтра можетъ получить отъ самого Кромицкаго. Я уже высказалъ Анелѣ мои опасенія относительно результата предпріятій ея мужа, но сдѣлалъ это въ формѣ своихъ личныхъ предположеній. Я говорилъ ей, что даже окончательное разореніе Кромицкаго не должно ее особенно тревожить, и что въ извѣстномъ отношеніи это былъ бы самый благополучный исходъ, потому что тогда наступилъ бы для нея періодъ настоящаго спокойствія. Кромѣ того, я совершенно успокоилъ ее относительно моихъ денегъ, данныхъ Кромицкому, и утвердилъ въ убѣжденіи, что онѣ ни въ какомъ случаѣ пропасть не могутъ, и, въ концѣ концовъ, намекнулъ о планахъ тети. Анеля выслушала меня сравнительно спокойно или, по крайней мѣрѣ, безъ волненія. Ее преимущественно ободряетъ то, что она чувствуетъ около себя любящія сердца, а, вѣдь, въ этомъ у нея нѣтъ недостатка. Я люблю ее теперь невыразимо, и она это видитъ, она читаетъ это въ моемъ сердцѣ. Когда мнѣ удается ее развеселить, вызвать улыбку на ея похудѣвшемъ лицѣ, меня охватываетъ необыкновенная радость, которая переполняетъ все мое существо. Въ настоящее время въ моей любви къ ней есть нѣчто въ родѣ слѣпой привязанности слуги къ обожаемой имъ госпожѣ. Я иногда чувствую неудержимую потребность унизить себя передъ ней. Мнѣ постоянно кажется, что мое настоящее мѣсто—у ея ногъ. Она уже не можетъ для меня подурнѣть, измѣниться, постарѣть, я все приму, на все соглашусь и все-таки буду обожать.

12 ноября.

Кромицкаго уже нѣтъ въ живыхъ! Катастрофа обрушилась на насъ

какъ ударъ молніи. Да хранитъ Богъ Анелю отъ ухудшенія въ состояніи ея здоровья! Сегодня пришла телеграмма съ извѣстіемъ, что, обвиненный въ мошенничествѣ, онъ, чтобы избѣгнуть позора и тюрьмы, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Я скорѣе ожидалъ бы всего, чего угодно, только не этого... Кромицкій не живетъ! Анеля свободна!—но какъ это перенесетъ? Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ я перечитываю телеграмму, и мнѣ кажется, что это сонъ. И не смѣю глазамъ вѣрить, хотя фамилія «Хвастовскій», подписанная на телеграммѣ, является для меня ручательствомъ, что это правда. Я, положимъ, зналъ, что спекуляціи Кромицкаго должны дурно кончиться, но не предполагалъ, чтобы конецъ былъ такой внезапный и такой трагическій. Нѣтъ! ничего подобнаго у меня даже не промелькнуло въ головѣ, и потому извѣстіе это ошеломило меня, точно ударъ обухомъ по головѣ. Если теперь у меня не помутится умъ, то, значитъ, я уже все выдержу. Вѣдь, уже одинъ разъ я и такъ помогъ Кромицкому; въ настоящее время послалъ для его спасенія адвоката, слѣдовательно, совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ. Правда, было время, когда я отъ всей души желалъ ему смерти, но тѣмъ именно бо́льшая заслуга съ моей стороны, что, не смотря на все, я его старался спасти. А тутъ смерть пришла не только не вслѣдствіе моихъ усилій, но вопреки имъ, и Анеля свободна! Странное дѣло: я все это знаю, но еще недостаточно въ это вѣрю. Вѣдь, Кромицкій былъ для меня человѣкомъ постороннимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей помѣхой въ жизни. Помѣха эта уже не существуетъ, слѣдовательно, радость моя должна быть безгранична, и, однако, я не могу и не смѣю ее ощущать, быть можетъ, потому, что съ ней соединенъ страхъ за Анелю. По полученіи телеграммы первой моей мыслью было: что станется съ Анелей? Какъ она перенесетъ такое извѣстіе? Да хранитъ ее Богъ! Она не любила этого человѣка, но при настоящихъ условіяхъ потрясеніе можетъ ее убить. У меня мелькаетъ мысль о томъ, чтобы ее куда-нибудь увезти.

. . . . . .

Счастье еще, что телеграмму вручили мнѣ въ моей комнатѣ, а не въ столовой и не въ залѣ. Не знаю, удалось ли бы мнѣ совладать съ собой настолько, чтобы не обнаружить какимъ-нибудь образомъ испытаннаго впечатлѣнія. Въ теченіе нѣкотораго времени я не могъ придти въ себя; затѣмъ пошелъ къ тетѣ, но и ей не показалъ телеграммы, а только сказалъ:

— Я получилъ очень дурное извѣстіе о Кромицкомъ.

— Что? что случилось?—спросила она.

— Вы только, тетя, не пугайтесь.

— Онъ уже подъ судомъ?.. да?..

— Нѣтъ... нѣчто худшее... то есть, онъ уже подъ судомъ, но не подъ человѣческимъ.

Тетя сильно поблѣднѣла.

— Что ты говоришь, Леонъ?

Тогда я показалъ ей телеграмму. Тетя, прочитавъ ее, не отвѣтила ни слова, а только пошла къ стоявшему въ углу на возвышеніи распятію, склонила предъ нимъ колѣни и, закрывъ лицо руками, стала молиться.

Спустя немного, она встала и проговорила:

— Анелю въ ея положеніи это извѣстіе можетъ убить. Что дѣлать?

— Она ничего не должна знать до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени.

— Какъ ее уберечь? Всѣ будутъ объ этомъ говорить, будетъ также напечатано въ газетахъ... Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ ее уберечь?

— Дорогая тетя, — сказалъ я, — есть только одно средство. Надо пригласить доктора и сказать ему, чтобы онъ предписалъ Анелѣ немедленно уѣхать куда-нибудь, будто бы для поправленія здоровья. Въ такомъ случаѣ я увезу ее и ея мать въ Римъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, у меня собственный домъ. Тамъ я уберегу ее отъ всякаго извѣстія. Здѣсь это будетъ очень затруднительно, особенно, когда узнаетъ прислуга.

— Но возможно ли въ ея положеніи уѣхать?

— Не знаю; это долженъ рѣшить докторъ. Я сегодня же приглашу его.

Тетя согласилась съ моимъ проектомъ. Дѣйствительно, мы ничего лучшаго не могли бы придумать и рѣшили довѣрить нашу тайну матери Анели, чтобы она оказала содѣйствіе въ осуществленіи нашего плана. Я строжайше наказалъ прислугѣ, чтобы она не приближалась къ молодой барынѣ ни съ какими извѣстіями, а газеты, телеграммы и всякія письма, адресованныя на чье бы то ни было имя, уносила бы въ мою комнату.

Тетя въ теченіе долгаго времени была какъ бы оглушена. По ея мнѣнію, самоубійство является однимъ изъ самыхъ большихъ преступленій, какія только человѣкъ можетъ совершить, а потому къ чувству состраданія, какое она питаетъ къ покойному, примѣшивается въ ней возмущеніе. Она ежеминутно повторяетъ: «Онъ не имѣлъ права такъ поступить, зная, что вскорѣ будетъ отцомъ». Я съ своей стороны допускаю, что Кромицкій могъ не получить объ этомъ извѣстія. Въ послѣднее время ему, навѣрно, приходилось съ лихорадочной поспѣшностью переѣзжать съ мѣста на мѣсто, какъ того требовали его спѣшныя и запутанныя дѣла. Я не смѣю его осуждать и скажу откровенно, что не могу отказать ему въ нѣкоторомъ даже уваженіи. Есть люди, справедливо обвиненные въ злоупотребленіяхъ и мошенничествахъ, которые, однако, сидя въ тюрьмѣ, пьютъ шампанское и сравнительно весело проводятъ время. Онъ до этого не дошелъ, и предпочелъ оправдать себя отъ несправедливыхъ обвиненій смертью. Быть можетъ, Кромицкій помнилъ и о томъ, кто онъ. Я менѣе сочувствовалъ бы ему, если бы онъ лишилъ себя жизни только вслѣдствіе разоренія, но даже и въ такомъ случаѣ съ него и этого было бы достаточно. Мнѣ вспоминаются высказанныя имъ въ Гаштейнѣ воззрѣнія. Если моя любовь неврозъ, то точно также была неврозомъ и его денежная горячка. Когда его планы рухнули, когда эта основа его жизни исчезла, онъ увидѣлъ предъ собой точно такую же бездну и пустоту, какая открылась предо мной въ Берлинѣ. Что же тогда могло его привязывать къ жизни? Мысль объ Анелѣ? Но, вѣдь, Кромицкому было извѣстно, что мы не откажемъ ей въ помощи и опекѣ, а притомъ, кто знаетъ? быть можетъ, онъ также чувствовалъ, что не очень любимъ. Во всякомъ случаѣ, я считалъ этого человѣка ниже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, никакъ не ожидалъ отъ него такой энергіи, и признаюсь, что былъ къ нему несправедливъ . . . . . .

Я уже закрылъ дневникъ, но опять къ нему возвращаюсь, потому что не могу даже думать о снѣ и, кромѣ того, когда записываю свои впечатлѣнія, то мысли мои становятся какъ-то спокойнѣе. Анеля свободна, Анеля свободна!—я повторяю эти слова и до сихъ поръ еще не охватываю всего ихъ значенія. Чувствую, что могъ бы обезумѣть отъ радости, и вмѣстѣ съ тѣмъ мной овладѣваетъ непонятная боязнь. Неужели для меня, на самомъ дѣлѣ, начнется новая жизнь? Что это такое? Западня ли это судьбы, или на меня снисходитъ милосердіе Божіе за всѣ перенесенныя мною ужасныя страданія и за мою безграничную любовь? А, быть можетъ, существуетъ какой-нибудь законъ бытія, какая-нибудь мистическая сила, которая отдаетъ женщину наиболѣе любящему ее мужчинѣ для того, чтобы воплощался вѣковѣчный всетворческій принципъ, не знаю! Въ данный моментъ испытываю лишь такое чувство, точно меня и всѣхъ окружающихъ меня несетъ неизмѣримая волна, поглощающая всю человѣческую волю и всѣ человѣческія усилія...

Я опять прервалъ свой дневникъ, такъ какъ подъѣхалъ экипажъ, посланный за докторомъ. Докторъ не пріѣхалъ. У него сегодня операція, и онъ обѣщалъ быть завтра утромъ. Мы его заставимъ поселиться у насъ въ Плошовѣ до нашего отъѣзда, а затѣмъ проводить насъ въ Римъ. Тамъ уже можно будетъ найти другихъ докторовъ...

Поздняя ночь... Анеля спитъ и даже не чуетъ, что ее ожидаетъ, какая перемѣна произошла въ ея судьбѣ... Лишь бы только она принесла ей счастье и спокойствіе! Она этого заслужила. Быть можетъ, это на нее снисходитъ милосердіе Божіе?..

Нервы мои до такой степени возбуждены, что, когда съ усадьбы ко мнѣ доносится лай собаки или звуки трещотки ночного сторожа, мнѣ чудится, будто опять приближается какая-нибудь вѣсть и хочетъ проникнуть прямо къ Анелѣ.

Я, однако, стараюсь себя успокоить и объясняю себѣ, что эта странная тревога, которая такъ охватываетъ меня, вытекаетъ главнымъ образомъ изъ опасенія за Анелю, и что если бы не ея болѣзнь, то во мнѣ не было бы такого безпокойства. Часто повторяю себѣ, что эти опасенія минуютъ, какъ все минуетъ, и потомъ настанетъ новая жизнь.

Мнѣ приходится освоиться съ мыслью, что Кромицкаго уже нѣтъ на свѣтѣ. Катастрофа эта принесетъ мнѣ счастье, о какомъ я не смѣлъ мечтать, но въ человѣкѣ существуетъ извѣстное моральное чувство, которое запрещаетъ радоваться смерти даже врага. Притомъ, въ самой смерти заключается нѣкоторая угроза. Возлѣ трупа люди всегда стараются говорить тише... Вотъ отчего и я не смѣю радоваться...

13 ноября.

Всѣ мои планы рухнули. Утромъ пріѣхалъ докторъ и, осмотрѣвъ Анелю, заявилъ, что о путешествіи не можетъ быть и рѣчи, и что оно было бы прямо опасно для жизни Анели. Въ ея положеніи замѣчается какая-то неправильность. Какая мука слушать этотъ спеціальный языкъ, въ которомъ каждый терминъ точно угрожаетъ смертью любимому существу! Я объяснилъ доктору наше положеніе, на что онъ отвѣтилъ, что по его мнѣнію, изъ двухъ опасностей надо выбрать меньшую и менѣе вѣрную.

Что меня взволновало и болѣе всего обезпокоило, такъ это его совѣтъ, чтобы послѣ соотвѣтственной подготовки сказать Анелѣ о смерти мужа. Увы, я не смогу не признать, что разсужденія его были до нѣкоторой степени правильны. Онъ сказалъ такъ: «Если вы, господа, вполнѣ увѣрены, что сумѣете сдѣлать такъ, чтобы до госпожи Кромицкой не дошло извѣстіе еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то, несомнѣнно, лучше ничего не говорить, но если не ручаетесь сохранить отъ нея тайну, въ такомъ случаѣ лучше осторожно подготовить и, наконецъ, сказать, такъ какъ, если она узнаетъ внезапно, то можетъ случиться другая катастрофа».

Какъ тутъ быть? Дѣлать нечего, придется устроить вокругъ Плошова карантинъ; я не пропущу къ ней ни человѣка, ни письма, ни газеты, научу прислугу, что говорить и даже какъ смотрѣть. Ибо какое впечатлѣніе производятъ такого рода извѣстія даже послѣ соотвѣтственной подготовки, у меня былъ наглядный примѣръ на матери Анели, которой мы, въ концѣ концовъ, должны были сказать правду. Она два раза падала въ обморокъ, потомъ съ ней начались спазмы, которые чуть не привели меня въ бѣшенство, такъ какъ мнѣ казалось, что всѣ въ домѣ слышатъ. А, вѣдь, она не особенно любила своего зятя. Но ее главнымъ образомъ испугала мысль объ Анелѣ.

Я, какъ могъ, возставалъ противъ совѣта доктора, и мнѣ кажется, что никогда не соглашусь послѣдовать его совѣту. Вѣдь, нельзя же мнѣ сказать, что Анеля не любила мужа, и именно поэтому ее тѣмъ сильнѣе должно взволновать извѣстіе объ его смерти.

Здѣсь уже дѣло не идетъ о горѣ, какое чувствуется послѣ смерти дорогого существа, здѣсь дѣло идетъ о томъ, что Анеля будетъ себя упрекать за то, что если бы она болѣе любила своего мужа, то для него жизнь была бы дороже. Пустые, слабые, несправедливые упреки, такъ какъ то, къ чему можно принудить себя силою воли, она сдѣлала, исполнила свой долгъ, противостояла моей любви и осталась чистой и вѣрной. Но надо знать эту душу, полную всякихъ щепетильностей, чтобы понять, какъ она будетъ терзать себя и какъ тотчасъ начнетъ подозрѣвать, не отвѣчаетъ ли эта смерть какимъ-нибудь скрытымъ въ глубинѣ ея души желаніямъ свободы, которыхъ она не смѣла высказать. У меня волосы подымаются дыбомъ, когда объ этомъ думаю, такъ какъ, вѣдь, дѣйствительно, смерть эта открываетъ предъ ней новую жизнь, слѣдовательно, это будутъ два потрясенія, два громовыхъ удара, которые поразятъ эту бѣдную, дорогую голову... Этого не понимаютъ ни докторъ, ни тетя, ни мать Анели.

Нѣтъ, она ничего не должна знать до конца.

Какое несчастье, что она не можетъ уѣхать! Ибо здѣсь трудно, почти невозможно будетъ сохранить въ тайнѣ это извѣстіе. Здѣсь она замѣтитъ по выраженію лицъ, что что-то произошло, какое-нибудь неосторожное слово или даже взглядъ можетъ обратить ея вниманіе и возбудить разныя предположенія. Сегодня, напримѣръ, ее удивилъ внезапный пріѣздъ доктора, и мнѣ сказала ея мать, что она стала допытываться, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и не угрожаетъ ли ей что-нибудь? Къ счастью, присутствовавшая при этомъ тетя нашлась и отвѣтила ей, что при подобной

болѣзни обыкновенно время отъ времени надо совѣтоваться съ докторомъ. Анеля до того неопытна; что сразу повѣрила.

Какимъ, напримѣръ, образомъ я сумѣю сдѣлать такъ, чтобы у слугъ не было таинственнаго выраженія физіономій? Они уже о чемъ-то догадываются, именно вслѣдствіе моихъ предостереженій и приказовъ, и, въ концѣ концовъ, навѣрно, узнаютъ все.

Однѣ уже частыя телеграммы невольно могутъ обратить вниманіе. Сегодня пришла вторая телеграмма отъ Хвастовскаго изъ Баку, въ которой онъ спрашиваетъ, что дѣлать съ прахомъ покойнаго. Я отвѣтилъ, что временно похоронить его на мѣстѣ. Кромѣ того, я просилъ стараго Хвастовскаго, чтобы онъ поѣхалъ въ Варшаву и переводомъ по телеграфу послалъ деньги, необходимыя на расходы. Но не знаю даже, можно ли такимъ образомъ выслать деньги изъ Варшавы въ Баку.

13 ноября.

Сегодня я просматривалъ вчерашнія газеты. Въ двухъ уже были телеграммы о смерти Кромицкаго. Если эти телеграммы присланы молодымъ Хвастовскимъ, то съ его стороны это безуміе. Прислуга уже знаетъ обо всемъ. Лица у нихъ такія, что меня даже удивляетъ, что Анеля не обратила на нихъ вниманія. Во время обѣда она была какъ-то необыкновенно оживлена и весела. Меня ободряетъ только присутствіе доктора. Смерть Кромицкаго его ничуть не интересуетъ, поэтому онъ, какъ можетъ, развлекаетъ Анелю, шутитъ съ нею и учитъ ее играть въ шахматы. Зато мать Анели приводитъ меня въ отчаяніе. По мѣрѣ того, какъ Анеля становилась все болѣе веселой, мать ея, наоборотъ, дѣлалась все болѣе пасмурной. По этому поводу я потомъ довольно рѣзко ее упрекнулъ.

14 ноября.

Мы всѣ теперь въ Варшавѣ. По совѣту доктора Анелѣ было сказано, что у насъ въ Плошовѣ будутъ произведены кой-какія передѣлки, вслѣдствіе чего необходимо выѣхать оттуда на нѣсколько недѣль. Дорога ее сильно утомила. Погода скверная. Но я доволенъ, что мы переѣхали, такъ какъ болѣе увѣренъ въ прислугѣ. Въ домѣ небольшой безпорядокъ, потому что распаковываются недавно привезенныя изъ Италіи картины. Анеля, не смотря на усталость, пожелала ихъ осмотрѣть, поэтому я игралъ при ней роль чичероне. Между прочимъ я сказалъ ей, что самая пріятная для меня мечта—быть когда-нибудь ея проводникомъ по Риму, она же отвѣтила мнѣ, какъ бы съ оттѣнкомъ грусти:

— Я также часто думаю о Римѣ, но иногда мнѣ кажется, что мнѣ уже никогда тамъ не быть.

Сердце мое сжалось отъ боли, такъ какъ теперь я боюсь всего, даже предчувствій, и въ любомъ словѣ склоненъ видѣть предвѣщаніе. Я, однако, весело отвѣтилъ:

— Даю тебѣ торжественное обѣщаніе, что ты поѣдешь, и притомъ надолго.

Удивительно, какъ скоро человѣческая натура примѣняется къ каждому положенію и вступаетъ въ свои новыя права: я уже невольно считаю Анелю своею и берегу ее, какъ свою собственность.

Докторъ, однако, былъ правъ. Мы хорошо сдѣлали, переѣхавъ въ

Варшаву. Прежде всего здѣсь легче получить всякую помощь, во-вторыхъ, тутъ можно не принимать никакихъ визитовъ; въ Плошовѣ, какъ въ деревнѣ, это было бы невозможно, и туда разные знакомые, несомнѣнно, не замедлили бы явиться съ утѣшеніемъ. Наконецъ, въ Плошовѣ уже создалась какая-то таинственная мрачная атмосфера, въ которой мои усилія придать разговорамъ веселый тонъ стали чѣмъ-то рѣзкимъ, бросающимся въ глаза. Я, конечно, допускаю, что мы не избѣгнемъ этого настроенія и въ Варшавѣ, но тутъ, по крайней мѣрѣ, умъ Анели будетъ занятъ тысячью тѣхъ мелкихъ впечатлѣній, которыя доставляетъ городская жизнь, тогда какъ въ Плошовѣ ея вниманіе невольно было бы обращено на всякія перемѣны, какія она могла бы замѣтить въ окружающихъ.

На улицу Анеля никогда не будетъ выходить одна и вообще будетъ выходить мало. Правда, докторъ предписалъ ей движеніе, но я для этого уже придумалъ средство. За конюшнями у насъ есть довольно обширный садъ съ деревянной галлереей у стѣны. Я велю вставить стекла въ этой галлереѣ, и вотъ зимою, а особенно во время непогоды, она будетъ для Анели мѣстомъ прогулокъ.

Однако, какъ мучителенъ этотъ вѣчный страхъ, который тяготѣетъ надъ нами!

15 ноября.

Какъ это случилось? почему? откуда и какимъ образомъ у нея могло явиться подозрѣніе? положительно, не понимаю. И, однако, явилось. Нынче, за завтракомъ Анеля внезапно подняла глаза и, пристально посматривая на насъ по очереди, сказала:

— Не понимаю, что это такое, но мнѣ кажется, будто вы что-то скрываете отъ меня.

Я почувствовалъ, что блѣднѣю, мать Анели ужасно смутилась, одна добрая, милая тетя не растерялась и тотчасъ отвѣтила:

— Какъ же, какъ же, мы до сихъ поръ скрывали, что считаемъ тебя дурочкой, но далѣе скрывать этого не будемъ. Леонъ вчера говорилъ, что ты никогда не научишься играть въ шахматы, такъ какъ ты совершенно неспособна къ разнымъ комбинаціямъ.

Я, овладѣвъ собой, воспользовался этой темой, и сталъ смѣяться и шутить. Анеля ушла какъ будто успокоенная, однако, я былъ увѣренъ, что намъ не удалось совершенно разсѣять ея подозрѣнія, и что моя веселость могла показаться ей искусственной. И тетя, и мать Анели были очень встревожены, а мной овладѣло отчаяніе, такъ какъ я сразу увидѣлъ всю безплодность нашихъ усилій сохранить это извѣстіе втайнѣ. Мнѣ кажется, что въ данный моментъ Анеля подозрѣваетъ насъ лишь въ томъ, что мы скрываемъ отъ нея какія-нибудь дурныя вѣсти о денежныхъ дѣлахъ ея мужа, но что будетъ, если черезъ недѣлю, двѣ, мѣсяцъ, она не получитъ никакого письма отъ Кромицкаго? Что мы тогда ей скажемъ? чѣмъ объяснимъ его молчаніе?

Около полудня пришелъ докторъ. Мы тотчасъ разсказали ему, что произошло, онъ же снова повторилъ свое прежнее мнѣніе, то-есть, что надо сказать Анелѣ всю правду.

— Такъ какъ вполнѣ естественно,—сказалъ онъ,—что госпожа Кро-

мицкая, не получая отъ мужа писемъ, вскорѣ начнетъ безпокоиться, и у нея явятся самыя худшія предположенія.

Но я постарался отдалить еще эту крайность и сказалъ, что въ худшемъ случаѣ само безпокойство подготовитъ ее къ извѣстію.

— Да,—отвѣтилъ докторъ,—но продолжительное безпокойство дурно подготовитъ организмъ къ перенесенію родовъ, которые и при благопріятныхъ условіяхъ врядъ ли будутъ особенно легки.

Быть можетъ, это правда, и однако, во мнѣ сердце, положительно, замираетъ отъ страха. Всему есть предѣлъ, а, слѣдовательно, и человѣческому мужеству. Во мнѣ что-то отчаянно противится этому, и я боюсь какого-то голоса, который говоритъ мнѣ: нѣтъ! Между тѣмъ дамы почти уже рѣшились сказать ей всю правду. Я не хочу въ это вмѣшиваться. Право, я не имѣлъ понятія о томъ, что человѣкъ можетъ до такой степени бояться чего-нибудь. Но, вѣдь, въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о ней.

16 ноябр.

До вечера было хорошо, вечеромъ же внезапно началось кровотеченіе. Я, вѣдь, говорилъ!.. Три часа пополуночи. Анеля теперь уснула. При ней докторъ. Я долженъ быть спокойнымъ, долженъ. Для нея необходимо, чтобы кто-нибудь въ домѣ не растерялся. Я долженъ!..

17 ноября.

Докторъ говорилъ, что первый періодъ болѣзни развивается правильно. Что это значитъ? Не означаетъ ли это, что она умретъ?

Горячка незначительна. Такъ, говорятъ, всегда бываетъ въ первые два дня. Анеля въ полномъ сознаніи, ощущаетъ общее разстройство и слабость, но не испытываетъ большого страданія. Однако, докторъ предупредилъ насъ, что температура можетъ дойти до сорока градусовъ: послѣдуютъ сильныя боли, обмороки, опухоль ногъ... Вотъ что онъ намъ обѣщалъ!

Пусть же послѣдуетъ также конецъ міра.

О, Боже! если Ты этимъ хочешь покарать меня, то клянусь, что уѣду, откажусь отъ счастья видѣть ее когда бы то ни было, — только спаси ее.

18 ноября.

До сихъ поръ я еще не былъ у нея. Сторожу у дверей ея комнаты, но не вхожу, такъ какъ боюсь, что видъ мой ухудшитъ ея положеніе и усилитъ горячку.

По временамъ у меня мелькаетъ страшная мысль, что я могу помѣшаться и убить Анелю какимъ-нибудь безумнымъ порывомъ. Вотъ отчего я принуждаю себя писать,—и буду писать постоянно, такъ какъ мнѣ кажется, что такимъ образомъ я овладѣваю собой и сдерживаю волнующія меня чувства.

19 ноября.

Сквозь двери мнѣ послышался ея голосъ и стоны. Въ этой болѣзни страданія ужасны. По мнѣнію доктора, это обычное явленіе, но, по моему мнѣнію, это слѣпая, безсмысленная жестокость! Тетя говорила, что она безпрестанно простираетъ руки, обнимаетъ за шею то ее, то мать, и про-

ситъ спасти ее. А между тѣмъ тутъ ничѣмъ нельзя помочь, хотя бы съ отчаянія царапать стѣны

Обмороки все повторяются. Боли усиливаются. Ноги ея совершенно опухли.

Докторъ ничего не высказываетъ категорически и говоритъ, что все можетъ принять и дурной, и хорошій оборотъ. Это я зналъ и безъ него! Температура достигла сорока градусовъ. Она все время въ сознаніи.

20 ноября.

Я уже знаю. Никто мнѣ этого не сказалъ, и тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что онъ умретъ. Я вполнѣ владѣю собой и даже спокоенъ. Анеля умретъ! Нынѣшней ночью, когда я сидѣлъ у ея дверей, мнѣ стало это такъ ясно, какъ то, что въ данный моментъ вижу солнце. Въ извѣстномъ состояніи человѣкъ видитъ то, что другимъ людямъ даже не снится. Подъ утро со мной совершилось что-то такое странное, необыкновенное, и я сразу понялъ эту необходимость, неизбѣжность, точно кто-нибудь снялъ завѣсу съ моихъ глазъ и съ моего мозга. Да, ничто въ мірѣ не можетъ уже спасти Анелю. Мнѣ это лучше извѣстно, чѣмъ всѣмъ докторамъ.

И именно потому я уже не терзаюсь, не прихожу въ отчаяніе. Развѣ это поможетъ ей или мнѣ? Надъ нами уже произнесенъ приговоръ. Я былъ бы слѣпъ, если бы не видѣлъ, что какая-то непонятная сила, могучая, какъ весь міръ, раздѣляетъ насъ. Что это за сила и какъ называется, не знаю. Знаю только одно, что если бы я склонилъ колѣни и бился бы головой о полъ и молился бы, и умолялъ, то, быть можетъ, горы сдвинулъ бы своими мольбами, но ея не умолю...

Такъ какъ теперь Анелю смогла бы отнять у меня только смерть, то она должна умереть.

Все это, можетъ быть, очень логично, только я не соглашусь на разлуку

21 ноября.

Сегодня Анеля выразила желаніе видѣть меня. Тетя увела всѣхъ изъ комнаты, полагая, что больная хочетъ поручить мнѣ свою мать, и такъ оказалось въ дѣйствительности. Я видѣлъ мою дорогую Анелю, эту душу моей жизни. Все время она въ полномъ сознаніи; глаза ея блестятъ, умъ возбужденъ. Боли почти утихли. Всѣ слѣды ея прежняго положенія исчезли, и лицо ея теперь, положительно, ангельское. Анеля улыбнулась мнѣ, я, въ свою очередь, отвѣтилъ ей улыбкой. Со вчерашняго дня знаю, что насъ ожидаетъ, и мнѣ кажется, будто я уже умеръ, и потому совершенно владѣю собой. Взявъ меня за руку, она стала говорить о матери, затѣмъ долго глядѣла на меня, точно желая наглядѣться на меня, прежде чѣмъ глаза ея угаснутъ на вѣки, и, наконецъ, сказала:

— Не бойся, Леонъ, я чувствую себя значительно лучше, только на всякій случай хочу, чтобы тебѣ послѣ меня что-нибудь осталось... Быть можетъ, мнѣ не слѣдуетъ дѣлать такихъ признаній тотчасъ послѣ смерти мужа, но такъ какъ я могу умереть, то теперь хочу сказать тебѣ, что я тебя очень, очень любила.

Я ей отвѣтилъ: «Знаю объ этомъ, моя дорогая!» Я держалъ ее за руки, и мы долго смотрѣли другъ другу въ глаза. Она впервые въ жизни

улыбалась мнѣ, какъ невѣста. А я тоже обручался съ нею, и нашъ союзъ былъ прочнѣе всякихъ земныхъ союзовъ. Намъ было хорошо въ эту минуту, хотя надъ нами царила печаль, могучая и неумолимая, какъ смерть. Я оставилъ ее лишь тогда, когда намъ дали знать, что пришелъ священникъ. Еще передъ этимъ Анеля просила меня не тревожиться по поводу прибытія священника, такъ какъ она пригласила его не потому, что ожидаетъ смерти, но оттого, что при каждой болѣзни лучше быть спокойной.

Послѣ ухода священника я вернулся къ ней. Послѣ столькихъ безсонныхъ ночей она чувствовала себя очень усталой и потому вскорѣ уснула. Въ эту минуту спитъ. Когда Анеля проснется, я уже не отойду отъ нея, развѣ если она снова заснетъ.

22 ноября.

Улучшеніе значительное. Мать Анели внѣ себя отъ радости. Я одинъ изъ всей семьи знаю, что это такое. Доктору не зачѣмъ мнѣ было говорить, что наступаетъ параличъ кишокъ.

23 ноября.

Сегодня утромъ Анеля умерла.

. . . . . .

. . . . . .

Римъ, 5 декабря

Я могъ быть твоимъ счастьемъ, но, увы, сталъ несчастьемъ. Да, я причина твоей смерти, ибо, если бы я былъ инымъ человѣкомъ, если бы не былъ лишенъ всѣхъ жизненныхъ основъ, Тебя не постигли бы тѣ потрясенія, которыя такъ безвременно убили Тебя.

Я это понялъ въ послѣднія минуты твоей жизни, понялъ вполнѣ и поклялся послѣдовать за Тобой. Я поклялся въ этомъ, обручаясь съ Тобою у твоего смертнаго одра, и теперь мой первый долгъ быть возлѣ Тебя.

Твоей матери оставляю мое состояніе, тетѣ—Христа, въ любви къ которому она обрѣтетъ утѣшеніе на закатѣ своихъ дней, а самъ слѣдую за Тобой, ибо долженъ слѣдовать.

Думаешь ли Ты, что я не страшусь смерти. Страшусь, ибо не знаю, что тамъ есть, и вижу только безпредѣльную тьму, предъ которой въ ужасѣ содрогается моя душа. Не знаю, небытіе ли тамъ, или какое-нибудь бытіе безъ пространства и времени, иль, быть можетъ, въ этомъ таинственномъ мракѣ какой-нибудь междупланетный вихрь носитъ духовныя монады съ звѣзды на звѣзду и воплощаетъ ихъ въ новыя существа, не знаю, царитъ ли тамъ вѣчная тревога или невозмутимый покой, столь совершенный и безконечный, какой могутъ дать только Всеблагость и Всемогущество.

Но, если Ты угасла изъ-за моего «не знаю», то какъ же мнѣ остаться здѣсь и жить?

И вотъ, чѣмъ болѣе не знаю, тѣмъ болѣе не могу отпустить туда Тебя одну, не могу, моя Анеля, и иду.

Погрузимся же вмѣстѣ въ небытіе или пойдемъ вмѣстѣ по одному пути, а здѣсь, гдѣ мы столько выстрадали, пусть послѣ насъ останется только молчаніе.

1000/

6

PG 7158 .S4 417 1902 C.1
Bez dogmata :
Stanford University Libraries
3 6105 040 975 968

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

AUG 18 1998

JUN 10 1998

STANFORD UNIVERSITY LIBRA
STANFORD CALIFORNIA 94305-